The Institute of Mediaeval
LIBRARY
Toronto, Ontario

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/p1knigadliachtenii02vino

III. 10.

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ ПО ИСТОРІИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

СОСТАВЛЕННАЯ КРУЖКОМЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРА

П. Г. Виноградова.

Удостоена большой преміи имени Императора Петра Великаго.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ (первая половина).

Изданіе третье.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., соб. домъ.
1903.

The Institute of Mediaeval Studies
LIBRARY
JUN 9 1989
Toronto, Ontario

XIX.

Подготовка феодализма.

Европа I в. и Европа XI вѣка.

Чтобы судить о великихъ историческихъ перемѣнахъ, лучше всего сравнить состоянія одного и того же общества въ періоды, отдѣленные другъ отъ друга большимъ промежуткомъ времени. Европа около Рождества Христова и Европа тысячнаго года представляютъ едва ли меньшій контрастъ, чѣмъ общество тысячнаго года и общество нашего времени. Съ одной стороны, могучая, почти всемірная монархія, подъ защитой которой разноплеменныя области входятъ въ живое общеніе другъ съ другомъ, обмѣниваются произведеніями и идеями, вырабатываютъ общую гражданственность, общее право, общую духовную культуру. Съ другой—безчисленное множество мѣстныхъ кружковъ — бароній, духовныхъ княжествъ, городовъ; каждый изъ этихъ кружковъ обособляется какъ въ политическомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи; а духовная жизнь, хотя и отличается однообразіемъ, но поражена скудостью и сведена на поддержаніе нѣсколькихъ простѣйшихъ идей. Вмѣсто подданства всѣхъ единой власти и закону—сложная сѣть вассальныхъ отношеній, основанныхъ на личной вѣрности; вмѣсто равенства гражданъ въ правахъ — цѣлый рядъ сословныхъ ступеней, завершающихся рыцарскою аристократіей. Противоположность рѣз-

---

Пособія. *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, II, III, IV; *Roth*, Feudalität und Unterthanverband; *Fustel de Coulanges*, Histoire des institutions de la France; *Duruy*, Histoire des Romains, VI, VII; *Burckhardt*, Das Zeitalter Constantins; *Gröber*, Grundriss der Romanischen Philologie; *Mommsen* въ Hermes, XXIV; *Blumenstock*, Entstehung des deutschen Immobiliareigenthums; *Brunner*, Deutsche Rechtsgeschichte; Виноградовъ, Происхожденіе феодализма въ лангобардской Италіи.

кая, а между тѣмъ путь отъ одного состоянія къ другому—прямой, и переходы на этомъ длинномъ пути постепенны и едва замѣтны.

При изученіи этихъ переходовъ прежде всего возникаетъ вопросъ—почему остановилось движеніе впередъ, почему общественное совершенствованіе замѣнилось распаденіемъ государства и культуры? А къ этому первому вопросу примыкаютъ другіе: съ какихъ поръ начинается упадокъ, не слѣдуетъ ли искать его первыхъ признаковъ еще въ римской имперіи, задолго до побѣды варваровъ? Нѣтъ надобности въ настоящемъ случаѣ перечислять всѣ причины паденія Западной Римской имперіи. Но можно попытаться указать на черты въ бытѣ имперіи, въ которыхъ подготовлялись характерныя явленія среднихъ вѣковъ.

Двѣ стороны романизаціи.

Смыслъ и значеніе имперіи заключались въ томъ, что она съ помощью греко-римской культуры объединила и переработала народности, жившія вокругъ Средиземнаго моря. Но разрѣшеніе этой задачи совершалось, если можно такъ выразиться, процессомъ двухстороннимъ. Кельты, иберы, реты, мавры, иллирійцы, ѳракійцы цивилизовались до извѣстной степени, подвигались впередъ въ хозяйствѣ, гражданскомъ устройствѣ и образованіи; сирійцы, египтяне, племена Малой Азіи измѣнили отчасти свои привычки и воззрѣнія, приноравливаясь къ требованіямъ имперіи. Но если смѣшеніе племенъ и проникновеніе ихъ греко-римскою культурой было, съ одной стороны, великимъ прогрессомъ, то, съ другой, оно составляло регрессъ, сопровождалось пониженіемъ уровня самой преобразующей культуры. Осиливая варварство и инородные элементы, греко-римская культура воспринимала множество чертъ отъ побѣжденныхъ противниковъ, сама понижалась и грубѣла. Процессъ, который совершался въ странахъ, покоренныхъ римлянами, можно сравнить съ тѣмъ, что произойдетъ, если къ жидкостямъ разнаго цвѣта примѣшать яркій окрашивающій составъ. Густая примѣсь передастъ свою окраску всѣмъ веществамъ, которыя придутъ съ нею въ соприкосновеніе; но чѣмъ больше будетъ количество этихъ веществъ, чѣмъ шире разольется новый составъ, тѣмъ слабѣе и блѣднѣе будетъ достигнутая окраска, тѣмъ сильнѣе будутъ сказываться въ ней оттѣнки, напоминающіе первоначальные цвѣта, съ которыми боролась новая примѣсь. Римъ объединилъ Италію, римскія учрежденія и латинскій языкъ вытѣснили этрусскія, самнитскія, оскскія нарѣчія и учрежденія. Италія романизовалась, стала римскою, и въ свою очередь сдѣлалась очагомъ романизаціи для провинцій. Ея населеніе культурно, такъ сказать, пе-

реливалось въ провинціи и преобразовало ихъ на римскій ладъ, такъ что различія въ образованности постепенно сглаживались. Распространеніе однообразной культуры въ политической жизни сопровождалось постепеннымъ уравненіемъ въ правахъ Италіи и провинцій, постепеннымъ уничтоженіемъ италіанскихъ привилегій — своеобразнаго мѣстнаго управленія, свободы отъ военнаго постоя легіоновъ, освобожденія отъ земельнаго налога и т. п. Въ началѣ III-го вѣка Каракалла призналъ равноправность провинціальнаго и италіанскаго населенія, распространивъ права римскаго гражданства на все свободное населеніе имперіи.

Подобная же работа выпала въ восточныхъ провинціяхъ на долю греческаго языка и греческой культуры, но для простоты мы ограничимся разсмотрѣніемъ того, что происходило на западной половинѣ имперіи, въ романизованныхъ земляхъ.

Регрессивное движеніе въ имперіи.

Объединенію и переработкѣ народностей, стоявшихъ первоначально на низкихъ ступеняхъ гражданственности, отвѣчаетъ интересный рядъ явленій во всѣхъ областяхъ жизни, и всѣ эти явленія отмѣчены одною общею чертой съ точки зрѣнія развитія высшей культуры, получившей преобладаніе надъ остальными: они сводятся къ пониженію уровня, къ упрощенію задачъ, къ вырожденію. Этотъ процессъ замаскировывается успѣхами и пріобрѣтеніями, достигнутыми, благодаря политическому прогрессу времени имперіи: созданіе прочной власти, обезпеченіе мира (Pax Romana) и гражданскаго оборота, соединеніе различныхъ странъ въ одну экономическую систему съ свободною торговлей и живымъ обмѣномъ благъ и услугъ, привлеченіе все болѣе и болѣе широкихъ круговъ общества къ гражданственности и къ гражданству— всѣ эти условія произвели благосостояніе, промышленный и духовный прогрессъ, который, повторяю, выкупалъ и прикрывалъ неблагопріятное отягощеніе культурнаго общества варварскими, слабо переработанными элементами. Но довольно скоро, уже въ III вѣкѣ, наступило время политическихъ невзгодъ: вторженія варваровъ, усобицы изъ-за императорской власти, соревнованіе армій и провинцій подорвали порядокъ и благосостояніе и стали угрожать самому существованію имперіи. И вмѣстѣ съ тѣмъ все сильнѣе стали обнаруживаться варваризація римской культуры, регрессивное движеніе во всѣхъ областяхъ, регрессивное движеніе, которое, однако, совсѣмъ не было возвращеніемъ къ старымъ привычкамъ и жизненнымъ условіямъ, а приводило къ образованію новыхъ своеобразныхъ формъ.

Перерожденіе языка.

Достаточно взглянуть хоть на имена римскихъ гражданъ временъ имперіи, чтобы почувствовать, что мы находимся въ очень смѣшанномъ обществѣ. Вмѣсто классическихъ короткихъ фамилій и cognomina передъ нами странныя, нагроможденныя другъ на друга варварскія клички, плохо прикрашенныя надставками *us* и *er* въ концѣ именъ. Какія-нибудь C. Vigellius Raius Plarius Saturninus, T. Flavius Romanus Ulpio Noviomagi Bataus явно выдаютъ себя за слабо романизованныхъ варваровъ. Эти варвары должны были, конечно, прежде всего учиться латинскому языку, какъ общему языку Западной имперіи: они и научались пользоваться латынью вмѣсто своихъ мѣстныхъ нарѣчій, но какая же это была латынь! „Латинскій языкъ видоизмѣняется и по областямъ, и по эпохамъ“, — замѣчаетъ блаженный Іеронимъ. Просторѣчье, lingua vulgaris, становилось мало-по-малу въ устахъ бывшаго кельта какъ бы новымъ романскимъ языкомъ, звуки и формы котораго въ значительной степени отклоняются отъ латинской рѣчи подъ вліяніемъ физіологическихъ особенностей и привычекъ кельтовъ.

Вліяніе кельтскаго языка на латинскій началось съ той минуты, какъ кельты стали говорить по-латыни. Самое устройство органовъ рѣчи обусловливало рядъ особенностей произношенія. Отсюда началось развитіе романскихъ языковъ; на первоначальной почвѣ замѣтно на ряду съ измѣненіями, зависящими отъ роста и развитія языка, вліяніе варваризаціи и вырожденія. Для примѣра укажемъ на нѣсколько общеизвѣстныхъ особенностей французскаго языка, которыя объясняются проникновеніемъ кельтскихъ привычекъ въ вульгарную латынь Галліи. Латинское u сохранилось въ италіанскомъ, но смягчилось въ ü (durus—dur) во французскомъ, и немудрено, потому что галльское населеніе уже въ то время, когда оно говорило по-кельтски, произносило именно ü, а не u. Французская liaison, тѣсная связь между двумя словами, при которой беззвучная конечная согласная перваго слова возстановляется во избѣжаніе hiatus'a, восходитъ къ кельтской привычкѣ сливать связанныя по содержанію слова какъ бы въ одно сложное слово. Въ кельтскихъ нарѣчіяхъ удареніе такъ сильно выдвигаетъ тотъ или другой слогъ въ словѣ, что остальные слоги становятся не совсѣмъ ясными и легко стираются. Во французскомъ это подчеркиванье слога съ удареніемъ и стушевыванье остальныхъ вызвали рядъ существенныхъ измѣненій. Подъ его вліяніемъ выпадаютъ группы согласныхъ въ слогахъ безъ ударенія (augustus—août), подъ его вліяніемъ заглушаются и отпадаютъ конечныя

части словъ, слѣдующія за удареніемъ, такъ что всѣ слова, за исключеніемъ оканчивающихся на e muet, беззвучное e, становятся какъ бы oxytona и perispomena. Многія и существенныя измѣненія при переходѣ отъ латинскаго языка къ романскимъ не могутъ быть съ точностью объяснены вліяніемъ того или другого нарѣчія, предшествовавшаго латыни въ романскихъ странахъ. Но въ цѣломъ рядѣ даже такихъ измѣненій выражается во всякомъ случаѣ распаденіе латинской рѣчи: формы затемняются, спутываются, пропадаютъ. Латынь Варварскихъ Правдъ V и VI вѣковъ представляетъ полнѣйшую путаницу въ склоненіи: творительный является вмѣсто винительнаго, винительный замѣняетъ именительный и т. п. Но вырожденіе склоненія и замѣна падежей предлогами начались гораздо раньше: уже въ вульгарной латыни I—II вѣковъ исчезаетъ родительный падежъ, затѣмъ стушевывается дательный. Точно также уже въ эпоху римской имперіи наступаютъ такія явленія, какъ обходъ сравнительной степени при помощи прибавки magis и plus къ положительной и исчезновеніе превосходной степени; исчезновеніе страдательнаго залога [1]), замѣна будущаго времени неопредѣленнымъ наклоненіемъ съ habeo (je ferai—facere habeo, „имѣю сдѣлать“ вмѣсто „сдѣлаю“). Повторяю, это перерожденіе латинскаго просторѣчія въ романскіе языки — процессъ сложный и обусловленный многими причинами; онъ не всецѣло объясняется изъ варваризаціи римскаго общества. Относительно отдѣльныхъ явленій не всегда видно или не всегда доказано, что они сводятся на проникновеніе варварскихъ элементовъ въ римскую среду, но сколько бы мы ни оговаривались и ни ограничивали наше исходное положеніе, все-таки остается несомнѣннымъ, что въ любопытной исторіи возникновенія романскихъ языковъ мы имѣемъ, между прочимъ, яркое обнаруженіе того культурнаго процесса, которымъ характеризуется переходъ отъ римскаго міра къ эпохѣ варварскихъ государствъ.

Нѣчто подобное совершается въ области искусствъ. Вступленіе христіанства въ міръ создало новую могучую силу въ художественной области: работа этой силы передъ нами въ живописи катакомбъ, въ зарожденіи византійскаго и романскаго стилей архитектуры. Такимъ образомъ, дѣло идетъ далеко не о простомъ измельчаніи или упадкѣ, но въ цѣломъ рядѣ фактовъ все-таки даютъ себя чувствовать пониженіе культурнаго уровня и варварская Искусство.

[1]) Librum vendunt или liber se vendit вм. liber venditur.

грубость. Когда въ Римѣ воздвигли тріумфальную арку побѣдителю Лициція, покровителю христіанства, значительную часть украшающихъ ее рельефовъ просто перетащили съ арки Траяна, но часть художники IV вѣка прибавили отъ себя и при этомъ увѣковѣчили упадокъ скульптуры и эстетическаго чувства. Фигуры искажены, лица безобразны. На такъ называемомъ дискѣ Ѳеодосія символическія фигуры внизу скопированы съ древнихъ образцовъ и красивы; на верхнихъ изображеніяхъ, списанныхъ съ живыхъ людей, вѣрно схвачены грубыя, плоскія, уродливыя и варварскія лица, вѣрно переданы тяжелые, расшитые мундиры, замѣнившіе тунику и тогу, а посадка и постановка фигуръ останавливаетъ вниманіе неуклюжимъ, неправильнымъ рисункомъ. Главное теперь не красота и не выразительность, а колоссальность и драгоцѣнный пестрый матеріалъ. Галліенъ, жалкое царствованіе котораго заслужило названіе времени „тридцати тирановъ", заказалъ себѣ статую въ 200 фут. вышины; предполагалось, между прочимъ, сдѣлать для этой статуи копье такихъ размѣровъ, чтобы ребенокъ могъ подняться внутри его по лѣстницѣ. Для изваяній стали употреблять вмѣсто мрамора рѣдкій, драгоцѣнный, но крайне неудобный для обработки порфиръ; при изготовленіи статуй изъ этого матеріала поставщики и полировщики имѣли больше значенія, чѣмъ скульпторъ.

Хозяйство. Для нашей ближайшей цѣли особенно важно обратить вниманіе на это постоянное вырожденіе или перерожденіе древней культуры въ экономической области. Въ началѣ нашей эры подъ покровительствомъ имперіи составился кругъ торговаго и промышленнаго обмѣна, напоминающій намъ современный всемірный рынокъ. Различныя области свободно обмѣнивались произведеніями и вырабатывали спеціальности, поддерживавшія другъ друга; прекрасные пути сообщенія облегчали быстрый обмѣнъ, значительные капиталы искали помѣщенія въ производительныхъ предпріятіяхъ, твердая власть и взаимное довѣріе способствовали развитію формъ кредита. Надо только прибавить, что это процвѣтаніе не только мирилось съ рабскимъ трудомъ и эксплуатаціей провинціальнаго населенія, но въ сильной степени обусловливалось ими. Уже III вѣкъ представляетъ иную картину. Подавленіе побѣжденныхъ народностей римскими гражданами прекратилось — населеніе имперіи вошло въ составъ римскаго гражданства. Тѣмъ самымъ порабощенныя массы, надъ которыми когда-то свободно оперировали намѣстники, откупщики и предприниматели, выступили изъ тѣни со своими стремле-

ніями и правами: ослабѣлъ авторитетъ центральной власти, зашевелились провинціальныя силы, въ хозяйственной дѣятельности получили преобладаніе мѣстныя нужды и потребности мелкихъ людей; уже потому широкая организація производствъ въ началѣ мірового обмѣна уступаетъ мѣсто болѣе скромнымъ и непосредственнымъ экономическимъ задачамъ — каждая общественная группа прежде всего заботится сама о наиболѣе необходимомъ въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, обстановкѣ. Наконецъ, съ другой стороны, снабженіе римскаго міра рабами становится все затруднительнѣе [1]), такъ какъ завоевательныя войны прекратились, а если и удается временами захватить въ плѣнъ германцевъ, славянъ, гунновъ, то они слишкомъ непокорны и грубы для роли рабовъ. Поневолѣ приходится предоставлять рабочимъ значительную долю самостоятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ разбивать крупныя имѣнія на мелкія, оброчныя хозяйства, крупныя предпріятія на мелкія эксплуатаціи. Наконецъ, усиленіе провинціальной и мѣстной жизни совпадаетъ съ великими политическими невзгодами — страшными вторженіями варваровъ, постоянными мятежами войскъ, соперничествомъ императоровъ. Государственная неурядица подрываетъ увѣренность обширныхъ хозяйственныхъ расчетовъ и содѣйствуетъ съ своей стороны стремленію каждой отдѣльной мѣстности жить и трудиться для себя, поставить себя внѣ зависимости отъ воздѣйствія со стороны. Въ совокупности получается понятное движеніе общества отъ сложной мѣновой системы къ простымъ формамъ натуральнаго хозяйства. Движеніе это не прекращается, а скорѣе усиливается послѣ реставраціи имперіи въ IV вѣкѣ. Власть, правда, возстановлена, но она держится только крайнимъ напряженіемъ всѣхъ общественныхъ силъ, напряженіемъ, которое устраняетъ свободу передвиженія и соглашенія, прикрѣпляетъ каждаго къ опредѣленнымъ занятіямъ и опредѣленной мѣстности. Экономическій организмъ имперіи въ IV и V вѣкахъ уже распался на областные и мѣстные кружки, которые всѣ похожи другъ на друга—всѣ обращаются къ разрѣшенію простѣйшихъ хозяйственныхъ задачъ и всѣ выдвигаютъ впередъ земледѣліе и отношенія по землѣ.

Аристократія поздней имперіи.

На этомъ общемъ фонѣ выдѣляются явленія, которыя прямо подготовляютъ средневѣковыя формы. Несмотря на тягость пода-

[1]) Въ началѣ III вѣка цѣна раба опредѣляется въ 200 золотыхъ или 500 динаріевъ (Dig. IV, 4, 51). Цѣна высокая, и это даетъ поводъ думать, что рабовъ было трудно достать.

тей, государство не имѣло возможности покрыть деньгами всѣ расходы по содержанію и вознагражденію войскъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше распространяется обычай отводить земли войсковымъ частямъ и отдѣльнымъ воинамъ, обязывая ихъ въ оплату выступать въ походъ и защищать границы (agri limitanei). Участки эти переходятъ по наслѣдству въ томъ случаѣ, если наслѣдники берутъ на себя отбываніе воинской повинности на границахъ; ни въ какомъ случаѣ эти земли не переходятъ къ частнымъ людямъ и не становятся частными владѣніями. Въ концѣ имперіи мы встрѣчаемся съ цѣлыми племенами варваровъ (gentiles), въ положеніи которыхъ земледѣліе неразрывно соединяется съ воинскою повинностью. Въ Галліи эти отряды распредѣлены по всей странѣ и носятъ названіе лэтовъ (laeti).

Другая характерная черта поздне-римскаго порядка—это политическое значеніе помѣщичьей аристократіи. Крупное плантаціонное хозяйство составляетъ рѣдкое исключеніе въ эту эпоху, потому что такое хозяйство требуетъ какъ разъ обезпеченнаго обширнаго рынка, котораго не было. Но крупная земельная собственность была чрезвычайно распространена, и собственники эксплуатировали свои имѣнія, раздавая ихъ по частямъ въ долгосрочное и наслѣдственное пользованіе арендаторамъ, колонамъ и рабамъ. Имперія IV и V вѣковъ признала собственника посредникомъ между собою и земледѣльческимъ населеніемъ. Она не только обращалась къ магнату съ требованіемъ, чтобы онъ собиралъ подать съ своихъ арендаторовъ и колоновъ, но поручала ему ставить изъ нихъ рекрутъ въ войска, судить ихъ по второстепеннымъ дѣламъ, завѣдывать сельскою полиціей, назначать священниковъ въ сельскіе приходы. Такимъ образомъ, къ аристократіи переходила значительная доля вліянія, которое собственно должно было принадлежать чиновникамъ, представителямъ государственной власти. И не мудрено, что на ряду съ формальными уступками правительства появляются незаконные захваты власти могущественными аристократами: императоры считаютъ долгомъ законодательствовать противъ такъ называемыхъ patrocinia, т.-е. противъ патроната землевладѣльцевъ, военныхъ вождей и высокопоставленныхъ чиновниковъ, къ которымъ обращаются мелкіе люди, чтобы достигнуть какой-нибудь незаконной льготы, большею частью, чтобы избавиться отъ податей или заручиться покровительствомъ въ службѣ.

Военный строй.

Въ военной организаціи особенно сильно замѣтно сближеніе и сліяніе между римскими и варварскими элементами. Армія является

могущественнымъ орудіемъ романизаціи, поглощаетъ и перерабатываетъ массы варваровъ, но въ то же время это поглощеніе совершается не безнаказанно: составъ войска и военные порядки глубоко измѣняются. Начать съ того, что пѣхота легіоновъ уступаетъ все болѣе и болѣе мѣсто конницѣ, въ которой служили преимущественно варвары. Въ эпоху междоусобныхъ войнъ, предшествовавшихъ образованію имперіи, на 10 пѣхотинцевъ приходился одинъ всадникъ—кавалерія является совершенно второстепеннымъ родомъ оружія. Въ III вѣкѣ конница по числу равняется пѣхотѣ. Соотвѣтственно этому наступилъ рядъ измѣненій въ командованіи и въ тактикѣ. Наиболѣе характернымъ признакомъ наступленія средневѣковыхъ порядковъ можно считать появленіе такъ называемыхъ *буцелларіевъ*, и я позволю себѣ остановиться нѣсколько обстоятельнѣе на этомъ фактѣ. Мы знаемъ о немъ болѣе всего изъ вестготскихъ и византійскихъ источниковъ, но онъ вполнѣ засвидѣтельствованъ уже для римской имперіи начала V вѣка. Буцелларій, въ буквальномъ переводѣ—„сухарникъ“ (bucella—солдатскій сухарь),—это нахлѣбникъ, дружинникъ какого-нибудь варварскаго вождя на римской службѣ или римскаго полководца. Буцелларій вступаетъ на службу не римскаго государства, а частнаго человѣка, обязуется передъ своимъ вождемъ клятвой и ожидаетъ отъ него содержанія, подарковъ, земельныхъ пожалованій. Онъ можетъ оставить своего вождя и перейти къ другому, но въ такомъ случаѣ полученные подарки и пожалованія должны быть возвращены. По смерти буцелларія его наслѣдники получаютъ пожалованныя земли только, если продолжаютъ службу умершаго. Если умершій оставитъ послѣ себя дочь-наслѣдницу, и она желаетъ сохранить пожалованья вождя, то она должна при выходѣ замужъ испросить его согласія. Готы и галаты особенно часто упоминаются въ качествѣ буцелларіевъ. Иногда они образуютъ многочисленныя дружины при римскихъ полководцахъ. Велизарій повелъ за собой въ Италію 7000-й отрядъ такихъ дружинниковъ.

Не трудно видѣть, до какой степени всѣ указанныя явленія, и общія и спеціалныя, сближаютъ послѣдніе вѣка римской имперіи съ средневѣковымъ бытомъ. Имперія постепенно впадала въ варварство, и такъ называемое переселеніе народовъ лишь завершило процессъ, начавшійся задолго до V вѣка. Во всякомъ случаѣ появленіе германскихъ королей на мѣстѣ римскихъ императоровъ и римскихъ намѣстниковъ, наводненіе западныхъ областей франками, готами, саксами и т. п. рѣзко усилили центробѣжныя движенія въ

государственномъ быту и окончательно опредѣлили переходъ къ натуральному хозяйству.

Коммендація и вассалитетъ.

Правда, число свободныхъ людей сильно возрасло вначалѣ вслѣдствіе появленія въ предѣлахъ имперіи цѣлыхъ племенъ, пришедшихъ изъ-за Рейна и изъ-за Дуная, притока племенъ воинственныхъ, способныхъ и готовыхъ защищать свою свободу оружіемъ. Это увеличеніе числа свободныхъ людей ослабило обострившуюся въ послѣдніе вѣка имперіи противоположность между аристократами, крупными помѣщиками, и зависящимъ отъ нихъ мелкимъ и полусвободнымъ людомъ. Но очень скоро отношенія попали въ прежнюю колею: среднее сословіе свободныхъ германцевъ стало быстро таять, потому что не всѣмъ имъ достались равныя доли добычи при завоеваніи провинцій, а кто захватилъ меньше и оказался слабѣе, тотъ скоро почувствовалъ, какъ было трудно защищать жизнь, честь и собственность въ эту эпоху ожесточенной общественной борьбы. Жизнь общества протекала бурно: войны, усобицы, наѣзды, разбои, насилія были явленіями повседневными, а между тѣмъ государственная власть была слаба, старые же родовые и общинные союзы разстроились. Болѣе слабымъ оставалось одно — искать покровительства болѣе сильныхъ, становиться если не ихъ подданными, то ихъ подручниками, помогать имъ устраивать себѣ маленькія государства въ государствѣ. Частное покровительство такого рода уже очень замѣтно въ меровингской Галліи. Оно носило названіе mundium, mundeburdis; искавшіе его препоручали себя магнату свѣтскому или духовному, иногда самому королю [1]). Кто коммендировался, имѣя землю, тотъ обыкновенно передавалъ ее своему патрону, чтобы тѣмъ пріобрѣсти какъ бы его благоволеніе и покровительство. Весьма часто кліентъ испрашивалъ при этомъ у патрона, или, какъ стали говорить въ средніе вѣка, у сеньёра, разрѣшенія пользоваться этой землей до своей смерти (precaria). Конечно,

---

[1]) По Турской формулѣ (43), нѣкто поручаетъ себя въ виду крайней нужды „in mundoburdum“ другого. Дѣлается это на томъ условіи, „чтобы вы помогали и оказывали мнѣ содѣйствіе пищей и одеждой, насколько я заслужу и буду того достоинъ. Пока буду живъ, долженъ я вамъ, какъ свободный, оказывать службу и подчиненіе, и не имѣю права въ теченіе всей моей жизни выйти изъ подъ вашей власти и покровительства, а долженъ оставаться подъ вашей властью и охраной во всѣ дни моей жизни“. Ср. въ римское время Salvianus, De gubernatione Dei, V: „Многіе покидаютъ свои поля и хижины, отдаютъ себя подъ защиту и покровительство болѣе сильныхъ людей, становятся подручниками богачей и какъ бы переходятъ подъ ихъ власть и управленіе“.

сплошь и рядомъ коммендировались люди слабые, захудалые, бѣдные, но могло быть и иначе. Магнаты не только окружали себя вооруженными слугами, но держали цѣлые военные отряды, и въ подручники къ нимъ шли предпріимчивые, энергическіе люди средняго и мелкаго состоянія, которымъ хотѣлось пожить вольнѣе, заслужить подарки и пожалованья. Отношеніе это напоминало древнюю дружину, описанную Тацитомъ. Скрѣплялось оно клятвою подручника въ вѣрности и готовности служить. Главной формой этой связи была дружинная служба королю (антрустіоны, лейды у франковъ, гезиды, тены у англосаксовъ) [1]. Дружинниковъ и подручниковъ такого рода называли латинскими терминами „pares“, „amici“, или германскими „gasindi“, „vassi“. Послѣдній мало-по-малу особенно распространился и вытѣснилъ другіе, такъ что такого рода дружинную коммендацію стали называть вассалитетомъ.

Иммунитетъ.

Само собою понятно, что, разъ въ обществѣ появились такія своеобразныя соединенія между гражданами, эти соединенія должны были въ сильной степени затруднить дѣйствіе государственной власти, равномѣрное и повсемѣстное ея примѣненіе.

Каждый свѣтскій и духовный сеньёры старался отвоевать себѣ кругъ вліянія, въ предѣлахъ котораго онъ становился какъ бы царькомъ, и королю нельзя было не считаться съ нимъ при осуществленіи королевскаго верховенства и проведеніи государственныхъ требованій. Чтобы взять ратныхъ людей, чтобы взыскивать поборы, чтобы произвести судъ и привести въ исполненіе приговоръ въ предѣлахъ такого круга вліянія, приходилось принимать въ расчетъ значеніе сеньёра, приходилось даже обращаться къ посредничеству и помощи. Слабыя, несовершенныя государства варваровъ стали формально признавать обособленность такихъ круговъ частнаго вліянія: впервые были дарованы такіе формальные „иммунитеты“ церквамъ. Тотъ или другой благочестивый король запрещалъ своимъ судьямъ и полицейскимъ вступать въ церковныя владѣнія и производить въ нихъ какія-либо взысканія въ пользу

---

[1]) Клятва антрустіона по формулѣ Маркульфа (1, 18): „Справедливо, чтобы тотъ, кто обѣщалъ намъ ненарушимую вѣрность, пользовался нашей защитой. А такъ какъ такой-то вѣрный намъ человѣкъ явился, по повелѣнію Божію, въ нашъ дворецъ и поклялся съ оружіемъ въ рукахъ слѣдовать за нами и хранить намъ вѣрность, то мы постановляемъ и приказываемъ настоящей грамотой, чтобы вышеназванный впредь считался въ числѣ нашихъ антрустіоновъ. И если бы кто дерзнулъ его умертвить, то пусть знаетъ, что приговоренъ будетъ къ уплатѣ вергельда въ размѣрѣ 600 солидовъ“.

государства; налоги, взносы, пошлины отмѣнялись и переходили къ духовному сеньёру—епископу или аббату. Первоначально имѣлось въ виду лишь поручить этому сеньёру производить всякаго рода поборы въ пользу государства. Но, сдѣлавшись обязательнымъ посредникомъ при взиманіи, сеньёръ вскорѣ сталъ присваивать себѣ самую выручку. Мало того, самыя права, связанныя съ сборами, цѣнились прежде всего, какъ доходныя статьи, и стали отчуждаться вмѣстѣ съ отчужденіемъ доходныхъ статей. Владѣлецъ иммунитета, который сначала долженъ былъ взыскивать судебныя пошлины въ пользу государственнаго судьи, сдѣлался самъ судьей, какъ скоро ему удалось захватить судебныя пошлины въ свою пользу,—къ тому, кому досталась выручка, естественно перешли и обязанности. Такимъ образомъ, на государственной территоріи образовались и быстро стали расширяться какъ бы острова независимыхъ властей—иммунитеты.

Бенефицій.

Всѣ упомянутыя явленія тѣсно переплетались съ земельными отношеніями, потому что послѣ нашествія варваровъ хозяйство окончательно возвратилось къ натуральной системѣ — земледѣліе стало важнѣйшей его отраслью, а землевладѣніе сдѣлалось главной основой всей общественной жизни. Всякій сколько-нибудь продолжительный и значительный обмѣнъ услугъ между двумя лицами сводился въ концѣ-концовъ не на денежныя расчеты, а на кормленіе при извѣстномъ имѣньѣ или на пожалованіе имѣнія въ вознагражденіе за службу. Денегъ было мало видно въ гражданскомъ оборотѣ, зато натуральныя повинности и сборы натурой были самымъ обычнымъ явленіемъ. Такъ было въ частномъ быту, такъ было и въ государственномъ. Помѣщикъ вознаграждалъ своихъ помощниковъ по управленію имѣніями, своихъ слугъ, подручниковъ выдачами изъ своихъ амбаровъ и кладовыхъ, представленіемъ участковъ земель въ пользованіе, иногда пожалованіемъ участковъ. Тотъ, кто шелъ на службу и обязывался вѣрностью, разсчитывалъ на такого рода вознагражденіе, хотя оно рѣдко оговаривалось въ опредѣленныхъ выраженіяхъ. Король по отношенію къ государственной службѣ держался тѣхъ же пріемовъ, что остальные помѣщики. Онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи обширной податной системы, потому что деньги собрать было не откуда; приходилось довольствоваться выдачами натурой и доходами съ имѣній. При этихъ условіяхъ вознагражденіе за государственную службу графовъ, антрустіоновъ, духовныхъ лицъ, писцовъ, счетчиковъ, полицейскихъ, дружинниковъ, тѣлохранителей и вас-

саловъ всякаго рода сводилось преимущественно на продовольствованіе натурой, а также на представленіе участковъ земель въ пользованіе и въ наслѣдственное владѣніе. Такого рода вознагражденія считались щедротами, благодѣяніями, „бенефиціями“ короля; предполагалось, что они даруются по свободному рѣшенію и безъ видимаго обусловливанія той или другой службой. Въ дѣйствительности все-таки вышло, что важнѣйшія виды службъ зависѣли отъ выдачи въ вознагражденіе имѣній и участковъ. Обратно, при самой выдачѣ сначала не оговаривалось прямо, что участокъ данъ за такую-то службу, но фактически пожалованіе обусловливалось именно этою службою и, будучи полнымъ и безусловнымъ по формѣ, становилось условнымъ по существу. Если человѣкъ переставалъ служить или служилъ дурно, у него можно было отнять пожалованіе; если онъ умиралъ, переходъ пожалованья къ наслѣднику не разумѣлся самъ собою, а наступалъ въ зависимости отъ того, продолжалъ ли наслѣдникъ нести службу. Въ концѣ концовъ, условность бенефиціальнаго или леннаго владѣнія стала оговариваться опредѣленно и была обставлена опредѣленными юридическими положеніями.

Секуляризація и рыцарская служба.

Два историческихъ факта особенно содѣйствовали ускоренію процесса феодализаціи въ западной Европѣ. Въ VIII вѣкѣ политическія отношенія на Западѣ представляли величайшій хаосъ; въ главномъ изъ основанныхъ германцами государствъ—въ франкскомъ королевствѣ—государственная власть пришла въ упадокъ, средства для земельныхъ раздачъ истощились, областные начальники сдѣлались какъ бы самостоятельными князьками, остатки центральной власти перешли отъ королей къ начальникамъ дворцоваго правленія и дружины—къ палатнымъ мерамъ. А между тѣмъ надвигалась грозная сила ислама, и вестготское королевство въ Испаніи уже пало подъ ея ударами. Подъ водительствомъ Каролинговъ франкское государство оправилось и отразило арабовъ, а затѣмъ при Карлѣ Великомъ оно соединило вокругъ себя всѣ главныя страны, занятыя романо-германскимъ населеніемъ, и продвинуло границы христіанской культуры далеко на востокъ. Но для такихъ необыкновенныхъ подвиговъ требовались и чрезвычайныя средства. Каролинги, начиная съ Карла Мартелла, массами захватили церковную недвижимую собственность и обратили ее на раздачи воинамъ. Однако, на этихъ секуляризованныхъ земляхъ все-таки признавалось высшее право церкви: онѣ считались лишь уступленными государямъ и ихъ слугамъ во временное и условное

пользованіе по особой нуждѣ. Оттого именно на земляхъ, взятыхъ у церквей, условность бенефиціальнаго владѣнія была ранѣе всего обставлена опредѣленными юридическими формами. Вообще Каролинги, и въ особенности Карлъ Великій, не считали нужнымъ бороться противъ описанныхъ нами выше отношеній, въ которыхъ подготовлялся феодализмъ. Они предпочли упорядочить ихъ и воспользоваться ими, насколько возможно, для государственныхъ цѣлей. Такъ, они признали сеньёратъ, но усилили отвѣтственность сеньёровъ за ихъ подручныхъ друзей. Постоянныя наступательныя войны Карла Великаго способствовали, кромѣ того, коренному измѣненію военной системы. Поголовное ополченіе свободныхъ было слишкомъ тяжеловѣсно и плохо вооружено, чтобы оказать существенную пользу въ такихъ войнахъ. Нужно было имѣть подъ рукой особый военный классъ, способный переносить тягости ежегодныхъ походовъ. Въ связи съ этимъ появляется правило, что одни лишь владѣльцы 4 надѣловъ обязаны участвовать въ походахъ. Остальные свободные люди складываются, чтобы выставить одного ратнаго человѣка съ каждыхъ 4 надѣловъ. Иначе говоря, войско аристократизируется. Главной его составной частью становятся всадники, одѣтые въ кольчуги. Это превращеніе закрѣпляется окончательно вслѣдствіе норманнскихъ набѣговъ IX и X вѣковъ. Неповоротливыя, плохо снаряженныя массы ополченія не выдерживали столкновеній съ сѣверными разбойниками и не могли слѣдовать за ихъ быстрыми переходами. Въ отпоръ норманнамъ западное общество строитъ замки и вырабатываетъ рыцарскую конницу. Но отъ этого превращенія выиграла не центральная власть, а сеньёры областей. Общество уже не въ силахъ группироваться около отдаленныхъ центровъ, каждая часть его ищетъ защиты вблизи, у болѣе или менѣе могущественнаго мѣстнаго магната, и для удовлетворенія самыхъ настоятельныхъ потребностей такого рода охрана оказывается наиболѣе подходящей.

Въ заключеніе можно сказать, что подготовка феодализма сводится, въ сущности, на развитіе трехъ основныхъ положеній: 1) постепенность культурнаго роста не допускаетъ быстраго появленія обширныхъ и сложныхъ государственныхъ системъ у молодыхъ, невоспитанныхъ исторіей народовъ. Если уже въ поздней имперіи вліяніе варваровъ сказывается въ пониженіи государственныхъ требованій и возрастаніи центробѣжныхъ силъ, то нашествіе германцевъ привело къ окончательному распаденію на мелкіе политическіе кружки. 2) Организація этихъ мѣстныхъ кружковъ на

аристократическомъ началѣ обусловливается тѣмъ, что германскія племена не просто подвигались отъ простѣйшихъ формъ къ болѣе сложнымъ, а попали на почву, подготовленную римскимъ соціальнымъ строемъ, и сами прошли военную исторію, благопріятствовавшую развитію аристократическихъ неравенствъ. 3) Въ извѣстной мѣрѣ феодализмъ былъ приспособленіемъ государственной организаціи къ условіямъ натуральнаго хозяйства, и въ этомъ отношеніи онъ не только установился въ западной Европѣ, завоеванной германцами, но проникъ и въ восточную, византійскую Европу, гдѣ военная служба и помѣщичья власть получили постановку, напоминавшую каролингскіе порядки и восходившую въ сущности къ быту имперіи IV и V вѣковъ.

Павелъ Виноградовъ.

XX.

Альфредъ Великій.

Англія въ римское время.

Въ наше время многіе жалуются, что пришла тяжелая пора, что жить трудно и не весело. Безъ сомнѣнія, у каждой эпохи свои заботы и затрудненія—немало ихъ и у насъ; но намъ грѣшно было бы горевать или отчаиваться, потому что мы живемъ и дѣйствуемъ въ такой обстановкѣ, о которой и помышлять не могли наши предки. Чтобы оцѣнить по достоинству, что даетъ намъ крѣпкое, благоустроенное государство, утвердившіяся правила христіанской нравственности, запасъ знанія и искусства, чтобы не относиться къ этимъ великимъ благамъ культуры безотчетно и безучастно,—лучше всего оглянуться назадъ, послѣдить за тѣмъ, какъ медленно и болѣзненно все это вырабатывалось, или хотя бы справиться, каково жилось людямъ въ ту или другую отдаленную эпоху, чѣмъ они пользовались, что имъ угрожало и что давало силы для борьбы.

Современная Европа занимаетъ особое положеніе въ жизни земного шара. Она меньшая и главная изъ частей свѣта. Ея образованность дала ей перевѣсъ матеріальный и духовный—она направляетъ всемірную торговлю и промышленность, ея государства широко распространили свое вліяніе на другія части свѣта, ея идеи проникаютъ въ жизнь дикарей и народовъ чуждой культуры. Духовная сила Европы проявляется во внѣшнихъ рѣзкихъ формахъ, наперекоръ многимъ невыгоднымъ условіямъ мѣстности и климата. Маленькая Англія съ ея малоплодородной почвой и тяжелымъ кли-

---

Пособія, кромѣ *Саксонской хроники* и біографіи *Ассера*, *Pauli*, The life of Alfred the Great, translated by *B. Thorpe; Winckelmann*, Geschichte der Angel-sachsen; *Du-Chaillu*, The Viking age; *Steenstrup*, Normannerne, II.

матомъ, напр., сдѣлалась повелительницей населенія въ 200 милліоновъ, разбросаннаго по всему земному шару, сдѣлалась величайшей торговой державой и великимъ средоточіемъ науки, литературы, практической мудрости.

Не то было 1.000 лѣтъ тому назадъ. Мало того, что безлюдье и пустырь царили тамъ, гдѣ теперь тѣснится и работаетъ энергическое населеніе: гдѣ появлялись люди, имъ приходилось заботиться о самыхъ необходимыхъ условіяхъ существованія, пріучаться къ самымъ первоначальнымъ основамъ общежитія. Первую попытку внести порядокъ и образованность на островъ сдѣлали римляне, которые господствовали тамъ болѣе 3 вѣковъ [1]). Они покорили дикое кельтское населеніе, пріучили его къ осѣдлости и земледѣлію, построили города Лондонъ, Іоркъ, Линкольнъ, Батъ и многіе другіе [2]). Вмѣстѣ съ городомъ появилась торговля, проведены были великолѣпныя дороги, слѣды которыхъ сохранились до сихъ поръ. Наконецъ, по странѣ появились имѣнья римскихъ помѣщиковъ съ обширными хозяйственными постройками и прекрасными жилыми помѣщеніями. Римскіе владѣльцы устраивались въ нихъ съ комфортомъ и даже роскошью.

Но римское вліяніе было все-таки поверхностнымъ — оно не привело къ коренному преобразованію кельтскаго населенія. Когда въ началѣ V вѣка легіоны ушли изъ Британіи, чтобы защищать другія провинціи Западной имперіи, римская культура быстро пришла въ упадокъ, и повсюду появилось прежнее кельтское варварство. На западѣ, напр., въ теперешнемъ Уэльсѣ, важнымъ центромъ римской жизни былъ городъ Иска—онъ до сихъ поръ носитъ названіе Caerlon, т.-е. castra legionis — лагерь легіона, — но, несмотря на названіе, вся эта мѣстность совершенно утратила римскую образованность и вернулась къ языку и патріархальнымъ обычаямъ кельтовъ.

Еще рѣзче былъ переворотъ на востокѣ острова, потому что туда вторглись германскія племена англовъ и саксовъ, которыя опустошали страну и избивали населеніе. Въ Саксонской лѣтописи записано, напр., подъ 491 годомъ: „Въ этомъ году Элле и Цисса

Завоеваніе англо-саксовъ.

---

[1]) Отъ царствованія Клавдія въ половинѣ I в. по Р. Х. до царствованія Аркадія и Гонорія въ началѣ V в.

[2]) Въ Англіи много городовъ, имена которыхъ оканчиваются на *честеръ*: Leicester, Gloucester, Chichester, Cirenchester, Chester и т. п. Названія ихъ взяты отъ латинскаго castra (лагерь), потому что они выросли изъ римскихъ лагерей.

осадили Андредечестеръ и убили всѣхъ, кто жилъ въ немъ; ни единаго бритта не осталось въ живыхъ". Въ южной Англіи римляне построили богатый, прекрасный городъ, называвшійся Verulamium. Послѣ нашествія саксовъ отъ него осталась груда развалинъ, и въ XI вѣкѣ монахи с.-альбанскаго монастыря, находившагося поблизости, построили громадный соборъ, для котораго матеріалъ добывали изъ этихъ развалинъ: оттуда брали мраморъ, тесаные камни, черепицы.

Пришло, однако, время, когда даже англы и саксы перестали грабить и опустошать, а стали заводить постоянныя поселенія и такъ или иначе устраиваться на завоеванной почвѣ. Такъ какъ римская культура была почти уничтожена, то приходилось начинать сначала. Полудикіе германцы усѣлись, наконецъ, по мѣстамъ, раздѣлили между собою землю и рабовъ—порабощенныхъ кельтовъ, и мало-по-малу, несмотря на смуты и войны, стало складываться общество. Этотъ ростъ общества совершался, какъ всегда, въ трехъ направленіяхъ: появлялся и развивался правильный трудъ, хозяйство—вмѣсто грабежа и захвата; появлялись и развивались новые взгляды на міръ, на жизнь, человѣка и его значеніе—являлся запросъ на знаніе, стремленіе къ возвышеннымъ религіознымъ идеаламъ; наконецъ, укрѣплялся порядокъ отношеній между людьми—законъ и правительство, которые заботятся о томъ, чтобы люди не истребляли и не притѣсняли другъ друга, а помогали другъ другу.

Успѣхи хозяйства.

Въ устройствѣ труда и хозяйства приходилось бороться съ дикой, дѣвственной природой: лѣса и болота покрывали еще большую часть англійской почвы — бобры и рыси разгуливали тамъ, гдѣ теперь стучатъ фабричныя колеса и работаютъ усовершенствованныя земледѣльческія машины. Англы и саксы отчасти примѣнились въ своемъ хозяйствѣ къ характеру лѣсной мѣстности. Для рогатаго скота не было еще хорошихъ пастбищъ; овецъ, которыми впослѣдствіи такъ славилась Англія, также еще разводили мало. Зато великое значеніе пріобрѣло разведеніе свиней. Это неприхотливое животное легко находитъ себѣ кормъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, и громадныя стада свиней составляли главное богатство знатныхъ саксовъ; свинопасы были немаловажными людьми въ этомъ обществѣ, и нѣкоторые изъ нихъ достигали высокаго положенія даже при дворѣ. Понемногу расчищалась мѣстность и для хлѣбопашества, при чемъ пользовались, конечно, остатками обработки еще отъ римскаго времени, а отчасти даже пріемами, перенятыми у римлянъ.

Также изъ Рима пошли начатки духовнаго просвѣщенія. Образовались среди варварства острова духовнаго просвѣщенія при церквахъ и монастыряхъ. Подъ вліяніемъ папы трудами италіанскихъ и греческихъ миссіонеровъ проникло христіанство къ англосаксонскимъ язычникамъ, а вмѣстѣ съ нимъ проснулось уваженіе къ духовной жизни и къ знанію, пониманіе того, что есть высшія силы, чѣмъ сила оружія, высшія цѣли, чѣмъ матеріальное могущество или удовольствіе. Уже въ VII и VIII вѣкахъ среди англійскаго духовенства встрѣчаются ревностные и образованные люди, которые пользовались извѣстностью во всей западной Европѣ. Беда Преподобный на крайнемъ сѣверѣ саксонскихъ поселеній, въ Ярроу, въ Нортумберландѣ, составлялъ свои объемистыя поясненія къ Священному Писанію, пользуясь при этомъ трудами латинскихъ и греческихъ отцовъ церкви, составлялъ и руководства по свѣтскимъ наукамъ — по грамматикѣ, ариѳметикѣ, астрономіи, музыкѣ, наконецъ, составилъ замѣчательную исторію церкви у англосаксовъ, которая служитъ драгоцѣннымъ источникомъ свѣдѣній о прошедшемъ этого народа и привлекаетъ читателя искренностью, здравымъ смысломъ, образностью своего разсказа. А когда Карлъ Великій въ концѣ VIII в. дѣлалъ попытку поднять образованіе и улучшить бытъ своихъ франковъ, то лучшаго своего помощника въ дѣлѣ просвѣщенія онъ нашелъ опять-таки на томъ же Британскомъ островѣ, въ лицѣ діакона іоркской церкви Алкуина. При разрѣшеніи спорныхъ богословскихъ вопросовъ франкскіе епископы обращались къ совѣтамъ и указаніямъ англосаксонскаго духовенства.

Зачатки просвѣщенія у англосаксовъ.

Всего затруднительнѣе оказалось дѣло государственнаго устроенія. Варвары не умѣли подчиняться общей власти: жертвовать своей свободой, стѣснять себя ради какого-то дальняго правительства они не хотѣли. Если они и признавали надъ своей личной волей чью-либо власть и авторитетъ, то искали этой власти и авторитета вблизи отъ себя, въ какомъ-нибудь тѣсномъ и хорошо знакомомъ кругу. Родство, сосѣдство, союзъ дружинниковъ вокругъ любимаго вождя были доступны ихъ пониманію, и потому соединеніе людей въ группы началось съ образованія сплоченныхъ родовъ, сельскихъ общинъ, дружинъ. Эти союзы были сильны, люди были къ нимъ привязаны и готовы были жертвовать ради нихъ даже жизнью, между тѣмъ какъ обширныя княжества и королевства колебались и распадались. Чтобы показать, какую силу имѣла, напримѣръ, связь дружинниковъ съ вождемъ, приведу одинъ

Государство и дружина.

отрывокъ изъ Саксонской лѣтописи. Дѣло было въ 784 году; одного изъ королей западныхъ саксовъ, Киневульфа, убилъ этелингъ [1]) Кинегардъ. Когда тены (дружинники) короля узнали о бунтѣ, они поспѣшно побѣжали къ замку, гдѣ убили короля. Этелингъ предлагалъ имъ сдаться, обѣщая жизнь и деньги, но ни одинъ изъ нихъ не согласился; они бились до тѣхъ поръ, пока ихъ всѣхъ перебили, кромѣ одного, да и тотъ былъ заложникъ изъ бриттовъ и притомъ весь израненъ. На другое утро тены, оставшіеся позади, услышали, что короля убили; они прибыли къ мѣсту и нашли этелинга въ замкѣ; онъ и его люди заперли ворота. Тогда этелингъ сталъ уговаривать дружинниковъ взять, сколько сами захотятъ, земель и денегъ, только бы они отдали ему королевство; и онъ сказалъ имъ, что съ нимъ ихъ родственники, которые не хотятъ его покинуть. Тены отвѣчали: „Нѣтъ у насъ родни дороже нашего вождя, и не пойдемъ мы за его убійцей". Люди этелинга сказали дружинѣ: „Уходите съ миромъ; такъ предлагали мы и товарищамъ вашимъ, которые были съ королемъ". Дружина отвѣчала: „Не хотимъ васъ слушать, какъ не слушали наши товарищи, которыхъ вы убили вмѣстѣ съ королемъ". И начался бой у воротъ, и тены ворвались и перебили этелинга и его людей, всѣхъ, исключая одного.

Общество, разбитое на маленькіе кружки родичей, сосѣдей, дружинниковъ, не могло жить въ мирѣ и порядкѣ: междоусобная борьба постоянно тревожила его и мѣшала успѣхамъ хозяйства и просвѣщенія. Мало-по-малу однако и эти грубыя отношенія стали улучшаться. Правительство становилось крѣпче и начало стѣснять усобицы. Многочисленныя племена и княжества англовъ и саксовъ слились въ семь королевствъ, затѣмъ въ три королевства, наконецъ, въ одно королевство. Въ областяхъ сложилось самоуправленіе: дѣла обсуждались и рѣшались на собраніяхъ сотенъ и графствъ, въ которыхъ участвовали свободные землевладѣльцы округа. Въ общемъ порядка и правосудія стало больше, и можно было ожидать дальнѣйшаго прогресса въ хозяйствѣ, просвѣщеніи и государственной жизни.

Набѣги норманновъ.

И какъ разъ въ это время, въ IX вѣкѣ, обрушилось на Британію новое бѣдствіе, худшее, чѣмъ голодъ или моровая болѣзнь,— появились норманны. Какъ набѣги англосаксовъ разрушили римскую культуру, такъ начинающаяся культура англосаксовъ чуть

[1]) Этелингами назывались члены королевскихъ фамилій.

не была стерта съ лица земли набѣгами норманскихъ викинговъ.

Слово „викингъ“ значитъ—морской король. Оно собственно примѣнялось къ начальникамъ добровольныхъ дружинъ, которые выселялись изъ Даніи, Норвегіи и Швеціи и на своихъ лодкахъ отправлялись грабить европейскія страны. Появлялись они въ Балтійскомъ морѣ и въ Сѣверномъ, въ Атлантическомъ океанѣ и въ Средиземномъ морѣ, проникали въ Англію, Францію, Испанію, въ Россію, въ византійскую имперію. Еще въ концѣ VII вѣка началось движеніе выходцевъ, и въ теченіе 2-хъ столѣтій оно не останавливалось. Поводомъ къ этому „второму переселенію народовъ“ были недостатокъ пропитанія на родинѣ и неохота къ мирнымъ занятіямъ. „Молодежь, говоритъ одинъ лѣтописецъ, часто составляла заговоры противъ отцовъ и дѣдовъ, чтобы завладѣть ихъ имуществомъ. Поэтому существовалъ древній обычай—собирать молодыхъ людей по жребію и изгонять ихъ изъ государства, чтобы они сами добыли себѣ государство, а прочее населеніе могло жить въ мирѣ. Изгнанники приносили жертву Тору и поднимали на корабляхъ своихъ военное знамя“. По преданію, викингъ бросалъ вверхъ копье и, смотря по тому, куда оно падало, направлялся въ ту или другую сторону.

О судахъ, на которыхъ совершались эти дальніе походы, мы можемъ составить себѣ точное понятіе, потому что ихъ сохранилось нѣсколько экземпляровъ. Въ Гокстадѣ, въ Норвегіи, напр., нашли зарытою въ землѣ отлично сохранившуюся лодку, въ которой былъ похороненъ витязь. Она имѣетъ по 16 уключинъ для веселъ съ каждой стороны, длина ея 75 ф. при 15 ф. въ ширину. Помѣщалось на ней, вѣроятно, около 60 — 70 человѣкъ. Самый спускъ корабля сопровождался странною церемоніей, которая предвѣщала его кровавое дѣло: къ скалкамъ, по которымъ судно скользило въ воду, привязывали людей, такъ что киль обагрялся кровью.

Изъ такихъ утлыхъ суденышекъ составлялись разбойничьи флоты викинговъ. Множество гибло во время переходовъ, и все-таки изъ года въ годъ записываютъ западныя лѣтописи, что пришло 60, 100, 200, 300 судовъ; иногда собиралось до 1.000. Въ сраженіи норманны строились на носовой части корабля, прикрываясь щитами, такъ, чтобы составить непроницаемую стѣну. Но суда служили для нихъ только средствомъ передвиженія. Прибывъ въ несчастную страну, которую они избрали мѣстомъ своихъ дѣйствій, они проникали въ нее какъ можно дальше по какой-нибудь рѣкѣ,

укрѣплялись на островѣ или возвышеніи и начинали грабежи и набѣзды. Въ сухопутныхъ сраженіяхъ они строились клиномъ или свиною головой. Главное дѣло было, впрочемъ, не въ корабляхъ и не въ военномъ строѣ, а въ желѣзномъ характерѣ и свирѣпой храбрости этихъ воиновъ.

Рагнаръ Лодброгъ.

Во многихъ сагахъ воспѣвали они свои подвиги. Вотъ разсказъ о погибели Рагнара Лодброга, одного изъ знаменитѣйшихъ викинговъ, который, между прочимъ, разграбилъ Парижъ въ 845 году. Сага полна вымысловъ и неточно передаетъ событія, но ея характеристика быта вѣрна и краснорѣчива. „Рагнаръ думалъ, какъ пріобрѣсть вѣчную славу. И вотъ онъ сдѣлалъ 2 корабля больше всѣхъ, какіе когда-либо дѣлались въ сѣверныхъ странахъ. Жена спросила его, куда онъ хочетъ идти. Онъ сказалъ, что пойдетъ въ Англію. Тогда жена сказала: „Опасенъ твой походъ—лучше возьми больше судовъ, хотя бы каждое было поменьше“. Онъ отвѣчалъ: „Что за подвигъ покорить страну со многими кораблями! А вотъ покорить Англію съ двумя кораблями—такого примѣра еще не было“. Передъ уходомъ жена дала ему рубашку, приговаривая: „Вотъ тебѣ рубашка, не шитая, а тканая, вытканная съ любовью; не пойдетъ кровь изъ ранъ и не порѣжетъ тебя клинокъ въ чудной одеждѣ, посвященной богамъ“. Во время путешествія разразилась буря, и корабли потерпѣли крушеніе, но люди спаслись и высадились на берегахъ Англіи. И Рагнаръ сталъ брать деревни и замки. Тогда король англійскій Элла созвалъ всѣхъ людей своего царства—всѣхъ, кто только могъ держать щитъ и ѣздить на лошади. Рагнаръ вышелъ на битву въ шлемѣ и въ рубашкѣ, которую дала ему жена. Цѣлый день бились враги. Всѣхъ людей Рагнаръ перебилъ. Противъ его никто не могъ устоять, но когда всѣ его товарищи пали, то его окружили щитами и взяли въ плѣнъ. И бросили его въ яму, наполненную змѣями, но змѣи не трогали его. И народъ говорилъ: „Это великій человѣкъ—его не ранило оружіе сегодня и не кусаютъ змѣи“. Тогда Элла велѣлъ снять съ него рубашку. А Рагнаръ запѣлъ: „Я бился въ 51 сраженіи, о которыхъ идетъ великая слава. Многихъ я ранилъ, но не думалъ я, что придетъ мнѣ смерть отъ змѣй. Часто случается то, о чемъ меньше всего думаешь“. Змѣи впились въ него, и онъ умеръ. Но на родинѣ остались его сыновья, и они явились мстить за отца. Старшій, Иваръ, разбилъ и взялъ въ плѣнъ Эллу. И Иваръ сказалъ: „Надо припомнить, какой смертью онъ уморилъ отца нашего. Пусть тотъ изъ моихъ людей, кто лучше всѣхъ рѣ-

жетъ по дереву, вырѣжетъ орла на его спинѣ, и пусть орелъ этотъ будетъ красенъ отъ крови". Элла умеръ отъ раны, и они рѣшили, что достаточно отомстили за отца".

Жажда борьбы и крови у этихъ страшныхъ людей иногда порождала душевную болѣзнь. Норманны считали храбрыми изъ храбрыхъ такъ называемыхъ берсеркеровъ. Самое имя показываетъ, что они выходили на бой въ одной рубашкѣ, безъ всякихъ оборонительныхъ доспѣховъ (ber-serk — голая рубашка). Нѣкоторые изъ нихъ дѣлали это не изъ удали, а подъ вліяніемъ какого-то безумія или бѣшенства. У одного викинга было 12 сыновей берсеркеровъ. Они ходили всегда на одной лодкѣ и никого посторонняго къ себѣ не пускали. Они знали за собой бѣшенство и чувствовали приближеніе припадка. Если не предстояло сраженія или грабежа, то они высаживались на берегъ и тамъ бросались на деревья и скалы—иначе они перебили бы своихъ же друзей.

Датскіе набѣги на Англію.

Съ 789 г. начинаются въ Саксонской лѣтописи скорбныя записи о норманскихъ набѣгахъ. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ викинговъ было сожженіе монастыря въ Ярроу, гдѣ дѣйствовалъ Беда. Но особенно частыми и разрушительными сдѣлались набѣги при королѣ Этельвульфѣ, во 2-й половинѣ IX в. Во всѣхъ направленіяхъ искрестили викинги англійскую территорію. Не одинъ разъ саксы одерживали верхъ въ битвахъ противъ датскихъ отрядовъ, но это не останавливало новыхъ пришельцевъ, да и побитые не падали духомъ, а при первой возможности возобновлялись набѣги. Въ 869 году образовалось на востокѣ первое постоянное поселеніе норманновъ. Грабежи и истребленіе однако продолжались. Не буду распространяться объ ихъ ужасныхъ подробностяхъ—надо только отмѣтить, что особенно свирѣпствовали язычники противъ церквей и монастырей.

Сыновья Этельвульфа упорно продолжали бороться и одинъ за другимъ умирали во время отчаянныхъ попытокъ защитить свою родину. Корона, наконецъ, досталась въ 871 г. младшему изъ нихъ, Альфреду. Онъ былъ человѣкъ слабаго здоровья, но сильный духомъ. Онъ пріучалъ себя не обращать вниманія на припадки болѣзни и принималъ участіе во всѣхъ упражненіяхъ и подвигахъ своихъ витязей, сдѣлался неутомимымъ охотникомъ и всегда былъ впереди, во главѣ войска. Уже при старшихъ братьяхъ ему пришлось принимать участіе въ дѣлахъ правленія. 22-хлѣтнимъ юношей онъ вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть большого сраженія съ датчанами. Начальствовалъ войскомъ король Этельредъ,

но онъ не хотѣлъ начинать битвы прежде, чѣмъ кончится обѣдня, и Альфреду пришлось нѣсколько часовъ одному стоять противъ норманновъ. Наконецъ, кончилась обѣдня, явился на подмогу Этельредъ, и викингамъ нанесено было сильное пораженіе. Къ несчастію, и эта побѣда только на минуту отвратила опасность. Датчане тотчасъ оправились и черезъ двѣ недѣли сами разбили Этельреда и Альфреда. Вскорѣ послѣ этого пораженія Этельредъ умеръ, а Альфредъ сдѣлался королемъ. Положеніе было отчаянное. Англичане выбились изъ силъ. Большая часть ихъ войскъ состояла изъ плохо вооруженныхъ земледѣльцевъ и мелкихъ помѣщиковъ. Людей приходилось вновь и вновь отрывать отъ хозяйства, чтобы отражать неутомимыхъ разбойниковъ. Помимо того урона, который наносили норманны битвами и грабежами, постоянный страхъ передъ нападеніемъ, необходимость ежечасно поднимать на ноги населеніе, гонять его изъ области въ область, отрывать отъ занятій на долгіе сроки — приводили государство къ совершенному разложенію. У самыхъ энергичныхъ дѣятелей опускались руки, народомъ начинала овладѣвать безнадежная апатія. И вотъ, первые годы царствованія Альфреда, несмотря на всю его храбрость и искусство, сложились крайне печально. Въ 876 году „войско“, какъ называли датчанъ, поселившихся въ восточной Англіи, ворвалось въ Уессексъ. Альфредъ встрѣтилъ ихъ и предложилъ выкупъ. Они согласились помириться, выдали заложниковъ и дали присягу на ожерельѣ, смазанномъ кровью, что не будутъ тревожить подданныхъ Альфреда. Эта присяга считалась у нихъ особенно священной, и тѣмъ не менѣе они ее нарушили. Большая часть войска тайкомъ ушла на западъ, захватила тамъ важный городъ Экзетеръ и, какъ ни въ чемъ не бывало, возобновила свои грабежи. А въ 878 году датчане прошли черезъ всю южную часть острова, разбили всѣ отряды, которые имъ попадались навстрѣчу, и, повидимому, положили конецъ англосаксонскому государству. Король Альфредъ съ небольшой кучкой дружинниковъ принужденъ былъ бѣжать въ Ательни, мѣстечко, заброшенное среди Сомерсетскихъ болотъ. Пользуясь недоступностью этой мѣстности, Альфредъ укрѣпился тамъ и началъ, въ свою очередь, дѣлать набѣги изъ своего убѣжища на появлявшихся вблизи датчанъ. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ стычекъ онъ рѣшился, наконецъ, выйти въ поле и кликнуть кличъ всему саксонскому народу. Съ восторгомъ отозвались на этотъ призывъ его вѣрные подданные. Патріотизмъ и настойчивость англичанъ оказались, наконецъ, сильнѣе дикой отваги норманновъ.

На краю погибели удалось удержаться и оправиться. Послѣ ряда столкновеній датскій король Гутрумъ заключилъ миръ съ Альфредомъ. Не могло быть и рѣчи о полномъ освобожденіи Англіи — „войско“ слишкомъ глубоко пустило корни на востокѣ острова. Пришлось подѣлить Англію почти пополамъ: Лондонъ остался за датчанами, но впослѣдствіи Альфредъ отбилъ его у нихъ. Лучшимъ подтвержденіемъ договора было то, что датскій король принялъ христіанство и крестнымъ отцомъ его былъ Альфредъ.

Разсчитывать на прочное замиреніе все-таки было нельзя, и въ продолженіе царствованія Альфреда много разъ еще пришлось отбивать нападенія. Въ концѣ вѣка, напр., высадился въ Англіи знаменитый викингъ Гастингъ, который долго опустошалъ Францію и Нидерланды. Англію онъ тоже исходилъ вдоль и поперекъ, но встрѣтилъ повсюду энергическій и хорошо организованный отпоръ.

Измѣненія въ военномъ строѣ.

Дѣло въ томъ, что долгія бѣдствія отъ первыхъ нападеній многому научили англійскій народъ, а въ лицѣ Альфреда нашелся замѣчательный руководитель, который умѣлъ не только распоряжаться на полѣ сраженія, но и подготовлять защиту издалека. Вниманіе и предпріимчивость его не ослабѣвали. Съ разныхъ сторонъ заботился онъ объ укрѣпленіи своего государства. Прежде всего, конечно, надо было подумать объ улучшеніи военныхъ силъ и военнаго устройства. Англы и саксы почти совершенно отвыкли отъ мореплаванья, хотя когда-то сами пришли на островъ Сѣвернымъ моремъ. Альфредъ устроилъ флотъ изъ „длинныхъ“ судовъ, который долженъ былъ слѣдить за морскими разбойниками и мѣшать ихъ высадкѣ.

Затѣмъ произошла реформа сухопутнаго войска. Альфредъ только въ крайнихъ случаяхъ прибѣгалъ къ вызову въ ополченіе всего свободнаго населенія; какъ мы видѣли, это не достигало цѣли, потому что собиралась неумѣлая и плохо вооруженная толпа, а между тѣмъ тягость такихъ сборовъ была великая. За то король обратилъ особенное вниманіе на усиленіе, хорошее снаряженіе и выучку отборныхъ отрядовъ, составленныхъ изъ дружинниковъ — изъ такъ называемыхъ теновъ. Они обыкновенно являлись въ кольчугахъ, съ шлемомъ и на коняхъ и приводили съ собою каждый по нѣскольку пѣшихъ, легковооруженныхъ воиновъ. Такимъ образомъ составлялись войска, способныя выдержать натискъ норманновъ въ открытомъ полѣ, быстро собиравшіяся по вызову и легко передвигавшіяся съ мѣста на мѣсто. Это преобразованіе военнаго строя совершалось въ силу роковой необходимости и глубоко вліяло

на всю жизнь народа, на занятія, привычки и права населенія. Дѣло въ томъ, что для составленія такихъ хорошо вооруженныхъ дружинъ, своего рода постояннаго войска изъ служилыхъ людей, какъ говорили у насъ въ старину, надо было обезпечить военный классъ и выдвинуть его изъ остального общества. При Альфредѣ опредѣляется именно выдѣленіе такого военнаго, служилаго класса. Англійское населеніе распадается на двѣ части. Одна посвящаетъ себя мирнымъ занятіемъ — земледѣлію, промышленности, и отвыкаетъ отъ оружія; другая спеціально занимается военнымъ дѣломъ и требуетъ отъ рабочаго класса прокормленія и услуженія. Каждый тенъ становился помѣщикомъ, на доходы съ имѣнія содержалъ своихъ военныхъ помощниковъ, а собиралъ эти доходы, благодаря труду многочисленнаго рабочаго населенія, которое воздѣлывало его поля, приносило ему въ оброкъ разные припасы и продукты, иногда платило ему деньги, хотя денегъ вообще въ то время было мало. Вотъ, напр., что обязанъ былъ дѣлать крестьянинъ въ одномъ изъ дворцовыхъ имѣній короля Альфреда. „Каждая семья платитъ 40 пенсовъ въ осеннее равноденствіе и даетъ 6 боченковъ пива, 3 мѣры пшеницы и 3 фунта ячменя; они обязаны вспахать 3 десятины и посѣять на нихъ хлѣбъ изъ собственныхъ сѣмянъ и въ свое время снять и убрать его; скосить полдесятины и убрать сѣно; наколоть 4 охапки дровъ и уставить въ полѣнницу, и провести изгородь на 8 саженей, а въ Пасху дать 2 овецъ и 2 ягнятъ, и помогать мыть и стричь овецъ“. Подобныя же повинности несли крестьяне въ имѣніяхъ церквей, монастырей и частныхъ владѣльцевъ.

Такимъ образомъ, въ борьбѣ съ датчанами общество раздѣлилось на два слоя или пласта. Образовывалась наверху своего рода верхняя корка или броня, которая должна была защищать рабочій людъ отъ нашествій и избавить его отъ необходимости постоянно бросать плугъ и браться за мечъ. Зато рабочій людъ попалъ въ зависимость и подчиненіе отъ своихъ защитниковъ — теновъ или рыцарей.

Заботы о просвѣщеніи.

Итакъ, мы видимъ, что возрожденіе общества не ограничивалось ни удачными битвами, ни чисто военными мѣрами. Чтобы сопротивляться, общество перестраивалось на новый ладъ во всей своей внутренней жизни, и король Альфредъ по мѣрѣ силъ содѣйствовалъ этому переустройству. Онъ говорилъ, что король имѣетъ свое ремесло и что ему нужно три орудія, чтобы заниматься имъ. Эти орудія—три сословія: священники, воины и рабочіе. Безъ нихъ

король не можетъ показать искусства въ своемъ ремеслѣ. Но онъ пошелъ еще дальше, понялъ и провелъ еще болѣе глубокую идею, понялъ, что для истиннаго успѣха мало оружія и могущества, мало матеріальнаго порядка и благосостоянія, а нужно духовное улучшеніе. Этотъ человѣкъ, который въ продолженіе цѣлой жизни не сходилъ съ коня и бился съ норманнами, удѣлялъ при всемъ томъ время на труды литературные и написалъ болѣе, нежели многіе изъ нашихъ самыхъ плодовитыхъ литераторовъ, несмотря на то, что его мучила неизлѣчимая, страшная болѣзнь. И эти занятія литературой были не забавой поверхностнаго любителя, не развлеченіемъ государственнаго человѣка, который уходитъ отъ наскучившей политики въ иную, привлекательную область. Они были серьезнымъ дѣломъ дальновиднаго и глубоко-совѣстливаго правителя, который вполнѣ понялъ, что просвѣщеніе не роскошь, не излишество, а величайшая сила, къ которой рано или поздно приложится все остальное. Чтобы стало больше порядка, закона, нравственнаго долга въ государствѣ, надо больше свѣта. У этого великаго воина была одна страсть, которая не всѣмъ будетъ понятна въ настоящее время,—страсть учиться и учить. Какъ онъ учился, разсказалъ его сподвижникъ, кельтскій монахъ Ассеръ. Въ дѣтствѣ онъ жадно прислушивался къ роднымъ саксонскимъ пѣснямъ и сказаніямъ. Мальчикомъ онъ былъ вмѣстѣ съ отцомъ въ Римѣ, видѣлъ тамъ остатки великой исторіи и великой красоты древняго міра, присмотрѣлся къ понятіямъ и манерамъ образованныхъ италіанцевъ папскаго двора, но это пребываніе на свѣтломъ югѣ прошло быстро, какъ сонъ. Опять очутился онъ на своемъ туманномъ островѣ, и пошли долгіе годы битвъ, засадъ, бѣгства, приключеній. Только на 40 году отъ роду нашелъ король время, чтобы научиться латинской грамотѣ, и, едва научившись, онъ уже сталъ хлопотать о томъ, чтобы перевести съ латинскаго на англійскій сочиненія, которыя казались ему особенно замѣчательными и назидательными. Такъ какъ знаніе было для него не капризомъ и не забавой, то онъ горячо стремился тотчасъ передать его другимъ, распространить свѣтъ вокругъ себя. Всякій другой отступился бы въ отчаяніи отъ непосильнаго дѣла. За время датскихъ набѣговъ Англія одичала, зачатки культуры, насажденной Августиномъ и Ѳеодоромъ тарсскимъ, Бедой и Алкуиномъ, заглохли. Вотъ какъ говоритъ самъ Альфредъ о положеніи образованія въ его время (предисловіе къ Григорію, Cura pastoralis). „Часто приходилось мнѣ думать, что въ прежнее время было много мудрыхъ людей въ Англіи, какъ

духовныхъ, такъ и свѣтскихъ; то было благословенное время для Англіи. Тогдашніе короли повиновались Богу и его заповѣдямъ. Внутри государства они поддерживали миръ, нравственность и власть, извнѣ расширяли свою страну. Удача имъ была и въ войнѣ, и въ просвѣщеніи. Духовенство ревностно занималось и ученіемъ, и учительствомъ, и всѣмъ тѣмъ, что церкви должны дѣлать ради Бога. Иностранцы искали мудрости и наставленія въ нашей странѣ, а мы теперь сами принуждены обращаться къ иностранцамъ. Все это пришло въ такой упадокъ, что едва немногіе священники понимали богослужебныя книги или могли перевести письмо съ латинскаго на англійскій. Когда я вступилъ на престолъ, къ югу отъ Темзы я не зналъ ни одного такого. Благодаря всемогущему Богу, мы имѣемъ теперь хоть нѣсколько учителей".

Усилія Альфреда и въ этомъ случаѣ принесли плоды. Онъ содѣйствовалъ тому, что англійское духовенство возобновило прекратившіяся было заботы объ образованіи какъ въ своей средѣ, такъ и среди свѣтскаго общества. Вновь начались терпѣливые труды монастырскихъ отшельниковъ надъ переписываніемъ текстовъ Священнаго Писанія, отцовъ церкви, иногда древнихъ авторовъ, надъ посильными переводами, объясненіями, пересказами, даже самостоятельными обработками.

Переводы Альфреда.

Но вернемся къ самому Альфреду, къ его литературнымъ интересамъ и работамъ; онѣ дадутъ намъ нѣкоторую возможность познакомиться съ самымъ содержаніемъ тѣхъ идей, которыя руководили образованными людьми того времени. Онъ такъ дорожилъ всякою свѣтлою мыслью и новымъ свѣдѣніемъ, что постоянно носилъ при себѣ записную книжку и вписывалъ въ нее интересныя сообщенія своихъ собесѣдниковъ. Кельтъ Ассеръ, германскій саксъ Іоаннъ, франкъ Гримбальдъ были главными его помощниками и совѣтниками по части литературы. Ихъ услугами пользовался онъ и при составленіи своихъ переводовъ. Переводилъ онъ не слово въ слово, а старался лишь схватить мысль писателя. Главная цѣль была составить своего рода энциклопедію свѣдѣній и поученій для духовенства и народа. Беда тоже стремился къ этому въ свое время, но Беда прошелъ правильную школу классическаго и церковнаго образованія и потому остался въ старой, налаженной рамкѣ семи свободныхъ искусствъ и богословія. Онъ такъ и пишетъ — грамматику, риторику, ариѳметику, астрономію, музыку, толкованіе Священнаго Писанія. Альфредъ — геніальный самоучка, удивляющій свѣжестью, широтой и оригинальностью взгляда. Его энциклопедія

совсѣмъ другая. Онъ переводитъ всеобщую исторію испанскаго священника Павла Орозія, затѣмъ родную, англійскую исторію Беды, трактатъ италіанца Боэція „Объ утѣшеніи въ философіи“ и „Пастырское правило“ папы Григорія Великаго—руководство для священниковъ въ ихъ сношеніяхъ съ паствой. Энциклопедія Альфреда имѣетъ, такимъ образомъ, гораздо болѣе практическій характеръ, ближе къ жизни и не вдается въ безплодныя ученыя мелочи.

Что особенно для насъ цѣнно, Альфредъ приноравливалъ тексты переводимыхъ писателей къ интересамъ и потребностямъ своего времени: многое опускалъ, измѣнялъ порядокъ, дѣлалъ вставки и дополненія. Въ Орозіи онъ особенно внимательно останавливается на географическомъ введеніи, такъ что обзоръ всемірной исторіи становится въ то же время обзоромъ извѣстнаго во время Альфреда міра. Одна часть земной поверхности была гораздо важнѣе и извѣстнѣе переводчику-англичанину IX в., чѣмъ автору-испанцу V вѣка,—именно сѣверная Европа. И у Альфреда мы находимъ цѣнныя вставки — разсказы 2 путешественниковъ, датчанина Оттера, который обошелъ берега Норвегіи и Мурманъ и дошелъ до Бѣлаго моря, и англичанина Ульфстана, который изъ Шлезвига проплылъ Балтійскимъ моремъ и описалъ бытъ эстовъ, жившихъ по его юго-восточному берегу. Очень характерна также переработка Боэція. Авторъ былъ знатный римлянинъ, писавшій вскорѣ послѣ паденія Западной имперіи, когда въ Италіи господствовали остготы. Онъ не могъ примириться съ униженіемъ своей родины, хотя правилъ ею мудрый и гуманный король Теодорихъ Великій. Душа римлянина ищетъ утѣшенія отъ превратностей и случайностей жизни въ наслѣдіи древняго міра—въ его литературѣ и философіи. Подобно философамъ-стоикамъ, Боэцій удаляется въ себя, въ свои мысли и воспоминанія и такимъ способомъ находитъ твердость и спокойствіе, чтобы переносить невзгоды. Альфредъ вполнѣ становится на сторону просвѣщеннаго римлянина. Въ историческомъ очеркѣ, прибавленномъ къ сочиненію Боэція, онъ рисуетъ своего соплеменника Теодориха кровожаднымъ тираномъ, гонителемъ христіанства и просвѣщенія. Родство по духу съ Боэціемъ оказалось сильнѣе родства по крови съ Теодорихомъ. „Утѣшеніе въ философіи“ было особенно понятно Альфреду: вѣдь онъ всѣмъ былъ обязанъ твердости своего духа, мужеству въ борьбѣ противъ превратностей и козней, которыми судьба осаждаетъ и мучаетъ людей. А затѣмъ, какъ просвѣтитель Англіи, Альфредъ видѣлъ въ Боэціи какъ бы посредника между образованностью древняго міра

и обществомъ варваровъ, которое, блуждая во мракѣ, ловило послѣдніе отблески, доходившіе отъ древняго просвѣщенія. И въ этомъ случаѣ, однако, Альфредъ не слѣдуетъ рабски за Боэціемъ, а поступаетъ своеобразно. Боэцій былъ православный христіанинъ, но и на содержаніи, и на формѣ его сочиненія сказалось преимущественно вліяніе языческой философіи. Для Альфреда просвѣщеніе неразрывно связано съ христіанствомъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ онъ выдвигаетъ значеніе религіи. Оттого и посвятилъ онъ много времени и старанія на переводъ „Пастырскаго руководства“ папы Григорія. Въ духовенствѣ онъ находилъ главныхъ помощниковъ въ просвѣтительной своей дѣятельности и видѣлъ въ ней средство не для простого увеличенія знаній, а для воздѣйствія на нравственность и поведеніе.

Нѣтъ въ исторіи болѣе трогательнаго и величаваго образа, чѣмъ этотъ неутомимый боецъ, который стоялъ на стражѣ противъ разбойниковъ и не одичалъ, не отдалъ душу насилію, а полюбилъ свѣтъ и правду. Самъ Альфредъ лучше всего передалъ сущность своего характера въ одной изъ своихъ прибавокъ къ Боэцію. Слова его необыкновенно просты. „Теперь могу сказать: я стремился жить достойно, пока живу, и оставить память о себѣ въ добрыхъ дѣлахъ тѣмъ, кто будетъ жить послѣ меня“.

Павелъ Виноградовъ.

XXI.

Набѣги викинговъ.

Норманнскіе пираты.

Сѣверная часть европейскаго материка была населена норманнами. Они занимали территорію современныхъ государствъ Норвегіи, Швеціи и Даніи, т.-е. Скандинавскій полуостровъ и Ютландію. Въ Норвегіи горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ, тянутся вдоль всей страны, множество озеръ и быстрыхъ рѣкъ покрываютъ ее какъ бы водяною сѣтью, а море со всѣхъ сторонъ врѣзывается въ материкъ. Въ Даніи многочисленные острова разбиваютъ страну на отдѣльныя, болѣе или менѣе обширныя области, раздѣленныя водой, и только Швеція носитъ въ значительной своей части характеръ равнины. Такимъ образомъ, всѣ эти страны различны между собою, и это различіе мѣшало объединенію отдѣльныхъ племенъ, населявшихъ ихъ, въ одно цѣлое государство. Въ Норвегіи и Даніи даже природныя условія гораздо болѣе способствовали развитію обособленныхъ мелкихъ государствъ, управлявшихся каждое своими вождями, конунгами.

Добываніе средствъ къ жизни нелегко давалось „сѣвернымъ людямъ“, норманнамъ; правда, густые лѣса одѣвали склоны горъ, заливные луга были покрыты обильною травой, видъ страны не производилъ впечатлѣнія безплодной пустыни; но хлѣбныя растенія плохо выростали подъ холодными лучами скандинавскаго солнца,

---

Пособія. *Annales Bertiniani*; *Steenstrup*, Normannerne, I и II; *Depping*, Histoire des expéditions maritimes des Normands; *Стриньольмъ*, Походы викинговъ; *Тегнеръ*, Фритіофъ, въ русскомъ переводѣ *Я. Грота*.

земля давала скудное пропитаніе ея обитателямъ. Неурожаи и голодъ постоянно посѣщали норманновъ, и многимъ изъ нихъ волей-неволей приходилось искать средствъ къ жизни внѣ своей родины. По свидѣтельству средневѣковыхъ лѣтописцевъ, у норманновъ черезъ извѣстные промежутки времени достигшіе совершеннолѣтія юноши покидали родину и отправлялись искать счастія на чужой сторонѣ. Это были младшіе братья, не получавшіе доли въ отцовскомъ наслѣдіи, обездоленные люди, которымъ дома нечего было терять, и, наконецъ, лица, жребіемъ обреченныя на оставленіе отечества. Родная земля не могла прокормить ихъ, и всѣмъ этимъ насынкамъ земли давала пріютъ другая великая „свободная стихія“—море.

Было бы, однако, ошибкой думать, что подобное удаленіе изъ отечества было связано у норманновъ съ умаленіемъ личнаго достоинства, что ремесло пирата считалось у нихъ позорнымъ. Въ числѣ такихъ изгнанниковъ бывали люди очень знатнаго происхожденія. Не только „ярлы“, представители аристократическаго слоя норманнскаго общества, но и сыновья конунговъ, носившіе королевскій титулъ, стояли во главѣ подобныхъ дружинъ. Младшій сынъ короля, не получившій власти надъ страной, имѣлъ въ своемъ распоряженіи безграничное королевство на волнахъ океана, которое давало ему больше доходовъ, чѣмъ королевскіе домены его старшему брату. Золото и серебро и богатая добыча были его удѣломъ, а его отважные подвиги на морѣ воспѣвались въ пѣсняхъ „скальдовъ“; имя его дѣлалось именемъ національнаго героя въ устахъ народа. И викинги любили свое водное королевство и умирали въ борьбѣ за обладаніе имъ съ неменьшимъ одушевленіемъ, чѣмъ герои, жертвовавшіе жизнью за свое отечество. На своихъ легкихъ судахъ викинги совершали самыя отважныя плаванія, не только появлялись у сѣверныхъ береговъ Германіи и Франціи, высаживались на Великобританскіе острова, но проникали и въ Средиземное море, Архипелагъ и достигали даже до Іерусалима; на сѣверѣ они доходили до Гренландіи и береговъ Сѣверной Америки. Многіе гибли отъ бури въ морскихъ волнахъ, многіе падали въ кровавыхъ схваткахъ; но смерть въ бою или во время похода не пугала поклонниковъ религіи Одина.

Уставъ викинга.

„Мы не признаемъ другого права, кромѣ права меча, у насъ нѣтъ иной цѣли, кромѣ какъ умерщвлять враговъ и грабить добычу“, говорилъ предводитель викинговъ, разорявшихъ замокъ одного скандинавскаго ярла; но при всемъ томъ среди этой воль-

ницы съ теченіемъ времени сложился цѣлый рядъ обычаевъ, которые, хотя и не имѣли значенія закона, но тѣмъ не менѣе свято сохранялись викингами. Одинъ изъ шведскихъ поэтовъ нашего столѣтія (Тегнеръ) слѣдующими стихами охарактеризовалъ „уставъ викинга“:

Ни шатровъ на судахъ, ни ночлега въ домахъ:
Супостатъ за дверьми стережетъ;
Спать на ратномъ щитѣ, мечъ булатный въ рукахъ,
А шатромъ—голубой небосводъ.

Какъ у Фрея [1]), лишь въ локоть будь мечъ у тебя;
Малъ у Тора гремящаго млатъ.
Есть отвага въ груди—ко врагу подойди—
И не будетъ коротокъ булатъ.

Какъ взыграетъ гроза, подыми паруса:
Подъ грозою душѣ веселѣй.
Пусть гремитъ, пусть реветъ: трусъ—кто парусъ совьетъ!
Чѣмъ быть трусомъ, погибни скорѣй.

Ты купца, на пути повстрѣчавъ, защити;
Но возьми съ него должную дань.
Ты владыка морей, онъ же прибыли рабъ:
Благороднѣйшій промыселъ—брань.

Ты по жребью добро на помостѣ дѣли
И на жребій не жалуйся свой.
Самъ же конунгъ морской не вступаетъ въ дѣлежъ:
Онъ доволенъ и честью одной.

Но вотъ викингъ плыветъ: нападай и рубись;
Подъ щитами потѣха бойцамъ;
Кто отстанетъ на шагъ, тотъ не нашъ: вотъ законъ;
Поступай, какъ ты вѣдаешь самъ.

Побѣдивъ, укротись: кто о мирѣ просилъ,
Тотъ не врагъ уже болѣ тебѣ.
Дочь Валгаллы мольба; ты дрожащей внимай;
Тотъ презрѣнъ, кто откажетъ мольбѣ.

Рана—прибыль твоя: на груди, на челѣ
То прямая украса мужамъ:
Ты чрезъ сутки, не прежде ее повяжи,
Если хочешь собратомъ быть намъ.

---

[1]) Фрей—богъ плодородія.

Вліяніе походовъ на викинговъ.

По мѣрѣ того, какъ походы викинговъ захватывали все болѣе широкіе предѣлы, по мѣрѣ того, какъ они становились дѣйствительными королями моря и встрѣчи съ ними боялись флоты всѣхъ государствъ тогдашней Европы, измѣнялся и самый характеръ норманнскихъ мореплавателей. Доля викинга стала гораздо завиднѣе доли мирнаго обитателя континента; слава, богатство и почести сдѣлались по преимуществу ихъ удѣломъ. Не одни только люди, которыхъ не могла кормить родная земля, стали принимать участіе въ отважныхъ экспедиціяхъ викинговъ: всѣ, кого воодушевляло стремленіе къ славѣ и подвигамъ, поступали въ ихъ дружины или собирали вокругъ себя новыя. Вскорѣ только тотъ могъ выдвинуться среди норманновъ, кто пользовался репутаціей отважнаго викинга, а молодой человѣкъ, не извѣдавшій счастія на морѣ, считался трусомъ и пользовался всеобщимъ презрѣніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ самыя экспедиціи викинговъ, кромѣ богатства и военной славы, доставляли имъ богатый запасъ свѣдѣній, которыхъ они не могли бы получить у себя на родинѣ. Благодаря этимъ экспедиціямъ, норманны приходили въ соприкосновеніе съ самыми отдаленными странами, знакомились съ бытомъ и нравами различныхъ племенъ, стоявшихъ выше ихъ на уровнѣ культурнаго развитія. Они не только грабили и разоряли европейскія государства, они учились у ихъ обитателей и приносили сѣмена чужеземной культуры къ себѣ на родину. Такимъ образомъ, походы викинговъ имѣли образовательное значеніе для норманновъ, которое они и сами сознавали; въ различныхъ сагахъ мы находимъ указанія на то, что викинги, кромѣ военныхъ подвиговъ и добычи, намѣчали себѣ и болѣе возвышенныя цѣли: они стремились узнавать нравы и обычаи „другихъ вождей“, хотѣли подражать примѣру своихъ великихъ предковъ, „которые далеко ѣздили и желали извѣдать все, зато и получили себѣ великую извѣстность и славу“. Отважные пираты мало-по-малу становились наиболѣе свѣдущими людьми въ своемъ отечествѣ, покровительствовали національной поэзіи скальдовъ, нерѣдко сами бывали такими поэтами.

Походы викинговъ оказали на норманновъ благотворное вліяніе и въ другомъ отношеніи. Выше мы говорили о той обособленности, которая составляетъ важную черту норманнскихъ гражданскихъ общинъ. Не существовало единаго норманнскаго государства: и Норвегія, и Швеція, и Данія представляли группы отдѣльныхъ государствъ, между которыми не было никакой солидарности. Люди, раздѣленные между собою горными хребтами и рѣками, не могли

имѣть живыхъ и правильныхъ сношеній другъ съ другомъ. Вотъ почему на сѣверѣ Европы долгое время не возникало никакой прочной государственной организаціи. Но эти естественныя преграды, воздвигнутыя между отдѣльными союзами людей на сушѣ, исчезали, когда они отправлялись на море. Опасности плаванія и военной жизни тѣсно связывали ихъ между собою и объединяли подъ властью какого-нибудь отважнаго вождя. Между самими вождями часто устанавливались отношенія „названнаго братства". Отношенія эти ознаменовывались символическимъ обрядомъ. Вступавшіе въ подобный союзъ дѣлали себѣ легкій надрѣзъ на рукѣ, кровь ихъ, капая на землю, смѣшивалась, и это смѣшеніе крови служило залогомъ образовавшагося между ними братства. Названные братья по воспитанію или по оружію были связаны между собою узами еще болѣе тѣсными, чѣмъ родство по крови, и вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливалась связь также и между ихъ дружинами. Такъ образовывались большіе союзы викинговъ, которые не только были въ состояніи дѣлать завоеванія на самомъ континентѣ Европы, но и основывать на почвѣ этихъ завоеваній прочныя государства.

Впечатлѣніе набѣговъ на европейскія государства.

Посмотримъ теперь, какое впечатлѣніе производили набѣги норманновъ на европейскія государства, и остановимся на нѣкоторыхъ наиболѣе замѣчательныхъ ихъ экспедиціяхъ.

Разсказываютъ, что Карлъ Великій, находясь въ одномъ изъ приморскихъ городовъ южной Франціи, замѣтилъ, что къ гавани города приближаются какіе-то корабли. Окружавшіе Карла принимали ихъ за купеческія суда, но самъ Карлъ догадался, что это былъ флотъ викинговъ, и сказалъ: „Эти суда не съ товарами, а съ ратными людьми". Между тѣмъ викинги, узнавъ о присутствіи самого Карла, быстро уплыли снова въ море. Тогда Карлъ покачалъ задумчиво головой и сказалъ вслѣдъ удалявшимся викингамъ: „Меня мучитъ великая скорбь: я предвижу, сколько зла причинятъ они моимъ дѣтямъ и ихъ потомкамъ". Мы не знаемъ, насколько справедливъ этотъ разсказъ, насколько старый императоръ дѣйствительно предугадалъ ужасное бѣдствіе, грозившее имперіи послѣ его смерти. Во всякомъ случаѣ, въ основѣ этого разсказа лежитъ совершенно вѣрный историческій фактъ: одно только имя Карла Великаго удерживало при его жизни викинговъ отъ предѣловъ франкской монархіи. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ смерти Карла флоты викинговъ появляются у береговъ Голландіи, Фландріи и Франціи, дѣлаютъ попытку подняться вверхъ по Сенѣ. Одинъ изъ прирейнскихъ городовъ, Дорштадтъ, въ теченіе трехъ лѣтъ трижды

былъ разграбленъ норманнами. Въ то же самое время въ англо-саксонскихъ лѣтописяхъ находимъ извѣстія: „Послалъ всемогущій Богъ толпы свирѣпыхъ язычниковъ—датчанъ, норвежцевъ, готовъ и шведовъ; они опустошали грѣшную Англію отъ одного морского берега до другого, убивали народъ и скотъ, не щадили ни женщинъ, ни дѣтей“.—„Викинги не щадятъ никого, пока не дадутъ слова щадить. Одинъ изъ нихъ часто обращаетъ въ бѣгство десятерыхъ и даже больше. Бѣдность внушаетъ имъ смѣлость; скитанія дѣлаютъ невозможною правильную борьбу съ ними; отчаяніе дѣлаетъ ихъ непобѣдимыми“.

Послѣ смерти Людовика Благочестиваго, когда усилившіяся междоусобія между его сыновьями привели къ распаденію монархіи Карла на три самостоятельныя государства, Франція больше всего пострадала отъ нападеній норманновъ. Король французскій Карлъ Лысый былъ совершенно неспособенъ оказать сильный отпоръ отважнымъ дружинамъ викинговъ; онъ большею частью предоставлялъ защиту страны самому населенію; королевскія войска рѣдко выходили навстрѣчу норманнскимъ отрядамъ. Карлъ предпочиталъ покупать за деньги миръ у норманновъ и, уплачивая имъ огромныя для того времени денежныя суммы, облагалъ тяжелыми поборами церковь, въ рукахъ которой находилось тогда наибольшее количество золота и серебра. Храмы и монастыри чаще всего разграблялись норманнами, и лица, принадлежавшія къ клиру, такимъ образомъ больше всѣхъ страдали отъ жестокостей, которыми сопровождались норманнскія разоренія. Поэтому въ хроникахъ той эпохи, писавшихся монахами, мы встрѣчаемъ многочисленные разсказы о набѣгахъ викинговъ, которые представляются, какъ послѣдствія гнѣва Божія на Францію за грѣхи ея населенія. Подобныя же мысли высказывались и на церковныхъ соборахъ. Такъ, на одномъ соборѣ епископы говорили мірянамъ: „Вы видите, что въ наказаніе за неповиновеніе христіанъ заповѣдямъ Божіимъ и постановленіямъ церкви Господь допустилъ въ самое сердце королевства, до самаго Парижа, самыхъ жестокихъ язычниковъ и заклятыхъ враговъ христіанства“.—„Печально время, въ которое мы живемъ“, пишетъ одинъ епископъ, „ибо неистовства язычниковъ вызвали всеобщее бѣдствіе и разореніе. Королевства, нѣкогда столь славныя, лишились своей славы; короли, нѣкогда столь сильные, лишились своего могущества. Воды рѣкъ еще окрашены кровью жертвъ и покрыты разлагающимися трупами; кости плѣнниковъ норманнскихъ гніютъ безъ погребенія на островахъ Сены; берега, нѣкогда прекрасные,

какъ рай, совершенно опустошены огнемъ и мечомъ".—„Грѣхи наши виною во всѣхъ бѣдствіяхъ", восклицаетъ другой монахъ: „несправедливости священниковъ и князей превзошли всякую мѣру; они исказали правосудіе, потворствовали пролитію крови, исполнили все грѣха и преступленія. Чтобы заставить насъ плакать о нашихъ прегрѣшеніяхъ, Господь попустилъ варварамъ обнажить мечъ отомщенія, обратилъ ихъ въ орудіе противъ насъ".

Въ тѣхъ мрачныхъ краскахъ, которыми французскіе монахи описываютъ набѣги викинговъ, нѣтъ преувеличенія. О кровавыхъ разореніяхъ и безпощадности викинговъ къ своимъ врагамъ свидѣтельствуютъ намъ и скандинавскія саги. Но та своеобразная поэзія, которая была присуща смѣлымъ подвигамъ „морскихъ королей", не могла не ускользнуть отъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, современниковъ норманнскихъ набѣговъ. Послѣдствія варварства викинговъ были у всѣхъ передъ глазами: викинги оскорбляли христіанскія святыни, разоряли и сожигали города и монастыри, обращали въ пустыни плодоносныя поля,—вполнѣ естественно, что въ памятникахъ той эпохи они характеризуются однѣми только отрицательными чертами. Свободолюбивый духъ викинговъ, ихъ отважная предпріимчивость, высокое представленіе о силѣ и могуществѣ человѣка видны тѣмъ не менѣе и сквозь эту призму разсказовъ о насиліяхъ и жестокостяхъ, совершенныхъ норманнами.

Гастингъ.

Однимъ изъ наиболѣе выдающихся викинговъ той эпохи былъ Гастингъ. Онъ явился во Францію вмѣстѣ со своимъ воспитанникомъ Бьёрномъ-Іернсидой (Желѣзный бокъ), сыномъ конунга Лодброга, во второй половинѣ IX-го вѣка во главѣ многочисленнаго флота норманновъ. Имя Гастинга навело ужасъ на всю Францію. Подъ его начальствомъ викинги проникли во Францію сначала черезъ устье Лоары и, поднявшись вверхъ по рѣкѣ, опустошили всю страну, лежавшую по ея теченію, подвергли страшному разгрому городъ Нантъ; также дѣйствовали они въ областяхъ по Гаронѣ. Наконецъ, по теченію Сены Гастингъ дошелъ до Парижа и занялъ этотъ городъ. Карлъ Лысый со своимъ войскомъ стоялъ въ это время около Сенъ-Дени и не смѣлъ выступить противъ грознаго врага. „Кто бы подумалъ, кто бы вообразилъ", пишетъ одинъ монахъ, „видимое нынѣ нашими глазами, предметъ нашихъ вздоховъ и слезъ? Орда, составленная изъ морскихъ разбойниковъ, проникла до Парижа и сожгла церкви и монастыри на берегахъ Сены! Кто бы представилъ себѣ, что простые разбойники отважатся на такія предпріятія и что—увы!—такое славное и сильное, великое и населенное коро-

левство постигнетъ участь позора и униженія отъ грабительстоа этихъ варваровъ? За нѣсколько передъ симъ лѣтъ не ожидали увидѣть, что они награбятъ такое множество сокровищъ въ нашихъ областяхъ, опустошатъ ихъ, а жителей уведутъ въ рабство; даже и не предчувствовали, что они осмѣлятся занести ногу во внутренность королевства". По счастью для Франціи, среди норманновъ открылась въ то время какая-то болѣзнь, и Карлу удалось купить у нихъ миръ за 7000 фунтовъ серебра.

Взятіе Луны.

Изъ всѣхъ предпріятій Гастинга наиболѣе характернымъ для этого викинга является его походъ въ Италію (около 859 г.). „Всѣ государства міра", говорилъ Гастингъ, „должны увидѣть нашу славу. Сотни тысячъ уже пали отъ нашего меча; но всякій воинъ, достигнувъ одной цѣли, стремится къ высшей; если мы подаримъ римскую корону Бьёрну-Іернсидѣ, наша слава разнесется по всему свѣту". Флотъ викинговъ достигъ города Луны, въ бухтѣ Спеціи. Городъ этотъ со своими высокими стѣнами и башнями сильно подѣйствовалъ своимъ внѣшнимъ видомъ на воображеніе норманновъ. Они подумали, что это и есть самый Римъ. Приблизившись къ городу, Гастингъ увидѣлъ, что укрѣпленія его слишкомъ сильны и едва ли удастся взять городъ приступомъ. Поэтому онъ придумалъ хитрость. Послы Гастинга явились въ Луну во время праздника Рождества Христова и заявили, что флотъ викинговъ пришелъ въ гавань города съ мирными цѣлями: онъ занесенъ сюда бурей, вождь викинговъ опасно боленъ и хочетъ передъ смертью принять христіанство. Извѣстіе это было принято съ восторгомъ населеніемъ Луны; графъ города былъ воспріемникомъ викинга, а самъ епископъ совершилъ надъ нимъ таинство крещенія. Ночью жители города услышали громкій плачъ на корабляхъ норманновъ: пришла вѣсть, что Гастингъ умеръ, завѣщалъ всѣ свои богатства церкви и выразилъ желаніе быть погребеннымъ въ городскомъ монастырѣ. Въ торжественной похоронной процессіи, устроенной Гастингу, участвовало большое число норманновъ; они наполнили церковь, куда собрались также и графъ и знатнѣйшіе граждане Луны. Но когда былъ оконченъ погребальный обрядъ и готовились опустить гробъ въ могилу, крышка его поднялась, изъ гроба всталъ Гастингъ въ полномъ вооруженіи и мечомъ своимъ убилъ епископа, совершавшаго богослуженіе. Примѣру его послѣдовали остальные норманны: графъ и вся знать Луны были перебиты. Викинги отворили ворота города своимъ товарищамъ. Норманны безъ труда овладѣли Луной и предали городъ грабежу и раз-

рушенію. Только тогда узнали они, что взятый ими городъ былъ не Римъ.

Въ старости Гастингъ, утомленный трудами военной жизни, пожелалъ окончить спокойно свои дни и воспользоваться плодами своихъ побѣдъ. Онъ принялъ христіанство и получилъ отъ короля Карла Лысаго графство шартрское. Отважный викингъ, гроза морей, сдѣлался мирнымъ феодальнымъ барономъ. Эта перемѣна въ личной судьбѣ Гастинга вполнѣ соотвѣтствовала новому характеру, который получили набѣги викинговъ въ концѣ IX вѣка. Викинги не довольствовались болѣе одной военной добычей и славой,—они стремились сдѣлать прочныя завоеванія на континентѣ Европы. Отряды ихъ никогда не покидали совершенно Франціи; тотъ или другой городъ, та или другая мѣстность находились въ теченіе продолжительнаго времени въ рукахъ норманновъ; туда прибывали къ нимъ весной новыя дружины, отсюда они совершали свои набѣги вглубь страны. Какъ на подобную попытку прочно основаться на французской почвѣ, слѣдуетъ смотрѣть на продолжительную осаду Парижа норманнами, длившуюся десять мѣсяцевъ,—быть можетъ, самое упорное и трудное военное предпріятіе норманновъ. Осада Парижа.

Знаменитая осада Парижа началась въ концѣ ноября 885 года и тянулась до октября 886 года. Огромныя силы норманновъ поднялись вверхъ по Сенѣ и подступили къ Парижу. Самый городъ былъ расположенъ въ то время на островѣ Сены, предмѣстья его лежали на обоихъ берегахъ рѣки. Эти предмѣстья не были ничѣмъ укрѣплены, но городъ былъ хорошо защищенъ стѣной и башнями, а главное—крѣпкими мостами черезъ рѣку. Защитою Парижа руководили графъ Эдъ, сынъ знаменитаго Роберта Смѣлаго, мужественно защищавшаго свою страну отъ норманновъ, и епископъ парижскій Гослинъ. Франціей управлялъ въ то время Карлъ Толстый, который снова соединилъ въ рукахъ своихъ всѣ владѣнія Карла Великаго и носилъ императорскій титулъ, но былъ человѣкъ совершенно ничтожный, занятый однѣми придворными интригами и къ тому же страдавшій постоянными головными болями, близкій къ умопомѣшательству. Парижъ долженъ былъ обороняться собственными силами, помощь отъ императора пришла только въ самомъ концѣ. У норманновъ не было умѣнія вести правильную осаду, не было необходимыхъ осадныхъ орудій; этимъ объясняется успѣшная оборона Парижа. Мужество оборонявшихся при скудномъ запасѣ съѣстныхъ припасовъ и открывшихся среди осажденныхъ болѣзней не спасло бы города, если бы норманны могли вести

свои дѣйствія болѣе энергично. Всѣ ихъ многочисленныя попытки овладѣть Парижемъ ограничивались приступами противъ отдѣльныхъ укрѣпленій и постоянно разбивались объ отчаянное сопротивленіе оборонявшихся. Тучи стрѣлъ и камней сыпались на нихъ съ башенъ, ихъ попытки поджечь деревянныя укрѣпленія города за немногими исключеніями оканчивались неудачно. Среди оборонявшихся господствовало сильное религіозное воодушевленіе благодаря увѣщаніямъ епископа Гослина; воодушевленіе это еще усиливалось разсказами о видѣніяхъ, бывшихъ нѣкоторымъ благочестивымъ гражданамъ Парижа, и о чудесахъ, совершавшихся при мощахъ св. Германа и св. Женевьевы, защитниковъ Парижа. При всемъ томъ къ концу осады силы осажденныхъ истощились, запасы съѣстныхъ припасовъ приходили къ концу, и городъ не могъ бы держаться долѣе, если бы не подоспѣли, наконецъ, войска императора. Но Карлъ Толстый, по примѣру своего предшественника, избѣгнулъ рѣшительнаго столкновенія съ норманнами: онъ за деньги купилъ у нихъ миръ и побудилъ снять осаду Парижа.

Въ слѣдующемъ году Карлъ Толстый былъ свергнутъ съ престола, и французская корона по праву должна была перейти къ послѣднему мужскому потомку Каролинговъ во Франціи, малолѣтнему Карлу (впослѣдствіи король Карлъ Простоватый). Но французскій народъ избралъ королемъ героя обороны Парижа, графа Эда. Несмотря на мужество Эда и его отважную борьбу съ норманнами, королевская власть во Франціи была слишкомъ слаба, чтобы остановить вторженія викинговъ. Ихъ нападенія на Францію были такъ же часты, какъ и прежде, и сопровождались еще большими жестокостями. Въ это время на соборѣ въ Мецѣ (888 г.) были установлены особыя молитвы объ освобожденіи страны отъ норманскихъ набѣговъ, а въ нѣкоторыхъ церквахъ на ектеніяхъ стали возглашать прошеніе: „A furore Normannorum libera nos, Domine!“ Не менѣе Франціи страдали отъ набѣговъ въ концѣ IX и началѣ X вв. Германія и Англія.

Одинъ изъ главныхъ героевъ этой эпохи норманнскихъ набѣговъ, датчанинъ Рольфъ, былъ основателемъ нормандскаго герцогства во Франціи (911 г.). Такъ отважные пираты сдѣлались основателями государствъ: начался новый періодъ въ исторіи норманновъ. Періодъ этотъ лежитъ внѣ предѣловъ нашей статьи. Въ эту эпоху роль норманновъ въ исторіи европейскихъ государствъ становится значительнѣе и почетнѣе: изъ разрушителей они обра-

щаются въ созидателей государственнаго порядка; но этому новому періоду недостаетъ того, что привлекаетъ насъ въ очерченной только что бѣглыми чертами эпохѣ. Смѣлые викинги, свободные, какъ стихія, на которой выросло ихъ могущество, становятся въ тѣсныя рамки феодальнаго государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ въ ихъ жизни тѣ черты, которыя сохранились до нашего времени въ пѣсняхъ скандинавскихъ скальдовъ.

Б. Гольденвейзеръ.

XXII.

Феодъ и сеньёрія.

Обычаи и записи обычаевъ.

Феодальный строй, какъ самобытная соціально-политическая система, засвидѣтельствованная историческими памятниками XI—XIII вв., противополагается обыкновенно государственному быту античнаго міра и общественной жизни европейскихъ народовъ новыхъ временъ. Система феодальныхъ отношеній была закрѣплена, какъ обязательная правовая „норма“ (т.-е. узаконенное правило поведенія и обязательный для подражанія образецъ), но не писанными законами въ родѣ римскаго права, а долгое время только живучимъ обычаемъ (coutume), устно или силою примѣра передававшимся отъ предковъ къ потомкамъ. Членъ феодальнаго общества терялъ чувство собственной безопасности и обезпеченной собственности почти каждый разъ, когда отъ него требовали „письменнаго документа“ для доказательства одного изъ его обычныхъ правъ, и могъ сослаться въ защиту обыкновенно только на свидѣтельство старожиловъ въ околодкѣ, спрошенныхъ подъ присягой (enquête, recognitio). Но этотъ способъ установленія обычнаго права посредствомъ опроса сосѣдей подъ присягой не могъ спасти ни свободы, ни имущества средневѣковому человѣку, если какой-нибудь законникъ, воспитавшійся на римскомъ правѣ, начиналъ къ общественному положенію и способу владѣнія француза или нѣмца XIII в. примѣнять опредѣленія и мѣрки римскаго права для понятій „свободнаго человѣка“, „собственника“ и т. п., потому что значе-

---

Источники. *Luchaire*, Manuel des Institutions Françaises; *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte; *Stubbs*, The Constitutional History of England; *Vinogradoff*, Villenage in England.

нія этихъ понятій въ римскомъ правѣ и въ средневѣковомъ обычаѣ не всегда совпадали. Итакъ, обязанности и права средневѣковаго человѣка держались только голосомъ народа, взаимною порукой среди каждой сословной группы, иногда просто силой честнаго слова, а иногда грубымъ самосудомъ. Если сосѣдъ нарушалъ въ средніе вѣка права другого, то обиженному недостаточно было установить передъ судомъ или общественнымъ мнѣніемъ свою правоту, чтобы возстановить утраченное или возмѣстить потери; ему нужно было еще самому найти „принудительную силу“ и заставить обидчика вернуть захваченное неправдою. Такую принудительную силу средневѣковый истецъ находилъ чаще всего опять-таки среди равныхъ себѣ, т.-е. въ той же самой общественной группѣ, которая по требованію суда формулировала обычай и засвидѣтельствовала давность его права. Если „равные“ не поддержатъ, то истцу оставалось только въ первую половину среднихъ вѣковъ прибѣгнуть къ самоуправству, т.-е. на несправедливость отвѣтить насиліемъ и отнять то, чего отвѣтчикъ не хотѣлъ вернуть по доброй волѣ; во вторую половину среднихъ вѣковъ, когда у всѣхъ европейскихъ народовъ стала крѣпнуть центральная правительственная власть, истецъ могъ отказаться отъ кулачнаго права и обратиться къ суду короля, князя или ихъ чиновниковъ.

Чѣмъ болѣе колебалась сила обычая и преданія, тѣмъ сильнѣе сказывалась потребность и въ сильной правительственной власти съ многочисленными агентами, и въ писанномъ законѣ. Но первыя записи обычаевъ отдѣльныхъ странъ и провинцій, по которымъ можно воскресить всю феодальную систему, исходили часто не отъ офиціальныхъ властей, а отъ частныхъ юристовъ; онѣ должны были служить руководствомъ для судей и тяжущихся сторонъ въ эпоху, когда устное право по памяти стало разлагаться и измѣняться подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній. Таковы, напр., для Франціи обычаи Анжу, Мэна и Орлеанэ, сводъ которыхъ ошибочно приписанъ св. Людовику (такъ называемыя Etablissements de St.-Louis), или записи обычаевъ Бовэзи, сдѣланныя бальи Бомануаромъ (Coutumes de Beauvoisis).

Въ періодъ полнаго расцвѣта феодализма, въ XI—XIII вв., у отдѣльныхъ европейскихъ народовъ можно было еще найти три вида права собственности: аллодъ, бенефицій, феодъ. Аллодъ.

Аллодомъ (allodium, alleu) называлась земля совершенно свободная, находившаяся въ полной собственности лица; собственникъ не несъ за нее службы, не платилъ повинностей и по своему про-

изволу распоряжался ею; никакой высшій сеньёръ не имѣлъ надъ нею права суда или полицейской расправы. Переходъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, безъ всякаго вмѣшательства со стороны какого-либо сеньёра, составлялъ отличіе аллода какъ отъ временнаго бенефиція, который послѣ смерти пользовавшагося имъ возвращается къ собственнику, такъ и отъ феода, который послѣ смерти ленника, хотя и переходитъ къ его наслѣднику, но только съ согласія сюзерена, покупаемаго за извѣстный денежный взносъ. Аллодъ всегда оставался какъ бы за предѣлами собственно феодальнаго строя. Аллодіальныя земли существовали въ небольшихъ количествахъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и встрѣчались не только въ рукахъ знати, но иногда и въ собственности у простыхъ людей. Въ особенности много было ихъ на югѣ Франціи, въ областяхъ герцогства Аквитаніи и графства тулузскаго, гдѣ германскія начала потонули въ нѣдрахъ латинскаго населенія, писанное право взяло верхъ надъ обычнымъ, а города сохранили значительную долю политической самостоятельности; въ центральныхъ и сѣверныхъ провинціяхъ Франціи аллоды въ видѣ исключенія удержались до конца XIII в. Поучительна феодальная перепись, произведенная въ 1272—73 гг., по повелѣнію герцога Аквитаніи—короля англійскаго, въ его континентальныхъ владѣніяхъ на югѣ Франціи. Собственники аллодовъ должны были здѣсь являться заодно съ ленниками передъ герцогскими чиновниками и объявлять форму и условія своего владѣнія (tenure); многіе ленники были одновременно и собственниками аллодовъ. Тутъ нашлись аллоды настолько свободные, что ихъ собственники не признавали даже права за королевскимъ чиновникомъ требовать какихъ-либо свѣдѣній и отказывались давать отвѣты. Другіе собственники объявляли, что никакими повинностями ровно ни передъ кѣмъ не обязаны. Въ древнихъ городахъ, какъ Бордо, аллодіальная собственность оказалась общимъ правиломъ, а феодализмъ—исключеніемъ, между тѣмъ какъ въ новыхъ городахъ—въ коммунахъ—преобладала форма леннаго владѣнія. Горожане Бордо утверждали, что ихъ дома, виноградники, поля—по большей части аллоды, все равно, кому бы они ни принадлежали, и что они никому не обязаны отчетомъ за нихъ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ дѣйствовало даже юридическое правило, становившееся въ спорныхъ случаяхъ на сторону аллодіальной собственности: nul seigneur sans titre, т.-е. всякая земля, надъ которой никто не могъ путемъ письменнаго документа доказать свое феодальное верховенство, считалась тѣмъ самымъ за аллодъ

ея владѣльца [1]). Побужденія къ превращенію аллодовъ въ феоды были у собственниковъ XII—XIII вв. все тѣ же, какъ и въ періодъ зарожденія ленной системы: боязнь остаться изолированными и безъ покровителей, давленіе и запугиваніе со стороны сосѣднихъ сюзереновъ, политика королей, которые враждебно смотрѣли на независимую собственность и распространяли на нее верховныя права, выработавшіяся собственно надъ феодами. Въ особенности при описяхъ леновъ (recognitiones feodorum) сеньёры удачно прибѣгали къ устраненію аллодіальныхъ владѣльцевъ и вынуждали у нихъ согласіе на признаніе феодальныхъ узъ. При аквитанской описи 1272—1273 гг. собственники аллодовъ спѣшили отвѣтить на призывъ чиновниковъ, что они превратили уже свою землю въ феоды или что они дѣлаютъ это теперешнимъ своимъ заявленіемъ; нѣкоторые просто передаютъ аллоды герцогу, и простая запись, которую дѣлаютъ комиссары въ регистрахъ описи, получаетъ силу настоящей дарственной записи. Дѣло въ томъ, что аллодіальные собственники были, правда, свободны отъ всякой феодальной службы, но зато и были предоставлены однѣмъ своимъ силамъ при защитѣ земель въ случаѣ войны или насильственнаго захвата. Не имѣя возможности разсчитывать на поддержку сюзерена, они (напримѣръ, въ Лангедокѣ) образовали иногда въ своей средѣ союзы ради цѣлой взаимной охраны. Такъ исчезаютъ аллоды передъ совокупнымъ натискомъ феодальнаго принципа и монархической власти въ большинствѣ французскихъ провинцій. Раньше конца XIII в. Бомануаръ удостовѣряетъ уже, что въ области Бовэ формы аллодіальнаго владѣнія болѣе не существуетъ, а столѣтіе спустя этотъ итогъ многовѣкового процесса закрѣпляется формулой: nulle terre sans seigneur, которая на дѣлѣ чаще всего примѣняется въ пользу короля.

Собственностью бенефиціальной (beneficium) называется такое имущество, которое въ сущности находится только въ пользованіи владѣльца. Превращеніе бенефиціевъ въ лены совпадаетъ съ происхожденіемъ самой ленной системы. Въ періодъ сложившагося феодализма бенефиціи, которые всегда могутъ быть взяты собственникомъ обратно, не встрѣчаются, и даже бенефиціи срочные, не наслѣдственные, рѣдки, хотя изъ XI вѣка можно привести еще достаточно примѣровъ. Съ X вѣка феодъ становится преобла- Бенефицій.

[1]) Въ отличіе отъ правила другихъ провинцій, болѣе благопріятнаго для феодализма: nulle terre sans seigneur, т.-е. всякій владѣлецъ, который не могъ доказать права полной собственности надъ землей, долженъ былъ признать зависимость отъ верховнаго сюзерена смежныхъ леновъ.

дающимъ типомъ условной собственности. Крупные бенефиціи, съ которыми связана была политическая власть и широкое право суда, сдѣлались наслѣдственными ленами еще въ періодъ Каролинговъ. Но маленькіе бенефиціи долѣе всего сохраняли характеръ временнаго пользованія; напр., участки земли, которые большіе бароны раздавали рыцарямъ или министеріаламъ подъ условіемъ рыцарской службы (beneficia militaria), послѣ смерти воина возвращались къ барону и не могли отчуждаться. Сеньёры, графы, герцоги, короли пытались сохранить за зависимыми отъ нихъ землями бенефиціальный характеръ, но сами владѣльцы настойчиво стремились къ превращенію ихъ въ передаваемые по наслѣдству лены. Такому превращенію подвергались не только земли, но даже должности, которыя по своему смыслу должны бы быть временными. Вообще же отъ прежняго права собственности сюзерена надъ зависимымъ бенефиціемъ осталось въ эпоху Капетинговъ только нѣсколько закрѣпленныхъ обычаемъ привилегій—формальное согласіе на переходъ лена по наслѣдству, сильно оспариваемое право отбирать ленъ въ извѣстныхъ, строго опредѣленныхъ случаяхъ и нѣкоторыя матеріальныя выгоды.

Феодъ.

Слово феодъ (feodum, feudum) появляется въ актахъ различныхъ французскихъ провинцій задолго до XI в., а съ конца этого столѣтія вытѣсняетъ слово „бенефицій". Въ наиболѣе распространенномъ смыслѣ феодомъ называется земля, за которую вассалъ, или знатный наслѣдственный владѣлецъ (vassalus, homo), несетъ въ пользу собственника сеньёра (dominus) особыя обязанности, почитаемыя благородными, напр., военную службу. Такой феодъ отличенъ отъ бенефиція, который не отягощенъ обязанностями службы, и отъ „оброчной земли" (censive), которая находится въ рукахъ простолюдина, уплачивающаго ежегодно денежный оброкъ (cens) или несущаго неблагородныя служебныя повинности въ родѣ барщины.

Среди земель знати, составлявшихъ наслѣдственные лены подъ условіемъ службы сеньёру, различались простые феоды и сеньёріи. Сеньёріями назывались тѣ феоды, съ которыми связана какая-либо власть государственнаго, административнаго или политическаго характера, принадлежавшая при Карлѣ Великомъ исключительно государю или его агентамъ. Эти феоды-сеньёріи [1]) возникли по

---

[1]) Въ терминологіи французскаго феодализма „сеньеръ" (seigneur) означаетъ то феодала вообще, въ смыслѣ „господина" (dominus, Herr), которому вассалы, министеріалы, вилланы несутъ свои повинности, то лишь феодала (сира, виконта, графа, герцога), надѣленнаго, кромѣ фискальныхъ правъ, еще

преимуществу изъ смѣшенія права собственности съ государственною властью. Ихъ собственники часто бывали наслѣдниками древнихъ общественныхъ должностей или занимали опредѣленное мѣсто въ феодальномъ обществѣ. Всѣ феодальныя земли, подчиненныя одна другой, были вѣдь расположены какъ бы въ лѣстницу: одни феоды господствовали надъ другими, но большинство ихъ одновременно бывало и подчиненнымъ, и господствовавшимъ; такъ получалась цѣпь леновъ, зависимыхъ одинъ отъ другого, начиная отъ простого вавассера (подвассала) или экюйэ (оруженосца) и кончая герцогомъ, который самъ зависитъ уже отъ короля. Но эта лѣстница систематизирована для Франціи только теоріями феодальныхъ юристовъ XIII в., а въ XI в. она была менѣе сложна, не такъ выдержана и опредѣлена не столь точно. Большинство знатныхъ феодовъ—только части сеньёрій; ихъ владѣльцы несутъ только обязанности по отношенію къ сеньёру, а сами не пользуются важными правами административными или судебными; они могутъ отдать часть своего лена третьему лицу и подчинить его своимъ феодальнымъ правамъ, но сюзеренами они все-таки не станутъ.

Лены безъ земельной основы.

Въ лены отдавались не только земли. Сеньёры раздавали на ленныхъ условіяхъ: 1) должности, начиная съ самыхъ важныхъ административныхъ и судебныхъ и кончая чисто ремесленными обязанностями,—повара, мельники приносятъ „присягу“ и называютъ леномъ свою кухню или мельницу, за которую несутъ службу; 2) свои доходы и права надъ другими лицами и чужими землями: какой-нибудь вассалъ графа Шампаньи держитъ на ленныхъ условіяхъ отъ него (fief-lige) половину пчелъ, которыя онъ найдетъ въ лѣсахъ; на югѣ Франціи ленъ иногда состоялъ изъ комнаты въ замкѣ или части укрѣпленной площадки; 3) церковныя десятины или части десятинъ церквей, аббатствъ, каѳедральныхъ соборовъ и епископскихъ каѳедръ. Начиная съ XII в., вошло въ обычай раздавать въ ленъ суммы денегъ или постоянныя ренты изъ казны сеньёра. Рядомъ съ fief-terre и fief-office становится fief-argent. Въ XIII в. случаи денежныхъ инфеодацій крайне многочисленны; сеньёры стремятся деньгами увеличивать число зависимыхъ людей. Какъ феодами-должностями сеньёры добывали себѣ администраторовъ,

---

государственными и политическими правами, т.-е. „феодальнаго государя“ (сюзеренъ, Fürst), то спеціальный титулъ („сиръ“) низшаго слоя этихъ феодаловъ (въ противоположность графамъ и герцогамъ).

сборщиковъ податей, судей для отправленія своихъ феодальныхъ правъ, такъ денежными ленами они пріобрѣтали военную силу для защиты отъ враговъ. Денежные феоды облегчили возможность быть ленникомъ нѣсколькихъ сеньёровъ сразу, и короли могли, раздавая пенсіи, вступать въ феодальную связь съ вассалами второй руки (арьеръ-вассалами), которые по своимъ землямъ были уже непосредственными ленниками графовъ, герцоговъ и т. п.

Переходъ земель по наслѣдству.

Среди незнатныхъ людей наиболѣе распространеннымъ видомъ наслѣдованія въ средніе вѣка былъ раздѣлъ земли послѣ смерти собственника-отца поровну между всѣми дѣтьми, безъ различія пола. Въ средѣ знати надо по отношенію къ порядку наслѣдованія отличать аллодіальную собственность отъ феодальной. Аллоды первоначально дѣлились поровну, какъ и земли простолюдиновъ. Южная Франція, гдѣ аллодіальная собственность была особенно распространена, примѣняла долго тотъ же равный раздѣлъ и къ феодамъ. Но въ бо́льшей части французскихъ областей право первородства взяло верхъ и распространилось даже на аллоды. Въ XI—XIII вв. право первородства было уже преобладающимъ признакомъ феодальной земли. Но надо, впрочемъ, дѣлать различіе между крупными сеньёріями, или баронствами, и простыми феодами. По кутюмамъ Орлеанэ и Анжу XIII в., простой феодъ дѣлился между наслѣдниками, но не поровну. Старшій получалъ обыкновенно $^2/_3$ недвижимости и отцовскій очагъ. Но когда дѣло идетъ о бароніи, то право первородства строже: баронія вся цѣликомъ переходитъ къ старшему, а младшіе получаютъ только какую-либо доходную статью во временное пользованіе (узуфруктъ). Смыслъ такого установленія ясенъ: баронія, какъ крупная политическая единица, не могла идти въ раздѣлъ безъ утраты своего значенія; военный феодъ могъ свободно дробиться до тѣхъ поръ, пока доходовъ каждой выдѣляемой части хватало на содержаніе коннаго рыцаря. Чѣмъ болѣе крѣпнетъ политическій смыслъ въ средѣ баронскихъ семействъ, тѣмъ строже они сами соблюдаютъ эти привилегіи старшихъ.

Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда феодъ раздроблялся, слѣды его прежняго единства не исчезали, и между родственниками, участвовавшими въ раздѣлѣ, устанавливалась опредѣленная обычаемъ солидарность, „равенство“ (parage, paragium). Младшіе братья не были, правда, обязаны приносить старшему присягу за свою долю, но на дѣлѣ это было обычнымъ во многихъ семьяхъ. Въ другихъ случаяхъ младшіе наслѣдники приносили присягу прямо верховному

сюзерену лена. Соучастники въ раздѣлѣ (coseigneurs) должны были блюсти между собою дружбу, не заводить войнъ въ своей средѣ; никто изъ нихъ не могъ строить себѣ замка безъ согласія остальныхъ; если одинъ продавалъ свою долю, то всѣ остальные сохраняли на нѣкоторое время право выкупа; если соучастникъ признавалъ свою зависимость отъ какого-либо новаго сеньёра, то другіе могли принудить его порвать эту новую зависимость. Встрѣчались случаи, гдѣ сеньёрія не дробилась между родственниками, а всѣ владѣли ею сообща поперемѣнно, каждый въ свою очередь. Изгои первоначально устранялись отъ правъ, которыя принадлежали бы ихъ отцамъ. Но по мѣрѣ того, какъ отъ устнаго права Франція переходитъ къ праву письменному, предпочтеніе боковыхъ линій исчезаетъ, а изгои вступаютъ въ права наслѣдства. Въ XIII в. это становится правиломъ и въ странахъ кутюма, и въ областяхъ писаннаго закона [1]). Но боковые родственники не сразу примирились съ этимъ, и борьба дядей изъ-за наслѣдства отъ брата со своимъ племянникомъ, въ особенности въ XI вѣкѣ,—не рѣдкость.

Древнее германское право, въ отличіе отъ римскаго, исключало женщину отъ наслѣдства недвижимостью, землей. Феодальное право тщетно старалось удержать это правило. Съ конца X в. и на сѣверѣ Франціи, и на югѣ, гдѣ вліяло римское преданіе, женщины наслѣдуютъ феоды, распоряжаются ими, а въ XII в. это становится повсемѣстно общимъ правиломъ; но наслѣдницы феодовъ несли, конечно, нѣкоторыя обязанности черезъ наемныхъ замѣстителей.

Опека.

Если при смерти феодала его наслѣдникъ еще несовершеннолѣтній, то и феодъ, и малолѣтній собственникъ его поступали подъ опеку (en bail, in ballio). Права опекуновъ надъ феодалами (bailles, baillivi), въ противоположность простой опекѣ надъ землями простыхъ людей (tutelle), очень обширны; бальи ставится какъ бы замѣстителемъ малолѣтняго, пользуется всѣми его доходами, несетъ за него всѣ обязанности. Опекуномъ становится или кто-либо изъ родичей умершаго, или его сюзеренъ. Изъ родичей сначала берутся восходящія линіи (опека отца, дѣда), затѣмъ боковыя (напр., старшій братъ); боковые родичи, вступая въ опеку, должны были

---

[1]) Франція въ XIII—XVIII вв. дѣлилась на двѣ неравныя полосы: одна, сѣверная, охватывала области обычнаго права (les pays de droit coutumier), гдѣ обычаи германскаго происхожденія по преимуществу лежали въ основаніи гражданскаго права; другая, южная полоса, обнимала области, гдѣ писанное римское право не переставало примѣняться въ сферѣ гражданскихъ отношеній (les pays de droit écrit).

купить это право у сюзерена. Каждый опекунъ, совершенно какъ если бы ленъ перешелъ къ нему самому по наслѣдству, приноситъ сюзерену присягу на вассальную зависимость и вмѣстѣ съ доходами лена беретъ на себя и всѣ обязанности за него. Чтобы оградить жизнь опекаемаго малолѣтняго отъ алчныхъ покушеній боковыхъ наслѣдниковъ, которые зачастую дѣлались и опекунами, создана была „двойная опека". Одинъ опекунъ оберегалъ личность ребенка, другой—его собственность. Возрастъ совершеннолѣтія колебался въ различныхъ областяхъ между 14—15 годами и 21 годомъ.

Отчужденіе лена. Право отчужденія леновъ (продажи, дара, залога) было тоже ограничено и обставлено различными формальностями. Даже собственникъ аллода могъ продать его только съ согласія ближайшихъ родственниковъ, въ особенности братьевъ. Такое же разрѣшеніе родственниковъ требовалось при продажѣ своей доли въ какомъ-либо феодѣ, поступившемъ въ раздѣлъ. Но, кромѣ того, для продажи любого феода требовалось въ XI столѣтіи разрѣшеніе сюзерена, какъ верховнаго собственника участка. Въ XII—XIII вв. въ актахъ о продажѣ уже не считали необходимымъ упоминать о согласіи сюзерена—оно подразумѣвалось само собою, но за то ему уплачивалась извѣстная сумма при каждомъ переходѣ лена изъ рукъ въ руки вслѣдствіе отчужденія; эти поборы назывались quinte, lods et ventes и т. п. На югѣ Франціи право сеньёра отличалось большей строгостью: сеньёръ могъ долго спустя послѣ продажи уплатить покупщику заплаченныя за феодъ деньги и взять назадъ ленъ въ силу своихъ верховныхъ правъ (retrait féodal).

Согласіе сюзерена требуется и на всякое дѣйствіе вассала, которое можетъ обезцѣнить ленъ. Сюда относили случаи, когда вассалъ замѣщалъ себя другимъ человѣкомъ, стоявшимъ ниже его по положенію, но въ особенности освобожденіе рабовъ и вклады въ церкви. Такъ какъ рабъ входилъ въ самый составъ феода, то въ древнѣйшія времена его освобождалъ не ленникъ, а сюзеренъ; но въ XIII в. это право сюзерена перешло просто въ согласіе на освобожденіе раба ленникомъ, которое въ концѣ концовъ давалось послѣ освобожденія въ видѣ утвержденія. Наиболѣе ущерба приносилъ феодальнымъ интересамъ переходъ земель въ руки церкви. Клерики и монахи считались какъ бы „мертвою рукой" (gens de mainmorte) [1]): церковь не умираетъ и не отчуждаетъ, къ тому же

[1]) Подъ mainmorte въ общемъ смыслѣ слова разумѣется положеніе земельной собственности, собственникъ которой не можетъ распоряжаться ею,

она пользуется многими привилегіями; земли, отданныя ей, утрачены навсегда для феодальнаго общества. Бывали сеньёріи, гдѣ такое „умерщвленіе лена“ (amortissement) было вообще запрещено; въ другихъ оно дозволено только съ согласія ближайшаго сюзерена, который болѣе всего теряетъ отъ такихъ вкладовъ. Но въ виду того, что ленъ въ рукахъ церкви никогда не могъ стать выморочнымъ, отъ amortissement страдала вся лѣстница сюзереновъ, начиная съ ближайшаго и кончая королемъ. Въ XII в. герцоги и графы предъявляли свои права—запрещать вклады земель въ церкви, а въ XIII вѣкѣ короли, какъ верховные сюзерены, стали утверждать, что безъ ихъ разрѣшенія нигдѣ во Франціи земли не могутъ отторгаться въ пользу духовенства. Юристы прямо утверждали, будто бы право amortissement — привилегія королевской власти.

Знатность.

Знатными людьми (nobles) считались въ XI вѣкѣ собственники знатныхъ земель, т.-е. феодовъ (fief-terre). Тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ, въ Южной Франціи, было много аллодовъ, граница между знатными и простыми людьми сглаживалась. Вторымъ признакомъ знатности стало допущеніе къ посвященію въ рыцари. Хоть и простые люди, и даже рабы попадали иногда въ рыцари, но преобладающимъ правиломъ было, что въ рыцари попадалъ преимущественно знатный, т.-е. владѣлецъ лена. „Рыцарь“ почти всегда „знатный“, но знатный не всегда рыцарь. Наслѣдственность въ дѣлѣ доступа къ рыцарству рано стала приниматься въ соображеніе и давала право на посвященіе даже безъ лена. Это сословіе, владѣющее феодами и посвящаемое въ рыцари, т.-е. noblesse, и жило сообразно своему особому частному праву, отличному отъ обычаевъ среди простыхъ людей (Lehnrecht и Landrecht, gentilshommes и coutumiers). Въ началѣ феодальнаго періода XII—XIII вв. всѣ различныя названія для отдѣльныхъ группъ знати были еще не установившимися и смѣшивались. Въ XII в. вошло во всеобщее употребленіе названіе „бароновъ“ (barones); такъ назывались группы всѣхъ сеньёровъ, владѣющихъ значительными ленами на правахъ первородства и зависящихъ непосредственно отъ одного и того же сюзерена. Конечно, была значительная разница между группами бароновъ короля, герцога, графа и группой баро-

---

т.-е. не имѣетъ права ни отчуждать, ни завѣщать ее. Отсюда homme de mainmorte—типъ тѣсной крѣпостной зависимости, при которой сеньеръ наслѣдовалъ своему крѣпостному, если у того не было прямыхъ наслѣдниковъ мужского пола.

новъ вокругъ простого сеньёра. Непосредственные вассалы каждаго сюзерена принимаютъ также названіе его равныхъ (pares), которое остается впослѣдствіи только за самыми важными баронами среди группъ, окружающихъ короля, герцога или сеньёра [1]). Въ одномъ регистрѣ Филиппа-Августа изъ начала XIII в. перечисляются по разрядамъ всѣ знатные, зависящіе прямо или посредствомъ другихъ ленниковъ отъ короля Франціи. Въ этой ранней классификаціи французская знать дѣлится на 5 слоевъ: 1) графы и герцоги короля Франціи (comites et duces regis Franciae). Здѣсь, кромѣ главъ феодальныхъ государствъ, на которыя распадалась Франція, т.-е. пэровъ короля, помѣщены и непосредственные вассалы меньшаго значенія (графъ де Суассонъ) и даже вассалы второй руки (арьеръ-вассалы—графъ де Баръ-сюръ-Сэнъ, Bar-sur-Seine и т. д.). 2) Бароны короля Франціи (barones regis Franciae). Здѣсь подъ баронами понимаются второстепенные сеньёры. Такіе бароны не имѣютъ права чеканить монету, но они пользуются вездѣ, кромѣ Нормандіи, гдѣ высшая юрисдикція—привилегія герцога, правомъ высшаго и низшаго суда. Большинство бароновъ въ регистрѣ Филиппа-Августа титулуются, какъ „сеньёры“ и „виконты“ (сиръ де Монморанси, де Монфоръ, виконтъ де Тюреннъ и т. д.), но здѣсь также „видамъ“ де Пикиньи и коннетабль Нормандіи. 3) Кастелляны (castellani). 4) Рыцари (milites), т.-е., вѣроятно, тѣ, кто имѣлъ право идти на битву съ собственнымъ отрядомъ и знаменемъ (bannierets, vexillarii). 5) Вавассеры (vavassores), владѣльцы рыцарскихъ леновъ, вся низшая знать, живущая въ городахъ и сельскихъ округахъ. Вавассеръ или вовсе не имѣетъ права суда, или пользуется только низшей юрисдикціей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ вавассерамъ приравниваются надѣленные ленами министеріалы, т.-е. люди несвободныхъ состояній (sergent fieffé, serviens), и башелье, т.-е. рыцари безъ леновъ, напр., младшіе сыновья.

Пока владѣніе феодомъ было главнымъ признакомъ знатности, богатые горожане и даже крестьяне могли пріобрѣтать знатность простой покупкой леновъ. Кутюмы XIII в. признавали это право, хотя съ теченіемъ времени и стали его ограничивать. Ордонансъ

---

[1]) При Филиппѣ-Августѣ насчитывали только 12 пэровъ французскаго короля—шесть свѣтскихъ (герцоги Нормандіи, Бургоніи, Гіэнни, графы Фландріи, Тулузы, Шампани) и шесть духовныхъ (архіепископъ реймскій, епископы Лана, Лангра, Бовэ, Шалона и Нойона). Тринадцатымъ былъ, конечно, самъ король, какъ герцогъ Иль-де-Франса. Позднѣе титулъ пэра сталъ распространяться путемъ пожалованія и на другія феодальныя государства.

Филиппа Смѣлаго отъ 1275 г., облагавшій незнатныхъ людей при покупкѣ феодовъ тяжелымъ поборомъ (droit de franc-fief), затруднилъ этотъ способъ пріобрѣтенія знатности. Но съ конца XIII вѣка въ знать можно было попасть и по пожалованію (lettre d'anoblissement) суверена; это становится постепенно привилегіей короля, и парижскій парламентъ перестаетъ признавать за главами крупныхъ феодальныхъ государствъ право жаловать виллана въ рыцари.

Первою и самою существенною обязанностью вассала было — признать по отношенію къ сеньёру свою вассальную зависимость (hommage, hominium) по землѣ и принести ему присягу въ своей личной вѣрности (foi, fidelitas). Этими двумя обрядами какъ бы устанавливалась феодальная связь между каждымъ новымъ поколѣніемъ сюзереновъ и вассаловъ, хотя въ сущности начало такой наслѣдственной связи относилось къ отдаленнымъ временамъ ихъ предковъ. Очевидно, что коммендація эпохи Каролинговъ легла въ основаніе фуà и оммажа, но только вмѣсто тогдашнихъ терминовъ beneficium, vassus, senior, стали господствующими названія feodum, homo, dominus. Hommage кладетъ начало вассальной зависимости по лену. Сперва онъ приносился за землю, позднѣе за всякую должность или сумму денегъ. Форма самаго обряда тоже была заимствована у древней коммендаціи. Вассалъ являлся къ своему сеньёру, опускался на колѣни, влагалъ свои руки въ руки сеньёра и объявлялъ себя его „человѣкомъ" (homme), т.-е. вассаломъ, за извѣстный ленъ. Сеньёръ даетъ ему поцѣлуй мира въ губы и поднимаетъ его. Первоначально можно было становиться въ зависимость вассальную или министеріальную, не получая сразу лена, а служить только въ надеждѣ на будущее. Но позднѣе, въ эпоху расцвѣта феодальной системы, съ присягой на вассальную зависимость соединялось обыкновенно требованіе лена. Дарованіе лена, или инвеститура, совершалось сеньёромъ посредствомъ символическаго врученія какой-либо вещи—перчатки, посоха, копья со знаменемъ и т. п. Этимъ обрядомъ завязывается связь между двумя лицами и двумя землями; вассалъ принимаетъ въ то же время на себя извѣстныя обязанности, соблюдать которыя онъ долженъ обѣщаться подъ присягою. Таково именно назначеніе (foi, fides), или клятва въ вѣрности, которую вассалъ произноситъ, положивъ руку на Евангеліе или на ковчегъ съ мощами. Hommage и foi.

Древнѣйшее свидѣтельство эпохи Капетинговъ объ обязанностяхъ, связанныхъ съ клятвою въ вѣрности, даетъ письмо Фульберта шартрскаго къ герцогу Аквитаніи изъ начала XI вѣка. Епи-

скопъ обозначаетъ эти обязанности словами: incolume, tutum, honestum, utile, facile, possibile; это означаетъ, вѣроятно, что вассалъ не долженъ злоумышлять ни противъ жизни, ни противъ здоровья своего сеньёра, не долженъ выдавать его тайнъ, вредить безопасности его крѣпостей, не долженъ наносить ущерба ни его чести, ни справедливости его суда; не долженъ дѣлать затрудненій или препятствій тѣмъ предпріятіямъ, которыя возможны или даже легки для сеньёра, а, напротивъ, всюду стараться помогать ему. Все это отрицательныя обязанности; положительный долгъ вассала Фульбертъ опредѣляетъ словами consilium et auxilium, conseil и aide. Изъ этихъ обязанностей „совѣта“ и „помощи“ вытекли постепенно всѣ служебныя и денежныя повинности, въ частности— служба въ набѣгѣ и на походѣ, въ судахъ и совѣтахъ и т. д. Въ силу оммажа вассалъ входилъ, какъ звено, въ феодальное общество, но обязанность вѣрности (фуà) существовала и до утвержденія феодальной системы въ отношеніяхъ между подданными и главой государства, а въ эпоху феодализма она распространялась не только на вассаловъ, но и на все свободное населеніе сеньёріи. Аллодіальный собственникъ былъ связанъ этой обязанностью, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ высшему сюзерену. Оммажъ приносится при каждой перемѣнѣ ленника (обыкновенно дается срокъ въ 40 дней), а въ нѣкоторыхъ областяхъ даже и при перемѣнѣ сюзерена. Различали не менѣе двухъ видовъ оммажа—обыкновенный hommage, который влечетъ за собой только обязанности, перечисляемыя Фульбертомъ, и hommage lige (ligeitas), „ближнюю зависимость“, какъ связь болѣе тѣсную. „Ближній вассалъ“ (homme lige) несетъ всѣ обязанности, связанныя съ обыкновеннымъ оммажемъ, но, кромѣ того, и нѣкоторыя усиленныя повинности; напр., онъ долженъ служить сюзерену на своихъ издержкахъ въ теченіе всего времени войны, которую тотъ ведетъ противъ своихъ враговъ, тогда какъ обыкновенный вассалъ обязанъ по кутюмамъ только къ 40 днямъ службы и притомъ на содержаніи сюзерена. „Ближняя зависимость“ (ligence) — это какъ бы оборонительная и наступательная лига между сюзереномъ и вассаломъ. Засвидѣтельствованіе своей зависимости по лену и личной вѣрности не ограничивалось обоими обрядами оммажа и фуà, а закрѣплялось часто письменнымъ актомъ, удостовѣрявшимъ, что обряды состоялись, и перечислявшимъ взаимныя обязанности вассала и сюзерена.

Во многихъ грамотахъ фуà и оммажа вассалъ обѣщаетъ вѣрность сеньёру, „мужемъ“ (homme) котораго онъ себя признаетъ,

оговаривая, впрочемъ, долгъ вѣрности по отношенію къ одному или нѣсколькимъ другимъ лицамъ, которымъ ранѣе далъ такую же присягу. Въ особенности при заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза въ формѣ ligence вассалы часто дѣлаютъ въ пользу перечисляемыхъ поименно лицъ изъятіе изъ обязанности поддерживать своего новаго сеньёра противъ его враговъ. Чаще всего такая оговорка дѣлается вассалами второй руки (arrière-vassaux) въ пользу верховнаго сюзерена.

Военная служба.

Какія же обязанности въ частности падали на вассала въ силу его долга „совѣтовать“ и „помогать“ сеньёру? Военная служба вассала вытекала изъ его присяги (foi) защищать жизнь, члены и честь сюзерена, а не только изъ ленной зависимости (hommage). Высшіе сюзерены могутъ поэтому требовать ее не только отъ непосредственныхъ вассаловъ, а отъ всѣхъ подданныхъ (напр., министеріаловъ и горожанъ) сеньёріи: это называется ban. Въ извѣстныхъ случаяхъ, когда всей странѣ угрожаетъ опасность, сюзерены могутъ призвать къ службѣ на защиту Франціи подданныхъ второй руки и арьеръ-вассаловъ, т.-е. людей, зависимыхъ отъ нихъ черезъ посредство другихъ сеньёровъ: это и есть arrière-ban. Военная обязанность спеціально вассаловъ сводится къ тремъ повинностямъ: 1) собственно военная служба, т.-е. въ походѣ и въ набѣгѣ; 2) сдача своихъ замковъ по первому требованію сюзерена; 3) охрана замка сюзерена. На дѣлѣ военныя обязанности вассаловъ крайне разнообразны, какъ это видно изъ заявленій вассаловъ, призванныхъ къ военнымъ дѣйствіямъ въ 1272 г. при Филиппѣ III Смѣломъ. Одни связаны обычной обязанностью служить 40 дней на своемъ иждивеніи, другіе на иждивеніи сеньёра, третьи обязаны только защищать замокъ; нѣкоторые вносятъ деньги (auxilium) на войну, но избавлены отъ личнаго участія. Военная служба опредѣлялась словами ost (войско) и chevauchée (набѣгъ). Ost это — правильный походъ большой арміи, собранной для важной войны, чаще всего для осады крѣпости. Chevauchée это — легкая экспедиція, кратковременный набѣгъ на непріятельскую страну. Вся масса вассаловъ созывается обыкновенно только для крупной войны, а для небольшого предпріятія обращаются лишь къ ближайшимъ. Сообразно количеству земли въ ленѣ измѣнялся и размѣръ военной повинности. Первоклассная баронія ставитъ сюзерену нѣсколько сотенъ рыцарей, иной феодъ — только одного, а случается, что 10 или 12 свободныхъ, но незнатныхъ людей, надѣленныхъ землями за службу, сообща выставляютъ одного воина въ рыцарскомъ вооруженіи (homme

d'armes). Служба рыцаремъ въ походѣ или въ экспедиціи длилась чаще всего 40 дней, но въ иныхъ мѣстахъ долгое время не было постояннаго предѣла для требованій сюзерена. Уже съ XII в. вассалы стремятся перевести личную военную повинность на денежную. Если исключить случаи призыва всѣхъ зависимыхъ людей на защиту страны (arrière-ban), то рыцари, отправляющіеся въ XIII в. въ походъ,—по большей части воины по ремеслу, нанятые на службу тѣмъ, кто обязанъ выставлять отрядъ за свои лены. Рыцарство, нанятое за жалованье, всюду замѣняетъ въ это время войско феодаловъ, несущихъ личную повинность. Бароны сами путемъ fiefs-argent и contrats de ligence добываютъ себѣ отряды такихъ рыцарей-наемниковъ, служба которыхъ надежнѣе вынужденной помощи ленниковъ.

Служба въ куріи

Гражданскія обязанности, падающія на вассала въ силу его присяги (foi), обозначаются словомъ „совѣтъ", consilium. Вассалы обязаны по требованію сюзерена являться къ его двору и судить или подавать совѣтъ по дѣламъ, касающимся государства. Изъ этой обязанности помогать сеньёру въ его „феодальномъ дворѣ", палатѣ вассаловъ (curia), произошли съ теченіемъ времени всѣ государственныя учрежденія, окружавшія въ средніе вѣка монархическую власть. Право графовъ, герцоговъ, королей созывать вокругъ себя вассаловъ для совѣта ограничивалось, по обычаю, чаще всего тремя разами въ годъ, т.-е. праздниками Рождества, Пасхи и Пятидесятницы. Эта обязанность совѣта въ „куріи" (le service de cour) вытекала изъ присяги въ вѣрности (fidelitas), а не изъ вассальной зависимости (homagium, hominium), а потому сюзеренъ могъ бы призывать и всѣхъ свободныхъ людей своей сеньёріи, но чаще всего онъ ограничивался только вассалами, да и изъ ихъ среды требовалъ къ себѣ только наиболѣе близкихъ ему. Въ собраніи такого двора сеньёра, или его палаты (curia), происходилъ и судъ. Всякій судъ феодальной эпохи покоился на принципѣ, что каждый можетъ быть судимъ только своими равными. Поэтому дворъ сеньёра (cour du seigneur) состоитъ изъ вассаловъ или просто изъ подданныхъ (fideles), смотря по положенію подсудимыхъ. Чтобы такой „дворъ" считался состоявшимся, требовалось, по крайней мѣрѣ, три участника, не считая самого сеньёра. Судебная палата, т.-е. дворъ, созванный не для совѣта, а для суда, собирается подъ предсѣдательствомъ сюзерена или его должностного лица (офисье), но судятъ пэры; они выслушиваютъ свидѣтелей, приводятъ ихъ къ присягѣ, требуютъ иногда судебнаго поединка

и, наконецъ, произносятъ приговоръ. Если сторона, проигравшая дѣло, считаетъ приговоръ несправедливымъ, то она заявляетъ свое неудовольствіе (fausser le jugement) не противъ сеньёра, а противъ пэровъ, которые должны быть готовы сами выйти на поединокъ съ челобитчикомъ. Если сеньёръ отказывается созвать пэровъ для суда по требованію истца, то въ силу такого отказа въ справедливости (défaut de droit, déni de justice) теряетъ феодальное право суда на этотъ разъ, и истецъ можетъ обратиться уже въ судъ сюзерена своего сеньёра (demander la cour). Судъ пэровъ разбираетъ всякія распри какъ между пэрами, такъ и между вассаломъ и сюзереномъ.

Денежныя повинности.

Изъ обязанности „помощи“ (auxilium) вытекали и всѣ денежныя повинности вассала. При установленіи феодальныхъ отношеній новый вассалъ всегда платилъ что-либо за инвеституру, иногда просто пару перчатокъ, копье, желѣзную шпору, иногда золотую шпору или лошадь. Съ конца XIII в. этотъ подарокъ замѣняется денежнымъ взносомъ. Такой же взносъ дѣлался также при каждой перемѣнѣ сюзерена или вассала вслѣдствіе смерти и перехода правъ по наслѣдству; въ этомъ случаѣ взносъ назывался на сѣверѣ Франціи „рельефомъ“ (relief). Чаще всего онъ уплачивался только при перемѣнѣ сеньёра, но съ нѣкоторыхъ леновъ рельефъ брался и при вступленіи во владѣніе наслѣдника умершаго вассала. Различенъ бывалъ и размѣръ рельефа. Въ Нормандіи рельефъ брался въ сто ливровъ съ бароніи и 15 ливровъ съ fief de haubert, т.-е. съ лена, за который владѣлецъ несетъ службу въ кольчугѣ. Затѣмъ сеньёръ бралъ денежные поборы и въ случаѣ отчужденія лена, напримѣръ, при его продажѣ, при освобожденіи рабовъ на волю, при переходѣ земель къ церкви. Ордонансъ Филиппа Смѣлаго отъ 1275 г. опредѣлялъ, что при пожертвованіи лена въ пользу церкви король долженъ былъ получать доходъ съ него за два года.

Денежная помощь вассаловъ при опредѣленныхъ обычаемъ случаяхъ называлась первоначально таліей (taille, tallia). По опредѣленію древнихъ юристовъ, „феодальная помощь“ (aide féodale)—это помощь деньгами, собираемая сеньёромъ съ его вассаловъ и „людей обычнаго права“ (hommes coutumiers) [1]), т.-е. со всего населенія сеньёріи, съ людей какъ знатныхъ, такъ и простыхъ, съ церковныхъ и городскихъ общинъ, составляющихъ какъ бы часть фео-

---

[1]) Т.-е. всѣ не вассалы и свободные, держащіе участки на правахъ вилланов.

дальной іерархіи. Трудно сказать, падали ли эти поборы когда-либо всею своею тягостью на знатныхъ людей, потому что непосредственные вассалы сюзерена тотчасъ слагали талію на зависимыхъ отъ нихъ простыхъ жителей феода. Феодальная талія ведетъ свое начало отъ той древнѣйшей, произвольной по размѣру таліи, которую сеньёры брали при началѣ среднихъ вѣковъ со всего, преимущественно рабскаго, населенія сеньёріи (tallia ad voluntatem, ad placitum). По отношенію къ свободнымъ, но незнатнымъ людямъ эта произвольная талія (taille à merci) превратилась затѣмъ въ талію постояннаго размѣра (taille abonnée), уплачиваемую въ видѣ ежегодной ренты селами и городами, или вовсе исчезла въ силу хартій о привилегіяхъ. Но талія сохранилась въ видѣ поборовъ, пріуроченныхъ къ опредѣленнымъ случаямъ и падающимъ на всѣхъ владѣльцевъ леновъ и оброчныхъ земель. Такихъ случаевъ (cas féodaux) для феодальной помощи обычай насчитывалъ чаще всего четыре, но, впрочемъ, кутюмы крайне разнообразны и въ этомъ вопросѣ. Напр., графъ Прованса, по статуту 1235 г., требовалъ феодальной помощи: 1) когда онъ въ первый разъ безъ вооруженія отправлялся ко двору императора; 2) когда онъ призывался императоромъ въ вооруженіи; 3) когда онъ или его сынъ посвящались въ рыцари; 4) когда онъ выдавалъ замужъ своихъ дочерей; 5) когда онъ отправлялся въ крестовый походъ; 6) когда онъ попадалъ въ плѣнъ и долженъ былъ платить выкупъ. Кромѣ того, помощь собиралась иногда, когда сюзеренъ покупалъ новую землю, а епископы и аббаты требовали ее отъ своихъ людей, когда папа собиралъ съ нихъ самихъ какой-либо поборъ. Въ сущности такимъ же фискальнымъ поборомъ было и право „постоя“ (le gite и la procuration, gistum и procuratio), которое падало не только на монастыри, города и крестьянъ, но и на знатныхъ вассаловъ. Феодалъ обязанъ былъ принимать и содержать на свой счетъ сеньёра и его свиту во время ихъ передвиженій. Высшіе бароны, герцоги, графы и король широко пользовались этимъ правомъ и съ особенною строгостью слѣдили за его соблюденіемъ. Кутюмы до мелочей опредѣляли размѣры этой повинности. Напр., въ герцогствѣ Аквитаніи сеньёры Соммьера (Sommières) должны были при посѣщеніи ихъ замка подавать герцогу и десяти его рыцарямъ мясо поросятъ и коровъ, капусту, горчицу и жареныхъ цыплятъ. Если среди сеньёровъ Соммьера былъ на лицо рыцарь (sic!), то онъ долженъ былъ безъ голенищъ, въ пурпуровыхъ чулкахъ и съ золотыми шпорами на ногахъ прислуживать герцогу за столомъ.

Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ право procuration примѣнялось ради охоты. Въ Аквитаніи, въ превотэ Марсанъ, Бернаръ де Кастеларъ долженъ былъ принимать у себя шестерыхъ охотниковъ, сопровождающихъ герцога, давать имъ хлѣбъ, вино, мясо и на слѣдующее утро вести ихъ въ лѣсъ подъ условіемъ, чтобы его предупредили за три дня. Феодалы стремились ограничить эти тяжелыя для нихъ права или превратить ихъ въ опредѣленный денежный взносъ. Въ XII в. сеньёръ могъ пользоваться правомъ gîte не чаще трехъ разъ въ году. При переводѣ повинности на деньги она уплачивалась или разъ въ годъ сразу, или только въ случаѣ, когда самъ сеньёръ являлся лично и требовалъ постоя. Будучи превращено въ денежную ренту, право постоя могло передаваться, жаловаться или продаваться.

Возвращеніе лена сеньеру.

Обязанности вассаловъ въ сущности составляютъ въ то же время права сеньёровъ. Но бываютъ случаи, когда сеньёръ прямо-таки вступаетъ во владѣніе зависимымъ отъ него леномъ. Въ Лангедокѣ въ случаѣ смерти вассала сеньёръ распускалъ свое знамя надъ всѣми землями феода, въ особенности на вышкѣ самой высокой башни замка. Это возвращеніе феода къ сюзерену, конечно, фиктивно и прекращалось въ тотъ день, когда наслѣдникъ умершаго или его опекунъ принесутъ hommage и foi. Но сюзеренъ вступалъ иногда и въ дѣйствительное обладаніе леномъ—какъ опекунъ, въ случаѣ конфискаціи или если ленъ становился выморочнымъ имуществомъ. Съ XI в. обычай вознаграждаетъ сюзерена правомъ опеки надъ леномъ за утрату той службы, которой еще не можетъ нести его малолѣтній наслѣдникъ. Въ рукахъ нѣкоторыхъ сюзереновъ право опеки превращалось въ средство увеличивать свои доходы въ ущербъ интересамъ наслѣдниковъ и вело къ хищническому хозяйству въ опекаемомъ феодѣ. По мѣрѣ того, какъ наслѣдственный характеръ леннаго владѣнія укореняется, въ борьбу съ сюзереномъ изъ-за права опеки съ успѣхомъ вступаютъ боковые родичи малолѣтняго ленника. Но въ нѣкоторыхъ сеньёріяхъ опека сеньёра удержалась, несмотря на усилія родичей, напр., въ герцогствѣ нормандскомъ и въ графствѣ Бретань. Опека наступала иногда и при жизни совершеннолѣтняго вассала, если онъ отправлялся надолго въ путешествіе, паломничество или крестовый походъ. Любопытный случай опеки сюзерена дошелъ отъ 1268 г. въ грамотѣ графа де Форэ (Forez), сеньёра Боже (Beaujeu), къ королю Людовику Святому. Баронъ заявляетъ, что онъ кругомъ въ долгахъ и близокъ къ банкротству, которое поведетъ къ раздробленію сеньё-

ріи. Онъ проситъ короля ради сохраненія бароніи въ цѣлости взять ее въ свои руки, получать съ нея доходы и довѣрить опытнымъ людямъ трудную ликвидацію его дѣлъ; когда кредиторы будутъ удовлетворены, тогда ленъ безъ препятствій долженъ былъ вернуться къ законнымъ наслѣдникамъ. Еще въ одномъ случаѣ возвращается ленъ къ сюзерену — когда онъ становится выморочнымъ, т.-е., если у умершаго нѣтъ законныхъ наслѣдниковъ (la déshérence). Право сеньёра отобрать у вассала ленъ въ случаѣ нарушенія вѣрности (déloyauté) оставалось теоретически въ полной силѣ въ теченіе всего феодальнаго періода. Каждое нарушеніе одной изъ многочисленныхъ обязанностей вассала могло повлечь за собой конфискацію лена. Принципъ наслѣдственности феода внесъ на дѣлѣ и сюда нѣкоторыя ограниченія. Различные проступки, которые могли повлечь утрату лена, сводились въ сущности къ четыремъ: 1) отказъ въ оммажѣ; 2) отказъ отъ военной службы и неисполненіе требованія сеньёра сдать ему зàмки; 3) нарушеніе законовъ и постановленій палаты (curia) сюзерена, грабежи и т. п. преступленія противъ общаго права; 4) возстаніе и открытая война противъ сюзерена. Впрочемъ, сеньёръ не могъ одинъ безъ постановленія пэровъ конфисковать ленъ у одного изъ своихъ вассаловъ. Виновнаго требовали поэтому прежде всего на судъ равныхъ. Если „измѣна“ была доказана и пэры постановили конфискацію, то тогда только приводилъ ее сеньёръ въ исполненіе. Епископы-сеньёры, могли, впрочемъ, до конфискаціи отлучить невѣрныхъ вассаловъ и этимъ, можетъ быть, заставить ихъ одуматься. Если вассалъ, который совершилъ преступленіе противъ общаго права, влекущее за собой конфискацію леновъ, зависѣлъ сразу отъ нѣсколькихъ сюзереновъ, то являлся вопросъ, кто же изъ нихъ начнетъ преслѣдованіе, кто воспользуется конфискованными землями. Въ 1217 т. герцогъ Бургоніи, графъ Шампаньи, графъ Невера разрѣшили, напр., этотъ вопросъ для своихъ общихъ вассаловъ въ томъ смыслѣ, что конфискацію производитъ тотъ сюзеренъ, котораго виновный въ своихъ записяхъ вѣрности и вассальной зависимости оговаривалъ, какъ „перваго“ между всѣми своими сеньёрами. Первоначально конфискація производилась на вѣки вѣчные, но понятіе наслѣдственности леновъ стало съ конца XI в. смягчать ее. Сюзеренъ удерживалъ теперь ленъ непокорнаго вассала только, пока тотъ не раскается и не принесетъ снова присягу на вѣрность и зависимость. Часто сюзеренъ ограничивался тѣмъ, что отбиралъ или разрушалъ зàмокъ вассала.

Обязанности сеньера.

Феодальная связь держалась, конечно, болѣе всего вѣрностью вассала, его точностью въ отправленіи обязанностей, но въ сущности самый договоръ, былъ ли онъ записанъ или только предполагался при обрядѣ оммажа и фуа́, всегда считался взаимнымъ: онъ связывалъ обоюдно и вассала, и сеньёра. Сеньёръ несетъ свои собственныя обязанности по отношенію къ вассалу и соблюдаетъ съ своей стороны вѣрность ему. Уже Фульбертъ шартрскій, перечисливши обязанности вассала, прибавляетъ: „Сеньёръ долженъ за всѣ эти обязанности воздавать равное своему вассалу. Если онъ не сдѣлаетъ этого, то по справедливости будетъ считаться невѣрнымъ сеньёромъ, подобно тому, какъ невѣрнымъ и клятвопреступнымъ станетъ считаться и вассалъ, если будетъ пойманъ при нарушеніи обязанностей дѣйствіемъ или попущеніемъ". Отождествляя обязанности сеньёра и вассала, епископъ шартрскій впадаетъ въ преувеличеніе. Въ дѣйствительности сюзеренъ обязанъ только охранять вассала, т.-е. не вредить ни его жизни, ни членамъ, ни собственности и защищать его отъ враговъ. Въ XIII в. Etablissements de St.-Louis точнѣе перечисляютъ возможные случаи нарушенія обязанностей со стороны сюзерена. Если сеньёръ откажетъ вассалу въ судѣ своего двора и это будетъ доказано, то вассалъ со своимъ леномъ будетъ зависить уже не отъ него, а отъ сюзерена своего прежняго сеньёра [1]). Въ средневѣковой исторіи особенно извѣстны два примѣра „измѣны" со стороны сеньёра, а именно англійскаго короля Іоанна Безземельнаго. Въ 1200 году Іоаннъ похитилъ невѣсту у своего вассала Гюга X Ле-Брёнъ, графа де Ла-Маршъ, и женился на ней. Это „нарушеніе вѣрности" (déloyauté) вызвало общее возстаніе всѣхъ вассаловъ герцогства аквитанскаго, которые и перенесли свою вассальную зависимость (hommage) по обычаю на короля Филиппа-Августа, сюзерена для Іоанна Безземельнаго за земли въ предѣлахъ Франціи. Вассалы Пуату и Нормандіи вскорѣ послѣдовали примѣру аквитанцевъ; это было причиной того, что въ началѣ XIII в. Плантагенеты утратили свои владѣнія на материкѣ. Преступленіе, совершенное тѣмъ же англійскимъ королемъ противъ своего вассала и племянника Артура, графа Бретани, подало снова поводъ вмѣшаться Филиппу-Августу и окон-

---

[1]) Итакъ, déni de justice ведетъ теперь къ полному разрыву феодальной связи между сеньёромъ, отказавшимъ въ судѣ, и его вассаломъ; прежде сеньеръ, отказавшій въ судѣ, утрачивалъ свое феодальное право суда надъ вассаломъ только на этотъ частный случай, который и переносился въ высшую инстанцію, т.-е. на судъ верховнаго сюзерена.

чательно отобрать анжуйскіе лены. Итакъ, déloyauté сюзерена, „вѣроломство“, тоже вело къ нарушенію леннаго договора, но феодъ конфисковался тогда уже не у вассала, а у сеньёра. Прекращеніе hommage'а символизировалось въ церемоніи exfestucatio; обрядъ этотъ состоялъ въ томъ, что ломали и бросали на землю пукъ соломы (festuca), изображавшій вассальную связь. Фламандскій хроникеръ Гальбертъ брюггскій (Galbert de Bruges) разсказываетъ подъ 1128 г. примѣръ подобнаго разрыва вассальной зависимости при столкновеніи фландрскихъ бароновъ съ ихъ графомъ Гильомомъ Клитономъ (Cliton). Одинъ изъ бароновъ, Иванъ д'Ало (Iwan d'Alost), произнесъ въ общемъ собраніи знати и горожанъ Фландріи горячую рѣчь противъ всѣхъ вѣроломствъ графа и потребовалъ его въ назначенный день на судъ бароновъ Фландріи. Гильомъ Клитонъ, не желая являться на судъ, собралъ въ Ипрѣ войско наемныхъ рыцарей и простолюдиновъ и предложилъ Ивану судебный поединокъ. Баронъ Иванъ отказался и въ день, назначенный для суда послалъ графу Гильому отъ имени бароновъ и горожанъ Гента черезъ герольдовъ слѣдующую вѣсть: „Сеньёръ графъ, насталъ день, когда ты долженъ былъ явиться мирно, безъ обмана и оружія, чтобы дать отчетъ въ своемъ поведеніи; ты не сдѣлалъ этого, а, напротивъ, угрожаешь нашимъ людямъ своими вооруженіями. Вслѣдствіе этого Иванъ д'Ало, Даніэль де Терремонтъ и жители Гента, обвиняя тебя въ томъ, что ты вѣроломно идешь рѣзать ихъ, поручили намъ возвѣстить тебѣ, что они сбрасываютъ съ себя оммажъ и фуа́, которые вѣрно соблюдали до этого дня, и совершить за нихъ эксфестукацію“. Герольды тутъ же преломили солому отъ имени ихъ повелителей и удалились.

У сеньёра были еще нѣкоторыя отрицательныя обязанности по отношенію къ вассалу. Онъ не могъ, напр., требовать болѣе тяжелыхъ вассальныхъ повинностей, нежели какъ онѣ опредѣлены кутюмомъ или леннымъ договоромъ; не могъ безъ согласія вассаловъ вводить въ своихъ земляхъ новыхъ обычаевъ (exactiones et consuetudines novae). Это ограниченіе фискальной и законодательной власти сюзерена повело къ образованію въ областяхъ провинціальныхъ штатовъ (états provinciaux), которые давали согласіе на налоги и часто добивались при этомъ отмѣны злоупотребленій или изданія новыхъ ордонансовъ.

Разрушеніе феодальной зависимости.

Хотя теоретически взаимныя обязанности сюзереновъ и вассаловъ точно опредѣлены, но на дѣлѣ все феодальное общество сдерживается по преимуществу силой. Вассалы исполняютъ свой долгъ,

только пока сеньёръ достаточно силенъ, чтобы принудить ихъ къ повиновенію; при первой возможности начинаются нарушенія всѣхъ обѣщаній. Но связь между сеньёромъ и вассаломъ всегда можетъ быть порвана по взаимному согласію или, когда вассалъ можетъ доказать вѣроломство сеньёра, отказаться отъ него (désavouer) и избрать себѣ новаго. „Отказы", въ особенности въ пользу верховнаго сюзерена, встрѣчались часто и безъ вины непосредственнаго сеньёра. Вернувъ ленъ или отказавшись отъ ренты, вассалъ всегда могъ сдѣлаться свободнымъ (deguerpissement). Наконецъ, вассалы, пользуясь какимъ-либо затруднительнымъ положеніемъ сеньёра, часто просто начинали возстаніе и отказывались отъ зависимости (refus d'hommage); тогда начиналась война между сеньёромъ и его „мужемъ". Если узы вассальной зависимости не могли дать обществу мира, то и іерархія между ленами и сеньёріями соблюдалась далеко не всегда. Въ теоріи между сюзереномъ и ленниками его вассаловъ, т.-е. арьеръ-вассалами, не должно быть никакихъ сношеній; это выражено въ положеніи: vassalus vassali mei non est meus vassalus [1]). Верховный сюзеренъ не долженъ вмѣшиваться въ дѣла зависимаго отъ него сеньёра и не долженъ безъ его согласія привлекать къ себѣ его мужей въ непосредственные вассалы. Но на дѣлѣ сюзерены часто вставляли новыя звенья въ феодальную іерархію или сокращали число прежнихъ ступеней. Во второй половинѣ XI в. Эсташъ, графъ де Булонь, числился, напр., сюзереномъ леновъ Гэненъ и Эклюзъ (Hénin и Écluse, около Дуэ) и уступилъ свое ненадежное право на оммажъ въ этихъ мѣстахъ сеньёру д'Ардръ на ленныхъ условіяхъ; сеньёръ д'Ардръ (d'Ardres) сдѣлался такимъ образомъ новымъ звеномъ въ феодальной цѣпи, а сеньёры Гэнена и Эклюза изъ непосредственныхъ вассаловъ графа Булони стали его арьеръ-вассалами. По Etablissements de St.-Louis, сеньёръ могъ передать власть надъ вассаломъ только своему пэру, такъ чтобы не вырастало надъ нимъ новой ступени феодальной іерархіи. Но во вторую половину среднихъ вѣковъ гораздо сильнѣе было въ феодальномъ обществѣ противоположное теченіе, уничтожившее промежуточныя звенья между верховнымъ сюзереномъ и вассалами второй руки. Это теченіе повело къ образованію крупныхъ провинціальныхъ сюзереновъ—графовъ и герцоговъ, а впослѣдствіи и къ сосредоточенью всѣхъ вассальныхъ зависимостей въ рукахъ короля. Такому уничтоженію посредствующихъ звеньевъ („иммедіатизація",

---

[1]) Вассалъ моего вассала мнѣ не вассалъ.

immédiatisation) содѣйствовали сами вассалы мелкихъ сеньёровъ, обращаясь за защитой чаще всего къ болѣе могущественной сюзеренамъ—герцогамъ, графу, королю; а верховные сюзерены видѣли въ иммедіатизаціи средство увеличить свое войско и охотно пользовались всѣми случаями, когда феодальный обычай давалъ имъ право входить въ сношенія съ вассалами второй руки, т.-е., напр., правомъ призывать арьеръ-банъ или тѣми случаями, когда непосредственный сеньёръ отказывалъ сеньёру въ судѣ или умиралъ безъ наслѣдниковъ. Во многихъ провинціяхъ аллодіальные собственники, стоящіе внѣ феодальной іерархіи, блюдутъ долгъ „вѣрности“ по отношенію къ верховному сюзерену, герцогу или графу провинціи, а не мѣстному сеньёру, съ феодомъ котораго переплетаются ихъ аллоды. Многія хроники рисуютъ картину этого безпрестаннаго передвиженія изъ вассаловъ второй руки въ ряды непосредственныхъ ленниковъ; напримѣръ, въ концѣ XI вѣка сеньёры д'Ардра стремятся перескочить черезъ своихъ прямыхъ и естественныхъ сюзереновъ—графовъ де Гинь (Guines) и принести присягу прямо верховному сюзерену, графу фландрскому, который, конечно, всячески поддерживаетъ ихъ. Но сеньёры д'Ардра были наказаны въ свою очередь: ихъ собственные вассалы, сеньёры Гэнена и Эклюза, подражая ихъ примѣру, въ обходъ сеньёріи ардрской, стали давать присягу тѣмъ же верховнымъ сюзеренамъ, т.-е. графамъ фландрскимъ. Хроникеръ Ламбертъ негодуетъ во имя феодальнаго права, попраннаго въ ущербъ ближайшимъ сеньёрамъ „безъ стыда и узды“. Сеньёръ ардрскій отомстилъ за уменьшеніе своихъ правъ и обратилъ въ рабство всѣхъ людей изъ Гэнена и Эклюза, которыхъ схватилъ въ своей сеньёріи. Замѣтивъ однажды при дворѣ графа фландрскаго Эсташа де Гэненъ, своего непокорнаго вассала, тотъ же Арнуль ардрскій громко сталъ обвинять его въ измѣнѣ за переходъ съ своей присягой къ графу Фландріи и вызвалъ его на дуэль; онъ забылъ, что его предки совершили то же самое преступленіе относительно графовъ де Гинь. Правда, графы де Гинь и сами не задумались прибѣгнуть къ такому же вѣроломству; съ конца XII в. они отдѣляются отъ сюзеренитета Фландріи и начинаютъ тяготѣть къ верховному сюзерену—королю Франціи Филиппу-Августу: въ 1211 г. графъ де Гинь принялъ ленную присягу королю Франціи и его сыну. Такъ идетъ въ теченіе столѣтій эта скачка вассаловъ, разумѣется, не безъ препятствій, и конечная цѣль ея—сюзеренитетъ короля. Это тѣ центростремительныя силы феодализма, которыя сначала дѣйствуютъ одно-

временно съ силами центробѣжными (т.-е. раздачей феодовъ, мятежами ленниковъ и т. п.), но къ XIV в. берутъ верхъ и подготовляютъ новую монархію.

Итакъ, подъ покровомъ обычнаго права дѣйствовала въ феодальную эпоху, какъ живой законъ, все-таки *сила*, въ особенности открытая, въ видѣ войны и поединка. Война была главнымъ занятіемъ феодальной аристократіи. Феодалъ ведетъ войну съ своими сеньёрами, съ епископами и аббатами, если ихъ владѣнія соприкасаются, съ вассалами, равными ему, съ вассалами, отъ него зависимыми, наконецъ, со своими родичами. Каждый разъ, когда феодалъ не находитъ защиты для своихъ правъ у сеньёра, онъ прибѣгаетъ къ оружію. Цѣль войны, однако, не всегда самозащита, а часто хищничество, желаніе воспользоваться затрудненіями сосѣдей или сеньёровъ и округлить свои владѣнія на ихъ счетъ. Иногда феодалъ шелъ на войну безъ опредѣленной цѣли, почти какъ на турниръ, только изъ ненависти къ покою. Частныя войны (феды) не только фактъ и привычка: даже въ концѣ XIII в. это все еще право феодала (droit à la guerre privée). Правда, при Людовикѣ Святомъ оно уже не такъ широко, какъ въ XI в.: съ XII в. составители записей обычнаго права до мелочей опредѣляютъ подробности войны и судебнаго поединка и ограничиваютъ немного грубую силу. Изъ кутюмовъ Анжу, вошедшихъ въ Etablissements de St.-Louis, слѣдуетъ, что частная война была дозволена подъ условіемъ соблюдать предписанныя обычаемъ формы и притомъ между вассалами одной и той же ступени и вообще противъ всѣхъ, кромѣ сюзерена. Но въ сущности кутюмъ не выдерживаетъ и этого запрещенія, а, предполагая возможность войны вассала съ сюзереномъ, безусловно запрещаетъ только призывать себѣ на помощь противъ сеньёра еще кого-либо, кромѣ членовъ своей семьи. Право частной войны принадлежитъ только знати, а простые люди должны были разбирать свои распри передъ судомъ. Война.

Чтобы начать войну „согласно съ закономъ“, слѣдуетъ передъ началомъ враждебныхъ дѣйствій послать противнику вызовъ (défi), письменно или устно черезъ глашатая. Послѣ вызова должна пройти, по крайней мѣрѣ, недѣля или двѣ до начала самой войны. Родственники обѣихъ враждующихъ сторонъ до 4-го колѣна могутъ принять участіе въ войнѣ, но на нихъ нельзя нападать, пока не пройдетъ сорока дней послѣ открытія враждебныхъ дѣйствій (quarantaine le roi); однако они могутъ остаться и въ сторонѣ, нейтральными, если откажутся отъ своего родственника, ведущаго

войну, и станутъ подъ охрану его противника. Нѣкоторые разряды лицъ всегда остаются неприкосновенными для воюющихъ—духовенство, женщины, несовершеннолѣтніе, паломники. Война прерывается иногда временнымъ перемиріемъ (trêve, treuga) по обоюдному договору, заключенному передъ друзьями, по приговору суда равныхъ или требованію сюзерена; конецъ войнѣ полагается миромъ. Вредъ феодальныхъ войнъ живо чувствовался уже съ XI вѣка, и церковь сдѣлала первыя попытки ограничить или даже вовсе прекратить ихъ посредствомъ Божьяго перемирія или мира (trêve de Dieu, paix de Dieu). Не довольствуясь духовнымъ орудіемъ отлученія, она стремилась создать и матеріальную силу для насильственнаго подавленія всѣхъ междоусобій. Во второй половинѣ XI в. каждая епархія могла стать округомъ для особой лиги мира подъ руководствомъ епископа. У такого общества мира бывалъ свой уставъ, своя казна, магистратура и—что особенно важно—вооруженная сила, способная возстановлять порядокъ и карать виновныхъ. Нарушители спокойствія и мира призывались на судъ „мировыхъ судей“ (judices pacis) подъ предсѣдательствомъ епископа. Бароны, которые не подчинялись приговору добровольно и не боялись отлученія, подвергались преслѣдованію вооруженной силы—арміи мира, состоявшей изъ приходскихъ милицій подъ знаменемъ епископа. Миролюбивыя усилія церкви только отчасти увѣнчивались успѣхомъ, пока къ ней не примкнула королевская власть, начиная съ Людовика Толстаго. Въ XIII в. королевская власть чувствуетъ себя уже достаточно сильной, чтобы рядомъ ордонансовъ подавлять турниры, судебные поединки и частныя войны. Теперь и само общество приходитъ на помощь церкви и королю: возникаетъ обычай „обезпеченія“ (assurement, assecuramentum). Если одна изъ враждующихъ сторонъ въ разгаръ непріязненныхъ дѣйствій или еще до начала войны хочетъ прекратить ее или обезопасить себя отъ угрожающей опасности, то она обращается къ суду короля, сеньёра или коммуны и проситъ „обезпеченья“. Противникъ принужденъ явиться къ судьѣ и клятвенно обѣщать не вредить ни жизни, ни собственности противника. Согласится ли противникъ или нѣтъ дать требуемое обѣщаніе, это все равно: если онъ начнетъ враждебныя дѣйствія, то будетъ считаться виновнымъ въ нарушеніи перемирія или обезпеченія. Итакъ, „обезпеченіе“—это миръ, насильственно навязанный одной изъ воюющихъ сторонъ судомъ. Отвергнуть обезпеченье особенно трудно, когда его требуетъ королевскій бальи или самъ парламентъ. Впрочемъ,

всѣ эти мѣры ограничили, но не истребили междоусобій. Частная война исчезла только вмѣстѣ съ феодализмомъ.

Мелкія сеньёріи.

Нѣкоторые изъ крупныхъ феодовъ были въ то же время и политическимъ цѣлымъ, а ихъ владѣльцы, находясь на вершинѣ феодальной іерархіи, пользовались правами чисто государственными. Среди такихъ феодовъ съ политическимъ значеніемъ можно различить, во-первыхъ, „крупныя сеньёріи“, или „феодальныя государства“. Эти государства находились въ рукахъ родовъ, прочно укоренившихся въ той или другой провинціи. Родоначальники такихъ феодальныхъ династій перехватили и раздробили между собой ту политическую власть, которую упустили изъ рукъ слабые преемники Карла Великаго. Наиболѣе важные между ними и по обширности владѣній, и по размѣрамъ власти носили титулы герцога и графа; но и другіе подъ болѣе скромнымъ названіемъ виконта или сеньёра (сира) держатъ все еще значительные лены у себя въ рукахъ и имѣютъ власть государей. Многіе изъ главъ такихъ феодальныхъ государствъ отличаются отъ королей только титуломъ; большинство имѣетъ въ предѣлахъ своихъ владѣній чисто „королевскія права“ (droits régaliens), т.-е. высшую власть законодательную и административную, юрисдикцію въ послѣдней инстанціи, власть надъ церковью въ смыслѣ вліянія на выборы духовныхъ лицъ и право пользоваться доходами епископскихъ каѳедръ во время вакансій, право войны и мира, начальство надъ войскомъ всей провинціи и т. п. Главы маленькихъ сеньёрій сводились на положеніе очень зависимыхъ вассаловъ и пользовались менѣе полными, сильно ограниченными политическими правами; сюда относятся кастелляны, виконты, видамы, авуэ (фохты).

Сюзерены рѣдко давали вассаламъ право строить замки. Замокъ (castellum) становился обыкновенно самъ по себѣ центромъ юридической и политической власти, простиравшейся на всю сосѣднюю территорію. Вокругъ замка возникало „кастеллянство“; на обязанности кастелляна лежало охранять замокъ и судить зависимое населеніе, за что онъ и получалъ доходы съ земель. Во многихъ частяхъ Франціи кастелляны (châtelains) назывались и виконтами. Но въ сущности чаще всего виконты (vicecomites) бывали первоначально только замѣстителями своихъ графовъ (вице-графы) и лишь съ теченіемъ времени становились наслѣдственными феодалами второго порядка и начинали называться не по графству, а по имени главнаго изъ своихъ удѣловъ. Правда, нѣкоторымъ изъ виконтовъ удавалось иногда расширить свою власть на цѣлую про-

винцію и подняться въ ряды высшихъ сеньёровъ, соперничая съ графами и герцогами. Авуэ и видамы (advocati и vicedomini) должны были первоначально защищать свѣтскіе интересы церковныхъ имуществъ и управлять ими, при чемъ авуэ состояли при монастыряхъ (advocati), а видамы при епископахъ (vicedomini). Адвокаты брались часто изъ крупныхъ бароновъ и охрану монастырскихъ интересовъ только присоединяли къ своему прежнему сюзеренитету, между тѣмъ какъ видамы—мелкіе феодалы въ зависимости отъ епископовъ. Адвокатство надъ монастыремъ часто оставалось должностью или, какъ въ Нормандіи, принадлежало герцогу надъ всѣми обителями его феодальнаго государства; но иногда оно превращалось въ наслѣдственный ленъ, и авуэ замѣнялъ собой аббата во всѣхъ случаяхъ, когда тотъ долженъ былъ дѣйствовать, какъ вассалъ сюзерена или какъ феодальный сеньёръ своихъ собственныхъ вассаловъ и зависимыхъ людей. Напримѣръ, аббатъ не можетъ итти на судебный поединокъ, и за него выходитъ адвокатъ. Видамъ (vicedominus) былъ первоначально замѣстителемъ епископа изъ среды духовенства епархіи, но феодализація всего средневѣковаго общества отразилась и на немъ и превратила его въ свѣтскую должность, дававшуюся въ наслѣдственный ленъ. Видамъ охраняетъ епископскія земли, замѣняетъ епископа въ судѣ сюзерена, самъ отправляетъ епископскій судъ во владѣніяхъ каѳедры, ведетъ епископскій отрядъ въ лагерь сюзерена и т. п. Сеньёріей видама бывалъ обыкновенно домъ вблизи епископскаго дворца или земля въ городѣ и сельской округѣ.

Крупныя сеньёріи.

Происхожденіе крупныхъ феодальныхъ государствъ (сеньёрій, графствъ, герцогствъ) и ихъ династій различно. Родоначальники нѣкоторыхъ изъ нихъ были высшими должностными лицами при Каролингахъ и превратили временную должность въ наслѣдственную собственность. Но другіе поднялись въ срефу графовъ и герцоговъ изъ мелкихъ должностныхъ лицъ или просто изъ собственниковъ бенефиціальныхъ и аллодіальныхъ, благодаря энергіи, хищничеству или случаю. Напримѣръ, въ Германіи національная герцогская власть выростаетъ у отдѣльныхъ нѣмецкихъ племенъ въ эпоху паденія Каролинговъ, прикрываясь сначала то титуломъ маркграфовъ, то пословъ государевыхъ, то герцоговъ въ смыслѣ IX в., т.-е. постоянныхъ должностныхъ лицъ, поставленныхъ съ военной властью во главѣ крупныхъ территорій. У саксовъ герцогская власть ведетъ начало отъ Ліудольфа, потомка одного саксонскаго героя изъ временъ борьбы противъ Карла Великаго. Ліудольфъ и по происхожденію, и по земельной собственности пользовался боль-

шимъ вліяніемъ во всей территоріи саксонскаго племени, породнился съ Людовикомъ нѣмецкимъ и получилъ отъ него подъ титуломъ маркграфа власть болѣе широкую, нежели какъ у простого графа. Его сыновья Бруно и Оттонъ фактически пользуются уже герцогскою властью въ новомъ смыслѣ князей національныхъ территорій и феодальныхъ государствъ, а послѣдній получаетъ отъ короля Конрада и офиціальный титулъ герцога. Въ Баваріи герцогская власть Ліутпольда выростаетъ прямо изъ полномочій пограничнаго графа (маркграфа) въ борьбѣ противъ чеховъ и моравовъ. Во Франконіи поднялись было одновременно два рода—потомки двухъ графовъ изъ эпохи Людовика Благочестиваго, графовъ Поппо и Гебегарда, которые называются чаще Бабенбергерами и Конрадинцами. Послѣдняя вѣтвь, члены которой чаще всего носили имена Конрадовъ, при поддержкѣ королевской власти и майнцскаго архіепископа, взяла верхъ и достигла герцогскаго положенія. Нѣмецкіе герцоги послѣ паденія Каролинговъ уже не должностныя лица короля, а признанные имъ территоріальные князья съ наслѣдственною властью. Они являются на съѣзды, которые собираетъ король (colloquium), и обязаны ему военною службой, но все-таки отъ нихъ исходитъ теперь по преимуществу непосредственное воздѣйствіе на отдѣльныя германскія племена. Отъ ихъ поддержки зависятъ короли, которые сами избираются изъ среды герцогскихъ родовъ (саксонскаго, франконскаго, швабскаго). При случаѣ герцоги могутъ даже становиться опасными для центральной монархической власти Германіи. Въ попыткахъ сдерживать дальнѣйшее развитіе герцогской власти и парализовать ихъ вліяніе короли должны были опираться на другую территоріальную власть — на епископовъ и на своихъ министеріаловъ. Точно такъ же и во Франціи въ основу крупныхъ государствъ ложилась иногда какая-нибудь національная группа (герцогства Нормандія, Гасконь, графство Бретань). Въ X — XI вв. одинъ и тотъ же баронъ безразлично называлъ себя здѣсь то герцогомъ, то графомъ и даже маркизомъ. Въ XII в. герцогская корона стала, наконецъ, считаться выше другихъ, и главы феодальныхъ государствъ съ титуломъ графовъ перешли въ разрядъ герцоговъ (Бретань только въ 1297 г.), потому что и простые сеньёры стремились теперь къ графству. Съ этихъ поръ къ титулу стали всегда прибавлять и названіе опредѣленнаго лена, чего въ X в. не дѣлали: сначала dux Normannorum, comes Andegavorum и т. д., а затѣмъ dux Normanniae и т. п. Какъ и во всѣхъ крупныхъ ле-

нахъ, въ феодальныхъ государствахъ раньше всего установились недѣлимость и право первородства при наслѣдованіи. Въ самыхъ важныхъ изъ феодальныхъ государствъ власть герцога или графа освящалась религіозною церемоніей коронаціи, напоминающей вѣнчаніе на царство королей. Иногда, чтобы укрѣпить право старшаго сына, графы и герцоги уже при своей жизни короновали его и брали себѣ въ соправители.

Судьба крупныхъ сеньёрій была во Франціи различна въ зависимости отъ географическаго положенія, отъ степени развитія въ каждой сеньёріи отдѣльныхъ соціальныхъ элементовъ, отъ характера мелкихъ вассаловъ и т. п. Самый законченный типъ феодальнаго государства представляло собой въ XI—XII вв. герцогство Нормандія. Герцогъ нормандскій былъ самымъ полновластнымъ изъ бароновъ и лучше всѣхъ другихъ умѣлъ добиваться повиновенія. Только въ Нормандіи высшая юрисдикція, опека надъ малолѣтними знатными или вакантными аббатствами составляли исключительную монополію герцога; только здѣсь удалось главѣ сеньёріи ввести свои гарнизоны въ замки вассаловъ и сохранить непосредственное вліяніе на ленниковъ второй руки. Его власть надъ церковью не была ограничена другою, болѣе высшею: онъ, а не французскій король, вліялъ на выборы архіепископа руанскаго или епископовъ Нормандіи вообще, онъ получалъ доходы каѳедръ во время вакансій. Городскія общины тоже не могли играть въ Нормандіи самостоятельной роли: онѣ были основаны преимущественно самими герцогами (Генрихомъ II и Іоанномъ Безземельнымъ), получили сильную военную организацію, но мало независимости и политическихъ правъ. Судебныя и административныя учрежденія герцогства сложились еще въ XII в. и служили образцомъ для Капетинговъ XIII в. Размѣры, которые приняла герцогская власть въ Нормандіи, зависѣли въ значительной степени отъ того, что герцогами нормандскими бывали могущественные короли англійскіе. Въ графствѣ фландрскомъ, которое при альзасскихъ графахъ одновременно зависѣло и отъ Капетинговъ, и отъ имперіи, уже съ XII в. пышно развились города; демократическая партія въ коммунахъ стала съ XIV в. распоряжаться судьбами родины. По географическому положенію вдали отъ Парижа и по силѣ римскаго государственнаго преданія графство тулузское могло бы, казалось, выработать сильную графскую власть. Дѣйствительно, долгое время графы тулузскіе ничѣмъ не связаны съ главой монархіи: они не приносятъ ему оммажа, не присутствуютъ при коронаціи, не посы-

лаютъ отряда въ войско и свою вассальную зависимость проявляютъ только въ томъ, что въ своихъ грамотахъ ведутъ счетъ по годамъ царствованія французскаго сюзерена. Но, несмотря на свою независимость отъ короля, графы тулузскіе у себя въ государствѣ пользовались лишь малою долей власти надъ зависимыми вассалами.

Ордонансы и штаты.

Къ барону перешли всѣ права, которыми пользовались нѣкогда Каролинги надъ землями его сеньёріи, между прочимъ, и власть законодательная, т.-е. право издавать ордонансы. Это право принадлежитъ барону безъ всякихъ ограниченій въ предѣлахъ его доменовъ, т.-е. земель, которыми онъ владѣетъ непосредственно. Но онъ стремится распространить право законодательства и на тѣ части сеньёріи, гдѣ онъ только феодальный сюзеренъ, т.-е. на лены своихъ вассаловъ. Однако здѣсь онъ ограниченъ уже своими вассалами, которые имѣютъ тоже право издавать постановленія для леновъ, находящихся у нихъ въ прямомъ владѣніи, и т. д. Etablissements de St.-Louis говорятъ: „Ни король не можетъ связывать законами (mettre ban) земли барона безъ его согласія, ни баронъ—земли вавассера безъ согласія (assantement) вавассера“. Отсюда ордонансъ, общій для всей сеньёріи, долженъ быть утвержденъ всѣми феодалами сеньёріи и издается только въ торжественномъ собраніи всѣхъ вассаловъ, составляющемъ „полный дворъ“ сеньёра (la cour plénière, curia plena). Иногда въ такомъ ордонансѣ (ordinationes, assisiae, constitutiones) отмѣчается просто, что онъ изданъ сюзереномъ по требованію и съ совѣта его прелатовъ и бароновъ, но иногда упоминается согласіе арьеръ-вассаловъ, вавассеровъ, кастелляновъ и рыцарей. Нѣкоторые ордонансы перечисляютъ всѣхъ вассаловъ и арьеръ-вассаловъ, участвовавшихъ въ curia plena или даже подписавшихся подъ постановленіемъ и скрѣпившихъ его своими печатями. Всѣ тѣ совѣтники сюзерена, которые не входятъ въ составъ феодальной іерархіи сеньёріи, т.-е. чиновники изъ мірянъ или клериковъ, не упоминаются въ ордонансахъ. Но на собраніяхъ „полнаго феодальнаго двора“ рѣдко рѣшаютъ вопросы правильнымъ счетомъ голосовъ, а чаще всего согласіе дается большимъ количествомъ вассаловъ перваго и второго разряда, находящихся на лицо, и постановленіе считается тогда обязательнымъ для всѣхъ. „Полныя“ собранія рѣдко бывали таковыми на дѣлѣ, и голоса пріѣхавшихъ не столько считаются, сколько взвѣшиваются. Бароны, подписавшіеся подъ закономъ, какъ бы берутся тѣмъ самымъ осуществлять его и принуждать къ тому же лицъ, не пріѣхавшихъ на засѣданіе двора.

Иногда ордонансъ прямо упоминаетъ о присягѣ подписавшихся бароновъ — силой добиваться повиновенія закону со стороны лицъ, которыя бы попытались нарушить его. Съ XII вѣка города постепенно организуются въ коммуны, т.-е. въ свободныя и привилегированныя общины, изъ которыхъ каждая входитъ въ составъ феодальной іерархіи на правахъ „коллективнаго“ вассала и составляетъ одинъ ленъ, одну феодальную единицу. Тогда черезъ своихъ представителей этотъ новый типъ вассаловъ начинаетъ появляться и въ „полныхъ“ куріяхъ герцоговъ и графовъ. Большая часть древнѣйшихъ постановленій касается установленія общественнаго мира. По мѣрѣ того, какъ задачи законодательства осложняются, на ряду съ полною куріей (cour plénière), которая собирается въ чрезвычайныхъ случаяхъ или въ опредѣленные праздники (Рождество, Пасха, Троицынъ день), начинаетъ съ XII в. законодательствовать „ограниченная курія“ (cour restreinte) изъ чиновниковъ и избранныхъ прелатовъ и бароновъ, особенно преданныхъ династіи. Это совпадаетъ съ ростомъ герцогской власти вообще: въ законодательной дѣятельности сеньёра и его приближенныхъ масса второстепенныхъ вассаловъ начинаетъ видѣть залогъ порядка и охотно подчиняется имъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны крѣпнетъ, какъ постоянное учрежденіе, ограниченная курія аристократическаго характера изъ избранныхъ вассаловъ или даже просто частый совѣтъ сеньёра (conseil privé), а съ другой—изъ полной куріи (cour plénière) сеньёріи вырабатываются къ XIV в. періодическіе провинціальные чины. Правда, не вездѣ cour plénière прямо переродились въ провинціальные чины. Чаще всего états provinciaux XIV в. зарождаются, какъ новыя образованія по своимъ цѣлямъ, преимущественно финансовымъ, но они собираются на тѣхъ же феодальныхъ началахъ, какъ и ихъ образецъ, т.-е. съѣздъ всѣхъ вассаловъ. Провинціальные чины XIV в. созываются преимущественно для утвержденія чрезвычайныхъ субсидій, или aides; подаютъ при этомъ случаѣ ходатайства и часто цѣною налоговъ добиваются обнародованія ордонансовъ съ какими-либо льготами. Въ своей организаціи провинціальные чины вообще подражали „генеральнымъ чинамъ“ (états généraux), которые созывались со всей Франціи, и преемственно примыкаютъ къ cour plénière верховнаго сюзерена, т.-е. французскаго короля.

Судъ. Графы, герцоги и простые сеньёры отправляютъ судъ или какъ крупные земельные собственники въ предѣлахъ удѣловъ, или какъ феодальные сюзерены—надъ своими непосредственными вассалами,

или какъ преемники должностныхъ лицъ Каролинговъ—въ предѣлахъ всей сеньёріи. Въ Нормандіи вся высшая юрисдикція находилась въ рукахъ герцога; онъ судитъ (haec placita ad ensem ducis pertinent): за убійство тайное и явное, за увѣчье, грабежъ, разбой, поджогъ, вооруженное нападеніе, всѣ дѣла, касающіяся войска, монеты, перемирія, скрѣпленнаго передъ королевскими судьями и т. д. Нормандскіе бароны, вассалы герцога, вѣдаютъ только гражданскія дѣла да мелкіе проступки. Но въ другихъ герцогствахъ и графствахъ юрисдикція сюзерена болѣе ограничена въ пользу его непосредственныхъ вассаловъ. Напримѣръ, въ Бретани XI и XII в. отъ двора вассаловъ нельзя было апеллировать ко двору сюзерена, хотя бы рѣчь шла о сознательно несправедливомъ рѣшеніи или отказѣ въ судѣ. Первоначально въ судебныхъ собраніяхъ вассаловъ (т.-е. тѣхъ же cour plénière и cour restreinte, но засѣдавшихъ ради судебныхъ дѣлъ) предсѣдательствовалъ и велъ судъ самъ сюзеренъ; но съ умноженіемъ дѣлъ эта обязанность передавалась важному должностному лицу, сенешалу или бальи. Для такого суда сюзерена и его двора не было ни положеннаго времени, ни постояннаго мѣста, ни опредѣленнаго состава; даже названія его были различны (curia, assisia; въ Нормандіи scaccarium, échiquier; въ Шампаньи grands jours; въ XIII в. во Франціи parlamentum). Составъ съѣзда вассаловъ ко двору сюзерена при отправленіи суда постепенно суживается, какъ и cour plénière вообще, которая превращается въ простой совѣтъ, который законодательствуетъ, управляетъ, судитъ. При всей измѣнчивости состава этихъ совѣтовъ въ нихъ замѣтны двѣ группы—вассалы сюзерена и его должностныя лица, чиновники (офисье). Постоянной составной частью судебнаго совѣта бывали тѣ мелкія должностныя лица изъ рыцарей, клериковъ, буржуа (съ конца XII в.), которые занимали въ немъ сначала второстепенное мѣсто; но вслѣдствіе ихъ преданности исключительно сюзерену, ихъ спеціальныхъ свѣдѣній (многіе изъ нихъ юристы по ремеслу), ихъ способности къ усидчивой работѣ, они становятся подъ именемъ justiciers душой судебныхъ засѣданій и переростаютъ аристократическую часть совѣтовъ, прелатовъ и бароновъ, отбывающихъ свою „судебную" повинность"; эти „судьи" вознаграждаются уже жалованьемъ. Впрочемъ, и изъ среды вассаловъ выдѣляется группа conseillers barons, т.-е. бароновъ-совѣтниковъ, которые, благодаря близости къ сеньёру, чаще всего или почти всегда на лицо въ его совѣтѣ. Въ провинціяхъ, гдѣ судебная власть сюзерена была особенно обширна, рано стали облег-

чать судъ для отдаленныхъ уголковъ и приближать засѣданія совѣта къ мѣсту жительства тяжущихся. Въ Нормандіи возникли для этой цѣли „странствующіе суды“ (tribunaux itinérants). Сенешалъ Нормандіи каждые три года объѣзжалъ все герцогство и держалъ, по порученію сюзерена, „ассизы верхней палаты“ (assises de la haute cour) во всѣхъ главныхъ мѣстечкахъ. Кромѣ того, герцоги нормандскіе рано усвоили обычай посылать одинъ или два раза въ годъ въ каждое графство комиссіи изъ трехъ-четырехъ бароновъ или рыцарей (barones и milites jurati), дававшихъ присягу судить честно и по закону; они собирали ассизы изъ сеньёровъ, виконтовъ, духовенства и судили отъ имени герцога. Но въ отдѣльныхъ мѣстечкахъ существовали и постоянные представители судебной власти сюзерена. Въ концѣ XIII в. большинство бароновъ, по примѣру королей, учреждаютъ для этого grands baillis, которые предсѣдательствуютъ на ассизахъ вассаловъ для суда надъ знатью (assises des chevaliers), а для суда надъ разночинцами созываютъ свои собственныя ассизы.

Должностныя лица.

Для цѣлей управленія вообще вокругъ каждаго сеньёра стоятъ тѣ же должностныя лица, какъ и у короля,—сенешалъ, шамбрье, коннетабль, бутелье, шанселье (канцлеръ); послѣдній берется изъ духовенства. Должности эти, въ особенности сенешала и бутелье, первоначально составляли какъ бы наслѣдственные лены въ рукахъ извѣстныхъ семействъ, тѣмъ болѣе, что онѣ влекли за собой пользованіе извѣстными доходами съ земель, общинъ горожанъ, корпорацій ремесленниковъ и т. д. Короли раньше всего, уже съ начала XII в., подавили у себя наслѣдственный характеръ этихъ должностей. Самымъ важнымъ сановникомъ былъ въ феодальномъ государствѣ сенешалъ. Въ Нормандіи и Анжу онъ какъ бы второй сеньёръ сеньёріи: онъ вѣдаетъ судъ и мѣстную администрацію, командуетъ арміей, руководитъ домашнимъ управленіемъ у государя.

Сюзеренъ въ исключительныхъ случаяхъ вмѣшивается въ управленіе тою частью своихъ земель, которая находится въ рукахъ его вассаловъ. Его собственные удѣлы (домены, pays d'obédience), въ которыхъ онъ хозяйничаетъ непосредственно, расположены отчасти крупными гнѣздами въ одной какой-либо мѣстности, отчасти разбросаны повсюду между ленами вассаловъ, иногда даже въ чужихъ сеньёріяхъ. Съ конца XII в. сюзерены стремятся округлять всю массу своихъ удѣловъ путемъ обмѣна, покупки, захвата и упорядочить въ нихъ систему мѣстнаго управленія. Представителями герцогской власти въ городахъ и сельскихъ областяхъ были

офисье (чиновники), которые на сѣверѣ Франціи чаще назывались прево (prévôt, praepositus), а на югѣ baile (bajulus); подъ этимъ верхнимъ слоемъ чиновниковъ стояли уже на низшихъ ступеняхъ приказные люди, представлявшіе власть сюзерена въ отдѣльныхъ коммунахъ, селахъ, деревушкахъ, хуторахъ: это всевозможные дойены (decani), мэры (majores), фермье (villici), между которыми многіе сами принадлежали еще къ крѣпостному сословію. Чаще всего каждый представитель герцогской власти былъ и сборщикомъ доходовъ, и судьей, и полицейскимъ, и главой милиціи, администраторомъ. Должности прево и бэлей носили бенефиціальный характеръ, т.-е. давались пожизненно подъ условіемъ присяги въ вѣрности, для знатныхъ—даже оммажа, и со всѣми подробностями обряда инвеституры. Но стремленіе превратить и ихъ въ наслѣдственные лены для незнатныхъ не удалось; чаще встрѣчалась наслѣдственность среди низшихъ приказныхъ людей, дойеновъ, мэровъ и т. п. Какъ въ юрисдикціи, такъ и здѣсь герцоги старались тѣснѣе связать съ собой мѣстныя власти. Поэтому въ XIII в. надъ прево начинаетъ создаваться еще слой чиновниковъ высшаго разряда, которые называются то бальи (во Франціи, Нормандіи, Фландріи и т. д.), то сенешалы [1]) (въ Анжу, Пуату и т. д.). Филиппъ-Августъ около 1190 г., кажется, первый установилъ les grands bailliages въ своихъ доменахъ. Вмѣстѣ съ созданіемъ такой іерархіи въ администраціи началась и спеціализація; напр., сборы доходовъ какъ съ доменовъ (чаще всего натурою), такъ и съ вассаловъ сдавались на откупъ особымъ сборщикомъ (receveurs), иногда наслѣдственнымъ. Съ теченіемъ времени эти финансовые агенты сюзереновъ стали тоже выстраиваться въ іерархическую лѣстницу, и при дворѣ герцога появился „главный сборщикъ“, или „казначей“ (receveur général или trésorier), къ которому стекались всѣ сборы. Въ XIII в. такой сановникъ встрѣчается въ большинствѣ крупныхъ сеньёрій. Надзоръ за всѣми сборщиками и повѣрка ихъ счетовъ поручалась сюзереномъ сначала кому-либо изъ членовъ феодальнаго двора безъ всякаго порядка. Но затѣмъ эта обязанность принимаетъ характеръ правильной и постоянной службы. Изъ среды совѣта (curia) сюзерена выдѣляется тогда и для контроля надъ финансовымъ управленіемъ особая палата, совершенно какъ и для суда. Въ концѣ XIV в. это финансовое учрежденіе называется

---

[1]) Этихъ сенешаловъ не слѣдуетъ смѣшивать съ офисье (должностными лицами королевскаго двора).

„счетною палатой“ (chambre des comptes), а совѣтники, отряжавшіеся для повѣрки счетовъ и суда въ случаѣ финансовыхъ злоупотребленій, назывались, напр., въ Нормандіи „баронами казначейства“ (barons et clercs de l'échiquier). Очень выгодно было право чеканки монеты, предоставленное сюзеренамъ главныхъ феодальныхъ государствъ и сеньёрамъ меньшей важности; каждый изъ нихъ могъ запретить доступъ въ свою сеньёрію для монеты другихъ бароновъ.

Церковь. Отношенія сеньёровъ къ церкви пережили два періода—ранній, до Григорія VII, и второй, послѣ реформъ этого папы. Еще до восшествія на престолъ Гюго Капета произошло раздѣленіе епископствъ на епископства королевскія и сеньёріальныя. Къ сеньёрамъ, заступившимъ мѣсто короля эпохи Каролинговъ, перешло, напр., право вліянія на выборы епископовъ. На югѣ Франціи это право приняло характеръ собственности, которую легко можно передавать и другимъ. Сеньёръ иногда самъ прямо назначаетъ епископа и затѣмъ право утвержденія передаетъ собранію, болѣе или менѣе набранному изъ народа (такой порядокъ часто примѣнялся въ Нормандіи), а то онъ уступаетъ свое право духовенству и народу, а самъ только предсѣдательствуетъ на собраніи и утверждаетъ избранника. Во всякомъ случаѣ, по феодальнымъ воззрѣніямъ, сеньёръ даритъ (donat) епископство, т.-е. земли, связанныя съ каѳедрой, самую каѳедру и санъ епископа съ принадлежащей ему юрисдикціей. Взамѣнъ онъ требуетъ отъ епископа выраженія подданства, которое называется то hominium, то fidelitas. Сеньёры XI в. сильно злоупотребляли этимъ правомъ выбора: захватывали сами санъ епископа, расхищали церковныя земли, раздавали каѳедры родственникамъ. Церковная реформа XI и XII вв., проведенная соединенными усиліями папства и монашества, ограничила это вліяніе свѣтскихъ сеньёровъ на церковь. Папамъ удалось искоренить старую инвеституру (инвеституру кольцомъ и посохомъ), вмѣсто назначенія сеньёромъ установить выборъ капитуломъ собора, епископскій оммажъ замѣнить простою присягой на вѣрность. Но въ Нормандіи, гдѣ власть герцога была такъ сильна, реформа мало что измѣнила. Точно такъ же и аббатства раздавались сюзеренами въ наслѣдственные бенефиціи до реформы, которая исходила изъ монастыря клюнійскаго и Рима. Иногда феодалы сами захватывали аббатства силой или по договору съ монахами. Значительная часть обителей съ ихъ землями и оброчными статьями попала, такимъ образомъ, въ руки свѣтскихъ семействъ, передавав-

шихъ ихъ по наслѣдству (abbates laici, abbates milites, irreligiosi). Послѣ реформы XI в. многіе свѣтскіе бароны сохраняли титулъ аббатовъ, но дѣйствительными настоятелями были уже дойены. Усилія папъ и монаховъ-аскетовъ сломили чисто феодальное право собственности сюзереновъ надъ аббатствами.

Таковъ строй французской сеньёріи. Въ сущности и вся Франція, какъ феодальное государство съ королемъ (герцогомъ Иль-де-Франса) во главѣ, мало чѣмъ отличалась отъ зависимыхъ герцогствъ и часто подавала имъ примѣръ, такъ какъ верховный сюзеренъ Франціи раньше своихъ пэровъ выступилъ на путь переработки феодальныхъ учрежденій въ государство; только Нормандія составляла въ этомъ отношеніи исключеніе. Но нѣкоторыя стороны феодальнаго строя развились характернѣе въ Германіи и Англіи и для своей исторіи оставили тамъ гораздо больше памятниковъ; таково сословіе министеріаловъ въ Германіи, а въ Англіи—вотчинные (маноріальные) суды.

Министеріалы.

Въ Германіи на церковныхъ земляхъ, въ особенности среди земледѣльческаго населенія епископскихъ территорій, раньше всего произошло смѣшеніе и уравненіе всякихъ сословныхъ противорѣчій, различныхъ ступеней рабской и крѣпостной зависимости, существовавшихъ на лицо въ началѣ среднихъ вѣковъ. Это уравненіе клонилось къ установленію смягченнаго вида крѣпостной зависимости (Hörigkeit), основанной на системѣ оброчныхъ повинностей отчасти самого лица, отчасти его собственности. Здѣсь наслѣдственность отступила назадъ передъ фактическимъ положеніемъ; вопросъ шелъ не о свободѣ или рабствѣ, а о принадлежности къ церковной землѣ или лену свѣтскаго феодала; важенъ былъ не оффиціальный актъ отпуска раба на волю, а зачисленіе зависимаго отъ церкви человѣка въ разрядъ ли „поденщиковъ“ (дагевардовъ, dageward), „оброчныхъ людей“ (цензуаловъ, Zinsleute) или „слугъ“ (Dienstleute) въ болѣе высокомъ смыслѣ, т.-е. министеріаловъ. И среди оброчныхъ людей (censuales, tributarii, vectigales), конечно, есть ступени. Переходъ на церковную землю вообще былъ уже первою ступенью смягченія рабской зависимости, а переводъ крѣпостного (Knecht'a) на оброкъ есть какъ бы освобожденіе. Большинство „оброчныхъ“—люди свободные, будутъ ли то рабы, освобожденные на волю съ переводомъ на оброкъ, или искони свободные люди, сѣвшіе на церковныя земли подъ охрану епископа съ обязательствомъ платить. Какъ разъ изъ среды оброчныхъ людей возвышается къ половинѣ XI в. привилегированная группа

министеріаловъ (Dienstmannen). Ихъ тягломъ является не барщина, не оброкъ, а извѣстная „служба“. Чаще всего это служба по хозяйству, въ качествѣ лѣсничихъ, конюшенныхъ, ключниковъ (cellerarii) и т. п. „Служебное положеніе“ при королевской, монастырской, епископской или частной владѣльческой мызѣ повышало положеніе этихъ зависимыхъ людей; они получали бо̀льшіе надѣлы землей, носили оружіе, постепенно стали призываться къ конной службѣ въ войскѣ, что̀ освобождало ихъ уже отъ всякой другой „низкой“ повинности. Высоко поднимала человѣка изъ среды оброчныхъ и служба „при дворѣ“ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ господъ, въ качествѣ конюшенныхъ, стольниковъ, кравчихъ и т. п. (Marschalk, Truchsess, Schenk, Kämmerer). Но такія службы бывали всегда малочисленны, а потребность въ военной защитѣ заставляла господъ поднимать сразу цѣлые слои зависимыхъ людей чуть не до положенія вассаловъ. Генрихъ I пользовался службой министеріаловъ и для увеличенія конницы, и для укрѣпленія и защиты бурговъ. Съ распространеніемъ рыцарства цѣлыя группы министеріаловъ, уже раньше служившихъ въ рыцарскомъ вооруженіи, получали посвященіе и пополняли ряды рыцарей. Сообразно различію въ службѣ министеріалы скрывались подъ разнообразными названіями—servientes (слуги), domestici (при домѣ), curiales (при дворѣ), militares ministri (несущіе рыцарскую службу), clientes (подручные, зависимые люди) и т. д. Даже тѣ слои, которые постепенно вырабатывались въ средѣ самихъ министеріаловъ, были отмѣчены у народа особыми названіями: различали „лучшихъ“, „высшихъ“, „знатныхъ“ министеріаловъ (meliores, optimi, nobiles и т. д.). Различіе въ положеніи господъ отражается, конечно, и на министеріалахъ: „слуги“ короля, архіепископовъ, имперскихъ монастырей пользуются преимуществами особенно высокаго положенія. Если первоначально отъ произвола господина зависѣло приставить ли зависимаго человѣка ко двору или къ военной службѣ, то съ теченіемъ времени укореняется начало наслѣдственности, и принадлежность министеріала къ тому или другому слою становится прочной, а каждый слой пріобрѣтаетъ въ силу обычая извѣстныя права; такъ вырабатывается особое „право министеріаловъ“, напр., еп. Бургарда вормсскаго (Dienstrecht). Юридически министеріалы не принадлежали ни къ свободнымъ, ни къ крѣпостнымъ. Они наравнѣ со свободными допускаются, напримѣръ, въ свидѣтели, но господинъ отчуждаетъ ихъ наравнѣ съ другими зависимыми людьми, чаще всего вмѣстѣ съ землей. Служба министеріаловъ не была даровой. Тѣ, кто служилъ при господинѣ,

получали кровъ и содержаніе. Другіе вознаграждались земельными бенефиціями, которые становятся затѣмъ наслѣдственными, не хуже знатныхъ леновъ, вмѣстѣ съ опредѣленнымъ служебнымъ тягломъ. Между министеріалами и ихъ землями установилась такая связь, что и тѣ и другія раздаются сразу. Но рядомъ съ наслѣдственными бенефиціальными землями, которыми они могутъ распоряжаться только въ рѣдкихъ случаяхъ и съ разрѣшенія господъ, министеріалы обзаводятся и другими землями, купленными или пожалованными въ полную собственность. На такихъ земляхъ у министеріаловъ бывали и зависимые люди, изъ которыхъ они набирали себѣ воиновъ въ помощь на войнѣ. Какъ разъ военная служба всего чаще отслаивала отъ всего сословія министеріаловъ группы чисто рыцарскаго характера. Другіе слои министеріаловъ наполняли, по указанію господъ, ихъ города то въ качествѣ гарнизоновъ, то ради мирныхъ занятій мѣнялъ и другихъ промысловъ.

Англійскій маноръ.

Сельская Англія раздѣлялась въ феодальную эпоху на единицы, которыя назывались „помѣстьями“ (manors), и каждый маноръ состоялъ изъ центральной части—помѣщичьей экономіи (demesne) и группы надѣловъ (holdings), которые во всемъ, что касается повинностей, находятся въ разнообразныхъ отношеніяхъ къ центру (вилланы, свободные поселенцы и т. д.). Demesne—это та часть владѣній лорда, которая разрабатывается преимущественно для его собственнаго потребленія и только въ небольшихъ количествахъ для продажи. Demesne обрабатывается хозяйственнымъ способомъ, т.-е. плугами экономіи, но почти вездѣ упряжкамъ экономіи на помощь приходятъ consuetudines villae, т.-е. барщинная работа крестьянъ. Отсюда тѣсная связь между всею тяглою землей (tributary land) и барскою, доманіальной землей, которая лежитъ не отдѣльными участками, а полосами переплетается съ пашнями села. Хозяйство въ экономіи, сборъ доходовъ, надзоръ за работами, маноріальная полиція требуютъ значительнаго числа приказчиковъ и рабочихъ. Крупные сеньёры, у которыхъ въ различныхъ графствахъ насчитывались иногда десятки маноровъ, поручали завѣдываніе своими имѣніями обыкновенно сенешалу, и тотъ во всѣхъ случаяхъ долженъ былъ представлять собой лорда—предсѣдательствовать на маноріальномъ судѣ (manorial courts), выслушивать отчеты, руководить разслѣдованіями подъ присягой и оцѣнкой и рѣшать всѣ главные вопросы хозяйства. Въ каждомъ отдѣльномъ манорѣ мы всегда находимъ два лица, надѣленныхъ властью: бэлифъ (bailiff или beadle) былъ человѣкомъ, котораго лордъ бралъ

иногда со стороны и который былъ поставленъ слѣдить за выгодами хозяина; онъ собиралъ ренты и вынуждалъ барщины, велъ обработку фермы, заботился о скотѣ, о постройкахъ и всемъ инвентарѣ экономіи. Эти обязанности часто сдавались на откупъ (firma) за опредѣленную ренту, и тогда управляющій назывался firmarius. На ряду съ управляющимъ стоитъ всегда reeve (староста), или praepositus, взятый изъ среды крестьянъ села и чаще всего избранный ими самими. Ривъ дѣйствуетъ какъ представитель общины и по отношенію къ лорду, и въ дѣлахъ общественныхъ; онъ долженъ помогать управляющему во всѣхъ его обязанностяхъ, слѣдить за исполненіемъ крестьянами возложенныхъ на нихъ работъ, за пахатьбой, жнитвой и т. д. За управляющимъ и ривомъ идутъ уже различные спеціальные приказчики: messor, на отвѣтственности котораго лежитъ уборка хлѣба, akermanni, или carucarii, которые вмѣстѣ съ погонщиками направляютъ плуги, пастухи для всякаго рода скота и т. д. На ряду съ приказчиками по хозяйству стоятъ и служащіе люди съ чисто полицейскими обязанностями; напримѣръ, иногда существуетъ особый „turnbedellus“, собирающій людей на собранія сотни и графства. Третій отдѣлъ министеріаловъ составляетъ домашняя челядь, служащая при особѣ лорда, при его гардеробѣ, его кухнѣ и т. п. Военныя обязанности и потребность въ охранѣ заставляютъ лорда держать при себѣ вооруженныхъ слугъ. Въ Англіи всѣ три разряда министеріаловъ называются sergeants и servants (servientes). Всѣ они избираются первоначально изъ массы населенія манора и вознаграждаются то долей доходовъ, порученныхъ ихъ завѣдыванію, то иждивеніемъ, то освобожденіемъ отъ повинностей за свои надѣлы, а то въ XIII в. служатъ и за жалованье. Обычай освобождать надѣлы „слугъ“ отъ повинностей создаетъ группу совершенно свободныхъ земельныхъ владѣній; это путь къ свободѣ. Итакъ, въ манорѣ всегда на лицо: 1) масса, состоящая изъ лицъ различныхъ несвободныхъ состояній (вилланов); 2) барская экономія; 3) группа людей, которая приводитъ всю машину въ движеніе. Но въ каждомъ манорѣ всегда есть и кучка свободныхъ людей, и группа свободныхъ надѣловъ; хотя, можетъ быть, свободные и платятъ ренту или даже несутъ работу за землю, но они живутъ по добровольному договору и всегда могутъ уйти. Происхожденіе участковъ для свободныхъ весьма различно. Иногда это издревле свободные участки, подпавшіе съ теченіемъ времени суду лорда, иногда они выдѣлены изъ „барской“ земли (demesne), иногда это уголки отъ земель села, которые не

умѣщались въ общую дѣлежку на виргаты (размѣръ обычнаго надѣла виллана) и розданы на особыхъ условіяхъ въ аренду; то это новыя заимки, которымъ лордъ покровительствуетъ льготами, то участки „слугъ", то надѣлы виллановъ, откупившихся отъ повинностей, и т. п. Свободные люди, а часто и свободные участки принадлежатъ къ манору не на правахъ собственности, а въ силу того, что входятъ въ судебно-административный округъ манора и подчинены суду лорда. Вилланы и участки, отягощенные повинностями виллана, распадаются обыкновенно на обширныя группы, и въ средѣ каждой группы всѣ крестьяне и всѣ надѣлы несутъ уже совершенно тождественныя повинности; свободные же поселенцы (фригольдеры) держатъ землю каждый на особомъ условіи: одинъ за 10 акровъ платитъ 3 шиллинга, другой за $8^1/_2$ акровъ—фунтъ перцу и т. д. Но въ положеніи всѣхъ этихъ свободныхъ людей есть одна общая черта: они держатъ свои участки по особому договору съ собственникомъ. Достается ли свободный надѣлъ (freehold) виллану въ добавокъ къ его крестьянской виргатѣ, или дается онъ въ награду министеріалу, или свободный участокъ образовался изъ крѣпостного вслѣдствіе выкупа,— всегда и вездѣ держаніе свободной земли покоится на особомъ договорѣ.

Сельскій сходъ.

Село (township) составляло единицу, объединенную фискально, хозяйственно, административно, юридически, что-то отдѣльное отъ манора и все-таки включенное въ него. Такая сельская община ограничивала на собранія манора (manorial courts) власть лорда, но она не была силой прямо противоположной ему; напротивъ, лорды очень часто искали въ ней опоры противъ своихъ министеріаловъ, учетъ которыхъ былъ труденъ. Позднѣе средневѣковое право различало два типа сеньёріальныхъ курій въ манорѣ — the Court Baron и the Custumary Court [1]); Court Baron это—„дворъ" сеньёра для свободныхъ поселенцевъ (free tenants); онъ вѣдаетъ ихъ мелкія сдѣлки и тяжбы между ними; the Custumary Court вѣдаетъ все несвободное населеніе манора. Но первоначально такого раздѣленія не существовало, и еще въ XIII в. былъ только одинъ „манорiальный дворъ", который назывался „галимотомъ" (halimot). Обыкновенно галимотъ собирался разъ въ три недѣли, но иногда

[1]) Первоначальное значеніе слова „baron" (баронъ) — вообще свободный человѣкъ. Подъ „custum" (обычай) разумѣлись повинности виллановъ, державшіяся обычаемъ. Consuetudinarii или costumarii — это тѣ, которые несутъ „обычныя повинности" (custumary services), т.-е. и вилланы, и свободные, держащіе участки на условіяхъ виллановъ.

созывался по произволу лорда. Постоянными членами его были крестьяне сельской общины (township) и владѣльцы участковъ на поляхъ манора вообще. Для важныхъ дѣлъ (напримѣръ, когда вѣшаютъ крѣпостного) изрѣдка призываются по уговору нѣсколько свободныхъ людей со стороны. Мѣстомъ собранія бывалъ замокъ манора (manoria hall, отсюда hali-mot). Вся курія или 12 присяжныхъ изъ ея среды указываютъ тутъ всѣхъ, кто провинился дурнымъ поведеніемъ или совершилъ какой-либо опредѣленный проступокъ. Пахари, которые дурно выполнили свою работу на пашняхъ лорда, вилланъ, бѣжавшій изъ села и жившій на чужой землѣ, человѣкъ, не исполнившій приказа лорда, женщина, сорвавшая замокъ, который бэлифъ повѣсилъ на ея коттэджѣ, неисправимый распутникъ, не разъ оштрафованный уже въ церковныхъ судахъ, — всѣ они подвергались по приговорамъ галимота штрафу или заключенію въ колодки. Такимъ образомъ, эта маноріальная курія ограничивала произволъ лорда или его управляющаго, потому что всѣ члены галимота, а не лордъ и не его управляющій, опредѣляли проступки противъ интересовъ лорда. Можетъ быть, и самый размѣръ штрафа даже для виллановъ устанавливался собраніемъ, а не лордомъ. Галимотъ разбираетъ и всѣ гражданскія дѣла по владѣнію, наслѣдству, приданому, арендамъ и т. п. Но и по гражданскимъ судамъ лордъ или его замѣститель остаются тоже только предсѣдателями суда, а самое обслѣдованіе вопроса и постановленіе приговора находятся въ рукахъ 12 присяжныхъ или всего „двора“.

Особенно важно участіе полной куріи во всѣхъ сдѣлкахъ по переходу крестьянскихъ участковъ земли изъ рукъ въ руки. Такой переходъ могъ происходить только черезъ посредство лорда (или его замѣстителя), который будто бы вновь вступаетъ (reenters) во владѣніе отчуждаемымъ участкомъ и передаетъ его затѣмъ новому крестьянину-владѣльцу, какъ если бы это дѣйствительно было совершенно новымъ пожалованіемъ (surrender and admittance). Въ этомъ участіи лорда при отчужденіяхъ сказывается его верховное право на землю сельской общины; но и это верховное право опять-таки было ограничено маноріальнымъ дворомъ, который въ сущности своимъ свидѣтельствомъ только и обезпечиваетъ отчужденіе. Для владѣльца на правахъ крестьянина (base tenure) существовали особыя названія—„держащій въ силу записи въ свиткахъ двора“ (tenant by copy of court roll) или „держащій въ силу трости“ (tenant by tho rod, par la verge). Названіе это

происходитъ отъ того, что и для крестьянскаго надѣла существовала своя символическая инвеститура: лордъ или управляющій передавалъ надѣлъ посредствомъ врученія трости или вѣтки. Во многихъ мѣстностяхъ вилланъ, получая надѣлъ, долженъ былъ приносить присягу на вѣрность (oath of fealty, per fidelitatem costumarii), но безъ оммажа, и въ присягу входили слова: „Я ищу защиты у васъ для жизни и для имущества“ (I will be justified by you in body and goods). Но этотъ обрядъ передачи земельной собственности вовсе не предполагаетъ непремѣнно за лицомъ, вручающимъ трость, верховную собственность на землю. Обрядъ коренится еще въ правѣ салическихъ франковъ; тамъ въ каждой передачѣ земли должно было участвовать третье лицо, посредникъ или свидѣтель, который беретъ символически (посредствомъ трости, festuca) землю у прежняго собственника и передаетъ ее затѣмъ новому лицу путемъ того же символа. Этотъ древній германскій обрядъ и былъ перенесенъ традиціей на средневѣковую инвеституру, при чемъ на лорда или управляющаго перешла роль посредника. Но такое врученіе крестьянскаго надѣла въ средневѣковой Англіи должно быть засвидѣтельствовано не однимъ только лордомъ или управляющимъ, а всѣмъ дворомъ [1]) и заносится въ протоколъ засѣданій куріи (отсюда tenant by copy of court roll). Свободный человѣкъ можетъ вступать въ сдѣлки отъ своего имени и притомъ посредствомъ хартій, но вилланы должны довольствоваться символическими обрядами передъ „plena curia“, т.-е. манорiальною палатой. Ссылка на „свитки куріи“ (rotuli curiae) или на свидѣтельство всей манорiальной палаты, а то и 12 присяжныхъ изъ ея среды—единственное средство для виллана, если надо удостовѣрить, что извѣстный участокъ принадлежитъ ему, хотя у него и нѣтъ хартіи (verificare per recordum rotulorum seu 12 juratorum ejusdem curiae per voluntatem domini et senescalli). Вообще составъ манорiальной куріи—смѣшанный, изъ вилланов и фригольдеровъ. По воззрѣніямъ среднихъ вѣковъ, манорiальная курія не можетъ состояться, если въ ней не будетъ на лицо хоть нѣсколькихъ свободныхъ людей. Часто требуется для законности куріи не менѣе четырехъ фригольдеровъ, такъ какъ четырехъ бывало достаточно, чтобы въ случаѣ надобности составить какъ бы отдѣльный „дворъ свободныхъ“ въ средѣ „полнаго двора“ (напр., для удостовѣренія ка-

[1]) Въ сущности и пожалованіе лена происходитъ въ феодальной куріи изъ вассаловъ сеньера, которые, напр., по Іерусалимскимъ Ассизамъ, и могутъ всегда удостовѣрить фактъ инфеодаціи.

кого-либо факта, касающагося свободнаго человѣка манора). Вообще надъ такимъ „полнымъ“ маноріальнымъ дворомъ носится идея „свободнаго двора“, исключающаго рабовъ, но не отождествляющаго съ ними виллановъ, которые стоятъ какъ бы ближе къ свободнымъ.

Министеріалы и помѣстныя куріи достигли въ Германіи и Англіи особенно характернаго развитія, но они существовали и во Франціи, а въ той или другой формѣ и всюду, гдѣ только былъ феодализмъ.

Евг. Щепкинъ.

XXIII.

Сельское населеніе Германіи въ XI и XII вв.

Свободные земледѣльцы въ древней Германіи.

Прежде, чѣмъ говорить о положеніи сельскаго населенія въ XII вѣкѣ, необходимо вкратцѣ изложить исторію землевладѣнія въ Германіи съ древняго времени до занимающей насъ эпохи.

Во время Тацита населеніе Германіи было уже осѣдлымъ и земледѣльческимъ; событія послѣдующаго времени уничтожили однако первоначальныя германскія поселенія. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ мы видимъ всю Германію въ безпрерывномъ движеніи, и въ то время, какъ многіе изъ народовъ германскихъ переселялись за Рейнъ и за Дунай въ предѣлы римской имперіи и тамъ дѣлили между собою ея богатое наслѣдство, внутри самой Германіи шли постоянныя войны и передвиженія, которыя имѣли результатомъ соединеніе мелкихъ народцевъ въ большія племена фризовъ, саксовъ, турингов, швабовъ и баварцевъ.

Военно-родовой бытъ германцевъ этого времени опредѣлилъ первоначальный характеръ землевладѣнія. Германскіе народцы дѣлились на сотни (военная организація), изъ которыхъ каждая заключала въ себѣ населеніе родовыхъ союзовъ; при завоеваніи каждая сотня получала по раздѣлу опредѣленную территорію въ 2—3 кв. мили, на которой и располагалась нѣсколькими поселеніями. Поселенія эти, раскинутыя какъ бы островами среди лѣсовъ Германіи, состояли обыкновенно изъ 20—80 дворовъ, расположенныхъ или скученно, или же въ видѣ замкнутой геометрической фигуры круглой или овальной формы. Земля находилась въ общинномъ

Пособія. *Lamprecht*, Deutsches Wirthschaftsleben im Mittelalter; *Inama Sternegg*, Deutsche Wirthschaftsgeschichte.

владѣніи селенія. Для того, чтобы распахать поле, нужно было предварительно вырубить и выкорчевать часть лѣса и расширить землю подъ пашню; для одной семьи задача эта была въ то время непосильною, что̀ неизбѣжно вело къ соединенію труда; нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что первоначально всѣ жители поселенія общими силами обращали лѣсъ подъ пашню, которую вмѣстѣ и обрабатывали, а затѣмъ дѣлились плодами урожаевъ.

Въ періодъ Салической Правды уже нѣтъ болѣе общиннаго владѣнія пашнею: вся пашня раздѣлена между отдѣльными дворами. Пахатная земля (Flur) — ближайшая къ поселенію — охватываетъ его со всѣхъ сторонъ; она состоитъ изъ многихъ участковъ (campus, Gewanne—конъ) разной величины и формы, изъ которыхъ каждый раздѣленъ на столько полосъ (Aecker, pl. отъ Acker), сколько дворовъ въ селеніи; каждый дворъ владѣетъ, такимъ образомъ, нѣсколькими полосами пахатной земли (черезполосность владѣнія). Очевидно, что, переходя постепенно къ осѣдлому образу жизни и перенося весь свой трудъ отъ ухода за стадами на обработку земли, населеніе брало подъ распашку все новые и новые участки, пока, наконецъ, не распахало земли столько, что обработкой ея могло доставлять всѣ необходимыя средства къ жизни. Луга, пастбища и лѣса попрежнему составляли общее достояніе населенія—Allmende.

Дворъ вмѣстѣ съ надѣлами пахатной земли былъ полною собственностью отдѣльной крестьянской семьи и назывался гуфою (huba, mansus), при чемъ гуфа равнялась площади приблизительно въ 8—10 десятинъ. Долгое время количество гуфъ въ каждомъ поселеніи оставалось неизмѣннымъ, ибо не было ни раздѣловъ, ни передѣловъ земли: вслѣдствіе установившагося обычая весь надѣлъ передавался одному изъ сыновей, а избытокъ населенія селился новыми деревнями на маркѣ той же системы; отъ VI—VIII вѣка возникло такимъ образомъ множество новыхъ деревень.

Крупное землевладѣніе въ древней Германіи.

До сихъ поръ шла рѣчь только о свободныхъ германцахъ, которые съ прекращеніемъ передвиженій образуютъ классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, обращаются въ крестьянъ; но въ то же время развивается и крупное землевладѣніе.

Германское общество временъ Тацита уже различаетъ классы свободныхъ, благородныхъ (nobilitas), зависимыхъ и рабовъ. При земельныхъ раздѣлахъ знатные получали отдѣльно большія сравнительно земли (agri pro numero cultorum secundum dignationem partiuntur); земля ихъ воздѣлывалась зависимыми людьми — полу-

свободными (liti) и рабами (servi, mancipia), которыми они преимущественно владѣли. Во время безпрерывныхъ войнъ развивается власть герцога (dux) и значеніе его свиты-дружины (trustis, comitatus), что̀, естественно, создаетъ при завоеваніяхъ новыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Наконецъ, германскія племена постепенно покоряются и входятъ въ составъ усиливающейся франкской монархіи; развившаяся затѣмъ идея, что вся незанятая земля (res nullius) принадлежитъ государю, и раздача ея во владѣніе преимущественно церкви и должностнымъ лицамъ (графамъ) создаютъ еще видъ земельной аристократіи.

Итакъ, во владѣніи короля, церкви, должностныхъ лицъ и потомковъ племенной аристократіи находилась вся остальная земля.

Большія земли крупныхъ собственниковъ не могли быть воздѣланы трудомъ полусвободныхъ и рабовъ: этотъ классъ общества былъ для того недостаточно многочисленнымъ; поэтому главной задачей землевладѣльцевъ было привлечь на свои земли новыхъ поселенцевъ. Въ то же время крестьянское населеніе начинаетъ испытывать недостатокъ въ землѣ: отсутствіе свободной земли не позволяло уже больше выводить новыхъ колоній, а принуждало дробить гуфы между наслѣдниками. Избытокъ населенія долженъ былъ искать себѣ мѣста на чужой землѣ, хотя это было сопряжено съ ограниченіемъ свободы и имущественною зависимостью. Поселенцы устраивались на земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ деревнями такого же типа, какъ было описано выше, но становились въ ряды зависимаго класса полусвободныхъ и платили оброкъ (census) землевладѣльцу.

Зависимое крестьянство.

Но не только избытокъ свободнаго населенія переходитъ въ зависимое состояніе—все крестьянское населеніе съ теченіемъ времени становится мало-по-малу въ зависимость отъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Тяжелыя повинности, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ военная (обязанность участвовать въ походахъ), падавшая на весь свободный классъ общества, десятина въ пользу церкви, отнимавшая $^1/_{10}$ долю урожая, далѣе большіе штрафы (compositio) за правонарушенія и притѣсненія должностныхъ лицъ—всѣ эти причины подрывали благосостояніе мелкихъ собственниковъ; а неудачныя войны, особенно во время послѣднихъ Каролинговъ, и вторженія внутрь страны датчанъ, славянъ, венгровъ и норманновъ разорили многія мѣстности Германіи. Чтобы уйти отъ разоренія или уклониться отъ тяжелыхъ повинностей, было одно средство—отказаться

отъ свободы и перейти въ зависимость (in obsequium, in servitium), подъ покровительство крупнаго землевладѣльца. И дѣйствительно, крестьяне отказываются отъ своей земли и свободы въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ, которые оставляютъ за ними ихъ землю, но только на правѣ пользованія и за оброкъ. Говоря о причинахъ исчезновенія самостоятельнаго класса мелкихъ земельныхъ собственниковъ, нельзя умолчать о побужденіяхъ религіозныхъ, обогатившихъ церковь, въ особенности же монастыри.

Къ XI вѣку мелкое землевладѣніе уже почти исчезло, почти вся земля собралась во владѣніи монастырей, духовенства и свѣтской аристократіи; земледѣльческое же населеніе этихъ земель, состоявшее первоначально изъ рабовъ, полусвободныхъ, а затѣмъ перешедшихъ въ зависимость свободныхъ крестьянъ, сливается въ одинъ общій классъ крѣпостного населенія.

Организація помѣстья.

Центромъ всякаго крупнаго свѣтскаго [1]) владѣнія была барская усадьба (villa)—мѣстопребываніе сеньёра, гдѣ онъ жилъ, окруженный многочисленною толпою слугъ. Дворня эта, преимущественно рабскаго происхожденія, исполняла всѣ домашнія службы и изготовляла все нужное для домашняго обихода. Нужно замѣтить, что изъ ея среды выдѣлились съ теченіемъ времени нѣкоторые слуги, снискавшіе себѣ довѣріе или расположеніе господина, и имъ даются особыя назначенія, завѣдываніе, напр., какою-либо отраслью хозяйства, однимъ словомъ, разныя ministeria, такъ что надъ обыкновенными слугами возвышается особый классъ министеріаловъ, которые и въ сельскомъ хозяйствѣ имѣли весьма большое значеніе.

Земледѣльческое населеніе было частью также рабскаго происхожденія; тутъ же вокругъ усадьбы тѣснились лачуги холоповъ (mancipia casata), занятыхъ земледѣльческими работами: своего земельнаго надѣла холопы эти не имѣли, а воздѣлывали господскую пашню, примыкавшую къ усадьбѣ (domanium, terra salica). Классъ рабовъ, впрочемъ, никогда не былъ въ Германіи особенно многочисленнымъ, и доманіальная земля, обрабатываемая ихъ трудомъ, занимала потому не очень значительную площадь.

За предѣлами доманіальной земли начинались участки зависимаго, крѣпостного крестьянскаго населенія. Крестьянскія земли не сплошною массою окружали усадьбу; главною особенностью средневѣковаго землевладѣнія была его раздробленность; владѣніе

---

[1]) Хозяйство на монастырскихъ земляхъ, въ общемъ весьма сходное съ описываемымъ, имѣетъ нѣкоторыя особенности, которыхъ по краткости статьи мы касаться не будемъ.

въ 10—15.000 десятинъ раскинуто было иногда на сотни верстъ; въ разныхъ мѣстахъ были группы въ 20—30 крестьянскихъ дворовъ, которыя съ разныхъ сторонъ тянули къ одному центру, находясь въ оброчной зависимости отъ одного сеньёра.

Оброкъ, первоначально главная повинность зависимаго крестьянскаго населенія по отношенію къ господину, платился продуктами крестьянскаго хозяйства, къ которому мы теперь и обращаемся.

Крестьянское хозяйство.

Хозяйство въ это время почти повсемѣстно было трехпольное; трехпольная система уже съ IX вѣка вытѣсняетъ собою систему переложную и одинаково принимается какъ въ господскомъ, такъ и въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Пахатная земля селенія, разбитая для хозяйственныхъ цѣлей на 3 поля (Feld), представляетъ въ то же время ужасную черезполосицу. Уже раньше было указано на то, что крестьянская гуфа состояла изъ небольшихъ полосъ; но къ XI-му вѣку очень немногія семьи владѣютъ полною гуфою: нѣкоторыя пользуются лишь половиннымъ надѣломъ, другія довольствуются $^1/_4$, $^1/_8$ и меньшею долей гуфы; дробленіе пахатной земли между наслѣдниками изъ поколѣнія въ поколѣніе увеличиваетъ черезполосицу. Такое раздѣленіе пахатной земли порождало большія хозяйственныя затрудненія (къ нѣкоторымъ полосамъ, напр., не было иного проѣзда, какъ черезъ полосы сосѣдей) и необходимо требовало и поддерживало принудительный сѣвооборотъ (Flurzwang). Каждое поле распахивается и засѣвается единовременно всѣми крестьянами селенія, общими силами ставятъ крестьяне изгороди кругомъ засѣяннаго поля, чтобы уберечь его отъ потравы, въ одно время убираютъ озимое, а затѣмъ и яровое и по жнитву пускаютъ пастись скотъ.

Необходимо подчеркнуть, что пахатная земля не была въ общинномъ пользованіи селенія: каждая крестьянская семья владѣетъ пахатнымъ надѣломъ отдѣльно, и надѣлъ этотъ остается въ потомствѣ данной семьи, все болѣе и болѣе дробясь съ теченіемъ времени. Земельныхъ передѣловъ не бывало. Только сѣнокосы, пастбища и лѣса находятся въ общинномъ пользованіи селенія.

Здѣсь кстати упомянуть о томъ, что, кромѣ пашенной земли, въ частномъ владѣніи отдѣльной семьи была еще земля огородная — небольшіе участки, тѣсно примыкавшіе къ крестьянскимъ дворамъ, гдѣ, кромѣ овощей, сажались крестьянами нѣсколько плодовыхъ деревьевъ и сѣялось немного льну.

Главнымъ богатствомъ крестьянина, кромѣ земли, было нѣсколько головъ домашняго скота. Лошади въ крестьянскомъ хозяйствѣ были

рѣдкостью (пахали на коровахъ самодѣльными земледѣльческими орудіями); 4 коровы, столько же свиней и стадо барановъ въ 15—20 головъ составляли обыкновенное достояніе крестьянина.

Оброкъ и барщина.

Продуктами своего хозяйства и платилъ крѣпостной крестьянинъ лежавшій на немъ оброкъ господину. Оброкъ взимался натурою: зерномъ, хлѣбомъ, льномъ, домашнею птицей, яйцами, баранами и поросятами; приблизительно $^1/_5$ доля ежегоднаго крестьянскаго дохода отдавалась господину въ видѣ оброка, такъ что $^4/_5$ оставалось въ хозяйствѣ крестьянина. Уплата оброка влекла, конечно, за собою повинность доставить въ опредѣленное время всѣ эти припасы на своихъ подводахъ на господскій дворъ.

Сборъ всѣхъ этихъ продуктовъ и забота о своевременной уплатѣ крестьянами породили въ большихъ владѣніяхъ весьма сложную хозяйственную организацію. Центромъ управленія была, само собою разумѣется, господская усадьба, но отдаленныя отъ усадьбы гуфы крѣпостныхъ собираются около мѣстныхъ центровъ; тамъ, гдѣ расположена группа въ 12—24 крестьянскихъ двора, ставится барскій дворъ (curtis dominicus) и поселяется управитель (villicus, Meier) изъ министеріаловъ, присланный изъ усадьбы для хозяйственныхъ распоряженій. Впрочемъ, задачи этихъ управителей очень скоро усложняются, ибо на крестьянъ мало-по-малу возлагается новая и притомъ самая тяжелая повинность; мы разумѣемъ барщину.

Располагая массою зависимаго крестьянскаго населенія, землевладѣльцы начинаютъ пользоваться его трудомъ для дальнѣйшаго развитія хозяйства. Подъ надзоромъ управителя крестьяне какой-либо мѣстной группы расчищаютъ новыя земли изъ-подъ лѣса и обращаютъ ихъ въ господскую пашню (terra salica, Beunde); эта пашня затѣмъ уже изъ года въ годъ обрабатывается по наряду крѣпостнымъ крестьянскимъ трудомъ, подобно тому, какъ доманіальная земля трудомъ холоповъ-земледѣльцевъ; крестьяне обязаны доставлять на эти земли навозъ для удобренія и исполнять всѣ земледѣльческія работы: mansionarii debent jugera dominica arare, seminare, colligere et in orreum deducere suo tempore, et sepem facere.

Особенно тяжелы были работы, если вновь расчищенная земля обращалась подъ виноградники. А необходимо замѣтить, что землевладѣльцы старались увеличить изъ года въ годъ площадь такихъ запашекъ. Барщина, ставшая въ скоромъ времени общею повиностью всего крѣпостного населенія, обыкновенно была трехдневная, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ назначались и по 4 дня въ недѣлю.

За барщиною однако слѣдуетъ еще множество другихъ повинностей; издѣльныя повинности были, впрочемъ, въ разныхъ владѣніяхъ настолько разнообразны, что приходится ограничиться лишь указаніемъ на главнѣйшія изъ нихъ. Забота о господскихъ зданіяхъ, слѣдовательно, строительныя работы и доставка кирпичей и черепицъ, нужныхъ для постройки; работа на господскихъ огородахъ, посѣвъ льна и уходъ за нимъ; устройство на рѣкахъ заколовъ для рыбной ловли; уходъ за стадами, охрана и рубка лѣса, доставка дровъ, приготовленіе жердей для виноградниковъ, досокъ и обручей для бочекъ, сборъ желудей и ягодъ, наконецъ, служба въ сторожахъ для охраны усадьбы съ ея богатствами — все это возлагается на крѣпостныхъ крестьянъ.

Въ заключеніе скажемъ, что XI вѣкъ служитъ уже переходнымъ временемъ для крестьянъ къ другому, болѣе легкому положенію. Высшее сословіе, увлекаясь военными задачами, забрасываетъ свои хозяйственные центры—усадьбы—и переселяется со своими министеріалами за зубчатыя стѣны замковъ, а крестьянскія повинности съ начинающимся развитіемъ торговли и городовъ переводятся на деньги; барскія запашки тоже за извѣстный денежный оброкъ сдаются въ общинное владѣніе ближайшимъ крестьянскимъ селеніямъ; натуральное хозяйство мало-по-малу уступаетъ мѣсто денежному, наконецъ, денежный оброкъ фиксируется и съ каждымъ десятилѣтіемъ становится легче вслѣдствіе послѣдовательнаго паденія цѣнности денегъ.

Нашей задачей было дать понятіе о времени натуральнаго хозяйства и наибольшаго развитія крѣпостного права.

Алексѣй Кедровъ.

XXIV.

Французскіе города въ средніе вѣка.

Упадокъ городовъ въ варварскихъ государствахъ.

Варварскимъ государствамъ, основаннымъ германскими племенами на развалинахъ Западной римской имперіи, досталось въ наслѣдство значительное количество городовъ, когда-то богатыхъ и оживленныхъ, служившихъ центрами не только управленія, но и весьма развитой въ то время промышленности и торговли, и даже просвѣщенія. Особенно много такихъ городовъ было въ Галліи, гдѣ однѣхъ civitates (крупныхъ городовъ, пользовавшихся самоуправленіемъ) насчитывали до 112, не говоря уже о мелкихъ укрѣпленіяхъ (castra). Кромѣ того, уже въ первую половину среднихъ вѣковъ стали возникать и новые города: чаще всего окрестное населеніе стекалось подъ защиту стѣнъ замка и укрѣпленнаго аббатства, вокругъ которыхъ такимъ образомъ возникалъ городъ: такова исторія, между прочимъ, Монпелье на югѣ Франціи, Брюсселя и Гента на сѣверѣ. Такому сосредоточенію населенія въ укрѣпленныхъ мѣстахъ не мало способствовали въ IX в. частыя нашествія норманновъ, которые опустошали страну и разоряли ея жителей: этимъ нашествіямъ обязанъ своимъ возникновеніемъ и первоначальнымъ развитіемъ, напр., г. Сентъ-Омеръ. Иногда города выростали вокругъ вновь возникшаго рынка, въ помѣстьяхъ того или иного феодальнаго владѣльца.

Такимъ образомъ, съ самаго начала средневѣковой исторіи

Пособія: *Guizot*, Histoire de la civilisation en France; *Luchaire*, Manuel des institutions françaises; *Aug. Thierry*, Lettres sur l'histoire de France; *Luchaire*, Les communes françaises à l'époque des Capétiens directs; *Lavisse et Rambaud*, Histoire générale, t. III.

Франціи въ этой странѣ не было недостатка въ городахъ. Но въ то же время все складывалось въ высшей степени неблагопріятно для населенія этихъ городовъ. Городскіе центры сразу потеряли свое прежнее значеніе, такъ какъ варварскіе короли и ихъ приближенные, крупные землевладѣльцы какъ германскаго, такъ и галло-римскаго происхожденія, — однимъ словомъ, все, что составляло высшій классъ общества того времени, разселилось по своимъ помѣстьямъ, оставивши на долю городовъ низшіе слои населенія— купцовъ и ремесленниковъ, трудъ которыхъ презирали варвары-пришельцы. Торговля стала быстро приходить въ упадокъ: ей былъ нанесенъ рѣшительный ударъ уже однимъ фактомъ уничтоженія Западной римской имперіи, которая соединяла въ одно цѣлое добрую половину культурнаго міра того времени, облегчая этимъ торговыя сношенія и обмѣнъ продуктовъ различныхъ частей этого великаго цѣлаго, предоставляя къ услугамъ купцовъ превосходныя дороги и иные пути сообщенія, о которыхъ такъ заботились римскіе императоры. Не въ лучшемъ положеніи очутилась и промышленность: германскіе завоеватели еще не совсѣмъ вышли изъ того первоначальнаго момента экономическаго развитія, который носитъ названіе натуральнаго хозяйства и характеризуется тѣмъ, что каждый самъ производитъ всѣ предметы, нужные для удовлетворенія его простыхъ и несложныхъ потребностей; къ услугамъ же наиболѣе значительныхъ и богатыхъ изъ нихъ были рабы и населеніе помѣстій, которое доставляло своему господину все необходимое для жизни, еще не совсѣмъ утратившей свою первобытную грубость. Что касается туземцевъ, то общій уровень ихъ быта долженъ былъ значительно понизиться уже потому, что они сами опустились въ положеніе завоеванныхъ и только очень немногимъ изъ нихъ удалось удержаться въ верхнихъ слояхъ общества рядомъ съ завоевателями, съ которыми они и слились впослѣдствіи. Промышленность пала, и скоро почти единственнымъ промысломъ, значеніе котораго въ жизни не только не утратилось, но еще и увеличилось, осталось земледѣліе; лучшимъ доказательствомъ этой перемѣны въ экономической жизни населенія служитъ то, что горожанамъ пришлось взяться за плугъ и обрабатывать окрестности своего города не хуже поселянъ.

Упадокъ городовъ выразился не только въ торговомъ и промышленномъ затишьѣ, наступившемъ послѣ завоеванія Западной римской имперіи германскими племенами, не только въ пониженіи матеріальнаго благосостоянія горожанъ: рядомъ съ этимъ неуклонно

шло и ухудшеніе въ юридическомъ положеніи городского населенія. Оно должно было подчиниться тѣмъ же условіямъ, которыя мало-по-малу привели весь мелкій людъ средневѣкового государства въ зависимость отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, этихъ „государей въ своемъ помѣстьи“. Къ концу X-го вѣка во французскихъ городахъ почти не оставалось свободныхъ людей: почти всѣ они слились съ деревенскимъ населеніемъ въ одну общую массу безправныхъ сервовъ, „обывателей“ (manants, manentes), къ которымъ съ такимъ презрѣніемъ относились бароны и рыцари и которыхъ духовные проповѣдники настойчиво убѣждали отдавать кесарево кесареви, безропотно и безпрекословно подчиняться своимъ земнымъ господамъ.

Каждый городъ превратился въ собственность какого-нибудь феодальнаго владѣльца, въ большинствѣ случаевъ епископа, который еще во время римской имперіи пользовался значительнымъ вліяніемъ и авторитетомъ среди городского населенія. Въ нѣкоторыхъ городахъ власть дѣлилась между нѣсколькими господами; такъ, напримѣръ, Арль, въ XII в. представлялъ собой собственно четыре отдѣльныхъ города: 1) кремль (cité), принадлежавшій архіепископу; 2) старый городъ (vieux bourg), который дѣлили между собой графъ прованскій, архіепископъ и семейство Порселле; 3) рынокъ, зависѣвшій отъ архіепископа, который половину его отдалъ въ ленъ виконту марсельскому, а другую половину—вигье арльскому, и, наконецъ, 4) новый городъ (bourg neuf)—владѣніе сеньёра des Baux.

Положеніе вилланов.

Положеніе массы населенія въ средневѣковомъ обществѣ, которое признавало только два класса людей, имѣющихъ значеніе и пользующихся благами жизни,—феодальныхъ владѣльцевъ, бароновъ и духовенство, было въ высшей степени тяжелое и безотрадное. Эти несчастные сервы и вилланы во всемъ зависѣли отъ своего сеньёра, который могъ ихъ „сжарить и съѣсть“, по выраженію нѣмецкой поговорки, могъ ихъ „убить и изувѣчить“, какъ гласила соотвѣтствующая французская пословица. Вилланы несли тяжелыя повинности въ пользу феодальнаго владѣльца, платили ему всевозможныя подати и пошлины, работали на него барщину, подчинялись его суду и управленію; хуже всего было отсутствіе какихъ бы то ни было гарантій, полный произволъ, который могъ проявлять баронъ по отношенію къ своимъ подданнымъ: благодаря этому, ничто не сдерживало жестокости и корыстолюбія феодальнаго владѣльца въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ. Вотъ какими чертами описываетъ ихъ положеніе Готфридъ de Troyes;

„Крестьяне, которые работаютъ за всѣхъ и трудятся безпрестанно, во всѣ времена года, которые предаются рабскимъ занятіямъ, презираемымъ ихъ господами, находятся въ постоянномъ угнетеніи для того только, чтобы доставлять другимъ пищу и одежду, а также средства для ихъ безпутной жизни. Ихъ преслѣдуютъ пожарами, грабежомъ и войной; ихъ бросаютъ въ темницы и накладываютъ на нихъ оковы, а потомъ заставляютъ платить выкупъ, или же морятъ голодомъ и подвергаютъ всевозможнымъ пыткамъ... Несчастные кричатъ, ихъ вдовы плачутъ, сироты стенаютъ, а кровь мучениковъ льется"... Любопытенъ въ этомъ отношеніи документъ, составленный Вариномъ, епископомъ г. Бовэ, и предложенный имъ королю Роберту (996—1031); по мысли составителя этого проекта, всѣ феодалы должны бы были дать слѣдующую клятву: „Я не стану отнимать (у поселянъ) ни быка, ни коровы, ни какой другой скотины; я не буду хватать ни крестьянина, ни крестьянки, ни купца; я не буду отбирать у нихъ денегъ и заставлять ихъ платить выкупъ. Я не хочу, чтобы они лишались своего имущества изъ-за войны, которую ведетъ ихъ сеньёръ; я не буду подвергать ихъ ударамъ, чтобы отнять у нихъ средства къ существованію. Съ первыхъ чиселъ марта и до праздника Всѣхъ Святыхъ я не буду хватать ни коня, ни кобылы, ни жеребенка, пасущихся на лугу; не буду разрушать и жечь домовъ, разорять мельницъ, не окажу покровительства никакому вору". Стоитъ только въ этомъ отрывкѣ замѣнить слова „я не стану отнимать" словами „я отнимаю", „я не буду хватать"—„хватаю", и вмѣсто идеала, который, конечно, никогда не могъ быть достигнутъ въ эту эпоху, мы получимъ печальную дѣйствительность, отъ которой такъ страдали средневѣковые вилланы.

Внѣшній видъ города.

Итакъ, исторія средневѣковыхъ городовъ начинается картиной полнаго ихъ упадка: сразу же былъ подрѣзанъ нервъ, которымъ живетъ и держится трудовое населеніе города,—торговля и промышленность. Само собой разумѣется, что обстоятельства, послѣдовавшія за водвореніемъ германцевъ въ Галліи, могли только еще болѣе ухудшить положеніе городовъ: борьба мелкихъ германскихъ государствъ другъ съ другомъ, поглощеніе ихъ франкской монархіей, междоусобія и неурядица меровингской эпохи, распаденіе франкской имперіи и междоусобія Каролинговъ, постоянные набѣги арабовъ съ юга и норманновъ съ сѣвера и запада—все это не могло способствовать возрожденію городовъ и подъему благосостоянія ихъ жителей. Вслѣдствіе недостатка безопасности, отсутствія крупныхъ

центровъ и упадка промышленности наступаетъ продолжительное затишье въ торговлѣ. Исключеніе составляютъ лишь нѣкоторые южные города, въ которыхъ никогда не прекращаются торговыя сношенія съ Италіей, Греціей, Востокомъ. Въ остальныхъ же французскихъ городахъ населеніе бѣднѣетъ, и численность его замѣтно сокращается. Самая территорія многихъ городовъ суживается. Городъ пересталъ быть промышленнымъ, торговымъ и культурнымъ центромъ; онъ сдѣлался по преимуществу укрѣпленнымъ мѣстомъ; въ интересахъ же защиты требовалось сократить по возможности крѣпостную территорію—вотъ почему во многихъ городахъ (напримѣръ, въ Парижѣ, Бордо, Пуатье и др.) обширныя пространства, которыя были заселены во времена римской имперіи, въ началѣ среднихъ вѣковъ оставляются за чертой городскихъ стѣнъ. Внутри этихъ стѣнъ населеніе скучивается какъ можно тѣснѣе: чтобы сберечь мѣсто, древній храмъ, какъ, напримѣръ, въ Перигё, превращаютъ въ крѣпостную башню; арена римскаго цирка (въ Нимѣ) застраивается домами, и на ея мѣстѣ образуется, такимъ образомъ, цѣлый кварталъ; дома растутъ вверхъ, а не въ ширину, и каждый верхній этажъ выдается надъ предыдущимъ, нависая надъ улицей, и безъ того тѣсной и узкой. Такъ выработалась физіономія типичнаго средневѣкового города, сохранившаяся въ старинныхъ кварталахъ многихъ западно-европейскихъ городовъ и до сихъ поръ.

Возрожденіе промышленности и торговли.

Но вотъ, наконецъ, броженіе, поднятое великимъ переселеніемъ народовъ, окончательно улеглось; изъ хаоса стали выясняться опредѣленныя очертанія средневѣкового государства и общества; установился мало-по-малу извѣстный порядокъ,—правда, мало удовлетворительный на нашъ взглядъ, но все-таки порядокъ опредѣленный и устойчивый, выработавшійся въ полномъ соотвѣтствіи съ сознаніемъ и потребностями людей того времени. Установилась относительная тишина и спокойствіе, отношенія людей другъ къ другу получили характеръ опредѣленный, нормальный, и жизнь вошла мало-по-малу въ свою обычную колею. Снова началось медленное поступательное движеніе впередъ, развитіе, которое какъ будто было пріостановлено катастрофой варварскаго нашествія и разрушенія римской имперіи на западѣ: по крайней мѣрѣ, за нимъ трудно было слѣдить въ первые вѣка послѣдовавшаго за этой катастрофой хаоса и броженія, которымъ обыкновенно сопровождается установленіе новаго строя жизни на развалинахъ разрушеннаго стараго порядка.

Въ связи съ общимъ развитіемъ шло и торгово-промышленное развитіе Франціи и другихъ европейскихъ странъ. Населеніе увеличивалось, его потребности росли вмѣстѣ съ ростомъ благосостоянія, улучшеніемъ и осложненіемъ жизни, а также въ зависимости отъ общаго повышенія уровня культуры; между отдѣльными мѣстностями завязывались и крѣпли торговыя сношенія, которыя становились все болѣе и болѣе оживленными. Значительный толчокъ развитію ремеслъ и торговли былъ данъ знакомствомъ западно-европейскаго христіанскаго общества съ восточной арабско-мусульманской культурой; эти два міра постоянно сталкивались въ Испаніи, гдѣ шла непрерывная борьба христіанъ съ маврами, и на востокѣ, куда европейцы совершали паломничества, а впослѣдствіи крестовые походы; а за пилигримомъ и крестоносцемъ обыкновенно по пятамъ слѣдовалъ купецъ, воинскій станъ часто превращался въ ярмарку, и кровавая борьба съ оружіемъ въ рукахъ всегда порождала мирныя торговыя сношенія. Востоку Европа обязана знакомствомъ съ цѣлымъ рядомъ новыхъ предметовъ (преимущественно предметовъ роскоши), которые съ тѣхъ поръ вошли въ употребленіе и оживили не только торговлю, но и европейскую промышленность. Оживленію торговли во Франціи способствовало, кромѣ того, еще и завоеваніе Англіи Вильгельмомъ нормандскимъ (1066 г.)— событіе, надолго связавшее обѣ эти страны.

Такимъ образомъ возродились промышленность и торговля въ западной Европѣ, и съ половины среднихъ вѣковъ и та и другая стали быстро развиваться. Были, правда, обстоятельства, нѣсколько стѣснявшія это развитіе: въ то время денегъ въ обращеніи находилось сравнительно мало; съ другой стороны, и кредитъ былъ слабо развитъ: христіанская мораль осуждала отдачу денегъ въ ростъ и взиманіе процентовъ; этимъ сначала занимались исключительно евреи, а они, находясь въ угнетеніи и подвергаясь постояннымъ преслѣдованіямъ и вымогательствамъ, въ накопленіи денежныхъ богатствъ видѣли единственное средство борьбы съ христіанскимъ обществомъ; рискуя часто потерять свой капиталъ, отданный въ ростъ, они, естественно, стремились вознаградить себя за этотъ рискъ огромными процентами. Все это вмѣстѣ взятое дѣлало кредитъ, столь необходимый въ торговлѣ, чрезвычайно дорогимъ; обычный процентъ въ средніе вѣка былъ отъ 40 до 60 на сто, а иногда и значительно выше; разсказываютъ, что одинъ англійскій аббатъ занялъ 25 фунтовъ, а черезъ 4 года его долгъ возросъ до 840 ф. Провозъ товаровъ на каждомъ шагу встрѣчалъ различныя затруд-

ненія: дороги и мосты находились иногда въ самомъ плачевномъ состояніи; кромѣ того, купецъ всегда могъ опасаться вооруженнаго нападенія, рискуя не только имуществомъ, но и жизнью. На пути встрѣчалась масса заставъ, у которыхъ приходилось платить пошлину: чтобы провезти товаръ по всему теченію Луары, нужно было 74 раза оплачивать его пошлиной (правда, бо̀льшей частью весьма незначительной), на Гароннѣ—70 и на Сенѣ съ Роной—60 разъ! И тѣмъ не менѣе торговля развивалась, такъ какъ жизнь брала свое, постоянно шла впередъ, постепенно ослабляя всѣ эти препятствія, вырабатывая все новыя и новыя средства для борьбы съ ними. При этомъ необходимо имѣть въ виду одно обстоятельство: торговля въ средніе вѣка сильно страдала вслѣдствіе раздробленности и страны, и народа, распавшихся на множество маленькихъ, обособленныхъ другъ отъ друга міровъ: никогда, можетъ быть, не существовало такого множества мелкихъ перегородокъ, раздѣлявшихъ и людей, и землю, какъ въ то время; но за то въ средніе вѣка не было высокихъ китайскихъ стѣнъ, которыя въ новое время ста̀ли отдѣлять одно государство отъ другого, а это значительно облегчало международныя сношенія: приходилось очищать товаръ пошлиной при проѣздѣ черезъ каждое феодальное помѣстье, черезъ каждый городъ, но эти сборы были ничтожны, и купцу не угрожали, какъ теперь, громадныя покровительственныя пошлины на границѣ между двумя государствами, потому что такихъ границъ не существовало: въ XII или XIII в. трудно было сказать, гдѣ кончается Франція и гдѣ начинается Испанія, Англія, германская имперія или Италія. Нормандія, Провансъ и Бургундія въ то время не были слиты въ одно государство, и жители ихъ не составляли одной и той же націи; поэтому сношенія между ними были нѣсколько затруднены; но въ то же время рыцарямъ или купцамъ различныхъ странъ ничто не мѣшало войти въ непосредственныя сношенія и соединиться вмѣстѣ для достиженія какой-нибудь общей цѣли. Вотъ почему въ средніе вѣка были возможны такія своеобразныя явленія, какъ крестовые походы, въ которыхъ участвовали люди различныхъ національностей, или какъ торговые союзы въ родѣ знаменитой балтійской Ганзы или лондонской, считавшей въ числѣ своихъ членовъ множество иностранныхъ городовъ. Такой же международный характеръ имѣютъ и большія средневѣковыя ярмарки. Эта эпоха по справедливости считается золотымъ вѣкомъ ярмарокъ: никогда онѣ не были такими оживленными, такими пестрыми по своему составу, какъ въ средніе вѣка; на яр-

маркѣ Lendit, которая происходила на С.-Денисской равнинѣ, каждый французскій городъ имѣлъ свое мѣсто и своихъ представителей; въ Бокэръ ежегодно стекались купцы изъ Барцелоны, Генуи, Венеціи, Константинополя, Александріи, Леванта, Туниса, Марокко. Въ Шампани, являющейся центромъ для западно-европейской торговли того времени, ярмарки слѣдовали одна за другой почти безпрерывно; здѣсь можно было встрѣтить не только французовъ изъ Бретани, Прованса, Анжу и Гаскони, но и фламандцевъ, и нѣмцевъ изъ южныхъ прирейнскихъ областей, и италіанцевъ, и испанцевъ, и англичанъ.

Городскія корпораціи.

Итакъ, продолжительный застой въ области торговли и промышленности уступаетъ, наконецъ, мѣсто оживленію, все болѣе и болѣе увеличивающемуся. Съ воцареніемъ Капетинговъ во Франціи торговля начинаетъ расти и крѣпнуть, а вмѣстѣ съ нею растетъ и благосостояніе горожанъ, крѣпнутъ ихъ силы. Препятствія, которыя эти люди встрѣчаютъ на своемъ пути, заставляютъ ихъ лишь сплотиться для болѣе успѣшной борьбы съ ними. Безправные купцы и ремесленники, угнетаемые у себя дома феодальнымъ владѣльцемъ и подвергающіеся безчисленнымъ опасностямъ за предѣлами своего города, естественно соединяются въ группы для взаимной поддержки и помощи. Въ наше время во всякомъ благоустроенномъ государствѣ существуетъ сильная правительственная власть, которая обладаетъ громадными средствами для заботы объ общемъ благѣ, для защиты слабаго отъ обидъ и насилій со стороны сильнаго, для огражденія правъ и интересовъ каждаго. Средневѣковое государство такой власти не знало: тамъ всякій баронъ былъ „государемъ въ своемъ помѣстьѣ“ и, являясь скорѣе помѣщикомъ, чѣмъ государемъ, заботился не о благѣ подвластнаго населенія, а о томъ, какъ бы повыгоднѣе его эксплуатировать. Постоянныя распри бароновъ другъ съ другомъ дѣлали войну нормальнымъ явленіемъ въ то время; право сильнаго одерживало верхъ надъ всякимъ другимъ правомъ; защиты искать было негдѣ, и слабымъ не оставалось никакого другого средства для огражденія себя и своего имущества отъ насилій, какъ соединиться вмѣстѣ. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ ту эпоху чрезвычайно развиты были всякаго рода товарищества, союзы и общества. Даже среди духовенства они были широко распространены въ видѣ монашескихъ общинъ и капитуловъ, братскихъ союзовъ нѣсколькихъ капитуловъ, а также соединеній многихъ аббатствъ подъ главенствомъ одного изъ нихъ, являющагося какъ бы метрополіей. Если даже это привилегиро-

LIBRA

ванное сословіе прибѣгало къ союзамъ для взаимопомощи, то тѣмъ болѣе нуждался въ нихъ мелкій людъ, населявшій средневѣковые города. Къ концу XI и началу XII в. въ этихъ городахъ почти повсемѣстно появляются гильдіи, присяжныя общины (conjurations), братства, дружества, бесѣды (banquets) и другія корпораціи подъ различными наименованіями. Всѣхъ ихъ можно раздѣлить на три категоріи: торговыя, промышленныя и религіозныя. Купцы соединялись въ общества не только для защиты другъ друга отъ насилій со стороны бароновъ, но и для взаимной помощи на случай пожара или гибели судовъ, а также для того, чтобы монополизировать торговлю въ извѣстной области. Такъ возникли корпораціи суконщиковъ, мѣнялъ, „водяныхъ купцовъ“ (marchands de l'eau) и пр.; эти общества представляли собой купеческую аристократію города, члены ихъ были болѣе или менѣе крупные капиталисты. Въ свою очередь и люди, занимающіеся однимъ и тѣмъ же ремесломъ, соединялись вмѣстѣ для взаимной помощи, поддержки и защиты во имя общихъ интересовъ. Кромѣ того, среди горожанъ составлялись братства съ религіозной и благотворительной цѣлью. Каждое братство выбирало себѣ въ патроны какого-нибудь святого, память котораго оно благоговѣйно чтило церковными службами, религіозными процессіями и общими трапезами, принимавшими часто характеръ веселаго, разгульнаго пиршества; братчики помогали другъ другу въ случаѣ болѣзни, увѣчья, смерти и другихъ бѣдствій. Часто такой религіозно-благотворительный характеръ имѣли корпораціи купцовъ и ремесленниковъ. Наконецъ, въ XI в. церковь стала устраивать „общества мира“ съ цѣлью хотя нѣсколько ограничить частныя войны феодаловъ; эти общества, въ которыхъ участвовали и горожане, имѣли свою казну, выборныхъ должностныхъ лицъ, судебный трибуналъ и даже войско, чтобы силой заставлять феодаловъ подчиняться правиламъ „Божьяго мира“, установленнаго еще въ предшествовавшемъ столѣтіи. Существованіе подобныхъ организованныхъ обществъ имѣло громадное значеніе для горожанъ и оказало замѣтное вліяніе на ихъ дальнѣйшую судьбу. Въ этихъ товариществахъ и братствахъ они соединялись во имя общей цѣли и общихъ интересовъ, присягали вѣрой и правдой служить общему дѣлу и помогать своимъ собратамъ; они устраивали собранія, на которыхъ обмѣнивались мыслями, обсуждали свое положеніе и придумывали средства для достиженія намѣченной цѣли; они составляли общественныя кассы и выбирали должностныхъ лицъ, представителей корпораціи, кото-

Institute of Me
LIBRA

рые дѣйствовали отъ ея имени и стояли на стражѣ ея интересовъ; все это превращало кучку безправныхъ сервовъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности былъ жалкимъ ничтожествомъ въ глазахъ феодала, въ организованную общественную силу, съ которой этому самому феодалу волей-неволей приходилось считаться. Правда, организація эта предназначалась для достиженія мелкихъ цѣлей во имя спеціальныхъ интересовъ; но могло наступить время, когда она пригодится и для иной, болѣе высокой и крупной цѣли.

Возстанія городского населенія.

И такое время скоро наступило. Мы видимъ, что матеріально положеніе горожанъ стало замѣтно улучшаться; въ рукахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ накоплялись болѣе или менѣе значительные капиталы; это обстоятельство вмѣстѣ съ образованіемъ среди нихъ организованныхъ обществъ придавало городскимъ купцамъ и даже ремесленникамъ нѣкоторую фактическую силу и вліяніе. А между тѣмъ ихъ юридическое положеніе оставалось все то же: попрежнему они оставались подданными феодальнаго владѣльца, попрежнему ихъ сеньёръ могъ съ ними сдѣлать все, что ему вздумается, могъ грабить ихъ и притѣснять, требовать совершенно произвольныхъ податей и повинностей, могъ издѣваться надъ ихъ человѣческимъ достоинствомъ. Естественно, что такое ненормальное положеніе не могло долго существовать, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ годомъ эта ненормальность становилась сильнѣе и рѣзче. Феодальный гнетъ былъ такъ силенъ, съ такою тяжестью давилъ на безправную массу населенія, что даже крестьяне не разъ пытались отъ него освободиться. Еще въ концѣ X в. произошло возстаніе крестьянъ, охватившее чуть не всю Нормандію; такія возстанія не разъ повторялись и въ послѣдующія столѣтія, вплоть до знаменитой жакеріи въ срединѣ XIV в.; но судьба всѣхъ этихъ движеній была большей частью весьма печальна — бароны подавляли ихъ съ страшной жестокостью, и положеніе крестьянъ оставалось прежнимъ. Но то, что не удавалось жалкому, забитому Жаку Боному, озвѣрѣвшему отъ постояннаго гнета и нищеты, то удалось матеріально обезпеченному купцу-горожанину, который сталъ уже привыкать къ нѣкоторой свободѣ и давно уже научился энергично бороться во имя своего интереса, дружно дѣйствуя съ своими собратьями по торговлѣ или ремеслу для достиженія общей цѣли. Съ половины XI в. и особенно въ теченіе XII в. въ разныхъ городахъ Франціи, сначала южныхъ, а потомъ сѣверныхъ, начинаютъ вспыхивать возстанія городского населенія противъ фео-

дальныхъ владѣльцевъ [1]). Вотъ исторія одного изъ нихъ, наиболѣе богатая драматическими подробностями.

Ланская коммуна.

Городъ Ланъ (Laon) къ концу XI и началу XII в. былъ однимъ изъ крупныхъ сѣверно-французскихъ городовъ. Принадлежалъ онъ епископу. Ланская каѳедра представлялась заманчивой цѣлью для происковъ разныхъ вліятельныхъ и богатыхъ людей. Благодаря интригамъ и подкупамъ, во главѣ епархіи становились часто люди недостойные, жестокость и алчное корыстолюбіе которыхъ дѣлало ихъ правленіе невыносимымъ для жителей города. Трудно себѣ представить, что происходило въ Ланѣ въ это время! Знатные со своими служителями открыто разбойничали, съ оружіемъ въ рукахъ нападая на мирныхъ гражданъ; всякій прохожій не только ночью, но даже среди бѣлаго дня подвергался опасности быть ограбленнымъ, даже убитымъ. Въ свою очередь и горожане творили всевозможныя насилія надъ крестьянами, приходившими въ городъ на рынокъ: они заманивали поселянъ въ свои дома и выпускали ихъ оттуда, только получивши выкупъ, точь въ точь какъ это дѣлали рыцари въ своихъ крѣпкихъ замкахъ. Правительство епископа не только не боролось съ этимъ зломъ, но даже освящало его своимъ примѣромъ: на гражданъ накладывались произвольныя подати, которыя всячески вымогались съ нихъ; тѣхъ, кто не въ состояніи былъ уплатить эти подати, бросали въ тюрьму. Награбленныя такимъ образомъ деньги дѣлились между епископскими чиновниками и городской знатью, съ которой они большей частью состояли въ родствѣ. Положеніе дѣлъ еще ухудшилось съ тѣхъ поръ, какъ епископская каѳедра въ Ланѣ сдѣлалась вакантной. Оно, впрочемъ, нисколько не стало лучше и тогда, когда, наконецъ, въ 1106 г. въ городъ явился новый епископъ, нѣкто Годри. Это былъ нормандецъ по происхожденію, искатель приключеній и приспѣшникъ Генриха I англійскаго. Получивши, благодаря подкупу, ланскую епархію, онъ въ новомъ своемъ санѣ сохранилъ прежнія привычки заносчиваго и наглаго воина; больше всего любилъ онъ говорить о сраженіяхъ и объ охотѣ, объ оружіи, о лошадяхъ и собакахъ. Среди его слугъ былъ негръ, одинъ изъ тѣхъ черныхъ невольниковъ, которые съ перваго крестоваго похода стали входить въ моду при дворахъ феодаловъ. Годри употреблялъ сво-

---

[1]) Самые ранніе изъ извѣстныхъ въ исторіи случаевъ возстанія горожанъ и дарованія имъ самоуправленія относятся, правда, къ 957, 967, 984 и 1003 гг., но это были очень рѣдкія исключенія: разгаръ освободительнаго движенія приходится на конецъ XI и начало XII-го вѣка.

его негра въ качествѣ палача для пытокъ и казни не понравившихся ему горожанъ. Первымъ актомъ его правительственной дѣятельности въ Ланѣ была казнь одного буржуа, осмѣлившагося осуждать новаго епископа. Вслѣдъ затѣмъ онъ приказалъ въ собственномъ домѣ выколоть глаза другому несчастному, котораго заподозрили въ сношеніяхъ съ врагами епископа. Въ 1109 году въ каѳедральномъ соборѣ было совершено убійство, въ которомъ оказался замѣшаннымъ самъ епископъ. Граждане заволновались и стали собирать сходки, на которыхъ рѣшили, во что бы то ни стало, освободиться отъ тиранніи и получить право самимъ выбирать должностныхъ лицъ, другими словами, установить въ своемъ городѣ коммуну; такая коммуна уже существовала въ Нуайонѣ съ 1108-го года, и оттуда постоянно приходили вѣсти о прелестяхъ этого новаго коммунальнаго устройства, при которомъ въ городѣ воцарился миръ, правда и законность. Въ это время Годри отлучился въ Англію, и ланской епархіей управляли клирики и рыцари, къ которымъ и обратились жители города; за приличную сумму тѣ согласились даровать Лану самоуправленіе, видя въ этомъ лишь случай сразу сорвать хорошій кушъ и нисколько не думая о будущемъ. Явился епископъ и, тоже соблазненный деньгами, далъ свое согласіе, отказавшись за себя и за своихъ преемниковъ отъ сеньёріальныхъ правъ на городъ. Чтобы окончательно укрѣпить за собой свободу и самоуправленіе, ланскіе горожане отправили пословъ съ богатыми подарками къ королю Людовику VI. Они обязывались платить королю ежегодно извѣстный взносъ и, кромѣ старинныхъ повинностей, военной (ost et chevauchée) и судебной (cour plénière), предоставляли королю право пріѣзжать въ городъ три раза въ годъ и кормиться на городской счетъ со своею свитой (droit de gite) или же каждый разъ получать вмѣсто этого 20 ливровъ; съ своей стороны король въ подтвержденіе коммунальной грамоты приложилъ къ ней свою большую печать и даровалъ горожанамъ право судиться на мѣстѣ и обѣщалъ ни въ какомъ случаѣ не вызывать ихъ для суда за предѣлы родного города, что обыкновенно составляло для населенія весьма значительную тягость.

Уничтоженіе коммуны.

Повидимому, все шло хорошо. Жители Лана добились, наконецъ, желанной свободы и самоуправленія. Они заручились не только согласіемъ своего сеньёра-епископа, но и покровительствомъ самого короля. Прошло уже около трехъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ горожане успѣли вполнѣ оцѣнить всѣ преимущества новаго

порядка управленія и даже нѣсколько привыкнуть и привязаться къ благамъ недавно пріобрѣтенной свободы. Если и раньше они способны были на энергическія усилія, чтобы добиться этой свободы, которую они знали только по наслышкѣ и о которой могли только мечтать, то тѣмъ болѣе они готовы были бороться за нее теперь, когда они на собственномъ опытѣ убѣдились, что̀ значитъ не зависѣть ни отъ чьего произвола и самимъ заботиться о своихъ интересахъ, когда у нихъ явилась увѣренность, что никто не можетъ придти и отнять ихъ имущества или посягнуть на ихъ личность, а если и найдется такой человѣкъ, то онъ будетъ наказанъ, какъ преступникъ, а нарушенное право его жертвы будетъ возстановлено. Трудно, очень трудно было бы теперь заставить ихъ отказаться отъ самоуправленія и вернуться въ прежнее состояніе. А между тѣмъ какъ разъ въ это время епископъ Годри задумалъ произвести такую попытку. Онъ уже раскаивался въ томъ, что отказался отъ своихъ феодальныхъ правъ на городъ и тѣмъ лишилъ себя источника постоянныхъ доходовъ, къ которому, бывало, могъ прибѣгать, когда вздумается. О томъ, что онъ продалъ свои права за крупную сумму и такимъ образомъ капитализировалъ свои доходы, епископъ пересталъ думать, какъ только эти деньги были истрачены, что̀ случилось очень скоро. Его настроеніе вполнѣ раздѣляли рыцари, жившіе въ городѣ и его окрестностяхъ: имъ также пришлось прекратить свои грабежи и безчинства надъ горожанами. Проклятая коммуна у всѣхъ у нихъ была, какъ бѣльмо на глазу; нужно было ее уничтожить. Но сдѣлать это безъ вѣдома короля было бы опасно. И вотъ Годри употребляетъ всѣ усилія, чтобы привлечь короля на свою сторону. Въ апрѣлѣ 1112 года, по его приглашенію, Людовикъ VI является въ Ланъ въ страстной четвергъ со своимъ дворомъ и свитою, чтобы встрѣтить тамъ праздникъ Пасхи. Епископъ съ такимъ усердіемъ начинаетъ убѣждать короля и его совѣтниковъ уничтожить коммуну, что даже забываетъ свои архипастырскія обязанности и не появляется въ церкви. Встревоженные дошедшими до нихъ слухами горожане предлагаютъ королевскимъ сановникамъ 400 ливровъ, чтобы тѣ стояли за ихъ правое дѣло. Тогда епископъ предлагаетъ 700 ливровъ, его аргументы оказываются, такимъ образомъ, болѣе вѣскими и убѣдительными, и судьба коммуны рѣшена. Коммунальная хартія (грамота) была объявлена уничтоженной; выборныя городскія власти получили приказъ отъ имени короля и епископа сложить съ себя свои обязанности, выдать городскую печать и знамя; было запрещено зво-

нить въ висѣвшій на башнѣ колоколъ, которымъ открывались и закрывались ихъ засѣданія. Такимъ образомъ, ланская коммуна была уничтожена, несмотря на то, что признавать и уважать ее клялись за себя и за своихъ преемниковъ не только епископъ, но и самъ король. Впрочемъ, совѣсть ихъ могла быть спокойной: Годри своей епископской властью разрѣшилъ отъ клятвы и себя, и всѣхъ другихъ, когда-то присягнувшихъ коммунѣ. Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело все это на горожанъ; волненіе, возникшее среди нихъ, приняло настолько угрожающіе размѣры, что король нашелъ болѣе благоразумнымъ переѣхать на всякій случай изъ того дома, гдѣ онъ остановился, въ епископскій дворецъ. На разсвѣтѣ другого дня онъ поспѣшно выѣхалъ изъ Лана со всей своей свитой, такъ и не дождавшись Свѣтлаго праздника, для котораго онъ пріѣхалъ сюда. Негодованіе народное достигло крайнихъ предѣловъ, когда узнали, что епископъ со своими друзьями рѣшилъ собрать обѣщанныя королю деньги съ самихъ горожанъ и притомъ распредѣлить этотъ сборъ такъ, чтобы каждый далъ на уничтоженіе коммунальной свободы ровно такую же сумму, какую онъ заплатилъ за ея пріобрѣтеніе. Епископу Годри мало было поработить снова жителей г. Лана, онъ хотѣлъ еще надругаться надъ ними.

Бунтъ въ Ланѣ.

Горожане заволновались, стали собираться тайныя сходки, и на одной изъ нихъ 40 человѣкъ поклялись убить епископа и его приспѣшниковъ. Стали появляться весьма зловѣщіе признаки, свидѣтельствующіе о наступающей грозѣ. Годри получилъ даже прямое извѣщеніе о составившемся заговорѣ противъ него, но отнесся къ этому съ хвастливымъ пренебреженіемъ: въ его глазахъ горожане представлялись презрѣнною сволочью, на угрозы которой не стоило даже и обращать вниманія. Что могутъ они сдѣлать со своими возстаніями? „Если бы Жанъ, мой негръ, — говорилъ епископъ, — вздумалъ взять самаго опаснаго изъ нихъ за носъ, то бѣдняга не осмѣлился бы даже ворчать на это. Я заставилъ ихъ отказаться отъ того, что они называютъ своею коммуной, и мнѣ безъ труда удастся принудить ихъ къ спокойствію“. Однако Годри ошибался: справиться съ народной яростью оказалось труднѣе, чѣмъ онъ думалъ. Въ четвергъ на Святой въ городѣ поднялся страшный шумъ; подъ окнами епископскаго дворца стали раздаваться все усиливавшіеся грозные крики: „коммуна, коммуна!“ Толпа горожанъ, вооруженныхъ чѣмъ попало, быстро увеличиваясь, заняла всѣ сосѣднія зданія и стала осаждать дворецъ епископа. При пер-

выхъ же извѣстіяхъ о бунтѣ рыцари, обѣщавшіе Годри свою помощь въ случаѣ надобности, стали стекаться со всѣхъ сторонъ; но народъ перебилъ ихъ въ одиночку по мѣрѣ того, какъ они приходили. Наконецъ, домъ епископа былъ взятъ приступомъ, и Годри едва успѣлъ переодѣться въ платье своего слуги и спрятаться въ погребѣ, въ бочкѣ, которую онъ закрылъ надъ собой. Но и это не спасло его; разъяренные горожане скоро открыли его убѣжище, и одинъ изъ преслѣдователей, подойдя къ бочкѣ, сталъ стучать въ нее палкой и спрашивать: „Есть ли тамъ кто-нибудь?“ — „Здѣсь томится несчастный плѣнникъ“, — отвѣчалъ изъ бочки дрожащій голосъ. Но епископа тотчасъ узнали и вытащили за волосы. Его поволокли на улицу, осыпая ударами. Несчастный все время молилъ о пощадѣ, предлагалъ поклясться на Евангеліи, что откажется отъ епископства, сулилъ отдать всѣ деньги, какія у него были, обѣщалъ даже навсегда покинуть страну. Но ничто не помогало: его не слушали, и единственнымъ отвѣтомъ на всѣ его мольбы и обѣщанія были новые удары и проклятія. Наконецъ, одинъ горожанинъ нанесъ ему топоромъ смертельный ударъ въ голову, и почти въ то же время другой ударъ разсѣкъ ему лицо. Годри отрубили палецъ, на которомъ блестѣлъ его епископскій перстень. Тѣло несчастнаго, съ котораго сорвали всю одежду, оставили валяться на улицѣ, и каждый, проходя, бросалъ въ него камнями и грязью, издѣвался и проклиналъ покойнаго епископа. Долго еще послѣ этого неистовствовала городская чернь, давая волю накопившемуся чувству озлобленія; съ яростью она набрасывалась на всякаго, кого считала подозрительнымъ, и безпощадно грабила и жгла дома своихъ враговъ.

Разграбленіе Лана.

Наконецъ, страсти народныя улеглись; прежнія обиды и насилія были отомщены, врагъ уничтоженъ, и наступила пора спокойно оглядѣться кругомъ, разобраться въ томъ, что произошло, подумать о будущемъ. А будущее это не представляло ничего утѣшительнаго: безъ всякаго сомнѣнія, король приметъ энергичныя мѣры, чтобы наказать возмутившихся жителей г. Лана, которые осмѣлились ослушаться королевскаго распоряженія и къ тому же совершили цѣлый рядъ преступленій. О защитѣ собственными силами противъ могущественнаго короля нечего было и думать; надобно было или смириться, или найти себѣ защитника, который бы могъ помѣряться съ королемъ. Послѣднее мнѣніе одержало верхъ, и горожане обратились за помощью къ личному врагу Людовика VI, Томасу де-Марль. Это былъ типичный феодалъ своего времени, не

признававшій никакой власти надъ собой, энергичный и жестокій, всегда имѣвшій подъ рукой значительную военную силу и употреблявшій ее часто для грабежа и разбоя на большихъ дорогахъ: немало купцовъ и пилигримовъ томилось въ мрачныхъ, сырыхъ подземельяхъ его замка, гдѣ ихъ пытали, чтобы вымучить побольше денегъ. За хорошее вознагражденіе онъ согласился помочь гражданамъ Лана; но и этотъ неустрашимый рыцарь не находилъ возможнымъ защитить городъ отъ королевскихъ войскъ: онъ предложилъ жителямъ Лана въ видѣ надежнаго убѣжища свои владѣнія. Значительное большинство ихъ приняло предложеніе де-Марля, и часть ланскаго населенія переселилась въ его замокъ Креси, части—въ бургъ Пожанъ. Окрестные жители, узнавши о томъ, что Ланъ оставленъ безъ защиты, стали во множествѣ приходить туда въ надеждѣ на добычу. Самъ отецъ Томаса, сиръ де-Куси, лично привелъ съ этой цѣлью своихъ крестьянъ и вассаловъ; „и хотя они явились послѣдними“, замѣчаетъ одинъ современникъ, „но добычи нашли почти столько же, какъ если бы раньше ихъ туда никто не являлся“. Въ свою очередь и приверженцы епископа подняли голову и не упустили случая выместить на оставшихся горожанахъ то, что они вытерпѣли отъ нихъ во время возстанія: они произвели страшную рѣзню на улицахъ, нападали на несчастныхъ буржуа въ ихъ собственныхъ домахъ, преслѣдовали ихъ даже въ церквахъ; многихъ повѣсили, другихъ привязывали къ хвосту лошади, которую потомъ пускали вскачь. О грабежѣ и говорить нечего: брали все, что только попадалось подъ руку, даже громоздкую мебель, не брезгали и дверными замками. Наконецъ, противъ горожанъ и ихъ защитника выступила духовная и свѣтская власть: Томасъ де-Марль былъ объявленъ въ опалѣ и отлученъ отъ церкви; къ его врагамъ присоединились нѣкоторые сосѣдніе бароны и между ними родной его отецъ. Де-Марль отбивался, какъ могъ, и безпощадно разорялъ монастыри и духовныя владѣнія. Самъ король осадилъ его замокъ Креси и при помощи ополченія, собраннаго изъ мѣстныхъ жителей, заставилъ его сдаться на капитуляцію. Де-Марль долженъ былъ принести присягу, дать залогъ и уплатить значительный выкупъ; съ горожанами же ни въ какія сдѣлки не вступали: ихъ просто повѣсили. Та же участь постигла и укрывшихся въ Пожанѣ. Тѣла ихъ были брошены на съѣденіе собакамъ и птицамъ. Вслѣдъ за тѣмъ король вступилъ въ Ланъ и водворилъ тамъ миръ. Совершены были разныя очистительныя церемоніи и употреблены мѣры къ возстановленію разрушенныхъ церквей. Архіепископъ реймскій

нарочно прибылъ въ городъ, чтобы отслужить торжественную обѣдню за упокой душъ всѣхъ тѣхъ, кто погибъ въ дни возстанія; во время церковной службы онъ произнесъ горожанамъ краснорѣчивую проповѣдь на текстъ изъ 1-го посланія ап. Петра: „Рабы, со всякимъ страхомъ повинуйтесь господамъ своимъ, не только добрымъ и кроткимъ, но и злымъ“.

Послѣдующая исторія Лана.

Такъ кончилась первая часть той кровавой драмы, какую представляетъ собою исторія Лана въ эту эпоху. Но стремленіе къ свободѣ, которой уже успѣли вкусить горожане, было такъ велико, зависимое положеніе такъ невыносимо, что, несмотря на жестокую расправу, волненія скоро возобновились. И вотъ, въ 1128 году одинъ изъ преемниковъ Годри, опасаясь новой революціи, вторично даровалъ жителямъ г. Лана самоуправленіе на прежнихъ началахъ. Грамота, данная этимъ епископомъ, была также утверждена Людовикомъ VI. Характерно, что при этомъ рѣшили не употреблять ненавистнаго слова „коммуна“, и новое свободное устройство городской общины было названо „учрежденіемъ мира“ (institutio pacis).

Около полустолѣтія послѣ этого Ланъ наслаждался миромъ и спокойствіемъ подъ защитой своихъ свободныхъ учрежденій. Но когда въ 1175 г. епископомъ сдѣлался Рожеръ де-Розуа, онъ снова сталъ стремиться къ уничтоженію коммуны. Такъ какъ Рожеръ былъ силенъ своими связями съ окрестными феодалами, большей частью его родственниками, то и горожане рѣшили обезпечить себѣ на всякій случай союзниковъ; съ этой цѣлью они заключили договоры съ коммунами городовъ Суассона, Велли и Крепи, а также вошли въ сношеніе съ королемъ Людовикомъ VII; тотъ за извѣстную сумму денегъ далъ имъ новую хартію, подтверждающую грамоту его отца. Епископъ произвелъ попытку добиться своей цѣли съ оружіемъ въ рукахъ, но эта попытка не имѣла успѣха. За то, когда въ 1180 г. умеръ Людовикъ, онъ успѣлъ убѣдить его преемника Филиппа-Августа въ правотѣ своего дѣла; главнымъ аргументомъ были, конечно, деньги. Въ 1190 г. новый король издалъ указъ, которымъ уничтожалась ланская коммуна, такъ какъ она нарушала права и вольности мѣстной церкви; сдѣлалъ это Филиппъ II „изъ любви къ Богу и Пресвятой Дѣвѣ Маріи“, „желая избѣжать всякой опасности для своей души“, а также для того, чтобы обезпечить себѣ „благополучный исходъ паломничества въ Іерусалимъ, которое онъ долженъ предпринять“. Однако уже въ слѣдующемъ году благочестивый король рѣшилъ пренебречь спасеніемъ своей души

и за приличное вознагражденіе со стороны горожанъ возстановилъ коммунальную хартію. Послѣ этого прошло еще сто лѣтъ, въ теченіе которыхъ отношенія между горожанами съ одной стороны и епископомъ и членами мѣстнаго духовенства—съ другой, естественно, оставались натянутыми, что подавало поводъ къ постояннымъ недоразумѣніямъ и даже столкновеніямъ. Въ 1294 г. два рыцаря, родственники одного изъ клириковъ мѣстнаго капитула, поссорились съ какимъ-то буржуа и поколотили его въ его собственномъ домѣ; на шумъ прибѣжали сосѣди и, вооружившись палками и камнями, стали преслѣдовать рыцарей, которые обратились въ бѣгство и нашли себѣ убѣжище въ епископской церкви. У дверей церкви сталъ собираться народъ, громко требуя выдачи преступниковъ; капитулъ отказалъ имъ въ этомъ. Тогда выведенная изъ себя толпа выломала двери, набросилась на обоихъ рыцарей и на того клирика, который впустилъ ихъ въ церковь, и избила всѣхъ троихъ до полусмерти. Дѣло приняло весьма серьезный оборотъ: горожане оказались виновными въ нарушеніи права убѣжища и въ оскорбленіи святыни. Въ оскверненной кровопролитіемъ церкви перестали совершать богослуженіе, изъ нея вынесли церковные сосуды со святыми дарами, епископъ отлучилъ отъ церкви членовъ городского управленія и наложилъ интердиктъ на весь городъ. Капитулъ принесъ жалобу папѣ Бонифацію VIII, который обратился къ королю Франціи съ требованіемъ уничтожить ланскую коммуну. Филиппъ IV Красивый назначилъ слѣдствіе, и на основаніи данныхъ этого слѣдствія, представленныхъ въ парижскій парламентъ, коммуна въ г. Ланѣ была еще разъ уничтожена. Впрочемъ, не такъ-то легко было уничтожить учрежденія, просуществовавшія около двухсотъ лѣтъ и успѣвшія за это время сдѣлаться привычными и даже необходимыми населенію большого города; а что это населеніе дорожило своей свободой и умѣло за нее постоять, видно изъ предшествующей исторіи города Лана. Возвращеніе ланскихъ горожанъ въ прежнее положеніе безправныхъ сервовъ, подчиненныхъ произволу феодальнаго владѣльца, представляло бы теперь вопіющій анахронизмъ; съ другой стороны, новый порядокъ, при которомъ все населеніе государства непосредственно подчиняется центральному правительству, еще не созрѣлъ и не установился въ опредѣленныя прочныя формы. Какъ бы то ни было, парламентскій указъ не былъ приведенъ въ исполненіе: капитулъ долженъ былъ удовольствоваться денежнымъ вознагражденіемъ и очистительными обрядами со стороны горожанъ, а этимъ

послѣднимъ была оставлена коммуна, но подъ однимъ очень важнымъ условіемъ—лишь до тѣхъ поръ, пока это будетъ угодно королю. Съ этого времени рѣшающимъ моментомъ въ исторіи ланскаго самоуправленія окончательно дѣлается король; при его дворѣ начинаютъ усиленно ходатайствовать горожане о прочномъ утвержденіи коммуны, епископъ—объ ея полномъ уничтоженіи; успѣхъ этихъ ходатайствъ измѣняется, смотря по обстоятельствамъ; главнымъ средствомъ для достиженія успѣха всегда являются деньги. Въ 1322 г. Карлъ IV уничтожилъ коммуну и передалъ юрисдикцію, принадлежавшую выборнымъ должностнымъ лицамъ, своему ланскому прево; впрочемъ, горожанамъ удалось добиться неисполненія этого указа, и тяжба между ними и епископомъ возобновилась. При Филиппѣ VI Валуа епископъ проситъ о приведеніи въ дѣйствіе королевскаго указа во всей его силѣ, заявляя, что иначе произойдутъ великія бѣдствія и что въ самомъ городѣ существуетъ много людей, которые вовсе не желаютъ коммуны,—обстоятельство, которое слѣдуетъ подчеркнуть. Сначала король не обращалъ вниманія на эти ходатайства, но въ 1331 г. издалъ ордонансъ, которымъ собственно и заканчивается исторія ланской коммуны. Филиппъ VI въ этомъ своемъ указѣ заявляетъ, что въ послѣднее время въ тѣ промежутки, когда въ Ланѣ была уничтожена коммуна, городъ пользовался вполнѣ удовлетворительнымъ управленіемъ королевскихъ чиновниковъ, точно такъ же, какъ и другіе города, въ которыхъ никогда не бывало коммуны. Въ виду этого отмѣняется коммунальное самоуправленіе г. Лана, и на будущее время всѣми дѣлами будетъ завѣдывать бальи Вермандуа или его намѣстникъ. Кромѣ того, въ Ланъ назначается городской прево, который будетъ рѣшать всѣ судебныя дѣла; онъ же назначитъ ремесленнаго старшину (maître de tous les métiers); для сбора суммъ, необходимыхъ на разныя городскія нужды, горожанамъ предоставляется выбирать изъ своей среды подъ руководствомъ прево 6 довѣренныхъ лицъ. Этимъ окончилась полная высокаго драматизма борьба жителей г. Лана за свободу и независимость. Кровавые эпизоды встрѣчаются и въ лѣтописяхъ другихъ городовъ, которые съ такимъ же упорствомъ стремились сбросить съ себя гнетъ феодальнаго произвола. Такъ, въ Камбрэ установленная въ 1076 г. коммуна нѣсколько разъ уничтожалась, но каждый разъ горожане добивались ея возстановленія. Еще до этого года они трижды возставали противъ своего сеньёра, но безуспѣшно, при чемъ первое возстаніе въ 957 г. было подавлено съ чрезвычайной жестокостью:

воины епископа, ворвавшись въ городъ, перебили многихъ горожанъ, другимъ отрѣзывали ноги или руки, выкалывали глаза или же отправляли къ палачу, который клеймилъ имъ лбы каленымъ желѣзомъ.

Успѣхъ борьбы часто облегчался тѣмъ обстоятельствомъ, что въ городѣ былъ не одинъ, а два или нѣсколько сеньёровъ, которые сплошь и рядомъ соперничали другъ съ другомъ: случалось, что подданные одного феодальнаго владѣльца во время возстанія находили себѣ дѣятельнаго союзника въ лицѣ сеньёра другой части города. Въ Оксеррѣ, напр., графъ далъ свое согласіе на установленіе коммуны на зло епископу, въ Амьенѣ же, наоборотъ, епископъ сталъ на сторону горожанъ противъ графа.

Значеніе коммунальнаго движенія.

Исторія ланской коммуны типична для многихъ французскихъ городовъ, но далеко не для всѣхъ. Не говоря уже о томъ, что во многихъ изъ нихъ, какъ мы увидимъ ниже, никогда не было коммунальнаго устройства, даже тѣ, которые становились коммунами, достигали этого невсегда путемъ открытой борьбы. Не разъ феодальный владѣлецъ города добровольно соглашался даровать своимъ подданнымъ самоуправленіе, принимая близко къ сердцу ихъ интересы; часто онъ дѣлалъ это для прекращенія смуты или для того, чтобы предупредить волненія. Примѣрами могутъ служить города Нуайонъ и Сенъ-Кантенъ: жители перваго изъ нихъ постоянно ссорились съ мѣстнымъ духовенствомъ; тогда епископъ (Бодри), желая прекратить эти ссоры, созвалъ всѣхъ жителей — клириковъ, рыцарей, купцовъ и ремесленниковъ, и представилъ этому собранію грамоту, на основаніи которой въ городѣ учреждалась коммуна. Это случилось въ 1108 г. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1102 г., графъ Вермандуа съ цѣлью предотвратить безпорядки, подобные происшедшимъ въ сосѣднемъ городѣ Бовэ, даровалъ жителямъ С.-Кантена коммунальное устройство, признавать которое поклялись какъ духовныя лица, такъ и рыцари. Нѣкоторые феодалы, особенно свѣтскіе, съ теченіемъ времени начали понимать, что, предоставляя городу свободу, они способствуютъ благополучію горожанъ, а также процвѣтанію всей мѣстности, и такимъ образомъ не только ничего не теряютъ, но еще и выигрываютъ. Наконецъ, въ большинствѣ случаевъ какъ мирнаго, такъ и революціоннаго освобожденія города деньги играли весьма значительную роль; онѣ часто дѣлали феодала податливѣе, склоняли его къ уступкамъ, онѣ обезпечивали горожанамъ могущественныхъ союзниковъ до короля включительно.

Первыя попытки городского населенія выбиться изъ-подъ феодальнаго гнета встрѣтили, естественно, рѣшительный отпоръ со стороны средневѣковаго общества: оно было возмущено этимъ стремленіемъ рабовъ сбросить съ себя вѣками освященное рабское иго, оно видѣло въ этомъ преступленіе, бунтъ, нарушеніе законовъ божескихъ и человѣческихъ. „Коммуна, восклицаетъ аббатъ Гибертъ ножанскій (въ 1124 г.), слово новое, ненавистное! Благодаря ей, оброчники (capite censi) освобождаются отъ всякой зависимости и взамѣнъ этого платятъ лишь обыкновенную ежегодную подать; благодаря коммунѣ, за преступленія они отвѣчаютъ лишь штрафомъ, размѣры котораго точно опредѣлены закономъ; отъ всякихъ другихъ денежныхъ повинностей, которыя несутъ рабы, они освобождаются“. Въ 1099 г. Ивъ шартрскій заявлялъ, что клятвы, данныя горожанамъ, не должны никого связывать: онѣ не имѣютъ силы, такъ какъ противорѣчатъ каноническимъ законамъ и постановленіямъ отцовъ церкви. По мнѣнію парижскаго синода, коммуны устанавливаютъ „дьявольскіе обычаи, направленные къ неиспроверженію судебной власти церкви“. Понятно, что при такомъ отношеніи горожанамъ пришлось употребить громадныя усилія, пролить немало крови и еще больше истратить денегъ, чтобы добиться желанной свободы. Но разъ брешь была пробита, дѣло освобожденія городовъ пошло быстрѣе: слово „коммуна“ перестало быть новымъ и мало-по-малу вошло въ сознаніе средневѣковаго общества, и если оно еще долго оставалось ненавистнымъ для многихъ, особенно для духовенства, то во всякомъ случаѣ съ городскимъ движеніемъ пришлось считаться серьезно, какъ съ явленіемъ, которое совершается въ силу какихъ-то глубоко лежащихъ жизненныхъ условій и притомъ развивается постепенно и неуклонно, съ каждымъ десятилѣтіемъ становясь все болѣе и болѣе значительнымъ. Чѣмъ больше было коммунъ во Франціи, тѣмъ легче было устроить новую коммуну въ какомъ-нибудь городѣ или вообще добиться свободы и самоуправленія въ той или иной формѣ. Освободительное движеніе становилось настолько могучимъ, что уже немногіе феодалы рѣшались, во что бы то ни стало, противиться ему; большинство предпочитало уступить, пойти на сдѣлку, такъ или иначе предупредить могущее произойти возстаніе; при этомъ одними руководило корыстолюбіе и жадность, другими—благоразумное пониманіе своихъ истинныхъ интересовъ. Къ аналогичнымъ результатамъ стали приводить и такія случайныя на первый взглядъ обстоятельства, какъ личныя добродѣтели сеньёра, забота его о

благѣ своихъ подданныхъ или же политическій расчетъ: во Фландріи, напр., въ 1127—28 гг. два соперника, заявившіе права на это графство, старались превзойти другъ друга въ щедрой раздачѣ привилегій и вольностей мѣстнымъ городамъ, чтобы этимъ привлечь ихъ на свою сторону. Въ томъ же направленіи начала развиваться и политика королей и крупныхъ сюзереновъ. Правда, почти во всѣхъ этихъ случаяхъ феодальные владѣльцы не даютъ своимъ городамъ полной свободы, а лишь обезпечиваютъ ихъ на будущее время отъ произвола въ сборѣ податей и пошлинъ, въ пользованіи разнообразными повинностями въ судѣ и въ администраціи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что далеко не всѣ города съ оружіемъ въ рукахъ завоевали себѣ свободу и стали самостоятельными. Тѣмъ не менѣе открытая борьба горожанъ съ феодалами занимаетъ, безспорно, видное мѣсто въ исторіи освобожденія французскихъ городовъ: она во всякомъ случаѣ кладетъ ему прочное начало: кровавыя революціи въ томъ или другомъ городѣ представляютъ собою яркіе признаки того, что вопросъ этотъ достаточно назрѣлъ. Но чѣмъ болѣе развивается освободительное движеніе, тѣмъ болѣе мирный характеръ оно получаетъ, встрѣчая на своемъ пути все менѣе и менѣе препятствій и въ то же время постоянно усиливаясь обстоятельствами, благопріятствовавшими ему. Первые крики: „коммуна, коммуна“ рѣзали ухо, возмущали общественное сознаніе; свободная самоуправляющаяся городская община казалась вопіющею несообразностью, такъ какъ нарушала исконныя права, перепутывала обычныя понятія. Но прошло нѣсколько вѣковъ, и аномаліей стало безправное, рабское положеніе городского населенія, ничѣмъ не защищеннаго отъ произвола своего феодальнаго владѣльца.

Въ концѣ концовъ всѣ французскіе города освободились отъ феодальнаго гнета; но степень и формы ихъ свободы не вездѣ были одинаковы. Здѣсь, какъ и во всемъ въ средніе вѣка, царствовала удивительная пестрота и разнообразіе. Несмотря однако на это, освободившіеся города можно подвести подъ два основныхъ типа: *коммуны* и *villes de bourgeoisie* (или *villes franches*).

Коммуна.

Слово „коммуна“ значитъ община, сообщество, члены котораго присягаютъ поддерживать и защищать другъ друга, вѣрой и правдой служить всему цѣлому; отсюда такое устройство называется иногда „присяжною общиной“ (commune jurée) или даже „заговоромъ“ (conjuration). Въ составъ этой общины далеко не всегда

входили всѣ жители даннаго города. Во многихъ случаяхъ членами коммуны были только владѣльцы недвижимаго имущества въ чертѣ городского округа. Кромѣ того, въ коммуну обыкновенно не принимались лица, опозоренныя по суду, несостоятельные должники, больные проказой, незаконнорожденные, иногда—крѣпостные, лично зависящіе отъ какого-нибудь сеньёра. Жители города, принадлежавшіе къ привилегированнымъ сословіямъ, на сѣверѣ обыкновенно также не входили въ составъ коммуны; напротивъ, на югѣ они большею частью являются вліятельными членами городской общины: тамъ города были богаче и крупнѣе, въ нихъ издавна жили и даже занимались торговлей многіе рыцари и духовныя лица, которые болѣе или менѣе сливались съ высшимъ классомъ торгово-промышленнаго населенія города и зачастую участвовали въ пріобрѣтеніи имъ независимости. Такимъ образомъ, коммуна являлась въ нѣкоторой степени обособленнымъ міркомъ, ревниво оберегавшимъ права и привилегіи, которыя принадлежали ея членамъ. Чтобы вступить въ эту привилегированную общину, нужно было заплатить извѣстный взносъ. Съ другой стороны, въ виду тѣсной взаимной связи ея членовъ выступленіе изъ коммуны также сопровождалось извѣстными формальностями: раньше, чѣмъ выйти изъ коммуны, нужно было съ нею разсчитаться.

Другими отличительными чертами коммуны, кромѣ взаимной связи ея членовъ, являются: свобода и самостоятельность, выражающаяся въ полномъ самоуправленіи, и опредѣленныя, точно установленныя договорныя отношенія къ бывшему феодальному владѣльцу города; условія этого договора выражены въ особой грамотѣ, такъ называемой коммунальной хартіи, которую даетъ своимъ бывшимъ подданнымъ, организовавшимся въ свободную общину, ихъ бывшій сеньёръ и которую для большей крѣпости подтверждаетъ сюзеренъ этого сеньёра, чаще всего самъ король—верховный сюзеренъ всей страны.

Устроивши у себя коммуну, горожане тѣмъ самымъ выходили изъ состава зависимой безправной массы населенія и поднимались въ верхній слой привилегированнаго феодальнаго общества. Естественно при этомъ, что на организаціи свободной городской общины отразились характерныя особенности современнаго общественнаго строя. Средніе вѣка знали только два класса людей: или лично зависимаго человѣка—виллана, серва, „подлаго“ обывателя, лишеннаго не только какихъ бы то ни было политическихъ правъ, но и въ большей или меньшей степени правъ гражданскихъ; или же

совсѣмъ свободнаго человѣка, свобода котораго была сопряжена съ извѣстной, иногда весьма значительною долей политической независимости. Поэтому и коммуна получила характеръ независимой общины, надѣленной нѣкоторыми верховными правами, которыя въ новое время принадлежатъ лишь центральному правительству страны, въ средніе же вѣка принадлежали всякому барону, бывшему полновластнымъ государемъ въ своей бароніи. Коммуна сдѣлалась такимъ же маленькимъ государствомъ въ государствѣ, какимъ было въ то время любое феодальное владѣніе, съ тою только разницей, что въ бароніи государемъ былъ баронъ, въ коммунѣ же верховная власть принадлежала всей совокупности ея членовъ и осуществлялась выборными должностными лицами. Такія коллективныя сеньёріи не были новостью въ средніе вѣка: стòитъ только вспомнить многочисленныя аббатства и капитулы. Какъ сеньёріи, городской общинѣ принадлежала законодательная власть: ея выборные правители издавали распоряженія, имѣвшія силу закона для всего населенія коммунальной области. Они были облечены также и судебною властью надъ членами общины (иногда, впрочемъ, съ нѣкоторыми ограниченіями): въ знакъ этого на границѣ коммунальнаго округа ставилась висѣлица и позорный столбъ. Городскія власти, подобно сеньёру, могутъ собирать подати и пошлины съ подчиненнаго имъ населенія. Коммуна имѣетъ право войны и мира: она можетъ воевать, для чего имѣетъ свое войско—коммунальную милицію, можетъ заключать союзы и всякіе договоры съ другими маленькими государствами, изъ которыхъ состояло средневѣковое королевство; на югѣ, напр., города Арль, Авиньонъ, Марсель и сеньёръ Барраль де-Бо заключили между собою въ 1247 г. союзъ оборонительный и наступательный на 50 лѣтъ; въ 1226 г. Арль посылаетъ 12 депутатовъ для заключенія „союза, дружбы и общенія“ съ королемъ Франціи Людовикомъ VIII. Символами коммунальной независимости являются печать и башня (bêffroi), на которой висѣли призывные колокола. На вышкѣ этой башни помѣщались сторожевые, которые зорко оглядывали горизонтъ и тотчасъ били въ набатъ, какъ только замѣчали появленіе какой-нибудь опасности; въ тѣ же колокола звонили, чтобы призвать обвиняемыхъ въ судъ, чтобы возвѣстить работникамъ о началѣ и концѣ рабочаго дня, а всѣмъ жителямъ города о солнечномъ восходѣ или о томъ, что наступилъ часъ тушить огни. На звуки этого колокола иногда собирались граждане на вѣче для обсужденія разныхъ важныхъ вопросовъ. Въ нижнемъ этажѣ башни помѣщалась зала, гдѣ засѣдалъ городской совѣтъ,

а также муниципальный архивъ и арсеналъ. Если въ какомъ-нибудь городѣ уничтожалась коммуна, то обыкновенно отбирали у мэра печать, снимали вѣчевой колоколъ, а самую башню разрушали до основанія.

Сеньёръ города. Такъ какъ коммуна приравнивалась къ сеньёріи, то она должна была занимать опредѣленное мѣсто въ феодальной іерархіи; нѣтъ барона, у котораго бы не было сюзерена,—самъ король держитъ свою землю отъ Бога,—и у коммуны былъ свой сюзеренъ (обыкновенно бывшій феодальный владѣлецъ города или же король), который былъ обязанъ не только уважать ея права и привилегіи, но и оказывать ей покровительство и защиту, въ чемъ онъ торжественно присягалъ. Съ своей стороны, коммуна несла по отношенію къ этому сюзерену всѣ обязанности настоящаго вассала. Ея представители приносили сюзерену присягу, въ которой клялись „вѣрно служить ему и оберегать его тѣло, члены, жизнь и владѣнія“ отъ враговъ; присяга эта возобновлялась при перемѣнѣ какъ сеньёра, такъ и городскихъ правителей. Въ качествѣ вассала коммуна была обязана своему сюзерену военною повинностью (ost et chevauchée), размѣры которой были точно опредѣлены; кромѣ того, она должна была помогать ему деньгами въ обычныхъ „четырехъ случаяхъ“. Въ свою очередь и коммуна могла имѣть своихъ вассаловъ: такъ, напр., въ 1220 г. два рыцаря принесли присягу въ вѣрности (hommage) Авиньону за тѣ деревни и замки, которые они держали отъ этого города; въ Нормандіи г. Руану присягали сосѣднія сельскія коммуны. Не всякая коммуна, конечно, въ дѣйствительности осуществляла всѣ свои верховныя права въ качествѣ коллективной сеньёріи; не всякій коммунальный городъ былъ на самомъ дѣлѣ настоящею республикой. Но то же самое можно сказать и о баронахъ, съ которыми мы сравнили свободныя городскія общины: каждому барону въ принципѣ принадлежали верховныя права государя, но далеко не каждый баронъ на самомъ дѣлѣ пользовался ими. Дѣло въ томъ, что въ средніе вѣка мало было имѣть какое-нибудь право: необходимо было еще обладать достаточной силой, фактическимъ могуществомъ, чтобы на практикѣ воспользоваться этимъ правомъ; а между тѣмъ многіе города, особенно на сѣверѣ Франціи, были слишкомъ слабы и ничтожны для этого. Кромѣ того, не всѣ они при одинаковыхъ обстоятельствахъ добились свободы. Одни завоевали ее съ оружіемъ въ рукахъ; но побѣда горожанъ надъ феодальнымъ владѣльцемъ далеко не всегда бывала полною и окончательной. Другіе получили свободу путемъ

мирнаго соглашенія, заключили со своимъ сеньеромъ сдѣлку, и въ коммунальной хартіи, въ которую занесены были условія этой сдѣлки, были приняты во вниманіе интересы обѣихъ договаривающихся сторонъ, т.-е. не только горожанъ, но и ихъ бывшаго владѣльца, сохранявшаго иногда часть своихъ прежнихъ правъ. Естественно поэтому, что во многихъ случаяхъ независимость коммуны, ея суверенитетъ оказались въ большей или меньшей степени ограниченными.

Городской совѣтъ.

Въ принципѣ коммуна пользовалась полнымъ самоуправленіемъ и свободой въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ; но на практикѣ, какъ увидимъ ниже, этотъ принципъ нерѣдко нарушался. Всѣ коммунальныя дѣла вѣдались выборнымъ городскимъ совѣтомъ, члены котораго назывались *жюрэ* (jurés, iurati), *пэрами* или *эшевенами* (échevins, scabini). Число ихъ колебалось отъ 12 (въ Перонне), 13 (въ Бовэ) до 100 (въ Руанѣ) и даже болѣе; въ Бордо въ XIII в. было 2 совѣта, одинъ въ составѣ 30, другой—300 членовъ. Такое же разнообразіе замѣчается и въ способѣ ихъ избранія, а также въ организаціи городского совѣта: нѣтъ, кажется, избирательной системы, которая бы не практиковалась въ той или другой коммунѣ. Въ Руанѣ, напр., а также въ другихъ городахъ, гдѣ дѣйствовало руанское право, должность пэра была пожизненной; когда пэръ умиралъ, оставшіеся въ живыхъ члены совѣта выбирали ему преемника; всѣхъ пэровъ было 100; они выдѣляли изъ своего состава комиссію изъ 24 жюрэ, которая въ свою очередь распадалась на 2 подкомиссіи: одну изъ 12 эшевеновъ и другую изъ 12 совѣтниковъ; пэры собирались разъ въ двѣ недѣли по субботамъ, жэрэ—еженедѣльно, эшевены—2 раза въ недѣлю; послѣдніе завѣдывали текущими дѣлами, составляя то, что теперь у насъ называется управой. Въ Марселѣ изъ 89 членовъ совѣта 80 принадлежали къ классу богатой буржуазіи, 3 представляли сословіе клириковъ, имѣющихъ степень доктора; остальныя 6 вакансій были замѣщаемы ремесленными старостами. Въ Арлѣ въ совѣтѣ засѣдали архіепископъ, консулы и наиболѣе значительные изъ гражданъ. Въ Монпелье граждане выдѣляли изъ своей среды избирателей второй степени; эти послѣдніе вмѣстѣ съ выходящими въ отставку консулами выбирали 60 нотаблей, изъ которыхъ посредствомъ жребія избиралось необходимое число должностныхъ лицъ. Въ Бовэ 13 пэровъ выбирались 22 мѣстными промышленными корпораціями, при чемъ 7 приходилось на долю одной только корпораціи мѣнялъ, т.-е. крупныхъ капиталистовъ, денежной аристо-

кратіи; всѣ остальныя 21 корпорація выбирали 6 пэровъ. Въ Athyes 12 жюрэ выбирались ежегодно всѣмъ населеніемъ города. Въ Амьенѣ каждый годъ старосты ремесленныхъ корпорацій выбирали 12 эшевеновъ, которые, въ свою очередь, избирали себѣ еще 12 товарищей; такимъ образомъ составлялся совѣтъ изъ 24 членовъ. Въ Перонне 2 старосты выбираютъ 24 избирателей, которымъ уже принадлежитъ выборъ 12 жюрэ. Въ Камбрэ членовъ городского совѣта назначалъ архіепископъ.

Мэръ. Главою городского правительства былъ мэръ или, какъ его называли на югѣ, консулъ (а также синдикъ); мэръ былъ обыкновенно одинъ, рѣдко 2; число консуловъ колебалось отъ 2 до 6, иногда ихъ было больше. Способы ихъ избранія были также различны: во многихъ случаяхъ мэра выбирали члены городского совѣта, иногда—ихъ избиратели, т.-е. старосты корпорацій, при чемъ ихъ свобода выбора была ограничена: они могли лишь выбрать одного изъ трехъ кандидатовъ, которыхъ имъ указывали выходящіе въ отставку члены городского совѣта и мэръ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ городахъ въ избраніи мэра рѣшающее значеніе имѣлъ сеньёръ города: по *Etablissements de Rouen*, напр., сто пэровъ выбирали изъ нотаблей города трехъ кандидатовъ; одного изъ нихъ герцогъ или король утверждалъ въ должности мэра. Въ Лектурѣ и Альби консулы избирались народнымъ собраніемъ; но чаще всего на югѣ Франціи эти должностныя лица представляли собой въ опредѣленной пропорціи два класса, входившіе въ составъ городского населенія: собственно горожанъ (буржуа) и знатныхъ, принадлежащихъ къ коммунѣ. Въ Арлѣ сначала было по 2 консула обѣихъ категорій; впослѣдствіи эти числа измѣнились на 4 и 8; въ Кордѣ консуловъ было 2 и 6, въ Рабастанѣ 2 и 8. Въ Нимѣ въ 1208 году рѣшили, чтобы въ интересахъ согласія между обѣими группами населенія на будущее время консуловъ изъ знати выбирали горожане, а консуловъ изъ горожанъ—знатные. Такъ какъ раздоры и междоусобія составляли больное мѣсто средневѣковыхъ городовъ, то случалось, что нѣкоторые изъ нихъ призывали себѣ правителя со стороны, который бы не принадлежалъ ни къ какой изъ городскихъ партій: въ первой четверти XIII вѣка мы видимъ такихъ чужеземцевъ во главѣ Марселя, Арля и Авиньона; они назывались подеста́, пользовались диктаторской властью и были большею частью знатными выходцами изъ Италіи.

Мэръ былъ главою муниципальнаго управленія: онъ созывалъ городской совѣтъ, предсѣдательствовалъ на его административныхъ

и судебныхъ засѣданіяхъ, хранилъ коммунальную печать и ключи отъ городскихъ воротъ; онъ же предводительствовалъ коммунальной милиціей и являлся представителемъ коммуны во всѣхъ ея внѣшнихъ сношеніяхъ. Въ Амьенѣ мэръ имѣлъ право назначать нѣкоторыхъ низшихъ должностныхъ лицъ; въ Руанѣ власть его была особенно значительна; въ Байоннѣ должность мэра получила спеціально военный характеръ — другія обязанности, соединенныя съ нею, лежали на помощникѣ мэра.

Кромѣ мэра и членовъ городского совѣта, въ составъ коммунальной администраціи входилъ рядъ низшихъ должностныхъ лицъ, какъ-то: казначей (иногда, впрочемъ, эту должность исполнялъ одинъ изъ жюрэ); клеркъ — по-нашему секретарь и дѣлопроизводитель (лицо весьма вліятельное); сержанты, исполнявшіе должность судебныхъ приставовъ, а также полицейскихъ чиновниковъ; сторожевые, которые стояли на часахъ на городской башнѣ и звонили въ колокола; привратники и др. Всѣ эти городскіе чиновники и служители назначались мэромъ или членами совѣта, иногда же ихъ избирателями, т.-е. старостами промышленныхъ корпорацій. Таковъ былъ составъ коммунальной администраціи, которой принадлежала весьма значительная власть надъ членами городской общины; всякій ослушникъ строго наказывался — въ видѣ крайней мѣры его могли изгнать изъ коммуны, отобрать его имущество и даже срыть до основанія домъ, въ которомъ онъ жилъ.

Участіе народа въ управленіи.

Народная масса въ управленіи коммуной играла весьма незначительную роль: время отъ времени народъ собирался по звону вѣчевого колокола, но вся его роль ограничивалась тѣмъ, что онъ выслушивалъ и принималъ къ свѣдѣнію то, что постановляли правители. Только въ исключительныхъ случаяхъ, да и то въ позднѣйшую эпоху, выступаетъ онъ въ болѣе активной роли: въ Ліонѣ, напр., въ 1292 г. народъ собираютъ, чтобы онъ высказался за или противъ принятія покровительства французскаго короля; почти въ то же время (1283 г.) королевскіе чиновники, присланные въ Руанъ, чтобы привести въ порядокъ коммунальные финансы, производятъ это въ присутствіи народнаго собранія; въ 1320 г. мэръ Аббевиля, обвиняемый въ лихоимствѣ, оправдывается передъ вѣчемъ и защищаетъ свое управленіе отъ нападокъ членовъ городского совѣта; въ 1332 г. мэръ Сэнъ-Жанъ-д'Анжели созываетъ всѣхъ членовъ коммуны, чтобы обсудить союзный договоръ и принять новый налогъ; въ 1320 г. королевскіе комиссары, явившись въ Сенлисъ, собираютъ вѣче и опрашиваютъ горожанъ одного за другимъ, хо-

тятъ ли они сохраненія коммуны или нѣтъ, — и громадное большинство даетъ отрицательный отвѣтъ. Самый важный вопросъ, въ которомъ больше всего и легче всего могло бы выразиться народоправство, — вопросъ о способѣ избранія должностныхъ лицъ, рѣшался, какъ мы видѣли, далеко не въ пользу демократіи. Напротивъ, правительство большей части коммунальныхъ городовъ, по крайней мѣрѣ, въ періодъ существованія коммунъ, представляетъ собою настоящую олигархію; вся власть въ нихъ принадлежитъ немногимъ богатымъ фамиліямъ, изъ которыхъ образуются какъ бы правительственныя династіи; члены этихъ *„линьяжей“* крѣпко держатъ въ своихъ рукахъ главныя муниципальныя должности. Такому положенію дѣлъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ канцелярская тайна, которой окружены были дѣйствія коммунальнаго правительства: въ Руанѣ, Аббевилѣ, Суассонѣ и другихъ городахъ виновный въ разглашеніи этой тайны лишался своей должности; пэры Санлиса въ концѣ XIII в. присудили къ штрафу одного гражданина, который хвастался, будто знаетъ все, что происходитъ въ засѣданіяхъ городского совѣта. Должностныя лица, пользовавшіяся весьма значительною властью и притомъ получившія эту власть не въ силу народнаго избранія, естественно, часто возбуждали противъ себя нареканія въ средѣ городского населенія, тѣмъ болѣе, что они сплошь и рядомъ злоупотребляли своею властью. Необходимо было оградить ихъ отъ проявленія народной антипатіи и даже ненависти; и дѣйствительно, большинство коммунальныхъ хартій содержатъ особыя постановленія на этотъ счетъ: въ Аббевилѣ значительный штрафъ налагался на всякаго, кто осмѣлится въ засѣданіи городского совѣта дурно отозваться о его членахъ или же ложно обвинить ихъ въ произнесеніи несправедливаго приговора; въ 1300 г. одинъ буржуа весьма непочтительно говорилъ о мэрѣ, эшевенахъ и объ ихъ чиновникахъ, заявляя, между прочимъ, что они „обираютъ народъ до послѣдней нитки“; за это его лишили права обращаться къ суду эшевеновъ, т.-е. одного изъ самыхъ важныхъ гражданскихъ правъ; въ Амьенѣ оскорбленіе дѣйствіемъ мэра наказывалось отсѣченіемъ кулака.

Финансы.

Но, несмотря на всѣ эти устрашающія постановленія, недовольство народа своими правителями росло и росло и подъ конецъ стало проявляться съ необычайной силой и рѣзкостью. Самой слабой стороной коммунальнаго управленія были финансы. Расходы свободной городской общины были очень велики и обременительны. Мы ужъ не говоримъ объ обыкновенныхъ расходахъ

на текущія общественныя нужды: они были ничтожны въ сравненіи съ расходами чрезвычайными. Зато эти послѣдніе доходили иногда до громадныхъ размѣровъ. Прежде всего горожанамъ приходилось платить—и платить очень дорого—за свою свободу и самоуправленіе; они или единовременно вносили своему бывшему феодальному владѣльцу крупную сумму, или же выплачивали ему ежегодную ренту, — иногда и то и другое вмѣстѣ. Платить приходилось не только своему сеньёру, даровавшему коммунальную хартію, но и королю, который утверждалъ ее. Рѣдко горожанамъ удавалось сразу добиться полной свободы и независимости: зачастую сеньёръ оставлялъ за собою болѣе или менѣе значительную часть своихъ феодальныхъ правъ надъ коммуной и ея членами—ихъ надо было выкупать одно за другимъ. Откупившись, наконецъ, отъ подданства и ставши въ вассальныя отношенія къ своему сеньёру, коммуна, какъ было указано раньше, продолжала нести извѣстныя повинности, изъ которыхъ самая тяжелая была военная: сначала горожане несли ее натурой, потомъ стали мало-по-малу замѣнять ее ежегоднымъ денежнымъ взносомъ. Изъ исторіи г. Лана мы видѣли, что добиться устройства коммуны еще не значило обезпечить себѣ навсегда свободу: коммунѣ неоднократно грозили уничтоженіемъ, и каждый разъ несчастные буржуа должны были раскошеливаться, чтобы сохранить за собою права, купленныя такой дорогой цѣной. Все это были расходы, такъ сказать, нормальные; но и, кромѣ этого, постоянно представлялись разные экстренные случаи, къ которымъ придирались, чтобы выманить у горожанъ болѣе или менѣе значительную сумму. Любопытенъ въ этомъ отношеніи отрывокъ изъ записи расходовъ нуайонской коммуны за 1260 годъ: „Когда король (Людовикъ Святой) отправлялся за море, мы дали ему 1500 ливровъ (около 150 т. франковъ на теперешнія деньги). Когда онъ былъ за моремъ, королева дала намъ знать, что король нуждается въ деньгахъ, и мы дали 500 ливровъ. Когда король вернулся изъ-за моря, мы ему заняли 600 ливр., изъ которыхъ получили только 500, а 100 оставили ему. Когда король заключилъ миръ съ англійскимъ королемъ, мы дали 1200 л. Каждый годъ мы должны платить 200 л. за коммуну, которую намъ даровалъ король; кромѣ того, подарки проѣзжающимъ черезъ городъ (знатнымъ) особамъ ежегодно обходятся намъ въ 100 л. и даже болѣе. Когда графъ анжуйскій (братъ короля) былъ въ Эно (Hainaud), насъ извѣстили, что онъ нуждается въ винѣ; мы послали ему 10 бочекъ, что стоило вмѣстѣ съ доставкой 100 лив.“.

Кромѣ того, граждане Пуайона послали графу 500 сержантовъ, чтобы охранять его владѣнія, а также тѣлохранителей,— все это обошлось въ 1100 л. Наконецъ, „когда королевская армія выступала, намъ сообщили, что графу нужны деньги и что съ нашей стороны было бы подлостью не придти къ нему на помощь; мы заняли ему 1.200 л., но изъ нихъ скинули со счетовъ 300 для того, чтобы получить расписку съ приложеніемъ печати на остальные 900“.

Весьма важную статью расходовъ для каждой коммуны составляли судебные штрафы. Безпокойные горожане находились въ постоянной борьбѣ со своимъ сеньёромъ и другими феодалами, а также съ капитулами изъ-за юрисдикціи, права обложенія, повинностей и т. п. Озлобленные этою борьбой буржуа позволяли себѣ иногда крайне рѣзкія выходки противъ своихъ враговъ, особенно противъ духовенства: они нарушали права своихъ противниковъ, творили надъ ними насилія и всякія беззаконія, не останавливаясь даже передъ кощунствомъ. Однажды граждане С.-Рикье рѣшили насмѣяться надъ монахами мѣстнаго аббатства, съ которымъ они были постоянно на ножахъ. Ежегодно въ праздникъ Lendit монахи устраивали торжественную процессію, въ которой несли мощи основателя своей общины и мощи св. Вигора. Но въ 1264 г. жителямъ этого города пришлось полюбоваться процессіей совсѣмъ иного рода. Буржуа взяли дохлую кошку и положили ее въ раку, подобную той, въ которой хранились мощи св. Рикье; въ другой ракѣ помѣстили лошадиную кость, долженствующую изображать руку св. Вигора. Затѣмъ, напяливши на себя шубы, понесли эти предметы по городскимъ улицамъ, пародируя торжественное шествіе монаховъ. Вдругъ явились какіе-то два субъекта и стали между собою ожесточенно драться; процессія остановилась, и изъ толпы раздался возгласъ: „Святой Рикье! ты не пойдешь дальше, старина, пока не водворишь мира между этими двумя врагами!“ Едва это было сказано, какъ борцы прекратили драку, пали другъ къ другу въ объятія и обмѣнялись братскимъ поцѣлуемъ. Вся толпа стала кричать о „чудѣ“, совершенномъ мощами св. Рикье. Но этого мало: горожане построили часовню съ роскошно убраннымъ алтаремъ и помѣстили туда раки съ кошкой и лошадиною костью. Наивные богомольцы и путешественники, не подозрѣвая о кощунствѣ, заходили сюда поклониться мощамъ святыхъ угодниковъ. Два дня простояла часовня, вокругъ которой буржуа устраивали неприличные танцы.

Столкновенія горожанъ съ духовенствомъ и феодалами были самымъ зауряднымъ явленіемъ. И каждый разъ, когда эти столкновенія принимали слишкомъ серьезный характеръ, дѣло кончалось обращеніемъ къ королевскому парламенту, который рано присвоилъ себѣ право суда надъ коммунами. Парламентъ не щадилъ горожанъ и приговаривалъ ихъ къ денежному штрафу, который иногда доходилъ до огромныхъ размѣровъ: такъ, напр., въ 1305 г. коммуна г. Бовэ должна была уплатить 10 т. ливровъ, т.-е. болѣе милліона франковъ.

Финансовый упадокъ коммунъ.

Откуда же брала коммуна деньги, чтобы погашать всѣ эти чрезвычайные расходы? Главнымъ, основнымъ источникомъ дохода былъ прямой налогъ на членовъ коммуны. Но сборъ этого налога былъ сопряженъ съ огромными затрудненіями: нѣкоторые совсѣмъ уклонялись отъ его уплаты, другіе утаивали значительную часть своего имущества, чтобы уменьшить окладъ; многіе оказывались не въ состояніи платить, и недоимки накоплялись иногда за 10 и болѣе лѣтъ. Раскладка подати почти никогда не обходилась безъ злоупотребленій: стоявшіе у власти богатые буржуа пускали въ ходъ все свое вліяніе, чтобы свалить главную тяжесть податей на низшіе классы, которые, разумѣется, не въ состояніи были ея вынести. Отсутствіе правильной отчетности давало коммунальнымъ правителямъ полную возможность не церемониться съ общественною казной: Бомануаръ (писатель конца XIII в.) разсказываетъ, что должностныя лица, отслуживши свой срокъ, передавали власть своимъ братьямъ, племянникамъ и другимъ родственникамъ и когда по прошествіи 10—12-ти лѣтъ граждане требовали у нихъ отчета, то заявляли, что дали уже отчетъ другъ другу. Если мы прибавимъ къ этому отсутствіе бюджета, котораго не знали въ средніе вѣка, веденіе денежнаго хозяйства изо дня въ день какъ придется, то получимъ полную картину печальнаго положенія коммунальныхъ финансовъ. Правительству любой коммуны на каждомъ шагу приходилось считаться съ недостаткомъ денегъ на покрытіе какого-нибудь текущаго расхода, съ хроническимъ превышеніемъ расходовъ надъ доходами. Единственнымъ средствомъ выйти изъ подобныхъ затрудненій казался заемъ, и коммуны стали пользоваться этимъ средствомъ такъ широко, что скоро окончательно запутывали свои денежныя дѣла. По сдѣланнымъ займамъ приходилось платить 10—15%, иногда даже до 25-ти, или же выплачивать кредитору пожизненную ренту; благодаря этому, ежегодный дефицитъ только увеличивался, такъ какъ никакихъ существенныхъ мѣръ для устра-

ненія зла не принимали, и все оставалось попрежнему. Займы приходилось дѣлать все чаще и чаще, пока, наконецъ, не наступалъ моментъ полнаго банкротства: кредитъ оказывался исчерпаннымъ, по прежнимъ обязательствамъ нечѣмъ было платить. Тогда коммуна обращалась къ королю, который поручалъ своимъ чиновникамъ привести въ порядокъ денежныя дѣла, своею властью принималъ мѣры, чтобы обезпечить этотъ порядокъ на будущее время, и обыкновенно сохранялъ за собою контроль надъ финансовымъ управленіемъ коммуны; иногда такая ликвидація сопровождалась уничтоженіемъ коммуны въ данномъ городѣ. Періодъ финансоваго банкротства свободныхъ и независимыхъ городскихъ общинъ начался со второй половины XIII вѣка.

Политическое вырожденіе коммунъ.

Параллельно съ этимъ развивался и процессъ политическаго крушенія коммунъ. Мы видѣли, что коммунальное устройство въ громадномъ большинствѣ французскихъ городовъ носило аристократическій характеръ. Такое положеніе дѣлъ неминуемо должно было привести къ борьбѣ народной массы съ правительственною аристократіей. Пока всѣ силы, все вниманіе городского населенія было поглощено борьбой съ феодальнымъ владѣльцемъ, всѣ классы горожанъ являлись тѣсно сплоченными этимъ общимъ дѣломъ, сознаніемъ общей опасности. Но какъ только цѣль была достигнута и коммуна обезпечивала себѣ болѣе или менѣе прочное существованіе, такъ тотчасъ же обнаруживался разладъ между отдѣльными составными частями коммуны: все ярче и ярче выступала разница интересовъ богатыхъ и бѣдныхъ, хозяевъ и работниковъ, правящихъ и управляемыхъ. Въ 1233 г. въ Бовэ произошло кровавое возстаніе городской черни противъ „мѣнялъ“; порядокъ былъ возстановленъ, только благодаря вмѣшательству короля. Въ Гентѣ для прекращенія распри между низшими слоями населенія и городскимъ правительствомъ въ 1275 г. потребовалось посредничество графини фландрской и третейскій судъ с.-омерской коммуны, постановившій, что всѣ распоряженія гентскихъ эшевеновъ, которыя покажутся народу нарушающими его интересы, будутъ передаваться на разсмотрѣніе графа фландрскаго. Почти въ то же время въ Дуэ рабочіе ткацкаго цеха возстаютъ противъ своихъ хозяевъ. Въ Аррасѣ рабочіе разбиваютъ дома своихъ цехмейстеровъ (ремесленныхъ старостъ) и разгуливаютъ по городу съ знаменами, громко требуя смерти мэра и эшевеновъ. Въ Санѣ въ 1283 г. городскія партіи не могутъ придти къ соглашенію относительно выбора должностныхъ лицъ, и дѣло окончилось тѣмъ, что весь составъ муници-

палитета былъ назначенъ королемъ; въ Дижонѣ по такому же поводу король не только назначилъ своею властью членовъ городского правительства, но и совсѣмъ уничтожилъ коммуну. Сначала городская аристократія пыталась насильственными мѣрами удержать за собою свое привилегированное положеніе: такъ, въ 1245 г. въ Дуэ ремесленникамъ и черни подъ страхомъ суроваго наказанія были запрещены какія бы то ни было сообщества, опасныя для существующаго порядка. Но натискъ демократіи былъ слишкомъ силенъ, и высшей буржуазіи пришлось сдѣлать мало-по-малу цѣлый рядъ уступокъ: ремесленныя корпораціи получили болѣе широкое участіе въ выборѣ должностныхъ лицъ; рядомъ съ прежнимъ муниципалитетомъ во многихъ коммунахъ стали представители народной массы, которые защищали ея интересы, имѣли право контроля надъ финансовою частью и даже до нѣкоторой степени участвовали въ управленіи городомъ. Такимъ образомъ, къ началу XIV в. коммуны пріобрѣтаютъ нѣсколько болѣе демократическое устройство, но превратиться въ демократическія республики свободныя городскія общины не успѣли: естественный ходъ ихъ развитія былъ нарушенъ вмѣшательствомъ посторонней силы, которая съ каждымъ годомъ становилась все грознѣе и могущественнѣе. Королевская власть, такъ успѣшно боровшаяся съ политической независимостью феодаловъ и духовенства, наложила руку также и на коммунальную свободу. Мы уже видѣли, что коммуна, освободившись отъ подданства своему феодальному владѣльцу, становилась въ болѣе непосредственныя отношенія къ королю; скоро вошло въ обычай, что король непремѣнно подтверждаетъ коммунальную хартію, а вмѣстѣ съ этимъ онъ не замедлилъ присвоить себѣ и право уничтожать ее; коммуны подчинились юрисдикціи королевскаго парламента, который часто налагалъ на нихъ огромные штрафы. Наконецъ, постоянныя столкновенія коммуны съ ея многочисленными внѣшними врагами, а еще болѣе междоусобія и взаимныя распри горожанъ давали королю множество поводовъ вмѣшиваться во внутреннюю жизнь свободнаго города. Финансовыя затрудненія приводили къ королевской опекѣ надъ денежнымъ хозяйствомъ коммуны, распри политическія и соціальныя—къ опекѣ надъ ея управленіемъ. Такимъ образомъ, въ силу вещей коммуна утратила свои характерные признаки — перестала быть обособленною, независимой общиной, феодальною единицей, свободно входившей въ договорныя отношенія съ другими такими же феодальными единицами; мы не говоримъ уже о тѣхъ весьма частыхъ случаяхъ, когда вмѣшательство

короля приводило къ прямому, формальному уничтоженію коммуны въ данномъ городѣ. Въ окончательномъ результатѣ ко времени вступленія на престолъ династіи Валуа во Франціи уже не было коммунъ, а если нѣкоторые города еще и сохранили это названіе, то лишь въ видѣ переживанія: здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, форма пережила содержаніе, когда-то ее наполнявшее.

Такимъ образомъ, горожане, которые въ началѣ XI в. были подданными феодаловъ, къ концу XIV превратились въ подданныхъ короля. И это уже большой шагъ впередъ; но прежде, чѣмъ достигнуть такого положенія, они пережили нѣсколько вѣковъ борьбы за свободу. Городское населеніе за это время научилось сознательно относиться къ своимъ интересамъ, энергично отстаивать свое право, жертвовать для свободы и имуществомъ, и жизнью. Подобный историческій опытъ не могъ пройти безслѣдно, и, дѣйствительно, онъ создалъ изъ французской буржуазіи крупную общественную силу, третье сословіе, которое еще въ средніе вѣка съ честью заняло свое мѣсто рядомъ съ первыми двумя сословіями, а въ новое время оказалось достаточно сильнымъ, чтобы одержать надъ ними верхъ. Коммунальная форма городской свободы, какъ форма чисто средневѣковая, связанная съ обособленностью и политическою независимостью города, просуществовала сравнительно недолго: вмѣстѣ съ другими средневѣковыми явленіями она исчезла, но, несмотря на это, она оказала глубокое вліяніе на судьбу городского населенія во Франціи.

Ville de bourgeoisie.

Какъ уже было упомянуто раньше, далеко не всѣ французскіе города прошли черезъ эту форму свободы. Большинство изъ нихъ никогда не было коммунами. Но и въ ихъ положеніи произошло существенное измѣненіе во вторую половину среднихъ вѣковъ: жители этихъ городовъ, оставаясь подданными своихъ феодальныхъ владѣльцевъ, получаютъ отъ нихъ цѣлый рядъ привилегій, касающихся разнаго рода повинностей, податей и пошлинъ, а также суда и даже администраціи. Почти всегда эти привилегіи сопровождаются и дарованіемъ личной свободы горожанамъ, т.-е. права свободнаго перемѣщенія, вступленія въ бракъ и распоряженія своимъ имуществомъ. Первые случаи такого надѣленія горожанъ привилегіями встрѣчаются уже въ концѣ X в., въ XI в. они еще довольно рѣдки, но въ теченіе XII и XIII столѣтій почти всѣ французскіе города переходятъ въ этотъ разрядъ такъ называемыхъ villes franches или villes de bourgeoisie. Иногда горожане сами присваиваютъ себѣ извѣстныя права и вольности, пользуясь удобнымъ

случаемъ, и сеньёру остается лишь признать совершившійся фактъ; чаще же всего сами феодальные владѣльцы даруютъ подвластнымъ имъ городамъ бо̀льшую или меньшую степень свободы. При этомъ нѣкоторыми изъ нихъ руководитъ правильный расчетъ, разумныя хозяйственныя соображенія: чѣмъ выше матеріальное благосостояніе горожанъ, тѣмъ больше доходовъ будетъ получать сеньёръ съ принадлежащаго ему города, а такъ какъ личная и имущественная необезпеченность, произволъ въ обложеніи податями и пошлинами, злоупотребленія феодальной администраціи—все это въ корнѣ подрываетъ благосостояніе торгово-промышленнаго городского населенія, то, слѣдовательно, нужно все это устранить. Такая разумная хозяйственная политика требуетъ не только большого практическаго смысла, но и значительныхъ средствъ: чѣмъ мельче хозяйство, тѣмъ скареднѣе хозяинъ, тѣмъ труднѣе ему вести свое хозяйство раціональнымъ способомъ; вотъ почему villes de bourgeoisie легче всего и въ бо̀льшемъ количествѣ появляются въ доменахъ короля и другихъ крупныхъ феодальныхъ владѣльцевъ. Но и остальнымъ по разнымъ мотивамъ приходилось надѣлять свои города привилегіями и вольностями: во многихъ случаяхъ сеньёръ пріобрѣталъ во владѣніе городъ силой оружія, въ приданое за женой или покупалъ его за деньги, и, чтобы привязать къ себѣ своихъ новыхъ подданныхъ, оказывалъ имъ разныя милости; еще больше нуждался онъ въ расположеніи горожанъ, когда получалъ владѣніе по наслѣдству, и на это же наслѣдство оказывались еще и другіе претенденты. Нерѣдко у города оказывалось нѣсколько владѣльцевъ, права которыхъ до такой степени перепутывались между собою, что не было никакой возможности разобрать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что кому принадлежитъ, кто и въ какой долѣ участвуетъ въ полученіи судебной или иной пошлины; тогда совладѣльцы рѣшались перенести эту мудреную задачу изъ области политики въ область ариѳметики: предоставляя горожанамъ устраиваться, какъ они знаютъ, сеньеры соглашались брать съ нихъ разъ навсегда опредѣленные платежи, которые уже и дѣлили между собою. Многіе феодалы, нуждаясь въ деньгахъ, продавали горожанамъ большую или меньшую степень гражданской свободы: за извѣстный единовременный взносъ они отказывались отъ своей произвольной власти и точно опредѣляли на будущее время всѣ платежи и повинности городского населенія. Наконецъ, чѣмъ больше появлялось привилегированныхъ городовъ, тѣмъ легче становилось получать привилегіи остальнымъ: волей-неволей сеньеръ со-

глашался на уступки, потому что иначе его городъ пустѣлъ, такъ какъ жители перебѣгали въ сосѣднія villes des bourgeoisie. Между феодалами установилась своего рода конкуренція въ раздачѣ вольностей горожанамъ: каждый старался цѣной привилегіи не только удержать населеніе своего города, но, если можно, и переманить къ себѣ подданныхъ своего сосѣда.

Размѣры вольностей колебались въ очень значительныхъ предѣлахъ: въ однихъ случаяхъ привилегія касалась лишь нѣкоторыхъ повинностей и пошлинъ, судъ же и управленіе попрежнему оставались въ рукахъ сеньёра; въ другихъ не только регулировались всѣ денежные счеты города съ владѣльцемъ, но горожане получали въ свои руки и судъ, и завѣдываніе всѣми своими дѣлами: такой городъ отличался отъ коммуны только тѣмъ, что не имѣлъ политическихъ правъ, и жители его не составляли присяжной общины; какъ бы обширны ни были привилегіи ville de bourgeoisie, она оставалась все-таки въ подданствѣ у своего сеньёра и не занимала самостоятельнаго мѣста въ феодальномъ обществѣ въ качествѣ коллективной сеньёріи.

Орлеанъ. О характерѣ привилегій, которыми былъ надѣленъ такой городъ, лучше всего можно судить по отдѣльнымъ примѣрамъ. Городъ Орлеанъ, напримѣръ, расположенный на территоріи королевскихъ доменовъ, никогда не былъ коммуной: все время имъ управляли чиновники короля—прево и сержанты. Положеніе жителей этого города въ началѣ среднихъ вѣковъ было, конечно, ничуть не лучше, чѣмъ въ другихъ городахъ Франціи. Но, начиная съ половины XI в., Орлеанъ получаетъ отъ своего сеньера-короля одну привилегію за другой, и въ общей суммѣ эти привилегіи настолько улучшаютъ бытъ орлеанскаго населенія, что окончательный результатъ получается почти такой же, какъ и въ городахъ, пережившихъ періодъ коммунальной свободы и самоуправленія. Въ 1051 г. Генрихъ I, по просьбѣ епископа и жителей г. Орлеана, издаетъ приказъ, чтобы во время сбора винограда городскія ворота не запирались, такъ что каждый можетъ свободно въѣзжать и выѣзжать изъ города, не платя при этомъ обычной пошлины. Въ 1137 г. Людовикъ VII запрещаетъ своему прево и сержантамъ въ Орлеанѣ притѣснять жителей; онъ обѣщаетъ не задерживать горожанъ насильно въ тѣхъ случаяхъ, когда они будутъ призваны къ его королевскому двору, а также не допускать никакихъ злоупотребленій въ чеканкѣ монеты; за это король будетъ получать извѣстную подать съ каждой мѣры зерна и вина. Черезъ 10 лѣтъ

онъ уничтожилъ въ Орлеанѣ droit de mainmorte, одну изъ самыхъ тяжелыхъ и ненавистныхъ феодальныхъ повинностей: въ силу этого права сеньёръ наслѣдовалъ имущество виллана, если у того не было прямыхъ наслѣдниковъ; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вилланъ получалъ свободу распорядиться извѣстной частью своего имущества, его наслѣдникъ долженъ былъ уплатить значительную пошлину сеньёру. Въ 1168 г. тотъ же король старается устранить злоупотребленія при сборѣ пошлинъ, а нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ совсѣмъ уничтожаетъ; кромѣ того, онъ издаетъ нѣсколько распоряженій, благопріятствующихъ свободѣ торговли и облегчающихъ гражданскія сдѣлки. Въ 1183 г. Филиппъ-Августъ освобождаетъ отъ подати (taille) настоящихъ и будущихъ жителей Орлеана, а также даруетъ имъ разныя другія привилегіи, какъ-то: не быть вызываемымъ на судъ дальше извѣстныхъ мѣстностей, расположенныхъ недалеко отъ Орлеана, не подвергаться судебнымъ штрафамъ свыше 60-ти су, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, точно опредѣленныхъ случаевъ, и т. д.; за это король выговариваетъ себѣ пошлину въ два денье съ мѣры вина и хлѣба.

Всѣ эти привилегіи нисколько не измѣняли политическаго положенія горожанъ, которые попрежнему оставались подданными своего сеньёра; жители Орлеана не получили даже самоуправленія въ какой бы то ни было формѣ: во главѣ города, какъ и раньше, стоялъ королевскій прево, а не выборный мэръ. И тѣмъ не менѣе бытъ орлеанскаго населенія подъ вліяніемъ этихъ привилегій существенно измѣнился къ лучшему: оно было теперь избавлено отъ нѣкоторыхъ наиболѣе тяжелыхъ и стѣснительныхъ повинностей; промышленность и торговля получили возможность болѣе свободнаго развитія, болѣе прочное и обезпеченное положеніе; изъ области суда и управленія были устранены многія злоупотребленія, а главное, прежній произволъ, ничѣмъ не стѣсненный и не сдерживаемый, каждую минуту угрожающій и личности, и имуществу горожанина, постепенно уступилъ мѣсто опредѣленному порядку, точно установленнымъ правиламъ: подъ защитой этого порядка горожане получили возможность гораздо болѣе мирнаго, спокойнаго существованія; быстрѣе пошло впередъ развитіе, постепенное накопленіе матеріальныхъ и духовныхъ силъ; прочнѣе оказывались уже пріобрѣтенные результаты этого развитія.

Грамота Лорри.

Орлеанъ получилъ свои привилегіи и вольности постепенно, въ теченіе значительнаго промежутка времени. Но бывали случаи, когда сеньёръ сразу давалъ городу цѣлый рядъ новыхъ правъ.

Мало-по-малу выработались даже извѣстныя формы грамотъ, которыя заключали въ себѣ множество отдѣльныхъ привилегій относительно податей и пошлинъ, всевозможныхъ сборовъ и повинностей, суда и т. д. Подобныя грамоты похожи были на коммунальныя хартіи и такъ же, какъ онѣ, производили въ бытѣ городского населенія рѣзкій переворотъ, съ той только разницей, что переворотъ этотъ касался не политическаго, а лишь гражданскаго ихъ положенія. Одной изъ наиболѣе распространенныхъ была грамота города Lorris en Gatinais, утвержденная Людовикомъ VII въ 1155 г.; въ теченіе 40 лѣтъ такая же хартія была дана еще семи городамъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ постановленій этой грамоты, заключающей въ себѣ всего 35 параграфовъ.

2) Никто изъ жителей Лорри не долженъ платить ввозной пошлины за свои съѣстные припасы; ни вѣсовой пошлины за хлѣбъ, который онъ добудетъ своимъ трудомъ или трудомъ своего рабочаго скота; ни торговой пошлины (forage) за вино, которое онъ получитъ съ своихъ виноградниковъ.

3) Никто изъ жителей этого города не будетъ вытребованъ ни пѣшкомъ, ни съ лошадью въ такое мѣсто, изъ котораго онъ не можетъ вернуться домой въ тотъ же день.

4) Никто изъ нихъ не платитъ дорожныхъ сборовъ по пути до Etampes, до Орлеана, до Милльи и до Melun.

5) Никто изъ идущихъ или возвращающихся съ ярмарки или рынка въ Лорри не можетъ быть арестованъ или вообще подвергнутъ судебному преслѣдованію, если только преступленіе, въ которомъ онъ обвиняется, не совершено въ тотъ же самый день.

8) Никто изъ жителей Лорри не долженъ выходить за предѣлы города, чтобы судиться съ королемъ.

10) Никто не будетъ пользоваться какими-нибудь преимуществами относительно срока продажи вина (ban public), кромѣ короля, которому предоставляется начинать таковую раньше другихъ, но только въ своемъ погребѣ.

12) Если кто-нибудь поссорится съ другимъ, но не вломится въ его домъ, а потомъ они помирятся, не принося жалобы прево, то съ нихъ не станутъ взыскивать штрафа ни въ нашу пользу, ни въ пользу нашего прево. Въ случаѣ, если жалоба уже была принесена, они все-таки могутъ кончить дѣло миромъ, заплативши штрафъ; если же на нихъ не былъ наложенъ штрафъ, то они ничего не должны платить ни намъ, ни нашему прево.

15) Никто изъ горожанъ Лорри не обязанъ намъ дорожною повинностью (corvée), за исключеніемъ двухъ разъ въ годъ, когда они должны перевезти наше вино въ Орлеанъ, но ни въ какое другое мѣсто.

17) Всякій можетъ продать свое имущество, получивши за него деньги, уйти изъ города по-добру, по-здорову, куда ему угодно, если только онъ не совершилъ какого-нибудь преступленія въ городѣ.

18) Кто проживетъ въ приходѣ Лорри годъ и одинъ день, и за это время никто не предъявитъ на него свои права, и ни мы, ни нашъ прево не запретятъ ему жить въ этомъ приходѣ, тотъ можетъ оставаться въ немъ и на будущее время въ полной свободѣ и безопасности.

29) Жители Лорри могутъ собирать въ лѣсу валежникъ для своей надобности.

32) Если кого изъ горожанъ обвинятъ въ чемъ-нибудь и его нельзя будетъ уличить на основаніи свидѣтельскихъ показаній, то онъ можетъ очиститься принесеніемъ присяги.

35) Мы приказываемъ, чтобы каждый разъ при смѣнѣ прево или другихъ должностныхъ лицъ въ городѣ (sergents) они клялись нерушимо соблюдать всѣ эти постановленія.

Какъ видно изъ приведенныхъ отрывковъ, всѣ эти привилегіи касались лишь гражданскаго быта городского населенія, ни въ чемъ не измѣняя его политическаго положенія.

Villes neuves.

Къ той же категоріи villes de bourgeoisie можно отнести и многочисленныя слободы, которыя король и другіе феодальные владѣльцы основывали на своей землѣ (такія слободы назывались villes neuves). Каждому изъ нихъ, естественно, было выгодно имѣть въ своихъ владѣніяхъ лишній поселокъ съ рынкомъ или даже ярмаркой и получать съ его жителей и пріѣзжихъ торговцевъ разныя пошлины; но чтобы найти охотниковъ поселиться въ новой слободѣ, нужно было заманить ихъ разными льготами, обѣщающими спокойное и обезпеченное существованіе, нужно было оградить ихъ отъ произвола феодальнаго сеньёра и его приказчиковъ и для этого разъ навсегда опредѣлить виды и размѣры разныхъ податей, пошлинъ и повинностей. Въ виду этого феодалъ, задумавшій основать слободу, заранѣе издавалъ грамоту, въ которой и перечислялъ привилегіи и вольности будущихъ жителей слободы.

Вотъ образчикъ такой грамоты.

„Я, Генрихъ, графъ de-Troyes, симъ объявляю: да будетъ вѣ-

домо всѣмъ и на будущія времена, что я установилъ нижеслѣдующія правила для жителей моей слободы близъ Pont-sur-Seine:

Всякій, проживающій въ вышеуказанной слободѣ, будетъ платить ежегодно 12 денье и мѣру овса за свою усадьбу; если же онъ хочетъ получить участокъ пахатной земли или луга, то будетъ платить по 4 денье за arpent (немного менѣе $^1/_2$ десятины). Дома, виноградники и луга могутъ быть проданы или отчуждены по волѣ того, кто ихъ пріобрѣтетъ. Жители слободы должны будутъ выступать въ походъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда я самъ буду предводительствовать войскомъ. Я дарую имъ, кромѣ того, право выбирать 6 эшевеновъ, которые будутъ завѣдывать дѣлами общины и присутствовать на судебныхъ засѣданіяхъ моего прево. Я постановляю, что никакой сеньёръ, рыцарь или другой кто не можетъ схватить и увести жителя слободы подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, если только этотъ человѣкъ не его рабъ и за нимъ не числится недоимки.

Дано въ Provins въ лѣто отъ воплощенія Христова тысяча сто семьдесятъ пятое".

С. Моравскій.

XXV.

Свв. Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе.

I. Пространныя или такъ называемыя Паннонскія житія свв. Кирилла и Меѳодія.

1. Житіе св. Кирилла.

Мѣсяца февраля въ 14-й день житіе и подвиги блаженнаго учителя нашего Константина философа, перваго наставника славянъ [1]).

Благослови отче.

I. Богъ милостивый и щедрый, ожидающій, чтобы всѣ люди принесли покаяніе, пришли къ познанію истины и спаслись, — не же- Вступленіе.

[1]) Исторія сохранила намъ лишь немногіе документальные источники о жизни и дѣятельности славянскихъ первоучителей. Вполнѣ справедливы слова профессора Воронова: „Плодотворная жизнь и дѣятельность свв. Кирилла и Меѳодія, посвященная почти всецѣло славянству, была отдалена отъ круга ближайшихъ интересовъ Византіи и ея историковъ и прямо несочувственна латино - нѣмецкому духовенству, а поэтому, несмотря на громадное значеніе для всего славянскаго міра, была или неизвѣстна современнымъ греческимъ и латинскимъ историкамъ, или игнорирована ими. Современные славянскимъ первоучителямъ византійскіе историки и латинскіе анналисты не оставили намъ ни одного извѣстія о нихъ, и тогда какъ въ византійской литературѣ, можно сказать, не осталось ни малѣйшаго воспоминанія о нихъ, Западъ сохранилъ лишь нѣсколько посланій, меморій, отрывочныхъ извѣстій, относящихся къ ихъ дѣятельности въ Моравіи и въ Римѣ. Помимо этихъ немногихъ латинскихъ офиціальныхъ источниковъ, исторія Кирилла и Меѳодія слагается главнымъ образомъ на основаніи преданій, сохранившихся въ благоговѣйномъ къ ихъ памяти мірѣ славянскомъ; наиболѣе полныя извѣстія о нихъ почерпаются изъ источниковъ славянскихъ или, хотя писанныхъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ, но составленныхъ по славянскимъ источникамъ. Но всѣ эти памятники славянскаго происхожденія, богатые содержа-

ластъ Господь смерти даже и закоренѣлаго грѣшника, даруя ему спасительное покаяніе и сохраняя жизнь его,—не позволяетъ человѣческому роду отпасть отъ Него по нерадѣнію, подпасть соблазну діавола и погибнуть, и во всѣ времена и лѣта не перестаетъ творить намъ великія благодѣянія, какъ прежде, такъ и нынѣ, чрезъ посредство патріарховъ и отцовъ, пророковъ, апостоловъ и мучениковъ, праведныхъ мужей и учителей, избирая ихъ отъ многомятежной жизни сей. Ибо знаетъ Господь своихъ избран-

ніемъ, не имѣютъ характера несомнѣнныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ историческихъ документовъ. Почти всѣ они (если не всѣ безъ исключенія) написаны не современниками, составлены на основаніи преданій болѣе или менѣе позднихъ, написаны съ цѣлями болѣе нравственнаго, чѣмъ историческаго свойства, разсѣяны на пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ, принадлежатъ различнымъ славянскимъ народамъ. Порча преданій съ теченіемъ времени, національныя пристрастія авторовъ, особенныя цѣли при составленіи памятниковъ, личныя воззрѣнія, соображенія и догадки, неизбѣжныя при составленіи документовъ по преданію, — все это вліяло на историческое значеніе этихъ памятниковъ, условливало различіе показаній, противорѣчія въ извѣстіяхъ, примѣсь субъективнаго элемента къ исторической истинѣ". — Изъ всѣхъ легендарныхъ источниковъ о дѣятельности первоучителей славянскихъ, по полнотѣ заключающихся въ нихъ данныхъ и ихъ достовѣрности, первое мѣсто занимаютъ пространныя житія свв. Кирилла и Меѳодія, извѣстныя подъ именемъ Паннонскихъ. Они были открыты профессоромъ москов. духов. академіи А. В. Горскимъ, который напечаталъ извлеченіе изъ нихъ съ историко-критическимъ изслѣдованіемъ въ № 6 Москвитянина 1843 года. Въ 1865 году трудъ Горскаго былъ перепечатанъ въ Кирилло - Меѳодіевскомъ Сборникѣ, изданномъ Погодинымъ. Горскій полагалъ, что оба житія были написаны въ Панноніи во время, близкое къ дѣятельности первоучителей, и считалъ вѣроятнымъ, что ихъ составителемъ было одно лицо. — Послѣ изслѣдованія Горскаго особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе труды, посвященные дѣятельности славянскихъ первоучителей: 1) Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія. Профессора А. Воронова.—Труды Кіевской Духовной Академіи, октябрь, 1876 г., январь, апрѣль, августъ, сентябрь 1877 г. Въ этомъ сочиненіи разсматриваются дошедшіе до насъ источники, относящіеся до исторіи и апостольской дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія на языкахъ славянскомъ, греческомъ и латинскомъ, при чемъ авторъ даетъ обстоятельную оцѣнку каждаго изъ нихъ. Что касается житій, то авторъ, согласно съ Горскимъ признаетъ, что оба житія составлены однимъ лицомъ; но въ дальнѣйшемъ не раздѣляетъ мнѣнія Горскаго, полагая, что составитель житій былъ славанинъ, принадлежавшій восточной церкви и жившій не въ Панноніи, а въ Болгаріи, что онъ не былъ ученикомъ и очевидцемъ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія и житія составлены имъ не ранѣе второй четверти X в. Но самымъ любопытнымъ въ трудѣ Воронова является его мнѣніе, что первоначально житія были написаны не на славянскомъ языкѣ, а на греческомъ. Возраженія противъ этого мнѣнія представлены нами въ статьѣ при изданіи поученій Климента: „Климентъ, епископъ словѣнскій". — Трудъ Ундольскаго

никовъ, когда говоритъ: овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю ихъ и называю ихъ по имени, и онѣ идутъ за Мной, и Я даю имъ жизнь вѣчную (Іоан. 10. 27, 28). Такъ и нашему поколѣнію Господь воздвигъ такого учителя, который просвѣтилъ народъ нашъ, омрачавшій умъ свой слабостью, подпавшій соблазну діавольскому и не восхотѣвшій ходить въ свѣтѣ Божіихъ заповѣдей. Житіе его кратко передаетъ намъ, каковъ онъ былъ, чтобы, слушая объ его подвигахъ, желающій подражать ему почувствовалъ

съ предисловіемъ П. А. Лаврова въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Рос.", 1895 г. 2) Свв. Кириллъ и Меѳодій. Профессора И. Малышевскаго.—Рѣчь, произнесенная на актѣ въ Кіевской Духовной Академіи 7 апрѣля 1885 г. — Труды Кіевской Духовной Академіи, май, іюнь, августъ, сентябрь, октябрь и ноябрь 1885 г. — Это сочиненіе представляетъ самый полный обзоръ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія, при чемъ слѣдуетъ отмѣтить стараніе автора возможно ближе держаться фактовъ, сообщаемыхъ пространными житіями свв. Кирилла и Меѳодія. 3) Святые Константинъ и Меѳодій, первоучители славянскіе. Рѣчь 7 апрѣля 1885 г., въ день памяти тысячелѣтія со времени кончины Меѳодія, профессора моск. духов. академіи Е. Голубинскаго. — Прибавленіе къ изданію Твореній Святыхъ Отцовъ въ русскомъ переводѣ, 1885 г., часть 36, книжка III.—Что касается другихъ пособій по разнымъ вопросамъ, относящимся къ дѣятельности славянскихъ первоучителей, то особеннаго вниманія заслуживаетъ Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ въ память о совершившемся тысячелѣтіи славянской письменности и христіанства въ Россіи, изданный профессоромъ М. Погодинымъ. Москва, 1865 г. — Изъ статей, помѣщенныхъ въ немъ, кромѣ вышеупомянутаго изслѣдованія Горскаго, наиболѣе важны еще слѣдующія: Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители. Архіепископа Филарета черниговскаго; — Записка о переводѣ Евангелія на славянскій языкъ, сдѣланномъ свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ. К. И. Невоструева;—Службы свв. Кириллу и Меѳодію. В. И. Григоровича;—Тѣ же службы по синодальному списку; — О древнихъ канонахъ свв. Кириллу и Меѳодію. А. В. Горскаго, и другія.—Помимо статей научнаго характера въ этой книгѣ съ интересомъ могутъ быть прочитаны рѣчи, проповѣди и газетныя статьи по случаю празднованія тысячелѣтія со времени изобрѣтенія славянской азбуки и перевода на славянскій языкъ Священнаго Писанія — 11 мая 1863 г. Различные источники, относящіеся къ жизни и дѣятельности первоучителей славянскихъ, печатались неоднократно въ разныхъ ученыхъ изданіяхъ. Пространныя житія были напечатаны профессоромъ І. М. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ: Константина Философа, въ 16 спискахъ 1863. II, 1864. II, 1873. I;—Меѳодія, въ 8 спискахъ 1865. I. Тамъ же напечатано Похвальное слово свв. Кириллу и Меѳодію, въ 15 спискахъ 1855. II, 1866. II. — Похвальное слово св. Кириллу напечатано въ упомянутомъ уже Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ. Оба житія напечатаны также Шафарикомъ въ его книгѣ: Изборъ юго-славянскихъ достопамятностей. U Praze 1873 г. 2-е изданіе. Въ немъ Шафарикъ раздѣлилъ ихъ на главы; это раздѣленіе удержано и въ предлагаемомъ русскомъ переводѣ.

бодрость и отвергъ лѣность, помня слова апостола: подражайте мнѣ, какъ я Христу (1 Коринѳ. 4,16) [1]).

Происхожденіе Константина.

II. Въ городѣ Солунѣ жилъ одинъ человѣкъ знатнаго рода и богатый, по имени Левъ, занимавшій должность помощника военачальника [2]). Онъ былъ правовѣрующій и соблюдалъ всѣ заповѣди Божіи, подобно библейскому Іову. Богъ благословилъ супружество его, даровавъ ему семерыхъ дѣтей, изъ которыхъ младшій былъ Константинъ философъ, наставникъ и учитель нашъ. Когда мать родила его, взяла ему кормилицу, но младенецъ не хотѣлъ принимать молоко отъ чужой груди, и мать сама должна была вскормить новорожденнаго. Въ этомъ виденъ особый промыслъ Божій, чтобы дитя, вскормленное чистымъ молокомъ материнскимъ, осталось доброй отраслью добраго корня. Съ того времени благочестивые родители дали обѣтъ остаться, какъ братъ и сестра, и такъ жили о Господѣ 14 лѣтъ, пока ихъ не разлучила смерть, не нарушивъ даннаго обѣщанія. Когда отецъ Константина умиралъ, мать оплакивала отрока, говоря: ни о чемъ другомъ я такъ не забочусь, какъ объ этомъ младенцѣ, что съ нимъ будетъ. Отецъ сказалъ ей на это: повѣрь мнѣ, жена, я надѣюсь, что Богъ пошлетъ ему такого отца и попечителя, который печется о всѣхъ христіанахъ, что и сбылось [3]).

---

[1]) Тексты Священнаго Писанія, встрѣчающіеся въ житіяхъ, приводятся по синодальному переводу Библіи.

[2]) По объясненію Горскаго, слова житія: „предръжа санъ другарескъ подъ стратигомъ“ означаютъ, что Левъ былъ „друнгарій подъ стратигомъ“, — это второе лицо послѣ главнаго военачальника.

Изъ сказаннаго здѣсь о происхожденіи Льва видно, что житіе не даетъ точнаго указанія на ту народность, къ которой принадлежали святые первоучители. Но это и неважно. Если они были греками, тѣмъ выше ихъ подвигъ—переводъ Священнаго Писанія на славянскій языкъ и введеніе богослуженія на языкѣ славянскомъ въ тѣхъ славянскихъ земляхъ, въ которыхъ имъ суждено было проповѣдовать христіанство. Если же они были славяне, то лишь по происхожденію; что же касается ихъ культуры, то ею они всецѣло обязаны Византіи. Гораздо важнѣе ихъ происхожденіе изъ Солуня, такого города Византійской имперіи, въ которомъ греки соприкасались съ славянами настолько, что должны были знать и славянскій языкъ. Близость къ славянскому населенію, по крайней мѣрѣ, въ избранныхъ натурахъ могла умѣрять надменность, какую по отношенію къ варварамъ чувствовалъ грекъ, гордый неизмѣримымъ превосходствомъ своей культуры. Этою близостью значительно объясняется самоотверженная дѣятельность святыхъ братьевъ на благо славянъ.

[3]) Такъ какъ составитель житія, говоря о смерти Константина, относитъ

III. Когда Константинъ былъ 7-ми лѣтъ, онъ видѣлъ сонъ. Мнѣ снилось,—разсказывалъ онъ отцу съ матерью,—что стратигъ собралъ всѣхъ дѣвицъ нашего города и сказалъ мнѣ: выбери себѣ изъ нихъ подругой жизни и помощницей, какую хочешь. И я, посмотрѣвъ на всѣхъ, увидѣлъ одну, превосходившую другихъ красотой лица, сіяющую и украшенную златыми монистами, бисеромъ и всякаго рода украшеніями, имя которой было Софія, т.-е. премудрость; ее я и выбралъ. Выслушавъ этотъ разсказъ, родители сказали ему: сынъ, храни заповѣдь отца твоего и не отвергай наставленія матери твоей (Притчи Солом. 6.20). Ибо заповѣдь есть свѣтильникъ и наставленіе—свѣтъ (Притчи Солом. 6.23). Скажи премудрости: ты — сестра моя, и разумъ назови роднымъ твоимъ (Притчи Солом. 7.4). Премудрость свѣтитъ сильнѣе солнца, и, если ее будешь имѣть спутницей въ жизни, она тебя избавитъ отъ многаго зла. Отданный учиться, Константинъ превосходилъ успѣхами прочихъ учениковъ, удивляя всѣхъ быстротою памяти. Одинъ разъ вмѣстѣ съ другими товарищами, имѣвшими обыкновеніе забавляться ястребиною охотой, Константинъ вышелъ въ поле, взявъ своего ястреба. Онъ пустилъ его, но волею Божіей внезапно поднявшійся вѣтеръ унесъ его ястреба; отрокъ впалъ въ такое уныніе и печаль, что два дня ничего не ѣлъ. Милосердный Господь по своему человѣколюбію, не желая дать Константину привыкнуть къ житейскимъ удовольствіямъ, уловилъ его на охотѣ ястребомъ, какъ въ старое время Плакиду оленемъ [1]). Размышляя надъ суетой сей жизни, Константинъ горько жаловался: такова жизнь наша, что взамѣнъ мимолетной радости приноситъ долгую печаль; съ этого дня пойду лучшимъ путемъ, не буду проводить время въ треволненіяхъ жизни. И онъ оставался дома, изучая наизусть творенія Григорія Богослова, которому, начертавъ на стѣнѣ крестное

Дѣтскіе годы.

ее къ 869 году и упоминаетъ, что ему было тогда 42 года, то этимъ самымъ опредѣляется и годъ его рожденія—827.

[1]) Здѣсь разумѣется извѣстное обращеніе въ христіанство Евстафія Плакиды: одинъ разъ на охотѣ Плакида погнался за оленемъ и долго не могъ догнать его, пока, наконецъ, олень не перескочилъ черезъ глубокій ровъ, сдѣлавъ тѣмъ для всадника дальнѣйшее преслѣдованіе невозможнымъ. Подъѣхавшій на конѣ Плакида, взглянувъ на стоявшаго по другую сторону рва оленя, увидѣлъ между его рогами свѣтлый крестъ съ изображеніемъ распятія Христова. Изумленный Плакида услышалъ голосъ: Плакида, что ты Меня гонишь? Я Христосъ. Извѣстны Мнѣ твои благодѣянія и милостыни нищимъ, и ради этого явился Я тебѣ сейчасъ, чтобы уловить тебя Моей человѣколюбивою сѣтью.

знаменіе, написалъ такую похвалу: „О Григорій! тѣломъ человѣкъ, ангелъ душою; ты, будучи тѣломъ человѣкъ, явился ангеломъ. Уста твои, какъ уста серафимовъ, прославляютъ Бога и просвѣщаютъ вселенную толкованіемъ истинной вѣры. Услышь меня, съ вѣрою и любовію къ тебѣ прибѣгающаго, и будь моимъ просвѣтителемъ и учителемъ". Вдумываясь въ творенія Григорія Богослова, Константинъ невсегда постигалъ глубокій смыслъ ихъ, что̀ приводило его въ великое уныніе. Случился въ это время въ Солунѣ странствующій учитель грамматики, и Константинъ, придя къ нему и припадая къ его ногамъ, умолялъ поучить его грамматическому искусству; но учитель этотъ, зарывшій свой талантъ въ землю, сказалъ ему: юноша, не трудись: я отказался кого бы то ни было учить наукѣ этой во всѣ дни моей жизни. Напрасно вторично со слезами просилъ его Константинъ, говоря: возьми всю долю моего отцовскаго наслѣдства, только научи меня. Не хотѣлъ послушать его учитель, и юношѣ оставалось снова искать утѣшенія въ молитвѣ объ исполненіи его сердечнаго желанія. И ждать пришлось недолго: Богу угодно было въ скоромъ времени исполнить волю боящагося Его. Царскій опекунъ, называемый Логоѳетъ, до котораго дошли слухи о красотѣ, мудрости и прилежныхъ занятіяхъ Константина, послалъ за нимъ, вызывая его въ Царьградъ учиться вмѣстѣ съ императоромъ [1]). Услышавъ это, отрокъ съ радостію отправился въ путь и на пути, преклонивъ колѣна, горячо молился: Боже отцовъ и Господи милости, сотворившій все словомъ Твоимъ и премудростію Твоею устроившій человѣка, чтобы онъ владычествовалъ надъ созданными тобою тварями. Даруй мнѣ присѣдящую престолу Твоему премудрость, да разумѣю, въ чемъ воля Твоя, и спасусь я, рабъ Твой и сынъ рабы Твоей (Прем. Солом. 9.1—2; 4—5), и, окончивъ молитву Соломона, всталъ и сказалъ: аминь.

Годы ученья въ Царь-градѣ.

IV. Когда Константинъ прибылъ въ Царьградъ, его отдали учиться. Въ три мѣсяца изучивъ грамматику, онъ приступилъ къ изуче-

---

[1]) Михаилу въ это время (въ 842 году) было всего только три года и, понятное дѣло, Константинъ не могъ учиться вмѣстѣ съ нимъ. Неточность этого указанія исправляется ниже, въ слѣдующей главѣ, гдѣ идетъ рѣчь о занятіяхъ Константина и гдѣ ни слова не сказано, чтобы онъ учился съ царемъ.

Вызвавшій Константина Ѳеоктистъ Логоѳетъ былъ однимъ изъ опекуновъ малолѣтняго Михаила въ годы управленія имперіей его матери св. Ѳеодоры.

нію прочихъ наукъ. Учился Гомеру и геометріи у Льва [1]), діалектикѣ и предметамъ философскимъ у Фотія [2]); учился также и реторикѣ, ариѳметикѣ, астрономіи, музыкѣ и всѣмъ прочимъ искусствамъ эллинскимъ [3]). Всѣ эти предметы Константинъ изучилъ такъ, какъ другой на его мѣстѣ изучилъ бы лишь одинъ изъ нихъ: быстрота его способностей не уступала прилежанію, что̀ содѣйствуетъ успѣхамъ въ изученіи наукъ и искусствъ. Онъ отличался кротостью характера, вступалъ въ бесѣду съ тѣмъ, съ кѣмъ она была полезнѣе, удалялся людей строптивыхъ, стремясь какъ бы, перемѣнивъ земное на небесное, выйти изъ оковъ тѣла и жить съ Богомъ. Увидѣвъ, что онъ за человѣкъ, Логоѳетъ далъ ему власть надъ всѣмъ домомъ своимъ и позволеніе входить въ царскій дворецъ; и спросилъ его разъ: философъ, я хотѣлъ бы знать, что такое философія? Не задумываясь, отвѣчалъ Константинъ: познаніе Божескихъ вещей и человѣческихъ, насколько можетъ человѣкъ приблизиться къ Богу и добродѣтелью уподобиться Творцу, создавшему его по Своему образу и подобію. Съ тѣхъ поръ Логоѳетъ, мужъ столь высокій и почтенный, еще болѣе полюбилъ его и разспрашивалъ о всемъ. Константинъ преподалъ ему философію, въ краткія слова влагая глубокій смыслъ. Сохраняя чистоту мысли, ведя жизнь угодную Богу, Константинъ пріобрѣталъ всеобщую любовь. И Логоѳетъ оказывалъ ему всякую честь и нерѣдко предлагалъ много злата, отъ котораго онъ отказывался. Разъ Логоѳетъ сказалъ ему: твоя красота и мудрость внушаютъ мнѣ сильную любовь къ тебѣ. У меня есть дочь духовная, моя крестница, красивая и богатая, знатная родомъ; если хочешь, я отдамъ ее

---

[1]) Это былъ, вѣроятно, Левъ, митрополитъ солунскій, который съ возстановленіемъ иконопочитанія послѣ Ѳеофила, лишившись каѳедры, сдѣлался начальникомъ основаннаго Вардою училища въ Константинополѣ и учителемъ философіи.

[2]) Это былъ знаменитый впослѣдствіи патріархъ константинопольскій Фотій, тогда еще свѣтскій чиновникъ и молодой человѣкъ.

[3]) У придворныхъ преподавателей Константинъ выслушалъ полный тогдашній курсъ наукъ, состоявшій изъ такъ называемыхъ trivium'а и quadrivium'а; при этомъ въ грамматикѣ, которая должна быть понимаема въ болѣе обширномъ смыслѣ филологіи и къ которой онъ имѣлъ особенную природную склонность, онъ показалъ успѣхи чрезвычайно быстрые, а въ наукахъ философскихъ, которыя преподавалъ Фотій,—успѣхи столько серьезные, что прозваніе философа, съ которымъ онъ извѣстенъ, было усвоено ему еще во время ученія (Святые Константинъ и Меѳодій, первоучители славянскіе.—Голубинскій, стр. 164).

за тебя; отъ императора ты получишь теперь великую честь и княженіе, а ожидай еще бо́льшей почести: вскорѣ будешь стратигомъ.—Великъ даръ, который ты предлагаешь,—отвѣчалъ ему философъ,—требующимъ его, но для меня нѣтъ ничего выше ученія, которымъ обогативъ умъ, хочу искать прадѣдовской чести и богатства (ср. главу IX и главу XI). Выслушавъ такой отвѣтъ, Логоѳетъ пошелъ къ императору и сказалъ: нашъ философъ не любитъ житія сего, и, чтобы не отпустить его отъ себя, пострижемъ его въ священный санъ и отдадимъ на службу; пусть будетъ библіотекаремъ у патріарха при храмѣ св. Софіи [1]); по крайней мѣрѣ, такимъ образомъ, его удержимъ. Такъ и сдѣлали. Недолго пробывъ въ этой должности, Константинъ удалился на берега Золотого Рога [2]) и скрылся въ одномъ монастырѣ. Шесть мѣсяцевъ искали его и едва нашли. Не находя возможнымъ принудить его къ исполненію прежней службы, упросили его принять званіе учителя философіи для грековъ и иностранцевъ [3]). И онъ его принялъ.

Диспутъ Константина съ патріархомъ Анніемъ (иконоборцемъ).

V. Въ это время константинопольскій патріархъ Анній [4]) продолжалъ еще учить иконоборческой ереси, говоря: не почитайте святыхъ иконъ. Былъ собранъ соборъ по этому случаю, на которомъ были обличены его заблужденія, а самъ онъ былъ лишенъ патріаршества. Но это не помогло; Анній говорилъ: насиліемъ изгнали меня, не могли побѣдить въ преніяхъ—никто не можетъ противостать словамъ моимъ. Тогда царь и вельможи, приготовивъ философа, послали къ Аннію съ такими словами: если побѣдишь этого юношу въ спорѣ, получишь обратно престолъ патріаршій. Анній, увидѣвъ философа, столь юнаго возрастомъ, и посланныхъ съ нимъ, сказалъ имъ: вы всѣ недостойны моего подножія, какъ я буду съ

---

[1]) Строго говоря, особой должности библіотекаря въ Константинополѣ не было; но была должность хартофилакса, который былъ какъ бы секретаремъ патріарха. Въ его вѣдѣніи была и патріаршая библіотека. Въ дѣяніяхъ 7-го вселенскаго собора хартофилаксъ, вѣроятно, и называется βιβλιοφύλαξ τοῦ εὐαγοῦς πατριαρχείου.

[2]) Въ славянскомъ текстѣ: Узкое море—переводъ греческаго στενόν; въ русскихъ памятникахъ—Судъ.

[3]) Вѣроятно, отсюда и произошло наименованіе Константина философомъ какъ въ славянскихъ источникахъ: въ Сборникѣ 1076 г., въ мѣсяцесловѣ Остромирова Евангелія и въ древнѣйшихъ прологахъ, такъ и въ латинскихъ, напр., у Анастасія библіотекаря въ дѣяніяхъ собора константинопольскаго 869 г., въ посланіи папы Іоанна VIII къ Святополку отъ 880 г., въ древнѣйшихъ латинскихъ легендахъ и проч.

[4]) Патріархъ Анній или Іаннесъ, по смерти императора Ѳеофила низложенный съ престола, извѣстенъ упорствомъ въ иконоборческихъ мысляхъ.

вами спорить?—Суди не по-людски, а по-Божьему,—отвѣчалъ философъ,—вѣдь ты, какъ и всѣ мы, изъ земли и души созданъ Богомъ, а потому, смотря въ землю, человѣкъ, не возносись.—Не подобаетъ осенью искать цвѣтовъ и старца гнать на войну, какъ какого-нибудь юношу,—сказалъ Анній.—Самъ говоришь противъ себя,—отвѣчалъ ему философъ,—скажи, въ какомъ возрастѣ душа сильнѣе тѣла?—Въ старости,—отвѣчалъ Анній.—На какую брань мы тебя гонимъ, на тѣлесную или на духовную?—На духовную,—отвѣчалъ Анній.—Въ такомъ случаѣ ты насъ сильнѣе,—сказалъ философъ,—а потому не говори такихъ притчъ; не безъ времени ищемъ цвѣтовъ, не безъ времени вызываемъ тебя на бой.—Посрамленный такими словами Анній на другой предметъ обратилъ бесѣду: скажи мнѣ, юноша, отчего вы не поклоняетесь кресту, когда онъ разломанъ, и не лобзаете его, а иконѣ, если она и до персей только написана, не стыдитесь воздавать поклоненіе?—Крестъ имѣетъ четыре части,—отвѣчалъ философъ,—и если недостаетъ одной части его, уничтожается образъ креста, а икона лицомъ изображаетъ образъ того, по подобію котораго она написана; не лицо льва, не лицо рыси видитъ, кто на нее смотритъ, а образъ того, въ честь кого она написана.—Какимъ образомъ вы поклоняетесь кресту безъ надписанія,—продолжалъ старецъ,—хотя есть и другого рода изображенія креста, а иконѣ вы не воздаете чести, если не будетъ написано имени того, кого она изображаетъ?—Всякій крестъ имѣетъ сходство съ крестомъ Христовымъ,—отвѣчалъ философъ,—а иконы не всѣ изображаютъ одинъ образъ.—Богъ говорилъ Моисею: да не сотворимъ всякаго подобія,—сказалъ старецъ,—какимъ же образомъ вы, создавая подобія, поклоняетесь имъ?—Если бы Богъ сказалъ: не сотвори никакого подобія,—отвѣчалъ на это философъ,—ты былъ бы правъ; но Богъ сказалъ: не сотвори всякаго подобія, т.-е. недостойнаго. Не могъ возразить на эти слова старецъ и, посрамленный, умолкъ.

Сарацинская миссія.

VI. Послѣ того агаряне, называемые сарацинами, воздвигли хулу на божество Святой Троицы, говоря: какъ вы, христіане, признавая одного Бога, дѣлаете изъ Него трехъ, утверждая, что есть Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ? Если вы можете объяснить это публично, то пришлите къ намъ такихъ людей, которые могутъ говорить объ этомъ и съ нами спорить. Философу было тогда 24 года. Императоръ, созвавъ соборъ, призвалъ его и сказалъ ему: слышишь ли, философъ, что говорятъ на нашу вѣру скверные агаряне? Ты, слуга и ученикъ Св. Троицы, ступай и вступи въ борьбу съ ними,

и Богъ, совершитель всякаго дѣла, славимый въ Троицѣ Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ, да подастъ тебѣ благодать и силу слова и явитъ тебя другимъ Давидомъ, съ тремя камнями побѣдившимъ Голіаѳа, и да возвратитъ тебя къ намъ, сподобивъ небеснаго царствія. — Услышавъ это, Константинъ отвѣчалъ: съ радостью иду за христіанскую вѣру: что можетъ быть для меня отраднѣе въ этой жизни, какъ жить во Святой Троицѣ и умереть, исповѣдуя ее? Вмѣстѣ съ нимъ послали Георгія Асикрита. Прибывъ туда, они тотчасъ же были свидѣтелями того, какъ сарацины глумились надъ жившими въ ихъ владѣніяхъ христіанами, оскорбляя ихъ чувства. На дверяхъ христіанскихъ домовъ съ наружной стороны были написаны изображенія демоновъ. Агаряне спросили философа: понимаешь ли, философъ, что обозначаютъ эти изображенія? — Вижу изображенія демоновъ,—отвѣчалъ онъ,—и думаю, что внутри этихъ домовъ живутъ христіане, съ которыми вмѣстѣ демоны жить не могутъ и бѣгутъ вонъ. А гдѣ нѣтъ снаружи ихъ изображеній, съ тѣми они живутъ внутри. — Сидя за обѣдомъ, сарацины, гордые книжной мудростью, знавшіе геометрію, астрономію и другія науки, испытывали Константина, говоря: философъ, не дивное ли чудо видно въ томъ, что пророкъ Магометъ принесъ намъ благовѣстіе отъ Бога и обратилъ въ свою вѣру многихъ людей, и всѣ мы хранимъ данный намъ законъ, ни въ чемъ отъ него не отступая; а вы, христіане, исповѣдуете Христовъ законъ одни такъ, другіе иначе, кому какъ угодно.—Отвѣчалъ на это философъ: нашъ Богъ подобенъ морской пучинѣ. Пророкъ говоритъ о немъ: родъ Его кто исповѣсть? отъ земли вземлется животъ Его (Ис. 53, 8). Въ поискахъ Его многіе входятъ въ эту пучину, и сильные умомъ, обогащая свой разумъ, переплываютъ пучину и возвращаются, а слабые, подобно людямъ, покушающимся переплыть море въ гнилыхъ корабляхъ, — одни утопаютъ, другіе же, ослабляемые лѣностью, съ трудомъ совершаютъ путь. Не таково ваше ученіе: оно легко и доступно всякому, и старому, и малому; оно не возвышается надъ людскими привычками: его всякій можетъ исполнить. И не далъ вамъ вашъ пророкъ никакой заповѣди, не удержалъ вашего гнѣва и похоти, но попустилъ имъ,—въ какую онъ пропасть тѣмъ самымъ можетъ васъ вринуть, мудрый да разумѣетъ. Не такъ Христосъ: подвигами вѣры и добродѣтели Онъ постепенно возводитъ человѣка отъ низшаго къ высшему, до полнаго совершенства. Творецъ всяческихъ между ангелами и животными сотворилъ человѣка, даромъ слова и разумомъ отдѣливъ его отъ животныхъ, а

гнѣвомъ и похотью отъ ангеловъ; кто къ чему приближается, тотъ и пріобщается или высокаго, или низкаго.—Спросили его снова: какъ единаго Бога славите, какъ трехъ, называете Его Отцомъ, Сыномъ и Духомъ? Если такъ, дайте Ему и жену, чтобы отъ Него расплодились многіе боги. — Не говорите такой безумной хулы, — отвѣчалъ на это философъ,—мы хорошо научены пророками, отцами и учителями славить Троицу, Отца, Слово и Духъ, три лица въ единомъ существѣ: Слово воплотилось въ Дѣвѣ и родилось нашего ради спасенія, какъ свидѣтельствуетъ и вашъ пророкъ Магометъ, написавъ такъ: мы послали духъ нашъ къ дѣвѣ, соизволивъ на то, чтобы она родила; его устами возвѣщаю вамъ Троицу.—Пораженные этими словами магометане обратились къ другимъ предметамъ: если это такъ, гость нашъ, какъ ты говоришь, — сказали они,—если Христосъ—Богъ вашъ, то отчего же вы не поступаете, какъ Онъ повелѣваетъ? Въ Евангеліи писано: молитесь за враговъ вашихъ, благотворите ненавидящимъ и преслѣдующимъ васъ, обращайте ланиту біющимъ (Матѳ. 5.); но вы не такъ поступаете, а острите оружіе ваше противъ тѣхъ, которые поднимаютъ его на васъ.—Когда въ законѣ есть двѣ заповѣди,—отвѣчалъ на это философъ, — кто исполняетъ законъ: тотъ ли, кто соблюдаетъ одну заповѣдь или кто обѣ?—Конечно, тотъ, кто обѣ,—отвѣчали они.—Философъ продолжалъ: Господь сказалъ: молитесь за обижающихъ васъ (Матѳ. 5, 44); но сказалъ также: нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ (Іоан. 15. 13). Ради друзей мы такъ и дѣлаемъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣломъ не была плѣнена душа ихъ. — И снова спросили его: Христосъ далъ дань за Себя и другихъ; отчего же вы этого не дѣлаете? Если не хотите платить за себя, то отчего, по крайней мѣрѣ, такому великому и сильному народу, каковы измаильтяне, не даете дани за вашихъ братій и друзей; мы немного и просимъ: одну золотую монету, и, пока свѣтъ стоитъ, сохранимъ между собою миръ, не нарушая его, какъ другіе.—Отвѣчалъ философъ: если кто, имѣя учителя, желаетъ идти по его слѣдамъ и встрѣтитъ другого, который совращаетъ его, другъ или врагъ ему будетъ такой человѣкъ?—Врагъ, — отвѣчали они.—Когда Христосъ далъ дань, — сказалъ тогда философъ,—чье было царство? измаильтянское или римское?—Конечно, римское,—отвѣчали они.—Можно ли въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—ставить намъ въ вину, что мы всѣ даемъ дань римлянамъ? [1])—

[1]) Римлянамъ, т.-е. грекамъ. Византійскіе греки называли себя ромеями, а свою имперію—ромейскою.

Послѣ этого много и другихъ вопросовъ предлагали ему, испытывая его знанія во всѣхъ искусствахъ, какія знали сами. И Константинъ на все давалъ имъ объясненіе, и во всемъ верхъ былъ на его сторонѣ, такъ что они сказали ему: какъ это ты все знаешь?— Отвѣчалъ философъ: одинъ человѣкъ, почерпнувъ морской воды, носилъ ее въ мѣхѣ и хвалился прохожимъ: смотрите, вотъ вода, которой нѣтъ ни у кого, кромѣ меня. Подошелъ тогда къ нему житель морскихъ береговъ и сказалъ: не стыдно ли тебѣ говорить такъ и хвастаться этимъ смердящимъ мѣхомъ, когда мы имѣемъ цѣлую пучину морскую. Такъ и вы поступаете; а отъ насъ пошли всѣ искусства [1].—Послѣ этого повели его въ старинный садъ, въ которомъ было много рѣдкихъ растеній, и онъ имъ объяснилъ, какъ они произрастаютъ. Тогда показали ему все ихъ богатство, палаты, украшенныя золотомъ и серебромъ, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Смотри, философъ, какія чудеса ты видишь,—говорили они,—какъ велика сила, какъ несмѣтно богатство амерумны [2]), сарацинскаго владыки. Не удивительно это,—сказалъ Константинъ,— почесть и слава Богу, сотворившему все сіе и давшему на утѣшеніе людямъ; Ему принадлежитъ все это, а не кому-либо другому.— Услышавъ такія слова, мусульмане не могли сдержать злобы и дали ему выпить яду; но милостивый Богъ, сказавшій: если и что смертоносное выпьютъ, не повредитъ имъ (Марк. 16, 18), спасъ его и возвратилъ здоровымъ въ свою землю.

VII. Спустя нѣкоторое время, Константинъ отрекся отъ міра и жилъ въ уединеніи и безмолвіи, внемля себѣ одному и ничего не оставляя на завтрашній день, все раздавая нищимъ, возлагая надежду на одного Бога, Который каждый день о всѣхъ печется.

---

[1]) Въ этой притчѣ и заключительныхъ словахъ всего лучше выразилось убѣжденіе Константина въ превосходствѣ греческой культуры предъ арабской.

[2]) А. В. Горскій полагалъ, что Константинъ былъ не у самаго халифа Джафара Мотавакела (847 — 861), а у эмира мелитинскаго, котораго, по словамъ продолжателя Константина Порфирогенета, Ἄμβρον ἐκάλεσαν οἱ πολλοί. Но позднѣйшіе изслѣдователи, Голубинскій и за нимъ Малышевскій, склоняются къ мнѣнію, что Константинъ былъ у самого халифа, арабскій титулъ котораго — Эмиръ-Аль-Муменинъ (глава правовѣрныхъ) — передается по-гречески ἀμερούμνης, ἀμερμουμνης, ἀμεραμνούνης, а отсюда въ славянскихъ текстахъ житія: богатство много амермніино владыки срацинска (списокъ 1479 г. Бод. № XIII, амермніино Бод. № V, амавріино Бод. № I). Великое богатство, роскошнѣйшіе дворцы и необыкновенные сады, показанные Константину, ясно указываютъ не на иного кого, какъ на самого халифа.

Разъ, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, когда слуга его съ печалію говорилъ: ничего не имѣемъ въ такой великій праздникъ, сказалъ ему Константинъ: Напитавшій израильтянъ въ пустынѣ пошлетъ и намъ здѣсь пищу; ступай и позови, по крайней мѣрѣ, пять человѣкъ нищихъ и не отчаивайся въ Божіей помощи. И, когда было время обѣда, принесъ одинъ человѣкъ много разныхъ яствъ и десять золотыхъ монетъ. И воздалъ Константинъ хвалу Богу за все это. Вскорѣ онъ отправился на Олимпъ [1]) къ брату своему Меѳодію и жилъ тамъ, возсылая безпрестанно молитвы къ Богу, занимаясь однимъ лишь чтеніемъ книгъ.

Хазарская миссія.

VIII. Въ это время прибыли къ императору послы отъ хазаръ, которые говорили: мы съ незапамятныхъ временъ знаемъ единаго Бога, который надъ всѣми, и поклоняемся Ему на востокъ, сохраняя при этомъ нѣкоторые постыдные обычаи свои; евреи убѣждаютъ насъ принять ихъ вѣру, а сарацины, съ другой стороны, обѣщая намъ миръ и многіе дары, склоняютъ насъ къ своей вѣрѣ, говоря: наша вѣра лучшая, чѣмъ другихъ народовъ. Поэтому мы посылаемъ къ вамъ пословъ, храня старинную дружбу и любовь къ вамъ, ибо вы народъ великій и отъ Бога владѣете царствомъ; спрашивая вашего совѣта, просимъ прислать къ намъ человѣка книжнаго, чтобы принять вашу вѣру, если онъ одержитъ верхъ въ спорахъ съ евреями и сарацинами. Императоръ, отыскавъ философа, объяснилъ ему дѣло хазарское и сказалъ: иди, философъ, къ этимъ людямъ и бесѣдуй о св. Троицѣ съ Ея помощью: никто другой не можетъ этого достойно принять на себя.—Константинъ отвѣчалъ: если приказываешь, государь, съ радостью иду на это дѣло пѣшій, босой и безо всего, согласно заповѣди Христа своимъ ученикамъ.—Отвѣчалъ на это царь: хороши твои слова, если бы ты самъ по себѣ хотѣлъ дѣйствовать, но, какъ представитель царскій, блюдя честь государства, иди съ почетомъ и помощью царя. Константинъ тотчасъ отправился и сначала остановился въ Херсонѣ; здѣсь научился онъ еврейскому языку, перевелъ восемь частей грамматики и, благодаря этому труду, достигъ болѣе глубокаго знанія въ языкѣ еврейскомъ [2]). Жилъ въ Херсонѣ одинъ

---

[1]) Здѣсь разумѣется Олимпъ малоазійскій (на юго-востокѣ отъ Бруссы), усѣянный многими монастырями.

[2]) Горскій объ этомъ переводѣ замѣтилъ: „Неизвѣстно, съ какого и на какой языкъ и для кого“. Малышевскій, напоминая при этомъ рано обнаружившійся въ Константинѣ интересъ къ изученію грамматики (сравни 3 главу житія), замѣчаетъ: „Съ тѣхъ именно поръ могъ у него сложиться навыкъ

самарянинъ, который приходилъ къ нему спорить, приносилъ и показывалъ ему книги самарянскія; философъ попросилъ у него эти книги и, затворившись у себя въ домѣ, отдался молитвѣ и, умудренный Богомъ, началъ читать книги безъ ошибки. Видя это, самарянинъ воскликнулъ: воистину вѣрующіе во Христа получаютъ благодать Святаго Духа. И крестился самъ и сынъ его. Тутъ же, въ Херсонѣ, нашелъ Константинъ евангеліе и псалтырь, написанныя русскими письменами, и человѣка нашелъ, говорившаго русскимъ языкомъ, и говорилъ съ нимъ; и, усвоивъ этотъ новый языкъ, сравнивалъ его письмена, гласныя и согласныя, съ своимъ языкомъ и скоро началъ читать на новомъ языкѣ и могъ объяснять прочитанное [1]). И дивились ему, хваля Бога. Здѣсь же, въ Херсонѣ, узнавъ, что св. Климентъ еще лежитъ въ морѣ, помолившись, Константинъ сказалъ: вѣрую въ Бога и надѣюсь на св. Климента, обрѣту его мощи и вынесу ихъ изъ моря. Онъ убѣдилъ архіепископа и духовенство, и благочестивыхъ мужей сѣсть на корабль и отправиться на то мѣсто. Море было совершенно покойно, и пріѣхавшіе начали копать берегъ съ пѣніемъ молитвъ. И тотчасъ распространилось благоуханіе, словно отъ множества кадилъ. И вслѣдъ затѣмъ явились св. мощи; взявъ ихъ, съ великою честью и славою внесли въ городъ, какъ онъ объ этомъ пишетъ въ обрѣтеніи мощей святого [2]). Въ это время воевода хазарскій съ вой-

Обрѣтеніе мощей св. Климента.

изучать языкъ научно-грамматически, что̀ тѣмъ болѣе должно было имѣть мѣсто при изученіи чужого языка. А что въ IX в. уже существовали еврейскія грамматики, еврейскіе лексиконы, что между учеными евреями были тогда грамматики, лексикографы,—это признается изслѣдователями еврейской литературы".—Прибавимъ къ этому, что въ древней славянской литературѣ есть одинъ грамматическій трудъ съ такимъ заглавіемъ: Осьмь честыи слова, елико глаголемь и пишемь", въ нѣкоторыхъ спискахъ приписываемый Іоанну Дамаскину: книга святаго Іоанна Дамаскина философская. О осми частехъ. Рук. Синод. библ. № 156. Переводъ этого труда на славянскій языкъ приписывается нѣкоторыми Іоанну, экзарху болгарскому.

[1]) Русское евангеліе, о которомъ говорится въ этой главѣ, есть, по всей вѣроятности, готскій переводъ евангелія Ульфилы, а русскій человѣкъ, упоминаемый здѣсь, есть, вѣроятно, варяго-руссъ. Таково мнѣніе большинства ученыхъ. Объясненіе, которое предлагали Горскій и др., видѣвшіе въ этомъ извѣстіи житія вставку, теперь можно считать излишнимъ. Тексты житія дошли до насъ въ большомъ количествѣ списковъ, и всѣ списки согласны въ существенныхъ подробностяхъ.

[2]) Въ этомъ мѣстѣ житіе даетъ намъ интересное указаніе на то, что обрѣтеніе мощей св. Климента, папы римскаго, котораго Константинъ былъ главнымъ виновникомъ, было имъ описано. Въ открытомъ недавно профес. Фридрихомъ письмѣ библіотекаря Анастасія къ епископу Гавдерику это

сками осадилъ одинъ изъ близкихъ къ Херсону городковъ; узнавъ объ этомъ, философъ не полѣнился придти къ нему и, вступивъ съ нимъ въ бесѣду и давъ ему наставленіе, настолько укротилъ его, что онъ обѣщалъ ему креститься, и удалился, не причинивъ никакого вреда христіанамъ осажденнаго городка; а Константинъ отправился въ обратный путь; и въ первый часъ [1]), за молитвою напали на него угры, завывая, какъ волки, думали убить его. Но Константинъ, окончившій службу, не устрашился ихъ и не оставилъ своей молитвы, взывая: Господи, помилуй! Увидѣвъ его молящимся, по Божію повелѣнію, угры смягчились и начали кланяться ему; и, выслушавъ изъ устъ его наставленіе, отпустили его вмѣстѣ со всей его дружиной.

Бесѣды съ хазарами.

IX. Сѣвъ на корабль, Константинъ отправился въ Хазарію, на Меотійское озеро (Азовское море) и къ Каспійскимъ воротамъ Кавказскихъ горъ [2]). Хазаре выслали ему навстрѣчу хитраго человѣка, который вступилъ съ нимъ въ бесѣду и сказалъ ему: дурной у васъ обычай, вы ставите вмѣсто одного царя другого изъ иного рода, а мы управляемся однимъ родомъ [3]).—Отвѣчалъ ему философъ: Богъ вмѣсто Саула, не поступавшаго Ему угодно,

---

извѣстіе житія вполнѣ подтверждается. Изъ письма Анастасія видно, что Константинъ философъ написалъ на греческомъ языкѣ три сочиненія, относящіяся къ чествованію св. Климента: 1) историческую повѣсть, 2) торжественное слово и 3) стихотворную похвалу. По мнѣнію проф. Ягича, первое сочиненіе имѣетъ въ виду данное мѣсто житія Кирилла; а со вторымъ ближе соприкасается помѣщанное въ Макарьевскихъ Четьяхъ Минеяхъ подъ 23 янв.: „слово на перенесеніе мощемъ преславнаго Климента историческую бесѣду имуще“. Напечатано въ Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ, 319—326. Еще вѣроятнѣе, что славянскій переводъ этой статьи съ греческаго въ томъ видѣ, какъ онъ до насъ дошелъ, представляетъ передѣлку, составленную изъ обоихъ названныхъ сочиненій Константина, на что указываетъ какъ заглавіе статьи, такъ и ея содержаніе. Въ первой части ея преобладаетъ историческій разсказъ, а конецъ имѣетъ характеръ похвальнаго слова. Подробности объ открытіи проф. Фридриха въ брошюрѣ И. В. Ягича: Вновь найденное свидѣтельство о дѣятельности Константина Философа. С.-Петербургъ. 1893 г.

[1]) Здѣсь, вѣроятно, разумѣется совершеніе богослуженія перваго часа, отчего ниже и сказано: онъ уже кончилъ службу.

[2]) Слѣды пребыванія хазаръ близъ Каспійскаго моря сохранились въ наименованіи его хазарскимъ.

[3]) О томъ, что хазары жили родовымъ бытомъ, говоритъ также Іоаннъ, экзархъ болгарскій, въ Шестодневѣ, гдѣ сказано: и въ блъгарѣхъ испрьва роды бываютъ кнези. сынъ въ отьца мѣсто и братръ въ брата мѣсто. и козарѣхъ такожде слышимъ бывающе. Листъ 130 (долженъ быть 140) изданія Бодянскаго.

избралъ Давида, угождающаго Ему, и родъ его.—Тогда хазаринъ продолжалъ: вы съ книгами въ рукахъ говорите всѣ притчи, а мы не такъ; но, какъ бы поглотивши всю мудрость, выносимъ изъ персей, не гордясь такъ писаніемъ, какъ вы.—На эти слова отвѣчу тебѣ такъ, сказалъ ему философъ: если ты встрѣтишь нагого человѣка и онъ тебѣ скажетъ: есть у меня много одеждъ и много золота, повѣришь ли ты, видя его нагимъ?—Сказалъ: нѣтъ.—Философъ продолжалъ: такъ и я говорю тебѣ: если ты поглотилъ всю мудрость, то скажи мнѣ, сколько родовъ отъ Адама до Моисея и сколько лѣтъ владѣлъ каждый родъ?—Не въ состояніи будучи дать отвѣтъ на это, собесѣдникъ умолкъ. Когда пришли къ кагану и стали садиться обѣдать, спросили его, обратившись къ нему: какъ намъ почтить тебя, чтобы посадить сообразно съ твоимъ саномъ?—Отвѣчалъ Константинъ: я имѣлъ дѣда великаго и славнаго, который стоялъ близко къ царю и, отвергнувъ добровольно данную ему великую честь, былъ изгнанъ, и, удалившись въ чуждую страну, обнищалъ, и тамъ меня родилъ. Я ищу эту старую дѣдову честь и не заслужилъ иной, ибо я внукъ Адамовъ.—Достойно и справедливо говоришь ты, гость, отвѣчали они; и стали относиться къ нему тѣмъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ. За обѣдомъ каганъ, взявъ чашу, сказалъ: я пью во имя единаго Бога, сотворившаго всякую тварь.—Въ отвѣтъ на это философъ, взявъ чашу, произнесъ: пью во имя единаго Бога и Его Слова, сотворившаго однимъ словомъ всякую тварь, Которымъ небеса утвердились, и животворящаго Духа, Которымъ стоитъ вся сила ихъ.—Отвѣчалъ ему каганъ: мы всѣ одинаково говоримъ о немъ, различно только Его понимаемъ. Вы славите Троицу, а мы единаго Бога, придерживаясь книгъ.—Слово и Духъ проповѣдуютъ книги, отвѣчалъ философъ: если кто тебѣ воздастъ честь, а слова твоего и духа твоего не чтитъ, а другой чтитъ и тебя, и твое слово, и твой духъ, который изъ двухъ воздастъ тебѣ большую честь?—Тотъ, который чтитъ и меня, и мое слово, и мой духъ, отвѣчалъ каганъ.—Поэтому самому мы поступаемъ лучше въ отношеніи къ Богу, доказывая это дѣлами и слушая пророковъ. Ибо Исаія сказалъ: слушайте меня, Іаковъ и Израиль, призванный Мой; Я первый, Я и послѣдній, Я былъ тамъ, и нынѣ послалъ Меня Господь Богъ и Духъ Его (Исаія 48.12—16).—Тогда іудеи, стоявшіе около него, сказали ему: скажи, какъ можетъ женскій полъ вмѣстить во чревѣ Бога, на Котораго и взирать не можетъ, а тѣмъ менѣе родить Его?—Философъ, указавъ пальцемъ на кагана и на его перваго совѣтника, отвѣчалъ: если

кто скажетъ, что первый совѣтникъ не можетъ угостить кагана, а послѣдній его рабъ можетъ и угостить кагана, и воздать ему честь, скажите мнѣ, какъ мы назовемъ такого человѣка: умнымъ или неразумнымъ?—Конечно, неразумнымъ, и даже очень.—А какое изъ видимыхъ твореній, продолжалъ философъ, самое совершенное?—Человѣкъ, отвѣчали ему, ибо онъ созданъ по образу Божію.—Если такъ, сказалъ философъ, то какъ громъ не убьетъ тѣхъ, которые говорятъ: Богъ не можетъ вмѣститься въ человѣка, когда Онъ и въ купину вмѣщался и въ облакъ, бурю и дымъ, являясь Моисею и Іову. Ибо какимъ образомъ можетъ болящій получить исцѣленіе отъ другого болящаго, и родъ человѣческій, пришедшій въ истлѣніе, отъ кого могъ получить обновленіе, какъ не отъ самого Творца своего. Скажите мнѣ: если врачъ хочетъ приложить пластырь болящему, приложитъ ли его къ дереву или камню и исцѣлится ли такимъ образомъ больной? И Моисей, простерши руки, въ молитвѣ сказалъ Духомъ Святымъ: въ громѣ и гласѣ трубномъ не являйся къ намъ, Господи щедрый, но вселись въ наши утробы, отнявъ наши грѣхи. Такъ говоритъ Акила [1].—Послѣ этихъ словъ разошлись съ обѣда, назначивъ день для дальнѣйшаго собесѣдованія.

Пренія съ іудеями.

X. Снова сѣвъ съ каганомъ, философъ сказалъ: я одинъ среди васъ, безъ рода и друзей. Мы споримъ о Богѣ, въ рукахъ Котораго всяческая и сердца наши. Тѣ изъ васъ, которые сильны словомъ, когда поймутъ нашу бесѣду, пусть скажутъ: это такъ, а чего не поймутъ, пусть просятъ объясненій.—Мы придерживаемся въ писаніи не буквы, а духа, отвѣчали іудеи: скажи намъ, какой законъ Богъ далъ людямъ сначала? Моисеевъ или тотъ, который вы держите?—Потому ли спрашиваете, что держитесь перваго закона? сказалъ философъ.—Да, подобаетъ держаться перваго, отвѣчали они.—Если хотите держаться перваго закона, продолжалъ философъ, то оставьте обрѣзаніе.—Почему говоришь такъ? спросили они.—Скажите мнѣ правду, отвѣчалъ философъ, въ обрѣзаніи ли данъ первый законъ или въ необрѣзаніи?—Они отвѣчали: мы ду-

---

[1]) Грекъ Акила, извѣстный при императорѣ Адріанѣ, принявшій хр. крещеніе, но ставшій въ христіанствѣ сторонникомъ іудейства, или іудействующимъ христіаниномъ, перевелъ Ветхій Завѣтъ съ еврейскаго на греческій языкъ.

Въ дошедшихъ до насъ рукописныхъ библейскихъ текстахъ, именно въ Книгахъ Царствъ, встрѣчаются ссылки на Акилу на ряду съ другими переводчиками и толкователями Ветхаго Завѣта.

маемъ—въ обрѣзаніи.—Философъ сказалъ: не Ною ли Богъ далъ законъ вначалѣ, послѣ отпаденія Адама, называя законъ завѣтомъ? Ибо Онъ сказалъ ему: вотъ Я поставляю завѣтъ мой съ тобой, и съ сѣменемъ твоимъ, и со всѣмъ потомствомъ твоимъ (Быт. 9.9) въ трехъ заповѣдяхъ. И все ѣшьте, какъ и зелень травную, что есть въ поднебесной, и что на землѣ, и что въ водахъ, только плоти съ душою ея, съ кровію ея не ѣшьте; и кто прольетъ кровь человѣческую, того кровь прольется рукою человѣка (Быт. 9.3—4.6). Что вы скажете на это, утверждая, что держите первый законъ?—Отвѣчали ему іудеи: мы считаемъ первый законъ Моисеевъ, этотъ же Богъ не называлъ закономъ, а завѣтомъ, какъ и прежде заповѣдь Адаму въ раю и Аврааму обрѣзаніе. Ибо иное дѣло законъ, а иное дѣло завѣтъ. Оттого Богъ и выразилъ то и другое различными словами.—А я скажу вамъ, отвѣчалъ имъ философъ, что законъ называется завѣтомъ. Ибо сказалъ Богъ Аврааму: и будетъ завѣтъ мой на тѣлѣ вашемъ завѣтомъ вѣчнымъ. И сіе будетъ знаменіемъ завѣта между Мною и тобою (Быт. 17.11—13). И Онъ опять вопіетъ къ Іереміи: слушайте слова завѣта сего и скажите мужамъ Іуды и жителямъ Іерусалима; и скажите имъ: такъ говоритъ Господь Богъ Израилевъ: проклятъ человѣкъ, который не послушаетъ словъ завѣта сего, который Я заповѣдалъ отцамъ вашимъ въ день, въ который вывелъ ихъ изъ земли египетской (Іерем. 11.2—4).—Іудеи отвѣчали на это: такъ и мы думаемъ, что законъ называется также завѣтомъ. И всѣ, которые держались закона Моисеева, угодили Богу. И мы, держась его, надѣемся быть угодны Богу; а вы, поставивши другой законъ, попираете законъ Божій. — И хорошо дѣлаемъ, сказалъ философъ, ибо, если бы Авраамъ не принялъ обрѣзанія, и держался завѣта Ноева, не назвался бы онъ другомъ Божіимъ. И Моисей, написавъ законъ, не соблюдалъ прежняго. Такъ и мы поступаемъ и, принявъ законъ отъ Бога, соблюдаемъ его, чтобы Божія заповѣдь пребывала твердой. Ибо, давъ законъ Ною, не сказалъ ему, что дастъ другой, но пребывающій во вѣки въ душу живу. Равнымъ образомъ, и давая обѣщаніе Аврааму, не возвѣстилъ ему, что дасть другой законъ Моисею. Вы соблюдаете законъ. А Богъ устами Іезекіиля вопіетъ: измѣню его и дамъ вамъ другой. А Іеремія сказалъ: вотъ наступаютъ дни, говоритъ Господь, когда Я заключу съ домомъ Израиля и съ домомъ Іуды новый завѣтъ, такой завѣтъ, какой Я заключилъ съ отцами ихъ, когда взялъ ихъ за руку, чтобы вывести ихъ изъ земли египет-

ской; тотъ завѣтъ Мой они нарушили, и Я возненавидѣлъ ихъ. Но вотъ завѣтъ, который Я заключу съ домомъ Израилевымъ послѣ тѣхъ дней, говоритъ Господь: вложу законъ мой во внутренность ихъ и на сердцахъ ихъ напишу его и буду имъ Богомъ, а они будутъ Моимъ народомъ (Іер. 31.32 — 33). И опять тотъ же Іеремія сказалъ: такъ говоритъ Господь: остановитесь на путяхъ вашихъ и разсмотрите и разспросите о путяхъ древнихъ, гдѣ путь добрый, и идите по нему и найдете покой душамъ вашимъ. Но они сказали: не пойдемъ. И поставилъ Я стражей надъ вами, сказавъ: слушайте звука трубы. Но они сказали: не будемъ слушать. И такъ, слушайте народы и знай собраніе, что съ ними будетъ. Слушайте Меня: вотъ Я приведу на народъ сей пагубу, плодъ помысловъ ихъ, ибо они словъ Моихъ пророковъ не слушали и законъ Мой отвергли (Іер. 6.16—19). И не только этими мѣстами могу вамъ доказать, что законъ престанетъ, но и многими другими свидѣтельствами пророковъ.—Отвѣчали ему іудеи: всякій іудей знаетъ, что будетъ такъ, но еще не пришло время Мессіи.—Къ чему говорите такъ, когда знаете, что Іерусалимъ разрушенъ и жертвы престали и все сбылось, что о васъ предсказали пророки. Малахія говоритъ: нѣтъ Моего благоволенія къ вамъ, говоритъ Господь Саваоѳъ, и приношеніе изъ рукъ вашихъ неблагоугодно Мнѣ. Ибо отъ востока солнца до запада велико будетъ имя Мое между народами, говоритъ Господь Саваоѳъ (Малах. 1.10—11).—Они отвѣчали: слова, которыя ты говоришь, значатъ: всѣ народы будутъ благословены ради насъ и обрѣзаны въ Іерусалимѣ.—Сказалъ имъ философъ: такъ говоритъ Моисей: если будешь слушать гласа Моего и будешь исполнять все, что скажу тебѣ, проведу предѣлы твои отъ моря Чермнаго до моря Филистимскаго и отъ пустыни до рѣки Евфрата (Исх. 23.22,31). А мы, народы языческіе, благословимся о Томъ, о Комъ благословено сѣмя Авраама, о Исшедшемъ отъ корня Іесеева, Названномъ чаяніемъ языкъ и свѣтомъ всей земли и всѣхъ острововъ, просвѣщенные славою Божіей, независимо отъ того закона (т. е. Моисеева) и мѣста (т. е. Іерусалима). И Захарія сказалъ: ликуй отъ радости, дщерь Сіона: се Царь твой грядетъ къ тебѣ кроткій, сидящій на ослицѣ и на молодомъ ослѣ, сынѣ подъяремной; и въ другомъ мѣстѣ: тогда истреблю колесницы у Ефрема и коней въ Іерусалимѣ, и сокрушенъ будетъ бранный лукъ, и Онъ возвѣститъ миръ народамъ, и владычество Его будетъ отъ моря и до моря и отъ рѣки до концовъ земли (Захар. 9.9—10). Іаковъ сказалъ: не отойдетъ скипетръ отъ Іуды и законодатель отъ чреслъ

его, доколѣ не пріидетъ Примиритель, и Ему покорность народовъ (Бытіе 49.10). Видя все это сбывшимся и исполнившимся, кого иного ждете? Даніилъ, наученный ангеломъ, сказалъ: семьдесятъ седьминъ до Христа Владыки, то есть 490 лѣтъ, опредѣлены, чтобы запечатаны были видѣніе и пророкъ (Дан. 9.24 — 25). Какое, вы думаете, царство разумѣетъ Даніилъ подъ желѣзнымъ царствомъ въ образѣ (видѣнномъ Навуходоносоромъ)?—Они отвѣчали: римское.—А камень, отвергнутый отъ горы не руками, Кто есть? (Дан. 2.45),—спросилъ ихъ философъ.—Помазанный, отвѣчали они: если же, какъ ты говоришь на основаніи пророковъ и другихъ доказательствъ, Онъ уже пришелъ, то какимъ образомъ римское царство доселѣ сохраняетъ господство?—Философъ отвѣчалъ: оно уже не сохраняетъ; ибо прошло, какъ и прочія. Наше царство не римское, но Христово, какъ сказалъ пророкъ: воздвигнетъ Богъ небесный царство, которое во вѣки не разрушится, и царство это не будетъ передано другому народу; оно сокрушитъ и разрушитъ всѣ царства, а само будетъ стоять вѣчно (Дан. 2.44). Не христіанское ли царства нынѣ называется именемъ Христовымъ, и римляне поклонялись идоламъ, христіане же—то изъ одного, то изъ другого народа и племени—царствуютъ во имя Христово, какъ говоритъ, обращаясь къ вамъ, пророкъ Исаія: не оставите имя ваше избраннымъ Моимъ для проклятія; и убьетъ тебя Господь Богъ, а рабовъ Своихъ назоветъ инымъ именемъ, которымъ кто будетъ благословлять себя на землѣ, будетъ благословляться Богомъ истины; и кто будетъ клясться на землѣ, будетъ клясться Богомъ истины (Исаія 65.15—16). Не сбылось ли все предсказанное о Христѣ пророками? Такъ говоритъ Исаія объ Его рожденіи отъ Дѣвы: се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына и нарекутъ имя Ему Еммануилъ, что значитъ съ нами Богъ (Исаія 7.14). А Михей сказалъ: и ты, Виѳлеемъ, земля Іудина, ничѣмъ не меньше воеводствъ Іудиныхъ; ибо изъ тебя произойдетъ вождь, который упасетъ народъ Мой, Израиля, и котораго происхожденіе изъ начала, отъ дней вѣчныхъ. Посему Онъ оставитъ ихъ до времени, доколѣ не родитъ имѣющая родить (Мих. 5. 2; св. Матѳ. 2. 6). И Іеремія говоритъ: спросите и разсудите: рождаетъ ли мужчина? великъ тотъ день, не было подобнаго ему; это бѣдственное время для Іакова, но онъ будетъ спасенъ отъ него (Іер. 30. 6). А Исаія сказалъ: еще не мучилась родами, а родила; прежде, нежели наступили боли ея, разрѣшилась сыномъ (Исаія 66.7).—Іудеи опять сказали: мы благословенное племя Сима, благословены отцомъ на-

шимъ Ноемъ, а вы нѣтъ.—Отвѣчалъ имъ Константинъ: благословеніе вашего отца есть не что иное, какъ слава Богу, и инымъ чѣмъ оно быть не можетъ, ибо „благословенъ Господь Богъ Симовъ“ (Быт. 9.26), сказалъ Ной, а къ Іафету, отъ котораго мы произошли, сказалъ: да распространитъ Господь Богъ Іафета, и да вселится онъ въ шатрахъ Симовыхъ (Быт. 9.27) [1].—Итакъ объяснялъ имъ изъ пророковъ и другихъ книгъ, пока они сами не признались: все это такъ, какъ ты говоришь. И снова сказали: какъ вы, уповая на человѣка, думаете быть благословенными, а писаніе проклинаетъ такого человѣка. Въ отвѣтъ на это спросилъ ихъ философъ: Давидъ проклятъ или благословенъ?—Сказали: благословенъ.—И мы уповаемъ на Того, на Кого онъ, отвѣчалъ философъ: онъ сказалъ въ псалмахъ: человѣкъ мирный со мною, на котораго я полагался (Псал. 40.10). А этотъ человѣкъ есть Христосъ Богъ; а кто уповаетъ на простого человѣка, того и мы считаемъ проклятымъ.—Тогда іудеи предложили ему другой вопросъ: какимъ образомъ вы, христіане, отвергаете обрѣзаніе, а Христосъ не отвергалъ его, а исполнилъ, согласно закону Моисееву?—Отвѣчалъ философъ: Кто сказалъ Аврааму: и поставлю завѣтъ Мой между Мною и тобою, Тотъ пришелъ и исполнилъ его. И было соблюдаемо обрѣзаніе до Мессіи, а намъ Онъ далъ крещеніе [2]). Снова спросили его іудеи: какимъ образомъ вы, поклоняясь идоламъ, думаете угодить Богу?—Философъ отвѣчалъ: прежде научитесь различать имена, что значитъ икона и что значитъ идолъ. И, разсмотрѣвъ это, не нападайте на христіанъ, ибо десять значеній имѣетъ этотъ образъ въ вашемъ языкѣ. Спрошу васъ и я. Не образъ ли скиніи, которую видѣлъ на горѣ Моисей, принесъ

---

[1]) Малышевскій объясняетъ это мѣсто такъ: „Философъ, объяснивъ смыслъ Ноева благословенія, замѣтилъ, что отъ этого благословенія ничего уже не осталось у іудеевъ, но что исполнилось и исполняется надъ христіанами изъ народовъ потомства Іафета благословеніе, данное ему: да распространитъ Господь Іафета и внидетъ въ селенія Симовы. Это былъ намекъ на разсѣяніе и умаленіе іудеевъ, какъ народа, и на повсюдное распространеніе христіанства и возрастаніе христіанскихъ народовъ“.

[2]) Очень вѣроятно, что сокращеніе полныхъ бесѣдъ Кирилла, писанныхъ на греческомъ языкѣ, повело къ нѣкоторымъ неясностямъ изложенія въ этой главѣ житія. Слѣдующее затѣмъ мѣсто, представляющее параллель къ Толковой Палеѣ (памятникъ, въ которомъ заключается толкованіе Ветхаго Завѣта, направленное противъ іудеевъ, съ значительными вставками изъ источниковъ апокрифическихъ), опущено, такъ какъ представляетъ большое затрудненіе при переводѣ.

вамъ и не по этому ли образу построилъ скинію съ помощью искусства изъ дерева, кожи и шерсти и поставилъ въ ней изображенія херувимовъ? Если онъ такъ это сдѣлалъ, то скажемъ ли мы, что вы поклоняетесь дереву, кожѣ и шерсти, а не Богу, въ то время давшему такой образъ. То же можно сказать и о храмѣ Соломона, въ которомъ были изображенія херувимовъ и ангеловъ и многія другія. Такъ и мы, христіане, создавая образы Божіихъ угодниковъ, оказываемъ имъ честь, отдѣляя доброе отъ образовъ демонскихъ. Ибо и Писаніе порицаетъ приносящихъ въ жертвы сыновей и дочерей и проповѣдуетъ гнѣвъ Божій, и то же Писаніе въ другихъ случаяхъ хвалитъ приносящихъ въ жертву сыновей и дочерей своихъ [1]).—Іудеи сказали ему: какъ вы ѣдите мясо свиней и зайцевъ и не боитесь быть противны Богу?—Отвѣчалъ имъ: первый завѣтъ повелѣвалъ: все движущееся, что живетъ, да будетъ вамъ въ пищу; какъ зелень травную, даю вамъ все (Быт. 9.9). Для чистыхъ все чисто, а для оскверненныхъ и невѣрныхъ нѣтъ ничего чистаго, но осквернены умъ и ихъ совѣсть (1 Тим. 1.15). И Богъ говоритъ въ Бытіи: все весьма хорошо, но ради вашей алчности исключилъ немногое только: и ѣлъ Іаковъ и насытился и оставилъ Бога (Второзак. 32.15); и въ другомъ мѣстѣ: сѣли люди ѣсть и пить и встали плясать.—Все, сказанное о преніяхъ, мы привели изъ обширнаго изложенія вкратцѣ ради памяти. А кто хочетъ узнать эти святыя бесѣды въ полномъ видѣ, найдетъ ихъ въ книгахъ, которыя перевелъ нашъ учитель и архіепископъ Меѳодій, братъ Константина философа, раздѣливъ ихъ на восемь частей [2]). Въ нихъ можно видѣть силу слова, поражающаго противниковъ, подобно пылающему пламени.—Каганъ хазарскій и его вельможи, выслушавъ всѣ слова его, сказали ему: ты посланъ Богомъ для нашего наставленія и знаешь писаніе, наставляемый Богомъ; ты все сказалъ намъ, какъ слѣдуетъ, и досыта усладилъ насъ, какъ медъ, сладкими словами святыхъ книгъ. Мы люди простые и вѣримъ, что все, что ты говорилъ, исходитъ отъ Бога. Но если хочешь еще болѣе успокоить души наши, объясни намъ

[1]) Это мѣсто переведено по списку житія Кирилла у Бодянскаго № 1, представляющему въ данномъ случаѣ значительное отличіе отъ списка, напечатаннаго Шафарикомъ.

[2]) Въ этихъ словахъ житіе сохранило намъ извѣстіе о составленіи Кирилломъ на греческомъ языкѣ изложенія преній съ іудеями и магометанами, которое на славянскій языкъ было переведено Меѳодіемъ. Ни греческій оригиналъ, ни славянскій его переводъ до насъ не дошли.

все, о чемъ мы тебя спрашиваемъ, въ притчахъ. Съ этимъ разошлись до слѣдующаго дня.

XI. Собравшись на другой день, сказали ему: докажи намъ, честной мужъ, притчами, какая вѣра лучше всѣхъ другихъ. — Отвѣчалъ имъ философъ: были двое супруговъ у одного царя въ великомъ почетѣ, очень любимы; и когда они согрѣшили, изгналъ ихъ царь изъ земли своей. Живъ много лѣтъ въ изгнаніи, они родили дѣтей въ нищетѣ. Дѣти ихъ, собираясь, совѣщались, какимъ бы путемъ вернуть имъ прежнее мѣсто; каждый изъ нихъ совѣтовалъ по-своему; какому же совѣту слѣдовать, не лучшему ли?—Они сказали: чего ради ты говоришь такъ? каждый свой совѣтъ считаетъ лучшимъ; такъ и сарацины свой, а другіе другой. А ты скажи намъ, какой изъ нихъ разумъ велитъ считать лучшимъ?—Отвѣчалъ философъ: огонь изсушаетъ золото и серебро, а человѣкъ умомъ отсѣкаетъ ложь отъ истины. Скажите мнѣ, что было причиной перваго паденія? Не видѣніе ли сладкаго плода и не похотѣніе ли Божества?—Они сказали: это такъ.—Сказалъ философъ: если кто-нибудь, поѣвъ меду или напившись холодной воды, заболѣетъ, и врачъ, придя, скажетъ ему: ѣшь еще больше меда и выздоровѣешь; а тому, кто пилъ воду, скажетъ: напившись холодной воды, встань на морозѣ нагимъ, и выздоровѣешь; а другой врачъ не то скажетъ, но предпишетъ противное болѣзни лѣкарство: вмѣсто меда пей горькое и постись, а вмѣсто холоднаго пей теплое и горячее; который изъ двоихъ искуснѣе врачуетъ?—Всѣ отвѣчали: тотъ, который предписываетъ противныя болѣзни лѣкарства. Ибо горестію настоящей жизни слѣдуетъ умертвить похоть наслажденій, и смиреніемъ гордость, врачуя противное противнымъ. Такъ и дерево сначала раститъ шипъ, а потомъ приноситъ плодъ, какъ мы имѣемъ обыкновеніе говорить.—И отвѣчалъ философъ: хорошо вы сказали. Ибо законъ Христовъ являетъ остроту жизни въ Богѣ, а въ вѣчныхъ жилищахъ приноситъ плодъ сторицею.—Тогда одинъ изъ нихъ, хорошо знавшій злобу сарацинскую, спросилъ философа: скажи мнѣ, гость, отчего вы не слѣдуете Магомету? Вѣдь онъ очень похвалилъ Христа въ своихъ книгахъ, сказавъ, что отъ дѣвы, сестры Моисея, родился великій пророкъ, который и мертвыхъ воскрешалъ, и всякіе недуги исцѣлялъ высшею силою?—Отвѣчалъ ему философъ: пусть каганъ насъ разсудитъ. Скажи мнѣ: если Магометъ пророкъ, то какъ мы будемъ вѣровать Даніилу, который сказалъ: до Христа всякое видѣніе пророчества престанетъ. Какъ же можетъ быть пророкомъ

вашъ Магометъ, явившійся послѣ Христа? Если мы его назовемъ пророкомъ, то придется отвергнуть Даніила.—Многіе тогда сказали: что говорилъ Даніилъ, говорилъ Духомъ Святымъ. Что же касается Магомета, то мы всѣ знаемъ, что онъ лжетъ и пагубникъ общему спасенію, что даже лучшія изъ своихъ заблужденій онъ изрекъ на гибель и соблазнъ. — Сказалъ первый совѣтникъ пріятелямъ сарацинскимъ: съ Божіею помощью гость нашъ всю гордыню жидовскую низвергъ на землю, а вашу скверну перебросилъ на другой берегъ рѣки. И, обращаясь къ народу, прибавилъ: Богъ далъ власть надо всѣми народами царю христіанскому, ему же далъ и совершенную мудрость, такъ точно и совершенную вѣру, и помимо этой вѣры никто не можетъ достигнуть жизни вѣчной. Да будетъ вѣчная слава Богу.—Всѣ въ одинъ голосъ сказали: аминь.—Тронутый этимъ философъ со слезами сказалъ тогда, обращаясь ко всѣмъ: братья, отцы, друзья и чада, вотъ Богъ далъ разумъ на все и достойный отвѣтъ. Если есть еще кто-либо, желающій спорить, пусть придетъ, чтобы или одержать верхъ, или быть побѣжденнымъ въ спорѣ. А кто послушаетъ насъ, пусть крестится во имя Святой Троицы. Если же кто не хочетъ, то я снимаю съ себя вину за это; тотъ увидитъ (кто былъ правъ) въ день судный, когда Ветхій деньми сядетъ судить всѣ народы.—Отвѣчали они: мы не враги себѣ и отъ сего дня постепенно, кто можетъ и хочетъ, велимъ тому креститься по доброй волѣ. А кто отъ васъ на западъ кланяется, или по-жидовски молится, или сарацинскую вѣру держитъ, скоро отъ насъ смерть получитъ.—И такъ разошлись съ радостью. И крестилось ихъ до 200 человѣкъ, отвергнувъ мерзости язычества и беззаконные браки. А каганъ написалъ императору такое письмо: ты прислалъ къ намъ, государь, такого мужа, который намъ объяснилъ святость христіанской вѣры и словомъ, и дѣломъ. И убѣдившись, что эта вѣра истинна, мы повелѣли креститься добровольно, надѣясь со временемъ и сами это сдѣлать. Мы всѣ пріятели твоему царству и готовы тебѣ на службу, куда насъ ни потребуешь.—Провожая философа, каганъ предлагалъ ему многіе дары, но Константинъ не принялъ ихъ, говоря: дай мнѣ, сколько у васъ есть въ плѣну грековъ; это мнѣ лучшій даръ. И собрали до 200 плѣнныхъ и дали ихъ ему, и онъ съ радостью отправился въ обратный путь.

Проповѣдь у народа фулльскаго.

XII. Придя въ безводныя пустыни, путешественники едва могли переносить жажду. Найдя воду въ болотѣ, не могли ее пить, потому что вода была горькая, какъ желчь. Когда всѣ разошлись

искать лучшую воду, Константинъ сказалъ своему брату Меѳодію: я не могу выносить жажды, почерпни воды этой; Кто израильтянамъ обратилъ горькую воду въ сладкую, Тотъ и намъ даруетъ это утѣшеніе. Почерпнувъ, нашли, что вода была сладкая, какъ медъ, и холодная; пили ее и прославили Бога, посылающаго такія милости рабамъ своимъ. — Въ Херсонѣ, ужиная съ архіепископомъ, философъ сказалъ ему: отче, благослови меня, какъ бы благословилъ меня отецъ мой. И когда его спросили, почему онъ сдѣлалъ это, философъ отвѣчалъ: истину говорю, утромъ онъ оставитъ насъ и отойдетъ къ Богу. Такъ и случилось—сбылись слова его.— У народа фулльскаго [1]) былъ огромный дубъ, сросшійся съ черешней, у котораго приносили жертвы, называя его по имени: Александръ, и не позволяли женскому полу приступать къ нему и жертвамъ его. Услышавъ это, философъ не замедлилъ пойти къ нимъ и, ставъ посреди ихъ, сказалъ: если эллины пошли въ вѣчную муку, поклоняясь, какъ Богу, небу и землѣ, такимъ великимъ и добрымъ созданіямъ, то какъ можете избѣжать вѣчнаго огня вы, поклоняясь дереву, ничтожному творенію, всегда готовому сгорѣть въ огнѣ?—Отвѣчали они: не мы начали это дѣлать, мы это приняли отъ отцовъ нашихъ, и у этого дерева находимъ исполненіе прошеній нашихъ, чрезъ него сходитъ къ намъ дождь и многое другое. И какъ можемъ мы сдѣлать это (сжечь дерево), когда до сихъ поръ никто изъ насъ не дерзалъ этого сдѣлать. Всякій, кто дерзнетъ на это, сейчасъ же умретъ, и не видать намъ будетъ болѣе дождя до кончины. — Отвѣчалъ философъ: Господь вопіетъ, говоря: и вотъ, приду собрать всѣ народы и языки, и они придутъ и увидятъ славу Мою. И положу на нихъ знаменіе, и пошлю изъ спасенныхъ отъ нихъ къ народамъ въ Ѳарсисъ, въ Пулу и Луду, къ натягивающимъ лукъ, въ Тубалу и Явану, на дальніе острова, которые не слыхали обо Мнѣ и не видѣли славы Моей; и они возвѣстятъ народамъ славу Мою“ (Исаія 66, 18—19). А у Іереміи сказано: вотъ я пошлю множество рыболововъ, говоритъ Господь, и будутъ ловить ихъ; а потомъ пошлю множество охотниковъ, и они погонятъ ихъ со всякой горы, и со всякаго холма, и изъ ущелій скалъ (Іеремія 16, 16). Вотъ Евангеліе Новаго Завѣта Божія, въ который вы крестились. И такъ сладкими словами

---

[1]) Вѣроятно, въ окрестностяхъ г. Филлы, въ Крыму, недалеко отъ Судака или Сурожа, упоминаемаго въ житіи Іоанна, епископа готскаго, на греческомъ языкѣ. Извѣстна и епархія фулльская, соединявшаяся иногда съ сурожскою.

уговорилъ ихъ и повелѣлъ имъ срубить дерево и сжечь. Поклонившись ему, старѣйшина ихъ подошелъ и поцѣловалъ святое Евангеліе; его примѣру послѣдовали и всѣ остальные. Принявъ изъ рукъ философа бѣлыя свѣчи, съ пѣніемъ направились къ дереву. Константинъ, взявъ топоръ, самъ ударилъ имъ 33 раза и велѣлъ всѣмъ рубить его, выкорчевать и сжечь. Въ ту же ночь дождь, посланный Богомъ, напоилъ землю, и съ великою радостію прославили Бога, и возвеселился о семъ Богъ.

XIII. Философъ отправился въ Царьградъ, тамъ видѣлъ императора и жилъ при церкви святыхъ апостоловъ, пребывая въ безмолвіи и молясь Богу. Была въ храмѣ святой Софіи чаша изъ драгоцѣнныхъ камней—дѣло Соломона; на ея граняхъ были еврейскія и самарянскія надписи, которыхъ никто не могъ ни прочесть, ни объяснить. Философъ, взявъ чашу, прочелъ эти надписи и далъ имъ объясненіе. На первой грани было написано: прорицай до восхода звѣзды, въ пиво буди, Господи, первенцу, бдящему ночью. На другой грани была надпись: на вкушеніе Господне сотворена древа иного; пей и упейся веселіемъ и возопи: аллилуія. На третьей грани: вотъ князь, и весь сонмъ узритъ славу его, и царь Давидъ посреди ихъ, и затѣмъ было написано число 990. Разсчитавъ время, философъ нашелъ, что отъ 12 года царства Соломонова до царства Христова прошло 990 лѣтъ. Это было прорицаніемъ о Христѣ [1]).

Призывъ въ Моравію и изобрѣтеніе славянскихъ письменъ.

XIV. Въ то время, какъ философъ радовался о Господѣ, подоспѣло другое дѣло и трудъ, не меньшій прежнихъ. Ростиславъ, князь моравскій, наставляемый самимъ Богомъ, совѣщался съ зависимыми отъ него князьями моравскими и послалъ пословъ къ царю Михаилу съ такими словами: наши люди оставили язычество и приняли христіанство, но у насъ нѣтъ такого учителя, который бы намъ объяснилъ на языкѣ нашемъ христіанскую вѣру, чтобы, слѣдуя нашему примѣру, и другія страны намъ уподоблялись. Поэтому пошли намъ, государь, такого епископа и учителя: отъ васъ во всѣ страны исходитъ добрый законъ. На собранный по этому случаю соборъ царь призвалъ Константина философа и, давъ ему выслушать это дѣло, сказалъ: знаю, что ты очень уто-

---

[1]) Въ распространенномъ видѣ это сказаніе входило въ сборники различнаго содержанія. Смотри одинъ варіантъ у Срезневскаго въ Малоизвѣстныхъ памятникахъ № 40 и у Порфирьева въ книгѣ: Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, изъ Палеи № 866, стр. 240—241.

мленъ, философъ, но необходимо тебѣ идти туда. Никто, кромѣ тебя, не можетъ исполнить это дѣло.—Философъ отвѣчалъ на это: хоть я и утомленъ, и нездоровъ, иду туда съ радостію, если только они имѣютъ письмена.—Дѣдъ мой и отецъ мой, и многіе другіе, искавши ихъ, не нашли, отвѣчалъ Константину императоръ: какъ я могу найти ихъ?—А въ такомъ случаѣ, сказалъ философъ, какъ могу я писать слова на водѣ, что грозитъ навлечь на меня имя еретика?—Отвѣчалъ ему царь со своимъ дядей Вардою: если ты хочешь, можетъ тебѣ дать это Богъ, который даетъ всѣмъ просящимъ у Него безъ сомнѣнія и отверзаетъ стучащимъ.—По своему обычаю философъ удалился въ уединеніе и вмѣстѣ съ помощниками своими отдался молитвѣ. Вскорѣ Богъ услышалъ молитву рабовъ Своихъ и открылъ ему письмена [1]), и тотчасъ онъ со-

---

[1]) Призывъ славянъ моравскихъ вызвалъ Константина на двойной трудъ—изобрѣтенія славянскихъ письменъ и перевода Священнаго Писанія на славянскій языкъ.

Относительно письменъ возникаетъ вопросъ, какой изъ двухъ славянскихъ алфавитовъ, кириллица и глаголица, былъ изобрѣтенъ св. Кирилломъ. Этотъ вопросъ имѣетъ обширную литературу, но, несмотря на это, не считается вполнѣ разрѣшеннымъ. Въ послѣднее время въ наукѣ замѣтно стремленіе и глаголическій алфавитъ выводить изъ письма греческаго (скорописнаго), которое въ эпоху Кирилла было употребительно у грековъ. Но далеко не всѣ глаголическія буквы могутъ быть выведены изъ греческой скорописи. Зато внѣ всякаго сомнѣнія стоитъ зависимость отъ греческаго уставнаго письма кириллицы. Сказаніе о письменахъ славянскихъ черноризца Храбра, по всей вѣроятности, имѣло въ виду кириллицу.

Переводъ Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ справедливо считается самымъ великимъ подвигомъ славянскихъ первоучителей. Давъ славянамъ возможность слушать богослуженіе и пользоваться Священнымъ Писаніемъ на ихъ родномъ языкѣ, св. Кириллъ, какъ человѣкъ великій, возвысился надъ предразсудкомъ, который господствовалъ не только въ западной половинѣ христіанскаго міра, но и у грековъ. Есть неоспоримыя доказательства, что современные св. братьямъ греки такъ же, какъ и римляне, были склонны допускать богослуженіе лишь на языкахъ греческомъ и латинскомъ (на еврейскомъ, въ дѣйствительности, не было совершаемо богослуженіе), и до Кирилла славяне тѣхъ областей, которыя соприкасались съ Византіей, не получили богослуженія на родномъ языкѣ.

Помимо исключительной высоты нравственнаго уровня первоучителей, ихъ миссіонерская дѣятельность на востокѣ не могла не оказать благотворнаго вліянія въ данномъ случаѣ. Первоучители могли слышать совершеніе богослуженія на языкѣ арабскомъ; не говоримъ уже о томъ, что они знали о примѣненіи къ переводу Священнаго Писанія и богослуженію родного языка и другихъ народовъ востока (это видно изъ 16 главы житія Кирилла). Въ этомъ сказалось несомнѣнное преимущество ихъ принадлежности къ восточной поло-

ставилъ славянскую азбуку и началъ писать слова Евангелія: въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Богъ было Слово, и проч. [1]). Узнавъ объ этомъ, царь обрадовался и вмѣстѣ съ совѣтниками своими прославилъ Бога. И послалъ Константина со многими дарами, написавъ Ростиславу такое посланіе: Богъ, который призываетъ всякаго человѣка прійти къ познанію истины и достигнуть высшаго совершенства, видѣвъ твою вѣру и подвигъ, сотворилъ для васъ въ наши лѣта, что бывало только въ старыя времена, явивъ буквы на языкѣ вашемъ, которыхъ у васъ не было раньше, дабы и вы причтены были къ великимъ народамъ, которые славятъ Бога своимъ языкомъ. И мы послали къ вамъ того, кому Богъ открылъ эти письмена, мужа достойнаго и благовѣрнаго, знающаго книги философа. Прими этотъ даръ, большій и

винѣ церкви. Интересамъ научнымъ къ языкознанію и археологіи Кириллъ обязанъ тѣмъ, что зналъ о переводѣ Священнаго Писанія на языкъ готскій и о богослуженіи на этомъ языкѣ.

Что касается вопроса о томъ славянскомъ нарѣчіи, на которое былъ совершенъ переводъ Священнаго Писанія, то этотъ вопросъ вызываетъ въ наукѣ далеко не одинаковое рѣшеніе. Насколько можно судить по языку старѣйшихъ текстовъ Священнаго Писанія, этимъ языкомъ долженъ быть такой, который принадлежалъ къ юго-славянскимъ нарѣчіямъ. А такъ какъ свв. Кириллъ и Меѳодій знали языкъ славянъ солунскихъ, и ихъ первые ученики-помощники, которыхъ они должны были взять съ собою изъ Константинополя, также могли быть только славяне изъ Македоніи или Болгаріи, то, по всей вѣроятности, на ихъ нарѣчіе и былъ сдѣланъ переводъ. Что главными сотрудниками Константина должны были быть византійскіе славяне, это должно слѣдовать и изъ того, что переводить Священное Писаніе и богослужебныя книги приходилось съ языка греческаго, а предполагать знаніе греческаго языка у моравлянъ трудно. Не слѣдуетъ опускать изъ виду еще того обстоятельства, что, если бы Константинъ и Меѳодій перевели Священное Писаніе на языкъ тѣхъ славянъ, которые ихъ призывали, то они должны были бы въ такомъ случаѣ переводить на нарѣчіе западно-славянское, такъ какъ переводъ былъ оконченъ въ Моравіи, а въ Паннонію принесенъ уже готовымъ, что странно забываютъ тѣ, которые всюду выдвигаютъ на первый планъ Паннонію. Равнымъ образомъ и переводъ Библіи трудами Меѳодія былъ совершенъ такъ же точно въ Моравіи, а не въ Панноніи. Но всякій согласится, что въ основѣ старѣйшаго перевода лежитъ не западное славянское нарѣчіе. И только потому, что дѣятельность свв. братьевъ протекла на западѣ, въ языкѣ нѣкоторыхъ изъ старшихъ текстовъ мы находимъ слѣды фонетики (въ незначительной степени) и лексическаго запаса западно-славянскихъ нарѣчій.

[1]) Этими словами начинается евангеліе недѣльное, расположенное въ порядкѣ годичнаго богослуженія, начиная съ недѣли пасхальной. Сравни житіи Меѳодія примѣчаніе къ гл. XV.

честнѣйшій всякаго злата и серебра, драгоцѣнныхъ камней и богатства преходящаго. При помощи его поспѣши утвердить начатое тобою дѣло и всѣмъ сердцемъ взыщи Бога. Не отринь общаго спасенія, но подвигни всѣхъ бодро идти по истинному пути, чтобы и ты, приведшій ихъ твоимъ подвигомъ къ разумѣнію Бога, принялъ свою мзду въ сей вѣкъ и будущій за души всѣхъ, хотящихъ увѣровать въ Христа Бога нашего отнынѣ и до кончины, и оставилъ, подобно великому царю Константину, о себѣ память послѣдующимъ поколѣніямъ.

Установленіе богослуженія на славянскомъ языкѣ.

XV. Когда Константинъ прибылъ въ Моравію, съ великою честью принялъ его Ростиславъ и, собравъ учениковъ, отдалъ ихъ на ученіе. Въ скоромъ времени Константинъ перевелъ весь церковный чинъ и научилъ ихъ утренѣ, часамъ, вечернѣ, повечерію и литургіи. И отверзлись, по слову пророка, уши глухихъ, и услышали слова Писанія, и ясенъ сталъ языкъ косноязычныхъ. Богъ возвеселился о семъ, а діаволъ устыдился. Слово Божіе распространялось, но не потерпѣлъ этого добра завистливый искони и треклятый діаволъ, вошелъ въ сосуды свои и началъ возстановлять многихъ, говоря: не прославляется о семъ Богъ. Если бы Ему было это угодно, не могъ ли бы онъ сдѣлать, чтобы и они издавна писали письменами и славили Бога на своемъ языкѣ? Но онъ избралъ только три языка—еврейскій, греческій и латинскій, которыми подобаетъ прославлять Бога.—Такъ говорили латинскіе архіереи, іереи и ученики ихъ. Вступивъ въ борьбу съ ними, какъ Давидъ съ иноплеменниками, Константинъ побѣдилъ ихъ словами Писанія и назвалъ ихъ треязычниками, потому что они ссылались на то, что надпись Пилата на крестѣ Христа была написана лишь на трехъ языкахъ. И не только это одно говорили они, но учили и другому безчестью, говоря, что подъ землей живутъ люди съ большими головами, и всякій гадъ есть твореніе діавола, и если кто убьетъ змѣю, тому простится девять грѣховъ; если кто убьетъ человѣка, три мѣсяца пусть пьетъ въ деревянной чашѣ и не прикасается къ стеклянной; и не возбраняли приносить жертвы по старому обычаю, не препятствовали беззаконнымъ бракамъ [1]). Всѣ эти заблужденія Константинъ посѣкъ, какъ терніе, и попалилъ огнемъ слова, говоря: принеси въ жертву Богу хвалу и воздай Всевышнему обѣты твои (Псал. 49.14). Жены юности твоей не отпусти. Если же, возненавидѣвъ, ее отпустишь, не покроетъ без-

[1]) Объ истребленіи различныхъ заблужденій у моравлянъ кратко упоминаетъ и составитель древнѣйшей легенды латинской.

честье похоти твоей, говоритъ Господь Вседержитель. Поэтому берегите духъ вашъ, и никто изъ васъ да не оставитъ жены юности своей; вы творили то, что я ненавидѣлъ, потому что Господь былъ свидѣтелемъ между тобою и женою юности твоей, которую ты оставилъ, между тѣмъ какъ она подруга твоя и жена завѣта твоего (Малах. 2.13—16). И въ Евангеліи самъ Господь говоритъ: вы слышали, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуй. А Я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ. И опять говорю вамъ: кто разводится съ женой своей, кромѣ вины разведенной, тотъ прелюбодѣйствуетъ (Матѳ. 5.27—28—33). Потому и сказано въ Писаніи: что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ (Матѳ. 19. 6).—Сорокъ мѣсяцевъ пробывъ въ Моравіи, Константинъ отправился въ Римъ, чтобы посвятить учениковъ своихъ. На пути туда принялъ его къ себѣ Коцелъ, князь паннонскій, и захотѣлъ самъ научиться славянскимъ книгамъ и отдалъ до 50 учениковъ учиться имъ. И, оказавъ ему великую честь, проводилъ его. И не взялъ Константинъ ни отъ Ростислава, ни отъ Коцела ни злата, ни серебра, ни чего-либо иного, проповѣдуя слово Евангелія безъ мзды. Выпросилъ только у нихъ обоихъ 900 плѣнниковъ и отпустилъ ихъ.

Диспутъ въ Венеціи.

XVI. Когда онъ былъ въ Венеціи, собрались противъ него епископы, священники и черноризцы, какъ вороны на сокола, и воздвигли треязычную ересь, говоря: скажи намъ, какъ ты создалъ для славянъ книги и учишь по нимъ, чего до сихъ поръ никто не изобрѣталъ, ни апостолы, ни римскій папа, ни Григорій Богословъ, ни Іеронимъ, ни Августинъ? Мы знаемъ только три языка, которыми слѣдуетъ въ книгахъ славить Бога: еврейскій, греческій и латинскій.—Отвѣчалъ имъ философъ: не идетъ ли на всѣхъ одинаково дождь, посылаемый Богомъ? Не сіяетъ ли для всѣхъ равно солнце? Не дышимъ ли всѣ мы однимъ воздухомъ? Какъ же вы не стыдитесь признавать только три языка, обрекая на слѣпоту и глухоту всѣ остальные языки и племена? Скажите мнѣ, безсиленъ ли Богъ дать то, что имѣютъ другіе, или по зависти не желаетъ этого. Что насъ касается, намъ извѣстны многіе народы, знающіе книги и воздающіе хвалу Богу каждый на своемъ языкѣ; таковы слѣдующіе: армяне, персы, авазги, иверы (грузины), сугды, готы, обры (авары), турси, хазаре, арабы, египтяне и многіе другіе [1]). Если

---

[1]) Іоаннъ Златоустъ въ толкованіи на св. Іоанна писалъ: сиріяне, егип-

ихъ примѣръ васъ не убѣждаетъ, да судятъ васъ слова Писанія. Не вопіетъ ли Давидъ, говоря: воспойте Господу вся земля, воспойте Господу пѣснь новую; и опять: воскликните Богу вся земля (Пс. 65.1). Пойте и возвеселитесь и воспойте. И въ другомъ псалмѣ: вся земля да поклонится Тебѣ и поетъ Тебѣ, да поетъ имени Твоему вышній (Псал. 116.1). И опять: хвалите Господа всѣ народы, хвалите Его всѣ люди, всякое дыханіе да хвалитъ Господа (Псал. 150). Такъ и въ Евангеліи самъ Господь говоритъ: тѣмъ, которые приняли Его, далъ власть быть чадами Божіими (Іоан. 1.12). И въ другомъ мѣстѣ: не о нихъ же только молю, но и о вѣрующихъ въ Меня по слову ихъ, да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ (Іоан. 17.20—21). И въ Евангеліи отъ Матѳея: дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ. Итакъ, идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ; и се Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка. Аминь (Матѳ. 28.18—20). И въ Евангеліи отъ Марка: идите по всему міру и проповѣдуйте Евангеліе всей твари. Кто будетъ вѣровать и крестится, спасенъ будетъ, а кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ. Увѣровавшихъ же будутъ сопровождать сіи знаменія: именемъ Моимъ будутъ изгонять бѣсовъ, будутъ говорить новыми языками (Марк. 16.15—17). Говоритъ и вамъ, учителямъ, законъ: горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что затворяете царство небесное человѣкамъ; ибо сами не входите и хотящихъ войти не допускаете (Матѳ. 23.13). Въ Евангеліи отъ Луки: горе вамъ, законникамъ, что вы взяли ключъ разумѣнія, сами не вошли и входящимъ воспрепятствовали (Лук. 11.52). И апостолъ Павелъ въ посланіи къ коринѳянамъ сказалъ: желаю, чтобы вы всѣ говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали; ибо пророчествующій превосходнѣе того, кто говоритъ языками, развѣ онъ при томъ будетъ и изъяснять, чтобы церковь получила назиданіе. Теперь, если я приду къ вамъ, братія, и стану говорить на незнакомыхъ языкахъ, то какую принесу вамъ пользу, когда не изъясню вамъ или откровеніемъ, или

тяне, индійцы, персы и еѳіопляне и многіе другіе народы, переложивши на свой языкъ его ученіе, научились любомудрствовать, хотя и варвары. — Въ большинствѣ списковъ читается *турси*, въ нѣкоторыхъ *турци*. Шафарикъ предполагаетъ, не возникло ли *готѳи*, *обри*, *туръси* изъ первоначальнаго: *готѳи ти руси (ръси?)*, считая русскихъ, упоминаемыхъ въ главѣ VIII, не славяно-руссами, а варяго-руссами въ Тавріи. Или, быть можетъ, разумѣются урсилинги?

познаніемъ, или пророчествомъ, или ученіемъ? И бездушныя вещи, издающія звукъ, свирѣль или гусли, если не производятъ раздѣльныхъ тоновъ, какъ распознать то, что играютъ на свирѣли или на гусляхъ? И если труба будетъ давать неопредѣленный звукъ, кто станетъ готовиться къ сраженію? Такъ, если и вы языкомъ произносите невразумительныя слова, то какъ узнаютъ, что вы говорите? Вы будете говорить на вѣтеръ. Сколько, напримѣръ, различныхъ словъ въ мірѣ, и ни одного изъ нихъ нѣтъ безъ значенія. Но если я не разумѣю значенія словъ, то я для говорящаго чужестранецъ, и говорящій для меня чужестранецъ. Такъ и вы, ревнуя о дарахъ духовныхъ, старайтесь обогатиться ими къ назиданію церкви. А потому, говорящій на незнакомомъ языкѣ, молись о дарѣ истолкованія. Ибо, когда я молюсь на незнакомомъ языкѣ, то, хотя духъ мой и молится, но умъ мой остается безъ плода. Что же дѣлать? Стану молиться духомъ, стану молиться и умомъ; буду пѣть духомъ, буду пѣть и умомъ. Ибо, если ты будешь благословлять духомъ, то состоящій на мѣстѣ простолюдина какъ скажетъ: аминь, при твоемъ благодареніи? Ибо онъ не понимаетъ, что ты говоришь. Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается. Благодарю Бога моего, я болѣе всѣхъ васъ говорю языками; но въ церкви хочу лучше пять словъ сказать умомъ моимъ, чтобъ и другихъ наставить, нежели тьму словъ на незнакомомъ языкѣ. Братія! не будьте дѣти умомъ: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолѣтни. Въ законѣ написано: иными языками и иными устами буду говорить народу сему; но и тогда не послушаютъ Меня, говоритъ Господь (Исаія 28.11—12). Итакъ, языки суть знаменія не для вѣрующихъ, а для невѣрующихъ; пророчество же не для невѣрующихъ, а для вѣрующихъ. Если вся церковь сойдется вмѣстѣ, и всѣ станутъ говорить незнакомыми языками, и войдутъ къ вамъ незнающіе или невѣрующіе, то не скажутъ ли, что вы бѣснуетесь? Но когда всѣ пророчествуютъ и войдетъ кто невѣрующій или незнающій, то онъ всѣми обличается, всѣми судится. И такимъ образомъ, тайны сердца его обнаруживаются, и онъ падетъ ницъ, поклонится Богу и скажетъ: истинно съ вами Богъ! Итакъ, что же, братія? Когда вы сходитесь, и у каждаго изъ васъ есть псаломъ, есть поученіе, есть языкъ, есть откровеніе, есть истолкованіе: все сіе да будетъ къ назиданію. Если кто говоритъ на незнакомъ языкѣ, говорите двое или, много, трое, и то порознь, а одинъ изъясняй. Если же не будетъ истолкователя, то молчи въ церкви, а говори себѣ и Богу. И пророки пусть говорятъ двое или трое, а прочіе пусть

разсуждаютъ. Если же другому изъ сидящихъ будетъ откровеніе, то первый молчи. Ибо всѣ одинъ за другимъ можете пророчествовать, чтобы всѣмъ поучаться и всѣмъ получать утѣшеніе. И духи пророческіе послушны пророкамъ; потому что Богъ не есть Богъ неустройства, но мира. Такъ бываетъ во всѣхъ церквахъ у святыхъ. Жены ваши въ церквахъ да молчатъ; ибо не позволено имъ говорить, а быть въ подчиненіи, какъ и законъ говоритъ (Быт. 3.16). Если же онѣ хотятъ чему научиться, пусть спрашиваютъ о томъ дома у мужей своихъ; ибо неприлично женѣ говорить въ церкви. Развѣ отъ васъ вышло слово Божіе? Или до васъ однихъ достигло? Если кто почитаетъ себя пророкомъ или духовнымъ, тотъ да разумѣетъ, что я пишу вамъ; ибо это заповѣди Господни. А кто не разумѣетъ, пусть не разумѣетъ. Итакъ, братія, ревнуйте о томъ, чтобы пророчествовать; но не запрещайте говорить и языками. Только все должно быть благопристойно и чинно (1 Корино. 14.5–40). И въ другомъ мѣстѣ говоритъ: и всякій языкъ исповѣдалъ, что Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца (Филип. 2.11).—Такими словами и многими другими посрамилъ ихъ и, оставивъ ихъ, удалился.

Встрѣча въ Римѣ папой Адріаномъ II. Пребываніе въ Римѣ.

XVII. Узнавъ о немъ, римскій папа послалъ за нимъ. И когда пришелъ въ Римъ, самъ папа Адріанъ вышелъ къ нему навстрѣчу со всѣми гражданами со свѣчами, потому что онъ несъ съ собой мощи св. Климента, мученика и папы римскаго. И Богъ тотчасъ сотворилъ славныя чудеса: человѣкъ разслабленный исцѣлѣлъ, и многіе другіе исцѣлились отъ различныхъ недуговъ; равнымъ образомъ и плѣнники, призвавшіе имя Христа и святого Климента, избавились отъ плѣна. Принявъ славянскія книги, папа положилъ ихъ въ церкви св. Маріи, что въ ясляхъ [1]), и пѣли надъ ними святую литургію. Послѣ того папа повелѣлъ двумъ епископамъ Формозу и Гавдерику посвятить славянскихъ учениковъ. И когда они были посвящены, тотчасъ пѣли литургію въ церкви св. апостола Петра на славянскомъ языкѣ, а на другой день въ церкви св. Петронилы, а на третій день въ церкви св. Андрея, а потомъ опять въ церкви великаго учителя вселенскаго Павла апостола. И всенощную пѣли на славянскомъ языкѣ, а на утро литургію надъ его святымъ гробомъ вмѣстѣ съ Арсеніемъ, однимъ изъ семи епископовъ, и Анастасіемъ библіотекаремъ [2]). Философъ съ учениками

---

[1]) Здѣсь разумѣется церковь Sanctae Mariae ad praesepe.

[2]) Формозъ, епископъ портуанскій, Анастасій библіотекарь и Арсеній, епископъ ортинскій, могли быть въ Римѣ въ 868 г., когда сюда прибыли Кон-

своими не переставалъ возсылать хвалу Богу за все это. Римляне же постоянно приходили къ нему и обо всемъ его распрашивали и получили отъ него неоднократныя объясненія [1]). Приходилъ къ нему и одинъ іудей и спорилъ съ нимъ, и одинъ разъ ему сказалъ: еще не пришелъ Христосъ по счисленію лѣтъ, о которомъ пророки говорятъ, что Онъ долженъ родиться отъ Дѣвы. Философъ же, сочтя всѣ годы отъ Адама по родамъ, объяснилъ ему съ очевидностью, что уже пришелъ и столько лѣтъ прошло съ того времени до нынѣ, и, вразумивъ, отпустилъ его.

Болѣзнь и кончина св. Кирилла.

XVIII. Въ Римѣ Константина постигли немалые труды, такъ что онъ заболѣлъ и, долго терпя недугъ, увидѣлъ разъ Бога въ видѣніи и началъ пѣть такъ: о рекшихъ мнѣ „войдемъ въ домъ Господень“ возвеселился духъ мой и сердце возрадовалось. И, облекшись въ честныя ризы, пробылъ такъ цѣлый день, радуясь и говоря: отнынѣ я не слуга ни царю, ни кому-либо иному на землѣ, но только Богу Вседержителю. Я не былъ, и сталъ, и есмь во вѣки. Аминь. На другой день принялъ святую схиму, пріобщивъ свѣтъ къ свѣту, и назвался Кирилломъ. И пробылъ въ схимѣ 50 дней, и, когда приблизился часъ его преставленія въ вѣчныя жилища, поднявъ руки, со слезами молился Богу такими словами: Господи, Боже мой, Ты, Который сотворилъ ангельскіе чины и безплотныя силы, протянулъ небо и основалъ землю и все сущее призвалъ отъ небытія къ бытію; Ты, всегда слушающій исполняющихъ волю Твою, боящихся Тебя и хранящихъ заповѣди Твои, услышь мою молитву, и вѣрное Твое стадо, къ которому приставилъ меня, неключимаго и недостойнаго раба Твоего, сохрани, избави его отъ безбожной злобы язычниковъ, говорящихъ на Тебя хулу, погуби треязычную ересь и возрасти Твою церковь множествомъ и соедини всѣхъ во

стантинъ и Меѳодій. Ранѣе, въ 867 г., тамъ не было Формоза, посланнаго въ концѣ 866 г. папою Николаемъ въ Болгарію для удержанія ея за римскимъ престоломъ. Въ концѣ 869 года изъ Рима выѣхалъ Анастасій, посланный въ Константинополь. Этими объясненіями А. В. Горскаго, подробно изложенными въ его изслѣдованіи, подтверждается точность показаній житія.

Анастасій библіотекарь, извѣстный ученостью, близко познакомившись съ Константиномъ, называетъ его въ предисловіи къ собору 869 г. и въ письмѣ къ Карлу Лысому человѣкомъ великимъ, благочестивымъ, высокимъ учителемъ. Гавдерикъ, епископъ велитернскій, со вступленіемъ на престолъ папы Адріана былъ возвращенъ изъ ссылки.

[1]) Анастасій упоминаетъ, что Константинъ объяснялъ на этихъ бесѣдахъ творенія Діонисія Ареопагита, переводомъ которыхъ на латинскій языкъ занимался самъ Анастасій.

единодушіи и сотвори изрядныхъ людей, единомыслящихъ о вѣрѣ Твоей и правомъ исповѣданіи, вдохни въ сердца ихъ слова Твоего ученія. Они Твой даръ, и если Ты принялъ насъ, недостойныхъ проповѣданія Евангелія Христа Твоего, острящихся на дѣла благія и творящихъ Тебѣ угодное, то, что Ты мнѣ далъ, какъ Твое, Тебѣ предаю. Устрой его сильною Твоею десницей и покрой кровомъ крылъ Твоихъ, да всѣ восхвалятъ и прославятъ имя Твое, Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь.—Всѣхъ облобызавъ святымъ цѣлованіемъ, сказалъ: благословенъ Богъ нашъ, Который не далъ насъ уловить зубамъ невидимыхъ враговъ нашихъ, но сокрушилъ ихъ сѣть и избавилъ насъ отъ истлѣнія.—И такъ почилъ о Господѣ 42 лѣтъ, въ 14-й день февраля второго индикта въ лѣто отъ сотворенія міра 6377 (869 г.). И повелѣлъ папа всѣмъ грекамъ, бывшимъ въ Римѣ, а также и римлянамъ, собравшись со свѣчами, пѣть надъ нимъ. И сотворили ему проводы, какъ самому папѣ. Тогда братъ его Меѳодій обратился съ такой просьбой къ папѣ: мать обязала насъ клятвой, чтобы того, кто изъ насъ умретъ первый, другой братъ перенесъ въ свой монастырь и въ немъ предалъ погребенію.—И папа повелѣлъ вложить его въ раку и забить желѣзными гвоздями. И такъ оставалось тѣло семь дней въ ожиданіи пути. Но епископы римскіе сказали папѣ: если его, странствовавшаго во многихъ земляхъ, Богъ привелъ сюда и взялъ его душу, то здѣсь и слѣдуетъ ему быть погребеннымъ, какъ достойному почтенія мужу.—И сказалъ папа: ради святости его, отступая отъ римскаго обычая, погребу его въ моемъ гробѣ, въ церкви святого апостола Петра.—На это возразилъ Меѳодій: если вы меня не послушали и не отдали его мнѣ, то пусть положатъ его, если это вамъ угодно, въ церкви святого Климента, съ мощами котораго онъ пришелъ сюда.—Такъ и повелѣлъ сдѣлать папа. И снова собрались епископы со всѣмъ народомъ, желая отдать ему послѣдній долгъ; и когда хотѣли положить его на мѣсто, епископы сказали: откройте раку, посмотримъ, цѣлъ ли онъ, не взято ли что у него. И, трудившись много, не могли открыть раку, по Божію повелѣнію. Итакъ, съ ракою положили въ гробъ на правой сторонѣ алтаря, въ церкви святого Климента, гдѣ начали совершаться многія чудеса, видя которыя, римляне еще болѣе прониклись почитаніемъ къ нему и, написавъ икону надъ гробомъ его, начали совершать надъ нимъ службы день и ночь, воздавая хвалу Богу, прославляющему такъ тѣхъ, которые Его славятъ. Тому слава и честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ, аминь.

---

2. Житіе св. Меѳодія.

Мѣсяца апрѣля въ шестый день память и житіе блаженнаго отца нашего и учителя Меѳодія, архіепископа моравскаго.

Благослови отче.

Вступленіе.

I. Богъ благій и всемогущій сотворилъ изъ небытія въ бытіе все существующее, видимое и невидимое, и украсилъ всякою красотою, размышляя надъ которою, человѣкъ лишь отчасти можетъ уразумѣть и познать Того, Который сотворилъ столь многія и дивныя творенія. Ибо изъ величія и красоты произведеній составляется понятіе и о Творцѣ ихъ, Котораго ангелы воспѣваютъ тресвятымъ гласомъ, и всѣ правовѣрные славятъ во Святой Троицѣ, т.-е. въ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ, въ трехъ ипостасяхъ, т.-е. въ лицахъ, но въ единомъ Божествѣ. Прежде всякаго времени свыше всякаго пониманія Отецъ родилъ Сына, по словамъ Премудрости: прежде всѣхъ горъ рождаетъ меня. И въ Евангеліи само Божіе Слово, воплотившееся въ послѣднія лѣта нашего ради спасенія, сказало пречистыми устами: Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ (Іоан. 14.11). Отъ Того же Отца исходитъ и Святый Духъ, какъ сказалъ самъ Сынъ Божіимъ гласомъ: Духъ истинный, Который отъ Отца исходитъ (Іоан. 15.26). Этотъ Богъ создалъ всякую тварь, какъ говоритъ Давидъ: словомъ Господа сотворены небеса и духомъ устъ Его все воинство ихъ (Пс. 32.6). Ибо Онъ сказалъ—и сдѣлалось; Онъ повелѣлъ — и явилось (Пс. 32.10). Прежде всего Онъ сотворилъ человѣка, взявъ отъ земли глину и вдунулъ отъ Себя душу животворящимъ дуновеніемъ, и одарилъ его разумомъ и свободною волею, да войдетъ въ рай. И, чтобы испытать его, далъ ему заповѣдь, сказавъ, что—если сохранитъ ее, будетъ безсмертенъ, если же преступитъ, смертію умретъ по своей волѣ, а не по Божію велѣнію. Тогда діаволъ, увидѣвъ человѣка столь почтеннымъ и поощряемымъ занять то мѣсто, съ котораго онъ ниспалъ чрезъ свою гордыню, склонилъ его преступить заповѣдь, и человѣкъ былъ изгнанъ изъ рая и осужденъ на смерть. Съ тѣхъ поръ діаволъ не преставалъ учить и разными кознями соблазнять человѣческій родъ. Но Богъ по великой милости и любви не оставилъ окончательно человѣка, но во всѣ времена и лѣта избиралъ мужей, видя добрыя дѣла и подвиги которыхъ, люди могли бы имъ упо-

добляться и стремиться къ добру. Таковъ былъ Еносъ, который первый сталъ призывать имя Господне. За нимъ Енохъ, угодивъ Богу, преставился. Ной оказался праведнымъ въ своемъ родѣ и спасся отъ потопа въ ковчегѣ, чтобы снова земля исполнилась твари Божіей и украсилась. По раздѣленіи народовъ Авраамъ позналъ Бога, когда всѣ впали въ заблужденіе, и назвался другомъ Божіимъ, получивъ обѣтованіе: въ сѣмени твоемъ благословятся всѣ народы. Прообразуя Христа, Исаакъ возведенъ былъ на гору въ жертву Богу, Іаковъ погубилъ идолы тестя (Быт. 35.24) и видѣлъ лѣствицу отъ земли до неба и ангеловъ Божіихъ, восходящихъ и нисходящихъ по ней, и, благословляя сыновей своихъ, пророчествовалъ о Христѣ. Іосифъ въ Египтѣ прокормилъ людей (во время голода), явившись угоднымъ Богу. Іовъ авситидійскій, человѣкъ праведный и непорочный, какъ пишутъ книги, претерпѣвъ посланное ему искушеніе, былъ благословенъ Господомъ. Моисей съ Аарономъ въ іереяхъ Божіихъ назвался Богомъ фараона (Исх. 7.1), навелъ казнь на египтянъ и вывелъ изъ Египта людей Божіихъ съ помощью свѣтлаго облака днемъ и огненнаго столпа ночью; раздѣлилъ море и прошелъ по суху, потопивъ египтянъ; въ безводной пустынѣ напоилъ людей водою и насытилъ ангельскимъ хлѣбомъ и птицами; говоривъ лицомъ къ лицу съ Богомъ, насколько возможно человѣку говорить съ Богомъ, далъ людямъ законъ, Божіимъ перстомъ написанный. Іисусъ Навинъ раздѣлилъ людямъ Божіимъ обѣтованную землю, одолѣвъ враговъ. Судьи также одержали много побѣдъ. Самуилъ, снискавъ милость Божію, помазалъ и поставилъ царя словомъ Господнимъ. Давидъ съ кротостію управлялъ народомъ и научилъ псалмамъ. Соломонъ, всѣхъ людей превосходившій отъ Бога дарованной ему премудростію, оставилъ много наставленій въ притчахъ, хотя самъ и не исполнилъ ихъ. Илія голодомъ обличилъ злобу человѣческую; воскресилъ мертваго отрока; словомъ низвелъ огонь съ неба, и сжегъ имъ жертвы, и избилъ мерзкихъ жрецовъ (Ваала); и взошелъ на небо на огненной колесницѣ и коняхъ, даровавъ ученику сугубый духъ пророчества. Елисей, получивъ плащъ Иліи, сотворилъ сугубыя чудеса. Прочіе пророки каждый въ свое время пророчествовали о дивныхъ событіяхъ, которыя должны были произойти. Послѣ нихъ великій Іоаннъ, ходатай между Ветхимъ Завѣтомъ и Новымъ, былъ крестителемъ Христа, свидѣтельствовалъ о Немъ и проповѣдалъ Его живымъ и мертвымъ. Святые апостолы Петръ и Павелъ съ прочими учениками Христа, подобно молніи, обошли

весь міръ и освѣтили всю землю. Послѣ нихъ мученики своею кровію омыли скверну, а преемники святыхъ апостоловъ, крестивъ императора, многими подвигами и трудами сокрушили язычество. Честный Селиверстъ съ 318-ю отцами при помощи императора Константина, собравъ первый никейскій соборъ, побѣдилъ Арія и проклялъ его и воздвигнутую имъ на Святую Троицу ересь, уподобившись Аврааму, который съ 318-ю рабами поразилъ царя еламскаго и принялъ благословеніе и хлѣбъ съ виномъ отъ Мельхиседека, царя салимскаго, ибо онъ былъ іерей Бога Вышняго. Григорій Богословъ съ 150-ю отцами и съ императоромъ Ѳеодосіемъ великимъ въ Царьградѣ подтвердилъ святой символъ, т.-е. Вѣрую во единаго Бога. На этомъ соборѣ, отлучивъ отъ церкви Македонія, прокляли его и хульное ученіе его, которое онъ говорилъ противъ святаго Духа. Целестинъ и Кириллъ съ двумястами отцовъ и императоромъ Ѳеодосіемъ малымъ въ Ефесѣ ниспровергли заблужденія Несторія. Левъ и Анатолій съ правовѣрнымъ императоромъ Маркіаномъ, съ 630 отцами въ Халкидонѣ прокляли безумное заблужденіе Евтихія. Вигилій съ богоугоднымъ Іустиномъ и съ 165 отцами, собравъ пятый соборъ и разсмотрѣвъ современныя ему лжеученія, ихъ осудили [1]). Агаѳонъ и папа римскій съ 170-ю отцами, съ честнымъ императоромъ Константиномъ на шестомъ соборѣ пресѣкли многія смуты и, осудивъ на изгнаніе, прокляли Ѳеодора фараньскаго, Севира и Пирона, Кира александрійскаго, Гонорія римскаго, Макарія антіохійскаго и прочихъ сообщниковъ ихъ, а христіанскую вѣру, на истинѣ поставивъ, утвердили [2]).

Происхожденіе Меѳодія.

II. Вслѣдъ за всѣми этими милостивый Богъ, который желаетъ, чтобы всякій человѣкъ былъ спасенъ и пришелъ къ познанію истины, въ наше время ради народа нашего, о которомъ никто никогда не позаботился, воздвигъ на служеніе нашего учителя, блаженнаго Меѳодія, котораго подвиги и добрыя дѣла не стыдно сравнить съ такими же этихъ угодниковъ. Ибо однимъ онъ былъ

---

[1]) Лица лжеучителей не указаны въ житіи.

[2]) На томъ основаніи, что, упоминая о вселенскихъ соборахъ, авторъ житія ставитъ впереди имя папъ и при перечисленіи соборовъ упоминаетъ только о шести, между тѣмъ, какъ Константинъ и Меѳодій жили и дѣйствовали послѣ седьмого вселенскаго собора, А. В. Горскій думалъ, что житіе Меѳодія было составлено въ странѣ, признававшей церковную зависимость отъ римскаго престола. Но профессоръ Вороновъ указалъ, что и у византійскихъ писателей IX вѣка соблюдается такой же точно порядокъ: у Амартола, Ѳеофана и даже у Фотія; а седьмой вселенскій соборъ не сразу былъ признанъ и церковью восточною.

равенъ, другимъ уступалъ немногимъ, а нѣкоторыхъ превосходилъ: отличавшихся даромъ слова подвигами, а подвижниковъ словомъ. Всѣмъ избранникамъ Божіимъ уподобляясь, онъ отражалъ въ себѣ всѣ ихъ черты, обнаруживая страхъ Божій, соблюденіе заповѣдей, чистоту плоти, неусыпность молитвъ, святость, силу и мягкость слова, силу—на враговъ, мягкость—на принимающихъ вразумленіе, гнѣвъ, крѣпость, милосердіе, любовь, страсть и терпѣніе (однимъ словомъ), былъ все для всѣхъ, чтобы все пріобрѣсти (1 Коринѳ. 9.22). И рода былъ съ той и другой стороны не низкаго, а весьма добраго и честнаго, угоднаго Богу и извѣстнаго императору и всей странѣ солунской, что̀ было видно и по самой его наружности. Поэтому и греки любили его съ дѣтства и часто вступали съ нимъ въ бесѣду, а, наконецъ, и самъ императоръ, узнавъ его рѣдкія способности, далъ ему во владѣніе славянское княжество—для того, прибавлю отъ себя, чтобы онъ могъ изучить всѣ обычаи славянскіе и мало-по-малу съ ними свыкнуться, словно предвидѣлъ, что придется послать его учителемъ славянамъ и первымъ ихъ архіепископомъ.

Меѳодій у хазаръ и въ Моравіи.

III. Пробывъ на томъ княженіи многіе годы, Меѳодій видѣлъ безъ конца суету мірской жизни и мракъ земныхъ заботъ оставилъ для помысловъ о небѣ; не хотѣлъ онъ благочестивую душу осуетить непребывающимъ вѣчно и, воспользовавшись удобнымъ временемъ, оставилъ княженіе и удалился на Олимпъ [1]), гдѣ живутъ святые отцы, и тамъ принялъ постриженіе, облекшись въ черныя ризы: и смиренно пребывалъ въ повиновеніи, вполнѣ соблюдая монашескій уставъ, прилежно занимаясь книгами.

IV. Въ это время императоръ послалъ брата его философа [2]) въ Хазарію, а этотъ взялъ его къ себѣ въ помощники. Были тамъ іудеи, ярые хулители христіанской вѣры. Меѳодій не ослушался, сказавъ: я готовъ умереть за христіанскую вѣру, отправился вмѣстѣ и, какъ рабъ, служилъ меньшому брату, оказывая ему полное повиновеніе. И братья одержали верхъ надъ противниками Христа и посрамили ихъ: Меѳодій—силою молитвы, Константинъ—силою слова. По возвращеніи ихъ императоръ и патріархъ, уви-

---

[1]) То-есть вышеупомянутый Олимпъ малоазійскій (сравни житіе Кирилла, гл. VII).

[2]) Интересно, что житіе не называетъ даже имени Константина. И вообще, по справедливому замѣчанію А. В. Горскаго, въ житіи Меѳодія по большей части опускается, что подробнѣе изложено въ житіи Кирилла. Въ этомъ видятъ указаніе на то, что оба житія написаны однимъ авторомъ.

дѣвъ способность Меѳодія къ подвигамъ христіанской жизни, склоняли его принять посвященіе въ санъ архіепископа, предлагая ему почетное мѣсто, гдѣ была потребность въ такомъ мужѣ. И только послѣ отказа его поставили игуменомъ въ монастырѣ, называемомъ Полихронъ, который былъ богатъ средствами и братіей: въ немъ было до 70 отцовъ [1]).

V. Въ эти дни Ростиславъ, князь славянскій, и Святополкъ послали пословъ изъ Моравіи къ императору Михаилу съ такими словами: Божіею милостью мы здоровы, но пришли къ намъ учители христіанской вѣры изъ Италіи, Греціи и Германіи, учатъ насъ различно; а мы, славяне, простые люди, и нѣтъ среди насъ такого человѣка, который исправитъ намъ всякую правду. Тогда императоръ Михаилъ сказалъ философу Константину: слышишь, философъ, въ чемъ дѣло. Никто другой, кромѣ тебя, не можетъ его исполнить. А потому даю тебѣ дары, и, взявъ брата своего игумена Меѳодія, отправляйся. Вѣдь вы оба солуняне родомъ, а солуняне всѣ свободно говорятъ по-славянски [2]).—Не смѣли братья ослушаться Бога и царя, внимая словамъ святого апостола Петра: Бога бойтесь, царя чтите. Сознавая величіе предстоящаго подвига, братья предались молитвѣ съ остальными своими единомышленниками. И явилъ Богъ философу славянскія письмена. И, устроивъ письмена и совершивъ переводъ, онъ отправился въ Моравію, взявъ Меѳодія. Съ обычною покорностью Меѳодій служилъ философу и училъ вмѣстѣ съ нимъ. Три года пробывъ въ Моравіи, они отправились въ Римъ для посвященія учениковъ своихъ.

VI. Папа Николай, до котораго дошли слухи о подвигахъ ихъ, послалъ за ними, желая ихъ видѣть, какъ ангеловъ Божіихъ. Онъ освятилъ ихъ ученіе, положилъ славянское Евангеліе на алтарѣ

---

[1]) А. В. Горскій замѣтилъ: „монастырь Полихронъ неизвѣстенъ“. Позднѣйшіе изслѣдователи указали его мѣсто: „монастырь этотъ находился у азіатскаго берега Мраморнаго Моря, близъ Кизика“ (Малышевскій). Что касается дальнѣйшихъ словъ житія объ этомъ монастырѣ, то А. В. Горскій слова: „емуже се мѣра 24 спудове злата“ находилъ неясными. Въ старшихъ спискахъ вмѣсто „се мѣра стоитъ „съмѣра“ (mensura); а что касается слова „спудъ“, то у Миклошича, кромѣ другихъ значеній этого слова, приведено значеніе „талантъ“. Повидимому, этими словами опредѣлялось богатство монастыря.

[2]) Въ этихъ словахъ, влагаемыхъ составителемъ житія въ уста императора Михаила, заключается важное и интересное указаніе на степень распространенности среди солунянъ знанія языка мѣстнаго славянскаго населенія, т.-е. славянъ македонскихъ.

святого апостола Петра, а блаженнаго Меѳодія посвятилъ во священника [1]). Но было въ Римѣ немало и такихъ людей, которые порицали славянскія книги и говорили, что не слѣдуетъ никакому народу имѣть своихъ буквъ, кромѣ евреевъ, грековъ и латинянъ, согласно надписи Пилата на Крестѣ Господа. Такихъ папа назвалъ пилатниками и трязычниками и предалъ ихъ проклятью. Одному изъ такихъ епископовъ, который былъ зараженъ этимъ недугомъ, повелѣлъ посвятить изъ учениковъ Меѳодія трехъ священниковъ и двухъ чтецовъ.

VII. Спустя немало времени, философъ на смертномъ одрѣ сказалъ Меѳодію, брату своему: братъ, мы были подобны парѣ воловъ, пахавшихъ одну борозду; и вотъ я падаю на лѣхѣ, скончавъ дни свои, а ты такъ сильно любишь гору (т.-е. Олимпъ); смотри же, не оставляй ради горы своего ученія, которымъ скорѣе можешь быть спасенъ.

Меѳодій поставляется епископомъ Паннонія.

VIII. Въ это время Коцелъ, князь паннонскій, послалъ къ папѣ пословъ и просилъ его отпустить къ нему Меѳодія, блаженнаго учителя нашего. Папа отвѣчалъ: не тебѣ одному только, но и всѣмъ странамъ славянскимъ посылаю его учителемъ отъ Бога и святого апостола Петра, первопрестольника и хранителя ключей отъ царствія небеснаго. И отправилъ его съ такимъ посланіемъ [2]): „Адріанъ епископъ и рабъ Божій [3]) къ Ростиславу, Святополку и Коцелу. Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе. Слышали мы о вашихъ духовныхъ подвигахъ, которыхъ вамъ желали, молясь о вашемъ спасеніи, что воздвигъ Господь сердца ваши искать Его и показалъ вамъ, что не только

---

[1]) Папа Николай, вызывавшій въ Римъ Константина и Меѳодія, не дожилъ до ихъ прибытія, и встрѣчалъ святыхъ братьевъ преемникъ его Адріанъ, какъ это видно изъ XVII главы житія Кирилла.

Не должно быть страннымъ, что Меѳодій посвященъ былъ во священники, хотя былъ уже и игуменомъ (смотри главу IV). Въ Греціи въ то время допускалось, чтобы ставимы были игуменами монастырей и простые монахи (Голубинскій, стр. 190).

[2]) На латинскомъ языкѣ это посланіе папы Адріана до насъ не дошло. Переводъ славянскаго текста на латинскій языкъ напечатанъ чешскимъ ученымъ Ербеномъ въ изданіи Regesta Bohemiae et Moraviae. Pars I. Pragae 1855.

[3]) Титулъ папскій въ житіи переданъ не вполнѣ правильно: „рабъ Божій“ вмѣсто „рабъ рабовъ Божіихъ“, т.-е. servus servorum Dei. Неправильность можетъ объясняться простымъ опущеніемъ слова „рабъ“: старая форма родительнаго падежа множественнаго числа равнялась именительному единственнаго.

вѣрою но и добрыми дѣлами должно служить Богу. Ибо вѣра безъ дѣлъ мертва есть; и ошибаются тѣ, которые думаютъ, что знаютъ Бога, а дѣлами отъ него отпадаютъ; ибо не только у нашего святительскаго престола просили вы учителя, но и у благовѣрнаго императора Михаила, и онъ послалъ вамъ блаженнаго Константина философа съ братомъ, прежде чѣмъ мы успѣли послать кого-либо. Они же, узнавъ, что области ваши принадлежатъ апостольскому престолу, противъ каноновъ ничего не сдѣлали, но явились къ намъ съ мощами святого Климента. И мы, испытавъ тройную радость, постановили послать въ земли ваши Меѳодія, посвятивъ его съ учениками, сына нашего, мужа, исполненнаго разума и правовѣрнаго, чтобы онъ научилъ васъ, какъ вы просили, объясняя книги на языкѣ вашемъ, весь церковный чинъ вполнѣ и съ святою литургіей и крещеніемъ, какъ началъ это вспомоществуемый благодатію Божіей и молитвами святого Климента Константинъ философъ. Такъ, если и кто другой въ состояніи будетъ достойно и правовѣрно объяснять ихъ, да будетъ благословенъ на это святое дѣло и самимъ Богомъ, и нами, и всей каѳолическою и апостольскою церковію, чтобы вы скорѣе познали заповѣди Божіи. Одинъ только сохраните обычай: читать на литургіи апостолъ и евангеліе сперва по-латыни, а потомъ по-славянски, чтобы исполнились слова Писанія (о томъ), что всѣ народы восхвалятъ Господа (Псал. 116. 1); и въ другомъ мѣстѣ: всѣ возглаголютъ на различныхъ языкахъ величіе Божіе, какъ Духъ Святый внушитъ имъ отвѣчать (сравни Дѣян. 2. 4). Если же кто изъ избранныхъ вами учителей, падкихъ на слухи и отвращающихъ отъ истины къ заблужденію, дерзновенно начнетъ соблазнять васъ, порицая книги на языкѣ вашемъ, такой да будетъ отлученъ и да будетъ преданъ суду церкви, пока не исправится. Такіе люди суть волки, а не овцы, которыхъ слѣдуетъ знать по плодамъ ихъ и беречься ихъ. Вы же, возлюбленныя чада, послушайте Божіе ученіе и не отриньте церковное поученіе, чтобы пребыть истинными поклонниками Бога, нашего Отца небеснаго, со всѣми святыми. Аминь". И Коцелъ принялъ Меѳодія съ великою честью и снова послалъ его къ папѣ вмѣстѣ съ двадцатью почтенными мужами, чтобы посвятить его на епископство въ Панноніи, на престолъ святого апостола Андроника, изъ числа семидесяти [1]). Такъ это и было.

---

[1]) „Ни въ одномъ сказаніи о Кириллѣ и Меѳодіи не говорится, чтобы Меѳодій сначала посланъ былъ изъ Рима только священникомъ, а потомъ уже

IX. Послѣ этого старый врагъ, завидующій добру и противникъ истинѣ, возстановилъ противъ Меѳодія врага моравскаго короля вмѣстѣ со всѣми епископами, которые обвиняли его, говоря: ты учишь въ нашей области.—Отвѣчалъ на это Меѳодій: если бы я зналъ, что это ваша область, не вступалъ бы въ ея предѣлы, но она принадлежитъ святому Петру. А потому скажу вамъ правду: если вы изъ ревности и алчности, вопреки канонамъ, посягаете на старыя области, возбраняя проповѣдь Божія ученія, то берегитесь, какъ бы желая прошибить желѣзную гору костяными теменами, не пролить вашъ мозгъ.—Ему отвѣчали: не быть добру, когда говоришь такъ сердито.—Отвѣчалъ Меѳодій: не стыжусь говорить правду и въ присутствіи государей. Дѣлайте со мной, что вамъ угодно. Я не лучше тѣхъ, которые за правду положили жизнь послѣ многихъ мученій.—Послѣ того, какъ долго и много говорили и не могли ему дать отвѣта, сказалъ король: не утруждайте моего Меѳодія, онъ вспотѣлъ, словно у печи.—Отвѣтилъ на это Меѳодій: да, государь, люди, встрѣтивъ разъ потнаго философа, спросили его: отчего ты вспотѣлъ? Съ грубыми людьми спорилъ, сказалъ онъ.—Послѣ этихъ преній разошлись, а Меѳодія заточили въ Швабіи и держали въ заточеніи два года съ половиной [1]).

Нѣмецкое духовенство преслѣдуетъ Меѳодія.

X. Вѣсть о томъ дошла до папы, и лишь только онъ узналъ это, послалъ проклятіе на враговъ Меѳодія, да не поютъ литургіи всѣ епископы королевскіе, пока его держатъ въ заключеніи; и тогда отпустили его, сказавъ Коцелу: если будешь держать у себя такого человѣка, не избавишься нашего осужденія. Но они сами не ушли отъ святого суда Петрова. Четверо этихъ епископовъ умерли [2]). Какъ разъ въ это время моравляне, понявъ, что нѣмецкое духовенство, которое жило у нихъ, питаетъ къ нимъ не-

Меѳодій архіепископъ въ Моравіи.

епископомъ. Но нѣтъ уважительныхъ причинъ отвергать сего. Жизнеописатель знаетъ даже и то, какъ велико было числомъ посольство, чрезъ которое Коцелъ просилъ папу о посвященіи Меѳодія въ епископы. И когда онъ представляетъ дѣйствующимъ одного Коцела, то этимъ показываетъ, что знаетъ тогдашнія обстоятельства Ростислава и Святополка".—Горскій, стр. 33.

[1]) Въ высшей степени интересно, что этотъ, повидимому, совершенно легендарный разсказъ подтвердился открытыми въ послѣднее время папскими буллами.—Разсказъ о встрѣчѣ потнаго философа встрѣчается въ сборникахъ изреченій „о прѣмудрости философли".

[2]) Въ округѣ зальцбургскаго архіепископа Адальберта († 875), котораго разумѣетъ здѣсь составитель житія, въ IX вѣкѣ были епископы регенсбургскій, фрейзингенскій—Ганнонъ († 875 г.), пассавскій—Германрикъ († 874 г.) и бриксійскій; списокъ послѣднихъ епископовъ въ концѣ IX столѣтія неполонъ.

пріязнь и злоумышляетъ противъ нихъ, прогнали ихъ всѣхъ и послали сказать папѣ: такъ какъ и прежде отцы наши отъ святого Петра приняли крещеніе, то дай намъ Меѳодія архіепископомъ и учителемъ. Тотчасъ же послалъ его папа; и князь Святополкъ со всѣми моравлянами принялъ его и поручилъ ему всѣ церкви и новопосвященныхъ во всѣхъ городахъ. Съ того дня начало преуспѣвать Божіе ученіе, увеличилось число посвящаемыхъ во всѣ города, а язычники вѣровали въ истиннаго Бога, оставляя свои заблужденія. И самая моравская область начала расширяться и побѣждать своихъ враговъ, какъ объ этомъ постоянно разсказываютъ и сами моравляне.

XI. Былъ въ немъ и даръ пророчества, и сбывались многія его предсказанія, два примѣра которыхъ мы разскажемъ. Языческій князь, весьма сильный на берегахъ Вислы, насмѣхался надъ христіанами и причинялъ имъ вредъ. Пославъ къ нему, Меѳодій сказалъ: хорошо бы тебѣ, сынъ мой, креститься въ своей странѣ и по доброй волѣ, чтобы не пришлось, попавшись въ плѣнъ, быть крещеннымъ въ чужой странѣ и противъ воли, тогда вспомнишь мои слова. Что и случилось.—Другой разъ, когда Святополкъ велъ войну съ язычниками и не имѣлъ успѣха въ затянувшейся долгое время борьбѣ, Меѳодій по случаю приближавшагося праздника святого апостола Петра послалъ сказать князю: если обѣщаешь въ день святого Петра съ воинами своими выслушать у меня богослуженіе, твердо вѣрую—Богъ предастъ тебѣ враговъ твоихъ въ самомъ скоромъ времени. Такъ это и случилось.—Нѣкто другой, одинъ богатый совѣтникъ князя, женился на свояченицѣ и, несмотря на увѣщанія и наставленія и утѣшенія, Меѳодію не удалось развести ихъ. Другіе же изъ духовенства, лицемѣрно себя называющіе Божіими рабами, тайно развращали ихъ, льстя имъ ради богатства ихъ, чтобы потомъ отлучить отъ церкви. Видя это, Меѳодій сказалъ: придетъ время, они не помогутъ вамъ, и будете помнить слова мои, но ничего нельзя будетъ сдѣлать. И Богъ оставилъ ихъ, и внезапно постигла ихъ напасть, и не осталось отъ нихъ слѣда, словно отъ праха, развѣяннаго вѣтромъ.—И много подобныхъ предсказаній въ образѣ притчъ исходило изъ его устъ.

XII. Не терпя это, старый врагъ и завистникъ человѣческому роду вооружилъ противъ Меѳодія однихъ явно, другихъ втайнѣ, какъ Дафана и Авирона противъ Моисея. Это были страдающіе іопаторскою ересью [1]) и совращающіе на свою сторону съ пра-

---

[1]) Подъ именемъ ереси іопаторской разумѣется ученіе латинянъ, которые

ваго пути слабѣйшихъ; они говорили: папа намъ далъ власть, а его велитъ изгнать вонъ и съ ученіемъ его. Собрались тогда всѣ моравляне и велѣли прочесть передъ ними папское посланіе, чтобы услышать объ изгнаніи. Всѣ, какъ это обыкновенно бываетъ съ народомъ, печалились и скорбѣли, лишаясь такого пастыря и учителя, кромѣ слабыхъ, которыхъ увлекалъ обманъ, какъ вѣтеръ листья. Прочтя посланіе папы, нашли, что въ немъ было написано: братъ нашъ святой Меѳодій правовѣренъ, дѣлаетъ дѣло апостольское, и ему вручены всѣ славянскія земли самимъ Богомъ и папскимъ престоломъ, и кого онъ проклянетъ, будетъ проклятъ, кого посвятитъ, тотъ будетъ святъ. Посрамленные этимъ враги Меѳодія со стыдомъ разошлись, какъ туманъ.

Путешествіе Меѳодія въ Царьградъ.

XIII. На этомъ только не остановилась ихъ злоба; стали говорить: императоръ на него гнѣвается; если попадетъ ему въ руки, не быть ему въ живыхъ. Не допуская и этой хулы на раба своего, милосердый Богъ вложилъ въ сердце императора мысль—какъ и всегда сердце царей въ руцѣ Божіей—послать посланіе къ святому съ такими словами: отче честный, сильно желаю тебя видѣть. Будь же добръ, приди къ намъ, чтобы мы могли видѣть тебя, пока еще ты живъ, и слышать твою молитву. Святой тотчасъ отправился въ Царьградъ, гдѣ императоръ принялъ его съ великою почестью и радостью; похваливъ его ученіе, удержалъ изъ его учениковъ священника и діакона съ книгами [1]). Исполнивъ всѣ желанія святителя, ни въ чемъ его не ослушавшись, облобызавъ и щедро одаривъ, проводилъ его обратно на его каѳедру. Также принялъ его и патріархъ.

XIV. На обратномъ пути Меѳодій кознями діавола испыталъ многія бѣдствія, въ пустынныхъ мѣстахъ отъ разбойниковъ, въ морѣ отъ бури, на рѣкахъ отъ непредвидѣнныхъ мелей, такъ что сбылись на немъ слова апостола: много разъ былъ въ путешествіяхъ, въ опасностяхъ отъ разбойниковъ, въ опасностяхъ на морѣ, въ опасностяхъ на рѣкахъ, въ опасностяхъ между лжебратіями, въ трудѣ и изнуреніи, часто въ бдѣніи, голодѣ и жаждѣ (2 Коринѳ. 11.26.27), и прочихъ бѣдствіяхъ, упоминаемыхъ апостоломъ.

утверждали, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына (Πατρὸς καὶ Υἱοῦ, или Υἱοῦ καὶ Πατρός).

[1]) Т. е. византійскій императоръ Василій Македонянинъ. Путешествіе Меѳодія въ Царьградъ относится, по всей вѣроятности, къ 881 или 882 г. Отсюда видно, что Меѳодій захватилъ съ собою въ Царьградъ богослужебныя книги.

Труды по переводу Священнаго Писанія.

XV. Послѣ этого, удалившись отъ шума и возложивъ заботу на Господа, Меѳодій посадилъ изъ своихъ учениковъ двухъ священниковъ-скорописцевъ и въ скоромъ времени перевелъ съ греческаго языка на славянскій всѣ книги Священнаго Писанія вполнѣ, кромѣ Маккавейскихъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ: начавъ отъ марта мѣсяца до двадцать шестого дня октября мѣсяца [1]). Окончивъ переводъ, воздалъ достойную хвалу и славу Богу, дарующему такую благодать и успѣхъ. И, отслуживъ вмѣстѣ съ клиромъ своимъ литургію, отпраздновалъ память святого Димитрія [2]).—Раньше, вмѣстѣ съ Константиномъ философомъ, переведены были только Псалтырь, Евангеліе и Апостолъ, и избранныя службы церковныя.—Тогда же Меѳодій перевелъ Номоканонъ и Патерикъ [3]).

XVI. Прибывшій въ это время на Дунай король венгерскій за-

---

[1]) Въ этой въ высшей степени важной главѣ составитель житія даетъ ясное указаніе на то, что переводъ Священнаго Писанія за славянскій языкъ святыми Кирилломъ и Меѳодіемъ былъ исполненъ не сразу. Въ началѣ миссіонерской дѣятельности святыхъ братьевъ въ славянскихъ земляхъ Кириллъ и Меѳодій перевели только Евангеліе съ Апостоломъ, т. е. Евангеліе апракосъ (недѣльное, въ порядкѣ годичнаго круга церковной службы) и Апостолъ апракосъ (т. е. недѣльный, въ томъ же порядкѣ), и богослужебныя книги (сравни главу XV житія Кирилла, гдѣ исчисляются виды богослуженія: утреня, часы, вечерня, повечеріе, литургія). Въ послѣдніе годы архіепископскаго служенія Меѳодіемъ были переведены всѣ остальныя книги Священнаго Писанія (каноническія), кромѣ Маккавейскихъ. Это послѣднее показаніе житія подтверждается свидѣтельствомъ Іоанна экзарха болгарскаго, который говоритъ: великій архіепископъ Божій Меѳодій братъ (Кирилла) преложи (т. е. перевелъ) вся уставныя книги 60 отъ еллинска языка въ словенскъ.—Чтобы судить о вѣроятности столь скораго переложенія св. книгъ на славянскій языкъ двумя священниками, замѣчаетъ по этому поводу А. В. Горскій, должно имѣть въ виду, что а) весь Новый Завѣтъ и Псалтирь были переведены уже ранѣе. Переведено было не мало главъ изъ В. Завѣта, которыя читаются въ пареміяхъ: но сей переводъ, какъ и нынѣ еще можно примѣчать, разнится отъ перевода цѣльныхъ книгъ, совершеннаго при Меѳодіи; и въ этомъ заключается новое доказательство справедливости повѣствуемаго жизнеописателемъ. б) Книги Маккавейскія, а съ ними, вѣроятно, Книга Товіи, Есѳирь и 3-ья Ездры, не были еще переведены при Меѳодіи. Слѣд., если не треть, то болѣе четверти труда слагалось съ новыхъ переводчиковъ".

[2]) Святитель Димитрій солунскій, покровитель Солуня — родины святыхъ Кирилла и Меѳодія—былъ особенно близокъ ихъ сердцу, и очень понятно желаніе Меѳодія окончить переводъ къ 26 октября, дню памяти солунскаго великомученика.

[3]) Что касается перевода Номоканона, то думаютъ, что былъ переведенъ Номоканонъ Іоанна Схоластика, представляющій болѣе краткую редакцію этого памятника сравнительно съ Номоканономъ Фотія.

хотѣлъ видѣть Меѳодія. Несмотря на то, что нѣкоторые говорили и думали, что это свиданіе грозитъ ему опасностью, онъ отправился къ нему. Король принялъ его, какъ подобаетъ государю, радостно, съ почестями и славою. Побесѣдовавъ съ нимъ, какъ надлежало вести бесѣды такимъ людямъ, и съ любовью облобызавъ его, отпустилъ съ великими подарками, сказавъ: помяни меня, честной отецъ, въ святыхъ твоихъ молитвахъ [1]).

Послѣдніе дни и кончина Меѳодія.

XVII. Такъ удалилъ святой обвиненія противъ себя со всѣхъ сторонъ, заградилъ уста многорѣчивыхъ, свершилъ свой путь, соблюлъ вѣру и ожидалъ праведнаго вѣнца. Такимъ образомъ, угодивши Богу, былъ возлюбленъ Богомъ, и близко стало время пріять покой отъ страданій и воздаяніе за многіе труды. Моравляне обратились тогда къ нему съ вопросомъ: кого изъ учениковъ своихъ, честной отецъ и учитель, желаешь ты видѣть преемникомъ своего ученія?—И указалъ имъ на одного изъ извѣстныхъ учениковъ своихъ, по имени Горазда, говоря: вотъ свободный человѣкъ земли вашей, хорошо знающій латинскій языкъ и правовѣрный. Буди съ нимъ воля Божія и ваша любовь, какъ и моя.—Было вербное воскресеніе; весь народъ собрался въ этотъ день въ церковь, вошелъ и Меѳодій, хотя и больной, и, преподавъ присутствовавшимъ послѣднее наставленіе, благословилъ царя и князя, духовенство и весь народъ и въ заключеніе сказалъ: дѣти мои, постерегите меня до третьяго дня. Такъ и было. На разсвѣтѣ третьяго дня съ послѣдними словами: „Господи, въ руцѣ твои предаю мою душу“ почилъ на рукахъ іереевъ въ шестой день мѣсяца апрѣля, въ 3-й индиктъ 6393 года отъ сотворенія міра.

Ученики почившаго разсудили достойнымъ образомъ воздать ему послѣднюю честь и, отслуживъ заупокойную литургію на языкахъ латинскомъ, греческомъ и славянскомъ, положили его въ соборной церкви. Безчисленныя толпы собравшагося народа, мужчины и женщины, старые и малые, богатые и бѣдные, свободные и рабы, вдовы и сироты, иностранцы и мѣстные жители, больные и здоровые, провожали его со свѣчами, оплакивая добраго учителя и пастыря, который былъ все для всѣхъ, чтобы все пріобрѣсти. Ты же, чтимый святитель, призирая насъ своими молитвами, избавь насъ, учениковъ своихъ, отъ всякой напасти, рас-

---

[1]) Попытку подтвердить это извѣстіе житія сдѣлалъ Малышевскій, допускающій появленіе угровъ у Дуная съ воеводою Лебедемъ на основаніи разсказа Константина Порфирогенета. Тр. К. Д. А., ноябрь, 446—462.

пространяя ученіе, прогоняя ереси; да, живши здѣсь достойно званія нашего, станемъ съ тобою, твое стадо, одесную Христа Бога нашего, пріемля отъ Него жизнь вѣчную [1]). Тому честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

3. Житіе Климента, епископа болгарскаго [2]).

(БОЛГАРСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Жизнь и дѣянія, исповѣданіе и отчасти повѣствованіе о чудесахъ иже во святыхъ отца нашего Климента, архіепископа болгарскаго. Сочиненіе, написанное святымъ и славнымъ Ѳеофилактомъ, архіепископомъ первой Юстиніаны и всей Болгаріи и магистромъ риторовъ въ Константинополѣ [3]).

Вступленіе. 1. Пріидите, чада, послушайте мене (Псал. 33.12), пріидите, и повѣмъ вамъ, вси боящіися Бога (Псал. 65.16), яко познаетъ родъ инъ, сынове родящіися (Псал. 77.6), и людіе зиждеміи восхвалятъ Господа (Псал. 101.19). Такъ говорилъ Давидъ—и мы

---

[1]) Окончаніе житія даетъ Малышевскому поводъ видѣть въ его составителѣ непосредственнаго свидѣтеля и участника событій, одного изъ учениковъ блаженнаго Меѳодія.

[2]) Предлагаемый переводъ житія Климента съ греческаго языка на русскій сдѣланъ профессоромъ А. И. Менщиковымъ и былъ напечатанъ въ юбилейномъ изданіи московскаго университета: Матеріалы для исторіи письменъ Москва, 1855 г. По точности этотъ переводъ считается однимъ изъ лучшихъ; равнымъ образомъ имъ вполнѣ передается витіеватый, исполненный риторическихъ украшеній стиль оригинала. Пользуясь этимъ переводомъ, мы допустили лишь незначительныя измѣненія при передачѣ собственныхъ именъ славянскихъ. Ихъ мы передаемъ согласно болгарскому переводу житія, сдѣланному Д. Матовымъ подъ редакціей профессора М. С. Дринова.

[3]) Житіе Климента въ надписаніи приписывается архіепископу болгарскому Ѳеофилакту. Но на томъ основаніи, что въ самомъ житіи, въ главѣ XVIII, авторъ выставляетъ себя лицомъ самымъ близкимъ къ Клименту, Добровскій и Миклошичъ не находили возможнымъ признать составителемъ житія архіепископа Ѳеофилакта, такъ какъ Климентъ умеръ въ 916 г., а Ѳеофилактъ въ 1107 г. При этомъ Добровскій думалъ, что неизвѣстный авторъ жилъ послѣ Ѳеофилакта, а Миклошичъ полагалъ, что авторъ-болгаринъ написалъ житіе въ X вѣкѣ. Мнѣніе Миклошича раздѣлялъ Бодянскій, предполагая лишь, что житіе сначала было написано славяниномъ и на славянскомъ языкѣ, а позднѣе

теперь съ нимъ; ибо величіе Божіе должно возвѣщать во всякое время и для всѣхъ; и не поэтому только—ибо, сколько бы мы ни возвѣщали и ни изрекали, недосказаннаго останется безчисленное множество,—но потому что проповѣданіе величества чудесъ Божіихъ и въ нерадивѣйшихъ и заснувшихъ для дѣлъ благихъ производитъ нѣкоторое пробужденіе. Многіе думаютъ, что наши времена не имѣютъ ничего похожаго на старинныя, что, напротивъ, прежнія и чудесами просвѣщались, и украшались житіями мужей, которые, будучи въ тѣлѣ, жили почти безтѣлесно, а нашему поколѣнію ничего подобнаго не даровано отъ Бога; поэтому и къ жизни благой, какъ будто бы теперешняя природа не вмѣщаетъ ея, сдѣлались жалкимъ образомъ неспособными эти плохіе знатоки и слишкомъ самоувѣренные; ибо существо природы все одно и то же и не измѣнилось, и Господь оставилъ Себѣ и въ наши времена весьма много людей, которые, не преклонивъ колѣна (3 Цар. 19.18) ни передъ какою дольнею тварію, во славу Отца небеснаго просіяли свѣтомъ жизни своея, явившись свѣтильниками міру, содержащими въ себѣ слово жизни. Такъ и болгарскую страну просвѣтили въ послѣднія времена блаженные отцы и учители, сіявшіе ученіемъ и чудесами, житіемъ и словомъ явившись угодными предъ Богомъ, коихъ всю жизнь описать мнѣ хотѣлось, но это превосходитъ силы моего слова [1]). Впрочемъ, представивши и нѣкоторыя только черты,

---

было переведено на греческій языкъ. Шафарикъ высказывалъ предположеніе, что житіе Климента, составленное однимъ изъ его учениковъ, было лишь передѣлано и исправлено архіепископомъ Ѳеофилактомъ. Въ послѣднее время профессоръ Вороновъ старался отстоять принадлежность житія архіепископу Ѳеофилакту. Замѣчательное ораторское искусство, обширная богословская ученость и, въ частности, близость изложенія ученія о Св. Духѣ въ житіи Климента и въ трактатѣ „О томъ, въ чемъ обвиняются латиняне“, по мнѣнію Воронова, говорятъ за авторство Ѳеофилакта. Но въ такомъ случаѣ остается труднымъ объясненіе указаннаго мѣста въ XVIII главѣ житія.

Что касается содержанія житія Климента, то по важности заключающихся въ немъ извѣстій послѣ пространныхъ житій ему принадлежитъ первое мѣсто въ ряду источниковъ для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія. Оно составляетъ какъ бы продолженіе пространныхъ житій: въ немъ опредѣляется вѣроисповѣдный характеръ дѣятельности св. первоучителей, изображается судьба моравской церкви послѣ смерти св. Меѳодія и излагается исторія просвѣтительной дѣятельности учениковъ его, главнымъ образомъ знаменитѣйшаго изъ нихъ, св. Климента, въ Болгаріи, куда принуждены они были удалиться изъ Моравіи.

[1]) Въ отличіе отъ пространныхъ житій, житіе Климента приписываетъ свв. Кириллу и Меѳодію участіе въ просвѣщеніи Болгаріи, какъ это видно изъ даннаго мѣста и слѣдующей главы.

я могу изобразить и человѣколюбіе, и благодать Бога, сущаго съ нами и имѣющаго быть, какъ Онъ обѣщался, во вся дни до скончанія вѣка (Мат. 28.20), и показать всѣмъ людямъ, что не природа у насъ измѣнилась, но извратилось произволеніе.

Изобрѣтеніе письменъ и переводъ Священнаго Писанія.

II. Какіе же это отцы? вы, можетъ быть, желаете узнать. Меѳодій, который украсилъ епархію паннонскую, будучи архіепископомъ моравскимъ, и Кириллъ, который, будучи великъ въ любомудріи внѣшнемъ, еще болѣе былъ въ любомудріи внутреннемъ и постигалъ природу вещей существующихъ, въ особенности же—Единаго Сущаго, отъ Котораго все изъ небытія получило бытіе. Они-то, чистотою жизни вселивши въ себя Бога и страха ради, зачатаго во чревѣ, стремясь родить духъ спасенія (Ис. 26.18), вполнѣ предавались поучительному слову, провозвѣщаемому на языкѣ эллинскомъ, и дѣйствіемъ таковой мудрости многіе были привлечены. Но какъ славянское племя, или же болгарское, не разумѣло писаній, изложенныхъ на языкѣ эллинскомъ, то святые мужи находили въ этомъ величайшее бѣдствіе и считали для себя предметомъ неутѣшной скорби то, что свѣтильникъ писаній не возжигается въ мрачной странѣ болгарской,—смущались, сѣтовали и готовы были отказаться отъ жизни. Что же они дѣлаютъ? Обращаютъ взоры свои къ Утѣшителю, отъ Коего происходитъ первоначальное дарованіе языковъ и сила слова; отъ Него просятъ они благодати для того, чтобы изобрѣсть письмена, сообразныя съ грубостью языка болгарскаго, и перевесть божественныя писанія на звуки этого народа. И дѣйствительно, предавшись строгому посту, постоянной молитвѣ, изнуренію тѣла, сокрушенію и смиренію души, они достигаютъ желаемаго [1]); ибо близъ Господь, какъ говорится въ Писаніи, всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ (Псал. 144.18) и еще глаголющу ти, речетъ: се пріидохъ (Ис. 58.9). Богъ приближайся Азъ есмь, а не Богъ издалеча (Іерем. 23.23). Такъ и они въ свою очередь ощущаютъ благодать Духа, какъ утро готовое (Ос. 6.3), и свѣтъ разума возсіялъ для праведниковъ (Псал. 96.11. 111.4), и соединенное съ нимъ веселіе разогнало прежнюю ихъ скорбь. Итакъ, получивши это вожделѣнное дарованіе, они изобрѣтаютъ славянскія письмена, переводятъ боговдохновенное писаніе съ эллинскаго языка на болгарскій и стараются о томъ, чтобы ревностнѣйшимъ изъ учениковъ своихъ передать божествен-

---

[1]) О молитвѣ передъ изобрѣтеніемъ письменъ говорится и въ пространныхъ житіяхъ (Жит. Кир. гл. XIV, житіе Меѳ. гл. V).

ное ученіе. И немалое число людей пили отъ источника ихъ ученія. Изъ нихъ избранными и вождями всего сонма были: Гораздъ, Климентъ, Наумъ, Ангеларій и Савва [1]).

Путешествіе въ Римъ.

III. Знавши, что и Павелъ сообщалъ апостоламъ о своемъ благовѣствованіи (Гал. 2. 2), спѣшатъ и они въ Римъ, чтобы показать блаженнѣйшему папѣ трудъ своего перевода Св. Писанія; достигли туда благополучно и не напрасно стремились. Возсѣдавшій тогда на апостольскомъ престолѣ Адріанъ, услышавши о ихъ пришествіи, возрадовался величайшею радостью. Поражаемый издалеча громомъ славы, распространившейся объ оныхъ святыхъ, онъ желалъ видѣть и сіяніе обитавшей въ нихъ благодати и испытывалъ по отношенію къ божественнымъ мужамъ то чувство, какое Моисей по отношенію къ Богу, желая, чтобы и лицо ему явилось и чтобы онъ могъ видѣть разумно (Исход. 33.23 и 12). Адріанъ уже не въ состояніи былъ удержать себя, но, взявши весь священническій чинъ съ находившимся тогда при немъ архіерейскимъ, вышелъ въ срѣтеніе святымъ, имѣя, по обычаю, предносимое предъ собою знаменіе креста и блистаніемъ свѣтильниковъ знаменуя сіяніе радости и вмѣстѣ, можно сказать, сіяніе принимаемыхъ имъ гостей, въ прославленіе коихъ славимый во святыхъ своихъ Господь благоволилъ совершиться чрезъ нихъ многимъ чудесамъ во время ихъ вхожденія. Когда же открылся предъ глазами папы ихъ трудъ и когда онъ увидѣлъ сдѣланный на помянутомъ языкѣ переводъ Св. Писанія, этотъ плодъ апостольскій, то не зналъ, что дѣлать отъ радости; онъ ублажалъ святыхъ мужей, называлъ ихъ различными именами—отцами, чадами вожделѣнными, радостью своею, вѣнцомъ вѣры, діадемою славы и красоты церкви. Потомъ что онъ дѣлаетъ? Взявши переведенныя книги, принесъ къ святому жертвеннику, посвящая ихъ, какъ нѣкій даръ, Богу и показуя, что такими жертвами плодовъ словесныхъ благоугождается Богъ (Евр. 13.15) и что такого рода плоды приносимые пріемлетъ Онъ въ воню благоуханія [2]). Ибо для Слова что можетъ быть пріятнѣе слова, раз-

---

[1]) Вмѣстѣ съ Кирилломъ и Меѳодіемъ упоминаемые здѣсь святители были чтимы болгарскою церковію подъ именемъ „святыхъ седмичисленниковъ“ (οἱ ἅγιοι ἑπτάριθμοι). Въ честь ихъ была составлена особая церковная служба.

[2]) Свѣдѣнія, сообщаемыя въ этой главѣ, о прибытіи свв. Кирилла и Меѳодія въ Римъ, о встрѣчѣ ихъ папою Адріаномъ, о признаніи папою перевода Свящ. Писанія и объ освященіи славянскихъ книгъ вполнѣ согласны съ разсказомъ пространнаго житія Кирилла, гл. XVII. Опущено лишь указаніе на принесеніе въ Римъ мощей св. Климента.

рѣшающаго словесныхъ отъ безсловесія, такъ какъ подобное сорадуется подобному (Пѣсн. въ нед. Ваій, послѣ еванг. на утрен.)? А мужей въ церкви провозгласилъ апостольскими, такъ такъ они совершили подвигъ, равный Павлову, стремясь принести Богу жертву отъ языкъ совершенную и святую (Римл. 15.16); потомъ изъ числа лицъ, сопутствовавшихъ святымъ, тѣхъ, которыя, по засвидѣтельствованію ихъ учителей, были довольно свѣдущи въ языкѣ славянскомъ и отличались благочестивою жизнью, однихъ удостоилъ степени пресвитеровъ, другихъ сдѣлалъ діаконами; самого же великаго Меѳодія, несмотря на то, что онъ долго отказывался и уклонялся, рукополагаетъ во епископа Моравіи паннонской [1]), считая несправедливымъ не почтить именемъ того, кто удостоенъ самаго дѣла; ибо столь же грѣшно, когда кто-нибудь, будучи епископомъ по существу дѣла и по достоинству, оставляется скрываться въ ряду мірянъ и, будучи свѣтильникомъ, полагается подъ одръ неизвѣстности (Лук. 8.16). Итакъ, Меѳодія римскій первосвященникъ украшаетъ епископскимъ достоинствомъ или, лучше сказать, украшаетъ имъ епископію, а Кирилла, который былъ истиннымъ философомъ, великій архіерей призываетъ во Святая Святыхъ, чтобы тамъ, внутри скиніи истинной, совершать служеніе, и духовнѣе и божественнѣе пріобщатися таинъ и чаши новой причащатися. Святой Кириллъ, какъ будто бы ему назначено было пребывать во плоти на столько времени, чтобы изобрѣсть письмена и сдѣлать переводъ Св. Писанія, послуживши симъ волѣ Божіей, переселяется къ Богу, Который научилъ его разуму (Псал. 93.10). Предузнавъ свою кончину, онъ облекается въ образъ монашескій, котораго давно желалъ, но по смиренномудрію не рѣшался принять на себя, какъ нѣчто великое и превышающее силы его, и, пріобщивши свѣтъ къ свѣту, преставился на небеса, иде же есть Христосъ,—покинувъ юдоль плача, сѣнь омраченія, илъ тинный, пришельствіе въ здѣшнемъ мірѣ; духъ онъ предалъ, а тѣло его, которое прежде естественнаго умерщвленія подвергалось добровольному, съ подобающими почестями и пѣснями, папою въ сопровожденіи клира погребено въ храмѣ Климента, того Климента, который сопутствовалъ верховному изъ апостоловъ Петру и мудрость эллинскую покорилъ премудрости Христовой, какъ служительницу своей госпожѣ [2]). Такимъ образомъ, мудрецъ пріемлетъ

Кончина Кирилла.

---

[1]) Въ этомъ случаѣ житіе Климента расходится съ житіемъ Меѳодія (глава VI-ая).

[2]) О послѣднемъ времени жизни Кирилла, его постриженіи въ схиму и по-

мудреца, великій учитель пріобщаетъ къ себѣ гласъ слова, руководитель языковъ водворяетъ у себя того, кто свѣтомъ познанія просвѣтилъ прочіе языки. При семъ, во свидѣтельство того, какая слава на небесахъ ожидаетъ Кирилла, самъ Богъ посылаетъ знаменія и видимое дѣлаетъ предвѣстникомъ невидимаго; потому что и бѣсноватые, пришедши ко гробу, получали исцѣленіе, и во многихъ другихъ болѣзняхъ благодать Св. Духа была бичемъ, ихъ прогоняющимъ: ибо, какъ скоро кто-нибудь или приходилъ ко гробу, или призывалъ имя богоноснаго сего отца, по мѣрѣ вѣры находилъ избавленіе отъ своего недуга; поэтому Кириллъ великъ былъ въ устахъ римлянъ, а еще болѣе въ ихъ душахъ. Итакъ, чудотворенія служили основаніемъ славы его, а эта слава—достиженіемъ высшей почести, а почесть сего святого — утвержденіемъ славы Божіей [1]).

Меѳодій епископъ въ Моравіи.

IV. Такова была кончина Кирилла, и такова честь воздана ему отъ священнѣйшаго папы и отъ Бога. Меѳодій же, потерявши своего сотрудника и сопутника, который во всемъ былъ ему настоящимъ братомъ, по плоти и во Господѣ, скорбѣлъ въ душѣ своей по чувству человѣчества и увлекался привычкою, но, съ другой стороны, столько же, если только не больше, и утѣшался, надѣясь въ Кириллѣ имѣть помощника въ служеніи учительства тѣмъ болѣе, чѣмъ дѣйствительнѣе дерзновеніе, которое онъ имѣетъ, по отрѣшеніи отъ плоти, приближаясь къ Богу. Когда же наступило время Меѳодію отправиться въ епископію той страны, онъ, простершись на гробѣ брата и многократно повторяя дорогое имя Кирилла, оплакавши плотское свое одиночество и испросивши себѣ молитвъ его, отправился съ учениками въ путь. Прибывши въ Моравію, онъ былъ истиннымъ епископомъ, отпечатлѣвая въ себѣ всѣ тѣ черты, въ которыхъ у ап. Павла представленъ образъ епископа (1 Тим. 3.2 и сл.), и просіявая предъ всѣми ученіемъ; ибо онъ не зарывалъ таланта, не продавалъ благодати дара духовнаго и власть свою не превращалъ во власть величія и удовольствія внѣшняго; напротивъ, всѣмъ сообщалъ дарованное ему благо, одинаково распространяя свѣтозарный лучъ слова и не назначая извѣстной мѣры

гребеніи передается вполнѣ согласно съ пространнымъ житіемъ св. Кирилла. Есть даже одно выраженіе, вполнѣ соотвѣтствующее тексту пространнаго житія: τὸ τῶν μοναχῶν σχῆμα ἐπαμφιέννυται... καὶ φωτὶ φῶς προσλαβών — въ светыи мниськыи образъ облѣче се и свѣтъ къ свѣту пріемъ.

[1]) О чудесахъ при гробѣ св. Кирилла говорится и въ пространномъ житіи.

въ даяніи пищи евангельской. Тотъ, кто и прежде епископства такъ прилежалъ слову ученія, не подвергаясь притомъ никакой опасности за свой образъ дѣйствій, теперь, когда ввѣрено ему самое дѣло, когда онъ получилъ священный залогъ и уже зналъ, что горе апостолу неблаговѣствующему, не долженъ ли былъ прилѣпляться къ ученію, предаваться ему вполнѣ и весь день поучаться словесамъ Божіимъ, вселяющимъ въ него сладость паче меда и сота? Дѣйствительно, онъ и Ростислава, который былъ княземъ моравскимъ, не переставалъ каждый день вразумлять и направлять душу его по заповѣдямъ Божіимъ, и также поучалъ Коцела, бывшаго правителемъ всей Панноніи, убѣждая его страху Господню пригвоздиться и, имъ удерживаясь и управляясь, какъ бы нѣкоею уздою, уклоняться отъ всякаго зла. Кромѣ того, болгарскаго князя Бориса, который жилъ во времена греческаго императора Михаила, великій Меѳодій, еще прежде сдѣлавши чадомъ своимъ и плѣнивши его отечественнымъ своимъ (греческимъ) языкомъ, во всѣхъ отношеніяхъ прекраснымъ, въ это время непрестанно осыпалъ благодѣтельными дарами словесъ и поученій [1]). Этотъ Борисъ былъ вообще мужъ ума праваго и къ добру расположеннаго; при немъ и народъ болгарскій началъ просвѣщаться св. крещеніемъ и христіанствомъ, въ то время какъ и эти святые мужи, т.-е. Кириллъ и Меѳодій, увидѣвши множество вѣрующихъ и замѣтивши, что чадъ, рождающихся водою и духомъ, становится все болѣе, а пищи духовной для нихъ совсѣмъ не достаетъ, изобрѣли письмена, какъ мы объ этомъ сказали выше, и переложили Св. Писаніе на болгарскій языкъ, чтобы родившіяся чада Божія достаточно имѣли божественной пищи и могли достигать исполненія духовнаго и приходить въ мѣру возраста Христова. Такимъ образомъ, болгарскій народъ, оставивъ скиѳское заблужденіе, позналъ истинный и прямой путь, который есть Христосъ, и, наконецъ, хотя и поздно и уже въ 11-й или 12-й часъ, вошелъ въ вертоградъ божественный, по благости ихъ Призвавшаго; ибо призваніе этого народа послѣдовало въ лѣто отъ сотворенія міра 6377 [2]).

Обращеніе въ христіанство Бориса, князя болгарскаго.

V. Итакъ, великій Меѳодій не переставалъ каждый разъ дѣлать князьямъ наставленія всякаго рода, то руководствуя ихъ къ благо-

---

[1]) Въ данномъ мѣстѣ болгарскій князь Борисъ признается духовнымъ чадомъ Меѳодія, что стоитъ въ связи съ признаніемъ участія свв. Кирилла и Меѳодія въ просвѣщеніи Болгаріи.

[2]) Что касается перевода Священнаго Писанія на болгарскій языкъ, то изъ

Борьба съ нѣмецкимъ духовенствомъ противъ filioque.

честивой жизни, то предлагая имъ чистое ученіе церкви, какъ бы царскую и неподдѣльную монету, и во всей цѣлости и неповрежденности напечатлѣвая его въ душахъ ихъ. Ибо и тогда уже были люди, которые хотѣли преобразовать и измѣнить догматы, поставленные отцами нашими въ церкви Божіей, и порчею, введенною франками, многіе заразили свои души, утверждая, что Сынъ рожденъ отъ Отца, а Духъ Святый исходитъ отъ Сына. Противъ нихъ возставши, св. Меѳодій, частію изъ словъ самого Господа, частію изъ ученій св. отцовъ, старался уничтожить мудрованіе и всякое возношеніе ума, взимающагося на разумъ Божій, и такимъ образомъ многихъ привелъ въ послушаніе Христово (2 Корино. 10. 5), обращая ихъ отъ неправаго ученія къ ученію истинному и чистому и изъ недостойныхъ изводя ихъ честными (Іер. 15. 19), —почему онъ и былъ и назывался устами Божіими. Такимъ образомъ, число вѣрующихъ съ каждымъ днемъ умножалось, и слово Божіе росло, какъ говорится у евангелиста Луки объ ученіи апостоловъ, или, по словамъ Ветхаго Завѣта (2 Цар. 3. 1), домъ Давидовъ возвышался и укрѣплялся, а домъ Сауловъ упадалъ и изнемогалъ, уменьшаясь съ каждымъ днемъ. Секта же еретиковъ, побѣждаемая силою и истиною слова, что только могла, или лучше сказать, что ей внушалъ отецъ лжи, который есть человѣкоубійца искони и въ злодѣяніи хвалится, то и дѣлала, безчисленными озлобленіями и искушеніями стараясь угнетать святого; такъ какъ они и Святополка, сдѣлавшагося послѣ Ростислава княземъ моравскимъ, человѣка грубаго и сущности добра не понимающаго, уловивши лестію, совершенно подчинили своему ученію. Онъ, будучи рабомъ удовольствій женскихъ и валяясь въ грязи нечистыхъ дѣлъ, могъ ли не предаться умомъ своимъ скорѣе имъ (еретикамъ), отворяющимъ ему двери къ удовлетворенію всѣхъ страстей, нежели Меѳодію, посрамляющему душетлѣнную горечь всякаго удовольствія? [1]) Ибо что выдумалъ Евномій, начальникъ ереси аномеевъ, для того, чтобы

житія Климента это указаніе проникло и въ другіе памятники болгарской литературы. Такъ, въ синодикѣ 1211 года св. Кириллъ прославляется, какъ переведшій божественное писаніе съ греческаго языка на болгарскій и просвѣтившій болгарскій родъ; также въ Вратиславской рукописи 1357 года. Смотри: Новый церковно-славянскій памятникъ съ упоминаніемъ о славянскихъ первоучителяхъ М. Дринова. С.-Петербургъ, 1885 г.

[1]) Житіе Климента въ непривлекательныхъ чертахъ представляетъ моравскаго князя Святополка; если даже и находить въ этомъ много преувеличеній, то, съ другой стороны, нельзя отрицать несомнѣнные недостатки этого князя, которыми умѣли пользоваться враги Меѳодія. И изъ пространнаго житія видно,

привлечь къ себѣ больше учениковъ, то же замыслило и безумное порожденіе франковъ, т.-е. все прощать грѣшникамъ такъ, безъ всякаго со стороны ихъ сокрушенія и раскаянія, за одно согласіе съ своими догматами, и позволять имъ провождать жизнь въ нечистотѣ за то только, чтобы доставить успѣхъ превратному своему ученію, подобно такимъ людямъ, которые въ обмѣнъ другъ другу даютъ одинъ—пометъ, а другой—грязь; и достойны они этихъ сокровищъ за такую продажу, въ которой и покупка нечиста, и плата отвратительна [1]). Такимъ образомъ, Святополкъ, будучи развращенъ этими людьми, которые все ему позволяли, весьма мало обращалъ вниманія на то, что говорилъ ему Меѳодій; напротивъ, онъ обращался съ нимъ, какъ съ своимъ врагомъ (Сирах. 1. 25); ибо мерзость грѣшнику благочестіе, какъ говорится въ Писаніи. Но чего не говорилъ великій Меѳодій въ утѣшеніе и чего не представлялъ въ угрозу князю? То на основаніи божественнаго писанія вводилъ онъ правоту ученія и убѣждалъ внимать ему, какъ строителю жизни и источнику спасенія; ибо и Господь училъ, что въ испытаніи писаній заключается животъ, и Исаія заповѣдуетъ намъ почерпать воду не изъ нечистоты ересей, но изъ источниковъ спасенія (Исаіи 12. 3); то устрашалъ его тѣмъ, что, если онъ присоединится къ еретикамъ, то погубитъ и себя, и всѣхъ своихъ подданныхъ, сдѣлавшись удободоступнымъ и удобопобѣждаемымъ для враговъ; ибо нечестіе хоть и расцвѣтаетъ не надолго, но впослѣдствіи цвѣтъ этотъ осыпается (Димосѳ. Олинѳ. 2.10), чтобы благочестивые люди не научились злу; это, говорилъ онъ, послѣдуетъ съ княземъ послѣ его смерти, что̀ и сбылось, согласно съ предсказаніями святого. Ибо, доколѣ Меѳодій находился въ живыхъ, дотолѣ ни князь не разродился еще пагубнымъ плодомъ своего сердца, но носилъ въ себѣ василиска, кроющагося и питающагося въ яйцахъ аспидовыхъ, ни правосудіе не поражало его бичемъ своимъ, но, хоть держало лукъ напряженный и показывало сверкающій мечъ, но не пустило еще стрѣлы въ сердце врага и не утвердило руку на пораженіе; но когда и святого не стало, и всякая злоба возстала, не скрывая уже срамоты своей подъ какою-нибудь завѣсою и маскою, но безчинствуя наподобіе блудницы и

что Святополкъ не сумѣлъ достойнымъ образомъ оцѣнить Меѳодія и не всегда его поддерживалъ (см. гл. IX, XI, XII).

[1]) Такое отношеніе нѣмецкаго духовенства къ слабостямъ поствы подтверждается разсказомъ гл. XI житія Меѳодія.

воздвигая гоненіе на правовѣрныхъ, тогда и Богъ не преминулъ покарать князя. Но объ этомъ послѣ.

Кончина Меѳодія. Гораздъ, его преемникъ въ Моравіи.

VI. Въ то время Меѳодій предсказалъ князю о собственной своей кончинѣ, долженствовавшей послѣдовать черезъ три дня [1]), дѣлая это предреченіе, какъ я думаю, въ подтвержденіе того ученія, которое онъ безпрестанно старался внушать; ибо, если это предреченіе, исполнившееся на самомъ дѣлѣ, представляло его пророкомъ, получившимъ прозрѣніе будущаго отъ Духа, то очевидно, что и ученіе, имъ распространяемое, есть духовное и боговдохновенное. Созвавши учениковъ своихъ, онъ, по примѣру Павла или, лучше сказать, Самого І. Христа, увѣщеваетъ ихъ и утверждаетъ прощальною своею бесѣдою, изображая чадамъ наслѣдіе благое и достойное трудовъ, подъятыхъ имъ для того, чтобы стяжать это достояніе. Что же это за наслѣдіе? можетъ быть, вы захотите узнать. Словеса Божія, вожделѣнна паче злата и камене честна многа (Псал. 18. 11), и мудрость, которую лучше есть куповати, нежели злата сокровища и сребра. Возлюбленные мои, говоритъ онъ, вы знаете силу еретиковъ въ злобѣ (2 Кор. 4. 2), и какъ они, искажая слово Божіе, всячески стараются напоить ближнихъ ученіемъ превратнымъ и нечистымъ, принимая и употребляя въ пособіе два средства,— убѣжденіе и строгость, одно для людей болѣе простыхъ, другое для боязливыхъ; но о сохраненіи вашихъ душъ неприкосновенными отъ того и другого я надѣюсь и молюсь; ибо ни убѣдительностію словъ вы не увлечетесь, ни тщетною лестію не восхититесь, потому что вы основаны на камнѣ апостольскаго исповѣданія и ученія, на которомъ созданной церкви врата адовы не одолѣютъ, — ибо вѣренъ Тотъ, Кто обѣщалъ сіе,—и никакимъ страхомъ не поколеблетесь въ твердыняхъ сердецъ вашихъ; ибо вы знаете, что говорится въ Писаніи: не убойтеся отъ высоты дня (Псал. 55. 3), и отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити (Матѳ. 10.28). Напротивъ, подкрѣпляйте прочихъ хранить залогъ, который мы получили отъ апостоловъ и по временамъ отъ отцовъ и который они потребуютъ отъ насъ въ день воздаянія. Вотъ я предсказалъ вамъ и чрезъ это предсказаніе сдѣлалъ васъ причастными грѣху; аще не быхъ пришелъ (Іоан. 15.22), говоритъ Христосъ, и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли; чистъ азъ отъ крове вашей (Дѣян. 20.26.27), не обинухся бо сказати вамъ, напротивъ,

---

[1]) Объ этомъ житіе Климента говоритъ согласно съ житіемъ Меѳодія (гл. XVII).

дѣломъ стража, согласно съ словами Іезекіиля, я бдительно занимался; блюдите, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри, и со всею осмотрительностію старайтесь сохранить сердца ваши и братій вашихъ; яко посредѣ сѣтей минуете и по забраломъ града ходить будете (Сирах. 9.18); ибо по смерти моей внидуть волцы тяжцы въ васъ (Дѣян. 20.29), не щадящіе стада, чтобы увлечь народъ вслѣдъ за собою, — которымъ противостаньте вы, твердые вѣрою; Павелъ это вамъ чрезъ меня завѣщаетъ. Но сый надъ всѣми Богъ и Отецъ, и прежде вѣкъ безстрастно рожденный отъ Него Сынъ и Духъ Св., отъ Отца исходящій, наставитъ васъ на всякую истину и представитъ васъ непорочны въ похвалу мою въ день Христовъ (Филипп. 2.16). Сказавши это и много другого, онъ предалъ духъ ангеламъ, сопровождавшимъ его и сохранявшимъ во всѣхъ путяхъ его, со славою занимавши архіерейскую каѳедру 24 года и многимъ трудомъ и подвигомъ устроявши спасеніе не только свое, но и прочихъ людей; ибо онъ не своихъ выгодъ искалъ, но общихъ для многихъ людей, чтобы они спаслися, и днемъ, и ночью проводя время въ томъ только, что было полезно для другихъ. Этому служитъ доказательствомъ множество пресвитеровъ, діаконовъ и иподіаконовъ, коихъ онъ, умирая, оставилъ до двухсотъ въ церквахъ своей епархіи; если же было столько служителей алтаря, то какое множество, надо полагать, мірянъ. Между ними первое мѣсто занималъ Гораздъ, котораго выше мы видѣли въ числѣ избраннѣйшихъ учениковъ Меѳодія и который отъ самого сего святого, предузнавшаго свою кончину, поставленъ былъ епископомъ моравскимъ [1]).

VII. Но дерзновеннѣйшая толпа еретиковъ не перенесла того, чтобы видѣть Меѳодія и по смерти живымъ себѣ противникомъ; пріидите, сказали они, насиліе сотворимъ Горазду и уловимъ его лестію (Прем. Солом. 2.10—17); яко неподобно есть нашему житію его и отмѣнны суть стези его и поноситъ намъ грѣхи наши; если же его оставимъ въ живыхъ, то опять оживетъ для насъ Меѳодій. Такимъ образомъ, его лишаютъ епископскаго достоинства, а нѣкоего Вихника, который и самъ упоенъ былъ неистовою ересью, и другихъ могъ упоить, а потому и преданъ былъ Меѳодіемъ съ анаѳемою сатанѣ вмѣстѣ съ сонмомъ людей, съ нимъ бѣсновавшихся,—этого Вихника (о труды и подвиги, подъятые Меѳодіемъ!

---

[1]) Горазда указываетъ своимъ преемникомъ Меѳодій и въ пространномъ житіи.

о Троица, сливаемая въ личныхъ свойствахъ!) возводятъ на каѳедру, или, лучше сказать, ниспровергаютъ чрезъ него епископскую каѳедру, которая, сколько чрезъ Меѳодія прославилась и возвысилась надъ многими другими, столько чрезъ Вихника унизилась, склонившись въ бездну безславія [1]).

Борьба учениковъ Меѳодія противъ filioque.

VIII. Такимъ образомъ онъ захватилъ въ свои руки епископство беззаконно, тогда какъ оно нисколько ему не принадлежало, самъ себѣ пріявши честь и сдѣлавши хищеніе (Филипп. 2. 6), а званнаго отъ Бога оттолкнулъ силою мышцы грѣшника. Ересь поднимаетъ теперь главу свою и превозносится надъ православнымъ сонмомъ учениковъ Меѳодіевыхъ; и вотъ они, поднявши крикъ и возставши противъ вѣрныхъ, говорятъ: для чего вы доселѣ прилѣпляетесь къ словамъ Меѳодіевымъ, уже согнившимъ и мертвымъ, а не присоединяетесь къ живому архіепископу и не исповѣдуете Сына, рожденнаго отъ Отца, и Духа, отъ Сына исходящаго? Они же чрезъ Горазда и Климента отвѣчали, что Меѳодій еще живъ, и мы объ этомъ знаемъ совершенно отъ Господа, Который то говоритъ, что вѣруяй въ Него, аще и умретъ, оживетъ (Іоанна 11. 25), то учитъ, что Богъ Авраама, и Исаака, и Іакова называется Богомъ живыхъ, а не мертвыхъ; и такъ что же за грѣхъ съ нашей стороны, что мы имѣемъ учителя, живущаго въ Богѣ, духовно съ нами присутствующаго и собесѣдующаго и противъ васъ укрѣпляющаго? Что же касается до новой вѣры вашей, мы, не находя, чтобы она подтверждалась свидѣтельствомъ какого-нибудь Писанія или принята была свв. отцами, боимся подвергнуть себя проклятію, такъ какъ ап. Павелъ ясно говоритъ: аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ (Галат. 1. 9). Мы вѣруемъ въ Духа Сына, равно какъ въ Духа жизни и истины, кои суть Сынъ (Іоан. 14. 6), и признаемъ Духа за умъ Христовъ; но чтобы онъ происходилъ отъ Сына, этого ученія мы не принимали и не примемъ — не отречемся отъ вѣры и не будемъ хуже невѣрныхъ (1 Тим. 5. 8); нѣтъ, клянемся освященіемъ благодати Св. Духа;—мы вѣруемъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и что виновникъ и Изводитель Его есть Родитель Сына; но что Онъ также принадлежитъ и Сыну и чрезъ Него подается всѣмъ тѣмъ, которые бываютъ достойны; но иное дѣло сказать — исходитъ,

---

[1]) О проискахъ епископа Вихника противъ Меѳодія не говорится ни въ одномъ изъ извѣстныхъ доселѣ сказаній о св. Меѳодіи, а такой образъ дѣйствій этого епископа подтверждается двумя папскими письмами папы Іоанна VIII въ 881 г. и папы Стефана V въ 885 г.

другое — подается: первое служитъ къ изъясненію образа бытія Св. Духа, ибо, какъ Сынъ рождается отъ Отца, такъ и Духъ Святый исходитъ отъ него; а слово „подается“ объясняетъ не образъ бытія, а указываетъ на обогащеніе и раздаяніе. Чтобы уяснить это, сколько можно, какимъ-нибудь примѣромъ, представь себѣ, что какой-нибудь царь источаетъ изъ своихъ сокровищъ величайшее богатство; сынъ, взявши его, дѣлаетъ своею собственностію и раздаетъ тѣмъ, которые ему благоугождаютъ; Царь есть Отецъ; богатство,—выражаясь согласно съ этимъ подобіемъ,—есть Духъ, источаемый изъ неизреченныхъ сокровищъ Отца; сынъ царевъ есть Присносущаго Отца Сынъ, Которому принадлежитъ и чрезъ Котораго подается Духъ. Видите, какъ мы понимаемъ о Св. Духѣ, что Онъ не исходитъ отъ Сына, но чрезъ Него подается. Если же тебя смущаетъ то, что Сынъ дунулъ на апостоловъ и сказалъ: пріимите Духъ Святъ (Іон. 22. 22), то худо ты читалъ и понялъ Евангеліе: Онъ далъ апостоламъ одно изъ дарованій Св. Духа, именно отпущеніе грѣховъ, какъ это видно изъ послѣдующаго,— и Исаія дѣйствіе Св. Духа называетъ духами (Исаіи 11. 2),—а не самый Духъ даровалъ Онъ тогда ученикамъ. Ибо ясно, что если бы Онъ тогда далъ Св. Духа, то впослѣдствіи сошествіе Его въ день Пятидесятницы или было излишне, или это было сошествіе другого духа, если оно не было излишне. Какой же былъ это духъ? Церковь доселѣ признаетъ единаго Духа Святаго. Если ихъ будетъ два, то который же изъ нихъ не святый? Если святый есть тотъ, который данъ былъ въ дуновеніи, и если Господь далъ Его самого, а не одно изъ дарованій Духа, то явно, что Сошедшій въ Пятидесятницу былъ не святый. Но да обратится эта хула на главы ваши. Вы, полагая два начала—одно въ Отцѣ для Сына, другое въ Сынѣ для Духа, бѣснуетесь какимъ-то новымъ манихейскимъ безуміемъ. А у насъ единъ есть Богъ, и одно начало Сущихъ отъ Него, Отецъ; по отношенію къ Сыну Онъ есть Отецъ, а по отношенію къ Духу—Изводитель, подобно, какъ солнце, будучи одно, служитъ началомъ луча и свѣта или теплоты. Такимъ образомъ, лучу присущъ свѣтъ или теплота, какъ и Сыну Духъ, и свѣтъ принадлежитъ лучу, какъ Духъ Сыну; но оба изъ одного начала. И какъ въ этомъ примѣрѣ чрезъ лучъ сообщается свѣтъ или теплота вещественному міру, такъ чрезъ Сына подается умной твари Духъ Святый. Если вы другое Евангеліе, какъ манихеи отъ Ѳомы, можете представить, въ которомъ бы излагалось такое ученіе о Св. Духѣ, то докажите, что оно принадлежитъ къ канону

Св. Писанія, и мы замолчимъ и даже станемъ почитать васъ за своихъ благодѣтелей. Но если рай церкви напоется четырьмя потоками, изливающимися изъ одного источника,—Матѳеемъ, Маркомъ, Лукою и Іоанномъ,—на что, думаю, и вы согласны, — то кто вводитъ пятое Евангеліе, тотъ проклятъ. Но Іоаннъ представляетъ намъ Сына говорящимъ о Духѣ истины, Иже отъ Отца исходящемъ. Перестаньте же изощрять противъ себя грозный мечъ, перестаньте препираться съ Сыномъ Божіимъ, великимъ Благовѣстникомъ, изъ Котораго, чрезъ Котораго и для Котораго произошло все Евангеліе; перестаньте безъ Духа учить о Духѣ, или, лучше сказать, перестаньте говорить отъ духа противнаго.

IX. При этихъ словахъ сообщники Вихника не могли удержать себя и, зажавши уши, какъ нѣкогда побивавшіе камнями Стефана, мужественнаго свидѣтеля Слова, — это только хорошо и сдѣлали они, какъ недостойные слышать такія слова, — начали кричать и приводить все въ безпорядокъ и чуть не подняли рукъ на православныхъ, утружденному языку придавая въ пособіе руки; но, наконецъ, отступивши, обратились къ послѣднему своему убѣжищу, къ низкому Святополку, и клевещутъ на православныхъ, будто бы они замышляютъ произвесть возмущеніе и могутъ возстать противъ его власти, если не будутъ согласоваться въ ученіи съ властителемъ; ибо держаться противнаго ученія есть вмѣстѣ и противоборствовать. Князь, призвавши послѣдователей Меѳодіевыхъ, говоритъ имъ: что это за расколъ дѣлается между вами, и каждый день схватываетесь вы между собою, какъ враги? Не братья ли всѣ вы и не христіане ли? Для чего жъ вы не соглашаетесь между собою и не стараетесь о единеніи?—Они же устами Горазда и Климента (эти два мужа вели разговоръ съ княземъ), какъ бы своимъ языкомъ, отвѣчали: князь! много надобно бы говорить намъ объ этомъ; ибо не о маловажномъ предметѣ и не въ маловажномъ дѣлѣ предстоитъ намъ опасность, но о догматѣ церкви, касающемся Св. Троицы, и въ дѣлѣ спасенія нашей души, что для насъ всего существеннѣе, но, какъ незнакомство твое съ Св. Писаніемъ не позволяетъ тебѣ выслушивать болѣе продолжительныя и глубокія разсужденія, то мы на твой вопросъ просто отвѣчаемъ, что разъединяемся потому, что и Господь пришелъ вовренци мечъ и раздѣлить лучшее отъ худшаго (Мато. 10. 34); и о Давидѣ знаемъ, что онъ ненавидѣлъ ненавидящихъ Господа (Пс. 137. 21) и особенно чтилъ друзей Христовыхъ; а христіанами никогда не признаемъ мы людей, не принимающихъ Евангелія. Ибо, тогда

какъ въ немъ Единъ отъ Св. Троицы, Сынъ Божій, сказалъ: Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, — эти люди утверждаютъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына. Но если бы это было дѣйствительно такъ, то почему бы Господу не сказать: Духъ истины, Который отъ Меня исходитъ? Вотъ первое доказательство. Другое то, что второй константинопольскій соборъ первосвятителей, собравшихся со всей вселенной, изъяснилъ догматъ о Св. Духѣ, такъ какъ для того и собрался, чтобы опровергнуть духоборца Македонія, изложивши символъ вѣры не въ опроверженіе постановленнаго на соборѣ никейскомъ, но, — такъ какъ тогда не возникало споровъ о Св. Духѣ, — въ дополненіе онаго, какъ сынъ, сохраняя наслѣдіе отца. Въ этомъ-то символѣ, взятомъ изъ греческихъ книгъ, который каждодневно произносишь въ церкви и ты, князь, видимъ мы исповѣданіе вѣры въ Духа Святаго, исходящаго отъ Сына, или отъ Отца? Какъ же намъ согласиться съ людьми, которые мудрствуютъ вопреки Евангелію и изложенію отцовъ по внушенію Св. Духа? Какъ согласиться съ тѣми, которые поднимаютъ вопль съ земли, по внушенію чревовѣщателей? Кое общеніе свѣту ко тмѣ? говоритъ божественный апостолъ. Итакъ, если они перемѣнятъ свои мнѣнія и согласятся съ Евангеліемъ и свв. отцами, то мы поспѣшимъ къ нимъ, какъ къ братіямъ, бросимся въ объятія и обнимемся. Если же они, покинувъ единаго наставника нашего Христа, пойдутъ по руководству своего ума и осуетятся помышленіями своими, то мы никакъ не рѣшимся по ихъ истолкованію изучать догматъ о Св. Троицѣ.—Такъ отвѣчалъ сонмъ православныхъ, поручивши говорить отъ лица своего Горазду и Клименту.

X. Князь же едва ли понялъ что-нибудь немногое изъ того, что ими было сказано; ибо онъ въ познаніи истинъ божественныхъ былъ совершенно невѣжда какъ потому, что и воспитался болѣе, какъ варваръ или, просто сказать, какъ безсловесное животное, такъ и потому, что умъ его помраченъ былъ нечистотою плотоугодія, какъ объ этомъ выше сказано. А какъ же можно постигнуть ученіе о Троицѣ человѣку, чуждому святости цѣломудрія, ея же кромѣ никто же узритъ Господа (Евр. 12. 14). Но онъ, наученный еретиками, которымъ былъ вполнѣ преданъ, такой далъ отвѣтъ православнымъ: я признаю себя человѣкомъ совершенно неученымъ и въ догматахъ несвѣдущимъ. Я человѣкъ неграмотный, но христіанства держусь и буду держаться. А этихъ недоумѣній и споровъ, которые вы поднимаете, не могу рѣшить на основаніи

доказательствъ и различить лжеучителя отъ православнаго. Итакъ, я, какъ христіанинъ, разсужу васъ; будьте покойны; я и объ этомъ догматѣ даю такой же приговоръ, какой привыкъ давать и о прочихъ дѣлахъ: кто первый придетъ и поклянется, что онъ вѣруетъ истинно и православно, о томъ я буду судить, что онъ нисколько не претыкается и не уклоняется отъ точнаго смысла вѣры,—тому и церковь вручу и предоставлю завѣдываніе дѣлами церковными, по чину пресвитерскому.

XI. Франки, съ величайшею готовностью желая принять клятву, не дождавшись еще конца рѣшенія княжескаго, поклялись и тѣмъ утвердили свое злочестивое ученіе, положивши конецъ безумному суду сообразный. При такихъ судьяхъ ересь увѣнчалась побѣдою надъ православіемъ и получила полную власть притѣснять и влачить истинныхъ рабовъ Христовыхъ и блюстителей вѣры. Ибо, сказалъ князь, если кто уличенъ будетъ невѣрующимъ по ученію франковъ, тотъ будетъ преданъ имъ въ руки, и они могутъ съ нимъ дѣлать, что хотятъ. Какое слово можетъ изобразить, что послѣ этого сдѣлала злоба, получивши въ свои руки власть? Это поистинѣ огонь въ лѣсу, раздуваемый вѣтромъ; одни принуждали приложиться къ лукавому ученію, другіе защищали вѣру отцовъ; одни готовы были все сдѣлать, другіе—все потерпѣть; иныхъ мучили безчеловѣчно, у другихъ расхищали дома, съ нечестіемъ соединяя любостяжаніе, иныхъ нагими влачили по терновнику, и притомъ людей престарѣлыхъ, которые переступили уже за предѣлы жизни человѣческой, означенные у Давида (Пс. 89.40). А изъ пресвитеровъ и діаконовъ, тѣхъ, которые были моложе, еретики предавали іудеямъ, сами Іудиной участи и удавленія будучи достойны. Какъ онъ продалъ Христа, такъ эти еретики рабовъ І. Христа, или, лучше, друзей Его, какъ самъ І. Христосъ называлъ ихъ, смѣю даже назвать, помазанниковъ, или христовъ, продавали всегда прогорчевающимъ Его врагамъ (Іоан. 15.14—15). Всѣхъ же ихъ было немало, но до двухсотъ считалось однихъ служителей алтаря, какъ мы сказали прежде [1]).

XII. А которые стояли на степени учителей, какъ тотъ самый Гораздъ, часто нами упоминаемый, родившійся въ Моравіи и владѣвшій совершенно обоими языками, славянскимъ и греческимъ [2]),

[1]) Разсказъ о преслѣдованіи учениковъ Меѳодія послѣ его смерти подтверждается инструкціей папы Стефана V въ 887 г., два года спустя послѣ смерти ихъ учителя.

[2]) Согласно съ житіемъ Меѳодія, Гораздъ считается урожденнымъ мо-

Преслѣдованіе учениковъ Меѳодія въ Моравіи.

котораго добродѣтель Меѳодія даровала каѳедрѣ, а злоба еретиковъ, низведши сего мужа съ каѳедры, лишила ее украшенія,— также Климентъ, пресвитеръ, мужъ ученѣйшій, и Лаврентій, и Наумъ, и Ангеларій [1],—этихъ и многихъ другихъ мужей знаменитыхъ заковали въ желѣзо, держали въ темницѣ, въ заключеніи, гдѣ всякое утѣшеніе было возбранено, такъ какъ ни родственники, ни знакомые ни подъ какимъ видомъ не смѣли имѣть къ нимъ доступа. Но Господь, утѣшающій смиренныхъ, врачующій сокрушенныхъ сердцемъ (2 Кор. 7.6) и, соразмѣрно съ множествомъ болѣзней, утѣшеніями веселящій душу, утѣшилъ святыхъ, пославши имъ помощь отъ Святаго (Пс. 93.19). Они, будучи обременены узами желѣзными, и въ этомъ состояніи не забывали о молитвѣ; напротивъ, воспѣвши пѣсни третьяго часа, пропѣли потомъ поемый за псалмами припѣвъ, въ которомъ мы молимся, чтобы Пресвятый Духъ, ниспосланный въ третій часъ апостоламъ, обновился и въ насъ. Богъ же, призрѣвши на землю, сотворилъ ю трястися (Пс. 103.32); и вотъ сдѣлался трусъ великій, подобный тому, который былъ въ то время, какъ Павелъ молился въ оковахъ, и какъ бы шумъ съ небеси,—и оковы спали (Дѣян. 16.25—26); и бывшіе дотолѣ узниками сдѣлались свободными, будучи связуемы одною неразрывною любовію ко Христу. Такимъ образомъ Богъ стрясъ землю и смутилъ ю (Пс. 59.4). Потрясены были и жители того города и приведены въ смятеніе этимъ событіемъ, удивляясь и недоумѣвая, что бы значило такое явленіе, посланное отъ Бога. Когда же приблизились къ темницѣ и увидѣли, что случилось со святыми, и какъ они по спаденіи съ нихъ оковъ оставались совершенно свободными, пріявши слухомъ, какъ говоритъ Давидъ, божествен-

---

равляниномъ; только въ житіи Меѳодія говорится при этомъ, что Гораздъ хорошо зналъ не греческій языкъ, а латинскій. Шафарикъ, соединяя оба указанія, полагалъ, что Гораздъ въ совершенствѣ зналъ латинскій и греческій языки.

[1]) Здѣсь житіе приводитъ имя Лаврентія, не называя имени Саввы (сравн. выше, гл. II). О Лаврентіи нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не говорится. Шафарикъ предполагалъ здѣсь ошибку. Въ болгарскомъ синодикѣ упоминается Климентъ, епископъ Великой Моравы, Савва, Гораздъ и Наумъ, много потрудившіеся „о словенскыхъ книгахъ“. Дриновъ объясняетъ это тѣмъ, что въ синодикѣ оцѣнивается плодотворная дѣятельность свв. Кирилла и Меѳодія и учениковъ ихъ на учено-литературномъ поприщѣ. О литературныхъ трудахъ свв. Кирилла и Меѳодія и ихъ учениковъ идетъ рѣчь у Шафарика въ его сочиненіи „Расцвѣтъ славянской письменности въ Болгаріи“, русскій переводъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей, годъ третій (1847—1848), VII.

ную радость (Пс. 50.10), съ поспѣшностью пришедши къ князю, говорятъ: что это такое? доколѣ мы будемъ противоборствовать силѣ Божіей? доколѣ не увидимъ свѣта истины? Или мы имѣемъ очи и не видимъ, имѣемъ уши и не слышимъ (Пс. 124.16—17), какъ истуканы, о которыхъ говоритъ Давидъ, или какъ тѣ люди, которые, по изображенію Исаіи, приняли духа умиленія (Ис. 39.40). Ужели не познаемъ случившагося чуда? Ужели не убоимся божественнаго знаменія? Не лучше ли намъ сдѣлаться узниками, связанными почитаніемъ къ этимъ разрѣшеннымъ отъ узъ?—Но языкъ еретиковъ опять покушается оклеветать чудо, какъ фарисейскій старался оклеветать то, что тогда было совершаемо Господомъ; они называютъ это явнымъ чародѣйствомъ и хитростью волшебства, другими словами, они приписывали это необыкновенное дѣйствіе Вельзевулу, сами будучи исполнены силы его. Послѣ того—нужно же было, чтобы не позналъ сего неразумный князь—святыхъ опять обременили оковами, тягчайшими прежнихъ, и изнуреніемъ въ темницѣ, еще болѣе безотраднымъ, нежели прежде. Прошло три дня, и вотъ опять, когда они совершали молитву третьяго часа, случилось то же самое, что прежде: трусъ, соединенный съ шумомъ съ небеси, и спаденіе оковъ,—и опять богоборцы, не объявивши ничего князю объ этомъ происшествіи, подвергли святыхъ тѣмъ же самымъ оскорбленіямъ, которыхъ, по суду истины, сами были вполнѣ достойны. Но Богъ открываетъ съ обѣихъ сторонъ взаимное соревнованіе въ дѣйствіи злобы, съ одной стороны, и въ ученіи, вселяющемъ радость, съ другой. По прошествіи десяти дней опять въ третій разъ востокъ свыше посѣтилъ (Лук. 1.78) подвижниковъ. Но безчувственные еретики остались опять въ томъ же самомъ ожесточеніи; стропотное не дѣлалось правымъ (Лук. 3.5), и недостатокъ разумѣнія въ познаніи добра не восполнился. Итакъ, къ боли ранъ, которую чувствовали святые, еретики прибавили еще болѣе. Получивши отъ князя позволеніе поступать, какъ имъ заблагоразсудится, они выводятъ ихъ изъ темницы, истязуютъ ударами, какъ говорится, нечеловѣческими, не давая никакой пощады ни сѣдинамъ, ни слабости, которой отъ многихъ изнуреній подвергались тѣла святыхъ.

XIII. Но ничего этого не узналъ князь, раболѣпствовавшій еретикамъ; ибо онъ по обстоятельствамъ находился въ отлучкѣ; а если бы былъ дома, то еретики не показали бы такихъ жестокостей надъ исповѣдниками истины; потому что онъ, хоть въ тысячу разъ болѣе расположенъ былъ къ франкамъ, но, несмотря на свою

полузвѣрскую и жестокую природу, уважалъ добродѣтель святыхъ мужей, въ особенности когда Богъ сотворилъ трижды повторившееся чудо. Послѣ такихъ безчеловѣчныхъ ударовъ еретики, не давши святымъ подкрѣпить себя сколько-либо пищею—ибо они никому не позволяли бросить ни одного куска хлѣба рабамъ І. Христа, и можно сказать помазанникамъ, или христамъ,—отдали ихъ воинамъ отвести въ разныя мѣста, прилежащія къ Истру [1]), обрекши гражданъ небесныхъ на всегдашнее изгнаніе изъ города. Воины, люди грубые—ибо это были нѣмцы,—и въ природѣ своей имѣя что-то звѣрское, а потомъ увеличивши это звѣрство вслѣдствіе приказанія, взявши святыхъ, выводятъ изъ города и потомъ, снявши съ нихъ одежды, повлекли ихъ нагими. Такимъ образомъ, въ одно и то же время подвергали ихъ двоякой скорби: позору и непріятному дѣйствію холоднаго воздуха, облегающаго всегда страны, при Истрѣ находящіяся. Они даже прикладывали мечи къ ихъ выямъ, какъ бы намѣреваясь поразить, и подставляли къ бокамъ копья, какъ бы готовясь вонзить оныя, чтобы они не однажды умирали, но столько разъ, сколько того ожидали; и все это наказано было воинамъ отъ враговъ. Но когда они уже находились на далекомъ разстояніи отъ города, то воины, которые вели, покинувши ихъ, отправились опять въ городъ.

Удаленіе ихъ въ Болгарію.

XIV. А исповѣдники Христовы, помня слова Господа, заповѣдавшаго гонимымъ изъ одного города бѣжать въ другой (Матѳ. 10.23), влеклись желаніемъ въ Болгарію; въ Болгарію стремился духъ ихъ; въ Болгаріи надѣялись они найти успокоеніе. Но и въ этомъ отчаявались, если бы имъ не удалось скрыть пути своего; поэтому они и старались укрываться отъ взоровъ всѣхъ, претерпѣвая нужду въ пищѣ и одеждѣ. Итакъ, они принуждены были отъ страха разлучиться другъ отъ друга, и разошлись въ разныя стороны, по Божію изволенію, чтобы также и большее число странъ озарить свѣтомъ Евангелія.

XV. Климентъ, взявши съ собою Наума и Ангеларія, пошелъ по направленію къ Истру; и вотъ, они попадаютъ въ одно селеніе, желая дать нѣкоторое успокоеніе тѣлу, изнуренному лишеніемъ пропитанія и крова. Тутъ, поискавши, кто въ этомъ селеніи боголюбивъ и страннолюбивъ и извѣстенъ благочестивою жизнію, а потому и былъ тѣмъ самымъ сыномъ мира, о которомъ говоритъ Христосъ,—когда нашли такого человѣка, у него и расположились.

---

[1]) Истръ—Дунай.

У этого человѣка былъ сынъ и единородный, и прекрасный, и находился въ цвѣтущемъ возрастѣ; какъ скоро странники вошли къ нему въ домъ, сынъ этотъ отошелъ изъ сей жизни; этотъ прекрасный юноша—единственное око у отца и цвѣтущая отрасль своего рода. Что, вы думаете, ощущалъ тогда отецъ? Чего не говорилъ онъ, подвергшись несчастнымъ образомъ такому бѣдствію при вступленіи странниковъ въ его домъ?—„Хороша эта награда за гостепріимство; для того я отворилъ вамъ дверь, чтобы домъ мой сдѣлался запертъ, оставшись безъ наслѣдника? Для того подалъ я вамъ руку, чтобы лишиться этой единственной у меня правой руки? О, горестный тотъ день, въ который вы вступили въ это селеніе! О, мрачный свѣтъ, который показалъ вамъ путь къ моему дому! Вѣрно, вы чародѣи и враги Бога Единаго, и вотъ я получаю отъ Него наказаніе за то, что васъ, Ему ненавистнѣйшихъ, пустилъ подъ кровъ свой. Много и другихъ я пускалъ въ домъ, и предлагая во имя Божіе отъ плодовъ, какіе у меня были, и принимая по возможности; но Господь умножалъ домъ мой—у меня не убывало, а прибывало; и эту трату я находилъ для себя приращеніемъ, и сѣмя, посѣянное о благословеніи,—жатвою благословенною (2 Кор. 9. 6), обильнымъ плодомъ, вознаграждающимъ трудъ земледѣльца. А теперь... но, о сынъ мой любезнѣйшій, ты, который для меня несравненно лучше и дороже всѣхъ моихъ стяжаній, или, лучше сказать, милѣе утробы и вожделѣннѣе самой жизни, ты убитъ приходомъ ко мнѣ этихъ проклятыхъ. Навѣрное, это колдуны, демоны, убійцы, которые утѣшаются смертію дѣтей. Но вы не избѣжите наказанія, хотя бы вооружились всею своею магіею; попавши въ руки отца, который изъ-за васъ оплакиваетъ сына, сына единороднаго и прекраснаго, за все, что вы сдѣлали, получите теперь достойную награду“.—И вотъ уже требовалъ для нихъ оковъ и мученій. Но они и сами страдали не менѣе отца, и могло ль быть иначе съ душами сострадательными и человѣколюбивыми, а сверхъ того, они терпѣли еще отъ стыда. Но, ободрившись вѣрою, для которой все возможно, по словамъ Господа, и самое невозможное, рѣшились прибѣгнуть къ молитвѣ; съ кротостью стараясь успокоить кипящій гнѣвъ отца и смягчить жестокость справедливаго негодованія, они говорили: человѣкъ Божій! Мы не волшебники, напротивъ, и другихъ, которые этимъ занимаются, предаемъ проклятію; но мы служимъ Богу истинному, о Которомъ знаемъ и вѣримъ, что Онъ страшенъ и для стражей адовыхъ, Который прикосновеніемъ руки низлагаетъ смерть (Лук. 7.14) и однимъ воззва-

ніемъ возвращаетъ жизнь четверодневному и уже смердящему мертвецу (Іоан. 11.39.43). Итакъ, если ты думаешь, что мы виновны въ смерти твоего сына, то изъ-за насъ будь покоенъ, ибо мы уповаемъ, что Господь для насъ даруетъ ему жизнь. Потомъ помолившись надъ юношею,—о, новое чудо! о, благодать Твоя, Спасителю Христе, присносіяющая!—представили живого сына томящемуся по немъ отцу. Что же тогда отецъ? „Святые мужи, рабы Божіи, спасители моего дома“, началъ взывать и, не владѣя собою отъ радости, въ какомъ-то необыкновенномъ восторгѣ и изступленіи кричалъ: простите мнѣ, отцы преподобные, простите: я былъ въ непростительномъ невѣдѣніи о васъ. Но вотъ вамъ все мое имущество въ распоряженіе, и самъ я буду вашимъ слугою; пользуйтесь моими благами и дѣлайте, что вамъ угодно, дайте только видѣть мнѣ моего сына, котораго вы мнѣ нынѣ родили“.

Ученики Меѳодія у Бориса и его сановниковъ.

XVI. Они же, будучи довольны вѣрою этого человѣка и поспѣшая въ предлежащій путь, принявши отъ его усердія только то, что необходимо было для пути, пошли по направленію къ Истру, будучи провождены съ великою почестію отъ человѣка, удостоеннаго такого чуда. Когда же они, пришедши на берега Истра, увидѣли потокъ великій и непроходимый, то, связавши три дерева липовою корою и будучи охраняемы силою свыше, переплыли на нихъ черезъ рѣку и такимъ образомъ, убѣгая отъ потопа ересей, по Божію промыслу, спаслись помощью деревъ; и, пришедши въ Бѣлградъ (этотъ городъ, знаменитѣйшій изъ всѣхъ, лежащихъ при Истрѣ), явились къ Боритакану [1]), которому въ то время ввѣрено было его охраненіе и, по желанію его, разсказали о всемъ, что съ ними случилось. Такъ какъ Боритаканъ, выслушавъ этотъ разсказъ, получилъ о нихъ понятіе, какъ о мужахъ великихъ и приближенныхъ къ Богу, то и счелъ необходимымъ отправить чужестранцевъ сихъ къ болгарскому князю Борису, у котораго онъ служилъ воеводою; ибо онъ зналъ, что Борисъ жаждетъ таковыхъ людей. Итакъ, давши имъ успокоиться отъ дальняго пути, онъ послалъ потомъ князю этотъ многоцѣнный даръ, объяснивъ ему, что это именно такіе люди, которыхъ онъ съ великимъ усердіемъ ищетъ. Когда они пришли къ Борису и были приняты съ великою поче-

---

[1]) Боритаканъ, Ехачъ и Довета (или Добета), вельможи Бориса, носятъ имена не-славянскія. Исключеніе составляетъ лишь Чаславъ. Это указываетъ на господство у болгаръ туранской стихіи.—Први основи словенске књижевности межу балканским словенима. Културно историјске студије Стојана Новаковича. Београдъ 1893.

стію, подобающею людямъ всякаго уваженія и почтенія достойнымъ, князь разспрашивалъ объ ихъ приключеніяхъ, и они разсказали ему о всемъ съ начала до конца, не опустивши ничего. Князь, выслушавши это, усердно благодарилъ Бога, пославшаго таковыхъ служителей своихъ, какъ благодѣтелей Болгаріи, даровавшаго учителей и насадителей вѣры, людей не какихъ-нибудь обыкновенныхъ, но исповѣдниковъ и мучениковъ. Давши имъ священническія одежды и оказавши всякую почесть, приказалъ опредѣлить имъ жилища, назначенныя для первыхъ изъ его друзей, и предоставилъ имъ во всемъ изобиліи пользоваться всѣмъ необходимымъ, вполнѣ понимая, что развлеченіе мысли заботою о какой-нибудь маловажной потребности тѣлесной весьма много отнимаетъ отъ занятій, посвященныхъ Богу; а имъ самимъ овладѣло сильное желаніе каждый день бесѣдовать съ ними, узнавать отъ нихъ древнія повѣствованія и житія святыхъ и устами ихъ перечитывать то, что находится въ писаніяхъ. И изъ лицъ, его окружавшихъ, тѣ, которыя отличались передъ прочими знаменитостію рода и большимъ богатствомъ, приходя къ святымъ, какъ дѣти къ учителямъ, спрашивали о всемъ, что относилось ко спасенію, и, почерпая изъ оныхъ приснотекущихъ источниковъ, пили сами и сообщали эту воду домамъ своимъ, и особенное показывали расположеніе къ святымъ, стараясь каждый о томъ, нельзя ли какъ-нибудь убѣдить ихъ войти въ домъ свой, считая присутствіе этихъ учителей освященіемъ его и вѣруя, что, гдѣ находятся сіи три мужа, во всемъ между собою соединенные, и душою и тѣломъ, тамъ присутствуетъ и самъ Господь. Но святые, избѣгая безпокойствъ и вмѣстѣ стараясь дѣлать угодное князю, не рѣшались вступать въ домы частныхъ лицъ, развѣ когда изъявлялъ на то свое согласіе боголюбивый оный князь. Такимъ образомъ одинъ болгаринъ, по имени Ехачъ, изъ числа сановниковъ, пришедши къ князю, просилъ позволенія принять священнѣйшаго Климента съ преподобнымъ Наумомъ въ свой домъ; князь, будучи хорошо расположенъ къ просителю, охотно согласился и наказалъ: учителей этихъ принимать со всею почестію, пока мы совершенно не устроимъ при нихъ всего, что надобно сдѣлать. Освящается также и домъ Часлава пребываніемъ въ немъ Ангеларія, ибо и на его просьбу о принятіи къ себѣ этого наставника князь изъявилъ свое согласіе. Но не суждено было Чаславу долго наслаждаться его пребываніемъ въ сей жизни: Ангеларій, поживши у него нѣсколько времени, съ радостію предалъ духъ свой въ руки святыхъ ангеловъ. А Климентъ и Наумъ оставались

у Ехача, пользуясь всякою почестію; но бо́льшую и важнѣйшую пользу приносили они своими дарами, ибо, сѣя сѣмена духовныя, сами пожинали тѣлесные плоды въ домѣ этого человѣка.

Климентъ въ Кутмичевицѣ.

XVII. Потомъ этотъ истинный воевода Божій Михаилъ, названный у насъ прежде Борисомъ, такъ какъ онъ не переставалъ всячески заботиться о томъ, какъ бы этимъ священнымъ мужамъ доставить всякій случай къ исполненію дѣла Божія, по вразумленію Божію, отдѣляетъ отъ Котокія Кутмичевицу и поставляетъ надъ нею начальникомъ Довету, освободивъ его отъ управленія; Доветѣ же даетъ блаженнаго Климента, или, лучше, Довету [1]) поручаетъ Клименту, а еще вѣрнѣе сказать, одного другому: одного, какъ исполнителя во всемъ, другого, какъ человѣка, имѣющаго воспользоваться содѣйствіемъ такого помощника для достиженія желаемой цѣли. Ибо Климентъ посылался учителемъ Кутмичевицы, и по всей сторонѣ жителямъ отдавались приказанія, чтобы этого святого принимать съ усердіемъ и доставлять ему все въ изобиліи и самое лучшее, привѣтствовать его дарами и посредствомъ видимыхъ сокровищъ любви, отложенныхъ для душъ, пріобрѣтать его и дѣлать общимъ для всѣхъ; а что еще болѣе доставляло ему уваженія, самъ Борисъ предложилъ въ даръ блаженнѣйшему Клименту три дворца въ Діаболеѣ [2]), превосходные по великолѣпію, принадлежавшіе графскому роду. Кромѣ того, около Ахриды [3]) и Главеницы подарилъ ему мѣста для отдохновенія [4]).

Пастырская и учительская дѣятельность Климента.

XVIII. Вотъ что сдѣлано со стороны князя; такъ чудная душа, изливающая любовь во Христѣ, сколько возможно, на служителя Христова, служила и для прочихъ образцомъ такого многоцѣннаго усердія. Какъ же велъ себя Климентъ? Не сдѣлался ли онъ надменнымъ отъ почестей и, составивши о себѣ понятіе выше того, чѣмъ онъ былъ, не сталъ ли послѣ того жить роскошнѣе, въ той мысли, что онъ все уже исполнилъ? Совсѣмъ нѣтъ; напротивъ, онъ,

---

[1]) О имени Добеты смотри предшествующее замѣчаніе.

[2]) Діаболея у южныхъ славянъ передается Дѣволь у Матова, Девол у Новаковича.

[3]) Ахрида—у южныхъ славянъ Охридъ—на берегу Охридскаго озера.

[4]) Подвергнувъ разсмотрѣнію приводимыя въ этой главѣ названія мѣстностей, Новаковичъ въ указанномъ выше сочиненіи дѣлаетъ слѣдующіе выводы: 1) что Кутмичевица была всего ближе къ Деволу, на равномъ разстояніи между Главеницей и Охридомъ; 2) что положеніе областей Котокія и Кутмичевицы слѣдуетъ искать не на востокѣ Македоніи, а на юго-западъ отъ македонско-албанскаго озернаго предѣла, между Авлоной и Корчей; 3) что вся эта мѣстность имѣла славянское населеніе.

какъ будто бы еще ничѣмъ и нисколько не служивши Христу, эти самыя почести принялъ за начало своего подвига въ словѣ и тщанія въ дѣлѣ проповѣданія и никогда не переставалъ заботиться о томъ, какъ бы не обмануть князя въ надеждахъ, которыя на него были возлагаемы. Такимъ образомъ, въ этихъ странахъ, о которыхъ мы упомянули, онъ и язычникамъ громогласно проповѣдывалъ спасеніе Божіе, и всѣмъ вообще, въ бесѣдахъ своихъ излагая понятіе о спасительныхъ заповѣдяхъ Христовыхъ и божественныхъ догматахъ и стараясь внушить, что, какъ жизнь благочестивая безъ здраваго ученія есть въ сущности мертва и непрочна, такъ и ученіе безъ жизни не ведетъ къ животу вѣчному; первую онъ сравниваетъ съ слѣпцомъ, имѣющимъ ноги и руки, а другое— съ человѣкомъ зрячимъ, у котораго оторваны руки и ноги. Въ каждомъ округѣ своей паствы имѣя нѣсколько мужей, избранныхъ изъ числа прочихъ, и притомъ довольно многихъ, такъ какъ ихъ насчитывалось до 3.050 человѣкъ,— съ ними большею частью бесѣдовалъ и раскрывалъ имъ болѣе глубокія мѣста св. Писанія, а насъ смертныхъ и недостойныхъ, по благоутробію доброты своея, между всѣми другими сдѣлалъ къ себѣ приближеннѣе, и потому мы во всякое время находились при немъ, слѣдя за всѣмъ, что онъ дѣлалъ, что говорилъ и чему посредствомъ того и другого научалъ. Итакъ, мы никогда не видали его празднымъ; напротивъ, онъ или училъ дѣтей, и притомъ различно — однимъ показывалъ начертаніе письменъ, другимъ объяснялъ смыслъ написаннаго, иныхъ руководилъ и упражнялъ въ письмѣ,—или предавался молитвѣ и не только днемъ, но и ночью, или занимался чтеніемъ, или писалъ книги, а иногда въ одно время дѣлалъ два дѣла, занимаясь письмомъ и уча какой-нибудь наукѣ дѣтей; ибо онъ зналъ, что праздность научаетъ всякому злу (33.28), какъ мудрость, научающая всякому добру, изрекла устами одного изъ своихъ служителей. Поэтому ученики его были превосходнѣйшими изъ всѣхъ какъ по жизни, такъ и по ученью; ибо они, будучи такъ хорошо насаждены и такъ тщательно напоены, необходимо должны быть и возращены отъ Бога (1 Кор. 3.7). Изъ нихъ поставлялъ онъ чтецовъ, иподіаконовъ и пресвитеровъ; въ каждомъ округѣ отправленіе дѣлъ поручалось тремъ-стамъ учениковъ, которые, не требуя себѣ платы, сами не несли никакой повинности князю, но приносили службу Богу и Ему опредѣлены были платить или, правильнѣе, воздавать долгъ. Вотъ дѣйствія Климента въ продолженіе цѣлыхъ семи лѣтъ.

Смерть Бориса.

XIX. Восьмой годъ его учительства былъ уже послѣднимъ годомъ жизни раба Божія Михаила-Бориса, освященнаго князя Болгаріи. Послѣ него княжеское достоинство принимаетъ сынъ его Владиміръ, который по прошествіи четырехъ лѣтъ своего княженія преставился [1]); наслѣдникомъ же всего остался братъ его Симеонъ, который первый названъ былъ царемъ болгарскимъ. Онъ рожденъ Михаиломъ по образу его и по подобію и сохранилъ въ себѣ неподдѣльныя черты душевной доброты; въ обращеніи со всѣми былъ простъ и благосклоненъ, въ особенности къ тѣмъ, которые выказывали доброту нравовъ; жизнь велъ самую христіанскую, показывалъ теплую вѣру и снѣдаемъ былъ ревностью дома Божія (Пс. 68.10). Такимъ образомъ онъ восполнилъ то, что оставалось недоконченнымъ послѣ отца,—усилилъ проповѣданіе слова Божія и построеніемъ повсемѣстно церквей утвердилъ непоколебимо православіе и проложилъ широкій и безпрепятственный путь закону Божію.

Климентъ поставляется епископомъ Велицы.

XX. Когда слава, дѣлавшая Климента великимъ и ставившая все выше, нежели, какъ онъ самъ о себѣ думалъ, такъ какъ и дѣйствительно онъ восхожденія положилъ въ сердцѣ (Пс. 83.6)—достигла, наконецъ, и до царя Симеона и поселила въ немъ любовь къ доблести этого учителя; тогда царь призываетъ къ себѣ святого, вступаетъ съ нимъ въ разговоръ и, ощутивъ освященіе отъ самаго наружнаго его вида,—ибо видъ блаженнаго Климента внушалъ величайшее къ нему уваженіе въ самихъ врагахъ,—много говорилъ въ прославленіе страны болгарской и почиталъ блаженнымъ свое царствованіе, въ которое такое благо даровано было отъ Бога. Послѣ того Климентъ, соблюдавши доселѣ и наставлявши тѣхъ, которые изъ окружавшихъ его были разумнѣе прочихъ и которые всѣ внимали ему, какъ отцу, въ той увѣренности, что то только угодно Богу, что они дѣлаютъ въ честь его, возводится въ степень епископа Дрембицы и Велицы [2]), и такимъ образомъ Климентъ дѣлается первымъ епископомъ въ народѣ болгарскомъ.

---

[1]) Борисъ-Михаилъ не умеръ на великокняжескомъ престолѣ, а оставилъ его для монашества; старшій сынъ Бориса Владиміръ точно также не умеръ на престолѣ, а былъ низведенъ съ него отцомъ или братомъ.—Голубинскій.

[2]) Въ болгарскомъ переводѣ эти имена читаются: Дрембика или Велика. Въ святцахъ глаголическаго Ассеманова Евангелія и въ заглавіи одного изъ похвальныхъ словъ Климентъ называется епископомъ величскимъ, а не велицкимъ и не бѣлицкимъ, какъ его называетъ Голубинскій. Смотри объ этомъ у Дринова и Новаковича.

Когда же ему вручено было дѣло епископства, то онъ эту высоту достоинства сдѣлалъ лѣствицею возвышенія къ Богу и къ прежнимъ трудамъ присоединилъ въ нѣсколько разъ болѣе.

Пастырскіе труды Климента.

XXI. Соломонъ говоритъ, что приложивый разумъ приложитъ болѣзнь (Еккл. 1.18); а Симеонъ, прилагая Клименту почесть, приложилъ ему болѣзнь; ибо онъ, нашедши, что народъ этой области съ словомъ Божіимъ и писаніями совершенно незнакомъ и не наставленъ ни въ чемъ, что украшаетъ церковь и устрояетъ народъ духомъ благочинія и порядка, не давалъ сна очамъ, ни вѣждямъ дреманія (Пс. 131.4); напротивъ, въ попеченіи о народѣ находилъ для себя пищу и удовольствіе; всегда поучалъ и всегда устроялъ, изгоняя невѣжество, упорядочивая безпорядочное,—и былъ всѣмъ вся (1 Кор. 9.22), смотря по нуждѣ каждаго; научалъ клиръ церковному благоустройству и всему, что касается до псалмопѣній и молитвъ, такъ что, наконецъ, клирики его паствы были ничѣмъ не ниже другихъ, славившихся въ этомъ родѣ, а между тѣмъ болѣе всѣхъ украшались всѣми похвальными свойствами; въ народѣ укрѣплялъ умы и утвержденіе вѣры ихъ полагалъ на камени праваго служенія христіанскаго; ибо онъ былъ вовсе невѣжественный и, просто сказать, скотоподобный. Притомъ, питая такимъ образомъ словомъ, этимъ истиннымъ хлѣбомъ, укрѣпляющимъ сердца, онъ заботился и тѣлесно питать тѣхъ, которыхъ находилъ нуждающимися въ этой пищѣ; иначе онъ вполовину только подражалъ бы своему Іисусу, о которомъ зналъ, что Онъ вмѣстѣ съ ученіемъ питалъ и хлѣбами неблагодарныхъ. Поэтому онъ былъ и отецъ сирыхъ, и помощникъ вдовицъ, заботившійся о нихъ всѣми способами; дверь его всегда была отверста для всякаго бѣднаго, и странникъ не ночевалъ у него за воротами.

Литературные труды Климента Поученія на праздничные дни.

XXII. Въ образецъ жизни своей поставилъ онъ себѣ великаго Меѳодія и, съ нимъ сообразуя свои дѣйствія, заботился и молился, какъ бы не уклониться отъ него; жизнь его и дѣянія, какъ бы нѣкоторую картину искуснаго въ живописи художника, взявши за образецъ своей жизни, тщательно старался по немъ изобразить себя. Ибо онъ зналъ жизнь его такъ, какъ никто другой; потому что, еще отъ юности и съ раннихъ лѣтъ послѣдовавши за нимъ, видѣлъ все своими глазами, что дѣлалъ его учитель. Зная грубость народа и совершенное невѣжество въ познаніи писаній и замѣчая, что многіе священники болгарскіе, выучившись только читать, не понимаютъ греческихъ сочиненій и потому не просвѣщены, такъ какъ на болгарскомъ языкѣ не было поучительныхъ словъ, приноровленныхъ

къ празднествамъ,—зная все сіе, онъ и противъ этого старается принять свои мѣры и помощью ихъ разрушаетъ преграду невѣжества; составивъ на всѣ праздники поучительныя слова, простыя и ясныя, которыя, не заключая въ себѣ ничего углубленнаго и утонченнаго, понятны были и для самаго простого болгарина,—поученіями этими питалъ души слабѣйшихъ, поивши ихъ млекомъ, такъ какъ они не въ состояніи были принимать пищи болѣе крѣпкой, и былъ другимъ Павломъ для другихъ коринѳянъ, болгаръ. Изъ нихъ можно научиться таинствамъ празднествъ, совершаемыхъ о Христѣ и во Христѣ, а также и въ память Пресвятыя Богородицы, которая многократно, какъ вы знаете, совершается ежегодно; ревностью Климента въ этихъ словахъ разсѣяно много похвалъ и повѣствованій о Ея чудесахъ; найдешь и Крестителя не лишеннымъ подобающихъ ему похвалъ и узнаешь о чудныхъ обрѣтеніяхъ главы его; встрѣтишь житія и пути проповѣданія пророковъ и апостоловъ, подвигами мучениковъ окрылишься и возвысишься къ Тому, Кто пріобщилъ ихъ къ Себѣ Своею кровію. Ты любишь правила жизни и дѣйствій преподобныхъ отцовъ и ревнитель житія безплотнаго и безкровнаго? Найдешь и это обработаннымъ на болгарскомъ языкѣ премудрымъ Климентомъ. Говорятъ, всѣ эти сочиненія сохраняются людьми трудолюбивыми, и изъ нихъ одни написаны въ честь многихъ святыхъ, другія въ похвалу Пречистыя Божіея Матери, въ видѣ молитвъ и благодарственныхъ пѣсней; вообще все, что относится къ церкви, чѣмъ украшаются памяти Господа Бога и святыхъ Его и души возбуждаются, все это Климентъ предалъ намъ болгарамъ [1]).

XXIII. Эти творенія онъ оставилъ и въ монастырѣ своемъ, который построилъ въ Ахридѣ, еще при жизни блаженнаго Бориса, прежде нежели совершенно принялъ епископію величскую. Именно, послѣ того, какъ онъ увидѣлъ, что этотъ князь всю подвластную себѣ Болгарію опоясалъ семью соборными храмами и возжегъ какъ бы нѣкій свѣтильникъ седмисвѣщный, то и самъ захотѣлъ построить свой собственный монастырь въ Ахридѣ; къ этому монастырю присоединилъ еще другую церковь, которая впослѣдствіи сдѣлана архі-

---

[1]) До насъ дошли двѣнадцать поученій, на содержаніе которыхъ указывается въ этой главѣ, съ именемъ Климента, епископа словенскаго. Житіе вѣрно характеризуетъ простоту и ясность изложенія этихъ поученій и панегирическій характеръ нѣкоторыхъ изъ нихъ, приближающій ихъ къ церковнымъ пѣснопѣніямъ. Свѣдѣнія о литературной дѣятельности Климента можно найти въ упомянутомъ выше трудѣ: „Климентъ, епископъ словенскій“.

епископскою каѳедрою; такимъ образомъ въ Ахридѣ было три церкви: одна соборная и двѣ, построенныя св. Климентомъ, которыя величиною были гораздо меньше соборной, но по своей округлости и сферическому виду казались пріятнѣе. Климентъ всѣми способами старался изгнать изъ сердецъ болгаръ нерадѣніе къ дѣламъ благочестія и, привлекая красотою зданій, собрать ихъ воедино и вообще смягчить сердца ихъ, дикость и закоснѣлость относительно богопознанія. Но тутъ еще нѣтъ ничего необыкновеннаго, что онъ старался измѣнить образъ мыслей въ людяхъ и сообщить имъ характеръ образованіи и достоинства человѣческаго; но тогда какъ по всей странѣ на почвѣ болгарской росли только дикія деревья и недоставало плодовъ, годныхъ для употребленія, онъ и это благодѣяніе даровалъ ей, вывезши изъ страны греческой всякаго рода садовыя деревья и дикія растенія чрезъ прививаніе сдѣлавши плодовитыми, чтобы, какъ я думаю, и этимъ самымъ научить души человѣческія усвоивать себѣ соки благотворные и приносить Богу плодъ исполненіемъ Его божественной воли, которая сдѣлалась для него единственнымъ брашномъ. Такъ онъ заботился о пользѣ душъ и о томъ, чтобы всѣми способами расширить церковь Господню, не взирая ни на какія потребности тѣла (Дѣян. 20.24) и не дорожа душою своею, по словамъ божественнаго апостола, но заботясь, чтобы многіе достигли спасенія.

XXIV. Когда онъ питалъ таковую привязанность къ Богу и, какъ сынъ, любилъ Отца Небеснаго, ужели сынъ не имѣлъ достаточныхъ свидѣтельствъ о томъ, что и онъ отъ Бога взаимно возлюбленъ? Нѣтъ, Богъ прославляетъ и его, даруя благодать чудотворенія. А какимъ образомъ, объ этомъ сейчасъ услышите. Климентъ возвращается изъ Главеницы въ Ахриду какъ для того, чтобы видѣть жителей этой страны, тверды ли они душою и подкрѣпляются ли страхомъ Божіимъ, какъ бы нѣкимъ жезломъ, такъ вмѣстѣ и для того, чтобы на свободѣ побесѣдовать съ Богомъ въ монастырѣ, къ которому по красотѣ его будучи привязанъ, скучалъ, когда отвлекался куда-нибудь въ другое мѣсто. Когда онъ проходилъ, двое какихъ-то разслабленныхъ, — изъ коихъ одинъ, кромѣ разслабленія, лишенъ былъ и вожделѣннѣйшаго для всѣхъ зрѣнія,—попавшись ему на глаза, возбудили въ сострадательнѣйшей душѣ его сожалѣніе. Но сколько онъ готовъ былъ къ состраданію, столько же склоненъ и къ смиренномудрію; даже въ немъ болѣе было заботы о томъ, чтобы чудотвореніе его осталось втайнѣ, нежели въ разслабленныхъ желанія получить

исцѣленіе. Такимъ образомъ, онъ, осмотрѣвшись вокругъ и не видавши никого, возводитъ очи свои къ небу, воздѣваетъ преподобныя руки къ молитвѣ (1 Тим. 2.8) и низводитъ Божію помощь; этими руками, которыя воздѣвалъ онъ въ молитвѣ, касается потомъ тѣлъ разслабленныхъ, и это прикосновеніе его произвело въ нихъ скрѣпленіе и сочлененіе. И вотъ, какъ говорится у Исаіи, каждый изъ нихъ заскакалъ, какъ олень (Ис. 35.6), съ тою только разницею, что это былъ не хромой и не одинъ членъ своего тѣла имѣлъ поврежденнымъ, но весь былъ недвижимъ и нисколько не отличался отъ земли, на которой лежалъ. И слѣпому вскорѣ возсіялъ лучъ исцѣленія, и онъ, увидѣвши свѣтъ, громогласно величалъ Господа. Однако жъ чудотвореніе это не должно было совершенно укрыться отъ взоровъ человѣческихъ: его видѣлъ одинъ изъ служителей Климентовыхъ, котораго, замѣтивши потомъ, и Святитель, когда узналъ, что тутъ былъ невидимый зритель, хотя онъ и приникъ къ кельѣ, чтобы укрыться, выговаривалъ ему за дурной поступокъ и наказалъ ему съ угрозою никому не разсказывать о случившемся, доколѣ Климентъ не преставится изъ сего міра.

XXV. Наконецъ, согбенный старостію и изнуренный трудами, онъ думалъ отказаться отъ епископства, не потому, чтобы хотѣлъ оставить свою должность и уклониться отъ служенія, въ которомъ Духъ Святый поставилъ его пасти церковь Божію (Дѣян. 20.28), но по страху святому и божественному; ибо онъ боялся, да ради немощи его не разорится дѣло Божіе (Рим. 14.20). И вотъ онъ, пришедши къ царю, говорилъ: „благочестивѣйшій изъ царей! доколѣ тѣло мое служило мнѣ къ подъятію трудовъ и заботъ церковныхъ, которыя, по моему убѣжденію, тяжеле государственныхъ, дотолѣ оставить церковь Господа Бога, которую онъ самъ вручилъ мнѣ рукою власти твоей, считалъ я дѣломъ совершенно предосудительнымъ и неприличнымъ даже наемнику, которому свойственно бѣжать и оставлять овецъ, когда видитъ волка грядуща (Іоан. 10.12), а у меня какая причина покинуть стадо Божіе, когда я не вижу никакого волка? Поэтому я до самаго этого времени и не оставлялъ. Но теперь, когда ты видишь, какъ старость и множество различныхъ трудовъ совершенно лишаютъ меня всѣхъ силъ, позаботься о церкви и поставь въ дому Господнемъ правителя, который бы, съ духовною силою соединяя крѣпость тѣлесную и будучи моложе меня, принялъ на себя попеченіе о церкви. Исполни это послѣднее мое желаніе. Дай мнѣ въ эти немногіе дни

побесѣдовать съ собою и съ Богомъ; лучшимъ для этого жилищемъ нахожу монастырь; дозволь мнѣ умереть въ немъ. Что теперь общаго между моею дряхлостію и заботами, которыя требуютъ членовъ гораздо крѣпче моихъ? Ап. Павелъ назвалъ епископство дѣломъ, котораго поэтому долженъ быть чуждъ (Тим. 3. 1), кто становится совершенно неспособенъ къ дѣлу. Не допусти, чтобы церковь, процвѣтшая при моемъ управленіи и возвысившаяся надъ многими, при мнѣ же опять стала увядать, но сохрани ея благолѣпіе, какъ я сказалъ, подъ управленіемъ другихъ, меня сильнѣйшихъ и способнѣйшихъ. Ибо я очень боюсь, чтобы по причинѣ слабости моей, дѣла не пришли въ дурное состояніе".— Царь, пораженный неожиданностію слышанныхъ имъ словъ,—конечно, поразительно слышать то, чего кто не хочетъ,—сказалъ: „что ты говоришь, отецъ? Какъ можно мнѣ перенесть, когда увижу, что на этой каѳедрѣ, при твоей жизни, будетъ возсѣдать другой? Камъ можно мнѣ лишить царство свое твоихъ архипастырскихъ благословеній? Отреченіе твое отъ епископской каѳедры служитъ для меня непріятнымъ предзнаменованіемъ того, что я лишусь царскаго престола. Не оскорбилъ ли я чѣмъ-нибудь твое преподобіе, согрѣшивши по невѣдѣнію,—такъ какъ я дѣйствительно не знаю, въ чемъ я согрѣшилъ противъ тебя,—а ты, можетъ быть, щадя насъ, какъ отецъ, не хочешь обнаружить моего дурного съ тобою поступка, но скрываешь истинную причину подъ видомъ своей слабости: скажи, прошу тебя, я готовъ загладить это и, какъ сынъ уврачевать болѣзнь своего отца. Если же ни въ чемъ не можешь обвинить насъ, то зачѣмъ ты самъ хочешь опечалить тѣхъ, которые ничѣмъ тебя не опечалили? Ни клиръ не можешь ты обвинять въ непослушаніи и непокорности, потому что ты самъ, родивши всѣхъ посредствомъ Евангелія, избралъ себѣ и Богу, ни насъ упрекать въ томъ, что мы очень скоро уклоняемся отъ твоихъ заповѣдей, и ничего другого не видимъ укоризненнаго относительно твоихъ дѣйствій. Для чего же ты заставляешь дѣтей плакать о томъ, что ты ихъ оставляешь безъ всякой причины? Послушайся, отецъ. Если же не такъ,—то, осмѣлюсь сказать, чтобы ты ни говорилъ, я не послушаюсь, и чтобы ты ни дѣлалъ, не склонюсь на твою просьбу. Увольненіе бываетъ только для людей недостойныхъ, а ты выше всякаго достоинства".

XXVI. Преклоняется старецъ этими словами и, ничего болѣе не говоря царю объ увольненіи, возвращается въ монастырь; но тутъ находитъ Вышняго Царя споспѣшествующимъ его цѣли. Ибо

Переводъ Цвѣтной Тріоди.

по возвращеніи своемъ онъ вскорѣ подвергается болѣзни, и предузнавши о своей смерти, даетъ церквамъ болгарскимъ прощальный даръ, состоящій въ прибавленіи къ Тріоди того, чего въ ней недоставало; именно все, что поется отъ недѣли Новой (Ѳоминой) до самой Пятидесятницы, докончилъ онъ въ это время. Отсюда людямъ прозорливѣйшимъ можно заключить, каковъ долженъ быть въ здоровомъ состояніи тѣла тотъ, который и въ самой болѣзни изнурялъ себя трудами. Но поистинѣ внутренній человѣкъ его обновлялся, елико внѣшній тлѣлъ (2 Кор. 4.16), и онъ могъ съ апостоломъ Павломъ говорить: „егда немощствую (2 Кор. 12.10), тогда силенъ есмь". Что еще? Онъ дѣлаетъ завѣщаніе, и это согласно съ правилами (церковными) какъ о книгахъ имъ написанныхъ, такъ и о прочемъ имуществѣ, которое принадлежало ему, или лучше сказать Богу, къ Которому онъ все относилъ и Которымъ, какъ единственно добрымъ бисеромъ, подобно мудрому купцу, обогащался, не заботясь много о раковинахъ. Раздѣливши все на двѣ части, одну половину оставилъ епископіи, а другую обители, ясно показавши и здѣсь, и какъ пріобрѣтать должно, и что раздѣлъ его былъ по Божію мановенію. Ибо онъ допускалъ и пріобрѣтеніе отъ благовѣрныхъ князей и царей, которыхъ никакъ не должно охлаждать отказомъ, тѣмъ болѣе, когда они еще не вышли изъ состоянія грубости. Примѣръ этому показалъ и самъ Господь, какъ Онъ жену, пришедшую къ Нему съ мѵромъ, не только не презрѣлъ, но и принялъ ее и далъ мѣсто въ Евангеліи. Съ другой стороны и нестяжательность обнаружилъ, согласную съ Евангеліемъ и правилами церковными и безпримѣрно похвальнымъ образомъ.

Кончина Климента.

XXVII. Такъ поживши и такъ украсивши дарованную ему отъ Бога каѳедру, положивъ конецъ, сообразный съ началомъ, и совершивши кровъ вполнѣ приличный основанію, переселился ко Господу. Святое тѣло его, равночестное съ душою, по священному обряду будучи отпѣто и почтено, хотя не по тому достоинству, котораго онъ заслуживалъ, по крайней мѣрѣ, по силамъ чтителей, положено въ этой обители во гробѣ, устроенномъ собственными его руками, по правую сторону трапезы, 27-го іюля, въ царствованіе Симеона, царя болгарскаго, въ лѣто отъ сотворенія міра 6424.

XXVIII. Но вотъ, на что я не обратилъ еще вниманія, — не малое доказательство сочувствія душъ святыхъ: предъ кончиною Климента нѣкоторые изъ его учениковъ видѣли во снѣ Кирилла и Меѳодія, которые пришли къ этому святому и предвозвѣстили исходъ жизни его. И такъ онъ, казалось, отошелъ отъ насъ и покинулъ

здѣшнюю жизнь, но благодать его не покинула насъ, напротивъ останки сего учителя еще и доселѣ творятъ благодѣянія, исцѣляя всякій недугъ и всякую болѣзнь (Мато. 9.35). Доказательствомъ сказаннаго мною служитъ больной, имѣвшій изсохшія руки и ноги, который, прибывши къ храму, когда совершалось божественное священнодѣйствіе, получилъ исцѣленіе. Народъ не зналъ его, кто онъ и откуда. Но какъ онъ къ служенію сталъ прибавлять благодареніе, изливался въ исповѣданіи своемъ передъ Богомъ, простиралъ исцѣлѣвшія свои руки и своими воплями становился уже скучнымъ для бывшихъ тогда въ храмѣ, что наконецъ спрашиваютъ его о причинѣ этого благодаренія, и онъ разсказываетъ все: что онъ самъ также изъ Ахриды и страдалъ уже нѣсколько лѣтъ этою болѣзнію; когда безнадежность столько же одолѣвала его, какъ и болѣзнь, то онъ вознамѣрился поклониться гробу Святого, не пошлетъ ли ему утѣшенія все исцѣляющій во Христѣ Климентъ; такимъ образомъ, поползши на рукахъ и ногахъ, достигъ гроба этого Святого; тутъ пришелъ въ изступленіе и видѣлъ нѣкоего старца, который, прикоснувшись власамъ его, велитъ ему встать, и вмѣстѣ съ этимъ словомъ онъ слышитъ въ тѣлѣ стукъ, какъ бы кости его, сходясь между собою, ударились одна объ другую; вѣрно въ это время члены его совокуплялись и расправлялись жилы, чтобы произвести движеніе; послѣ того, пришедши въ себя, говоритъ онъ, я былъ здоровъ, и руки у меня уже не сухія, ноги уже не сухія, и уже нѣтъ разслабленія въ тѣлѣ, и вотъ я воздѣваю руки къ тому, кто простеръ мнѣ ихъ, и теперь стою на ногахъ своихъ. Такъ говоритъ имѣвшій недавно изсохшія руки и ноги, источая изъ глубины сердца глаголы исповѣданія; съ нимъ согласовались предстоявшіе и также славили Святого благодарственными гласами. Что мнѣ упоминать еще о томъ или другомъ? Кто не знаетъ, сколь много бѣсноватыхъ, сколь много одержимыхъ другими болѣзнями получили избавленіе отъ тяжкихъ страданій, или пришедши ко гробу, или призвавши только имя его съ вѣрою, которая поистинѣ бываетъ при этомъ дѣятельною помощницею? Поэтому болгары, отъ малаго до великаго, вкушая благодать, происходящую отъ сего Святого, показываютъ невыразимое усердіе въ его чествованіи, дѣлая ему каждый посильныя приношенія.

XXIX. О, божественная и священная главо, въ которой Духъ Святый утвердилъ свое сѣданіе! о, свѣтило, господствующее не днемъ только и не ночью только, но и ночью и днемъ озаряющее Заключеніе.

насъ твоими дарами, боремся ли мы когда съ искушеніями и какъ бы какою ночью облегаемся мракомъ искушеній, или наслаждаемся покоемъ, и проясняемся какъ бы нѣкоторымъ свѣтомъ, въ то и другое времена мы сподобляемся твоей благости! О, труба, которою вострубилъ намъ Утѣшитель! О, пастырь добрый, положившій за насъ—твоихъ овецъ, святую душу, и потомъ и многими трудами устроившій и управившій стадо Божіе, водворившій насъ на мѣстѣ злачномъ, на основаніи писаній, твоими устами изъясненныхъ; воспитавшій насъ на водѣ упокоенія, во святомъ Крещеніи, и наставившій на стези правды, къ дѣланію добродѣтели! Чрезъ тебя вся болгарская страна познала Бога, ты наполнилъ и украсилъ церкви пѣснями и псалмопѣніями, празднества просвѣтилъ поучительными чтеніями; чрезъ тебя монашествующіе житіями Св. Отецъ руководствуются къ подвигамъ; чрезъ тебя священники научаются жить согласно съ постановленіями церковными; о, Ангелъ земный и человѣкъ небесный! о, маслина, ни мало не оскудѣвающая предвозвѣщеннымъ у пророка тукомъ, и даже еще обильнѣйшихъ сыновъ плодоприносящая (Ср. Псал. 62. 6. 35 9. 127. 4)! о, путеводитель слѣпыхъ, о которомъ бы изъ двухъ слѣпотствованій и путеводствъ не помышлялъ кто-нибудь! О ты, приведшій ко Господу люди избранны (Тит. 2.14), ревнители добрымъ дѣломъ, которыя они въ тебѣ видѣли! Паки и паки призри на твое наслѣдіе,—поистинѣ ты теперь больше имѣешь силы, нежели когда былъ въ тѣлѣ,—и прогони злую ересь, которая, какъ язва, вкралась на пагубу твоего стада, въ особенности послѣ твоего успенія во Христѣ, да не разсыплетъ и не погубитъ она овецъ пажити, тобою указанной. О, пастырь святый и добрый! Соблюди и отъ варварскихъ нашествій неприкосновенными питомцевъ твоихъ, сохраняя насъ, какъ во всякое время, такъ и въ особенности теперь, когда скорбь приближается, когда нѣтъ помогающаго, когда скиѳскій мечъ упился въ крови болгарской, когда руки безбожниковъ мертвыя тѣла новыхъ чадъ твоихъ выбросили на снѣденіе птицамъ небеснымъ,—ихъ ты сокруши десною рукою Бога, Которому ты служилъ, миръ даруя людямъ своимъ, дабы мы и торжество твое могли устроить во всякой радости, чрезъ тебя прославляя Отца и Сына и Св. Духа, какъ единаго Бога, Которому подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

4. Житіе и перенесеніе мощей св. Климента [1]).

(ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Константинъ и хозары.

I. Въ годы правленія Византіей императора Михаила былъ одинъ мужъ знатнаго происхожденія, родомъ изъ Солуня, именемъ Константинъ, котораго за чудесный умъ, съ малолѣтства въ немъ открывшійся, по справедливости прозвали философомъ. Достигши зрѣлыхъ лѣтъ, онъ привезенъ былъ родителями въ столицу. Тамъ, какъ мужъ весьма благочестивый и благоразумный, украсился священническимъ саномъ. Въ то же время къ упомянутому императору прибыли послы отъ хазаръ, прося и моля прислать къ нимъ ученаго мужа, который бы научилъ ихъ неложно каѳолической вѣрѣ, прибавляя между прочимъ, какимъ образомъ то іудеи, то сарацины стараются обратить ихъ въ свою вѣру. Но мы, не зная на чью сторону лучше склониться, рѣшились просить совѣта о нашей вѣрѣ и спасеніи у верховнѣйшаго и каѳолическаго императора, полагаясь на вашу вѣрность и старинную дружбу. Тогда

---

[1]) Такъ называемая итальянская легенда Vita cum translatione S. Clementis, составленная лицомъ, принадлежащимъ римской церкви, насколько можно судить по ея содержанію, излагаетъ намъ дѣятельность святого Кирилла въ связи съ перенесеніемъ въ Римъ обрѣтенныхъ имъ мощей святого мученика Климента, папы римскаго. Оттого въ итальянской легендѣ и отведено разсказу объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей святого Климента такое видное мѣсто, что А. В. Горскій опредѣлилъ содержаніе легенды въ слѣдующихъ словахъ: „сія легенда есть, собственно, повѣствованіе о перенесеніи мощей святого Климента, а не о дѣяніяхъ Константина“. А такъ какъ обрѣтеніе мощей святого Климента Кирилломъ стояло въ связи съ его поѣздкой для проповѣди къ хазарамъ, то, сказавъ нѣсколько словъ о происхожденіи Кирилла, легенда начинаетъ съ разсказа о прибытіи въ Константинополь хазарскаго посольства и объ отъѣздѣ Константина въ Хазарію и затѣмъ, разсказавъ объ обрѣтеніи мощей святого Климента, кратко говоритъ о результатахъ хазарской миссіи. Далѣе, такъ какъ мощи святого Климента были перенесены Константиномъ изъ Моравіи, то легенда опять-таки въ самыхъ краткихъ чертахъ говоритъ о посольствѣ Ростислава въ Константинополь и о прибытіи въ Моравію Константина, которое повело за собой вызовъ его въ Римъ. Наконецъ, быстрая кончина Константина въ Римѣ дала поводъ составителю легенды разсказать о послѣднихъ дняхъ его жизни и обстоятельствахъ его погребенія, тѣмъ болѣе что погребеніе Кирилла въ храмѣ св. Климента нераздѣльно соединяло воспоминаніе о св. мученикѣ съ памятью о томъ человѣкѣ, который былъ главнымъ виновникомъ обрѣтенія его мощей.

императоръ, посовѣтовавшись съ патріархомъ, призвалъ предъ себя упомянутаго философа и съ величайшею честію отправилъ его туда съ хазарскимъ и своими послами въ полномъ упованіи на его благоразуміе и краснорѣчіе [1]).

Константинъ въ Херсонесѣ.

II. Итакъ, немедленно приготовя все нужное, онъ пустился въ путь и прибылъ въ Херсонесъ, весьма близкій и смежный съ землею хазаръ. Тутъ остановился на нѣсколько времени, желая обучиться языку этого народа [2]). Между тѣмъ, по внушенію Бога, который уже положилъ открыть правовѣрнымъ своимъ столь драгоцѣнное сокровище, т.-е. тѣло св. Климента, упомянутый мужъ, какъ любознательный испытатель, началъ отъ мѣстныхъ жителей прилежно навѣдываться и тщательно испытывать, что̀ до него дошло, частію чрезъ письменное преданіе, частію по слуху, о тѣлѣ блаж. Климента, о храмѣ, воздвигнутомъ ангельскими руками, и о гробѣ его. Всѣ объявили, что, какъ пришельцы изъ разныхъ народовъ, а не мѣстные уроженцы, ничего не знаютъ, о чемъ онъ спрашиваетъ; ибо чудо морского отлива, знаменитое въ исторіи страданій упомянутаго первосвященника, давно уже прекратилось за грѣхи и нерадѣніе жителей, и море прежнія свои мѣста покрыло волнами. Сверхъ того, и отъ многихъ набѣговъ варваровъ храмъ оставленъ и разрушенъ, страна эта опустѣла и сдѣлалась необитаемою. Да и самый гробъ св. мученика съ тѣломъ покрытъ былъ волнами [3]).

Обрѣтеніе мощей.

III. Такимъ отвѣтомъ весьма удивленный и крайне опечаленный, философъ обратился къ молитвамъ, чтобы ему открыто было свыше, ради заслугъ упомянутаго первосвященника [4]), чего не могъ узнать отъ людей. Онъ пригласилъ митрополита изъ самаго города, именемъ Георгія, вмѣстѣ съ причтомъ церковнымъ и народомъ, да просятъ того же отъ небесъ [5]). Сверхъ того, разсказывая дѣянія страстотерпца или чудеса блаженнѣйшаго мученика, весьма многихъ воодушевилъ увѣщаніями своими приступить къ отысканію столь драгоцѣннаго и столь долго пренебрегаемаго

---

[1]) Разсказъ о посольствѣ хазарскомъ поразительно близокъ къ житію Кирилла.

[2]) Согласно съ житіемъ Кирилла.

[3]) Эта подробность стала извѣстной составителю легенды изъ письма библіотекаря Анастасія (смотри брошюру Ягича, стр. 10).

[4]) Какъ въ житіи Кирилла.

[5]) Объ этомъ составитель легенды зналъ изъ латинскаго перевода повѣствованія объ обрѣтеніи мощей святого Климента, составленнаго Кирилломъ.

сокровища и съ помощью Божіею извлечь на свѣтъ. Въ одинъ день, 30-го [1]), какъ пишутъ, января, при тихой погодѣ вступивши на корабль [2]), путеводимые Христомъ, пускаются въ дорогу, т.-е. упомянутый философъ съ епископомъ и честнымъ клиромъ и нѣкоторыми изъ города. Итакъ, плывя моремъ, съ великою набожностію и упованіемъ, съ псалмопѣніемъ и молитвами, прибыли на островъ, гдѣ находится, какъ думали, тѣло святого мученика. При блескѣ свѣтильниковъ обходя всѣ мѣста того острова, начали тамъ съ большимъ усердіемъ возсылать моленія и прилежно рыть въ одномъ курганѣ, гдѣ, какъ должно было догадываться, покоится сокровище.

IV. Долго и много рыли, надѣясь на Божіе милосердіе. Наконецъ, внезапно возсіяла, подобно нѣкоторой лучезарнѣйшей звѣздѣ, одна изъ костей неоцѣненнаго мученика. При этомъ зрѣлищѣ всѣ исполнились неописаннаго восторга и уже безъ всякаго побужденія наперерывъ копали землю. Тогда показалась святая голова его. Всѣ со слезами возопили къ небу, возсылая хвалы и благодаренія Богу. Такой радости если вообразить не можемъ, то тѣмъ болѣе описать; ибо столько всѣ восхищены были, какъ обрѣтеніемъ святыхъ мощей, такъ и благоуханіемъ, что мечтали быть въ раю. Потомъ принялись опять за работу и, отрывая частичку за частичкой, ископали всѣ. Напослѣдокъ нашелся и самый якорь, съ которымъ онъ брошенъ былъ въ море [3]).

Итакъ, при всеобщей несказанной радости, вызванной столь великимъ Божіимъ благодѣяніемъ, по совершеніи на томъ мѣстѣ таинствъ святымъ первосвященникомъ, самъ святый мужъ, возложивши на собственную главу святыя мощи [4]), при восклицаніяхъ всѣхъ сопутствующихъ вступилъ на корабль и потомъ съ хвалебными пѣснями перенесъ ихъ въ столицу Глорію [5]). При приближеніи къ городу, встрѣтилъ ихъ со многими другими доблестный

---

[1]) Согласно съ тѣмъ же источникомъ.

[2]) Какъ въ житіи Кирилла гл. VIII.

[3]) Какъ и въ словѣ на перенесеніе мощей, въ которомъ упоминается появленіе ребра, главы, прочихъ членовъ и, наконецъ, якоря.

[4]) Такъ и въ словѣ.

[5]) Здѣсь текстъ легенды представляетъ искаженіе, подобное которому находимъ въ Legenda Aurea Іакова де Ворагине. Въ послѣдней въ разсказѣ объ обрѣтеніи мощей Климента, заимствованномъ у Льва Остійскаго изъ митрополита Георгія, явилось civitatula Georgia, такъ точно какъ здѣсь: metropolis Gloria.

Никифоръ, князь того города, и, поклонившись святымъ мощамъ, съ радостію предшествовалъ, поспѣшая въ городъ. Тамъ еще, при всеобщихъ восклицаніяхъ принявъ, поклонился святому и честному тѣлу и разсказалъ въ присутствіи всего народа таинственное его обрѣтеніе. Когда уже начинало смеркаться и отъ безчисленнаго множества народа идти далѣе невозможно было, то съ рачительною осторожностію положили тѣло въ храмѣ св. Созонта, въ предмѣстіи города, а наконецъ перенесли въ церковь св. Леонтія. На другой день утромъ, при стеченіи всего народа, взявши святыя мощи, съ великими хвалами обошли кругомъ весь городъ и такимъ образомъ принесли ихъ въ соборную церковь, съ честію тамъ положили и потомъ, всѣ радуясь, возвратились по домамъ [1]).

Проповѣдь въ Хазаріи.

VI. Послѣ этого упомянутый философъ отправился въ путь и, прибывши къ тому народу, куда былъ посланъ, проповѣдывалъ Искупителя всѣхъ Бога и силою своего слова отвратилъ всѣхъ тѣхъ отъ заблужденій, которыхъ обольстило вѣроломство сарацинъ или іудеевъ. Утвержденные въ каѳолической вѣрѣ и наученные, они съ великою радостію благодарили всемогущаго Бога и служителя Его, Константина философа. Сверхъ того, они послали къ императору письмо, благодаря, что постарался обратить ихъ къ истинной и каѳолической вѣрѣ, и утверждая, что они за это всегда пребудутъ вѣрнѣйшими и покорными власти его. Отпуская же философа съ великою честію, принесли они ему драгоцѣннѣйшіе дары, которыхъ онъ, какъ истинный философъ, не принялъ, а просилъ, вмѣсто всѣхъ даровъ, отпустить съ нимъ, сколько есть, чужеземныхъ плѣнниковъ. Это тотчасъ было исполнено [2]).

Посольство Ростислава.

VII. По возвращеніи философа въ Константинополь услышалъ князь моравскій Ростиславъ о томъ, что сдѣлалъ философъ въ области хазаръ. Посовѣтовавшись съ своимъ народомъ, послалъ онъ пословъ къ упомянутому императору, донося, что народъ его отступилъ отъ идолопоклонства и желаетъ соблюдать законъ христіанскій, но не имѣетъ такого учителя, который бы наставилъ его читать и совершенно разумѣть самый законъ; и для того проситъ прислать такого человѣка, который бы могъ ясно показать

---

[1]) Тотъ же самый порядокъ обратнаго шествія и въ словѣ, гдѣ упоминается о внесеніи мощей въ храмъ Созонта, св. Леонтія и, наконецъ, послѣ крестнаго хода кругомъ города въ соборную церковь. Вообще весь разсказъ легенды есть сокращеніе весьма подробнаго повѣствованія слова.

[2]) Разсказъ о результатахъ проповѣди у хазаръ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что передается въ житіи Кирилла, глава XI въ концѣ.

народу вѣру и порядокъ Закона Божія и путь истины. Императоръ, внявъ просьбѣ Ростислава, призвалъ къ себѣ того же упомянутаго философа и послалъ его туда, т.-е. въ страну славянъ, вмѣстѣ съ братомъ его Меѳодіемъ, надѣливши ихъ щедро на путевыя издержки. Когда же съ Божіею помощью они пришли въ тѣ страны, то жители мѣста того, узнавши о приходѣ ихъ, очень обрадовались, ибо слышали, что они принесли съ собою мощи св. Климента [1]) и Евангеліе, переведенное упомянутымъ философомъ на ихъ языкъ. Итакъ, вышедши за городъ навстрѣчу, приняли ихъ съ честію и великою радостію. Святые мужи ревностно приступили къ дѣлу, ради котораго пришли, начали учить дѣтей грамотѣ, устроять церковныя службы и изощрять краснорѣчіе свое на исправленіе разныхъ заблужденій, которыя нашли въ народѣ, и такимъ образомъ очищая это зараженное терніемъ поле отъ многоразличныхъ корней пороковъ, сѣяли сѣмена слова Божія. Они пробыли въ Моравіи четыре года съ половиною, научили народъ каѳолической вѣрѣ и оставили тамъ разныя писанія, нужныя для церковной службы [2]).

VIII. Услыша все это, славнѣйшій папа Николай весьма обрадовался и пригласилъ ихъ къ себѣ апостольскими письмами. Восхищенные такимъ извѣстіемъ, они благодарили Бога, что удостоились приглашенія первосвященника. Отправясь немедленно въ путь, они взяли съ собою еще нѣкоторыхъ изъ учениковъ своихъ, которыхъ считали достойными полученія епископскаго сана, и такимъ образомъ чрезъ нѣсколько дней прибыли въ Римъ. Путешествіе въ Римъ.

IX. Но упомянутый папа Николай незадолго переселился къ Господу [3]). Адріанъ Второй, преемникъ его на римскомъ престолѣ, услыша, что философъ несетъ съ собою тѣло св. Климента, трудами его обрѣтенное, весьма тому обрадовался и, вышедши на-

---

[1]) И въ этой главѣ составитель легенды не упускаетъ случая коснуться главнымъ образомъ интересующаго его предмета, упоминая о встрѣчѣ мощей св. Климента въ Моравіи, о чемъ ни слова не говорится въ пространныхъ житіяхъ.

[2]) Въ этой главѣ весьма важно упоминаніе о переводѣ Священнаго Писанія, о славянскомъ богослуженіи и объ обученіи грамотѣ дѣтей. Интересна одна подробность объ окончаніи перевода Евангелія въ Константинополѣ.

[3]) Авторъ Итальянской легенды, близко знавшій римскія обстоятельства, передаетъ ихъ точнѣе, чѣмъ это встрѣчаемъ въ паннонскихъ житіяхъ. Онъ говоритъ о вызовѣ Константина папою Николаемъ и не забываетъ упомянуть о смерти этого папы, не дозволившей ему видѣть святыхъ Кирилла и Меѳодія (сравни VI главу житія Меѳодія).

встрѣчу за городъ съ клиромъ и народомъ, принялъ ихъ съ великою честію. Между тѣмъ, въ присутствіи святыхъ мощей, силою всемогущаго Бога, начали совершаться чудесныя исцѣленія: кто бы ни былъ одержимъ какою болѣзнію, поклонившись святымъ мощамъ мученика, тотчасъ исцѣлялся. Первосвященникъ и весь народъ римскій, радуясь и ликуя, возносилъ великое благодареніе и хвалу Богу, который, спустя столь долгое время, въ дни ихъ сподобилъ ихъ принять въ свою столицу святого и апостольскаго мужа и преемника Петра, главы всѣхъ апостоловъ, и не только весь Римъ, но и всю Римскую имперію просвѣтить его знаменіями и добродѣтелью [1]). Итакъ, возблагодаря упомянутаго философа за оказанное благодѣяніе, рукоположили его и Меѳодія въ епископы, а прочихъ учениковъ ихъ въ пресвитеры и діаконы [2]).

Кончина Константина.

X. Когда же философъ, или Константинъ, почувствовалъ приближеніе своей смерти, то съ позволенія первосвященника [3]) далъ себѣ имя Кирилла, говоря, что имя это внушено ему было свыше, и такимъ образомъ черезъ сорокъ дней [4]) почилъ въ Господѣ 17 марта [5]). Святый отецъ папа повелѣлъ какъ римскому, такъ и греческому духовенству собраться на погребеніе его съ псалмами и пѣсньми, свѣчами и ладаномъ и погребсти съ такою же честію, какъ самого первосвященника.

XI. Тогда вышеупомянутый братъ его Меѳодій, пришедши къ первосвященнику и повергшись къ стопамъ его, сказалъ: достойнымъ и нужнымъ считаю внушить твоему святѣйшеству, что при выходѣ изъ дома нашего на службу, совершенную нами при помощи Божіей, мать со слезами просила, чтобы, въ случаѣ смерти одного изъ насъ, тотъ, кто останется въ живыхъ, привезъ усопшаго въ свой монастырь и тамъ предалъ погребенію съ подобающей честію. Итакъ, позволь рабу твоему исполнить долгъ, чтобы не оказаться поступившимъ противно мольбамъ и заклинаніямъ ма-

---

[1]) Касаясь событій только, на сколько они относились къ перенесенію мощей Климента, авторъ обходитъ молчаніемъ все, что житіе Кирилла говоритъ о славянскихъ книгахъ, о богослуженіи на славянскомъ языкѣ и т. д.

[2]) О посвященіи Кирилла въ епископы умалчиваетъ житіе Кирилла; Анастасій, какъ видно изъ его письма, тоже не зналъ объ этомъ. Но фрески, открытыя въ церкви св. Климента, изображаютъ Кирилла лежащимъ въ гробу въ епископскомъ облаченіи.

[3]) Подробность, лишняя противъ житія Кирилла.

[4]) Въ житіи Кирилла—50 дней.

[5]) Въ житіи Кирилла—14 февраля.

тери.—Папа, хотя съ трудомъ, однако согласился на его требованіе: положивши рачительно тѣло усопшаго въ мраморный гробъ и запечатавши собственной печатью [1]), чрезъ семь дней онъ отпускаетъ Меѳодія. Тогда римскій клиръ, по совѣщаніи съ епископами, кардиналами и вельможами города, приступилъ къ первосвященнику и говоритъ такъ: мы считаемъ за недостойное дѣло отпустить въ другіе края, по какому бы то ни было случаю, мужа столь знаменитаго, чрезъ котораго Римъ и церковь сподобились стяжать столь драгоцѣнное сокровище, котораго Богъ изъ отдаленныхъ и чуждыхъ странъ по милости Своей благоволилъ къ намъ привести и отъ насъ восхитилъ въ небесное Свое царствіе. Лучше пусть будетъ погребенъ онъ здѣсь съ честію, ибо весьма прилично столь знаменитому мужу быть погребену въ столь знаменитомъ градѣ.— Такой совѣтъ понравился первосвященнику: онъ велѣлъ положить его въ церкви св. Петра, т.-е. въ собственной своей усыпальницѣ.

XII. Меѳодій, видя намѣреніе свое неисполнившимся, приступилъ опять съ просьбою: когда неугодно было вамъ удовлетворить моему требованію, то молю васъ, владыки, да будетъ погребенъ братъ мой въ церкви св. Климента, котораго тѣло трудами его обрѣтено и сюда принесено.—Святѣйшій отецъ внялъ этому моленію и при стеченіи клира и многочисленнѣйшаго народа, съ великою радостію и благоговѣніемъ, положили Кирилла, вмѣстѣ съ мраморнымъ гробомъ, куда прежде папа заключилъ его, въ приготовленномъ для того склепѣ по правую сторону алтаря, съ гимнами и веліими благодареніями Богу, творящему въ томъ мѣстѣ чудеса, во славу и хвалу имени Своему, ради заслугъ и моленій угодниковъ Своихъ благословенному и препрославленному во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Подробность, лишняя противъ житія Кирилла.

Считаемъ не лишнимъ прибавить указанія на труды, касающіеся вопросовъ объ алфавитахъ. Всегда будетъ имѣть значеніе извѣстное сочиненіе Шафарика: „О происхожденіи и родинѣ глаголитизма“ (русск. переводъ). Москва, 1861. Изъ Чтеній Общ. Ист. и Древн. Росс. 1860 г. Съ новыми взглядами на глаголицу можно познакомиться въ статьѣ профессора Бѣляева: „Исторія алфавита и новое мнѣніе о происхожденіи глаголицы“. Ученыя записки казанскаго университета по истор.-филолог. факультету, 1885 г. Казань. 1886 г. Намъ остается еще замѣтить, что литература по кирилло-меѳодіевскимъ вопросамъ чрезвычайно обширна какъ у насъ, такъ и у другихъ славянъ и не перестаетъ расти; нами указаны лишь немногія сочиненія, а едва ли найдется изслѣдователь въ обширной области славяновѣдѣнія, который бы не внесъ своей лепты для посильнаго разрѣшенія того или другого изъ этихъ вопросовъ. Историкъ славянскихъ литературъ можетъ испытывать удовлетвореніе, отмѣчая такое богатство, свидѣтельствующее о самомъ живомъ интересѣ представителей славянской науки къ памяти славянскихъ первоучителей, трудамъ которыхъ суждено было стать краеугольнымъ камнемъ славянскаго просвѣщенія.

П. Лавровъ.

XXVI.

Симеонъ, царь болгарскій.

Славяне и Византія.

„На четвертый годъ своего правленія“, разсказываетъ византійскій историкъ Прокопій, „императоръ (Юстиніанъ) назначилъ Хильбуда военачальникомъ Ѳракіи, ввѣрилъ ему защиту Дуная и приказалъ не пропускать варваровъ чрезъ эту рѣку, ибо *гунны*, *анты* и *славяне*, переправляясь черезъ Дунай, страшный вредъ наносили римлянамъ“.

„Въ жестокой битвѣ Хильбудъ палъ вмѣстѣ со многими римлянами: съ этого времени ничто уже не препятствовало варварамъ переходить рѣку, и римскіе (т.-е. византійскіе) города были открыты для ихъ нападеній“. „Они не давали пощады никому; лишь только врывались они въ римскую область, немедленно истребляли все, что имъ попадалось на пути, и дѣтей, и взрослыхъ, такъ что вся Ѳракія и Иллирія долгое время усѣяны были непогребенными трупами“...

Славяне-язычники ничуть не лучше были своихъ товарищей-гунновъ: они безжалостно избивали тѣхъ изъ своихъ плѣнниковъ, кого не въ состояніи были увести съ собой. „Проклятое племя славянъ“—вотъ обычное выраженіе, которое употребляютъ византійскіе писатели VI вѣка для обозначенія этого народа.

Источники и пособія: Переписка патріарха Николая Мистика съ царемъ Симеономъ (Migne, Patrologiae cursus completus, series Graeca, t. CXI); *A. Rambaud*. L'empire grec au dixième siècle: Constantin Porphyrogénète, Paris 1870; *М. Дриновъ*. Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ. М. 1871 (въ „Чтеніяхъ“ Общ. Ист. и древн.); *М. Соколовъ*. Изъ древней исторіи болгаръ. Спб. 1879.

Лѣтъ четыреста послѣ этого былъ къ Константинополѣ посломъ отъ императора Оттона I епископъ кремонскій Ліутпрандъ. Приглашенный на парадный обѣдъ во дворцѣ, онъ, къ большому своему негодованію, замѣтилъ, что первое мѣсто за столомъ отвели не ему, послу западнаго императора, а какому-то варвару, съ обритой головой и въ странной одеждѣ, подпоясанной вмѣсто пояса мѣдной цѣпью. Оскорбленный епископъ немедленно всталъ изъ-за стола и удалился изъ зала. Его догналъ византійскій куропалатъ [1]) и сталъ объяснять, что обижаться не на что. „Это вѣдь посолъ царя болгарскаго“, говорилъ куропалатъ: „онъ во всѣхъ придворныхъ церемоніяхъ всегда занимаетъ первое мѣсто, выше всѣхъ другихъ пословъ: таковъ нашъ договоръ съ его государемъ, договоръ, скрѣпленный клятвою, котораго нельзя измѣнить“. Византійскій придворный называлъ при этомъ болгарскаго государя „Василевсомъ“, какъ и своего собственнаго императора: между тѣмъ государю Ліутпранда греки давали титулъ только короля— Ρήξ. Повелитель „проклятаго племени славянъ“ былъ теперь для Византіи первымъ царемъ во вселенной послѣ наслѣдниковъ Юстиніана. Онъ являлся передъ своимъ народомъ въ пурпурѣ и коронѣ императоровъ; епископъ его столицы, Прѣслава, носилъ званіе патріарха. Болгарскій „Василевсъ“ былъ женатъ на принцессѣ византійскаго царствующаго дома, и его дочери считались наиболѣе подходящими невѣстами для сыновей императора. Тотъ народъ, который для историковъ VI столѣтія былъ скопищемъ разбойниковъ, обладалъ теперь блестящей для своего времени литературой; на его языкѣ распространялось Священное Писаніе среди другихъ славянскихъ племенъ. Въ его землю „вся благая сходились“, по выраженію русскаго князя Святослава: здѣсь пересѣкались торговые пути, связывавшіе Византію съ сѣверо-восточной Европой. На Балканскомъ полуостровѣ выросла новая великая держава; незадолго до посольства Оттона I она уже спорила за первенство съ самой Восточной имперіей. Но самые младшіе изъ спутниковъ Ліутпранда, вѣроятно, дожили до того времени, когда отъ всего этого блеска и величія ничего не осталось: ни царя, ни его двора, ни царства, ни патріархата. Страна опять стала византійской провинціей, какой была при Юстиніанѣ. Греческіе чиновники—попрежнему они называли себя „римлянами“—собирали подати, византійское духовенство управляло церковью, византійскій стратегъ съ

---

[1]) Высшая придворная должность въ Византіи.

императорскими войсками отбивалъ нападенія варваровъ „часто переходившихъ черезъ Дунай и опустошавшихъ римскія провинціи“: тогда ихъ звали гуннами, теперь печенѣгами и половцами, но это были народы одной семьи, одной расы и одного обычая. Только страшные славяне изъ грозныхъ враговъ имперіи превратились въ особаго рода оброчную статью, болѣе или менѣе исправно доставляя деньги въ казначейство и рекрутовъ на пополненіе арміи: нужны были неслыханныя вымогательства императоровъ изъ дома Ангеловъ, чтобы они снова толпами хлынули на имперію, „истребляя все, что имъ попадалось на пути“.

Трудно найти лучшій примѣръ „непрочности всего земного“, чѣмъ судьба перваго болгарскаго царства. Но заниматься нравоучительными размышленіями—не дѣло исторіи; исторія есть наука, и, какъ наука, она занимается изученіемъ причинъ историческихъ событій и законовъ, которые управляютъ исторической жизнью народовъ. Какія были причины быстраго роста и еще болѣе быстраго упадка перваго славянскаго царства на Балканскомъ полуостровѣ? Отвѣтивъ на этотъ вопросъ, мы отвѣтимъ въ то же время и на другой, болѣе общій: почему вообще изъ славянскаго населенія полуострова, до самаго недавняго времени, ничего не выходило,—несмотря на его многочисленность и несомнѣнныя духовныя способности? Почему славяне, за рѣдкими исключеніями, всегда оставались данниками, сначала грековъ, потомъ турокъ? Это объясняютъ обыкновенно ихъ раздорами; но раздоровъ было не меньше у русскихъ славянъ, и здѣсь они также задерживали развитіе государственной жизни,—задерживали, но не могли остановить. Почему на Балканскомъ полуостровѣ случилось обратное?

Первыя поселенія славянъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Первыя крупныя поселенія славянъ по ту сторону Дуная образуются въ половинѣ VI столѣтія,—если вѣрить современникамъ. Новѣйшіе ученые, на основаніи различныхъ косвенныхъ указаній, считаютъ ихъ гораздо старше, отодвигая первыхъ славянскихъ поселенцевъ къ III и даже II вѣку нашей эры. Отдѣльные случаи такого рода, конечно, могли быть,—но византійцы не обратили на нихъ вниманія, слѣдовательно, ихъ было немного и они не были значительны. Около 550 года Прокопій отмѣчаетъ, что славяне „не только грабили страну, но и зимовали въ ней безъ страха, какъ бы въ своей собственной землѣ“. А жившій нѣсколько позже въ Константинополѣ церковный историкъ Іоаннъ изъ Эфеса записалъ у себя вотъ что: „На третій годъ по смерти императора Юстина (Второго, царствовавшаго съ 565 по 578 годъ) и по вступленіи

на престолъ Тиверія Побѣдоноснаго проклятый народъ славянъ произвелъ набѣги на всю Элладу, окрестности Солуня и всю Ѳракію. Они завоевали много городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, опустошали, жгли, грабили страну и владѣли ею; они поселялись въ ней безъ страха, какъ будто она имъ принадлежала... Грабежи ихъ простирались до самой внѣшней стѣны (Константинополя); всѣ императорскія стада сдѣлались ихъ добычею. *До сихъ поръ они спокойно живутъ въ римскихъ провинціяхъ,* безъ заботы и страха, грабя, убивая и сожигая; они сдѣлались богатыми, владѣютъ золотомъ и серебромъ, табунами коней и оружіемъ; лучше самихъ римлянъ научились они воевать". Описаніе осады Солуня славянами въ 597 г.—описаніе, принадлежащее очевидцу,—наглядно показываетъ, какъ „научились они воевать". (См. статью № 3, вып. I.)

Но не все такъ легко перенималось, какъ военныя машины. Государственная власть, напримѣръ, растетъ медленно и постепенно, „органически"; ея нельзя было занять. Въ первое время у славянъ много было племенныхъ и родовыхъ князьковъ, которые часто ссорились между собою. „Нѣкоторыхъ изъ нихъ", говоритъ императоръ Маврикій (VI в.), „не безполезно прибрать къ рукамъ обѣщаніями или подарками, въ особенности тѣхъ изъ сосѣднихъ, которые поближе, а на другихъ идти войной для того, чтобы общая опасность не вызвала у нихъ единенія или монархіи". Но монархія пришла къ балканскимъ славянамъ извнѣ, и Византія невольно сама облегчила это дѣло, уступивъ въ 679 г. страну между Дунаемъ и горами пришлому тюркскому племени *болгаръ.*

Съ первыхъ вѣковъ по Р. Х. на Европу начинаетъ изливаться тотъ потокъ тюркскихъ народовъ, который достигъ самой большой силы и стремительности во вторую половину средневѣковья—во времена Чингисхана и Тимура. Первыми являются на сцену гунны, потомъ авары (обры), болгаре, угры, печенѣги, половцы. Съ болгарами Византія познакомилась уже въ концѣ V вѣка: въ 498 г. они подступали къ Константинополю. Но затѣмъ эта орда исчезаетъ въ массѣ аваровъ, подчинившихъ себѣ всѣ племена между Дономъ и Дунаемъ, въ томъ числѣ и нашихъ дулебовъ-волынянъ. Только въ царствованіе Гераклія (610—641) болгаре вернули себѣ самостоятельность: около этого времени упоминается ихъ каганъ или ханъ Кувратъ (Коуртъ славянскихъ источниковъ). Послѣ его смерти они раздѣлились на нѣсколько ордъ, какъ это легко дѣлалось у степныхъ кочевниковъ: двѣ орды остались около Дона и, вѣроятно, потомъ, выдвинувшись на сѣверъ, основали знаменитое въ русской

исторіи царство камскихъ болгаръ. Прочія три орды пустились къ западу: одна ушла въ нынѣшнюю Венгрію и смѣшалась съ аварами; другая проникла еще далѣе, въ Италію, и утвердилась въ Равенской области; третья орда, подъ предводительствомъ Аспаруха (или, по славянскимъ памятникамъ, Исперихи), перешла Днѣпръ и Днѣстръ и вскорѣ затѣмъ перекочевала на южный берегъ Дуная, въ нынѣшнюю Добруджу, по своему географическому характеру составляющую продолженіе черноморскихъ степей.

Быть болгаръ.

Въ своемъ бытѣ болгаре мало чѣмъ отличались отъ другихъ народовъ того же племени: они кочевали съ мѣста на мѣсто, жили скотоводствомъ и грабежомъ. Подобно гуннамъ, венграмъ и татарамъ, они были ловкіе наѣздники и превосходные стрѣлки. Они принесли съ собою на Дунай азіатскую одежду и обычаи: ходили въ чалмахъ, ѣли на полу, носили конскій хвостъ (турецкій „бунчукъ") вмѣсто знамени, для присяги ставили передъ собой саблю. Какъ и бо́льшая часть степныхъ кочевниковъ, которые проводятъ все почти время подъ открытымъ небомъ, болгаре поклонялись небеснымъ свѣтиламъ, солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ. Впрочемъ, ни ихъ бытъ, ни религія ихъ не оказали большого вліянія на туземное населеніе занятой ими страны: орда Исперихи была для этого слишкомъ малочисленна. Этнографическое значеніе тюркскаго племени для Болгаріи не больше того, какое имѣли для древней Руси пришлые варяги: какъ и Русь, мы имѣемъ полное право считать Болгарію X вѣка чисто славянской страной. Но въ политическомъ отношеніи болгарское завоеваніе было для балканскихъ славянъ чрезвычайно важно: вся жизнь новыхъ пришельцевъ проходила въ войнѣ, въ набѣгахъ на окрестные народы; это неизбѣжно вело къ развитію военной дисциплины и сильной монархической власти, какъ это мы и видимъ у всѣхъ тюркомонгольскихъ племенъ, отъ гунновъ Аттилы до османовъ Магомета II. Борьба съ сильной централизованной Византіей всегда еще болѣе способствовала развитію такой власти: съ османами XIV—XV вв. повторилось то же, что пережили болгаре въ VII—IX вв. Дисциплина въ болгарской ордѣ была такъ строга, что всякій взрослый мужчина, осмѣлившійся покинуть страну безъ разрѣшенія хана, считался дезертиромъ и подлежалъ смертной казни. Если же ему удавалось бѣжать, казнили стражу. Смертью наказывали даже того, у кого оружіе во время войны находили въ неисправности. Славяне, покоренные вновь пришедшимъ племенемъ, были подчинены этимъ порядкамъ. Восемь славянскихъ племенъ, жившихъ до тѣхъ поръ отдѣльной жизнью,

слились въ одно цѣлое, были даже перетасованы, передвинуты съ мѣста на мѣсто, ради большаго удобства при оборонѣ страны; десятки тысячъ славянскихъ семействъ были переведены съ южной стороны Дуная на сѣверную съ тою же цѣлью.

Оттого съ появленіемъ болгаръ за Дунаемъ рѣзко измѣняется отношеніе балканскихъ славянъ къ Византіи. Прежде они имѣли только отрицательное значеніе,—значеніе нарушителей порядка въ имперіи; подъ властью тюркскихъ хановъ они становятся важной политической силой, къ помощи которой прибѣгаютъ сами императоры. Юстиніанъ II, царствовавшій съ 685 г., былъ свергнутъ съ престола константинопольскимъ населеніемъ; онъ бѣжалъ сначала въ Херсонесъ, но такъ какъ и здѣсь настроеніе народа было ненадежно, то изгнанный императоръ долженъ былъ искать гостепріимства у хана Тервела, преемника Исперихa. Болгарскій ханъ не только принялъ Юстиніана съ почетомъ, но, собравъ всѣ свои войска, помогъ ему овладѣть Константинополемъ и вернуть себѣ престолъ. За это Тервелъ получилъ титулъ кесаря, т.-е. помощника императора; ему было дано право носить императорскую одежду и сидѣть рядомъ съ императоромъ; византійскіе придворные преклонялись передъ нимъ, какъ передъ собственнымъ государемъ. Но и помимо всего этого, ханъ, видимо, произвелъ очень сильное впечатлѣніе на грековъ, и у нихъ впослѣдствіи ходили баснословные разсказы о его страшномъ богатствѣ и необыкновенной щедрости. Тервелъ, будто бы, клалъ на землю свой щитъ, выпуклостью внизъ, на щитъ клалъ плеть, съ которою ѣздилъ верхомъ, и потомъ засыпалъ щитъ и плеть золотомъ, такъ что ихъ не было видно; воткнувъ въ землю копье, накладывалъ съ обѣихъ сторонъ доверху шелковыя ткани; раздавалъ своимъ воинамъ деньги цѣлыми ящиками, правою рукою загребая золото, лѣвою серебро. Послѣ смерти Тервела власть хана, видимо, пришла въ упадокъ; династіи быстро смѣняютъ одна другую и не находятъ уже безусловнаго повиновенія, какъ прежде: въ правленіе нѣкоего Телеца болѣе 200.000 славянъ выселились изъ Болгаріи въ Малую Азію, и ханъ не имѣлъ силы ихъ удержать. Весьма возможно, что именно въ это время развились тѣ аристократическія учрежденія, которыя мы находимъ въ позднѣйшей Болгаріи: сословіе *боляръ* (βοϊλάδες греческихъ писателей), изъ которыхъ шесть главныхъ *„великихъ боляръ“*, составляли верховный совѣтъ при государѣ. Боляре занимали самостоятельное положеніе въ государствѣ: византійское правительство отличало ихъ отъ остального населенія, и византійскій логоѳетъ,

спросивъ по обычаю о здоровьѣ болгарскаго царя, долженъ былъ вслѣдъ затѣмъ спросить о здоровьѣ „боляръ“, — сначала шести „великихъ“, затѣмъ всѣхъ прочихъ. Всѣ эти подробности болгарскаго государственнаго устройства мы узнаемъ отъ писателя X вѣка, императора Константина Багрянороднаго; но происхожденіе ихъ относится, конечно, къ болѣе раннему времени, потому что, уже начиная съ IX столѣтія, власть болгарскаго государя все болѣе и болѣе усиливается. Это было слѣдствіемъ, съ одной стороны, измѣнившагося международнаго положенія ихъ государства, съ другой—принятія ими христіанства.

Война съ Никифоромъ.

На положеніи Болгаріи сильно отразились тѣ міровыя событія, которыя происходили далеко къ западу отъ нея, — въ нынѣшней Франціи и Италіи. Возникновеніе имперіи Карла Великаго имѣло ближайшимъ результатомъ разгромъ варварскихъ народовъ, безпокоившихъ границы этой имперіи. При этомъ разрушено было и громадное царство аваровъ, занимавшее тогда (конецъ VIII столѣтія) какъ разъ мѣсто нынѣшней Австріи; западной его частью завладѣли франки, остальныя области подѣлили между собою восточные сосѣди, причемъ больше всего пришлось на долю болгаръ. Ханъ ихъ, Крумъ, получилъ, благодаря этому, въ свое распоряженіе такія силы, какими никогда не располагали его предшественники; врагъ у него теперь былъ только одинъ — Византія: авары уже не грозили ему съ тыла, какъ прежде. Крумъ началъ съ того, что напалъ на тѣ укрѣпленные города по линіи Балканъ, гдѣ еще держались греческія войска, и овладѣлъ Срѣдцомъ (теп. Софія). Это повело къ войнѣ съ императоромъ Никифоромъ; съ обѣихъ сторонъ были пущены въ ходъ всѣ силы, и одолѣли болгаре. Съ самаго начала обнаружилось, что обычныхъ средствъ имперіи не хватитъ для борьбы съ Крумомъ: пришлось прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ налогамъ и завербовать въ придачу къ регулярнымъ войскамъ толпы бѣдняковъ, вооруженныхъ однѣми палками и пращами; это увеличило число солдатъ, но зато понизило качество арміи.

Походъ начался, впрочемъ, счастливо для Никифора: онъ овладѣлъ „ауломъ“ хана — „такъ называютъ болгаре жилище своего государя“, говоритъ греческій лѣтописецъ; „аулъ“ находился близъ нынѣшней Шумлы. „Крумъ сталъ просить мира,—очевидно, чтобы выиграть время; когда Никифоръ прервалъ переговоры, то нашелъ себя запертымъ деревянными завалами; Крумъ загородилъ, какъ стѣнами, ущелья и спереди и позади его. Никифора поразило точно

громомъ; обходя мѣстность и ища выхода, онъ говорилъ: „птицами развѣ мы отсюда вылетимъ“. Два дня прошли спокойно; въ ночь на субботу 25 іюля (811 г.) услышали шумъ оружія и движеніе войска; все ждало съ трепетомъ; на зарѣ *болгаре*, соединившись съ *аварами*, ударили на греческій станъ и всѣхъ избили, самого императора Никифора, его сановниковъ, патриціевъ, стратеговъ, областныхъ начальниковъ и безчисленное множество воиновъ; „погибъ въ тотъ день цвѣтъ христіанъ, пропали императорскія украшенія и все оружіе. Не дай Богъ христіанамъ видѣть когда нибудь подобный день! Отрубленную голову Никифора, воткнутую на копье, долго показывалъ Крумъ приходившимъ къ нему отъ разныхъ народовъ посѣтителямъ, потомъ выложилъ черепъ серебромъ и сдѣлалъ чашу, изъ которой пили на торжественныхъ пирахъ *славянскіе* вожди“. Въ этомъ разсказѣ любопытно между прочимъ, что для греческаго писателя „болгаре“ и „славяне“ были уже однимъ народомъ, между тѣмъ какъ авары,—тѣ же тюрки, только другой вѣтви, — у него уже строго отличаются отъ „болгаръ“. Отсюда видно, какъ сильно ославянились къ IX вѣку потомки Исперихa и его товарищей. Самымъ важнымъ событіемъ въ исторіи этого смѣшенія двухъ народностей было принятіе христіанства болгарскимъ государемъ въ половинѣ того же IX столѣтія.

Романское и греческое вліяніе.

Населеніе римскихъ провинцій къ югу отъ Дуная до начала славянскихъ вторженій исповѣдывало, конечно, христіанскую вѣру: язычество при Юстиніанѣ было уже рѣдкимъ исключеніемъ. Славяне жестоко опустошили страну, но далеко не истребили всего населенія. Мало того: поселившись на Балканскомъ полуостровѣ, они многое заимствовали у туземнаго населенія,—конкретныя, наглядныя доказательства этого даютъ языки сербскій и особенно болгарскій. Въ VI вѣкѣ населеніе придунайскихъ провинцій имперіи говорило романскимъ, т.-е. испорченнымъ латинскимъ, языкомъ; въ болгарскомъ мы встрѣчаемъ значительное количество латинскихъ словъ: *клисура*—лат. clausura, *егрекъ* (хлѣвъ, овчарня) отъ лат. grex (стадо), *бакълъ* (сосудъ) лат. poculum, *турло* (стадо, толпа) лат. turma, *вирье* (зеленѣетъ) лат. viret и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ, вошедшія въ славянскій переводъ св. Писанія, усвоены всѣми славянскими языками: *цѣсарь*, *царь* отъ лат. caesar, *оцѣтъ*—лат. acetum (горькое питье), *рака*—лат. arca, *алтарь*—лат. altare. Вліяніе не могло ограничиться однимъ языкомъ: сохранились извѣстія, что пришельцы, несмотря на враждебныя отношенія къ имперіи, иногда

становились христіанами. Въ житіи св. Димитрія Солунскаго разсказывается, что многіе варвары крестились подъ вліяніемъ тѣхъ христіанъ, которыхъ они уводили съ собой въ плѣнъ. Позже, когда въ самой имперіи получилъ преобладаніе греческій языкъ, романское вліяніе должно было смѣниться греческимъ: перейдя Дунай, болгаре нашли къ сѣверу отъ Балканъ греческое духовенство, подчиненное константинопольскому патріарху.

Проповѣдь христіанства.

Насколько многочисленна была паства этого духовенства, сказать, конечно, трудно; одно не подлежитъ сомнѣнію, что болгаре очень рано могли познакомиться съ христіанскимъ вѣроученіемъ, и, какъ совершенно справедливо выразился одинъ русскій изслѣдователь, „трудно подыскать причину не того, почему болгаре приняли христіанство, а того,—какъ это они такъ долго оставались язычниками". Причину эту, кажется, слѣдуетъ видѣть въ той желѣзной дисциплинѣ, которой они были обязаны своими военными успѣхами: безъ разрѣшенія хана никто не смѣлъ креститься, а ханы не расположены были къ христіанству, потому что враждовали постоянно съ Византіей. Сохранились любопытныя преданія, показывающія, какъ истинное ученіе медленно, но неуклонно завладѣвало самымъ семействомъ болгарскаго государя. Вотъ что разсказываетъ болгарскій епископъ Ѳеофилактъ,—писатель очень поздній, XI вѣка, но пользовавшійся древними мѣстными записями. „Когда Крумъ покорилъ многіе города римлянъ и взялъ знаменитый Адріанополь, то жителей его онъ переселилъ въ тѣ города, которыми завладѣлъ раньше. Въ числѣ этихъ переселенцевъ былъ одинъ мужъ, по имени Кинамъ, по внѣшности блестящій и изящный, а по душевнымъ качествамъ превосходившій всѣхъ своихъ товарищей. При раздѣлѣ плѣнныхъ онъ достался Омвритагу, сыну Крума. Онъ былъ любимъ своимъ господиномъ и всѣми прочими, такъ какъ безспорно превосходилъ всѣхъ; только одно въ немъ опечаливало ихъ: онъ отличался отъ нихъ религіею. Поэтому варваръ употреблялъ всѣ старанія, чтобы отлучить его отъ Христа. На первый разъ онъ испыталъ его вѣру слѣдующимъ образомъ: совершивши одно блестящее жертвоприношеніе и приготовивши при этомъ роскошный обѣдъ, онъ приказываетъ благородному Кинаму садиться вмѣстѣ и обѣдать съ прочими начальниками. Но тотъ, помня, что нѣтъ у Христа ничего общаго съ Веліаромъ, и что вѣрующимъ во Христа невозможно пить чашу Господню и чашу бѣсовскую, отвергъ предложеніе обѣдать съ ними". Варваръ настаивалъ на своемъ. Кинамъ, вмѣсто повиновенія, сталъ доказывать пустоту язычества и проповѣдовать о Христѣ.

Омвритагъ не вынесъ этого и приказалъ запереть слугу Христова въ тюрьму, въ которой онъ и оставался до смерти Омвритага. Умирая, онъ оставилъ трехъ сыновей. Старшему изъ нихъ было имя Энравота, второму Звиничесъ, а третьему Маломіръ; послѣднему досталась и власть отца. Энравота, по провидѣнію Божію, вспомнилъ о христіанинѣ Кинамѣ: онъ послалъ къ брату Маломіру и просилъ его отыскать Кинама и прислать къ нему. Маломіръ не оставилъ безъ вниманія просьбы брата и сталъ отыскивать этого человѣка; онъ нашелъ его въ тюрьмѣ, голоднаго, грязнаго, поблѣднѣвшаго, ослабшаго, такъ сказать, призракъ прежняго Кинама и, оправивши, насколько можно было, послалъ къ брату Энравотѣ". Тотъ не могъ даже сразу и узнать своего стараго знакомаго: такъ измѣнился Кинамъ отъ своего долговременнаго заключенія. На вопросъ пораженнаго Энравоты, изъ-за чего онъ терпѣлъ все это, Кинамъ отвѣчалъ, что пострадать за вѣру Христову — высшее благо для христіанина. „Энравота, принявъ къ сердцу слова мудрѣйшаго Кинама, какъ пищу, воспламенился стремленіемъ къ вѣрѣ Христовой. Онъ любилъ этого человѣка и постоянно въ разговорахъ распрашивалъ его о христіанствѣ". Послѣдствіемъ этихъ разговоровъ было то, что Энравота крестился и сталъ ревностнымъ христіаниномъ. Когда узналъ объ этомъ братъ его Маломіръ, онъ „призвалъ Энравоту къ себѣ и принялъ его не какъ брата, но какъ отступника отъ переданной отцами вѣры", и потребовалъ отреченія. Энравота отвѣтилъ, что онъ отвергаетъ язычество со всѣмъ его служеніемъ, но чтитъ Христа, какъ истиннаго Бога, и оказываетъ Ему должное поклоненіе. За это онъ былъ казненъ и передъ смертью, будто бы, предсказалъ скорое обращеніе всей Болгаріи въ христіанство. Это и случилось, въ самомъ дѣлѣ, очень скоро,—при его племянникѣ Борисѣ,—по словамъ архіепископа Ѳеофилакта, съ дѣтства уже расположенномъ къ христіанству; существуютъ другое преданіе, очень извѣстное, — что сестра Бориса, захваченная при одномъ набѣгѣ византійскими войсками, была воспитана въ Константинополѣ въ христіанской вѣрѣ, и, вернувшись на родину послѣ размѣна плѣнныхъ, склонила брата принять крещеніе. Какъ бы то ни было, очевидно, что среди ближайшаго потомства обращеніе Бориса въ христіанство не считали чѣмъ-то внезапнымъ и знали, что оно было издавна подготовлено успѣхами христіанской проповѣди въ царской семьѣ.

Крещеніе кн. Бориса.

Непосредственнымъ поводомъ крещенія, по словамъ византійскихъ лѣтописцевъ, были: голодъ и нападеніе непріятелей на Бол-

гарію. Пораженный этими бѣдствіями и не находя утѣшенія въ языческой религіи, Борисъ сталъ искать его въ христіанствѣ. О голодѣ около 863 г. говорятъ въ одинъ голосъ и западныя лѣтописи; эта бѣда, повидимому, была повсемѣстная. Что же касается стѣсненнаго положенія Болгаріи, вынудившаго Бориса искать помощи у Византіи, то это достаточно опровергается условіями договора, который имперія заключила съ Борисомъ тотчасъ послѣ крещенія: по этому договору не Болгарія, а Византія сдѣлала уступки. Значительная полоса земли, составлявшая прежде собственность имперіи, перешла къ Борису. Но ошибаясь относительно подробностей событія, византійскіе писатели совершенно вѣрно передаютъ смыслъ его: это, въ самомъ дѣлѣ, была самая крупная побѣда, одержанная греками надъ ихъ страшнымъ сосѣдомъ. Константинопольскій патріархъ Николай, въ письмѣ къ преемнику Бориса такими словами характеризуетъ обращеніе болгаръ въ христіанство: „Было нѣкогда время, когда римляне и болгаре ссорились между собою, поднимали другъ на друга оружіе,— и языческое нечестіе, въ которомъ вы пребывали, раздѣляло насъ, какъ непроходимая стѣна. Но когда Богъ, возлюбивъ міръ, просвѣтилъ васъ свѣтомъ своего познанія, прекратилась вражда, остановились военныя дѣйствія, любовь заступила мѣсто раздоровъ,—мы стали союзниками и друзьями“. На сорокъ слишкомъ лѣтъ сѣверная граница имперіи была обезпечена отъ нападеній,—если не считать случайнаго столкновенія около 890 г., въ которомъ къ тому же кругомъ было виновато византійское правительство. Но этого мало: въ теченіе тѣхъ же сорока лѣтъ совершилось мирное завоеваніе Болгаріи греческой культурой, въ лицѣ болгарскаго государя, ставшаго полу-грекомъ (Ἡμίαργος). Что этотъ государь пойдетъ гораздо дальше, чѣмъ могли желать его учителя,—въ томъ виноваты уже не греки, а законы исторіи, въ силу которыхъ всякое начало, разъ проникшее въ жизнь, стремится развиваться до крайнихъ возможныхъ предѣловъ.

Нѣтъ надобности говорить о благотворныхъ нравственныхъ послѣдствіяхъ крещенія для болгарскаго народа. Но на первыхъ порахъ оно и политически было очень выгодно: во-первыхъ, самый этотъ народъ сталъ дѣйствительно существовать только съ тѣхъ поръ, какъ двѣ его части, тюркская и славянская, окончательно слились на почвѣ общей религіи и общей культуры. Съ другой стороны, военно-деспотическая власть хана стала постепенно смѣняться болѣе возвышенной, болѣе нравственной формой

власти христіанскаго царя; прежніе болгарскіе государи были заняты, больше всего, поддержаніемъ дисциплины, теперь они начинаютъ заботиться о просвѣщеніи и нравственномъ воспитаніи своего народа. Общество стало крѣпче, власть стала сильнѣе и, въ то же время, чище; оборотная сторона дала себѣ почувствовать только гораздо позже; но уже въ самую первую минуту высшіе классы болгарскаго общества и самъ царь Борисъ стали смутно догадываться, что имъ предстоитъ зависимость не отъ одной православной восточной церкви, но и отъ восточной имперіи. Тотчасъ по принятіи Борисомъ христіанства, бояре устраиваютъ заговоръ противъ царя; византійцы объясняютъ этотъ заговоръ языческимъ фанатизмомъ, но такъ какъ никакихъ другихъ признаковъ фанатизма мы не находимъ, то правдоподобнѣе видѣть здѣсь чисто политическую реакцію противъ византійства, а не противъ христіанства,—что подтверждаютъ и позднѣйшія боярскія возстанія, уже несомнѣнно политическія (X вѣка). Съ другой стороны, самъ Борисъ завязываетъ переговоры съ Римомъ, старается освободить болгарскую церковь изъ-подъ власти константинопольскаго патріарха; но Константинополь былъ ближе, и перевѣсъ остался за нимъ.

Молодость Симеона.

Здѣсь воспитывался и наслѣдникъ Бориса Симеонъ. Онъ получилъ вполнѣ греческое образованіе: изучалъ „риторику Демосѳена и силлогизмы Аристотеля“, какъ выражается одинъ современникъ. О широтѣ и разнообразіи его умственныхъ интересовъ свидѣтельствуютъ тѣ литературныя работы, которыя были исполнены, впослѣдствіи, по его порученію, а отчасти и имъ самимъ (см. статью „Болгарская письменность“): здѣсь есть и богословіе, и проповѣди, и космографія, и исторія. По словамъ хорошо его знавшаго патріарха Николая, онъ вполнѣ усвоилъ себѣ нравственные идеалы своей новой религіи: „ненавидѣлъ зло больше, нежели кто-либо изъ людей, почиталъ справедливость, а къ неправеднымъ дѣламъ чувствовалъ отвращеніе; не былъ рабомъ удовольствій, а въ пищѣ былъ не меньше воздерженъ, чѣмъ отшельники, которые живутъ въ горахъ; вина совсѣмъ не пилъ: однимъ словомъ, отъ монаховъ, покинувшихъ міръ, отличался только тѣмъ, что управлялъ данною ему отъ Бога страною“. Но, къ несчастію для грековъ, онъ увлекался не только нравственно-религіозными, но и политическими ихъ идеалами. Греки не признавали на землѣ иной верховной власти, кромѣ власти ихъ императора; всѣ остальные государи были только „правители“ (ῥήγες), „начальники“ (ἄρχοντες), властвующіе, покуда императоръ имъ это позволяетъ,

но только въ силу этого позволенія: за вѣрную службу они награждались римскими, императорскими чинами,—патриція или консула; за то въ случаѣ невѣрности ихъ можно было и наказать—здѣсь не было нарушенія права. Только одинъ императоръ выше всякаго права: его судитъ только Богъ, который поставилъ его своимъ намѣстникомъ на землѣ. Но эта, такъ страшно высоко стоящая надъ людьми власть, была въ то же время доступна каждому православному христіанину: закона престолонаслѣдія не было, престолъ, въ сущности, былъ избирательный; если иногда на немъ смѣнялось нѣсколько поколѣній одной семьи, то это была не болѣе, какъ счастливая случайность. Съ другой стороны, Византія, съ своей крайней этнографической пестротой, не обращала и не могла обращать вниманія на происхожденіе: нація была безразлична для имперіи; единственной духовной связью, соединявшей ея подданныхъ, была религія. Отъ кандидата на престолъ требовалось только православіе: почти всѣ племена, подвластныя Византіи, могли указать въ числѣ императоровъ своихъ представителей, въ томъ числѣ, можетъ быть, и славяне, — если не въ лицѣ Юстиніана, по всей вѣроятности, ѳракійца, то въ лицѣ Василія Македонянина, старшаго современника Симеона (Василій умеръ въ 886 г.). Живя въ Константинополѣ, будущій болгарскій государь могъ каждый день видѣть передъ собою воплощеніе этой теоріи: императора, передъ которымъ падали ницъ высшія лица въ государствѣ; его блестящій дворъ съ торжественнымъ церемоніаломъ; всю ту стройную административную машину, которою онъ руководилъ, но которой малѣйшее распоряженіе, сдѣланное въ Константинополѣ, съ точностью выполнялось въ Диррахіумѣ или Тарсѣ; наконецъ, его огромное войско, еще въ XIII вѣкѣ производившее, по внѣшности, сильное впечатлѣніе на иностранцевъ, не видавшихъ его въ дѣлѣ. И все это не было недоступно для Симеона: не только болгарскій принцъ, простой солдатъ, при удачѣ, могъ разсчитывать на императорскій тронъ: рѣдкій выдающійся человѣкъ въ Византіи не имѣлъ на этотъ счетъ предсказаній отъ астрологовъ и прорицательницъ. Какъ было не родиться у этого „полу-грека“ мысли—стать со временемъ Василевсомъ римлянъ (Βασιλεὺς τῶν Ῥωμαίων)?

Война съ Львомъ VI и мадьярами.

Внѣшнія обстоятельства роковымъ образомъ толкали его къ той же цѣли: сама Византія поставила его въ такое положеніе, гдѣ оставалось только выбирать между подчиненіемъ имперіи или господствомъ надъ нею, — средины не было. Ко времени восшествія на престолъ Симеона, около 890 г., невыгоды отъ сближенія съ

Византіей для Болгаріи успѣли уже достаточно опредѣлиться. По старымъ договорамъ болгарскіе купцы имѣли право торговать въ Константинополѣ: чтобы создать монополію (исключительное право торговли) для грековъ, болгаръ заставили перебраться въ Ѳессалонику и тамъ еще стали притѣснять разными несправедливыми поборами. Вѣроятно, въ Константинополѣ черезчуръ понадѣялись на свое вліяніе при болгарскомъ дворѣ, но напрасно: Симеонъ, правившій тогда вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ, вступился за своихъ подданныхъ и нанесъ сильное пораженіе грекамъ. Тогда царствовалъ императоръ Левъ VI, человѣкъ очень ученый, за что его и прозвали „философомъ", но не отличавшійся искренностью, блестящій представитель дипломатическаго искусства Восточной имперіи, того искусства, которое сдѣлало слово „византійскій" синонимомъ хитрости и коварства. Онъ не задумался поднять противъ своихъ новыхъ „братьевъ во Христѣ" дикую языческую орду мадьяръ [1]), кочевавшихъ тогда между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Нужно припомнить, что тогдашняя Болгарія не совпадала съ теперешней: къ царству наслѣдниковъ Крума, послѣ паденія аваровъ, принадлежали земли на сѣверномъ берегу Дуная, нынѣшняя Румынія и отчасти Венгрія. Ихъ-то и стали опустошать мадьяры, и Симеону не удалось ихъ вытѣснить отсюда окончательно, хотя онъ и разбилъ ихъ при помощи другой такой же орды—печенѣговъ. Мадьярамъ удалось даже на византійскихъ судахъ перебраться на южный берегъ Дуная, гдѣ они ограбили и сожгли столицу болгарскаго государя—Прѣславъ. Не скоро оправилась Болгарія отъ этого погрома, которымъ она была обязана византійской политикѣ; если у Симеона раньше было какое-нибудь уваженіе къ его учителямъ—византійцамъ, то оно должно было исчезнуть послѣ этого коварнаго удара изъ-за угла; и когда впослѣдствіи греческій патріархъ пробовалъ обращаться къ царю съ нравоученіями, онъ всегда встрѣчалъ въ отвѣтъ горькую иронію. „Ты не добьешься своей цѣли—овладѣть императорскимъ престоломъ", писалъ ему патріархъ Николай, „безъ страшнаго кровопролитія".— „Значитъ, съ помощью кровопролитій этого можно достигнуть", отвѣтилъ Симеонъ, намекая на то, что сами греки не стѣсняются въ средствахъ. „Ты требуешь невозможнаго", писалъ другой разъ патріархъ. „Я вѣдь не требую, чтобы ты воскресилъ убитыхъ болгаръ", возражалъ царь, имѣя въ виду, конечно, тѣхъ, кто погибъ по милости византійцевъ.

---

[1]) Угровъ нашей лѣтописи.

Гораздо важнѣе было то, что теперь Болгарія была поставлена между двухъ огней, какъ во времена аваровъ; недавній союзникъ, печенѣги, былъ мало надеженъ: при всякой войнѣ съ Византіей можно было ожидать нападенія съ тыла. Чтобы обезпечить безопасность своего царства, Симеонъ долженъ былъ избавиться отъ одного либо отъ другого изъ двухъ своихъ враговъ; Византія въ это время казалась наиболѣе слабымъ изъ нихъ, и болгарскій царь рѣшилъ начать съ нея.

Война съ Константиномъ VII.

На императорскомъ престолѣ, послѣ смерти Льва (912 г.), остался восьмилѣтній ребенокъ—Константинъ VII Багрянородный, будущій знаменитый писатель; его именемъ управлялъ дядя, Александръ, человѣкъ совершенно неспособный. Вдобавокъ, покойный императоръ оставилъ сыну чрезвычайно тяжелое наслѣдство. Какъ извѣстно, православная церковь запрещаетъ четвертый бракъ. Левъ VI, у котораго слово рѣдко сходилось съ дѣломъ, сначала подтвердилъ это церковное правило строгимъ указомъ; а потомъ самъ женился въ четвертый разъ. Тогдашній патріархъ, уже знакомый намъ Николай, возсталъ противъ такого беззаконія, былъ за это лишенъ каѳедры и замѣненъ Евѳиміемъ, умѣвшимъ угодить императору. Но лучшіе люди византійскаго общества были на сторонѣ сверженнаго патріарха. Константинъ VII имѣлъ несчастіе родиться именно отъ этого, запрещеннаго церковью, брака, и въ глазахъ многихъ былъ царевичемъ не совсѣмъ законнымъ. По этому поводу и при дворѣ, и въ народѣ были большія несогласія, какъ нельзя болѣе благопріятныя для замысловъ Симеона. Предлогъ для войны не трудно было найти: регентъ Александръ, всегда нетрезвый, грубо обошелся на аудіенціи съ болгарскими послами; въ отвѣтъ на это Болгарія начала военныя дѣйствія. Повидимому, имперія совсѣмъ не была готова къ войнѣ: Симеонъ почти безъ сопротивленія подошелъ къ самой столицѣ. Во второй разъ со временъ Крума константинопольское населеніе увидѣло у стѣнъ города болгарскія полчища; но тогда единственной цѣлью ихъ былъ грабежъ, теперь намѣренія ихъ вождя были гораздо серьезнѣе. Симеонъ не скрывалъ, что онъ пришелъ за императорской короной; но, очевидно, раздоры между сторонниками и противниками Константина VII казались изъ Болгаріи значительнѣе, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Ворота города не отворились передъ Симеономъ, а взять его силой онъ не могъ. „Увидавъ крѣпость стѣнъ, множество воиновъ, каменометныхъ и стрѣлометныхъ орудій, которыми могли защищаться осажденные, онъ отказался отъ своей надежды и просилъ мира“;

такъ говорятъ византійскіе лѣтописцы. Эта хвастливая фраза означаетъ, что царь завязалъ переговоры съ цѣлью, конечно, выиграть время, потому что на слѣдующій годъ нападенія болгаръ возобновились, причемъ они взяли Адріанополь. Насколько мало Симеонъ былъ похожъ на просителя, видно изъ того, что онъ требовалъ отъ пришедшихъ къ нему византійскихъ пословъ „преклоненія" (προσκύνησις), какое обыкновенно совершалось передъ императоромъ. Перемиріе, наконецъ, было заключено; мать императора, Зоя, управлявшая теперь государствомъ послѣ смерти Александра, обязалась заплатить значительную сумму денегъ и за то получила обратно Адріанополь. Но, конечно, не это заставило Симеона отказаться отъ его плана: главнымъ условіемъ мира былъ бракъ императора съ дочерью болгарскаго царя; Симеонъ, повидимому, разсчитывалъ занять положеніе „отца императора" (βασιλεοπάτωρ) — титулъ, предусмотрѣнный византійской іерархіей,— и управлять имперіей до совершеннолѣтія своего зятя. А совершеннолѣтіе Константина VII—по характеру кабинетнаго ученаго, а вовсе не государя—наступило, какъ показали послѣдствія, очень не скоро, много лѣтъ послѣ смерти Симеона. Неизвѣстно, былъ ли заключенъ формальный договоръ на этотъ счетъ, или же дѣло ограничилось словесными обѣщаніями. Какъ бы то ни было, греки и не думали его исполнять; имъ только нужна была отсрочка, нужна для того, чтобы приготовиться къ новой войнѣ, которая должна была навсегда покончить съ Болгаріей.

Опытъ убѣдилъ ихъ, что нельзя давать Симеону начинать войну; легкая болгарская конница могла опустошить страну, раньше чѣмъ могъ выступить въ походъ хотя одинъ византійскій легіонъ. Нужно было напасть на врага врасплохъ и по возможности въ его собственной землѣ. Два года кипѣла неустанная работа въ арсеналахъ, на верфяхъ—и въ дипломатической канцеляріи императорскаго правительства; къ 917 г. все было готово. Наняты были на византійскую службу печенѣги, которыхъ императорскій флотъ долженъ былъ перевезти черезъ Дунай: вторично готовилось нападеніе изъ-за угла, съ такимъ успѣхомъ испытанное нѣсколькими годами раньше, при помощи мадьяръ. Въ то же время заключено было перемиріе съ главнымъ врагомъ на востокѣ, съ арабами, что дало возможность переправить въ Европу отборныя, закаленныя малоазійскія войска. Планъ кампаніи былъ задуманъ мастерски: сухопутная армія должна была двинуться къ сѣверу берегомъ Чернаго моря въ то время, какъ флотъ высаживалъ печенѣговъ

около устьевъ Дуная. При удачѣ византійскія войска могли въ нѣсколько переходовъ достигнуть самаго сердца Болгаріи, Прѣслава; при неудачѣ они отступали прямо на Константинополь и закрывали столицу. Неизвѣстно, какъ вышелъ бы Симеонъ изъ этого положенія,—вдвое болѣе труднаго, чѣмъ во время первой войны, когда онъ имѣлъ дѣло съ Византіей и мадьярами поочередно, а не сразу. Но ему помогли византійскіе генералы. Начальникъ флота, адмиралъ (δρουγγάριος) Романъ Лакапинъ, происхожденіемъ изъ бѣднаго армянскаго семейства, всѣмъ обязанный своимъ личнымъ заслугамъ и милости Льва VI,—былъ нелюбимъ среди византійской знати, для которой онъ былъ чужимъ, былъ выскочкой. Какъ нарочно, посланный за печенѣгами „патрицій" Богасъ былъ его личнымъ врагомъ,—и они поминутно ссорились; печенѣги, видя такія отношенія византійскихъ полководцевъ, рѣшили, что изъ затѣяннаго предпріятія добра не выйдетъ, и вернулись домой. Нападеніе съ тыла такимъ образомъ не удалось; но не лучше была ведена и главная атака по такой же причинѣ. Главнокомандующій сухопутной арміей, Левъ Фока, тоже не терпѣлъ Лакапина, но, вдобавокъ, и боялся его. Дѣло въ томъ, что тогда уже вполнѣ обнаружилось все неудобство женскаго управленія во время войны; стало очевидно, что во главѣ регентства долженъ стать какой-нибудь способный и энергичный генералъ. По общему мнѣнію, такихъ было два: самъ Левъ Фока и Романъ Лакапинъ. Пока соперники были въ Константинополѣ, они могли наблюдать другъ за другомъ и были, относительно, спокойны. Но теперь они были далеко отъ столицы, и Лакапинъ по морю могъ скорѣе до нея добраться, чѣмъ Фока сухимъ путемъ: первый, слѣдовательно, съ бо̀льшимъ удобствомъ могъ захватить власть въ свои руки. Это очень заботило Фоку,—больше, нежели заботили его стоявшія передъ нимъ болгарскія войска; послѣдствія не трудно угадать. Главныя силы противниковъ сошлись около города Анхіала, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отроги Балканъ спускаются къ Черному морю. „20 августа (917 г.),—записалъ у себя византійскій лѣтописецъ,—былъ бой между болгарами и римлянами на рѣкѣ Ахелоѣ, и по неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго римляне всѣмъ войскомъ (παυστρατί) обратили тылъ и побѣжали, и страшный поднялся вопль,—сами другъ друга давили, а непріятель нагонялъ и билъ, и произошло такое кровопролитіе, какого не было отъ вѣка". Семьдесятъ лѣтъ спустя историку Льву Діакону показывали на этомъ мѣстѣ груды костей,—это были останки несчастныхъ сол-

датъ Льва Фоки. Однимъ изъ немногихъ, оставшихся въ живыхъ въ этотъ день,—былъ самъ главнокомандующій, кое-какъ добравшійся до ближайшей византійской крѣпости, Месемвріи. Со времени гибели Никифора имперія еще ни разу не была въ такомъ отчаянномъ положеніи. Смятеніе константинопольскаго правительства перешло всякіе предѣлы: регентство не нашло ничего лучше, какъ просить у Симеона прощенія за свою дерзость. Патріархъ Николай, въ качествѣ главы восточной церкви поддерживавшій сношенія со своимъ „духовнымъ сыномъ", писалъ болгарскому царю, что войско было послано „не ради войны, не для убійства и кровопролитія, но чтобы показать только видъ военныхъ дѣйствій (τὸν πόλεμον σχηματίζειν),—для нерушимаго укрѣпленія союза дружбы между римлянами и болгарами (ἀσφαλῆ τὸν δεσμὸν ἐξεργάσασθαι τῆς φιλίας)". Патріархъ заранѣе собирался написать объ этомъ Симеону, но позамѣшкался, „самъ не знаю какъ", говоритъ онъ: „видно грѣхи мои помѣшали". Но, чувствуя, что такому странному объясненію никто не повѣритъ, патріархъ подробно перечисляетъ мотивы, побудившіе Византію къ войнѣ: пограничные начальники доносили въ Константинополь, что болгаре собираются напасть на Драчъ (Диррахіумъ) и Солунь, что они подбиваютъ на имперію печенѣговъ и т. д. Все это, конечно, не имѣло никакого значенія для Симеона, который дѣйствовалъ не подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія, а по заранѣе обдуманному плану, стремясь къ вполнѣ опредѣленной цѣли. Онъ казался къ ней ближе, нежели когда-нибудь. Армія имперіи, армія, собиравшаяся такъ долго и съ такими издержками, не существовала болѣе; а во главѣ имперіи стоялъ теперь государь даже не сомнительной законности, какъ прежде, а прямо насильственно захватившій власть. Мрачныя предчувствія Фоки вполнѣ оправдались; адмиралъ Лакапинъ, дѣйствительно, свергъ правительство Зои при помощи своихъ моряковъ, женилъ Константина VII на своей дочери и заставилъ себя провозгласить сначала василеопаторомъ, потомъ кесаремъ, наконецъ императоромъ. Въ Византіи нерѣдко была два государя: иногда отецъ короновалъ сына при жизни, иногда короновали двухъ братьевъ,—для лучшаго укрѣпленія династіи. Но чтобы при живомъ государѣ надѣлъ на себя императорскую корону совершенно посторонній человѣкъ,—это было неслыханнымъ нарушеніемъ обычая. Симеонъ не замедлилъ воспользоваться этимъ; онъ не призналъ законнымъ правительства Лакапина, и съ этихъ поръ отправлялъ всѣ свои посланія на имя сената, а не императора. Теперь его стремленіе къ импе-

раторскому престолу получило нѣкоторое нравственное оправданіе: онъ шелъ противъ узурпатора, не противъ законнаго государя. Престолъ можно было считать вакантнымъ: Константинъ не управлялъ, онъ носилъ только титулъ. Симеонъ съ презрѣніемъ отказался породниться съ Лакапиномъ, какъ предлагалъ тотъ же патріархъ Николай; онъ потребовалъ отъ константинопольскаго народа изгнать похитителя престола и провозгласить императоромъ его, Симеона. Въ ожиданіи этого онъ ввелъ при своемъ прѣславскомъ дворѣ византійскій придворный этикетъ и греческій языкъ; его войска привѣтствовали его какъ Василевса римлянъ. Но и страхъ константинопольскаго двора и большія ожиданія царя болгарскаго были одинаково преждевременны.

Значеніе Анатоліи.

Правда, что въ Европѣ имперія теперь ограничивалась стѣнами столицы: почти всѣ европейскія владѣнія Византіи, не исключая собственной Греціи и береговъ Адріатическаго моря, лежали открытыя передъ болгарами; но центръ тяжести государства давно уже перешелъ изъ Европы въ Азію; малоазійскія провинціи, такъ называемая Анатолія, даже послѣ опустошеній, произведенныхъ здѣсь въ XI—XII вѣкахъ сельджуками, продолжали составлять ядро имперіи: отсюда въ XII столѣтіи никейскіе императоры защищались противъ франковъ, отсюда они завоевали обратно Константинополь; а завоеваніе самыхъ этихъ провинцій османами было сигналомъ окончательнаго паденія имперіи. Ужасъ византійцевъ передъ Симеономъ больше всего усиливался ожиданіемъ, что болгаре немедленно перенесутъ войну въ Малую Азію; когда до патріарха Николая дошелъ слухъ, что непріятель напалъ на Лампсакъ (городъ на южномъ берегу Мраморнаго моря), патріархъ, извѣщая объ этомъ Романа Лакапина, прибавляетъ: „Дай Богъ, чтобы слухъ былъ ложенъ; но если, дѣйствительно, началось это (т.-е. война въ Азіи), и они (болгаре) осмѣлились вторгнуться въ область Лампсака, трудно будетъ поправить дѣло“. Когда увидѣли, что Симеонъ не смѣетъ или не можетъ перейти Дарданеллы, у всѣхъ отлегло отъ сердца; объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ, очень характерный, признакъ: патріархъ продолжалъ переписываться со своихъ „духовнымъ сыномъ“,—но тонъ его писемъ становится гораздо суше, рѣзче, независимѣе. Теперь онъ уже не проситъ прощенья, а попрекаетъ, иногда даже грозитъ.

„Вотъ“, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, „стараніемъ императора на вашу власть и вашъ родъ могущественное нашествіе если не нарядилось, то наряжается, нашествіе Руси и съ ними печенѣ-

говъ, еще же и аланъ [1]) и западныхъ турокъ [2]), которые всѣ единомысленно согласились пойти на тебя войною".—„Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы... непрестанно вызывать эти и другія скиоскія племена до тѣхъ поръ, пока они не истребятъ весь родъ болгарскій". Все это было неправда,—но патріархъ хоть на письмѣ могъ отвести душу и показать Симеону, что не такъ уже страшны болгаре, какъ сами думаютъ. Симеонъ, вѣроятно, понималъ, что опустошенія Оракіи, повторявшіяся изъ году въ годъ, не могутъ его привести къ цѣли: но повести войну далѣе онъ не могъ, потому что нельзя было воевать въ Малой Азіи, имѣя за спиной укрѣпленный лагерь такой силы, какой представлялъ изъ себя Царьградъ.

Значеніе Константинополя.

Все сводилось къ тому, чтобы овладѣть столицей имперіи; сдѣлаться императоромъ можно было только въ Константинополѣ. Помимо военныхъ соображеній, это было нравственной необходимостью: мы съ трудомъ можемъ себѣ представить, какое значеніе придавали тогда православные люди этому городу. „Вспомни", писалъ патріархъ Симеону, „какого народа я, хотя и недостойный, архіепископъ, какого города, какой области (ἐξουσίας)—единственной, которой самъ Христосъ повелѣлъ вмѣсто себя властвовать на землѣ". Въ представленіи старыхъ русскихъ людей XV—XVI вѣка, воспитанныхъ на византійскихъ понятіяхъ, судьба не только имперіи, а всего міра была связана съ этимъ городомъ: всемірную исторію дѣлили на три періода: первый, когда господствовалъ старый Римъ, на берегахъ Тибра, второй періодъ — господство новаго Рима, построеннаго Константиномъ, въ послѣднемъ будетъ господствовать третій Римъ—Москва, а четвертому не быть. Симеонъ былъ воспитанъ въ тѣхъ же понятіяхъ: ставя выше всего на свѣтѣ императорское достоинство, онъ не могъ не ставить выше всѣхъ городовъ императорскаго города. Не только православные,—враги православной вѣры еретики-богомилы по-своему выражали ту же мысль: они вѣрили, что въ св. Софіи живетъ „князь этого міра", темный богъ зла, во власти котораго находится весь матеріальный міръ. Только здѣсь, въ св. Софіи, можно было стать православнымъ императоромъ; только благословеніе константинопольскаго патріарха могло освятить власть Симеона. Онъ дѣлалъ попытки получить благословеніе отъ другого патріарха, римскаго: но совѣсть его, выросшаго въ преданіяхъ греческой церкви, не могла удовле-

---

[1]) Кавказскій народъ.

[2]) Т.-е. мадьяръ.

твориться этимъ благословеніемъ. Сношенія съ папой привели только къ тому, что болгарская церковь получила независимаго патріарха, признаннаго впослѣдствіи и восточной церковью. Но вообще папа не помогъ Симеону, а подъ конецъ сталъ даже дѣйствовать противъ него, ибо въ это время было достигнуто соглашеніе между восточной и западной церковью. Итакъ, добромъ или силой, но нужно было войти въ Царьградъ, нужно было добиться признанія отъ патріарха и народа константинопольскаго. Добромъ они не хотѣли поддаться, нужно было брать силой, но силы у болгарскаго царя не оказалось.

Достаточно взглянуть на карту Константинополя, чтобы видѣть, что едва четвертая часть его окружности обращена къ сушѣ: южная сторона города обращена къ Пропонтидѣ, восточная къ Босфору, сѣверная выходитъ на Золотой Рогъ. Западная, длиною въ четыре съ небольшимъ версты (4950 метровъ), защищена была глубокимъ рвомъ, наполненнымъ водою, около 10 саженъ ширины, и двумя стѣнами— внутренняя проходитъ на разстояніи 9 саженъ отъ внѣшней и настолько же возвышается надъ нею; на стѣнахъ 118 высокихъ башенъ: въ такомъ видѣ представляется намъ средневѣковой Константинополь. Когда, въ 1453 г., Магометъ II осаждалъ городъ, въ немъ было не болѣе 7.000 челов. гарнизона: тѣмъ не менѣе туркамъ удалось прорваться черезъ сухопутную ограду, только овладѣвъ напередъ Золотымъ Рогомъ, т.-е. поставивъ грековъ между двухъ огней; и то лишь благодаря тому, что у султана были огнестрѣльныя орудія большого калибра. Можно себѣ представить, какія трудности приходилось одолѣвать тому, кто осаждалъ городъ со стороны суши въ X вѣкѣ,—когда, вдобавокъ, за его стѣнами было не 7, а, по малой мѣрѣ, 70 тысячъ войска. Тогда Константинополь былъ, не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова, неприступенъ: въ 1204 г., во время 4-го крестоваго похода, венеціанцамъ удалось имъ овладѣть только со стороны моря: здѣсь ограда была втрое длиннѣе и соотвѣтственно слабѣе. Только тотъ, кто владѣлъ моремъ, у кого былъ флотъ, могъ надѣяться здѣсь на успѣхъ; но у болгаръ своего военнаго флота не было. Симеонъ былъ слишкомъ хорошій полководецъ, чтобы не понимать этого затрудненія: не было своего, онъ придумалъ занять флотъ. Онъ сталъ искать помощи у арабовъ,—въ то время второй морской націи на Средиземномъ морѣ послѣ грековъ: варварійскіе корсары новаго времени были только слабымъ воспоминаніемъ о тѣхъ безстрашныхъ морякахъ, которые нѣкогда владѣли Критомъ и Сициліей. Симеонъ

отправилъ посольство къ Фатлуму, арабскому халифу Африки, предлагая ему союзъ и обѣщая въ вознагражденіе подѣлиться съ нимъ добычей, вѣроятно, уступивъ ему часть провинцій имперіи. Халифъ сначала согласился и отправилъ вмѣстѣ съ болгарскими послами своихъ уполномоченныхъ для заключенія договора. Но посольство это попало въ руки Византіи; императоръ задержалъ болгаръ, арабовъ же богато одарилъ и отпустилъ съ обѣщаніемъ платить халифу ежегодную дань. Халифъ съ чисто семитической расчетливостью нашелъ, что небольшая вѣрная выгода лучше огромнаго, но ненадежнаго барыша, и заключилъ договоръ съ Византіей.

Нападеніе хорватовъ.

Такъ рушилась надежда Симеона—получить корабли хотя путемъ союза; но безъ кораблей онъ ничего не могъ сдѣлать. Между тѣмъ длинная и безплодная война дѣлала свое дѣло: почва начала колебаться подъ болгарскимъ царемъ. Въ самой Болгаріи были недовольные, и недовольство это скоро послѣ смерти Симеона разразилось цѣлымъ рядомъ возстаній. Но въ тѣхъ славянскихъ земляхъ, куда не простиралась непосредственная власть болгарскаго царя и гдѣ правили его подручники, уже при его жизни дошло до открытаго возмущенія. Кто былъ тутъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, угадать не трудно: въ 924 году, когда Симеонъ послѣдній разъ подступилъ къ Константинополю, туда привезли головы и оружіе болгарскихъ вождей, убитыхъ въ Сербіи, князь которой былъ вассаломъ царя болгарскаго. То же византійское вліяніе, которое внушило Симеону мысль объ императорской коронѣ, дѣйствовало и на другихъ славянскихъ князей: только, не смѣя мечтать объ имперіи, они довольствовались титулами проконсуловъ и патриціевъ. При помощи этого средства Романъ Лакапинъ привлекъ на свою сторону владѣтеля Захлумья [1]), Михаила Вышевича, который прежде помогалъ Симеону противъ сербовъ. Мало того, единственное южно-славянское племя, успѣвшее къ тому времени образовать государство, хорваты, объявило Болгаріи войну, послѣ того какъ ихъ правитель, Томиславъ, сталъ византійскимъ проконсуломъ (ἀνθύπατος) и въ качествѣ таковаго получилъ въ управленіе принадлежавшіе имперіи города Далмаціи. Хорватія могла тогда выставить, по словамъ Константина Багрянороднаго, 60.000 коннаго и 100.000 пѣшаго войска. Такой противникъ почти стоилъ мадьяръ; а стѣны Царьграда смотрѣли такъ же неприступно, какъ

---

[1]) Нынѣшняя Герцеговина и южная Далмація.

и прежде. Симеонъ призналъ свою неудачу и выразилъ желаніе вступить въ переговоры.

Смерть Симеона.

Ему не удалось свергнуть Лакапина; онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, унизить самозваннаго императора, насколько можно. Царь отказался вести переговоры черезъ пословъ и требовалъ личнаго свиданія. Какъ ни было для имперіи унизительно идти навстрѣчу врагу, но для нея окончить войну было не меньше нужно, чѣмъ Симеону. Внѣ стѣнъ города, у Космидія, на сѣверо-западномъ концѣ Золотого Рога, была построена площадка, куда должна была пристать императорская тріера. Въ этотъ самый день болгаре ограбили и сожгли церковь Богородицы у Источника, одну изъ главныхъ святынь окрестностей Константинополя: это было грубое издѣвательство. Но этого было мало: чтобы показать, что просителями мира являются греки, а не онъ, болгарскій царь четыре дня заставилъ себя дожидаться. Когда онъ, наконецъ, удостоилъ явиться, его солдаты встрѣтили его громкими привѣтствіями, какъ Василевса римлянъ, хотя настоящій Василевсъ стоялъ тутъ же. Прежде чѣмъ сойти съ коня, онъ послалъ нѣсколько человѣкъ изъ своей свиты, чтобы осмотрѣть площадку,—нѣтъ ли гдѣ засады. Все это Лакапинъ долженъ былъ терпѣть: византійскіе историки говорятъ, что онъ поразилъ своего противника своимъ, полнымъ достоинства, смиреніемъ. Какъ бы то ни было, переговоры не привели однако ни къ чему: или Симеонъ, или Византія желали слишкомъ многаго. Между тѣмъ болгарское войско, посланное противъ хорватовъ, было разбито. Симеонъ долженъ былъ вернуться въ Прѣславъ и умеръ здѣсь 27 мая 927 года, не успѣвъ отомстить своему новому противнику.

Такъ вся жизнь величайшаго изъ болгарскихъ царей ушла безплодно, ушла на дѣло, совершенно чуждое благу Болгаріи. Такова была судьба южно-славянскихъ племенъ: всѣ лучшіе ихъ люди, едва усвоивъ себѣ византійскую культуру, становились византійцами по своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Ихъ стремленія были направлены не къ тому, чтобы основать независимое славянское государство, потому что варварское государство для нихъ, воспитанныхъ на византійскихъ понятіяхъ, было низшимъ, какъ бы даже незаконнымъ типомъ политической жизни. И Стефану Душану, какъ Симеону болгарскому, снилась императорская корона; но правъ былъ патріархъ Николай, перечислявшій Симеону въ одномъ письмѣ всѣхъ покушавшихся на независимость имперіи и потерпѣвшихъ неудачу и пророчившій ему ту же судьбу. Имперія охотно прини-

мала къ себѣ иностранцевъ, но подчиняться иностранцамъ не хотѣла: ее нельзя было сдѣлать ни болгарской, ни французской, ни сербской; ее можно было только уничтожить и поставить на ея мѣсто совсѣмъ новую—турецкую имперію.

Послѣ смерти своего врага Византія поспѣшила заключить миръ съ его преемникомъ: разъ главное притязаніе болгарскаго царя было устранено, Лакапинъ былъ согласенъ на очень большія уступки, тѣмъ болѣе, что этими уступками теперь можно было купить не только миръ, но и союзъ сильнаго сосѣда. Петръ Симеоновичъ, очень набожный и вовсе не воинственный государь, женился на внучкѣ Романа; какъ близкій родственникъ царствующаго дома, онъ получилъ титулъ Василевса, кстати сказать, очень подешевѣвшій въ то время: кромѣ Константина VII, его носили тогда еще три лица изъ фамиліи Лакапиновъ: Романъ и его два сына. Само собой разумѣется, что Петръ былъ Василевсомъ только болгарскимъ, но не „римскимъ". Болгарскіе послы получили „шагъ" передъ всѣми другими, что, какъ мы видѣли въ началѣ этого разсказа, было особенно непріятно Ліутпранду. Важнѣе этихъ формальностей было признаніе независимости болгарскаго патріархата; но этотъ единственный серьезный результатъ войнъ Симеона былъ не на пользу Болгаріи; предоставленная самой себѣ, болгарская церковь оказалась слишкомъ слаба, чтобы бороться съ ересями, потеряла свое нравственное вліяніе на народъ и не могла предупредить разложенія болгарскаго царства. Были, кромѣ того, въ этомъ договорѣ и кое-какія земельныя уступки въ пользу Болгаріи, но онѣ съ лихвой возмѣщались тѣмъ, что византійское вліяніе при прѣславскомъ дворѣ господствовало теперь безраздѣльно.

Что выиграла Болгарія отъ этой перемѣны? Могла ли она снова продолжать мирное усвоеніе христіанской культуры, прерванное двадцать лѣтъ назадъ? Цѣлое поколѣніе выросло во время войны съ имперіей; цѣлое поколѣніе привыкло смотрѣть на византійцевъ, какъ на непримиримыхъ враговъ. Способъ веденія войны, въ тѣ времена неизбѣжно сопровождавшейся разбоемъ, въ особенности разграбленіе болгарами монастырей и церквей, на что особенно жалуется патріархъ Николай въ своихъ письмахъ,—все это не могло не понизить нравственнаго уровня новообращенныхъ христіанъ. Но когда война кончилась и византійское вліяніе снова начало проникать въ страну, это вліяніе принимало такія формы, которыя совсѣмъ не были пріятны массамъ народа. Приходившіе въ Болгарію „греки" были совсѣмъ не такого свойства люди, чтобы внушать

къ себѣ уваженіе. „Они непостоянны въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ, хвастливы, высокомѣрны, лжесвидѣтели, златолюбивы, судятъ по мздѣ“; такъ изображаетъ этихъ пришельцевъ одинъ памятникъ „отреченной“ письменности, распространенной среди народа. Нехорошее впечатлѣніе производили сами „греки“, еще хуже были для народа тѣ порядки, которые заимствовались изъ Византіи. Около этого времени мы начинаемъ встрѣчать въ Болгаріи крѣпостныхъ крестьянъ, „париковъ“ (πάροικοι), особенно на церковныхъ земляхъ. Раньше ихъ незамѣтно, и, по аналогіи съ другими славянскими областями имперіи, гдѣ въ VII—VIII вѣкахъ земледѣльческое населеніе было свободно, нужно думать, что ихъ и не было. Греческое названіе дѣлаетъ вѣроятнымъ, что это учрежденіе зашло изъ Византіи, гдѣ противъ развивавшагося крѣпостничества приходилось принимать мѣры уже императорамъ-иконоборцамъ [1]). Подтверждается это еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что еретики-богомилы [2]), враги всего греческаго, нападали между прочимъ и на крѣпостничество: „рабу не велятъ работати господину своему“, говоритъ ихъ обличитель, пресвитеръ Козьма. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что тяжелое положеніе крестьянства много помогло распространенію этой секты, имѣвшей роковое вліяніе на судьбу Болгаріи.

Богомилы, кромѣ того, по словамъ Козьмы, „ругались старѣйшинамъ и укоряли бояръ“; но сами бояре вовсе не принадлежали къ числу тѣхъ, кто былъ доволенъ сближеніемъ съ Византіей. Для нихъ „греческое“ вліяніе означало господство централизаціи и чиновничества, паденіе боярскихъ привилегій, основанныхъ на обычаѣ. Не даромъ первое сближеніе съ Византіей, крещеніе Бориса, имѣло слѣдствіемъ боярское возстаніе. Въ первые же годы правленія Петра Симеоновича устроили противъ него заговоръ какіе-то „вельможи, возвысившіеся при Симеонѣ“: они имѣли въ виду посадить на престолъ меньшого брата царя, царевича Іоанна. Черезъ два или три года отложились правители нѣкоторыхъ западныхъ областей и провозгласили царемъ старшаго сына Симеонова, Михаила, невольно постриженнаго въ монахи. Михаилъ умеръ, и это прекратило возстаніе; характерно, что мятежники жестоко грабили сосѣднія византійскія области: новые историки основательно видятъ здѣсь доказательство того, что ненависть къ „грекамъ“ была

---

[1]) См. ст. „Левъ III Исавръ и начало иконоборства“ (вып. I).

[2]) См. ст. „Средневѣковыя ереси“.

одной изъ причинъ возстанія. Наконецъ, около 960 года началось тамъ же, на западѣ, громадное возмущеніе, съ которымъ Петръ уже не въ силахъ былъ справиться: онъ удержался на престолѣ въ Прѣславѣ, но западныя области составили особое политическое цѣлое, во главѣ котораго сталъ руководитель мятежа, бояринъ Шишманъ. Государство Симеона начало разлагаться; русское нашествіе Святослава его докончило; но воспользовались этимъ не русскіе, а тотъ сосѣдъ, котораго такъ не любили болгаре — Восточная имперія.

М. Покровскій.

XXVII.

Никифоръ Фока.

По ея положенію, на крайнемъ юго-востокѣ Европы и въ западной части передней Азіи, Византійской имперіи суждено было принять самое дѣятельное участіе въ „вѣчномъ вопросѣ“ борьбы Европы съ Азіей, въ рѣшеніи того, сумѣетъ ли первая отстоять отъ напиравшихъ на нее изъ Азіи враждебныхъ силъ свою свободу и культурное достояніе. Въ теченіе всей своей многовѣковой исторіи Восточная имперія вела на азіатскихъ границахъ почти непрерывную борьбу. Въ концѣ-концовъ она не устояла въ ней и пала, но пала уже въ то время, когда Европа настолько окрѣпла, что опасность азіатскаго завоеванія не могла серьезно грозить ей. Въ этой защитѣ Европы съ востока заключается одна изъ величайшихъ заслугъ Византіи передъ человѣчествомъ. Борьба въ Азіи требовала отъ нея очень значительнаго напряженія силъ, но ею не ограничивались внѣшнія затрудненія имперіи: серьезная опасность грозила ей и со стороны сѣверной европейской границы. Впрочемъ, эти враги были опасны все-таки гораздо менѣе, чѣмъ азіатскіе, и, сравнительно легко усваивая приходившіе изъ имперіи зачатки культуры, они сами становились потомъ въ ряды борцовъ противъ Азіи. Кромѣ только что указаннаго всемірно-историческаго значенія, внѣшнія отношенія Восточной имперіи оказали чрезвычайно Задачи Византіи.

Пособія: *Густавъ Шлюмберперъ*, Un empereur byzantin au dixième siècle Nicéphore Phocas, Paris, 1890. *Лиутпрандъ*, Antapodosis и Legatio (Pertz, M. G. H. Script. III). *Rambaud*, L'empire grec au X siècle. *Герцбергъ*, Geschichte der Byz. und des Osman. Reiches. *Скабалановичъ*, Византійское государство и церковь въ XI в.

сильное вліяніе на внутреннюю исторію ея, на весь складъ ея государственной и общественной жизни. Многія стороны византійскаго быта въ значительной степени объясняются именно преобладаніемъ внѣшнихъ задачъ, необходимостью быть вѣчно во всеоружіи, напрягать всѣ народныя силы, чтобы только отстоять себѣ независимое существованіе. Такъ, напримѣръ, нельзя не уловить значительнаго вліянія этого фактора въ томъ чрезвычайно сильномъ развитіи центральной власти, которое составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ византійской государственной жизни. Этимъ же (конечно, только въ извѣстной степени) объясняется тотъ застой, то отсутствіе живого, свободнаго развитія, которое характеризуетъ внутреннюю исторію Византіи. Народу, вынужденному напрягать свои силы въ крайне тяжелой внѣшней борьбѣ, трудно двигаться быстро по пути внутренняго развитія, такая борьба поглощаетъ слишкомъ много его жизненныхъ соковъ, требуетъ отъ него слишкомъ много жертвъ. Въ такомъ невыгодномъ положеніи находилась Восточная имперія, оно же долго тормозило внутреннее развитіе русскаго народа.

Реакція противъ ислама.

Крайняя опасность стала грозить Византіи съ того времени, какъ на сѣверныхъ границахъ ея выросло царство болгарское, а силы Азіи объединились подъ знаменемъ Магомета и со всей страстностью религіознаго фанатизма ринулись въ борьбу съ „невѣрными“. Но и тогда имперія, подкрѣпленная массой славянъ, поселившихся на ея территоріи, нашла въ себѣ довольно силъ, чтобы отбиться отъ страшныхъ враговъ. Впрочемъ, Византія вышла изъ этой борьбы не безъ значительныхъ потерь: она поплатилась цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ провинцій. Между тѣмъ прошло первое одушевленіе послѣдователей ислама, давшее имъ силы въ короткое время широко раздвинуть границы мусульманскаго міра. Борьба постепенно теряла ту напряженность, какой отличалась ранѣе. По мѣрѣ достиженія успѣха, поклонники пророка остывали и втягивались въ мирную жизнь. Благодаря распаденію халифата, исчезло единство мусульманскаго міра, и тогда началась реакція со стороны Восточной имперіи. Она стала стремиться къ возвращенію важнѣйшихъ изъ потерянныхъ провинцій и подъ впечатлѣніемъ первыхъ успѣховъ мечтала уже о полномъ возстановленіи своей нѣкогда столь обширной границы. Вторая половина X-го и начало XI-го вѣка были эпохой высшаго подъема византійскаго духа, временемъ такихъ значительныхъ военныхъ успѣховъ, какихъ имперія не видѣла со времени Юстиніана. Тогда мы видимъ на констан-

тинопольскомъ престолѣ такихъ первоклассныхъ воителей, какъ Никифоръ Фока, Іоаннъ Цимисхій и Василій II, вполнѣ достойныхъ преемниковъ боевой славы римской имперіи. Первымъ въ ряду стоитъ Никифоръ Фока.

Въ началѣ ноября 959 года въ роскошномъ императорскомъ дворцѣ „Новаго Рима“ скончался Константинъ VII Багрянородный. Ему наслѣдовалъ двадцатилѣтній сынъ Романъ II (959—963), женатый на Ѳеофано, женщинѣ необыкновенной красоты и почти столь же необыкновенной порочности, происходившей изъ очень низкаго званія (она была дочерью содержателя гостинницы и носила до замужества имя Анастазо). Романъ не былъ лишенъ нѣкоторыхъ хорошихъ свойствъ, но страсть къ удовольствіямъ заглушала въ немъ все остальное, вполнѣ поглощала его, и личное участіе его въ современныхъ ему событіяхъ было совершенно ничтожно. Всѣми дѣлами руководилъ при немъ главный евнухъ Бринга, человѣкъ очень способный, но крайне эгоистичный и безнравственный. Онъ былъ первымъ министромъ при Константинѣ VII, и перемѣна на тронѣ не измѣнила его положенія.

Разграбленіе Ѳессалоники.

Самымъ значительнымъ событіемъ кратковременнаго правленія Романа II была снаряженная Брингою экспедиція для завоеванія у арабовъ Крита. Этотъ громадный островъ имѣлъ тогда особенно важное значеніе по своему положенію между Европой и Африкой, между христіанскимъ и мусульманскимъ мірами, которые находились въ почти непрерывной борьбѣ. Въ 824 году имъ овладѣли андалузскіе арабы, воспользовавшіеся возмущеніемъ ренегата Ѳомы противъ императора Михаила II. Беззащитный Критъ былъ страшно разграбленъ ими, епископъ гортинскій Кириллъ замученъ, а избѣжавшее гибели населеніе насильно обращено въ исламъ. Для упроченія своего господства во вновь завоеванной странѣ арабы построили недалеко отъ мыса Харакса, въ почти неприступной позиціи, знаменитую крѣпость Хандаксъ, которая дала новое имя всему острову (Кандія). Почти непрерывный приливъ новыхъ отрядовъ поклонниковъ пророка подкрѣплялъ первыхъ счастливыхъ искателей приключеній, и войска Михаила II тщетно пытались вернуть потерю этой важной въ военномъ отношеніи позиціи. Съ тѣхъ поръ Критъ сталъ настоящимъ гнѣздомъ отчаянныхъ грабителей и искателей приключеній, истиннымъ бичомъ всѣхъ береговъ Архипелага, столицей арабскихъ пиратовъ, наводившихъ ужасъ на христіанское населеніе прибрежныхъ городовъ. Императорскій флотъ былъ безсиленъ предупреждать производимыя арабами опустошенія, такъ

какъ было почти невозможно своевременно услѣдить за быстрыми, легкими судами мусульманъ. Исторія разграбленія Ѳессалоники наглядно показываетъ, насколько безпокойно и опасно для имперіи было такое сосѣдство, и до какой дерзости доходили иногда арабы въ своихъ набѣгахъ. Въ 904 году громадная и великолѣпная Ѳессалоника, пользовавшаяся славой второго послѣ Константинополя города Восточной имперіи, неожиданно попала въ руки мусульманъ. Въ одинъ изъ іюльскихъ дней на гладкой лазурной поверхности моря совершенно неожиданно показался передъ городомъ флотъ изъ 54 судовъ. На каждомъ кораблѣ находилось по двѣсти пиратовъ, большей частью негровъ изъ Эѳіопіи. Наскоро организованное сопротивленіе населенія, захваченнаго совершенно врасплохъ, конечно, не могло быть успѣшнымъ, мусульмане ворвались въ городъ, и начались безконечныя сцены убійства, грабежа и всякихъ насилій. Разсказъ объ этомъ несчастіи сохранился въ сочиненіи Іоанна Каменіата, очевидца и жертвы этого несчастнаго дня. Онъ самъ былъ въ числѣ тѣхъ двадцати двухъ тысячъ плѣнныхъ, которыхъ мусульмане пощадили или вслѣдствіе ихъ молодости, дававшей грабителямъ надежду выгодно сбыть свой живой товаръ, или же вслѣдствіе богатства, обѣщавшаго полученіе за нихъ значительнаго выкупа. Надо прочесть его живыя страницы, чтобы составить себѣ ясное представленіе о размѣрахъ несчастія и о страданіяхъ увезенныхъ мусульманами обитателей Ѳессалоники. Предводимые извѣстнымъ ренегатомъ Львомъ Триполитанскимъ, пираты, чтобы предупредить преслѣдованіе со стороны императорскаго флота, поспѣшили какъ можно скорѣе вернуться съ громадной добычей въ безопасное убѣжище Крита. Впечатлѣніе, которое произвело это событіе на современниковъ, было неизгладимо. Сцены, подобныя происходившимъ въ Ѳессалоникѣ, конечно, въ меньшихъ размѣрахъ, безпрерывно разыгрывались въ разныхъ углахъ Архипелага, и можно себѣ представить, какое раздраженіе и отчаяніе должны были вызывать онѣ въ беззащитномъ населеніи прибрежныхъ городовъ, и какой громадный ущербъ наносился этимъ греческой торговлѣ. Въ концѣ царствованія Константина Порфиророднаго была организована обширная экспедиція противъ Крита. Во главѣ ея былъ поставленъ стратегъ Самоса, Константинъ Гонгилъ, человѣкъ неспособный и слабый. Походъ окончился очень печально, и войску едва удалось спастись отъ конечнаго истребленія. Послѣ этой неудачи императорскихъ войскъ дерзость пиратовъ стала превосходить всякое вѣроятіе. Имперіи необходимо было во что бы то ни стало покончить

съ этимъ хищническимъ гнѣздомъ, и правительству Романа II принадлежала честь счастливаго выполненія этой крайне трудной задачи. Выборъ главнокомандующаго для задуманнаго похода сдѣланъ былъ въ высшей степени удачно: во главѣ грандіозной экспедиціи рѣшили поставить Никифора Фоку, снискавшаго уже къ этому времени на арабской границѣ Малой Азіи громкую боевую славу.

Фамилія Фока.

Никифоръ Фока происходилъ изъ старинной каппадокійской фамиліи, уже до него давшей Византіи нѣсколько замѣчательныхъ полководцевъ. Такъ, его дѣдъ, называвшійся также Никифоромъ, отличался сначала въ Италіи и Сициліи, откуда онъ при Василіи I-мъ прогналъ мавровъ, потомъ, при Львѣ VI-мъ, въ успѣшной борьбѣ съ болгарами. Одинъ изъ его сыновей, доместикъ и начальникъ гвардіи, Левъ, былъ даже въ малолѣтство Константина VII-го претендентомъ на императорскій престолъ, но Романъ Лакапинъ одержалъ надъ нимъ верхъ и ослѣпилъ его. Другой его сынъ, Варда Фока, отецъ нашего Никифора, пользовался громадной популярностью за военныя заслуги, оказанныя имъ имперіи въ борьбѣ съ арабами. Кромѣ того, Варда помогъ Константину Багрянородному освободиться отъ сыновей Романа Лакапина. Наконецъ, одинъ изъ братьевъ нашего Никифора, Константинъ Фока, стратегъ пограничной Селевкійской ѳемы, погибъ въ плѣну у арабовъ, другой же, Левъ, обладалъ военными дарованіями, почти приравнивавшими его, какъ полководца, къ болѣе знаменитому брату, котораго во время критскаго похода онъ и замѣстилъ въ командованіи малоазіатскими войсками.

Характеристика Никифора.

Никифоръ Фока представляетъ типичнѣйшій образъ императора-воителя, какихъ мы время отъ времени встрѣчаемъ на константинопольскомъ престолѣ. По всему складу характера, по вкусамъ и по привычкамъ онъ былъ воиномъ. Большую часть жизни провелъ онъ въ походахъ и вполнѣ сроднился съ лагерной обстановкой. Никифоръ неизмѣнно оказывалъ военному элементу предпочтеніе, которое впослѣдствіи сильно не нравилось населенію столицы. За то постоянная заботливость о нуждахъ солдатъ и справедливость снискали ему любовь войска, хотя нельзя сказать, чтобы Никифоръ потакалъ дурнымъ инстинктамъ солдатъ: въ наказаніи серьезныхъ проступковъ онъ былъ безпощадно строгъ. Такъ, когда былъ взятъ Тарсъ, нѣсколько армянскихъ воиновъ, вопреки приказанію полководца не трогать жителей, которые еще не покинули города, позволили себѣ нанести оскорбленіе нѣсколькимъ арабскимъ дѣвушкамъ. За это, по приказу Никифора, имъ отрѣзали носы и руки. Энергія, сила физическая и душевная вы-

ражались во всей его плотной, мощной фигурѣ. По темпераменту это былъ человѣкъ необузданно страстный. Религіозность составляла, наряду съ военными талантами, черту, передававшуюся въ родѣ Фока какъ бы по наслѣдству. Мы знаемъ, что дядя Никифора, Михаилъ Малеинъ, причтенъ даже православной церковью къ лику святыхъ. И Никифоръ былъ проникнутъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Онъ не только строго исполнялъ всѣ церковныя предписанія, но даже велъ жизнь полумонаха, аскета, спалъ на жесткой подстилкѣ, носилъ власяницу своего святого дяди, котораго высоко чтилъ, усердно постился и мало измѣнилъ этимъ привычкамъ даже тогда, когда изъ походной палатки перешелъ въ роскошный императорскій дворецъ Константинополя. Рѣдкая въ то время въ высшихъ кругахъ византійскаго общества чистота нравовъ дополняла нравственный обликъ Никифора, отчасти напоминающій образъ суроваго монаха-воина, составлявшій идеалъ позднѣйшихъ духовно-рыцарскихъ орденовъ. Нелюдимость, извѣстная доля коварства и скупость составляли темныя стороны его характера. Никифоръ Фока не былъ человѣкомъ, способнымъ привлекать къ себѣ сердца людей. Замкнутость въ себѣ, грубость, сухость и нелюбезность въ обращеніи отдаляли отъ него большинство тѣхъ, кто приходилъ въ близкое соприкосновеніе съ нимъ. Избалованная константинопольская чернь особенно не прощала ему скупости, которая, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, составляла въ то время скорѣе достоинство, такъ какъ финансовое положеніе имперіи было плохо, а на веденіе тяжелыхъ войнъ требовалась масса денегъ. При началѣ критскаго похода Никифору было около сорока семи лѣтъ, слѣдовательно, онъ былъ тогда въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Въ общемъ, это былъ незамѣнимый вождь для той борьбы, которую Византіи приходилось тогда вести почти на всѣхъ границахъ.

Назначеніе его главнокомандующимъ арміи, долженствовавшей возвратить покой значительной части имперіи, было съ восторгомъ принято всюду, исключая, конечно, нѣкоторыхъ придворныхъ кружковъ, гдѣ были недовольны новымъ возвышеніемъ Никифора, да нѣсколькихъ лицъ, которыя сами мѣтили на столь видный постъ и завидовали Никифору.

Состояніе мусульманскаго міра.

Моментъ для рѣшительныхъ дѣйствій противъ Крита былъ выбранъ также очень удачно. Политическое положеніе мусульманскаго міра, полная анархія, уже нѣсколько времени царившая среди него, не позволяли критскимъ пиратамъ надѣяться на сколько-нибудь

серьезную помощь со стороны ихъ единовѣрцевъ. Аббасидскій халифъ Альмоти былъ только тѣнью властителя, вся же дѣйствительная власть перешла въ руки его начальника гвардіи, буидскаго султана Муицъ-Аддаулаха. Повсюду въ мусульманской Азіи и Африкѣ правили тогда отдѣльныя династіи (Гамданиды, Саманиды, Икшиды, Фатимиды и др.), бывшія фактически совершенно независимыми отъ багдадскаго номинальнаго главы всѣхъ правовѣрныхъ. Соперничество этихъ династовъ какъ между собой, такъ и съ буидскими султанами значительно ослабляло мусульманскій міръ. Наиболѣе важными среди этихъ многочисленныхъ государей были два славныхъ гамданида, братья Нассръ-Аддаулахъ и Сеифъ-Аддаулахъ. Первый правилъ въ Моссулѣ, второй въ Алеппо, такъ что въ ихъ рукахъ была вся сѣверная Месопотамія и большая часть Сиріи.

Приготовленія къ критскому походу дѣлались крайне спѣшно и въ громадныхъ размѣрахъ: чтобы привести къ желанному исходу, ударъ долженъ былъ быть быстрымъ и сильнымъ. Громадный флотъ былъ собранъ въ Золотомъ Рогѣ.

Составъ византійскаго войска.

Экспедиціонный корпусъ былъ сосредоточенъ въ самомъ Константинополѣ. Чрезвычайно живописную, разнохарактерно пеструю картину представляли византійскія войска того времени. Тутъ были прекрасно дисциплинированные отряды изъ европейскихъ ѳемъ, составлявшіе ядро лучшихъ армій имперіи, навербованные среди грубыхъ, но свѣжихъ и сильныхъ крестьянъ изъ Ѳракіи и Македонскихъ горъ. Къ нимъ присоединялись „восточные“ солдаты азіатскихъ ѳемъ, обитатели Каппадокіи, Ликаоніи, Понта, изъ которыхъ вырабатывались превосходные воины. Далѣе, въ византійскихъ войскахъ X вѣка можно было видѣть въ довольно большомъ числѣ армянскіе отряды и наемную Русь, которая приплывала на лодкахъ-однодеревкахъ въ Константинополь искать счастія и золота. Русь высоко цѣнилась византійскими императорами. Закованные съ головы до ногъ, въ тяжелыхъ желѣзныхъ шлемахъ и кольчугахъ, съ огромными длинными щитами, вооруженные широкимъ мечомъ, длиннымъ копьемъ, украшеннымъ маленькимъ кускомъ цвѣтной матеріи, и кривымъ топоромъ, они считались драгоцѣнной частью византійскихъ войскъ за ихъ храбрость и способность увлекаться битвой до самозабвенія, входить въ воинскій азартъ, и императоры не скупились платить значительныя суммы, чтобы купить себѣ ихъ услуги. Въ войскѣ Никифора были также славянскіе поселенцы изъ Македоніи и Виѳиніи, далматинцы и четыре тысячи мардаитовъ, потомковъ сектантовъ-павликіанъ изъ Ливана. Венгры, печенѣги,

хазары, составлявшіе легкую кавалерію, дополняли иногда пестрый составъ византійской арміи того времени. Великолѣпные отряды императорской гвардіи также приняли участіе въ критской экспедиціи. На суда насажено было еще нѣсколько эскадроновъ катафрактарной тяжелой кавалеріи, въ которой и лошадь и всадникъ были покрыты желѣзной кольчугой.

Флотъ. Флотъ, предназначенный для перевозки этихъ войскъ на Критъ, былъ поставленъ подъ прямое начальство Китонита Михаила, исполнявшаго обязанности великаго друнгарія, т.-е. главнаго адмирала. Въ этомъ флотѣ числилось до трехъ тысячъ судовъ всякаго рода. Основу его составляли двѣ тысячи хеландій. Это были массивныя галеры, приводившіяся въ движеніе двумя рядами веселъ съ каждой стороны, верхъ кораблестроительнаго искусства византійцевъ X вѣка. Хеландіи были разной величины, и соотвѣтственно ей число гребцовъ измѣнялось отъ ста до двухсотъ пятидесяти на каждой, при чемъ въ большинствѣ случаевъ гребцы были въ то же время солдатами. На палубѣ каждаго изъ этихъ кораблей возвышалась деревянная башня (ксилокастронъ), на которой помѣщались военныя машины и солдаты. Назначеніемъ ея было осыпать въ бою противника массой стрѣлъ и дротиковъ. Но что дѣлало эти суда страшнѣе всего для сарацинъ, такъ это находившееся на каждомъ изъ нихъ приспособленіе для выбрасыванія ужаснаго „жидкаго или греческаго огня“, составлявшаго, какъ извѣстно, одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ секретовъ византійскаго правительства. Такіе корабли назывались „огненосными“ (πύρφοροι). На носахъ хеландій находились бронзовыя позолоченныя изображенія льва съ открытою пастью или какого-либо другого животнаго. Изъ ихъ пасти выходили длинныя гибкія трубочки, похожія на наши пожарные рукава, которыя можно было направлять по желанію въ ту или другую сторону. Онѣ-то и служили для выбрасыванія на непріятелей струи „жидкаго огня“. Иногда такія приспособленія находились также на кормѣ и на бокахъ кораблей. Греческій огонь взрывался съ большой силой и съ оглушительнымъ трескомъ, давалъ при этомъ массу дыма и производилъ значительныя опустошенія. Кромѣ описаннаго выше, были и другіе способы его употребленія. Такъ, его бросали на палубу непріятельскихъ кораблей и во внутренность осажденныхъ городовъ, пользуясь для этого особыми машинами. Иногда его метали изъ маленькихъ ручныхъ трубочекъ, а также въ особыхъ глиняныхъ сосудахъ, представлявшихъ нѣчто подобное гранатамъ новаго времени. Въ средневѣковыхъ памятникахъ на-

ходится много описаній того невыразимаго ужаса, который наводило на варваровъ разрушительное дѣйствіе греческаго огня. Кромѣ него, византійскія войска забрасывали непріятеля сосудами съ кипящей водой, масломъ и съ химическими составами, нѣкоторые изъ которыхъ должны были, напримѣръ, производить страшную вонь и тѣмъ приводить въ разстройство силы противника. Совѣтовалось даже бросать въ среду непріятелей сосуды со змѣями, скорпіонами и т. д., что вызываетъ улыбку у современнаго читателя. Каждая хеландія находилась подъ начальствомъ друнгарія, имѣвшаго подъ своей командой цѣлый штатъ низшихъ офицеровъ, носившихъ названіе карабовъ, протокарабовъ, поддрунгаріевъ, друнгарокомитовъ и т. д. Отдѣльными группами хеландій (3 или 5) командовали комиты, находившіеся всѣ, въ свою очередь, подъ общимъ начальствомъ главнаго друнгарія, носившаго позднѣе титулъ великаго дуки. За двумя тысячами хеландій, въ ряду судовъ, предназначавшихся для критской экспедиціи, шли тысяча транспортныхъ кораблей еще большихъ размѣровъ, чѣмъ хеландіи. Каждый изъ нихъ сопровождался и защищался двумя хеландіями. Триста кораблей, находившихся каждый подъ командой протокараба, везли громадное количество зерна, муки и другихъ жизненныхъ припасовъ, а также массу осадныхъ машинъ и значительный запасъ оружія. Особыя суда, построенныя по образцу русскихъ, предназначались для наемной Руси. Число кораблей, какъ мы видѣли, было огромно, и современныя событію извѣстія говорятъ, что почти весь императорскій флотъ былъ приведенъ въ дѣйствіе, что внѣ экспедиціи осталось сравнительно немного судовъ, предназначавшихся только для охраны столицы и нѣсколькихъ другихъ важнѣйшихъ пунктовъ.

Высадка въ Критѣ.

Флотъ Никифора снялся съ якоря въ послѣднихъ числахъ іюня или въ первыхъ числахъ іюля 960 года. Въ ясный лѣтній день, при блескѣ южнаго солнца, въ чудной панорамѣ Константинополя и Золотого Рога флотъ и провожавшіе его зрители, которые покрывали берега, должны были представлять великолѣпную картину. Подъ позолоченными и разукрашенными мозаикой сводами болѣе чѣмъ пятисотъ константинопольскихъ храмовъ, во всѣхъ многочисленныхъ монастыряхъ его совершались въ моментъ отплытія экспедиціи молебствія объ успѣхѣ добраго начинанія. Какъ только слухи о надвигающейся грозѣ достигли Крита, сильное волненіе охватило его населеніе, и эмиръ Абд-эль-Азисъ тотчасъ принялъ всѣ мѣры, чтобы привести города острова въ год-

ное для защиты состояніе. Въ маленькомъ портѣ, лежащемъ на азіатскомъ берегу, нѣсколько южнѣе Эфеса, весь флотъ соединился. Когда греки проплыли островъ Ніо, они вступили въ часть моря, которая была тогда мало знакома имъ, потому что давно уже ни одно греческое судно не плавало въ этихъ водахъ изъ страха передъ мусульманскими корсарами. Эта часть пути была довольно опасна и требовала большой осторожности. Чтобы обезпечить насколько возможно успѣхъ высадки, Никифоръ позаботился о томъ, чтобы весь флотъ появился передъ критскимъ берегомъ одновременно. Мѣсто высадки точно неизвѣстно. Подплывши къ берегу, греки увидѣли, что возвышенности, господствующія надъ нимъ, заняты были арабами, бѣлые костюмы и оружіе которыхъ ярко блестѣли подъ лучами горячаго южнаго солнца. Дессантъ начался подъ прикрытіемъ лучниковъ и пращниковъ, частой стрѣльбой удерживавшихъ мусульманъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Громадные корабли были разогнаны на веслахъ и направлены на песчаный берегъ, на который съ нихъ опустили наклонныя плоскости, и византійская панцырная кавалерія на лошадяхъ и въ полномъ вооруженіи съѣхала по нимъ на берегъ. Пока продолжалась высадка, Никофоръ Фока раздѣлилъ свой авангардъ на три отряда. Императорская пѣхота, надъ которой возвышался цѣлый лѣсъ копій, была построена въ густую колонну и, прикрываясь щитами, которые образовывали надъ головами воиновъ какъ бы крышу, не теряя ни минуты, пошла въ атаку. Во главѣ каждаго отряда шелъ окруженный духовенствомъ въ полномъ облаченіи епископъ, неся большой крестъ съ частицей животворящаго древа. Сарацины засыпали нападавшихъ массой стрѣлъ и смѣло бросались на нихъ, но не могли прорвать византійскихъ рядовъ. Фанатическіе дервиши, чтобы возбудить ревность въ поклонникахъ пророка, безстрашно бросались въ среду сражающихся и погибали. Шагъ за шагомъ должны были отступать арабы послѣ страшнаго кровопролитія. Между тѣмъ катафрактарная кавалерія, разсыпавшись по всѣмъ направленіямъ, захватила массу плѣнныхъ. Нѣсколько дней подъ рядъ послѣ высадки почти непрерывно продолжались сраженія, похожія одно на другое и не дававшія никакихъ ощутительныхъ результатовъ. Чтобы воспрепятствовать приходу подкрѣпленій изъ Сиріи или Киликіи, изъ Египта, Фатимидской Африки или даже, пожалуй, изъ отдаленной Андалузіи, Никифоръ разставилъ флотъ въ различныхъ пунктахъ около критскаго берега такъ, чтобы, по возможности, блокировать весь островъ. Послѣ

первыхъ успѣховъ, византійцамъ пришлось вскорѣ понести серьезный уронъ: значительный отрядъ, отправленный въ глубь острова, былъ уничтоженъ арабами, благодаря тому, что онъ разбросался, такъ какъ солдаты разбрелись для фуражировки.

Никифоръ рѣшилъ нанести врагу сразу смертельный ударъ и осадилъ Хандаксъ, столицу критскихъ арабовъ. Это была очень сильная крѣпость, слывшая неприступной. Между тѣмъ надѣяться на прочное завоеваніе всего острова можно было, только овладѣвши ею. Итакъ, византійская армія двинулась къ Хандаксу по благодатной странѣ, плодородіе и богатства которой производили сильное впечатлѣніе на воиновъ. Повсюду при ея приближеніи арабское населеніе, захвативъ наиболѣе цѣнное изъ своего имущества, спѣшило укрыться въ горахъ, потомки же нѣкогда обращенныхъ ими въ исламъ туземцевъ выходили навстрѣчу освободителямъ. Войско Никифора Фоки, по обычаю того времени, уничтожало все на своемъ пути, жгло села и запасы хлѣба, срубало пальмовыя и другія плодовыя деревья, словомъ, старалось обратить вражескую страну въ пустыню. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ армія достигла Хандакса. Имя это происходитъ отъ арабскаго слова Khandak, обозначающаго широкій ровъ, которымъ первые арабскіе завоеватели, явившіеся на Критѣ, окопали свой лагерь, ставшій для нихъ базисомъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Хандаксъ лежалъ недалеко отъ развалинъ древняго города Кносса, камни изъ зданій котораго пошли на постройку новой крѣпости. Хорошо укрѣпленная съ моря, крѣпость лежала на выравненной площадкѣ огромной скалы съ почти отвѣсными боками. Ясное понятіе о неприступности этой позиціи даетъ геройское сопротивленіе, которое впослѣдствіи Бофоръ и Морозини оказывали здѣсь въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ (1648—1669) далеко превосходившимъ численностью оттоманскимъ силамъ. Многочисленныя башни, высокія стѣны такой ширины, что по нимъ могли ѣхать рядомъ двѣ колесницы, и громадные двойные рвы, всѣ эти препятствія, которыя императорскому войску предстояло преодолѣть, чтобы взять крѣпость, поселили сомнѣніе въ сердцахъ многихъ изъ византійскихъ солдатъ. Въ моментъ осады городъ былъ переполненъ окрестными жителями, искавшими въ немъ защиты отъ „многобожниковъ“. Нельзя было и думать тотчасъ же взять Хандаксъ приступомъ, и Никифоръ рѣшилъ блокировать его. Тогда греки совершили колоссальную работу: они выкопали кругомъ всего города съ его укрѣпленіями ровъ и насыпали валъ, которые, упираясь двумя концами въ море, опоясали Хандаксъ. Такимъ обра-

Осада Хандакса

зомъ доступъ въ осажденную крѣпость сталъ возможенъ только со стороны моря, но тамъ караулилъ сильный греческій флотъ, и Хандаксъ оказался отрѣзаннымъ отъ остального міра. Между тѣмъ какъ шла осада, греческое войско высылало внутрь острова отдѣльные отряды, которые доканчивали его покореніе и должны были снабжать припасами осаждающую армію. Скоро въ блокированной крѣпости сталъ сказываться недостатокъ хлѣба, и тогда положеніе осажденныхъ стало дѣлаться угрожающимъ. Источники сохранили намъ одинъ любопытный эпизодъ этой осады. Эмиръ Абд-эль-Азисъ при первомъ извѣстіи о надвигавшейся на Критъ грозѣ просилъ о помощи фатимидскаго халифа и испанскаго омайяда Абдеръ Рамана III. Послѣдній отправилъ предварительно пословъ, которые прибыли, когда островъ былъ уже наполовину завоеванъ, а Хандаксъ блокированъ.

Однако имъ удалось подойти ночью къ стѣнамъ крѣпости и по спущеннымъ канатамъ проникнуть въ городъ. Но увидавши уже начавшійся тамъ голодъ и убоявшись раздѣлить при взятіи города христіанами печальную судьбу его обитателей, послы сочли положеніе своихъ единовѣрцевъ безнадежнымъ и, несмотря ни на какія просьбы, поспѣшили удалиться, отказавшись обѣщать осажденнымъ, въ виду безнадежности ихъ положенія, какую бы то ни было помощь отъ своего владыки. Осада Хандакса продолжалась всю зиму съ 960 на 961 г. и сопровождалась частыми вылазками осажденныхъ. Однажды сорокъ тысячъ арабовъ, явившихся, по всей вѣроятности, изъ внутреннихъ частей острова, рѣшили произвести нападеніе на греческій лагерь, уговорившись напередъ съ осажденными единовѣрцами, чтобы тѣ сдѣлали одновременно сильную вылазку. Арабы возлагали большія надежды на неожиданность предполагавшагося нападенія, но Никифоръ былъ во-время предупрежденъ и, не дожидаясь враговъ, самъ въ свѣтлую ночь двинулся навстрѣчу арабамъ и атаковалъ ихъ на одной возвышенности. Мусульмане потерпѣли страшное пораженіе, и Никифоръ велѣлъ выставить на остріяхъ пикъ передъ глазами кандіотовъ громадное количество головъ погибшихъ, а также приказалъ бросать головы посредствомъ метательныхъ машинъ во вражескій городъ. Между тѣмъ и византійское войско стало страдать не только отъ наступившаго дурного времени года, отъ холода и отъ постоянныхъ дождей, отличавшихъ эту особенно суровую зиму, но также и отъ недостатка въ хлѣбѣ. Зима съ 960 на 961 г. была голоднымъ временемъ почти для всего Востока. Боясь, что недо-

статокъ въ провіантѣ можетъ оставить безъ дѣйствительнаго результата всѣ уже понесенныя для снаряженія экспедиціи громадныя затраты и усилія, и сознавая необходимость во что бы то ни стало довести задуманное дѣло до конца, Никифоръ настоялъ, чтобы императорское правительство снабдило войско хлѣбомъ, какъ бы дорого это ни стоило. Его требованіе было исполнено, и обиліе снова появилось въ византійскомъ лагерѣ. Рядъ отчаянныхъ вылазокъ осажденныхъ былъ послѣдовательно отбитъ греками, и часъ гибели Хандакса приближался.

Паденіе Хандакса.

Съ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дней доместикъ повелъ свои войска на приступъ, но арабы геройски отбили первое нападеніе. 7 марта 961 года должна была рѣшиться судьба Хандакса: на этотъ день былъ назначенъ вторичный штурмъ. Никифоръ объѣхалъ передъ битвой ряды войскъ, обращаясь къ солдатамъ съ ободряющей рѣчью, обѣщая пальму мученичества всѣмъ, кто погибнетъ въ борьбѣ съ „нечестивыми агарянами“, врагами св. Креста. Священники обошли ряды, совершая богослуженіе и причащая воиновъ. Въ мѣстѣ, выбранномъ для атаки, греки разставили впереди метательныя машины, и массы камней и стрѣлъ посыпались на осажденныхъ. Къ основанію вала былъ подведенъ колоссальный таранъ, и греки начали громить имъ стѣну, заставивши защитниковъ ея отступить передъ градомъ стрѣлъ и камней. Въ то же время многочисленные минёры (землекопы) подъ защитой подвижныхъ башенъ, съ которыхъ метали греческій огонь, спустились въ ровъ и начали подкапывать стѣну. Когда подкопъ былъ уже достаточно великъ и стѣна стала грозить упасть и задавить работавшихъ подъ ней, тогда минёры установили подъ стѣной подставки изъ очень сухого дерева, потомъ окончательно подкопали ее и зажгли подпорки. Послѣднія перегорѣли и часть стѣны съ двумя башнями рухнула, и императорскіе отряды тотчасъ устремились черезъ образовавшуюся брешь въ крѣпость. Началось страшное кровопролитіе. Опьяненные успѣхомъ и раздраженные предшествовавшими неудачами, византійцы не щадили даже безоружныхъ женщинъ и дѣтей. Арабы сопротивлялись отчаянно, и Никифору стоило большого труда успокоить своихъ воиновъ и спасти жизнь тѣмъ мусульманамъ, которые еще не успѣли подвергнуться печальной участи своихъ погибшихъ собратій. Самъ старый эмиръ, его дѣти, многочисленныя жены, всѣ арабскіе начальники, а также красивѣйшія женщины и наиболѣе сильные и молодые плѣнники предназначались для тріумфа, какъ добыча побѣдителей. Остал-

ные жители были отданы въ рабство солдатамъ, которые продавали ихъ торговцамъ живымъ товаромъ, недостатка въ которыхъ никогда не бывало въ такихъ случаяхъ: работорговцы сопровождали въ походѣ войска, когда могли надѣяться на большое число плѣнныхъ. Арабскій историкъ Новаири передаетъ, что греки убили до двухсотъ тысячъ критянъ и приблизительно столько же увели въ плѣнъ. Городъ, конечно, былъ страшно опустошенъ, всѣ богатства, награбленныя арабами большею частью у византійцевъ же за столько лѣтъ счастливыхъ набѣговъ, снова попали въ руки христіанъ. Въ порывѣ энтузіазма, войско предложило Никифору титулъ „побѣдоноснаго". Онъ принялъ его и сохранялъ и впослѣдствіи. Тотчасъ по взятіи города Никифоръ отправилъ въ Константинополь вѣстниковъ, которые должны были сообщить въ столицѣ радостную вѣсть, а затѣмъ онъ позаботился о томъ, чтобы прочно обезпечить за имперіей ея новое пріобрѣтеніе. Стѣны Хандакса были срыты самими несчастными его обитателями, которыхъ принудили къ этой работѣ, рвы были засыпаны, и недалеко отъ разрушеннаго города построено новое греческое укрѣпленіе. Видя, что островъ окончательно попалъ въ руки христіанъ, арабское населеніе его стало черезъ депутатовъ молить доместика о пощадѣ. Повсюду была возстановлена императорская администрація, и во главѣ ея сталъ стратегъ, которому оставили сильный отрядъ войска. Мечети были повсюду упразднены. Такимъ образомъ Критъ оказался навсегда потеряннымъ для арабовъ [1]), спокойствіе и сравнительная безопасность могли теперь снова воцариться на морѣ. Святой Никонъ Метаноитъ явился апостоломъ Крита, снова обративши потомковъ нѣкогда завоеваннаго арабами христіанскаго населенія къ вѣрѣ ихъ предковъ.

Малоазіатскій походъ.

Вѣсть о паденіи Хандакса быстро облетѣла Византію, и легко представить себѣ, съ какой радостью принималась она повсюду. Популярность счастливаго доместика сильно возросла, и въ глазахъ народа онъ сталъ теперь первымъ среди полководцевъ имперіи. Въ награду за столь важную побѣду Никифоръ Фока получилъ тріумфъ, на этотъ разъ, впрочемъ, неполный, а такъ называемый

---

[1]) Около 250 лѣтъ онъ былъ подъ властью Восточной имперіи и достался во время четвертаго крестоваго похода Бонифацію Монферратскому, который передалъ его скоро венеціанцамъ. Венеціанцы владѣли имъ нѣсколько столѣтій, пока послѣ славнаго сопротивленія, о которомъ мы уже упоминали, Критомъ не овладѣли, наконецъ, оттоманскіе турки.

„пѣшій“ тріумфъ, т. е. онъ не ѣхалъ на колесницѣ, влекомой бѣлыми конями, а шелъ во время церемоніи пѣшкомъ. Почти тотчасъ же послѣ тріумфа Никифоръ долженъ былъ снова стать во главѣ арміи. На этотъ разъ его назначили главнокомандующимъ въ Малую Азію, гдѣ во время критскаго похода борьбой съ арабами, шедшей на азіатской границѣ имперіи почти непрерывно, руководилъ его братъ, доместикъ Левъ Фока. Наиболѣе безпокойными и опасными врагами имперіи въ Азіи были въ эту эпоху уже не слабые халифы багдадскіе, а два арабскихъ владѣтеля, уже упомянутые нами гамданиды Насеръ-Аддаулахъ и еще болѣе славный Сеифъ-Аддаулахъ, алеппскій владѣтель Сиріи и части Месопотаміи. Это былъ блестящій арабскій государь, неутомимый воитель и въ то же время поклонникъ искусства и цѣнитель красоты; дворъ напоминалъ роскошью разсказы Тысячи и одной ночи. Съ самаго вступленія на престолъ Алеппо Сеифъ-Аддаулахъ велъ почти непрерывную войну съ греками. Облеченный званіемъ доместика восточныхъ сколъ, Никифоръ тотчасъ по возвращеніи съ Крита началъ свои побѣдоносные походы противъ гамданидовъ. Мы не имѣемъ возможности, по недостатку мѣста, входить въ изложеніе событій этой борьбы, но должны указать хотя на самые крупные факты и результаты ея. Походы Льва и Никифора Фоки и ихъ преемника Іоанна Цимисхія представляютъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ военной исторіи Византіи. Они подняли престижъ ея въ Азіи до такой высоты, на какой онъ не стоялъ уже давно и до какой ему уже не суждено было подняться никогда потомъ. Первое затрудненіе въ военныхъ операціяхъ противъ мусульманскихъ владѣній Передней Азіи представляла находившаяся въ рукахъ арабовъ Киликія, и Никифоръ съ огромной арміей двинулся черезъ Тавръ на завоеваніе ея. Походъ былъ очень удаченъ: въ двадцать два дня императорскія войска овладѣли пятьюдесятью пятью городами и крѣпостями. Осенью 962 г. греки снова перешли Тавръ, взяли Анозарбу, Сизъ (древній Флавіополь), Марашъ и Мамбеджъ на Евфратѣ, потомъ перешли черезъ Аманскій хребетъ и явились въ Сиріи. Успѣхи Никифора завершились на этотъ разъ ударомъ, особенно чувствительнымъ для арабовъ: сама роскошная столица славнаго гамданида, городъ Алеппо попалъ двадцать третьяго декабря въ руки византійцевъ и былъ страшно разграбленъ. Впрочемъ, и послѣ этого армія Никифора Фоки все-таки покинула Сирію, не надѣясь, вѣроятно, на возможность удержаться тамъ болѣе продолжительное время въ виду приближенія сильныхъ армій изъ взбудораженнаго извѣстіемъ о

взятіи Алеппо мусульманскаго міра. Въ городѣ Дзаментау (Tzamendos), въ каппадокійской оемѣ этого имени, Никифоръ узналъ важную новость: 15 марта 963 года скончался императоръ Романъ II. Носились слухи, будто его отравила Ѳеофано. Умирая, Романъ назначилъ своими преемниками двухъ своихъ малолѣтнихъ сыновей, Василія и Константина, уже облеченныхъ саномъ βασιλεῖς. Регентство же было передано Ѳеофано, которой Бринга долженъ былъ помогать въ дѣлахъ правленія.

Относительно Никифора Фоки, умиравшій императоръ выразилъ свою волю, чтобы за нимъ во всякомъ случаѣ была сохранена должность доместика восточныхъ сколъ. Всѣми дѣлами попрежнему заправлялъ паракимоменъ (главный постельничій) Бринга. Онъ старался отдалить отъ дѣлъ Ѳеофано, что вызвало во властолюбивой, гордой и строптивой императрицѣ сильное раздраженіе противъ перваго министра. Тотчасъ по смерти мужа Ѳеофано завязала сношенія съ побѣдоноснымъ и въ высшей степени популярнымъ доместикомъ восточныхъ сколъ, который уже давно страстно любилъ ее, что, очевидно, было не безызвѣстно императрицѣ. Переговоры Никифора съ ней кончились политическимъ переворотомъ. Послѣ новаго тріумфа, даннаго Никифору въ награду за сирійскій походъ, Бринга, опасаясь слишкомъ популярнаго полководца, рѣшилъ предупредить опасность съ этой стороны энергичнымъ дѣйствіемъ: именно, онъ составилъ планъ выколоть Никифору глаза и сослать его, что было однимъ изъ обычныхъ наказаній въ Византіи, вообще не отличавшейся мягкостью своего уголовнаго кодекса. Никифоръ узналъ о замыслахъ Бринга и укрылся въ соборѣ святой Софіи. Благодаря заступничеству патріарха Поліевкта, воспротивившагося жестокому плану перваго министра, сенатъ рѣшилъ снова поставить Никифора во главѣ восточныхъ отрядовъ. Тогда Бринга попытался было привлечь на свою сторону Іоанна Цимисхія и сдѣлалъ ему заманчивыя предложенія, но тотъ открылъ Никифору интриги паракимомена, и 3 іюля 963 года войско въ Кесаріи провозгласило Никифора императоромъ. Никифоръ тотчасъ назначилъ Іоанна Цимисхія доместикомъ восточныхъ сколъ, съ высокимъ чиномъ магистра, и, оставивши его въ Азіи, самъ быстро двинулся къ Константинополю. Народное возстаніе, поднявшееся при извѣстіи о приближеніи его къ Константинополю, довершило дѣло: 16 августа совершился уже торжественный въѣздъ и коронованіе Никифора, а 20 сентября его бракосочетаніе съ Ѳеофано.

Съ небольшимъ шестилѣтнее правленіе Никифора Фоки имѣетъ очень важное значеніе во внѣшней исторіи Византійской имперіи. Рядъ успѣховъ, начавшійся при Романѣ II покореніемъ Крита, продолжался и при Никифорѣ.

Походы въ Киликію и Сирію.

Первымъ крупнымъ военнымъ предпріятіемъ Никифора послѣ вступленія на престолъ былъ походъ противъ арабовъ (964—965). Греки завоевали островъ Кипръ, взяли сильныя мусульманскія твердыни Киликіи Тарсъ и Массису и вернули подъ свою власть страну между Тавромъ, моремъ и Аманскимъ хребтомъ, важную по ея географическому положенію. Тарсъ сталъ резиденціей стратега. Несчастіе, случившееся съ греками въ Сициліи, гдѣ арабы взяли, наконецъ, Раметту, остававшуюся послѣднимъ оплотомъ христіанъ на островѣ, нѣсколько омрачило радость, вызванную новымъ торжествомъ въ Азіи креста надъ полумѣсяцемъ. Въ 966 г. Никифоръ снова предпринялъ походъ въ Сирію, имѣвшій на этотъ разъ характеръ набѣга. 25 января 967 года умеръ его постоянный врагъ Сейфъ-Аддаулахъ. Свой послѣдній походъ противъ сарацинъ неутомимый императоръ совершилъ въ 968 г., слѣдовательно, не задолго до смерти. Цѣлью его были Антіохія и Алеппо, важные города, которые, находясь въ рукахъ арабовъ, постоянно угрожали малоазіатскимъ владѣніямъ грековъ. И на этотъ разъ успѣхъ сопутствовалъ Никифору. Онъ опустошилъ сѣверную Сирію, перешелъ Ливанскія горы, явился въ Финикіи и въ ноябрѣ 968 года подошелъ къ Антіохіи. Антіохія была, впрочемъ, взята уже безъ него, такъ какъ угрожавшее нашествіе русскихъ, война въ Италіи и внутреннія затрудненія заставили Никифора поручить осаду этого города своимъ помощникамъ, патрицію Михаилу Вурцу и стратопедарху Петру Фокѣ, племяннику Никифора. 29 октября 969 года Антіохія, древній Ѳеуполисъ, славный городъ, бывшій нѣкогда соперницей Византіи на Востокѣ, была взята греками, послѣ 230 лѣтняго пребыванія во власти мусульманъ. Теперь греки сдѣлались хозяевами обоихъ склоновъ Тавра, и вскорѣ послѣ этого Кургуйа, узурпаторъ Алеппо, призналъ себя въ вассальной зависимости отъ имперіи. Эти два факта были достойнымъ завершеніемъ цѣлаго ряда побѣдъ Никифора, они знаменовали полное торжество христіанъ надъ невѣрными и произвели чрезвычайно сильное впечатлѣніе на обѣ враждующія стороны. Никогда еще исламъ не терпѣлъ такого страшнаго пораженія. Казалось, что присоединеніе всей Сиріи и Палестины и возвращеніе христіанамъ Гроба Господня стало лишь вопросомъ времени, и благочестивый Ники-

форъ уже питалъ надежду достойно завершить этимъ рядъ своихъ побѣдъ на Востокѣ.

Въ Европѣ наибольшее вниманіе императора привлекала Болгарія. Ея упадокъ при царѣ Петрѣ, наслѣдникѣ знаменитаго Симеона, привелъ императора къ рѣшенію воспользоваться ослабленіемъ еще недавно столь грознаго сосѣда и окончательно обезопасить съ этой стороны имперію. Предлогомъ къ разрыву послужило требованіе болгарскими послами дани, которую до тѣхъ поръ Византія платила Болгаріи, и взамѣнъ которой болгары брали на себя обязательство препятствовать венграмъ проникать въ предѣлы имперіи. Въ 967 году Никифоръ открылъ военныя дѣйствія противъ болгаръ. Извѣстно, какъ онъ обратился за помощью къ русскому великому князю Святославу, и какъ вскорѣ долженъ былъ замѣтить, что новый союзникъ оказался опаснѣе того врага, противъ котораго его призвали. Борьба же грековъ съ Святославомъ относится уже къ царствованію Никифорова преемника.

Отношенія къ западной имперіи.

Кромѣ дѣлъ арабскихъ и болгарскихъ, былъ еще вопросъ, касавшійся внѣшнихъ отношеній Византіи, который сильно занималъ Никифора въ послѣдніе годы его жизни, именно вопросъ объ отношеніи къ возстановленной Оттономъ I римско-германской имперіи. Походы 951 и 962 г. и побѣды надъ Беренгаромъ II Иврейскимъ отдали большую часть Италіи въ руки Оттона, и 2-го февраля 962 года папа Іоаннъ XII короновалъ его въ Римѣ короной Священной Западной римской имперіи. Тогда Оттонъ I сталъ стремиться къ обладанію всей Италіей и готовиться къ борьбѣ съ мусульманами, владѣвшими Сициліей. Желаніе пріобрѣсти византійскія ѳемы южной Италіи и въ то же время не разорвать совсѣмъ съ греками, союзъ съ которыми былъ бы полезенъ ему для подготовлявшейся борьбы съ арабами, навело Оттона на мысль о брачномъ союзѣ его сына съ византійской царевной, причемъ невѣста должна была, по мысли Оттона, передать своему мужу, въ видѣ приданаго, власть надъ Апуліей и Калабріей. Въ 967 году Оттонъ отправилъ къ Никифору посломъ венеціанца Доменика, чтобы испросить для Оттонова сына руку Ѳеофано, сестры малолѣтнихъ императоровъ Василія и Константина. Посольство это не привело къ желаемому результату, и Оттонъ попытался силой добыть себѣ греческіе города Италіи. Онъ осадилъ Бари, но ошибся въ расчетѣ легко завладѣть этимъ городомъ. Неудача подъ Бари снова направила мысли Оттона къ его любимому проекту брачнаго союза его сына съ византійской принцессой. Трудное порученіе хлопотать въ Константинополѣ объ

этомъ щекотливомъ дѣлѣ онъ возложилъ на одного изъ самыхъ близкихъ къ себѣ лицъ, на кремонскаго епископа Ліутпранда, человѣка способнаго, ученаго и краснорѣчиваго, хорошо знакомаго къ тому же съ обычаями константинопольскаго двора, такъ какъ Ліутпрандъ былъ уже въ 949 г. въ Византіи посломъ отъ Беренгара II-го къ Константину Багрянородному. Въ сочиненіяхъ Ліутпранда осталось описаніе его путешествій въ Константинополь. Эти страницы представляютъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ историческихъ памятниковъ, такъ какъ онѣ живо рисуютъ намъ отношенія людей запада къ византійцамъ и обычаи придворной константинопольской жизни X вѣка. Поэтому мы остановимся нѣсколько подробнѣе на разсказѣ Ліутпранда о его вторичномъ путешествіи въ Византію.

Путешествіе Ліутпранда.

Ліутпрандъ прибылъ въ Константинополь въ первыхъ числахъ іюня 968-го года. Никифоръ Фока былъ въ это время сильно озабоченъ, во-первыхъ, затрудненіями на сѣверныхъ границахъ имперіи, именно надвигавшейся опасностью русскаго завоеванія Болгаріи, во-вторыхъ, приготовленіями къ походу въ Сирію и, наконецъ, итальянскими дѣлами. Поведеніе Оттона въ Италіи привело Никифора въ сильное раздраженіе, которое ясно сказалось въ крайне нелюбезномъ пріемѣ, встрѣтившемъ Оттонова посла. Вспоминая о своемъ пребываніи въ Византіи въ 949 году, Ліутпрандъ мечталъ о торжественномъ и благосклонномъ пріемѣ и теперь, но тотчасъ по прибытіи въ Константинополь долженъ былъ горько разочароваться: его встрѣтили сурово, даже враждебно, съ нимъ стали обращаться какъ со шпіономъ, держали его и его свиту все время въ полуплѣну и осыпали оскорбленіями. Обиженный до глубины души и достаточно настрадавшійся, Ліутпрандъ постарался отомстить грекамъ, въ самыхъ темныхъ краскахъ описавши въ своемъ докладѣ Оттону Никифора, его дворъ и вообще византійскіе порядки, до каррикатурности преувеличивая иногда описаніе слабыхъ сторонъ грековъ. Впрочемъ, основа Ліутпрандова разсказа всегда вѣрна, и это даетъ ему интересъ и важное значеніе въ ряду свидѣтельствъ о греческой имперіи X-го вѣка. Никакой высокій чиновникъ не встрѣтилъ посла западнаго императора при въѣздѣ его въ Константинополь, какъ это было въ обычаѣ при прибытіи важныхъ посольствъ. Греки заставили Ліутпранда и его свиту довольно долго прождать передъ Золотыми воротами подъ проливнымъ дождемъ, потомъ имъ велѣли сойти съ лошадей, и они должны были пѣшкомъ пройти по ужаснымъ улицамъ, по колѣна въ грязи, до

„Мраморнаго дворца“, назначеннаго для жительства посольства. Ліутпрандъ описываетъ этотъ „дворецъ“, какъ каменное строеніе, по которому свободно гуляетъ вѣтеръ, въ которомъ можно было замерзнуть въ холодное время года, промокнуть во время дождя, словомъ, внутри котораго всегда ясно чувствовалось, какая погода была на улицѣ. Несчастный Ліутпрандъ не нашелъ тамъ удобствъ, на которыя онъ разсчитывалъ, и даже воду ему приходилось покупать у носильщиковъ. Посольство держали какъ плѣнниковъ, и стража не позволяла никому безъ особаго разрѣшенія ни входить, ни выходить изъ „дворца“. Большой гастрономъ, Ліутпрандъ нѣсколько разъ жалуется на плохой столъ, который онъ получалъ теперь въ Константинополѣ, и особенно на недостатокъ хорошаго вина, такъ какъ греческія вина отзывались гипсомъ и смолой. 6-го іюня Ліутпрандъ былъ принятъ куропалатомъ Львомъ, братомъ императора, исполнявшимъ въ это время важную должность логоѳета дрома, въ обязанности котораго между прочимъ входило представлять царю иностранныхъ пословъ. Этотъ пріемъ имѣлъ цѣлью подготовить аудіенцію у императора. Левъ отказался признать за Оттономъ титулъ императора, который, говорили греки, долженъ принадлежать лишь государю Константинополя. Оттона же Левъ называлъ лишь королемъ (ῥήξ). Куропалатъ не принялъ даже собственноручно Оттонова письма и велѣлъ взять его у Ліутпранда переводчику.

Пріемъ у императора.

7-го іюня, въ праздникъ Пятидесятницы, Ліутпрандъ былъ принятъ самимъ Никифоромъ въ знаменитой залѣ Триклина. Въ описаніи этого пріема Ліутпрандъ даетъ каррикатурное изображеніе императора: „Меня привели, пишетъ онъ, передъ Никифора, человѣка чудовищнаго вида, пигмея съ жирной головой, похожаго своими маленькими глазами на крота. Его безобразіе дополняютъ короткая, широкая и густая борода съ просѣдью, длинные густые волосы, большой животъ и сухія бедра. Онъ эѳіопъ по цвѣту кожи, и никто не захотѣлъ бы встрѣтиться съ нимъ въ глухую полночь. Его языкъ наглъ, онъ хитеръ, какъ лиса, клятвопреступенъ и лживъ, какъ Улиссъ“. Раздраженный епископъ не хвалитъ даже знаменитаго своей роскошью параднаго императорскаго костюма, который, будто бы, носилъ явные слѣды продолжительнаго употребленія. Никифоръ принялъ Ліутпранда, сидя на золотомъ тронѣ, стоявшемъ на возвышеніи, къ которому вело нѣсколько порфировыхъ ступеней. На лѣвой сторонѣ отъ него, нѣсколько позади, сидѣли молодые цари, „прежде его госу-

дари, теперь же подчиненные“, ядовито замѣчаетъ Ліутпрандъ. Императоръ принялъ Ліутпранда не любезнѣе куропалата и высказалъ ему въ рѣзкой формѣ упреки за поведеніе Оттона въ Италіи, въ которомъ онъ видѣлъ грубое нарушеніе своихъ неоспоримыхъ правъ, особенно за нападеніе на византійскіе города. „Такъ какъ твоему господину не удались его незаконныя предпріятія противъ моихъ итальянскихъ провинцій, то онъ послалъ теперь тебя къ намъ подъ ложнымъ предлогомъ дружбы, съ единственной цѣлью шпіонить за нами“, такъ заключилъ императоръ. Ліутпрандъ отвѣчалъ ему длинной рѣчью, которую Никифоръ прервалъ заявленіемъ, что ему надо идти въ соборъ Святой Софіи. Это было въ Пятидесятницу, а въ большіе праздники всегда происходили торжественные выходы императоровъ въ одинъ изъ храмовъ столицы, чаще всего въ Святую Софію. Ліутпранда помѣстили на возвышенномъ мѣстѣ, въ трибунѣ пѣвчихъ цирковыхъ партій, которые пѣли славословія въ честь императора. По словамъ Ліутпранда, ни весь кортежъ, ни представители цирковыхъ партій, стоящіе вдоль всей площади Августеона отъ дворца до Великой Церкви (т.-е. Св. Софіи), ни высшіе чины имперіи въ скарамангіяхъ (парадное византійское одѣяніе) яркихъ цвѣтовъ,—все это, будто бы, не только не представляло ничего замѣчательнаго, но даже выказывало бѣдность имперіи. Въ этомъ, конечно, нельзя дать вѣры его показанію, такъ какъ мы знаемъ о богатствѣ и роскоши, царившихъ при константинопольскомъ дворѣ, которыми въ 949 году восхищался и самъ Ліутпрандъ. Въ то время какъ императоръ двигался къ церкви, пѣвцы возглашали: „Вотъ идетъ утренняя звѣзда, вотъ поднимается заря! Онъ отражаетъ въ своемъ взглядѣ солнечные лучи. Вотъ шествуетъ блѣдная смерть сарацинъ, царь Никифоръ! Многая лѣта августу Никифору! Народы, покланяйтесь ему, почитайте его, склоняйте выи ваши подъ его власть!“ Описывая этотъ выходъ, Ліутпрандъ снова осыпаетъ Никифора всевозможными насмѣшками и оскорбленіями. Когда длинныя религіозныя церемоніи въ Святой Софіи окончились, Оттонова посла пригласили къ обычному въ такихъ случаяхъ при константинопольскомъ дворѣ праздничному столу.

Пиръ продолжался обыкновенно очень долго, отличался ослѣпительной роскошью и проходилъ при строжайшемъ соблюденіи крайне сложнаго, до мелочей выработаннаго этикета, составлявшаго одну изъ особенностей византійскаго двора. Высшіе сановники имперіи, составлявшіе „синклитъ“, иностранные послы и Пиръ.

далѣе епископы, священники, монахи, наполняли „Decanneacubita“. Это былъ роскошный залъ съ позолоченнымъ плафономъ, со стѣнами, украшенными мозаикой, изображающей деревья, цвѣты и плоды, съ поломъ, выложеннымъ изъ драгоцѣнныхъ сортовъ мрамора. Такъ какъ парадные обѣды продолжались долго, то зажигались большіе серебряные канделябры. На противоположной отъ главнаго входа сторонѣ зала, на возвышеніи, на которое вели порфировыя ступени, помѣщался полукруглый столъ (апокоптикъ) съ диваномъ на двѣнадцать мѣстъ, который предназначался для императора и нѣсколькихъ лицъ самаго высшаго ранга. Передъ нимъ стояли параллельно девятнадцать большихъ столовъ, уставленныхъ золотой утварью, съ диванами на двѣнадцать мѣстъ передъ каждымъ. Мѣста были расположены такъ, чтобы никто изъ приглашенныхъ не сидѣлъ спиной къ императору. По обѣ стороны императорскаго стола помѣщались пѣвцы изъ собора Святыхъ Апостоловъ и изъ Святой Софіи. Когда императоръ входилъ въ залъ, поднималась пурпурная занавѣсь, отдѣлявшая помѣщеніе, гдѣ его ожидали приглашенные, отъ мѣста пира, и всѣ гости падали ницъ, закрывая глаза рукой, какъ бы ослѣпленные блескомъ солнца. Когда императоръ занималъ свое мѣсто, особый чиновникъ (артоклинъ) вызывалъ каждаго приглашеннаго и указывалъ ему мѣсто, которое онъ долженъ былъ занять сообразно своему рангу. Наконецъ, все было готово, императоръ давалъ знакъ пѣвцамъ, и тѣ пѣли гимнъ въ честь его. При возглашеніи строфы, призывающей благословеніе неба на голову императора, всѣ должны были подниматься и сбрасывать верхнюю накидку, когда же пѣніе кончалось, они садились и снова надѣвали сброшенное платье. Блюда греческаго стола, сильно приправленныя оливковымъ масломъ, чеснокомъ и лукомъ, не нравились Ліутпранду. Въ концѣ обѣда подавался десертъ, состоявшій изъ разныхъ сладкихъ блюдъ и плодовъ, которые приносились въ золотыхъ чашахъ, вслѣдствіе ихъ громадности и необыкновенной тяжести подававшихся на столъ съ помощью особыхъ приспособленій. Тогда начинались развлеченія: танцы, представленія эквилибристовъ и т. п. Наконецъ, одинъ изъ чиновниковъ давалъ знакъ къ удаленію, гости проходили передъ императоромъ и выходили въ противоположныя двери. Ліутпранду отвели за предназначеннымъ для иностранныхъ пословъ столомъ пятнадцатое мѣсто, что было страшнымъ оскорбленіемъ для посла западнаго императора, и Ліутпрандъ живо почувствовалъ это.

Изъ Ліутпрандовой свиты къ императорскому столу не пригласили никого. За столомъ Никифоръ разспрашивалъ Ліутпранда относительно силъ, которыми Оттонъ располагалъ въ Италіи, относительно подчиненныхъ ему земель и числа его войскъ, надъ которыми онъ грубо насмѣхался. „Вы не римляне, а лангобарды", такими словами закончилъ императоръ свои насмѣшки. На это Ліутпрандъ, будто бы, отвѣтилъ Никифору, что римляне происходятъ отъ шайки бѣглыхъ рабовъ и грабителей, и что отъ такой-то „знати" произошли тѣ, кого греки называютъ космократорами, т.-е. императоры. Не будемъ пересказывать многочисленныхъ разговоровъ между восточнымъ императоромъ и посломъ западнаго, котораго въ Византіи трактовали тогда просто какъ посла одного изъ многочисленныхъ варварскихъ королей: всѣ они велись въ томъ же тонѣ несдерживаемаго взаимнаго раздраженія и насмѣшекъ, обыкновенно очень грубыхъ. Ліутпрандъ, если вѣрить его разсказу, отвѣчалъ императору смѣло, иногда даже дерзко.

Переговоры грековъ съ Ліутпрандомъ

Несчастное посольство продолжало мучиться въ своемъ „Мраморномъ дворцѣ", а переговоры плохо подвигались впередъ. Когда Ліутпрандъ коснулся главнаго пункта, составлявшаго цѣль его посольства, и передалъ предложеніе Оттона, чтобы императоръ выдалъ одну изъ дочерей Романа II и Ѳеофано за молодого Оттона и далъ бы въ приданое за ней апулійскую и калабрійскую ѳемы, то услышалъ гордый отвѣтъ, что „бракъ порфирородной царевны съ варваромъ есть неслыханное дѣло, и что если Оттонъ проситъ о немъ, то никакъ не царевнѣ слѣдуетъ приносить съ собой приданое, а самъ Оттонъ долженъ дать грекамъ достойное вознагражденіе за столь высокій союзъ. Пусть король Оттонъ возвратитъ намъ Римъ съ Равенной и со всей территоріей, которой мы владѣли нѣкогда на югѣ отъ этихъ городовъ, и мы пошлемъ ему нашу царевну. Если же, оставивши мысль о брачномъ союзѣ, онъ будетъ искать только нашей дружбы, то пусть по крайней мѣрѣ очиститъ городъ Римъ и его территорію, возвратитъ римлянамъ ихъ свободу и вернетъ въ прежнее подчиненіе намъ возмутившихся князей Капуи и Беневента, бывшихъ рабовъ нашей священной имперіи". Такъ говорилъ паракимоменъ Василій, занимавшій важныя должности протоасикрита и протовестіарія, который на этотъ разъ велъ переговоры съ Ліутпрандомъ. Изъ этихъ словъ и изъ всего поведенія императора и его приближенныхъ по отношенію къ себѣ, изъ самаго пріема и тѣхъ невозможныхъ условій, въ которыя поставлены были въ Константинополѣ онъ и его свита,

Ліутпрандъ долженъ былъ понять, что онъ ошибся въ своихъ расчетахъ, и что надежды на соглашеніе было очень мало. Къ тому же, дѣйствительно, крайне тяжелая обстановка жизни такъ измучила несчастнаго прелата, что онъ даже заболѣлъ и сталъ желать лишь одного,—какъ можно скорѣе выѣхать изъ Константинополя, нѣкогда столь гостепріимнаго, теперь же такъ опротивѣвшаго ему. 29-го іюня Ліутпрандъ снова присутствовалъ при высочайшемъ выходѣ и церковной церемоніи и былъ опять за императорскимъ столомъ. За столомъ его помѣстили ниже только что прибывшихъ пословъ болгарскаго царя Петра. Считая, что это оскорбленіе, нанесенное въ его лицѣ его государю, превосходитъ мѣру терпимаго, Ліутпрандъ всталъ изъ-за стола, что произвело, конечно, настоящій скандалъ. На его жалобу греки возразили Ліутпранду, что болгаринъ, правда, грязенъ, грубъ и препоясанъ мѣдной цѣпью, но что онъ тѣмъ не менѣе имѣетъ высокое званіе патриція, и что поэтому нельзя помѣстить его ниже епископа, тѣмъ болѣе франкскаго (какъ въ Византіи называли иногда безразлично латинянъ и германцевъ). Кончилось тѣмъ, что куропалатъ отослалъ Ліутпранда обѣдать вмѣстѣ съ дворцовой челядью въ гостиницѣ. Не рѣшаясь, несмотря на все свое раздраженіе противъ Оттона, прервать переговоры и отослать Ліутпранда, можетъ быть, надѣясь еще добиться отъ него какой-нибудь уступки, Никифоръ еще нѣсколько разъ приглашалъ его къ себѣ. Однажды за столомъ, въ присутствіи патріарха и многихъ епископовъ, Никифоръ коснулся церковныхъ разногласій. Ліутпрандъ, по его словамъ, „изящно“ отвѣчалъ императору на его вопросы „по внушенію Св. Духа“, выставляя превосходство западной церкви предъ восточной. Между тѣмъ императоръ послалъ въ Италію на помощь своимъ стратегамъ флотъ, отправленіе котораго Ліутпрандъ видѣлъ съ крыши своего „дворца“, или, лучше сказать, тюрьмы. 20-го іюля, наканунѣ отправленія въ сирійскій походъ, Никифоръ далъ еще разъ аудіенцію Ліутпранду и, наконецъ, разрѣшилъ ему уѣхать 26-го іюля; находясь уже на азіатскомъ берегу, въ Бріи, среди войска, императоръ снова вытребовалъ къ себѣ Оттонова посла. Насколько пристрастенъ былъ Ліутпрандъ и насколько льстилъ онъ своему государю, можно видѣть изъ того, что онъ позволяетъ себѣ смѣяться даже надъ войсками Никифора.

Онъ пишетъ, что они состоятъ не изъ людей, но скорѣе изъ существъ, подобныхъ людямъ, что Никифоръ смотритъ не на качество, а лишь на количество ихъ, и что онъ раскается въ этомъ,

когда его многочисленная, но слабая армія встрѣтится съ малочисленными, но опытными въ военномъ дѣлѣ нѣмецкими солдатами. И это онъ говорилъ про тѣ войска, которыя взяли Хандаксъ, Тарсъ, Массису и Алеппо, и которыми предводительствовалъ одинъ изъ величайшихъ полководцевъ своего времени! Въ Бріи послѣ новыхъ переговоровъ, столь же мало успѣшныхъ, какъ и прежніе, Никифоръ пригласилъ Ліутпранда присутствовать на охотѣ и обѣщалъ показать ему онагровъ (т.-е. дикихъ ословъ), содержавшихся въ огороженномъ паркѣ. На охотѣ куропалатъ замѣтилъ Ліутпранду, что церемоніалъ запрещаетъ быть въ шляпѣ тамъ, гдѣ находится императоръ. „Мы позволяемъ приходящимъ къ намъ отъ васъ держаться ихъ родныхъ обычаевъ“, возразилъ упрямый Ліутпрандъ. Онъ отказался снять шляпу, и долженъ былъ, по требованію Льва, оставить паркъ.

Обратное путешествіе Ліутпранда.

27 іюля Ліутпрандъ получилъ прощальную аудіенцію, но императорскій намѣстникъ въ Константинополѣ, евнухъ патрицій Христофоръ, продолжалъ удерживать его, подъ предлогомъ того, что морская дорога небезопасна отъ сарацинъ, а сухопутная занята венграми. Между тѣмъ 15 августа въ Константинополь прибыли послы отъ папы Іоанна. Въ своемъ письмѣ папа называлъ Никифора греческимъ императоромъ и просилъ его породниться и утвердить прочную дружбу съ „августѣйшимъ римскимъ императоромъ“ Оттономъ. Такое титулованіе привело константинопольское правительство въ сильное раздраженіе и еще болѣе ухудшило положеніе Оттонова посла. Ліутпранду ставили на видъ, что папа сдѣлалъ это, несомнѣнно, съ одобренія его государя. Пословъ же папы греки заключили въ тюрьму. Наконецъ, Ліутпранда отпустили, передавши ему двѣ грамоты: написанный золотомъ и снабженный золотой печатью хризовуллъ, собственноручно подписанный киноварными чернилами Никифоромъ и предназначенный для Оттона, и аргировуллъ для папы, подписанный куропалатомъ Львомъ. „Мы считаемъ вашего папу недостойнымъ письма отъ императора, поэтому ему посылаетъ письмо куропалатъ“, заявили при этомъ греки Ліутпранду. 2 октября несчастный кремонскій епископъ, наконецъ, покинулъ Византію, которую онъ не преминулъ надѣлить въ разсказѣ объ этомъ самыми нелестными эпитетами клятвопреступной, лживой, грабительской и т. п. Разсказывая о своемъ возвращеніи, Ліутпрандъ передаетъ нѣсколько эпизодовъ, довольно цѣнныхъ для ознакомленія съ провинціальной византійской администраціей. Мы приведемъ нѣкоторые изъ нихъ. 49 дней продолжалось его путе-

шествіе до Навпакта (при Коринѳскомъ заливѣ), которые онъ совершилъ частью верхомъ на ослѣ или на лошади, частью пѣшкомъ. Здѣсь Ліутпрандъ разстался въ провожавшимъ его дворцовымъ чиновникомъ (diasostes) и, сопровождаемый императорскими „mandatores", направился на двухъ маленькихъ корабляхъ къ Отранто. Mandatores не позаботились запастись пропускомъ, и благодаря этому мѣстныя власти чинили Ліутпранду и его спутникамъ много затрудненій. Почти тотчасъ же послѣ ихъ отплытія началась буря, и несчастные пловцы носились по морю, боясь пристать къ берегу, такъ какъ населеніе могло ограбить и, пожалуй, даже убить ихъ. Наконецъ, буря утихла, и Ліутпрандъ присталъ къ острову Левкадіи. Здѣсь его очень нелюбезно встрѣтилъ епископъ, отъ котораго Ліутпрандъ узналъ, между прочимъ, какіе страшные поборы установилъ Никифоръ съ духовенства, чтобы содержать свои арміи: епископъ Левкадіи долженъ былъ ежегодно платить съ принадлежавшаго его церкви имущества сто золотыхъ. Потомъ онъ, конечно, наверстывалъ ихъ страшной симоніей и взяточничествомъ, составлявшими отличительную черту византійскаго правленія. 18 декабря путники пристали къ Корфу. Здѣсь, прежде всего, ихъ посѣтилъ Михаилъ, стратегъ ѳемы Семи острововъ. Ліутпрандъ долженъ былъ сдѣлать ему дорогой подарокъ, но тѣмъ не менѣе стратегъ заставилъ его потерять въ безплодномъ ожиданіи двадцать дней, при чемъ все время послы, вопреки дипломатическимъ обычаямъ, должны были кормиться на свой счетъ. Согласно полученнымъ изъ Константинополя инструкціямъ, стратегъ долженъ былъ тотчасъ по прибытіи, безъ замедленія, передать посольство въ руки китонита Льва, которому было поручено на кораблѣ изъ императорскаго флота переправить его въ Анкону. Но Михаилъ задерживалъ Ліутпранда, надѣясь получить отъ него новые подарки. Даже низшіе агенты, напримѣръ, курьеръ, которому поручено было отвести посольство на корабль, старались эксплотировать пословъ и также всячески вымогали, что можно. Курьеръ пытался даже обворовать епископа. Ліутпрандъ, рисующій все, можетъ быть, уже въ преувеличенно-черныхъ краскахъ и видѣвшій, пожалуй, всякіе ужасы тамъ, гдѣ ихъ могло и не быть, передаетъ даже, будто курьеръ уговаривалъ капитана корабля бросить пословъ на произволъ судьбы на какомъ-нибудь пустынномъ островѣ. На этомъ останавливается въ дошедшей до насъ рукописи любопытное донесеніе Ліутпранда. Итакъ, миссія, порученная кремонскому епископу, не удалась, посольство Оттона вернулось безъ желаннаго результата, и мы ви-

димъ, что поздней осенью 968 и въ слѣдующемъ 969 году враждебныя дѣйствія въ Италіи продолжались съ перемѣннымъ счастіемъ [1]).

Убійство Никифора.

Блестящій исходъ сирійскаго похода 968 года, завершившагося для имперіи такимъ торжествомъ какъ взятіе Антіохіи, казалось, надолго обѣщалъ Византіи спокойствіе на Востокѣ и давалъ, наконецъ, Никифору возможность дѣйствовать болѣе рѣшительно на Западѣ. Расхваленнымъ Ліутпрандомъ нѣмецкимъ войскамъ, можетъ быть, пришлось бы встрѣтиться лицомъ къ лицу съ покорителемъ Крита, если бы неожиданная смерть послѣдняго не измѣнила хода дѣлъ. Въ началѣ 969 года Никифоръ вернулся въ столицу. Въ Болгаріи въ это время дѣла шли все хуже и хуже для имперіи. Святославъ торжествовалъ надъ болгарами, и стало ясно, что Византіи необходимо было вступить въ борьбу съ русскимъ княземъ, чтобы не дать ему прочно утвердиться въ Болгаріи, такъ какъ тогда затрудненія на сѣверной границѣ приняли бы слишкомъ опасный для имперіи оборотъ. Поэтому Никифоръ рѣшился поддержать болгаръ въ ихъ борьбѣ съ Русью. Въ залогъ вновь заключеннаго союза двѣ болгарскихъ царевны прибыли въ Константинополь и были обручены съ малолѣтними Василіемъ и Константиномъ. Но Никифору не суждено было встрѣтиться со Святославомъ. Въ ночь съ 10 на 11 декабря 969 года во внутреннихъ покояхъ константинопольскаго дворца разыгралась драма, столь обыкновенная въ Византіи: императоръ былъ убитъ заговорщиками. Во главѣ заговора стояла сама императрица, которой къ тому времени уже наскучилъ пятидесятисемилѣтній суровый, нелюбезный и скупой Никифоръ. Переворотъ былъ совершенъ въ пользу Іоанна Цимисхія, близкаго родственника и боевого товарища Никифора. Войны, которыя Фока велъ почти безпрерывно, вынуждали его къ значительному увеличенію податей и къ другимъ финансовымъ мѣрамъ, напр., къ выпуску плохой серебряной монеты, къ обложенію принадлежавшей духовенству земельной собственности и къ запрещенію дальнѣйшаго увеличенія ея. Большинство этихъ мѣръ тяжелымъ бременемъ ложилось на народъ и поселило въ сердцахъ его сильное недовольство противъ Никифора,

---

[1]) Бракъ Оттона II съ византійской принцессой Ѳеофано, какъ извѣстно, все-таки состоялся, но уже въ царствованіе Никифорова преемника, 14 апрѣля 972 года. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ эта Ѳеофано была не сестрой Василія II, а другой племянницей Іоанна Цимисхія.

бывшаго ранѣе столь популярнымъ. Особенно раздражено было духовенство. Поэтому населеніе столицы довольно спокойно встрѣтило вѣсть о смерти Никифора и провозглашеніе Іоанна императоромъ и опекуномъ малолѣтнихъ царевичей. Къ счастію для Византіи, убійца Никифора оказался достойнымъ продолжателемъ побѣдъ своего славнаго предшественника, такъ что Никифоровы пріобрѣтенія не были потеряны для имперіи.

Дм. Каринскій.

XXVIII.

Папа Николай I.

Духовная и свѣтская власть въ половинѣ IX вѣка.

Послѣ Карла Великаго государи возстановленной имъ имперіи недолго сохраняютъ за собою принадлежавшее ему вліяніе на церковныя дѣла: для этого власть ихъ была слишкомъ ослаблена междоусобіями и раздѣлами. Это ослабленіе свѣтской власти въ то время, какъ духовная сохраняетъ завоеванное ею благодаря первымъ Каролингамъ положеніе, измѣняетъ отношеніе между ними: изъ подчиненной духовная власть понемногу становится господствующею. Объединеніе народовъ Запада, увѣнчанное возстановленіемъ имперіи, оживило римскія преданія и значеніе Рима въ глазахъ народовъ романо-германскихъ; теперь императоръ, власть котораго ограничивается одною Италіей, перестаетъ представлять надлежащимъ образомъ это единство и роль представителя его переходитъ къ преемникамъ св. Петра. Наконецъ, измѣняется отношеніе послѣднихъ къ представителямъ мѣстныхъ церквей: прежнее номинальное верховенство превращается въ монархическое подчиненіе. Такому переходу содѣйствовали и политическія условія эпохи IX вѣка. То было время частыхъ династическихъ смутъ, въ которыхъ не могли не принимать большого участія и представители церкви, въ случаѣ неудачи поддерживаемой ими партіи подвергавшіеся со стороны противниковъ преслѣдованіямъ. Отъ частыхъ смутъ терпѣли не только представители церкви, но и ея достояніе. При ослабленіи свѣтской власти и вовлеченіи ея во вражду партій, на мѣстѣ добиться управы было далеко не легко. Сами ми-

---

Пособія. *Ranke*, Weltgeschichte, VI Theil; *Rocquain*, La papauté au moyen âge.

трополиты, естественные защитники своихъ епископовъ, еще сильнѣе втягивались въ политическую борьбу и утрачивали возможность быть безпристрастными судьями въ дѣлахъ, нерѣдко задѣвавшихъ и ихъ интересы, и ихъ самолюбіе. Обиженнымъ оставалось искать суда и управы въ другомъ мѣстѣ, и самымъ подходящимъ для этого казался римскій престолъ, представители котораго стояли далеко отъ мѣстныхъ столкновеній и очень расширили свое вліяніе на мѣстныя церкви въ VIII вѣкѣ. При этомъ, конечно, тѣ лица, интересы которыхъ задѣвались приговорами папъ, склонны были поднимать вопросъ, на какихъ собственно постановленіяхъ церковнаго права основаны апелляціи отъ приговоровъ мѣстныхъ судовъ къ суду папы. Отвѣтъ должны были дать знаменитыя Лжеисидоровы декреталіи. То былъ сборникъ церковныхъ законовъ, въ который, на ряду съ подлинными, давно имѣвшими законную силу, актами, внесено было около сотни подложныхъ документовъ, отнесенныхъ къ первымъ вѣкамъ христіанства. Къ подлиннымъ актамъ тутъ были присоединены подложныя посланія и постановленія папъ ранняго времени, а для прикрытія подлога въ сборникъ были вставлены неимѣющія отношенія къ главной цѣли выписки изъ Библіи, постановленій соборныхъ, изъ церковныхъ писателей. Сборникъ этотъ былъ ложно приписанъ знаменитому ученому начала VII вѣка Исидору севильскому, а на дѣлѣ составленъ лицомъ, по всей вѣроятности принадлежавшимъ къ духовенству реймсской митрополіи. Главною цѣлью его была защита епископовъ противъ свѣтской власти; достигнуть этого имѣлось въ виду посредствомъ ограниченія жалобъ на епископовъ, затрудненія процедуры, запрещенія поношеній во время процесса. Въ сборникѣ преобладаетъ взглядъ, что мотивами къ обвиненіямъ служатъ большею частью нерасположеніе и злоумышленіе. Согласно велѣнію апостоловъ, епископы во всѣхъ бѣдахъ должны искать себѣ прибѣжища у намѣстника св. Петра, какъ главы церкви, который возстановитъ несправедливо осужденныхъ товарищами изъ страха передъ свѣтскою властью. Все отнятое у нихъ должно быть имъ возвращено; въ противномъ случаѣ осудившіе ихъ епископы и ихъ государи подвергаются отлученію отъ церкви. Епископы могутъ быть судимы только соборомъ, созваннымъ съ разрѣшенія папы, которому принадлежитъ право окончательнаго приговора. Такимъ образомъ, декреталіи предоставляли папѣ полную власть надъ митрополитами, дѣлали его защитникомъ духовенства и особенно епископовъ отъ свѣтскаго суда и правительства, отъ власти митрополитовъ и областныхъ соборовъ. Потому епископы съ самаго на-

Исидоровы декреталіи.

чала содѣйствовали распространенію сборника; какъ это нерѣдко бываетъ, они слишкомъ увлеклись интересами минуты и въ этомъ увлеченіи не замѣтили того, что декреталіи со временемъ могутъ сдѣлаться въ рукахъ папъ отличнымъ орудіемъ для обузданія не только свѣтской власти, но и самихъ епископовъ. Пока, впрочемъ, до этого было еще далеко.

Сборникъ декреталій составленъ былъ въ реймсской митрополіи въ половинѣ IX вѣка и возникъ слѣдовательно безъ содѣйствія и, вѣроятно, даже безъ вѣдома папъ. Конечно, декреталіи оказали имъ большую услугу, но въ то же время несомнѣнно, что при господствовавшемъ тогда направленіи умовъ едва ли нужны были искусственныя средства, чтобы доставить владычество идеѣ церковной манархіи, охватывающей весь западный міръ и находящейся подъ управленіемъ преемника апостола Петра. Духовное могущество папы имѣло своею основой потребность людей найти прочную опору для своихъ надеждъ въ тяжкія времена, среди подавляющихъ переворотовъ. Эту опору могла давать тогда только церковь, и, укрѣпляя власть главы ея, люди думали подкрѣпить свои нравственныя силы.

Папа Николай I.

Въ Римѣ декреталіи упоминаются впервые въ 860 г., и первый сталъ ссылаться на нихъ, повидимому, папа Николай I. Вотъ какъ отзывается о немъ современный лѣтописецъ: „Съ нимъ нельзя сравнивать ни одного папу послѣ Григорія Великаго: онъ господствовалъ надъ королями и тиранами и подчинялъ ихъ своей власти, какъ будто былъ властителемъ міра. Онъ былъ смирнымъ, кроткимъ, любящимъ и доброжелательнымъ къ епископамъ и священникамъ, соблюдавшимъ заповѣди Господа, и, напротивъ, грознымъ и страшно строгимъ къ уклонявшимся съ прямого пути: его можно было бы принять за новаго Илію, воскресшаго въ наши дни по слову Бога, если не тѣломъ, то духомъ и доблестью“. Императоръ Людовикъ II самъ содѣйствовалъ избранію Николая и первое время поддерживалъ съ нимъ дружескія отношенія. Однимъ изъ поводовъ къ ухудшенію ихъ послужило столкновеніе папы съ архіепископомъ Равенны, послѣдней независимой епархіи въ Италіи, котораго Николай отлучилъ за отказъ отъ участія въ римскихъ соборахъ, неповиновеніе ихъ рѣшеніямъ и запрещеніе духовнымъ епархіи апеллировать къ папѣ. Архіепископъ пожаловался на отлученіе императору, который отправилъ его съ своими послами въ Римъ для примиренія съ папой, но послѣдній отклонилъ ходатайство Людовика и воспользовался неудовольствіемъ населенія епар-

Столкновеніе съ Равенной.

хіи для личнаго вмѣшательства въ ея дѣла. Тогда архіепископъ долженъ былъ покориться и признать главенство папы.

Столкновеніе съ Реймсомъ.

Тотъ же принципъ апелляціи къ римскому престолу привелъ Николая къ столкновенію съ примасомъ Галліи, архіепископомъ реймскимъ Гинкмаромъ, низложившимъ на помѣстномъ соборѣ епископа Ротада и не допускавшимъ его до апелляціи. Николай предписалъ Гинкмару возстановить Ротада въ санѣ или явиться вмѣстѣ съ нимъ къ отвѣту въ Римъ; при этомъ онъ объвилъ, что не питаетъ никакого особаго расположенія къ Ротаду, но будетъ до смерти защищать права папства: права эти — спасительное оружіе для всей церкви; кто изъ епископовъ знаетъ, что участь Ротада не постигнетъ вскорѣ и его, а въ такомъ случаѣ у кого онъ будетъ искать защиты? Увидя, что Гинкмаръ не выполняетъ его требованій и не пускаетъ Ротада въ Римъ, папа обращается къ Карлу Лысому и всѣми силами заклинаетъ его помочь гонимому: если государи допустятъ умаленіе правъ папы, то какую послѣдній окажетъ имъ въ случаѣ нужды помощь? Королева писала Николаю два раза, прося его оставить дѣло, но онъ отказался сдѣлать это, несмотря на всѣ хлопоты, причиненныя ему. „Если бы въ вашемъ королевствѣ къ вамъ обратился несчастный человѣкъ, называя себя жертвою несправедливости, вы не отвергли бы его призыва. Какъ вы можете убѣждать насъ оставаться глухими къ голосу нашего брата?“ Наконецъ, послѣ ряда оттяжекъ и уловокъ со стороны Гинкмара, Ротаду удалось добраться до Рима; никто изъ обвинителей не явился, и папа призналъ его оправданнымъ и возстановилъ въ санѣ, который Ротадъ и сохранилъ за собою до кончины. Изъ всего этого видно, что право апелляціи было тогда оспариваемо и что папѣ понадобилось много энергіи, чтобы восторжествовать надъ упорнымъ сопротивленіемъ Гинкмара.

Споръ съ Кельномъ и Триромъ.

Кромѣ Равенны и Реймса, счастливый случай помогъ Николаю одержать верхъ надъ Кельномъ и Триромъ по дѣлу о разводѣ короля Лотарингіи Лотаря II съ его женой Теутбергою. Изъ трехъ сыновей Лотаря I, владѣвшихъ Лотарингіей, Провансомъ и Италіей, только у Лотаря II были дѣти, но не отъ бездѣтной жены, а отъ нѣкоей Вальдрады, обрученной съ нимъ еще въ дѣтствѣ при жизни отца. Чтобы бывшія земли Лотаря I оставались въ потомствѣ его, нужно было узаконить бракъ съ Вальдрадой и происходившихъ отъ него дѣтей, а для этого признать недѣйствительнымъ церковный бракъ съ Теутбергою. Были пущены въ ходъ ложныя обвиненія и признанія на исповѣди самой Теутберги въ

ея грѣхахъ, и на этомъ основаніи соборъ епископовъ Лотарингіи, быть можетъ—руководясь еще соображеніями политическими, произнесъ нужный для Лотаря приговоръ, и затѣмъ онъ обвѣнчался съ Вальдрадой, которая была признана королевой. Тогда папа выразилъ сильное неудовольствіе на то, что областной соборъ взялъ на себя рѣшеніе столь важнаго дѣла и что король повиновался этому приговору, не дождавшись согласія папы. Къ нему и обратилась Теутберга, поддерживаемая Карломъ Лысымъ. Король согласился на пересмотръ дѣла новымъ соборомъ, на которомъ должны были присутствовать епископы Франціи и Германіи и папскіе легаты. На дѣлѣ на соборъ явились почти одни только епископы Лотарингіи и легаты папы. Неизвѣстно, убѣдились ли послѣдніе предъявленными доводами или были подкуплены Лотаремъ, только соборъ призналъ бракъ съ Вальдрадой законнымъ и послалъ въ Римъ со своими постановленіями двухъ главныхъ членовъ, архіепископовъ Кельна и Трира. Папа созвалъ тогда свой соборъ въ Римѣ, который подъ предсѣдательствомъ его постановилъ, что рѣшеніе епископовъ Лотарингіи, какъ нарушающее права римскаго престола, не имѣетъ силы, а оба архіепископа, какъ ихъ руководители, должны быть лишены священства. Присматриваясь ближе къ различію между рѣшеніями обоихъ соборовъ, находишь въ немъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи западной церкви. Если бы рѣшенія помѣстнаго собора остались въ силѣ, то за областнымъ духовенствомъ сохранилась бы значительная самостоятельность: вѣдь въ самой Италіи слышались еще утвержденія, что воля римскаго престола не есть еще церковный законъ. Но именно поэтому Николай былъ непоколебимъ и чуждъ всякой уступчивости: онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ можно назвать воплощенною системою. Идея единой церкви и всемірной власти папства была мыслью его жизни. Рѣшенія римскаго собора, провозглашавшія и въ то же время прилагавшія къ дѣлу всевластіе папскаго престола, были его собственными рѣшеніями, его личными мыслями. Сильно ошибался тотъ, кто думалъ, что на него повліяетъ присутствіе императора, брата Лотаря, и его войска. Дѣйствительно, императоръ сильно былъ оскорбленъ постановленіями римскаго собора, нанесшими чувствительнѣйшій ударъ его дому, но былъ возбужденъ и неслыханнымъ образомъ дѣйствій папы, созывомъ собора безъ его согласія и низложеніемъ архіепископовъ за исполненіе возложеннаго на нихъ порученія. Въ гнѣвѣ императоръ приблизился къ Риму съ войскомъ и низложенными еписко-

пами, чтобы добиться возстановленія ихъ въ санѣ или наложить руки на папу. Послѣдній заперся въ Латеранѣ и велѣлъ для умилостивленія Бога устраивать крестные ходы. Нападеніе войска на одинъ изъ нихъ и произведенныя при этомъ насилія еще болѣе обострили положеніе: казалось, близокъ былъ открытый разрывъ императора съ папой. Вооруженная толпа ворвалась въ храмъ св. Петра и силою возложила на гробъ апостола непринятый папою протестъ архіепископовъ противъ низложенія. Въ это время произошло свиданіе папы съ заболѣвшимъ Людовикомъ, и оба архіепископа получили приказаніе покинуть Италію, но согласіе папы и императора не было возстановлено, и послѣдній отправился праздновать Пасху въ Равенну. Пользуясь этимъ, оба архіепископа, по возвращеніи въ Германію, разослали ко всѣмъ товарищамъ упомянутый протестъ, представлявшій собою жестокія нападки на безграничныя притязанія папы, но не нашли у другихъ епископовъ того сочувствія, котораго ожидали. Перевѣсъ явно склонился на сторону папы.

Столкновеніе съ Фотіемъ.

И на восточную церковь Николай I распространилъ идею римскаго верховенства, съ извѣстною необходимостью развившуюся изъ исторіи Запада. Для папы было пріятною неожиданностью, что императоръ Михаилъ III обратился къ нему за совѣтомъ по поводу споровъ, возникшихъ тогда въ церкви константинопольской. Какъ извѣстно, нелюбимый при дворѣ за свою строгость патріархъ Игнатій былъ низложенъ, и его мѣсто занялъ знаменитый Фотій, до того бывшій міряниномъ; но у Игнатія было въ церкви много сторонниковъ, и между обѣими партіями начался споръ, не прекращенный соборомъ въ Константинополѣ, высказавшимся за Фотія. Михаилъ III счелъ нужнымъ узнать мнѣніе папы; Николай отнесся къ этому запросу съ римской точки зрѣнія, считающей папу представителемъ единства церкви. Здѣсь, въ лицѣ Фотія и Николая, сошлись два человѣка, изъ которыхъ одного можно считать представителемъ греческой церкви, а другой не допускалъ ничего противнаго церкви римской. Папа объявилъ, что смѣна патріарха безъ согласія Рима нарушаетъ соборныя постановленія, которымъ противорѣчитъ и возведеніе въ патріархи мірянина, и потребовалъ вообще соблюденія въ Константинополѣ преданія римской церкви. Съ такими же требованіями обратился онъ и къ другимъ патріархамъ Востока. Для ближайшаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ папа послалъ въ Константинополь легатовъ, которые приняли сторону Фотія и участвовали въ соборѣ, утвердив-

шемъ низложеніе Игнатія и возведеніе въ патріархи Фотія. Противники послѣдняго обратились къ папѣ, и онъ созвалъ съ своей стороны въ Римѣ соборъ, который объявилъ Фотія лишеннымъ духовнаго сана за то, что онъ вопреки преданію апостольскому и каноническому достигъ патріаршества. Главный вопросъ заключался въ томъ, насколько заслуживаютъ вниманія римскаго собора рѣшенія собора константинопольскаго; рѣшенія эти были не только уничтожены, но и объявлены великимъ преступленіемъ. Наконецъ, было заявлено безусловное верховенство римской церкви, а Михаилъ III приглашенъ выступить противъ разрушителей церкви.

Споръ церквей все разгорался. Въ 866 г. папа Николай сдѣлалъ попытку отнять у Константинополя церковную власть надъ болгарами. Римскіе миссіонеры оспаривали ученіе греческой церкви объ исхожденіи св. Духа и сильно возставали противъ греческихъ обычаевъ, касавшихся поста, мѵропомазанія и браковъ священниковъ; они хотѣли создать римскій патріархатъ въ Болгаріи. Тогда Фотій задумалъ нанести ударъ притязаніямъ римской церкви нападеніемъ на самого папу. Какъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ учителей церкви въ эту эпоху, онъ поставилъ крупнѣйшій изъ когда-либо поднимавшихся вопросовъ—вопросъ о противуположности между Константинополемъ и Римомъ, и для рѣшенія его хотѣлъ созвать вселенскій соборъ съ участіемъ трехъ другихъ патріарховъ. Исполнить мысль эту вполнѣ ему не удалось, но на соборѣ присутствовали и представители другихъ патріарховъ; папа на немъ былъ объявленъ виновнымъ, и была провозглашена анаѳема ему и всѣмъ, поддерживающимъ съ нимъ общеніе. Происходило это лѣтомъ 867 года, а осенью того же года покровитель Фотія, Михаилъ III, былъ умерщвленъ, и на престолъ вступилъ его любимецъ Василій Македонянинъ. Новый императоръ измѣнилъ церковную политику своего предшественника: Фотій былъ удаленъ, и патріархомъ снова сдѣлался защищаемый папою Игнатій. Николай торжествовалъ на Востокѣ, какъ и на западѣ. Въ этотъ моментъ боецъ Божій, какъ называетъ его біографъ, скончался.

Заключеніе.

Удачный исходъ всѣхъ этихъ столкновеній, помимо прочаго, зависѣлъ еще и отъ того, что въ каждомъ изъ нихъ на сторонѣ папы были преимущества, которыми онъ и сумѣлъ мастерски воспользоваться: въ спорѣ съ Раввенной Николай опирался на недовольство мѣстнаго населенія дѣйствіями архіепископа; въ дѣлѣ Ротада онъ вступилъ защитникомъ преслѣдуемаго митрополитомъ епископа, въ дѣлѣ Теутберги — охранителемъ святости брачнаго

союза отъ прихоти короля и угодливости епископовъ; наконецъ, въ вопросѣ о низложеніи Игнатія, кромѣ правъ Рима, папа защищалъ еще независимость духовной власти отъ капризовъ двора. Благодаря всему этому, Николаю удалось возвести папство на небывалую дотолѣ высоту, но удержалось оно на ней не долго. Ослабленіе свѣтской власти шло, все усиливаясь, и скоро она утратила возможность не только господствовать надъ церковью, но даже просто быть ей полезною, и тогда папы попали въ унизительную зависимость отъ римскихъ феодаловъ; съ другой стороны, ослабѣло на время и сознаніе церковнаго единства Запада. Эта зависимость отъ феодаловъ и упадокъ вселенскаго авторитета папъ продолжались до времени Оттоновъ, когда снова возобновилось поступательное движеніе папства.

Н. Шамонинъ.

XXIX.

Оттонъ Великій.

Осенью 935 года съ королемъ Генрихомъ случился легкій апоплексическій ударъ; король вскорѣ оправился отъ болѣзни, но она напомнила ему о близости смерти. Поэтому Генрихъ немедленно по выздоровленіи занялся рѣшеніемъ вопроса о престолонаслѣдіи, не желая, чтобы послѣ его кончины государство оказалось въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ оно было по смерти Людовика Дитяти и Конрада.

Во время своего семнадцатилѣтняго царствованія Генрихъ положилъ прочное начало объединенію германскихъ племенъ и успѣшно защищалъ страну отъ внѣшнихъ враговъ; эти подвиги давали ему право полагать, что послѣ его кончины князья опять изберутъ королемъ одного изъ представителей саксонскаго дома. Генрихъ боялся только, чтобы не возникло несогласій вслѣдствіе честолюбія его сыновей, которые могли оспаривать другъ у друга право

Источниками при составленіи настоящей статьи служили: *Liudprandi*, Antapodosis (Pertz, Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum, T. III, p. 273—339); *Liudprandi*, Liber de rebus gestis Ottonis Magni Imperatoris (ibid., p. 340—346). *Liutprandi*, Relatio de legatione Constantinopolitana (ibid., p. 347—363); *Widukindi*, Res Gestae Saxonicae (ibid., p. 416—467); *Thietmari*, Chronicon (ibid., p. 743—757); *Ruotgeri*, Vita Brunonis Archiepiscopi Colonensis (ibid., t. IV, p. 254—275); *Hrotsuithae*, Carmen de gestis Oddonis I Imperatoris (ibid., p. 317—335); *Odilonis*, Epitaphium Adalheidae Imp. (ibid., p. 637—645). **Пособіями** служили: *Giesebrecht*, Geschichte der deutschen Kaiserzeit, B. I. *Gregorovius*, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter, Stuttgart, 1860. B. III. *Lamprecht*, Deutsche Geschichte, Berlin, 1892, B. II. *Bryce*, The Holy Roman Empire. *Гильфердингъ*, Исторія балтійскихъ славянъ, т. I, М. 1855. О. Іегеръ. Всеобщая исторія.

на престолъ. Самый старшій сынъ Генриха—Танкмаръ—не могъ разсчитывать на корону, такъ какъ рожденъ былъ отъ перваго брака Генриха, а этотъ бракъ признанъ былъ церковью незаконнымъ. Старшій сынъ отъ второго брака - Оттонъ—родился тогда, когда Генрихъ былъ еще только герцогомъ саксонскимъ, и только третій сынъ, тоже Генрихъ, родился уже послѣ того, какъ отецъ избранъ былъ въ короли. Хотя этотъ Генрихъ по наружности очень походилъ на отца и былъ любимцемъ матери, однако самъ старый король предназначилъ въ преемники себѣ Оттона, такъ какъ онъ отличался яснымъ умомъ, твердымъ характеромъ, силою воли и другими качествами, необходимыми для государя.

Характеристика Оттона.

Имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о личности Оттона относятся къ болѣе позднему времени. Лѣтописецъ изображаетъ его человѣкомъ грузнаго тѣлосложенія (moles corporis), съ румянымъ лицомъ, украшеннымъ бородою, съ быстрыми, какъ бы метающими молніи, глазами (oculi rutilantes et in modum fulguris splendorem quendam emittentes); широкая грудь его была покрыта волосами, какъ бы львиною гривою (pectus leoninis quibusdam sparsum iubis); современники, даже собственный сынъ, называли его львомъ; въ этомъ тѣлѣ обиталъ упорный, вѣчно дѣятельный духъ: король даже во снѣ имѣлъ обыкновеніе говорить. Оттонъ отличался неровной, то медленной, то быстрою походкою; пылкая натура его была отчасти смягчена воспитаніемъ, но даже въ старости онъ легко терялъ самообладаніе. Подобно отцу своему, Оттонъ былъ страстнымъ охотникомъ, отличался общительностью и щедростью по отношенію къ друзьямъ, но о своемъ королевскомъ призваніи былъ болѣе высокаго мнѣнія и даже постился наканунѣ тѣхъ дней, когда ему приходилось являться передъ народомъ съ короной на головѣ (quotienscumque sit opus corona portanda, jejunium semper praecedere pro vero traditur. Widukindi, Res Gestae Sax. II, 36). При неутомимой энергіи и страстной отзывчивости, Оттонъ не обладалъ выдающимися талантами,—онъ не былъ хорошимъ дипломатомъ и полководцемъ, не обладалъ онъ и даромъ спокойной наблюдательности; тѣмъ не менѣе, благодаря настойчивости и умѣнью пользоваться обстоятельствами, онъ достигъ замѣчательныхъ успѣховъ.

Избраніе Оттона въ короли.

Рѣшивъ предоставить старшинство Оттону, Генрихъ созвалъ герцоговъ, графовъ и епископовъ въ Эрфуртъ и указалъ имъ на Оттона, какъ на желательнаго для него преемника. Князья изъявили согласіе избрать Оттона въ короли по смерти Генриха. Тогда король распредѣлилъ свои имѣнія и движимое имущество между

всѣми сыновьями и особенно щедро надѣлилъ старшаго, Танкмара.

Вскорѣ послѣ эрфуртскаго съѣзда съ Генрихомъ случился второй ударъ, отъ котораго онъ скончался (2 іюля 936 г.). Тогда франконцы и саксонцы собрались для рѣшенія вопроса, кому изъ сыновей Генриха быть королемъ. Большинство избирателей осталось вѣрно слову, данному покойному королю, и преемникомъ его избранъ былъ Оттонъ. Послѣ этого предварительнаго избранія состоялось окончательное избраніе въ Ахенѣ, куда съѣхались вельможи уже изъ всѣхъ германскихъ герцогствъ, а не только изъ Франконіи и Саксоніи. Въ колонной залѣ ахенскаго дворца Оттона посадили на мраморный тронъ Карла Великаго при громкихъ рукоплесканіяхъ всѣхъ вельможъ, наполнявшихъ залу. Таковъ былъ франкскій обычай избранія въ короли.

Коронація Оттона.

Изъ залы дворца Оттонъ отправился въ сопровожденіи герцоговъ, графовъ и другихъ знатныхъ лицъ въ ахенскій соборъ, построенный Карломъ Великимъ. Церковь была полна, на хорахъ тѣснились многія сотни людей, собравшихся издалека посмотрѣть на великое торжество. При входѣ въ соборъ Оттонъ былъ встрѣченъ архіепископомъ майнцскимъ Гильдебертомъ, который взялъ короля за руку, привелъ его къ гробницѣ Карла Великаго и сказалъ, обращаясь къ народу: „Вотъ Оттонъ, котораго Господь избралъ вамъ въ короли, на котораго король Генрихъ указалъ, какъ на желательнаго ему преемника, котораго всѣ князья уже провозгласили королемъ. Если этотъ выборъ вамъ угоденъ, то поднимите правыя руки“. Всѣ подняли руки съ громкими криками одобренія. Тогда архіепископъ подвелъ Оттона къ алтарю, на которомъ лежали знаки королевскаго достоинства и приступилъ къ обряду коронованія и мѵропомазанія. Вручая Оттону мечъ, Гильдебертъ сказалъ: „Прими этотъ мечъ и рази имъ всѣхъ враговъ Господнихъ, язычниковъ и еретиковъ“. Подавая скипетръ, архіепископъ увѣщевалъ короля отечески наказывать подданныхъ; совершая мѵропомазаніе, Гильдебертъ говорилъ Оттону: „Пусть никогда не истощится у тебя елей милосердія, будь милостивъ къ священно-служителямъ, помогай вдовамъ и сиротамъ“. Возложивъ при содѣйствіи архіепископа кельнскаго на Оттона корону, Гильдебертъ отвелъ его къ воздвигнутому невдалекѣ отъ алтаря королевскому мѣсту, гдѣ Оттонъ оставался до конца литургіи, а затѣмъ въ торжественной процессіи возвратился во дворецъ. Тамъ устроенъ былъ коронаціонный пиръ, за которымъ королю служили

герцоги лотарингскій, франконскій, баварскій и швабскій. Такой порядокъ впервые установился на коронаціонномъ торжествѣ Оттона; король такимъ образомъ показалъ, что считаетъ герцоговъ своими слугами.

Борьба Оттона съ герцогами.

Вскорѣ послѣ коронаціи Оттону представился случай показать, что онъ будетъ достойнымъ преемникомъ своего отца. Въ первый же годъ послѣ воцаренія новаго короля вспыхнула въ государствѣ усобица, грозившая уничтожить ту, еще слабую связь между германскими племенами, для упроченія которой столько потрудился король Генрихъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ коронаціи Оттона скончался герцогъ баварскій Арнульфъ. Баварцы недовольны были преобладаніемъ саксонцевъ въ Германіи и неохотно подчинялись королю изъ саксонскаго дома, вспоминая о временахъ полной самостоятельности своей земли. Такимъ настроеніемъ баварцевъ воспользовался старшій сынъ Арнульфа Эбергардъ. Немедленно послѣ кончины отца онъ вступилъ въ управленіе Баваріей, не испросивъ на то соизволенія Оттона и даже отказался дать королю ленную присягу.

Не успѣвъ склонить Эбергарда къ повиновенію увѣщаніями, Оттонъ занялъ своимъ войскомъ Баварію, изгналъ Эбергарда, а герцогомъ баварскимъ назначилъ дядю его Бертольда. Слѣдовательно, званіе герцога получено было Бертольдомъ не по наслѣдству и не вслѣдствіе народнаго избранія, а по назначенію; Оттонъ далъ понять, что считаетъ герцога не государемъ, а лицомъ, занимающимъ государственную должность, которую король можетъ поручить тому или другому лицу по своему усмотрѣнію. Назначивъ Бертольда герцогомъ, Оттонъ ограничилъ его власть, отнявъ у него право назначать епископовъ; это право было передано королю. Другое ограниченіе герцогской власти состояло въ томъ, что Оттонъ учредилъ въ Баваріи должность пфальцграфа, который былъ представителемъ короля въ верховномъ судѣ, завѣдывалъ королевскими замками, имѣніями, ленами и собиралъ принадлежавшіе королю доходы. Вліятельную должность баварскаго пфальцграфа Оттонъ поручилъ племяннику герцога Бертольда Арнульфу, который по необходимости долженъ былъ вѣрно служить королю, такъ какъ при враждебномъ отношеніи герцога къ власти пфальцграфа Арнульфъ могъ сохранить свое значеніе въ Баваріи только при поддержкѣ со стороны Оттона. Такимъ образомъ король надѣялся предупредить возобновленіе смуты въ Баваріи, внеся рознь въ баварскій герцогскій домъ.

Защитники герцогской власти задумали ослабить усилившуюся королевскую власть тѣмъ же самымъ средствомъ, которымъ Оттонъ ослабилъ герцогскую власть въ Баваріи, т.-е. вызвавъ раздоръ въ королевской семьѣ. Воспользовавшись неудовольствіемъ Танкмара противъ Оттона, герцогъ франконскій Эбергардъ склонилъ старшаго брата короля къ возстанію, въ которомъ и самъ принялъ участіе, побуждаемый не только желаніемъ ослабить королевскую власть, но также старинною враждою франковъ къ саксамъ; эта вражда вновь вспыхнула, когда королевская корона перешла къ саксонскому герцогскому дому. Возстаніе было неудачно: Танкмаръ вскорѣ погибъ въ сраженіи, а Эбергардъ изъявилъ полную покорность королю, который не лишилъ его герцогства только вслѣдствіе усиленнаго ходатайства архіепископа майнцскаго.

Печальный исходъ дѣла, затѣяннаго Танкмаромъ, не послужилъ предостереженіемъ для младшаго брата Оттона, честолюбиваго Генриха, который составилъ планъ свергнуть короля съ престола и захватить власть въ свои руки. Герцоги франконскій Эбергардъ и лотарингскій Гизельбертъ охотно согласились помогать Генриху, полагая, что онъ будетъ въ полной отъ нихъ зависимости, если достигнетъ власти съ ихъ помощью. Кромѣ того, Генриху обѣщалъ помогать король западныхъ франковъ Людовикъ IV.

Давно уже западно-франкское (нынѣшняя Франція) и восточно-франкское (нынѣшняя Германія) государства оспаривали одно у другого руководящую роль въ средней Европѣ. Временный перевѣсъ той или другой стороны проявлялся, какъ и теперь еще, во владѣніи спорными областями на границѣ, носившими тогда названіе герцогства Лотарингіи. Генрихъ I завоевалъ эту область для Германіи, но каждый сколько-нибудь могущественный король западныхъ франковъ X в. стремился отвоевать ее обратно. Къ этому стремился и Людовикъ IV, и моментъ для того былъ избранъ имъ благопріятный, когда Оттонъ занятъ былъ прекращеніемъ усобицы въ Германіи.

Многіе представители высшаго духовенства Германіи, и въ ихъ числѣ новый архіепископъ майнцскій Фридрихъ, тоже недовольны были усиленіемъ власти Оттона и тайно сносились съ Генрихомъ. Положеніе Оттона было тѣмъ болѣе затруднительно, что онъ долженъ былъ въ одно и то же время и бороться съ внутренними врагами, и вести войну на сѣверѣ и востокѣ съ датчанами и славянами, которые подняли возстаніе, пользуясь германскими усоби-

цами. Два года продолжалась война Оттона съ братомъ и непокорными герцогами. Во время этой войны Эбергардъ и Гизельбертъ погибли, а король западныхъ франковъ принужденъ былъ заключить миръ съ Оттономъ, которому удалось вооружить противъ Людовика герцога Франціи Гуго Великаго. Генрихъ, оставшійся безъ союзниковъ, смирился и получилъ прощеніе отъ брата, который только короткое время содержалъ его подъ строгимъ надзоромъ, а потомъ назначилъ его герцогомъ лотарингскимъ, отнявъ такимъ образомъ наслѣдство у сына Гизельберта. Во Франконію, по смерти Эбергарда, Оттонъ не назначилъ герцога; самъ король считался съ того времени герцогомъ франконскимъ. Все громадное личное имущество Эбергарда было конфисковано Оттономъ, который, благодаря этому, получилъ возможность достойно вознаградить оставшихся вѣрными ему герцоговъ швабскаго и баварскаго.

Генриху вскорѣ наскучило въ Лотарингіи и онъ оставилъ порученную его управленію страну; тогда Оттонъ назначилъ герцогомъ лотарингскимъ лучшаго изъ своихъ полководцевъ Конрада Краснаго, одного изъ франконскихъ графовъ. Между тѣмъ многочисленные враги Оттона стали склонять Генриха къ новымъ попыткамъ овладѣть престоломъ. Однако уже не разсчитывали на успѣхъ открытаго возстанія и составили заговоръ съ цѣлью убить короля. Заговорщики, въ числѣ которыхъ былъ и новый архіепископъ майнцскій Фридрихъ, намѣревались убить Оттона во время пасхальныхъ празднествъ 941 г., когда ко двору должны были собраться всѣ знатнѣйшіе вельможи. Совершенно случайно заговоръ былъ открытъ, большинство заговорщиковъ казнено, но Генриху, за котораго со слезами просила Оттона королева-мать, и на этотъ разъ даровано было прощеніе.

Великодушіе брата оказало сильное впечатлѣніе на Генриха; онъ искренно раскаялся и сталъ такъ усердно служить Оттону, что уже черезъ четыре года (въ 945 г.) король назначилъ его герцогомъ Баваріи, гдѣ тогда скончался Бертольдъ. Управляя Баваріей, Генрихъ оказалъ великія услуги германскому народу, такъ какъ велъ непрерывную борьбу съ кочевниками венграми. Генрихъ мужественно отражалъ ихъ нападенія и даже перешелъ въ наступленіе, проникъ въ самыя кочевья венгровъ и освободилъ многихъ германскихъ плѣнниковъ.

Ограниченіе власти герцоговъ.

Возстаніе герцоговъ противъ Оттона только содѣйствовало усиленію королевской власти. Оттонъ окончательно утвердилъ за собою право назначать герцоговъ по своему усмотрѣнію. Во Фран-

коніи герцогская власть была уничтожена, въ другихъ герцогствахъ сильно ограничена; герцоги лишились права начинать войну и заключать миръ, назначать епископовъ. Когда умиралъ герцогъ, Оттонъ назначалъ ему преемникомъ человѣка, на котораго могъ положиться, часто происходившаго не изъ той страны, управлять которою его назначали; такой герцогъ могъ держаться въ странѣ только тогда, когда оставался вѣренъ королю. Впослѣдствіи Оттонъ старался замѣщать герцогскія вакансіи своими родственниками. Такъ, въ 945 г. назначенъ былъ герцогомъ въ Баварію братъ Оттона Генрихъ, въ 948 г. въ Швабію — сынъ Ліудольфъ; въ то же время Оттонъ выдалъ дочь свою Ліутгарду замужъ за герцога лотарингскаго Конрада.

Власть герцога въ значительной степени ограничивалась присутствіемъ въ каждомъ герцогствѣ представителя короля—пфальцграфа. Несмотря на это, у герцоговъ оставалась еще довольно значительная власть, такъ какъ они были непосредственными начальниками мѣстныхъ графовъ, маркграфовъ и другихъ ленниковъ, обязанныхъ по приказу короля являться на службу съ извѣстнымъ числомъ воиновъ. Правда, лены раздавались большею частью самимъ королемъ и не были еще наслѣдственны, какъ во Франціи: раздаваемые королемъ лены сохранялись за ленниками только до тѣхъ поръ, пока они были вѣрны своему сюзерену. Съ своей стороны, щедрый король, располагавшій громадными средствами, умѣлъ расположить къ себѣ ленниковъ: большія богатства, принадлежавшія Оттону, наряду съ другими средствами помогли королю сдѣлать такъ много для упроченія единства государства и для усиленія королевской власти, а сильная королевская власть была необходима въ то время для защиты низшихъ сословій, которыя въ половинѣ X в. почти утратили древнюю свободу.

Королевская власть и феодализмъ.

Во время продолжительной смуты и неурядицы при послѣднихъ каролингахъ никто не думалъ объ общей защитѣ страны: сильные строили замки, а слабые дѣлались ихъ крѣпостными и такимъ образомъ получали защитниковъ; правитель—графъ, владѣтель иммунитета—епископъ или аббатъ усиливали свою власть и почти не признавали далекаго сюзерена; правитель или собственникъ извѣстнаго участка земли дѣлался государемъ людей, жившихъ на немъ; язва феодализма быстро распространилась по Германіи, и ко времени Оттона почти исчезла древне-германская правительственная организація по округамъ (Gauverfassung), графы-феодалы и владѣтели пожалованныхъ королемъ иммунитетовъ стали почти неограниченно

господствовать надъ народною массою: судъ и расправа, финансовая и военная организація зависѣли отъ феодаловъ, а такъ какъ писанными законами тогда еще не руководились въ Германіи, то король былъ единственнымъ защитникомъ слабаго отъ произвола сильнаго, къ нему обращались всѣ недовольные судомъ мѣстныхъ правителей и всегда получали удовлетвореніе. Благодаря этому народъ сочувствовалъ усиленію королевской власти и, такимъ образомъ, облегчалъ Оттону осуществленіе главной задачи его внутренней дѣятельности. Сочувствіе народа этой дѣятельности Оттона вызывалось и другимъ обстоятельствомъ: въ смутный періодъ, до утвержденія саксонской династіи, Германія безъ сильной королевской власти едва не сдѣлалась добычею кочевниковъ.

Возстаніе Ліудольфа и Конрада. Усиленіе королевской власти и упроченіе германскаго единства.

Хотя Оттону удалось къ концу сороковыхъ годовъ X в. назначить герцогами своихъ родственниковъ, однако этимъ самымъ онъ поставилъ въ зависимость спокойствіе государства отъ согласія между членами королевскаго дома, которое не было особенно прочно. И дѣйствительно, уже въ 952 г. началась въ Германіи новая усобица вслѣдствіе ссоры сына Оттонова Ліудольфа, герцога швабскаго, съ братомъ короля Генрихомъ, герцогомъ баварскимъ, къ владѣніямъ котораго Оттонъ присоединилъ отдѣленное отъ королевства Итальянскаго герцогство Фріульское, хотя Ліудольфъ имѣлъ виды на эту страну. Кромѣ того Ліудольфъ, старшій сынъ короля, опасался, что при дальнѣйшемъ усиленіи королевской власти Оттонъ, подобно отцу своему Генриху, позаботится о томъ, чтобы преемникомъ ему былъ избранъ не старшій сынъ, а одинъ изъ младшихъ. Совершенно неожиданно Ліудольфъ пріобрѣлъ важнаго союзника въ лицѣ зятя короля герцога Конрада Лотарингскаго, который недоволенъ былъ Оттономъ, не утвердившимъ договоръ Конрада съ правителемъ Италіи Беренгаріемъ; мало того, Конрадъ не получилъ отъ Оттона никакой награды за свою побѣду надъ возмутившимся противъ короля вассаломъ: личная обида, нанесенная Конраду, имѣла, какъ это не разъ случалось въ средніе вѣка, важныя политическія слѣдствія.

Оттону пришлось выступить съ войскомъ противъ сына и зятя, которые объявили себя защитниками мѣстныхъ, племенныхъ интересовъ и возмутили противъ короля Швабію и Лотарингію. Ліудольфъ отправился также къ саксонцамъ и искалъ союзниковъ для мятежа среди саксонской знати, которая недовольна была стремленіемъ короля утвердить свою власть и государственный порядокъ въ сосѣднихъ съ Саксоніей славянскихъ земляхъ, гдѣ саксонское дво-

рянство привыкло уже въ теченіе цѣлыхъ столѣтій произвольно и жестоко распоряжаться.

Въ то же самое время, когда междоусобная война началась въ Швабіи и Лотарингіи, произошло возстаніе противъ Оттона въ Баваріи и Франконіи. Баварцы недовольны были правленіемъ саксонца Генриха и, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ короля, возстали подъ предводительствомъ пфальцграфа Арнульфа, который былъ обиженъ тѣмъ, что по смерти дяди его Бертольда герцогомъ баварскимъ назначенъ былъ не онъ, а Генрихъ. Во Франконіи сѣялъ смуту архіепископъ майнцскій Фридрихъ, недовольный усиленіемъ королевской власти. Архіепископу легко удалось возмутить франконскихъ феодаловъ, которые не могли примириться съ новыми порядками, заведенными у нихъ Оттономъ, послѣ того какъ онъ уничтожилъ герцогскую власть во Франконіи и самъ сталъ управлять этою страною. Мятежники дѣйствовали не безъ успѣха: передъ пасхою 953 г. король попалъ въ ихъ руки; Ліудольфъ и Конрадъ заманили Оттона въ Майнцъ и здѣсь предложили обезоруженному королю условія, отъ которыхъ онъ отказался, какъ отъ вынужденныхъ, лишь только очутился на свободѣ.

Смута продолжалась до конца 954 г., и нѣсколько разъ положеніе Оттона было критическимъ, тѣмъ болѣе, что возмутившіеся противъ короля князья призвали на помощь венгровъ. Кочевники нахлынули на Германію и опустошали ее до тѣхъ поръ, пока Оттону не удалось ихъ прогнать. Этимъ призваніемъ въ страну дикой орды кочевниковъ противники Оттона окончательно погубили свое дѣло: ихъ сторонники поняли, что усобицы могутъ довести Германію до гибели, рѣшили для общаго блага пожертвовать мѣстными, племенными интересами и стали переходить на сторону побѣдителя венгровъ—короля, которому поэтому удалось подавить возстаніе, при чемъ Ліудольфъ и Конрадъ были лишены герцогствъ. Швабскимъ герцогомъ сдѣланъ былъ вмѣсто Ліудольфа Бургардъ, хотя и бывшій въ родствѣ съ королевскимъ домомъ, но происходившій изъ Швабіи. Отнятую у Конрада Лотарингію Оттонъ отдалъ брату своему Брунону, архіепископу кельнскому, который, такимъ образомъ, соединилъ въ своемъ лицѣ двѣ важнѣйшія должности—герцога лотарингскаго и архіепископа кельнскаго. Сторонникъ возмутившихся герцоговъ архіепископъ майнцскій Фридрихъ умеръ еще до прекращенія усобицы. Всѣ принимавшіе участіе въ возстаніи епископы были по повелѣнію Оттона лишены сана и жестоко наказаны, а на ихъ

мѣсто поставлены преданныя Оттону лица. Исходъ возстанія особенно важенъ потому, что даже баварцы, самое самостоятельное племя въ государствѣ, убѣдились въ необходимости государственнаго союза для обезпеченія племенъ.

Правленіе Оттона.

Послѣ окончательной побѣды Оттона надъ непокорными герцогами личность короля получаетъ большое значеніе въ управленіи государствомъ. Оттонъ не любилъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ; по всей Германіи были разбросаны его замки и дворцы и онъ часто переѣзжалъ изъ одного въ другой, такъ какъ желалъ все видѣть, во всѣхъ дѣлахъ принимать непосредственное участіе. Эти постоянные переѣзды короля съ мѣста на мѣсто сближали его особу съ германскими племенами и содѣйствовали объединенію Германіи. Несмотря на отсутствіе постоянной резиденціи, Оттонъ любилъ окружать себя блескомъ и пышностью, особенно во время большихъ праздниковъ. Тогда ко двору являлись высшіе представители духовенства съ поздравленіями, пріѣзжали герцоги и графы съ дарами, князья сосѣднихъ, зависимыхъ отъ Германіи народовъ привозили дань. Во время такого съѣзда король совѣщался съ вельможами о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, устраивалъ церковные соборы, при чемъ самъ Оттонъ засѣдалъ среди епископовъ и аббатовъ и имѣлъ рѣшительное вліяніе на ходъ преній.

Отношеніе Оттона къ церкви.

Хотя Оттонъ былъ глубоко религіознымъ человѣкомъ, однако въ первые годы своего царствованія онъ не особенно покровительствовалъ высшему духовенству, которое во время упадка каролингской монархіи стало стремиться къ полной независимости, а такія притязанія шли въ разрѣзъ съ понятіями Оттона о королевской власти. Во время борьбы Оттона съ герцогами большинство епископовъ явно и тайно поддерживало враговъ короля. Поэтому, подчинивъ окончательно герцоговъ, король обратилъ большое вниманіе на духовенство.

Съ особеннымъ усердіемъ сталъ заботиться Оттонъ о дѣлахъ церковныхъ съ тѣхъ поръ, какъ имъ овладѣло сильное религіозное настроеніе, вызванное внезапнымъ несчастіемъ въ его семьѣ: въ 946 г. скончалась его супруга Юдиѳь; всѣ оплакивали кончину доброй королевы, умѣвшей смягчать суровость своего супруга, но особенно сильное впечатлѣніе произвела смерть Юдиѳи на самого Оттона; онъ сталъ искать утѣшенія въ священномъ писаніи; послѣ кончины супруги Оттонъ, который не умѣлъ до того времени читать, хотя понималъ не только нѣмецкую, но также латинскую и славянскую рѣчь, принялся за азбуку и вскорѣ на-

учился читать св. книги. Вмѣстѣ съ тѣмъ Оттонъ сталъ особенно заботиться о церкви, и главнымъ его сотрудникомъ въ этомъ отношеніи былъ младшій братъ его Брунонъ, съ дѣтства предназначенный къ духовному сану и получившій поэтому прекрасное для того времени образованіе у англо-саксонскихъ и греческихъ монаховъ.

Сдѣлавшись архіепископомъ кельнскимъ, Брунонъ въ то же время стоялъ во главѣ королевской канцеляріи. Благодаря Брунону возстановлена была придворная школа, процвѣтавшая при Карлѣ Великомъ; ко двору Оттона приглашены были такіе ученые, какѣ Ратгеръ, епископъ веронскій, Ліутпрандъ, епископъ кремонскій, Израиль, епископъ шотландскій. Благодаря придворной школѣ дѣти Оттона, особенно будущій императоръ Оттонъ II, получили хорошее образованіе. Эта школа содѣйствовала появленію литературы, правда, весьма своеобразной,—національной по содержанію и древнеклассической по формѣ. Писали, конечно, по-латыни. Это было какъ бы второе послѣ эпохи Карла Великаго возрожденіе литературы. Замѣчательно, что въ эту эпоху являются и писательницы-монахини.

Изъ возстановленной Брунономъ придворной школы вышли государственные дѣятели и новые епископы, уже вполнѣ преданные королю; ихъ содѣйствіемъ Оттонъ хотѣлъ воспользоваться для упроченія новаго государственнаго порядка и для усиленія королевской власти. Дѣло въ томъ, что послѣ борьбы своей съ герцогами Оттонъ отчасти отказался отъ своей системы замѣщенія герцогскихъ вакансій и раздачи леновъ, такъ какъ эта система не вполнѣ оправдала его ожиданія, не избавила страну отъ усобицъ: и вновь назначаемые ленники, пользуясь при феодальныхъ порядкахъ громадною властью въ своихъ ленахъ, вскорѣ дѣлались столь же самостоятельными, какъ и наслѣдственные.

Возвращаясь къ системѣ своего отца, Оттонъ началъ опять передавать герцогства по наслѣдству отъ отца къ сыну, опять сталъ назначать герцогами правителей, происходившихъ изъ той страны, управлять которою имъ поручалось. Далѣе, если графъ или другой какой-нибудь ленникъ, умирая, оставлялъ сына, способнаго занять его мѣсто, то Оттонъ сталъ поручать сыну ленъ отца, а не назначалъ на мѣсто умершаго новое лицо. Но такъ какъ наслѣдственность леновъ и дальнѣйшее усиленіе феодаловъ должно было ослабить королевскую власть, то Оттонъ придумалъ новое средство противъ усиленія вассаловъ и сталъ раздавать лены *преданнымъ ему* предста-

вителямъ духовенства новой школы, выдвигая, такимъ образомъ, какъ противовѣсъ противъ свѣтской аристократіи, сословіе духовное. Въ этомъ сословіи наиболѣе вліятельныя мѣста занимались монахами, среди которыхъ не могла, конечно, утвердиться идея наслѣдственности леновъ. Какъ ни щедро раздавалъ Оттонъ лены епископамъ и аббатамъ, но по смерти каждаго изъ нихъ ленъ опять возвращался къ королю, который отдавалъ его кому хотѣлъ. Кромѣ того, при господствовавшемъ еще среди свѣтскихъ феодаловъ невѣжествѣ, образованныхъ, ловкихъ, умѣлыхъ правителей можно было найти только среди духовенства.

Такъ какъ Оттонъ роздалъ очень много леновъ духовнымъ лицамъ, то общее управленіе страною получило церковный характеръ; при этомъ и духовенство должно было заняться многими дѣлами совершенно свѣтскими, духовныя лица сдѣлались государственными сановниками; они должны были слѣдить за тѣмъ, чтобъ ихъ вассалы были всегда готовы явиться по указу короля на военную службу, должны были даже, вопреки канонамъ церковнымъ, сами предводительствовать на войнѣ. Занимая важнѣйшія правительственныя мѣста въ государствѣ, духовныя лица непрестанно призывались ко двору для разрѣшенія разныхъ дѣлъ.

Получивъ большое значеніе въ свѣтскихъ дѣлахъ, церковь должна была допустить вмѣшательство короля въ дѣла духовныя. Какъ защитникъ и покровитель церкви, Оттонъ считалъ себя въ правѣ распоряжаться духовными дѣлами: никакой съѣздъ духовенства не могъ состояться безъ его разрѣшенія, никакое касавшееся церкви постановленіе не имѣло силы безъ его утвержденія. Оттонъ самъ учреждалъ новыя епископства, назначалъ и смѣщалъ епископовъ, по своему усмотрѣнію распоряжался церковными имуществами для политическихъ цѣлей. Однако, духовенство, занявъ важнѣйшія правительственныя мѣста, получило также исключительное вліяніе на дѣла государственныя и на общественный строй самого государства. Церковь въ X в., какъ и въ первыя эпохи среднихъ вѣковъ, была по преимуществу носительницею идей; если, благодаря дѣятельности Оттона, церковь стала въ болѣе близкое отношеніе къ государству, то оно должно было взять на себя новыя, болѣе широкія задачи. Церковь была въ то время единственною властью, употреблявшею доходы съ крупнаго имущества на общественныя, а не на частныя потребности; будучи обязана своимъ строемъ римской императорской эпохѣ, церковь стала въ этомъ отношеніи на той точкѣ зрѣнія, которой государства могутъ до-

стигнуть лишь въ эпохи высшей культуры. Тѣсно слившись съ государствомъ, церковь должна была передать ему стремленіе къ достиженію этихъ высшихъ задачъ; она должна была сдѣлать ближайшимъ его идеаломъ воздѣйствіе во имя гуманности и нравственности, что далеко выходило за предѣлы задачъ древне-германскаго государства, которое своею цѣлью ставило лишь охраненіе мира. Тѣ всеобъемлющія формы управленія, которыя развиты были церковью для достиженія идеальныхъ цѣлей, были при Оттонѣ предоставлены въ распоряженіе мірской власти для выполненія государственныхъ централистическихъ задачъ. Только усвоивъ эти начала, нѣмецкое государство впервые получило возможность быть истиннымъ государствомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлаться вполнѣ христіанскимъ государствомъ: былъ проложенъ путь къ тѣсному сліянію христіанской и національной жизни на церковной почвѣ.

Оттонъ не только распоряжался по своему усмотрѣнію духовными дѣлами, но также видѣлъ въ епископахъ важнѣйшихъ правительственныхъ чиновниковъ, а въ аббатствахъ—одинъ изъ главнѣйшихъ финансовыхъ источниковъ государства. Все это несогласно было не только съ лже-исидоровыми декреталіями, но даже и съ древними каноническими постановленіями, и духовенство, принимая лены отъ короля, какъ бы связывало себѣ руки. Но вновь назначенные Оттономъ духовные сановники архіепископы: кельнскій (братъ короля Брунонъ) и майнцскій (сынъ короля Вильгельмъ) полагали, что усиленіе королевской власти и участіе духовенства въ управленіи содѣйствуютъ установленію царства Христова на землѣ.

При сліяніи государства съ церковью неминуемо долженъ былъ возникнуть вопросъ о подчиненіи одной силы другой. Оттонъ добивался такого сліянія, чтобы при помощи церкви господствовать, но чтобы надолго упрочить за собою ея поддержку онъ долженъ былъ имѣть власть надъ всемірнымъ епископомъ церкви. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ церковной политики Оттона было стремленіе обладать Римомъ, эта политика заставляла національнаго германскаго короля добиваться міровой императорской короны, а одною изъ главныхъ задачъ императора священной римской имперіи—къ этому сану стремился Оттонъ—была защита христіанства и распространеніе его по всей землѣ.

Раздавъ значительную часть леновъ духовенству, Оттонъ достигъ той цѣли, къ которой стремился: власть его стала болѣе сильною, чѣмъ до усобицы 952—954 гг. Но слѣдствія этого союза

короля съ духовенствомъ были благодѣтельны только до тѣхъ поръ, пока духовенство во всемъ оказывало содѣйствіе королю. Впослѣдствіи духовенство, пріобрѣвъ громадную политическую силу, оказалось не менѣе мятежнымъ, чѣмъ тѣ, кого оно должно было сдерживать. Духовенство вошло въ феодальную систему, и король, такимъ образомъ, самъ содѣйствовалъ тому, чтобы эта система получила впослѣдствіи еще большее развитіе.

Война Оттона съ славянами.

Много сдѣлано было Оттономъ для объединенія германскихъ племенъ и для упроченія въ Германіи государственнаго порядка; не менѣе потрудился онъ, защищая Германію отъ внѣшнихъ враговъ и покоряя сосѣдніе народы. Еще Генрихъ подчинилъ нѣкоторыя племена балтійскихъ славянъ; чешскій князь Вячеславъ призналъ надъ собою его власть, но еще при жизни Генриха произошло въ Чехіи возстаніе: Вячеславъ былъ убитъ своимъ братомъ Болеславомъ, который захватилъ въ свои руки власть и объявилъ страну независимой отъ нѣмцевъ. Борьба Оттона съ Болеславомъ была продолжительна; девять лѣтъ прошло, пока чешскій князь опять призналъ себя ленникомъ германскаго короля.

Покоренныя Генрихомъ славянскія племена, жившія по нижней Эльбѣ, при первомъ извѣстіи о смерти этого короля отказались повиноваться нѣмцамъ. Оттонъ долженъ былъ лично выступить противъ отложившихся племенъ, заставилъ славянъ опять подчиниться и поручилъ храброму, энергичному маркграфу Герону держать ихъ въ повиновеніи; кромѣ того, Герону поручено было защищать Саксонію отъ нападеній другихъ племенъ балтійскихъ славянъ, еще непокоренныхъ нѣмцами и населявшихъ всю страну между Заалой и Эльбой, съ одной стороны, и Одеромъ, съ другой. Племена эти (главнѣйшія изъ нихъ лютичи и бодричи, дѣлившіяся на ратарей, доленчанъ, черезпѣнянъ, гаволянъ, лужичанъ, стодорянъ и брежанъ) съ самаго начала царствованія Оттона стали нападать на пограничныя германскія земли, предавая огню и опустошенію деревни, убивая жителей. Герону приходилось вести съ этими славянами ожесточенную, почти непрерывную войну, причемъ онъ наводилъ своею жестокостью ужасъ на враговъ. По временамъ только враждующія стороны заключали перемиріе. Во время одного изъ такихъ перемирій славяне задумали нечаянно напасть на Герона и убить его, но предпріятіе не удалось: нѣмецъ оказался коварнѣе. Геронъ, не подавая виду, что знаетъ о намѣреніяхъ славянъ, пригласилъ къ себѣ на пиръ 30 славянскихъ князей, напоилъ ихъ пьяными до безчувствія и потомъ приказалъ всѣхъ ихъ убить.

Это кровавое дѣло еще сильнѣе воспламенило вражду славянъ къ нѣмцамъ, и началась между ними борьба не на животъ, а на смерть, борьба особенно тяжкая для нѣмцевъ, „потому что славяне, „разсказываетъ нѣмецкій лѣтописецъ: „отличаются удивительною выносливостью, легко переносять величайшія трудности, довольствуясь весьма скудною пищею; имъ кажется чуть не забавою то, что мы, германцы, переносимъ съ величайшимъ трудомъ. (Est namque hujusmodi genus hominum durum et laboris patiens, victu levissimo assuetum et quod nostris gravi oneri esse solet, Slavi pro quadam voluptate dicunt.—Widukindi, Res Gestae Sax. II, 20). Но несчастіемъ балтійскихъ славянъ было отсутствіе у нихъ порядка и единодушія; только тогда заботились они объ общемъ благѣ, когда являлся у нихъ болѣе энергичный князь, умѣвшій подчинять себѣ своевольныхъ, вообще же княжеская власть была у нихъ очень ограничена. Народы славянскіе ослабляли другъ друга междоусобіями и въ концѣ концовъ должны были подчиниться нѣмцамъ.

Начало онѣмеченія балтійскихъ славянъ.

Геронъ завоевалъ Сгорѣлецъ (переименованный нѣмцами въ Бранденбургъ) и покорилъ всѣхъ славянъ до Одера, а тѣ славянскія племена, которыя жили между низовьями Эльбы и Одера были покорены самимъ Оттономъ. Все покоренное населеніе должно было платить дань нѣмцамъ; кромѣ того, славяне обязаны были исполнять всякія работы въ имѣніяхъ короля и его вассаловъ; имѣнія эти образовались изъ участковъ, отнятыхъ Оттономъ у мѣстныхъ князей и розданныхъ его вассаламъ нѣмцамъ. Эти поселенные среди славянъ вассалы короля должны были постоянно быть готовыми къ войнѣ и подавленію возстанія. По всей пограничной области настроены были укрѣпленные города-бурги съ особыми начальниками бургграфами, которымъ подчинены были мелкіе вассалы, сами же бургграфы были подъ непосредственнымъ начальствомъ маркграфа Герона. Такъ положено было начало нѣмецкой колонизаціи въ славянской странѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣмеченію балтійскихъ славянъ.

Заботы Оттона о распространеніи христіанства среди славянъ.

Впрочемъ, онѣмеченіе балтійскихъ славянъ шло сначала крайне неуспѣшно, потому что славяне, покорившіеся нѣмцамъ послѣ продолжительной, упрной борьбы, продолжали относиться съ глубокою ненавистью къ своимъ притѣснителямъ, которые, къ тому же, были другой вѣры и говорили на непонятномъ славянамъ языкѣ. Славяне все еще были язычниками и приносили своимъ богамъ даже человѣческія жертвы. Самою угодною, по мнѣнію славянъ, жертвою богу войны Святовиту былъ христіанинъ-нѣмецъ. Оттонъ

полагалъ, что страна окончательно умиротворится только послѣ принятія славянами христіанства; по повелѣнію короля посланы были къ славянамъ саксонскіе священники, распространявшіе среди язычниковъ христіанство подъ охраною жестокаго маркграфа Герона; изъ страха предъ грознымъ маркграфомъ многіе славяне приняли христіанство, хотя совсѣмъ не знали сущности христіанскаго ученія, такъ какъ чужеземцы-проповѣдники, объяснявшіеся съ ними черезъ переводчиковъ, не объясняли славянамъ св. писанія, а заставляли только безсмысленно заучивать непонятныя славянамъ латинскія слова молитвъ. Въ области лужичанъ, ратарей и гаволянъ Оттонъ учредилъ два епископства и всѣ славяне принуждены были платить духовенству десятину и кромѣ того особую подать съ сохи.

Возстаніе Стоинѣва.

Само собою разумѣется, что суровыя мѣры Оттона не могли примирить славянъ съ ихъ угнетеннымъ положеніемъ и, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ—послѣднею борьбою короля съ герцогами—они возстали въ 954 г. подъ предводительствомъ энергичнаго князя Стоинѣва и не только разорили многіе изъ построенныхъ у нихъ бурговъ, но даже проникли въ Саксонію, куда привелъ ихъ измѣнившій королю знатный саксонецъ Вихманъ. Обстоятельства сначала благопріятствовали славянамъ: хотя къ концу 954 г. усобица въ Германіи была уже прекращена, однако Оттонъ не могъ еще идти противъ возмутившихся славянъ, такъ какъ долженъ былъ обратить всѣ свои силы противъ напавшихъ на Германію венгровъ и только въ концѣ 955 г. могъ отправиться противъ славянъ.

Прежде чѣмъ король выступилъ въ походъ противъ славянъ, явилось къ нему посольство отъ возставшихъ племенъ. Послы объявили Оттону, что народъ ихъ не можетъ выносить нѣмецкихъ порядковъ въ своей странѣ; пусть нѣмцы оставятъ ихъ землю, тогда они будутъ безпрекословно платить дань Оттону. Король не согласился и возобновилась кровопролитная война. Нѣмцы опять побѣдили и новыми жестокостями хотѣли отучить славянъ отъ бунтовъ. Предводитель возстанія кн. Стоинѣвъ былъ убитъ, и голову его воткнули на колъ; 700 дружинниковъ Стоинѣва, попавшихъ въ плѣнъ, были обезглавлены; совѣтнику Стоинѣва выкололи глаза, вырвали языкъ и въ такомъ видѣ еще живого бросили въ кучу труповъ. Но и послѣ этого борьба нѣмцевъ съ славянами не прекращалась: еще нѣсколько походовъ пришлось предпринять Оттону (въ 959 и 960 гг.), прежде чѣмъ утвердилась его власть надъ балтійскими славянами.

Окончательная побѣда Оттона надъ балтійскими славянами оказала сильное впечатлѣніе на другихъ сосѣднихъ славянъ, и вскорѣ (въ 963 г.) польскій князь Мечиславъ принужденъ былъ признать себя ленникомъ Оттона. Даже въ далекое русское княжество проникла слава Оттона: въ 959 г. явились при его дворѣ послы отъ великой княгини русской Ольги, въ св. крещеніи Елены. Трудно опредѣлить цѣль этого посольства, но результатомъ его было то, что Оттонъ послалъ на Русь ученаго монаха Адальберта съ братіею для проповѣди; впрочемъ, миссіонеры Оттона не имѣли на Руси никакого успѣха, такъ какъ вступившій въ управленіе государствомъ Святославъ приказалъ прогнать этихъ нѣмцевъ изъ своей земли,—надо полагать, что ему были отчасти извѣстны миссіонерскіе подвиги маркграфа Герона у балтійскихъ славянъ. Подчиненіе Польши и сношенія съ Русью.

Война Оттона съ балтійскими славянами продолжалась такъ долго (около 24 лѣтъ) потому, что король не всегда могъ обращать противъ нихъ всѣ свои силы, его часто отвлекали усобицы въ Германіи, борьба съ датчанами и особенно съ венграми. Датчане, соединившіеся тогда подъ властью Гарольда Синезубаго, уничтожили Датскую Марку (Dannmark), учрежденную еще Генрихомъ I, и сожгли германскія поселенія въ этой Маркѣ. Оттонъ во главѣ многочисленнаго войска проникъ далеко въ глубь Ютландіи, сдѣлалъ Гарольда своимъ вассаломъ, возстановилъ германскія поселенія на границѣ съ Даніей и снова присоединилъ Шлезвигъ къ Германіи. Датская Марка.

Борьба Оттона съ венграми имѣла несравненно большее значеніе, чѣмъ походъ его въ Данію, и началась вскорѣ послѣ воцаренія Оттона, такъ какъ венгры, узнавъ о смерти ихъ побѣдителя Генриха, бросились на Германію; большихъ усилій стоило тогда Оттону прогнать дикія орды кочевниковъ. Послѣ этого нашествія венгры повторяли свои набѣги всякій разъ, когда Оттону приходилось вести борьбу съ герцогами, но съ 945 года набѣги венгровъ рѣдко были удачны, такъ какъ новый герцогъ баварскій Генрихъ усердно ихъ отражалъ; только во время послѣдней борьбы Оттона съ герцогами венгры, призванные возставшими противъ короля вассалами, проникли въ глубь страны, но все-таки были прогнаны Оттономъ. Черезъ годъ (955 г.) венгры повторили набѣгъ съ гораздо болѣе значительными силами. Огромная венгерская орда проникла въ Баварію и обложила Аугсбургъ. Туда поспѣшилъ Оттонъ въ іюлѣ 955 г. Одинъ изъ нѣмецкихъ князей, бывшій пфальцграфъ баварскій Арнульфъ, призвавшій во время возстанія венгровъ, далъ имъ на Борьба Оттона съ Венграми.

этотъ разъ знать о движеніи Оттона. Венгры оставили Аугсбургъ и расположились на обширной равнинѣ у лѣваго берега Леха. Германское войско было въ нѣсколько разъ меньше венгерскаго; поэтому рѣшено было отложить сраженіе до прибытія подкрѣпленія изъ Франконіи и Швабіи.

Битва при Лехѣ и ея значеніе.

Оттонъ расположился лагеремъ на лѣвомъ же берегу Леха, невдалекѣ отъ табора венгровъ. Когда подошли подкрѣпленія, Оттонъ не могъ уже сдерживать свое войско, горѣвшее нетерпѣніемъ сразиться съ ненавистнымъ врагомъ. Наканунѣ рѣшительной битвы въ нѣмецкомъ войскѣ всѣ постились и исповѣдывались, готовясь къ смерти. Въ самый день сраженія,—это было 10 августа, на память св. муч. Лаврентія,—на разсвѣтѣ совершено было въ лагерѣ Оттона торжественное богослуженіе. Колѣнопреклоненный король со слезами молился въ виду всего войска, причастился св. Таинъ и далъ обѣтъ въ случаѣ побѣды построить храмъ во имя св. Лаврентія. Горячая молитва воодушевила войско; съ распущенными знаменами бодро выступили нѣмцы изъ лагеря.

Войско германское было раздѣлено на восемь колоннъ; каждая колонна состояля изъ 1000 прекрасно-вооруженныхъ всадниковъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ при себѣ конюха и нѣсколько слугъ. Первыя три колонны состояла изъ баварцевъ; въ четвертой колоннѣ шли франконцы, которыми командовалъ Конрадъ, бывшій герцогъ лотарингскій; онъ хотѣлъ вѣрною службою противъ враговъ отечества и христіанства загладить свое участіе въ возстаніи противъ Оттона. Ядро войска составляла пятая колонна, которою начальствовалъ самъ Оттонъ. Короля окружали самые храбрые воины, выбранные изо всего войска. Послѣднія три колонны состояли изъ швабовъ и чеховъ. Не успѣли еще нѣмцы приблизиться къ табору венгровъ, какъ Оттону донесли, что часть непріятельскаго войска наступаетъ съ тылу. Дѣло въ томъ, что ночью на 10 авг. Булцу, карханъ или главный предводитель венгровъ, переправилъ часть своего войска на правую сторону Леха. Этотъ отрядъ расположился противъ лагеря Оттона, находившагося на лѣвомъ берегу, и незамѣтно наблюдалъ за движеніями нѣмцевъ; лишь только они выступили изъ своего лагеря къ непріятельскому, отрядъ венгровъ перешелъ на лѣвый берегъ, очутился въ тылу нѣмцевъ и напалъ на колонны, бывшія въ арріергардѣ. Швабы и чехи не устояли, многіе изъ нихъ были убиты и взяты въ плѣнъ; обозъ попалъ въ руки непріятеля, и венгры стали приближаться съ тылу къ той колоннѣ, которою начальствовалъ самъ король. Тогда Оттонъ при-

казалъ Конраду, стоявшему съ франконцами впереди королевской колонны, повернуть фронтъ, выдвинуться изъ общей линіи войска и напасть на венгровъ, напиравшихъ съ тылу. Конрадъ сдѣлалъ искусное движеніе, внезапно напалъ на венгровъ, обратилъ ихъ въ бѣгство, освободилъ плѣнныхъ швабовъ и чеховъ, отбилъ обозъ.

Тогда только, когда было отбито нападеніе съ тылу, можно было начать сраженіе съ главными силами венгровъ. Оттонъ приказалъ расширить боевую линію такъ, что въ нее вошли три первыя баварскія колонны и та колонна, которою начальствовалъ онъ самъ; затѣмъ король обратился къ воинамъ съ такою рѣчью: „Теперь настало время показать мужество и любовь къ отечеству; передъ вами непріятель, много превосходящій васъ числомъ, но вамъ ли бояться его? Вы вооружены гораздо лучше венгровъ и, что главнѣе всего, съ вами Богъ, ваше самое надежное оружіе. Смѣло пойдемъ на врага, лучше пасть въ битвѣ со славою, нежели жить въ позорномъ порабощеніи“. Сказавъ эти слова, Оттонъ взялъ щитъ и священное копье и первымъ устремился на своемъ боевомъ конѣ противъ непріятеля. Все войско послѣдовало за королемъ, венгры не выдержали этой стремительной, единодушной атаки. Сраженіе было непродолжительно, непріятель обратился въ бѣгство. Много тысячъ венгровъ было перебито нѣмцами, которые преслѣдовали непріятеля на большомъ разстояніи. Храбрый Конрадъ, такъ успѣшно начавшій битву, палъ во время сраженія смертью героя. Весь лагерь венгровъ достался побѣдителямъ и всѣ захваченные венграми во время похода плѣнники были освобождены.

Битва при Лехѣ принимается нѣкоторыми за конецъ переселенія народовъ, такъ какъ венгры, въ теченіе полустолѣтія опустошавшіе Францію, Германію и Италію, послѣ нанесеннаго имъ при Лехѣ страшнаго пораженія перестали совершать набѣги, начали мало-по-малу покидать кочевой образъ жизни, стали принимать христіанство и окончательно утвердились въ плодородной дунайской низменности, западную часть которой успѣли все-таки занять нѣмецкіе поселенцы, защищавшіе восточную часть Баваріи и образовавшіе Восточную Марку (Ostmark), изъ которой впослѣдствіи возникло герцогство Австрія (Oestreich). Побѣда надъ венграми, которую современники по ея всемірному значенію сравнивали съ побѣдою Карла Мартела надъ арабами, сдѣлала Оттона какъ бы защитникомъ всего западно-европейскаго христіанства отъ нападеній языческой орды, достойнымъ императорскаго титула. Со-

бравшіеся вечеромъ послѣ сраженія на Лехскомъ полѣ вельможи привѣтствовали Оттона императоромъ.

Отношенія Оттона къ Бургундіи, Франціи и Италіи.

Оттонъ, дѣйствительно, сталъ стремиться къ полученію императорской короны, что обусловливалось, между прочимъ, и политическимъ вліяніемъ его въ тѣхъ частяхъ имперіи Карла Великаго, которыя со времени Карла Толстаго не были соединены съ Германіей. Зять Оттона, король западныхъ франковъ, Людовикъ IV, неуспѣшно боровшійся со своими вассалами и даже захваченный въ плѣнъ герцогомъ Франціи Гуго Великимъ, просилъ помощи у короля Германскаго. Оттонъ совершилъ нѣсколько походовъ въ страну западныхъ франковъ и, наконецъ, въ 950 г., благодаря содѣйствію духовенства, заставилъ герцога Гуго признать Людовика королемъ. Въ благодарность за это Людовикъ отказался отъ своихъ притязаній на Лотарингію. Такимъ образомъ, Оттонъ утвердилъ свое вліяніе во Франціи, которая нѣкоторое время была въ вассальныхъ къ нему отношеніяхъ. Еще большимъ вліяніемъ пользовался Оттонъ въ королевствѣ Бургундскомъ, которымъ до 943 г. управлялъ, какъ опекунъ несовершеннолѣтняго короля бургундскаго Конрада.

Будучи попечителемъ бургундскаго королевскаго дома, Оттонъ не могъ не вмѣшаться въ дѣла Италіи, такъ какъ бургундскіе Каролинги съ самаго начала X в. старались подчинить своей власти Ломбардію, гдѣ отъ 888 г., когда свергнутъ былъ Карлъ Толстый, постоянно шла борьба между разными претендентами на престолъ, родственниками Каролинговъ. Съ 926 г. королемъ Италіи былъ Гуго, отчимъ короля бургундскаго Конрада, воспитанника Оттонова. Этотъ Гуго женилъ, конечно, не безъ согласія Оттона, сына своего Лотаря на сестрѣ своего пасынка короля Конрада, юной Адельгейдѣ. Такъ начались между Оттономъ и королемъ Италіи Гуго дружественныя отношенія, которыя испортились только тогда, когда въ Германію убѣжалъ одинъ изъ вассаловъ короля Гуго—маркграфъ иврейскій Беренгарій, замышлявшій овладѣть Италіей. Впослѣдствіи, въ 947 г., по смерти короля Гуго, Беренгарій не безъ содѣйствія Оттона возвратился въ Италію и сдѣлался правителемъ Ломбардіи, хотя королемъ считался Лотарь, сынъ Гуго.

Оттонъ и Адельгейда.

Лотарь умеръ въ 950 г., и Беренгарій поспѣшилъ принять титулъ короля. Но молодая вдова Лотаря, Адельгейда, славившаяся красотою и умомъ, пользовалась въ странѣ большимъ расположеніемъ; ея сторонники полагали, что не Беренгарію слѣдуетъ принять титулъ короля, а тому, кого вдовствующая королева изберетъ себѣ въ супруги. Поэтому Беренгарій предложилъ Адельгейдѣ

выйти замужъ за сына его Адальберта. Адельгейда отказалась и была посажена въ мрачную тюрьму, въ уединенномъ замкѣ, на берегу оз. Гарда. Въ тюрьмѣ вдову короля подвергали всякимъ униженіямъ и даже истязаніямъ; изъ всей многочисленной свиты ей оставили одну служанку и духовника. Между тѣмъ Беренгарій, сдѣлавшись королемъ, вызвалъ всеобщее неудовольствіе своею несправедливостью, и это обстоятельство содѣйствовало усиленію сочувствія къ Адельгейдѣ. Одинъ изъ ея сторонниковъ, епископъ Адельгардъ, нашелъ возможность сообщить томившейся въ тюрьмѣ королевѣ о своей готовности дать ей убѣжище въ принадлежащемъ ему замкѣ Каноссѣ. Тогда бывшій при Адельгейдѣ священникъ вмѣстѣ съ ея служанкою вырыли подземный ходъ подъ стѣною тюрьмы; этимъ ходомъ вывели Адельгейду и послѣ многихъ приключеній и опасностей привели ее въ Каноссу, гдѣ она была уже въ полной безопасности.

Изъ Каноссы Адельгейда обратилась съ жалобою на Беренгарія къ бывшему опекуну своего брата, королю Германіи. Оттонъ, конечно, зналъ о нравственныхъ достоинствахъ и красотѣ сестры его воспитанника и рѣшилъ не только выступить ея защитникомъ, но и жениться на ней. Къ этому браку побуждала Оттона, кромѣ симпатіи къ Адельгейдѣ, еще надежда овладѣть Италіей при помощи той партіи, которая сочувствовала несчастной королевѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ Оттонъ надѣялся принять уже 30 лѣтъ никѣмъ не носимый титулъ императора, на что, казалось, имѣлъ полное право, будучи, по женской линіи, потомкомъ Карла Великаго и нося титулъ короля франковъ. Съ большимъ войскомъ прибылъ Оттонъ въ 951 г. въ Ломбардію и былъ радушно принятъ недовольными Беренгаріемъ феодалами. Овладѣвъ столицею Ломбардіи Павіей, Оттонъ отправилъ въ Каноссу къ Адельгейдѣ пословъ съ богатыми дарами просить ея руки и пригласить ее въ Павію. Посольство было принято Адельгейдою благосклонно, она отправилась въ Павію, гдѣ состоялось ея бракосочетаніе съ могущественнѣйшимъ государемъ Европы. Адельгейда достигла такого величія спустя короткое время послѣ самыхъ тяжкихъ бѣдствій и униженій; ея удивительная судьба осталась въ памяти народа, который упоминаетъ во многихъ легендахъ о романтической судьбѣ этой королевы.

Овладѣвъ Ломбардіей, Оттонъ вступилъ въ переговоры съ папою Агапитомъ II относительно возстановленія имперіи и вѣнчанія его, Оттона, императорскою короною. Но папство, достигшее въ поло-

Первые переговоры о принятіи императорскаго титула.

винѣ IX в. большого могущества при великихъ папахъ Николаѣ I и Іоаннѣ VIII, ко времени Оттона пришло въ совершенный упадокъ. Рядъ позорныхъ папъ, достигшихъ позорными средствами престола, такъ унизили папство, что въ 932 г. римлянину Альберику удалось овладѣть Римомъ и церковною областью. Двадцать два года правилъ Альберикъ со славою Римомъ, предоставляя папамъ вѣдать только церковныя дѣла. Само собою разумѣется, что Альберикъ, самостоятельно правившій Римомъ, не соглашался впустить туда Оттона, который прежде всего лишилъ бы Альберика власти. Поэтому Агапитъ, дѣйствовавшій въ пользу Альберика, долженъ былъ отказать въ содѣйствіи Оттону, и ему для полученія императорской короны оставалось только идти съ войскомъ на Римъ, чтобы низложить Альберика. Но обстоятельства сложились такъ, что Оттонъ долженъ былъ отложить походъ на Римъ. Дѣло въ томъ, что Беренгарій не былъ еще окончательно побѣжденъ, въ Германіи опять началась усобица—возстаніе Ліудольфа и Конрада. Поэтому Оттонъ возвратилъ Беренгарію Ломбардію, заставивъ его присягнуть себѣ, какъ сюзерену, а самъ поспѣшилъ въ 952 году въ Германію.

Избраніе Оттона II въ короли.

Только къ 960 году въ Германіи возстановлено было полное спокойствіе, и Оттонъ сталъ помышлять о новомъ походѣ въ Италію съ цѣлью довершить то дѣло, которое пришлось отложить въ 952 г. Но прежде чѣмъ предпринять походъ въ Италію для полученія императорской короны, Оттонъ созвалъ въ маѣ 961 г. знатнѣйшихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ въ Вормсъ, гдѣ по желанію короля избранъ былъ ему въ преемники сынъ его отъ Адельгейды — Оттонъ (Ліудольфъ скончался до 961 г.). Королевичу Оттону было только 7 лѣтъ и онъ не только былъ избранъ въ преемники своему отцу, но даже торжественно коронованъ въ Ахенѣ своимъ дядею, архіепископомъ кельнскимъ, и братомъ, архіепископомъ майнцскимъ. Избраніе такого юнаго короля считалось явленіемъ необычайнымъ и, дѣйствительно, стоитъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ принципомъ свободнаго избранія.

Оттонъ, Беренгарій и Іоаннъ XII.

Устроивъ дѣла въ Германіи, Оттонъ занялся приготовленіями къ походу въ Италію, куда еще съ 954 г. его звали итальянскіе князья, притѣсняемые Беренгаріемъ, совсѣмъ не исполнявшимъ своихъ ленныхъ обязанностей по отношенію къ Оттону; но тогда Оттонъ, занятый подавленіемъ междоусобій и борьбою съ венграми и славянами, не могъ дѣйствовать болѣе или менѣе рѣшительно противъ Беренгарія. Однако просьбы о помощи изъ Италіи не пре-

кращались. Въ 960 году съ такою просьбою обратились къ Оттону изъ Рима, гдѣ съ 952 года обстоятельства перемѣнились. Въ 954 году скончался Альберикъ; свѣтская власть надъ Римомъ и церковною областью перешла къ шестнадцатилѣтнему сыну его Октавіану, который по смерти папы Агапита II въ 955 году, семнадцати лѣтъ отъ роду, самъ вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Іоанна XII, и такимъ образомъ, опять соединилъ духовную власть римскаго первосвященника со свѣтскою властью государя Рима и церковной области. Іоаннъ XII не обладалъ блестящими способностями своего отца, и этимъ спѣшилъ воспользоваться Беренгарій, чтобы увеличить свое королевство на счетъ церковной области. Тѣснимый Беренгаріемъ, папа просилъ помощи у Оттона, приглашалъ его въ Римъ, изъявляя готовность возложить на него императорскую корону, если онъ возвратитъ церковной области захваченныя Беренгаріемъ земли. Такъ предлагалъ Оттону императорскую корону самъ Іоаннъ XII, отецъ котораго не соглашался даже впустить Оттона въ Римъ.

Предложеніе Іоанна было сдѣлано Оттону какъ нельзя болѣе кстати. Во-первыхъ, въ западной Европѣ продолжало господствовать убѣжденіе, что имперія римская не перестала существовать, хотя по временамъ и не было императора, было междуцарствіе. Воспоминанія о славной эпохѣ Карла Великаго, при которомъ императорская власть возстановлена была послѣ трехвѣкового междуцарствія, еще болѣе утверждали въ этой мысли, а бѣдствія, постигшія Западную Европу вскорѣ послѣ Карла Великаго, во время бездѣйствія императорской власти, были, казалось, самымъ яснымъ доказательствомъ необходимости объединенія всего западно-европейскаго христіанскаго міра подъ властью императора. Съ другой стороны, никто, казалось, не былъ болѣе способенъ возстановить императорскую власть, чѣмъ Оттонъ, избавившій христіанъ Западной Европы отъ нашествій кочевниковъ, распространившій христіанство среди язычниковъ славянъ, владѣвшій самымъ могущественнымъ въ Европѣ королевствомъ, носившій къ тому же титулъ короля франковъ и бывшій по женской линіи потомкомъ великаго императора Карла.

Положеніе Италіи въ пол. X в.

Не мало облегчало Оттону задачу возстановленія имперіи и положеніе, въ которомъ тогда находилась Италія. Множество мелкихъ владѣтелей, едва признававшихъ власть государей, носившихъ титулъ королей Италіи, довели до полнаго разоренія эту страну, страдавшую въ то же время отъ набѣговъ венгровъ и завованій арабовъ.

Вслѣдствіе этихъ опустошительныхъ нашествій значительная часть населенія Италіи собралась въ города и, возобновивъ укрѣпленія прежнихъ временъ, отсиживалась за ними отъ набѣговъ непріятеля. Это скопленіе населенія въ городахъ, вызванное страшнымъ бѣдствіемъ, разореніемъ деревень, имѣло и нѣкоторыя благопріятныя послѣдствія: съ одной стороны, оно способствовало быстрому развитію городской жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ процвѣтанію нѣкоторыхъ ремеслъ и искусствъ, съ другой стороны, общая опасность и необходимость жить вмѣстѣ подъ охраною городскихъ стѣнъ способствовали сближенію различныхъ элементовъ населенія, романскихъ и германскихъ, и ускорили ихъ сліяніе, вырабатывая общій языкъ и сглаживая различіе въ обычаяхъ. Но въ то же время ненадежность всѣхъ условій жизни имѣла крайне дурное вліяніе на нравственное состояніе общества. Всѣ торопились жить, и мелкое честолюбіе при господствовавшемъ безправіи спѣшило поскорѣе достигать своей цѣли, не разбирая средствъ: на чьей сторонѣ была сила, тотъ пользовался ею, какъ тиранъ; вѣроломство, двоедушіе, коварство и жестокость вошли какъ бы въ законъ общественной жизни страны. Подобное воззрѣніе на жизнь не могло не отразиться на общественныхъ и семейныхъ нравахъ; въ первой половинѣ X в. развратъ достигъ въ Италіи крайнихъ предѣловъ.

Отъ церкви въ это время нельзя было ожидать спасенія, хотя и не было среди духовныхъ лицъ недостатка въ строгихъ и серьезныхъ людяхъ, которые съ ужасомъ смотрѣли на то „сатанинское господство“, которое охватило тогда все общество въ Италіи. Епископы, достигшіе при полномъ упадкѣ центральной власти большого могущества, мало отличались своими нравами отъ мірской знати. Не блистали нравственностью и монастыри, которые оказывали лишь весьма слабый отпоръ общей испорченности, но хуже всего было то, что не избѣгало общей испорченности и папство, которое раньше не для одной только Италіи было источникомъ указанія и назиданія въ дѣлѣ вѣры и совѣсти. Папы сдѣлались орудіемъ разныхъ партій и знатныхъ фамилій. Въ теченіе почти полувѣка двѣ знатныя, но порочныя римлянки, Ѳеодора и ея дочь Мароція, возводили на папскій престолъ своихъ не менѣе порочныхъ родственниковъ и друзей, пользуясь для того тайными убійствами и другими подобными средствами. Папство пришло въ совершенный упадокъ.

Хотя Октавіанъ, сдѣлавшись подъ именемъ Іоанна XII папою, снова соединилъ духовную власть папы съ властью госу-

даря Церковной Области, но отъ этого положеніе дѣлъ нисколько не улучшилось, такъ какъ юноша Іоаннъ превосходилъ порочностью своихъ предшественниковъ и всѣмъ казалось, что только сильная власть императора можетъ водворить порядокъ въ Италіи и церкви. Оттонъ же тѣмъ болѣе могъ разсчитывать на успѣхъ въ Римѣ, что самъ папа его приглашалъ туда. Принимая предложеніе Іоанна, Оттонъ клятвенно подтвердилъ всѣ права папы, обязался возвратить Церковной Области всѣ земли, захваченныя сосѣдними владѣтелями, но въ то же время объявилъ, что, короновавшись императоромъ, онъ самъ, подобно Карлу Великому, будетъ верховнымъ сюзереномъ Рима и церковной области. Въ политическомъ отношеніи просьба Іоанна XII до нѣкоторой степени напоминаетъ обращеніе папства къ Пипину Короткому за 200 лѣтъ передъ тѣмъ: вмѣшательствомъ извнѣ папа старается избавиться отъ домашняго врага.

Второй походъ Оттона въ Италію и принятіе императ. титула.

Предоставивъ управленіе Германіей брату Брунону и сыну Вильгельму, поручивъ ихъ заботамъ своего младшаго сына, незадолго передъ тѣмъ коронованнаго королемъ, Оттонъ осенью 961 г. въ сопровожденіи супруги, съ большимъ войскомъ, въ которомъ были даже отряды славянъ, отправился въ Италію. Войско Беренгарія было вскорѣ разсѣяно нѣмцами, Ломбардія опять подчинилась Оттону, который 31 января 962 г. безпрепятственно подошелъ къ Риму.

Навстрѣчу Оттона вышелъ изъ вѣчнаго города крестный ходъ, въ которомъ принимала участіе вся римская знать; представители знатнѣйшихъ родовъ римскихъ привѣтствовали короля, цѣловали его ноги и посадили на коня, присланнаго папою. По улицамъ, переполненнымъ несмѣтными толпами народа, въ торжественной процессіи ѣхалъ Оттонъ до храма св. Петра; на ступеняхъ церкви, въ полномъ облаченіи, окруженный духовенствомъ сидѣлъ папа на золотомъ тронѣ. Когда король сошелъ съ коня и поднялся по мраморнымъ ступенямъ, папа всталъ, поцѣловался въ уста съ королемъ и подалъ ему руку. Затѣмъ подошли къ такъ называемымъ серебрянымъ вратамъ храма. Прежде, чѣмъ войти въ соборъ, Оттонъ торжественно объявилъ, что явился въ Римъ обезпечить благо города и церкви и подтвердить за папою пожалованія прежнихъ императоровъ.

2 февраля, въ день Срѣтенія Господня, Оттонъ и Адельгейда были коронованы Іоанномъ XII императорскою короною.

Оттонъ, сдѣлавшись императоромъ, пріобрѣлъ верховную власть

Отношеніе Оттона къ папѣ.

надъ Римомъ, и папа сталъ владѣть этимъ городомъ и Церковною Областью только, какъ ленникъ императора; Іоаннъ XII и римскіе граждане поклялись надъ „драгоцѣннымъ тѣломъ св. Петра“ соблюдать вѣрность по отношенію къ императору и никогда не оказывать помощи ни Беренгарію, ни сыну его Адальберту. Вскорѣ Іоанну пришлось убѣдиться, что Оттонъ не только стѣснилъ его свѣтскую власть, но также будетъ вмѣшиваться въ дѣла церковныя. Изъ Рима Оттонъ уѣхалъ въ Павію и, какъ верховный защитникъ церкви, созвалъ тамъ соборъ для рѣшенія нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ. Папа на этотъ соборъ приглашенъ не былъ, а епископовъ Оттонъ старался привлечь на свою сторону и щедро раздавалъ имъ иммунитеты. Слишкомъ поздно понялъ Іоаннъ, что онъ самъ выпустилъ изъ рукъ ту власть, которая ему досталась благодаря подвигамъ его отца, и сталъ подумывать о томъ, какъ бы избавиться отъ своего защитника.

Изъ Павіи Оттонъ отправился противъ Беренгарія, который все еще держался въ одномъ изъ укрѣпленныхъ замковъ, но и на этотъ разъ императору не пришлось покончить съ Беренгаріемъ. Оттону донесли, что Іоаннъ бунтуетъ римлянъ противъ императора, вступилъ въ сношенія съ Адальбертомъ и попрежнему ведетъ весьма развратную жизнь. Сначала Оттонъ не предпринималъ еще рѣшительныхъ мѣръ противъ Іоанна: „Папа еще мальчикъ“, говорилъ императоръ: „примѣръ хорошихъ людей можетъ его исправить“. Но Іоаннъ не думалъ объ исправленіи. Онъ вошелъ въ сношенія съ византійскимъ императоромъ, пригласилъ въ Римъ Адальберта, которому помогали невѣрные арабы; этого мало—папа послалъ довѣренныхъ лицъ къ язычникамъ венграмъ съ цѣлью побудить ихъ къ новому нашествію на имперію. Узнавъ объ этомъ, Оттонъ пріостановилъ военныя дѣйствія противъ Беренгарія, немедленно отправился съ войскомъ къ Риму и осадилъ резиденцію папы. Іоаннъ принужденъ былъ бѣжать, и римляне отворили ворота императору.

Оттонъ воспользовался побѣдою какъ нельзя лучше; онъ заставилъ римлянъ вторично присягнуть ему и дать торжественное обѣщаніе „не избирать и не поставлять никого папою безъ согласія и избранія императора“ (praeter consensum atque electionem domini Imperatoris Augusti). Такъ должны были римляне отказаться отъ важнѣйшаго принадлежавшаго имъ права свободнаго избранія папы, императоръ же пріобрѣлъ такое преимущество, какого не имѣлъ и Карлъ Великій: замѣщеніе папскаго престола стало такъ же за-

висѣть отъ Оттона, какъ и назначеніе епископовъ въ Германіи, и императоръ немедленно показалъ, что желаетъ въ полной мѣрѣ воспользоваться пріобрѣтеннымъ правомъ. Какъ измѣнились обстоятельства за 100 лѣтъ! Въ 866 г. папа Николай I судилъ короля Лотаря II, правнука Карла Великаго, а въ 963 г. императоръ выступаетъ уже судьею папы.

Для суда надъ папою Оттонъ созвалъ въ Римъ соборъ, состоявшійся подъ его предсѣдательствомъ. Іоаннъ, конечно, не явился на судъ, и докладъ о его преступленіяхъ былъ выслушанъ соборомъ въ его отсутствіи. Затѣмъ отцы собора, руководимые императоромъ, просили его, „чтобы онъ изгналъ изъ святой римской церкви то чудовище, пороки котораго не могутъ быть искуплены никакою добродѣтелью, и на его мѣсто поставилъ другого, который представлялъ бы образецъ добродѣтельной жизни“. Іоаннъ былъ низложенъ „за развращенные нравы“, а папою, съ согласія Оттона, избранъ Левъ VIII. Послѣ избранія новаго папы Оттонъ опять обратился противъ Беренгарія, взялъ его въ плѣнъ и сослалъ въ Бамбергъ. Несмотря на это, Италія не скоро успокоилась. Іоаннъ имѣлъ не мало сторонниковъ среди римлянъ, которымъ совсѣмъ не нравилось подчиненіе чужеземцу Оттону. Не удивительно поэтому, что уже въ началѣ 964 г. вспыхнуло возстаніе противъ императора и его ставленника Льва. Въ февралѣ 964 г. Іоаннъ вступилъ въ Римъ и снова занялъ папскій престолъ, а Левъ VIII спасся бѣгствомъ и обратился за помощью къ императору, который не успѣлъ еще удалиться изъ Италіи. Оттонъ направился съ войскомъ къ Риму, но еще до прибытія императора Іоаннъ внезапно умеръ; по словамъ лѣтописца, папа скончался отъ раны, нанесенной ему въ одной загородной виллѣ діаволомъ; надо полагать, что роль діавола была на этотъ разъ исполнена однимъ оскорбленнымъ супругомъ. По смерти Іоанна XII римляне все-таки не пожелали подчиниться нѣмецкому ставленнику Льву VIII, а избрали и поставили папою Бенедикта XI, безъ согласія Оттона, вопреки данной ему присягѣ. Но императоръ осадилъ Римъ и, взявъ городъ, низложилъ Бенедикта XI, а римлянъ заставилъ снова признать папою Льва VIII. Такимъ образомъ, Оттонъ показалъ, что никто не можетъ сдѣлаться папою безъ его согласія.

Только въ январѣ 965 г., послѣ трехлѣтняго отсутствія, возвратился Оттонъ въ Германію, возстановивъ Священную Римскую имперію. Но эта имперія многимъ отличалась отъ имперіи Карла Великаго, даже территорія ея была нѣсколько иная. Такъ, на Пи- Имперія Оттона.

ренейскомъ полуостровѣ Оттонъ вовсе не имѣлъ владѣній; во внутреннія дѣла Франціи и Бургундіи онъ и не вмѣшивался, хотя Людовикъ IV и Конрадъ признавали его своимъ сюзереномъ. Даже та часть Италіи, которая завоевана была Оттономъ (южная Италія, какъ и при Карлѣ Великомъ, все еще принадлежала византійскому императору), не составила одного государства съ Германіей: для Италіи былъ особый канцлеръ, особые законы. Такимъ образомъ, въ возстановленной Оттономъ имперіи части монархіи Карла Великаго составили какъ бы союзъ государствъ, при чемъ подъ непосредственнымъ управленіемъ Оттона были только Германія и значительная часть Италіи. Если ученые современники и связывали съ императорскою короною притязаніе на всемірное господство, то политикъ X столѣтія, которому извѣстна была печальная судьба этой короны со времени паденія Каролинговъ, могъ признать въ ней только символическое значеніе нравственнаго превосходства нѣмецкаго государства надъ слабѣйшими сосѣдними государствами и фактическаго права верховной защиты церкви. Такъ думалъ и Оттонъ; изъ новаго своего величія онъ не создалъ притязанія на неограниченную власть въ Италіи, какъ это дѣлалъ Карлъ Великій по образцу римскихъ цезарей. Императорскою властью Оттонъ пользовался главнымъ образомъ для господства надъ церковью.

Но если на западѣ и на югѣ власть новаго императора была слабѣе, нежели власть Карла Великаго, то на сѣверѣ и востокѣ Оттонъ довершилъ многое изъ того, что было только начато Карломъ. Считая одною изъ главныхъ задачъ императора защиту и распространеніе христіанской вѣры, Оттонъ дѣятельно заботился объ утвержденіи христіанства среди покоренныхъ имъ Балтійскихъ славянъ и, кромѣ того, положилъ начало ихъ онѣмеченію, поселивъ между ними своихъ вассаловъ. Чешскій князь и датскій король были ленниками Оттона и платили ему дань. Датскій король вскорѣ послѣ своего подчиненія Оттону, въ 966 г., принялъ крещеніе и крестилъ свой народъ. Польскій князь Мечиславъ, крестившійся около того времени подъ вліяніемъ своей супруги Домбровки, долженъ былъ позволить нѣмецкимъ проповѣдникамъ распространять христіанство въ Польшѣ. Сношенія Оттона съ Россіей указываютъ на то, какъ далеко на востокъ распространилось вліяніе императора.

Отношенія къ арабамъ.

Не на одномъ только востокѣ пользовалось почетомъ имя Оттона. Въ 950 г. кордовскій калифъ Абдеррахманъ прислалъ къ Оттону пословъ, которые просили государя Германіи принять на

себя посредничество между арабами и христіанами сѣверной Испаніи. Такъ начались сношенія Оттона съ арабами; при помощи этихъ сношеній онъ надѣялся остановить поступательное движеніе мусульманъ, которые въ то время не только отняли у грековъ Сицилію, но даже заняли нѣкоторые пункты въ южной Франціи и завладѣли въ южной Италіи нѣкоторыми городами, принадлежавшими грекамъ. Но, само собою разумѣется, дипломатическія представленія не подѣйствовали на арабовъ, и Оттонъ составилъ планъ силою изгнать невѣрныхъ изъ Сициліи и южной Италіи.

Третій походъ въ Италію.

Сознаніе необходимости принять рѣшительныя мѣры противъ поступательнаго движенія арабовъ явилось у Оттона во время его третьяго похода въ Италію. Этотъ походъ былъ предпринятъ императоромъ вскорѣ послѣ возвращенія въ Германію: въ январѣ 965 г. Оттонъ возвратился изъ Италіи, а въ августѣ 966 г. былъ вынужденъ опять отправиться въ эту страну, такъ какъ римляне снова возмутились противъ папы, возведеннаго на престолъ по указанію императора. На этотъ разъ Оттонъ строго наказалъ бунтовщиковъ: 13 вожаковъ возстанія было повѣшено, многіе сосланы въ Германію. Для предупрежденія волненій на будущее время Оттонъ назначилъ въ Римѣ своего префекта, который долженъ былъ управлять городомъ вмѣстѣ съ папою, ставленникомъ императора. Устроивъ такимъ образомъ дѣла въ Римѣ, Оттонъ захотѣлъ обезпечить своему сыну на случай своей смерти императорскую корону. Поэтому въ Римъ былъ вызванъ 14-лѣтній король Оттонъ, принимавшій уже участіе въ управленіи Германіей, конечно, подъ руководствомъ старшаго брата, архіепископа майнцскаго Вильгельма, который сдѣлался канцлеромъ по смерти Брунона, случившейся въ 965 г. Молодой король прибылъ въ Римъ и въ праздникъ Рождества 967 г. былъ коронованъ императорскою короною, подобно тому, какъ и сынъ Карла Великаго Людовикъ былъ коронованъ еще при жизни своего отца.

Отношенія къ Византіи.

Во время пребыванія стараго императора въ Римѣ къ нему обратились за помощью противъ арабовъ нѣкоторые князья южной Италіи. Оттонъ охотно согласился помогать имъ и привелъ ихъ въ ленную отъ себя зависимость, хотя эти князья считались подвластными византійскому императору. Престолъ византійскій занималъ въ это время весьма энергичный императоръ, знаменитый полководецъ Никифоръ Фока. Узнавъ объ измѣнѣ князей южной Италіи, Никифоръ немедленно собралъ войско, чтобы наказать измѣнниковъ, но вскорѣ явилось къ нему посольство отъ императора

Оттона I, который просилъ у Никифора руки падчерицы его, дочери императора Романа II, для своего сына-императора. Эта царевна была сестрою царевны Анны, на которой 20 лѣтъ спустя женился великій князь русскій Владиміръ. Оттонъ надѣялся, что южно-итальянскія владѣнія грековъ будутъ отданы его сыну, какъ приданое, но Никифоръ и слышать не хотѣлъ объ уступкѣ своихъ владѣній въ южной Италіи. Переговоры были прерваны и началась война. Оттонъ отправился съ войскомъ въ южную Италію, но, не имѣя флота, онъ не могъ прочно утвердиться въ этой странѣ, такъ какъ греки постоянно получали съ моря подкрѣпленія.

Болѣе двухъ лѣтъ продолжалась въ Южной Италіи война съ перемѣннымъ счастьемъ. Оттонъ не прекратилъ военныхъ дѣйствій и по смерти Никифора (въ 969 году), когда въ Константинополѣ воцарился Іоаннъ Цимисхій. Занятый войною со Святославомъ, Цимисхій не могъ обратить всѣхъ силъ противъ Оттона и отправилъ къ нему пословъ, которые объявили, что византійскій императоръ согласенъ дать въ супруги Оттону II царевну Ѳеофано, но никогда не согласится на уступку своихъ итальянскихъ владѣній. Такъ какъ война продолжалась уже около трехъ лѣтъ и ведена была съ сомнительнымъ успѣхомъ, то Оттонъ согласился на предложенія Цимисхія тѣмъ болѣе, что новый византійскій императоръ изъявилъ согласіе признать императорскій титулъ Оттона, на что не соглашался Никифоръ. Въ Константинополь отправлено было Оттономъ блестящее посольство съ архіепископомъ кельнскимъ во главѣ за царевною Ѳеофано. Въ началѣ 972 г. Ѳеофано прибыла въ Италію, 14 апрѣля состоялся ея торжественный въѣздъ въ Римъ, гдѣ она была коронована императорскою короною и обвѣнчана съ Оттономъ II, которому было тогда 17 лѣтъ.

Кончина Оттона.

Оба императора, отецъ и сынъ, съ супругами пробыли въ Римѣ до мая 972 г. и только въ сентябрѣ возвратились въ Германію, въ которой старый императоръ не былъ съ 966 г. За время шестилѣтняго отсутствія императора въ Германіи скончались старшій сынъ его архіепископъ Вильгельмъ, дочь Ліутгарда и мать Матильда. Вдова Генриха погребена была рядомъ съ могилою ея супруга въ Кведлинбургѣ, и туда поспѣшилъ Оттонъ по возвращеніи въ Германію поклониться гробу матери. Въ Кведлинбургѣ же императоры праздновали Пасху 973 г. По случаю праздника ко двору Оттона съѣхались герцоги и всѣ знатнѣйшіе духовные и свѣтскіе вельможи Германіи и Италіи, явились съ поздравленіями и привезли дань польскій князь Мечиславъ и чешскій Болеславъ II, а король дат-

скій прислалъ съ данью большое посольство. Кромѣ того, прибыли въ Кведлинбургъ съ поздравленіями послы изъ Россіи, Болгаріи, Греціи. Даже венгры, недавно злѣйшіе враги Германіи, прислали къ Оттону посольство съ дарами. Это блестящее собраніе живо напоминало императору о всѣхъ подвигахъ его многотрудной жизни, было нагляднымъ указаніемъ всѣхъ достигнутыхъ имъ успѣховъ.

Во время пребыванія въ Кведлинбургѣ Оттонъ попрежнему проявлялъ необыкновенную дѣятельность; между прочимъ онъ снарядилъ миссію въ Венгрію для проповѣдыванія христіанства, но дни императора были уже сочтены: всѣ видѣли, что смерть близкихъ родныхъ сильно повліяла на Оттона, онъ вдругъ какъ-то одряхлѣлъ и постарѣлъ, хотя ему шелъ только 62-й годъ. Чувствуя необходимость въ отдыхѣ, Оттонъ послѣ пасхальныхъ торжествъ отправился въ замокъ Мемлебенъ, гдѣ въ 936 г. скончался Генрихъ I. Въ Мемлебенъ Оттонъ прибылъ 6 мая 973 г. Путешествіе очень утомило стараго императора; однако на слѣдующій день онъ по привычкѣ поднялся на разсвѣтѣ, чтобы не опоздать къ заутрени. Весь день Оттонъ чувствовалъ себя слабымъ, но не терялъ бодрости и даже шутилъ за обѣдомъ, но когда нѣсколько часовъ спустя онъ стоялъ въ церкви за вечерней, то внезапно почувствовалъ упадокъ силъ и лишился чувствъ. Стоявшіе кругомъ князья поддержали его и перенесли на кресло. Вскорѣ императоръ пришелъ въ себя и сказалъ, что желаетъ причаститься Св. Таинъ. Нѣсколько минутъ спустя послѣ принятія Св. Таинъ Оттонъ тихо скончался при пѣніи священныхъ гимновъ всѣми присутствовавшими въ церкви.

Еще современники Оттона удивлялись его подвигамъ и называли Великимъ. Это имя вполнѣ заслуженно сохранилъ онъ и въ исторіи.

Виталій Эйнгорнъ.

XXX.

Религіозно-общественный идеалъ папы Григорія VII-го[1]).

Французская поговорка—„всѣ дороги ведутъ въ Римъ“,—быть можетъ, никогда не заключала въ себѣ болѣе вѣрной характеристики состоянія западной Европы, чѣмъ во второй половинѣ XI-го столѣтія, въ дни понтификата Григорія VII-го. Римъ никогда не былъ въ бо̀льшей степени, чѣмъ въ тѣ времена, мірообъемлющимъ центромъ, въ которомъ узломъ сходились всѣ нити западно-евро-

---

[1]) Предлагаемая статья представляетъ собою извлеченіе изъ только что напечатаннаго труда автора—„Идея Божескаго царства въ твореніяхъ папы Григорія VII и публицистовъ его времени“. Главнѣйшими **источниками** какъ для статьи, такъ и для названной работы послужили: Monumenta Gregoriana (Jaffe, Bibliotheca rerum Germanicarum, t. II), два тома Monumenta Germaniae Historica, libelli de lite imperatorum et pontificum (S. XI, XII), Monumenta Germaniae, Scriptores, изданіе Пертца (первые 14 и 20 томъ), сочиненія Петра Даміани (изд. Migne, два тома) и Mansi Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. Изъ **пособій** въ особенности важны: *Giesebrecht,* Geschichte der deutschen Kaiserzeit; *Meier von Knonau,* Jahrbücher des deutschen Reichs; *Gfrörer*, Papst Gregorius VII; *Martens,* Gregor VII, Sein Leben und Werken; *Hauck*, Kirchengeschichte Deutschlands; *Mirbt*, Die Publicistik im Zeitalter Gregors VII. Мы не считаемъ нужнымъ давать здѣсь біографическихъ свѣдѣній о Григоріи, такъ какъ русскій читатель можетъ найти ихъ въ общедоступномъ изложеніи знатока занимающей насъ эпохи, харьковскаго профессора Вязигина (Григорій VII, его жизнь и общественная дѣятельность, біографич. библ. Павленкова). Въ другомъ трудѣ—„Личность и значеніе Григорія VII въ исторической литературѣ“ (П. 1892) тотъ же авторъ подвергаетъ основательному критическому разбору главнѣйшія изъ указанныхъ пособій и даетъ весьма подробныя библіографическія указанія.

пейской исторіи, пружиною, все приводящей въ дѣйствіе. Если мы станемъ на точку зрѣнія великаго папы и взглянемъ на міръ, какъ онъ ему представляется съ высоты апостольскаго престола, передъ нами, „какъ съ высокой башни“, откроются необъятные горизонты: мы будемъ поражены необычайной широтой той исторической перспективы, которая служитъ папѣ ареной дѣятельности. На сѣверѣ — скандинавскія государства, на югѣ — сѣверная Африка, на западѣ — Испанія, на востокѣ — Кіевъ, Константинополь, армянскія церкви Малой Азіи — таковы географическіе предѣлы кругозора Григорія — тѣ крайніе пункты земной поверхности, съ которыми онъ такъ или иначе пребываетъ въ сношеніяхъ, на которые простирается если не власть, то дѣятельность преемника св. Петра.

Въ этихъ предѣлахъ передъ нами развертывается необычайно разнообразная панорама. На сѣверѣ христіанскіе миссіонеры одерживаютъ побѣду за побѣдой: великій переломъ совершается въ Швеціи, которая обращается изъ язычества въ христіанство. На югѣ и юго-востокѣ мусульмане тѣснятъ христіанъ и служатъ вѣчной угрозой для одряхлѣвшей византійской имперіи. На западѣ совершается наступательное движеніе христіанъ противъ мусульманъ, у коихъ испанскія дружины вмѣстѣ съ французскими рыцарями отвоевываютъ пядь за пядью родную землю. Норманскіе князья — Рожеръ и Робертъ Гюискаръ — одерживаютъ рядъ побѣдъ надъ сарацинами и довершаютъ завоеваніе Сициліи. „Схизматики“ греки находятся въ непрестанномъ колебаніи между старинной враждой къ апостольскому престолу и страхомъ передъ мусульманскими нашествіями, который заставляетъ византійскихъ императоровъ обращаться къ помощи главы латинскаго христіанства, искать сближенія съ нимъ. Въ средней Европѣ папа озабоченъ судьбами Франціи, которая находится въ состояніи полнѣйшей анархіи: не сдержанные уваженіемъ къ королевской власти, французскіе феодалы ведутъ между собою безпрерывныя частныя войны, и самъ король, безсильный управлять своимъ государствомъ, предпринимаетъ разбойничьи подвиги, грабя на большихъ дорогахъ проѣзжихъ купцовъ. Въ отдаленной Англіи у апостольскаго престола имѣется другъ, не всегда, впрочемъ, вѣрный и надежный: это „перлъ между князьями“, — Вильгельмъ Завоеватель, покорившій Великобританію съ благословенія римскаго первосвященника. А въ сосѣдней Германіи, на глазахъ Григорія, возгорается пламя всеобщаго междоусобія. Здѣсь въ началѣ его понтификата идетъ междоусобная война между королемъ и его возмутившимися поддан-

ными: здѣсь вопреки надеждамъ папы устроить миръ зарождается церковный споръ, полувѣковая борьба между святительскою и царскою властью.

Этнографическій составъ тѣхъ областей, на которыя простирается вліяніе папы, отличается чрезвычайной пестротой, и территоріальные предѣлы его духовной власти безпрестанно мѣняются; въ числѣ корреспондентовъ, къ коимъ обращаются папскія посланія, фигурируетъ русскій князь Изяславъ Ярославичъ, коего сыну Ярополку папа именемъ св. Петра „отдаетъ“ Кіевъ, рядомъ со Свеномъ—датскимъ королемъ, Аназиръ, мавританскій царь, рядомъ съ испанскимъ епископомъ Симеономъ.

Уже одно это пестрое разнообразіе корреспондентовъ папы, среди коихъ имѣются лица самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, представители всѣхъ возможныхъ странъ и народностей, — указываетъ на разнообразіе дѣятельности Григорія и на необычайную широту его стремленій. Въ твореніяхъ этого папы весь христіанскій міръ того времени находитъ себѣ отраженіе. Эта широта географическаго кругозора великаго святителя свидѣтельствуетъ не только объ объемѣ его власти и вліянія: она обусловливается необычайной широтой того политическаго и общественнаго идеала, который связываетъ его, какъ главу католическаго христіанства, со всѣми концами вселенной. Онъ хочетъ всѣхъ привести къ единству стада Христова подъ властью единаго вселенскаго пастыря, сплотить человѣчество во единое соціальное тѣло, устроить на землѣ единое „*божеское царство*“. Во имя этого идеала папа признаетъ себя отвѣтственнымъ предъ Богомъ: „рабъ рабовъ“ Божіихъ онъ, обязанный пещись обо всѣхъ,—„всѣмъ одинаково должникъ“—народамъ близкимъ и отдаленнымъ.

Григорій преемникъ Августина.

I. Въ задачу настоящаго очерка не входитъ ни жизнеописаніе Григорія, ни изложеніе тѣхъ историческихъ событій, коихъ онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ. Мы ограничимся здѣсь краткой характеристикой того религіозно-общественнаго идеала, которому онъ служилъ, какъ практическій дѣятель и какъ мыслитель-теоретикъ.

Прежде всего слѣдуетъ констатировать, что идеалъ этотъ не новъ и не составляетъ результата изобрѣтенія мысли самого Григорія. Великій папа продолжаетъ дѣло, до него начатое, примѣняетъ и развиваетъ начала, раньше его высказанныя.

Въ жизни своей всемірной паствы онъ стремится осуществить ту идеальную программу, которая уже въ V вѣкѣ выразилась въ

общихъ чертахъ въ знаменитомъ трактатѣ блаженнаго Августина— „О градѣ Божіемъ“ [1]). Для Августина „божеское царство“ есть правда вселенной, сокровенный смыслъ всего существующаго. Все въ мірѣ подчинено вѣчному закону Создателя; въ основѣ вселенной лежитъ единый архитектурный планъ, отъ вѣка предначертанный въ божественномъ разумѣ. Постольку „божеское царство“ есть фактъ вѣчной дѣйствительности: Богъ вѣчно царствуетъ: не только на небѣ, но и на землѣ все носитъ на себѣ отпечатокъ Его мысли и воли. Но на землѣ „божеское царство“ достигаетъ совершеннаго и полнаго своего обнаруженія лишь постепенно, въ процессѣ историческаго развитія; здѣсь оно представляетъ собою не совершившійся фактъ, а *цѣль*, къ осуществленію которой должна стремиться человѣческая воля.

Этимъ опредѣляется жизненная задача человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ — политическая и общественная задача человѣчества. Какъ въ небесной жизни ангеловъ, такъ и въ земной жизни человѣчества „божеское царство“ должно наполнить все собою, *стать всѣмъ во всемъ*. Единый богъ управляетъ вселенной, а потому форма „божескаго царства“ есть *единство*. На небѣ ангелы и святые составляютъ единое общество; они живутъ въ совершенномъ подчиненіи волѣ Создателя, иначе говоря,—пребываютъ въ совершенномъ *единствѣ* съ Нимъ.

Подобно обществу ангеловъ и человѣчество должно собраться во единый соціальный организмъ—объединиться во единый храмъ Божій. На землѣ мысли Создателя противятся грѣховныя влеченія человѣческой природы; вслѣдствіе грѣхопаденія прародителей человѣчество подчинено власти наслѣдственнаго, первороднаго грѣха. Со дня этого первоначальнаго грѣхопаденія „божескому царству“ на землѣ противополагается темное, бѣсовское царство. Поэтому въ нашей грѣховной природѣ все двоится, все противится божественному единоначалію: борьба противоположныхъ страстей и влеченій, борьба духа съ плотью,—таковы проявленія этой роковой двойственности во внутреннемъ мірѣ человѣка; та же двойственность сказывается и въ жизни человѣческаго общества, въ формѣ междоусобной борьбы отдѣльныхъ лицъ, сословій и государствъ. Вмѣсто единаго „божескаго царства“ на землѣ суще-

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ Августинѣ читатель найдетъ въ моемъ сочиненіи: „Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Міросозерцаніе блаженнаго Августина“. Москва, 1892.

ствуетъ множество земныхъ, человѣческихъ царствъ, которыя ведутъ между собою ожесточенную борьбу. Будучи послѣдствіемъ грѣховнаго состоянія, это разъединеніе рода человѣческаго должно упразднится вмѣстѣ съ грѣхомъ: единство „божескаго царства“ въ концѣ вѣковъ восторжествуетъ надъ дробленіемъ и раздоромъ царствъ земныхъ, и всѣ народы сольются во единую „христіанскую республику“: въ этомъ, по Августину, заключается конечная цѣль и завершеніе историческаго процесса.

На землѣ „божеское царство“ олицетворяется церковью; поэтому единство „града Божія“ для Августина есть прежде всего единство католическое, единство церкви, какъ всемірнаго союза людей во Христѣ. Но, съ другой стороны, у отца латинскаго христіанства церковь облекается во всеоружіе государственныхъ аттрибутовъ и функцій. Она имѣетъ право силою свѣтскаго меча *принуждать* къ истинной вѣрѣ всѣхъ противлющихся и непокорныхъ; въ дѣлѣ установленія религіознаго единства государство должно служить ей какъ орудіе. Болѣе того — государство имѣетъ право существовать, лишь поскольку оно входитъ въ церковь какъ составная ея часть, всецѣло поглощается ею. Для Августина государство свободное и независимое отъ церкви есть лишь „разбойничье общество въ большомъ размѣрѣ.

Августинъ — родоначальникъ теократическаго идеала среднихъ вѣковъ.

II. Въ послѣдующемъ развитіи средневѣковой исторіи изложенныя нами мысли Августина становятся общимъ достояніемъ. Ученіе „О градѣ Божіемъ“ составляютъ краеугольный камень всего политическаго міросозерцанія среднихъ вѣковъ. Имъ вдохновляются какъ политическіе теоретики, такъ и церковные, и государственные дѣятели. Продолжателями дѣла Августина являются не только папы, но и императоры.

Любовь къ „единству“ есть, можно сказать, центральный мотивъ средневѣковой исторіи, одна изъ главныхъ пружинъ, приводящихъ въ движеніе средневѣковое общество. Человѣчество, собранное во всемірный церковный организмъ, есть именно тотъ идеалъ, во имя котораго западная церковь называетъ себя католическою; въ немъ и папство находитъ себѣ идеальное обоснованіе. Ради религіознаго объединенія человѣчества необходимъ единый авторитетъ, единая духовная власть, которая служитъ видимымъ центромъ церковной организаціи. Этимъ средневѣковые учители доказываютъ необходимость монархическаго, папскаго начала въ церкви. Той же идеѣ объединенія человѣчества во всемірную respublica christiana служитъ и „Священная римская имперія“ германскихъ

императоровъ. Рядомъ съ духовной властью, которая проповѣдуетъ и учитъ, христіанское единство должно охраняться еще и свѣтскою властью, которая караетъ и принуждаетъ. Церковь въ своей видимой организаціи подвержена нападеніямъ внѣшнихъ враговъ; чтобы оградить ее противъ натиска внѣшней силы, чтобы заставить народы войти въ ея ограду и обезпечить ея всемірное владычество,— нуженъ свѣтскій мечъ, нужно *католическое, т.-е. универсальное царство*. Такъ понимали свою задачу основатель Священной римской имперіи--Карлъ Великій и его преемники; такъ же точно понимали ее и римскіе первосвященники. Карлъ Великій считалъ себя повелителемъ надъ всѣми королями Запада, Оттонъ III-й мечталъ о возстановленіи имперіи въ томъ видѣ, какъ она существовала при древнихъ римскихъ кесаряхъ; а папа Іоаннъ VIII-й называлъ императоровъ „владыками міра“ (totius mundi domini) и писалъ королю Людовику II-ому до коронованія его императорской короной: „если вы съ Божіей помощью станете римскимъ императоромъ, — вамъ будутъ подчинены всѣ царства“. Вѣра въ необходимую связь между католическою церковью и универсальной свѣтской организаціей пережила паденіе древней имперіи Запада; она же и составила, какъ это прекрасно выяснено новѣйшимъ историкомъ Брайсомъ, идеальную основу „Священной римской имперіи“ германскихъ императоровъ. Ближайшій сотрудникъ и совѣтникъ Карла Великаго – Алькуинъ Іоркскій говорилъ, что должна существовать единая имперія, дабы во всѣхъ сердцахъ запечатлѣлась „*единая католическая вѣра*“, дабы повсемѣстно утвердилось „*единство мира и единство совершенной любви*“. Самъ Карлъ Великій, говоря словами его біографа, вдохновлялся идеалами бл. Августина и „услаждался“ его книгами, въ особенности трактатомъ De Civitate Dei. У того же Августина ищетъ оправданія Священной римской имперіи аббатъ Энгельбертъ, писатель XIV вѣка, т.-е. той эпохи, когда созданіе Карла В. пережило себя, и императоры – его безсильные преемники — влачили жалкое существованіе.

Словомъ, отъ начала среднихъ вѣковъ Августинъ господствуетъ надъ умами. По его плану строится „христіанская республика“ римскихъ папъ и императоровъ. Въ борьбѣ между папствомъ и имперіей, возгорѣвшейся при Григоріи VII-мъ, обнаруживается несовершенство этого плана и его внутренняя несостоятельность.

III. Между универсальнымъ идеаломъ западнаго католичества и историческою дѣйствительностію среднихъ вѣковъ существуетъ

глубокое, непримиримое противорѣчіе. Единству этого идеала противополагается крайнее раздробленіе и раздвоеніе общества. Универсальная въ идеѣ,—католическая церковь есть фактически *церковь мѣстная*, связанная тѣсными географическими предѣлами. На востокѣ ей противополагается, какъ внѣшняя граница, греческая церковь, которая не поддается латинизаціи; ее съ трехъ сторонъ охватываетъ мусульманскій міръ; ей приходится вести борьбу съ язычниками сѣвера и сѣверо-востока. Универсальное владычество Священной имперіи есть владычество только номинальное; ей противополагается на Востокѣ другая, византійская имперія, съ такими же универсальными притязаніями; константинопольскіе кесари не хотятъ признавать германскихъ королей за римскихъ императоровъ и величаютъ ихъ „царями франковъ"; въ западной Европѣ точно также главенство германскихъ императоровъ надъ другими королями остается голымъ притязаніемъ безъ всякой возможности фактическаго осуществленія.

Единство западной церкви есть единство мѣстное, латинское. Но и въ предѣлахъ латинскаго міра все двоится, и единство остается идеальнымъ требованіемъ. Двойственно, прежде всего, самое соціальное устройство церкви, гдѣ каждый епископъ—вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣтскій князь, гдѣ епископы и аббаты — вмѣстѣ съ тѣмъ и вассалы королей. Представители универсальной идеи церкви, они связаны мѣстными мірскими интересами; представители власти духовной,—они находятся въ феодальной зависимости отъ властей мірскихъ, управляютъ территоріями королей, поставляютъ имъ контингенты вооруженныхъ людей и нерѣдко сами фигурируютъ въ ихъ войскѣ.

Бракъ духовенства.

Осуществленіе идеала „божескаго царства" въ XI-мъ вѣкѣ задерживается разнообразными препятствіями. Прежде всего этому идеалу не соотвѣтствуетъ жизнь самихъ пастырей церкви. Бракъ духовенства, воспрещенный церковными канонами, въ занимающую насъ эпоху всюду составляетъ обычное явленіе. Въ Италіи, Германіи, Франціи, Англіи и Испаніи большая часть *священниковъ, діаконовъ и церковно-служителей—женаты*, многіе епископы живутъ въ явномъ бракѣ. Въ этомъ заключается одинъ изъ главныхъ факторовъ, препятствующихъ *объединенію католической іерархіи*. Женатый священникъ опутанъ сѣтью сложныхъ отношеній родства и свойства; родственныя отношенія связываютъ священниковъ съ интересами *мѣстными*; семейная жизнь вообще приковываетъ ихъ желанія и помыслы къ землѣ, заставляя ихъ забывать объ уни-

версальныхъ, общихъ интересахъ религіи; съ семьей связанъ цѣлый міръ матеріальныхъ, земныхъ заботъ; понятно, что, увеличивая матеріальныя потребности духовенства, семейный бытъ тѣмъ самымъ усиливаетъ зависимость его отъ сильныхъ міра сего. Не даромъ ходячее преданіе приписываетъ Григорію многознаменательныя слова: „не можетъ церковь освободиться отъ рабства мірянамъ, доколѣ духовныя лица не будутъ освобождены отъ женъ". Семья духовныхъ лицъ служитъ *средоточіемъ ихъ частныхъ интересовъ, центромъ партикуляризма* по преимуществу; она вноситъ рознь и раздвоеніе въ іерархію; въ этомъ заключается главная причина того, что Григорій VII-й и другіе сторонники церковныхъ преобразованій въ XI-мъ вѣкѣ стоятъ за безбрачіе духовенства *во имя идеала „божескаго царства", католически единаго и цѣлостнаго.*

Другая причина, препятствующая объединенію іерархіи, есть повсемѣстно распространенная въ XI-мъ вѣкѣ *симонія*,—купля-продажа духовныхъ должностей. Изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ писателей XI-го вѣка мы узнаемъ, что симонія въ то время была распространена во всѣхъ возможныхъ видахъ. Говоря словами одного изъ типичнѣйшихъ сторонниковъ церковныхъ преобразованій эпохи, предшествовавшей понтификату Григорія—кардинала Гумберта,—предметомъ продажи въ его время служитъ все то, что имѣетъ какое-либо близкое или отдаленное отношеніе къ христіанской вѣрѣ и церкви: продаются за деньги должности пресвитеровъ, діаконовъ, экономовъ, продаются церкви и монастыри; нѣтъ того клочка церковной земли или хижины, принадлежащей церкви, которая бы не продавалась, такъ что во всемъ христіанскомъ мірѣ ничто не остается непроданнымъ. Отъ низшихъ и до высшихъ ступеней іерархіи всѣ торгуютъ церковью, всѣ продаютъ и покупаютъ; на ряду съ духовными лицами—епископами, которые посвящаютъ за деньги, — продавцами являются императоры, короли, князья и судьи мірскіе, которые назначаютъ на духовныя должности за деньги, тогда какъ ихъ обязанность заключается въ томъ, чтобы защищать церковь, карать свѣтскимъ мечомъ всѣхъ тѣхъ, кто повреждаетъ ея чистоту. Симонія.

Понятно—почему симонія на ряду съ бракомъ духовенства повреждаетъ единство церковной организаціи: симонія погрѣшаетъ именно противъ того принципа, который лежитъ въ основѣ соціальнаго единства церкви и составляетъ ея отличіе отъ міра,—*противъ благодати*; пріобрѣтеніе духовнаго сана для симониста уже не есть даръ свыше, а результатъ компромисса между матеріаль-

ными, *частными* интересами продавца и покупателя. Въ симоніи выражается рабская зависимость церкви отъ элементовъ *мѣстныхъ*, территоріальныхъ,—отъ избирателей, которые за деньги избираютъ своихъ пастырей, и отъ мірскихъ властей, торгующихъ духовными должностями; въ ней воплощается партикуляризмъ средневѣковаго общества—тѣ частные своекорыстные интересы, которые возстаютъ противъ единства „божескаго царства". Если „божеское царство" въ глазахъ ревнителей церковныхъ преобразованій XI-го вѣка олицетворяется мистическимъ числомъ—*единицей*, все приводящей къ единству, то симонія представляется имъ во образѣ „*злой двоицы*"—подлаго, „схизматическаго" числа, которое все разсѣкаетъ, дробитъ на части церковь—тѣло Христово.

Расхищеніе церковныхъ имуществъ женатыми духовными и симонистами.

Бракъ духовенства и симонія повреждаютъ единство и цѣлостность церкви не только въ сферѣ іерархическихъ отношеній, но и въ сферѣ имущественной, экономической... У писателей X-го и XI-го вѣка мы находимъ во множествѣ повтореній жалобу на расхищеніе церковныхъ имуществъ духовными—женатыми и симонистами. Сплошь да рядомъ мы узнаемъ, что тотъ или другой женатый священникъ или епископъ надѣлилъ приданымъ изъ церковнаго имущества своихъ дочерей, обогатилъ изъ него своихъ сыновей. Вообще, содержаніе семействъ духовенства поглощаетъ доходы церкви и влечетъ за собой уменьшеніе ея богатствъ.

Что касается симоніи, то она часто влечетъ за собою настоящее разореніе церквей. Уже самый фактъ купли-продажи духовныхъ должностей въ огромномъ большинствѣ случаевъ предполагаетъ, что какъ для покупателя, такъ и для продавца корыстная цѣль стоитъ на первомъ планѣ: та или другая церковная должность, которая служитъ предметомъ торговой сдѣлки, разсматривается прежде всего какъ цѣнность, изъ коей обѣ стороны стремятся извлечь наибольшія выгоды. При такомъ настроеніи понятно, что пастырь-симонистъ, счастливый обладатель той или другой доходной церковной должности, заботится лишь о себѣ и о своемъ потомствѣ, если онъ имѣетъ таковое; холостъ ли онъ или женатъ,—онъ въ большинствѣ случаевъ не думаетъ о благѣ своей церкви и о матеріальномъ благополучіи своихъ преемниковъ. Расхищеніе церковныхъ имуществъ симонистами обусловливается еще и тѣмъ, что церковныя должности сплошь да рядомъ покупаются въ долгъ, такъ что покупатель разсчитываетъ вознаградить продавца изъ пріобрѣтаемаго имъ церковнаго имущества; для покрытія такихъ долговъ нерѣдко продаются драгоцѣнности, украшающія стѣны хра-

мовъ, и даже черепицы съ крышъ церковныхъ зданій. Вообще очевидно, что симонисты не для того покупаютъ епископства и аббатства, чтобы предаваться аскетическимъ подвигамъ; а потому мы охотно повѣримъ той характеристикѣ, какую даетъ упомянутый нами кардиналъ Гумбертъ духовнымъ-симонистамъ: пастыри-наемники, они пасутъ себѣ, а не Богу, не берегутъ и не спасаютъ отъ волковъ своихъ овецъ, а пьютъ ихъ молоко, стригутъ ихъ шерсть и упиваются ихъ кровью.

Свѣтская инвеститура.

IV. На ряду съ симоніей и бракомъ духовенства единство церковной организаціи повреждается тѣмъ способомъ замѣщенія высшихъ духовныхъ должностей, который господствуетъ въ XI-мъ вѣкѣ,—*свѣтской инвеститурой*. По смыслу древняго церковнаго правила, за которое еще въ V-мъ вѣкѣ высказывается папа Левъ Великій, епископы должны свободно избираться клиромъ и паствой ихъ діоцезовъ. Въ XI-мъ вѣкѣ господствуетъ иной порядокъ замѣщенія вакантныхъ епископскихъ каѳедръ, имѣющій силу вѣкового обычая. Въ Италіи и въ Германіи въ занимающую насъ эпоху по открытіи вакансіи вслѣдствіе смерти епископа посохъ и кольцо умершаго пастыря доставляются королю депутаціей изъ знатныхъ духовныхъ и мірянъ епископскаго города. Король, по совѣщаніи съ приближенными, отдаетъ по своему усмотрѣнію каѳедру кандидату, уже намѣченному клиромъ и паствой вакантнаго епископства, или же кому-либо другому—обыкновенно черезъ врученіе посоха и кольца, при чемъ вновь назначенный приноситъ королю вассальную присягу въ вѣрности. Это врученіе посоха и кольца, совершаемое королемъ часто въ церкви лично или черезъ представителей, и есть та процедура, которая въ XI-мъ вѣкѣ впервые получаетъ названіе инвеституры. Вслѣдъ за инвеститурой совершается интронизація — восшествіе на епископскую каѳедру, т.-е. торжественный актъ вступленія новаго пастыря въ его епископскія права. Послѣ всего этого уже совершается посвященіе епископа митрополитомъ. При такомъ порядкѣ замѣщенія епископскихъ каѳедръ представитель духовной власти—митрополитъ—играетъ совершенно несамостоятельную роль: послѣ интронизаціи вновь назначеннаго кандидата, ему остается только посредствомъ возложенія рукъ санкціонировать рѣшеніе свѣтской власти. Въ такихъ же точно условіяхъ находится и инвеститура аббатовъ. Назначеніе аббатовъ королемъ составляетъ общее правило; выборы аббата монастыремъ имѣютъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если монастырь прямо на то уполномоченъ особой привилегіей — иммунитетной грамотой,

исходящей отъ королевской власти; впрочемъ, и иммунитеты монастырей часто нарушаются и не служатъ гарантіей противъ произвола короля въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній заинтересованъ въ назначеніи того или другого аббата.

Въ Германіи король чаще всего назначаетъ на вакантныя каѳедры членовъ своей придворной капеллы, которая поистинѣ служитъ разсадникомъ епископовъ; служба при дворѣ является вѣрнѣйшимъ путемъ для достиженія высшихъ духовныхъ должностей; послѣднія чаще всего даются за какія-либо служебныя отличія, или же пріобрѣтаются путемъ подкупа короля, его родственниковъ, а также вліятельныхъ придворныхъ.

Вотъ эти-то олицетворяемыя инвеститурой права свѣтской власти представляютъ собою величайшую угрозу единству іерархической организаціи. Благодаря свѣтской инвеститурѣ замѣщеніе епископствъ и аббатствъ зависитъ *не отъ единой духовной власти, а отъ множества мірскихъ государей*. Вмѣсто того, чтобы быть единымъ домомъ Божіимъ, церковь распадается на части; она представляетъ собою разсыпанную храмину, безсвязное собраніе отдѣльныхъ мѣстныхъ церквей и, слѣдовательно, перестаетъ быть *церковью католическою*. Церковные писатели XI-го вѣка жалуются на то, что вслѣдствіе свѣтской инвеституры святители рабствуютъ могущественнымъ мірянамъ. Забывая объ обязанностяхъ своего сана, духовные изъ пастырей превращаются въ придворныхъ, ведутъ свѣтскій образъ жизни; покидая свою паству, они живутъ при царскихъ дворцахъ, исполняютъ разнообразныя порученія свѣтскихъ государей, не имѣющія ничего общаго съ ихъ святительскимъ служеніемъ: они думаютъ только о мірскихъ выгодахъ, служебныхъ отличіяхъ и наградахъ.

Чтобы пастыри церкви стали воистину орудіями, проводниками божескаго царства на землѣ, недостаточно уничтожить бракъ духовенства и симонію: нужно спасти святителей отъ того порабощенія ихъ мірскими властями, которое выражается въ свѣтской инвеститурѣ. Этимъ опредѣляются основныя задачи той программы церковныхъ преобразованій, которая уже задолго до понтификата Григорія нашла себѣ выраженіе въ дѣяніяхъ папъ и въ твореніяхъ церковныхъ писателей XI-го вѣка,—тѣ принципы, осуществленію коихъ великій святитель служитъ до и послѣ своего посвященія въ папы.

V. Основнымъ мотивомъ всей жизни и дѣятельности Григорія служитъ сознаніе несоотвѣтствія между идеаломъ католическаго

единства и жизнью современнаго ему христіанскаго общества. Этимъ мотивомъ опредѣляются прежде всего тѣ требованія, которыя онъ предъявляетъ къ современнымъ ему пастырямъ церкви.

Мірообъемлющій планъ Григорія.

Чтобы быть достойными служителями теократическаго идеала—представителями „божескаго царства“ на землѣ, святители должны отдаться ему всецѣло. Подобно Христу—Первосвященнику и Царю—священники, совершители безкровной жертвы, должны сами стать *жертвой Богу*. Внѣ церкви члены клира не должны обладать своею самостоятельною жизнью: они должны принадлежать ей душой и тѣломъ. Они должны отказаться отъ частной свободы, чтобы стать исключительно лицами должностными. Носители идеи божескаго царства, единаго и цѣлостнаго, они въ самихъ себѣ должны являть образъ совершеннаго *единства и цѣлостности*. Служеніе алтарю требуетъ, *во-первыхъ*, воздержанія отъ тѣхъ плотскихъ, чувственныхъ влеченій животной природы, которыя нарушаютъ единство духовной жизни—*совершеннаго цѣломудрія*. *Во-вторыхъ*, оно требуетъ полнѣйшей независимости отъ *человѣческихъ господъ*—отъ всякихъ чисто-мірскихъ интересовъ и вліяній. И наконецъ, *въ-третьихъ*, священнослужители должны стать воистину членами той апостольской іерархіи, которая, начинаясь на землѣ, вздымается къ небу въ видѣ правильно организованной лѣствицы чиновъ, наподобіе чиновъ ангельскихъ, и находитъ себѣ завершеніе въ лицѣ верховнаго апостола, которому дана власть разверзать врата небесныя всѣмъ мертвымъ.

Въ одной изъ послѣднихъ своихъ энцикликъ, обращенной ко всѣмъ вѣрнымъ (въ 1084 г.), Григорій, подводя итоги своей дѣятельности, пишетъ, что онъ съ самаго начала своего понтификата руководился однимъ господствующимъ стремленіемъ: „чтобы церковь—невѣста Христова, госпожа наша и мать,—вернувшись къ тому, чѣмъ ей быть подобаетъ, пребывала всегда *цѣломудренною, свободною и католическою*“.

Этотъ католическій идеалъ великаго святителя сталкивается съ тѣми препятствіями, о которыхъ мы выше говорили. Половое невоздержаніе, симонія и свѣтская инвеститура—таковы тѣ три основныя проявленія земного дуализма въ жизни клира, которыя нарушаютъ единство церкви: идеалу совершеннаго цѣломудрія противополагается бракъ духовенства; вмѣсто единства религіозной жизни въ духовной средѣ господствуетъ та двойственность помысловъ и интересовъ, коей крайнимъ выраженіемъ служитъ торгъ благодатью; единовластію идеала противополагается въ дѣйстви-

тельности двоначаліе, олицетворяемое свѣтской инвеститурой пастырей.

Цѣломудріе и воздержаніе служителей алтаря, ихъ независимость отъ міра—какъ чисто отрицательныя требованія—не опредѣляютъ собою положительнаго содержанія преобразовательной программы Григорія. Та *положительная цѣль*, ради которой служители алтаря должны отречься отъ семейной жизни и быть независимыми отъ міра, есть осуществленіе на землѣ совершеннаго католицизма, проведеніе въ міръ апостолата, пресуществленіе черезъ св. Петра земной іерархіи, а черезъ нее и земной церкви въ небесную. Въ борьбѣ противъ брака духовенства, противъ симоніи и свѣтской инвеституры проходитъ красною нитью одна цѣль, одинъ общій мотивъ: духовенство должно порвать съ родственными связями, мѣстными интересами, мѣстными мірскими владыками *для того, чтобы стать всецѣло и исключительно іерархіей Петра.*

Въ этомъ заключается основной принципъ проводимыхъ Григоріемъ церковныхъ преобразованій. Но соціально-политическая программа великаго папы далеко не исчерпывается преобразованіемъ быта духовенства. Петръ — камень, на которомъ зиждется зданіе вселенской церкви—не долженъ быть только мистическимъ главою іерархіи въ тѣсномъ смыслѣ слова: онъ долженъ вездѣ присутствовать, быть повсюду невидимо дѣятельнымъ; онъ долженъ наполнить все собою, проникнуть во внутреннюю жизнь народовъ и овладѣть ихъ бытомъ, стать всемірнымъ воспитателемъ. Законы его должны нормировать не только духовный, но и свѣтскій порядокъ. Наконецъ, онъ долженъ покорить себѣ весь внѣшній церкви міръ, привести къ единству „божескаго царства“ язычниковъ и схизматиковъ, находящихся внѣ церковной ограды.

Церковныя преобразованія, какъ мы увидимъ, составляютъ собою лишь часть того мірообъемлющаго плана, которымъ руководился великій папа; чтобы надлежащимъ образомъ понять смыслъ этихъ преобразованій, мы должны здѣсь предварительно обрисовать этотъ планъ въ его цѣломъ.

Настроеніе Григорія.

VI. Строитель всемірнаго зданія теократіи, преемникъ св. Петра имѣетъ дѣло съ непокорнымъ матеріаломъ, съ камнями живыми, которые сопротивляются плану архитектора и не хотятъ сложиться въ единый домъ Божій. Язычники и схизматики, ограничивающіе католическую церковь извнѣ, не хотятъ войти въ ея ограду. Противъ католическаго единства возстаютъ изнутри индивидуалистическія стремленія средневѣкового общества, которому тѣсно въ

рамкахъ теократіи, свобода человѣка, который не хочетъ и не можетъ быть низведенъ до степени пассивнаго архитектурнаго матеріала. Осуществленіе единства божескаго царства встрѣчаетъ сильныя препятствія со стороны мірскихъ элементовъ, которые возмущаются противъ закрѣпощенья міра церковью и отстаиваютъ противъ духовной власти свою свѣтскую автономію. Другимъ препятствіемъ оказываются сами пастыри церкви, которые не желаютъ пожертвовать для нея своею семьей и личностью и не могутъ нести для нея ига суровой монашеской дисциплины. И наконецъ, единство нарушается споромъ самихъ строителей теократіи—папы, ея духовнаго главы, и императора, ея свѣтскаго органа.

Разнородныя стихіи средневѣкового общества безпрерывно враждуютъ другъ съ другомъ и никакъ не могутъ придти въ состояніе устойчиваго равновѣсія между собой. Зданіе всемірной теократіи безпрестанно разсыпается подъ руками архитектора; онъ вѣчно вынужденъ вновь строить изъ развалинъ. Эта Сизифова работа вноситъ элементъ утомленія и тревоги въ настроеніе Григорія; онъ грустенъ; глубокая скорбь обо всемъ мірѣ, какъ руководящій мотивъ, вѣчно возвращается въ его перепискѣ. Въ интимныхъ письмахъ къ друзьямъ онъ безпрестанно говоритъ о множествѣ заботъ, со всѣхъ сторонъ его обступающихъ, объ опасностяхъ, которыми окружена церковь; онъ подавленъ сознаніемъ своего личнаго безсилія—нести тяжкое бремя вселенскаго пастырства. Жалоба на пастырей церкви, которые думаютъ только о мірскихъ выгодахъ, о земныхъ почестяхъ и славѣ, встрѣчается въ этихъ письмахъ во множествѣ повтореній: Григорій безпрестанно говоритъ объ архіепископахъ и епископахъ, которые потакаютъ порокамъ своей паствы и подчиненнаго имъ низшаго духовенства, преданнаго „конкубинату и симоніи“: по словамъ папы, въ странахъ запада, юга или сѣвера почти вовсе нѣтъ епископовъ, законно пріобрѣтшихъ власть и по закону живущихъ, такихъ епископовъ, которые управляли бы христіанскимъ народомъ съ любовью Христовой, а не изъ мірской корысти. Также между свѣтскими государями Григорій не находитъ такихъ, „которые ставили бы славу Божію выше собственной своей славы“. Что же касается ближайшихъ сосѣдей апостольскаго престола—римлянъ, ломбардовъ и норманновъ, то они, по его мнѣнію, „хуже іудеевъ и язычниковъ“.

Безотраднымъ представляется состояніе земной церкви: въ ней все противорѣчитъ идеалу невѣсты Христовой—чистой и непорочной голубицы. Въ самый годъ вступленія своего на апостольскій пре-

столъ (въ декабрѣ 1073 г.) Григорій говоритъ о предстоящей ему непосильной задачѣ—спасти ее отъ угрожающаго ей полнаго крушенія; а немногимъ больше года спустя онъ пишетъ аббату Гуго клюнійскому: „Я часто молилъ Іисуса, чтобы Онъ взялъ меня изъ этой жизни или помогъ черезъ меня общей нашей матери; и однако Онъ до сихъ поръ не извлекъ меня изъ этой великой напасти; и жизнь моя не принесла пользы матери-церкви, къ коей Онъ словно приковалъ меня цѣпями. *Со всѣхъ сторонъ окружаетъ меня ужасъ страданія и скорбь всемірная*". Въ письмахъ къ друзьямъ, близкимъ людямъ подобныя жалобы, какъ стонъ наболѣвшей души, сами собой вырываются изъ-подъ пера папы. Мольба о ниспосланіи смерти къ Іисусу „нищему" (pauper Jesus), покровителю всѣхъ страдальцевъ, повторяется во множествѣ варіантовъ въ каждомъ письмѣ къ клюнійскому аббату: „поспѣши, не откладывай, не медли, ускорь мой конецъ, освободи меня ради любви къ Пресв. Дѣвѣ и св. Петру!" И такъ какъ Богъ не внемлетъ молитвамъ грѣшника, то папа проситъ клюнійскихъ монаховъ молиться о скорѣйшемъ его избавленіи, въ надеждѣ, что ради заслугъ и святой жизни этихъ подвижниковъ молитвы ихъ скорѣе будутъ услышаны.

Отвѣтственность папы за грѣхи міра.

Трудиться для всѣхъ для Григорія значитъ то же, что скорбѣть обо всѣхъ. Онъ, пастырь, подъемлющій на себѣ тяжесть грѣховъ своей всемірной паствы, чувствуетъ себя въ положеніи должника, подавленнаго сознаніемъ неоплатнаго долга передъ людьми и передъ Богомъ. Говоря словами папы, добрыя и злыя качества управляемыхъ „берутъ свое начало отъ поставленныхъ надъ ними правителей свѣтскихъ и духовныхъ"; поэтому Григорій, какъ глава вселенской церкви, чувствуетъ себя за всѣхъ отвѣтственнымъ и виновнымъ—за князей, пастырей и народъ. Совершаютъ ли карѳагенскіе католики преступленіе противъ своего епископа, возгорается ли междоусобная война въ Германіи, или совершается избіеніе христіанъ сарацинами на дальнемъ востокѣ,—за все отвѣтственъ папа. „Я долженъ взывать къ вамъ, я долженъ исправлять васъ,—пишетъ Григорій въ 1073-мъ году къ паствѣ и духовенству карѳагенской церкви, предавшимъ своего епископа Киріака на судъ сарацинскимъ властямъ,—дабы не понести наказаніе за грѣхи ваши на Страшномъ судѣ отъ Судьи праведнаго и нелицепріятнаго". Въ 1073-мъ году папа хочетъ выступить въ роли посредника между германскимъ королемъ Генрихомъ IV-мъ и его возмутившимися подданными—саксонцами, устроить дѣло мира между ними, изъ страха оказаться въ противномъ случаѣ виновнымъ въ небреженіи о спа-

сеніи ввѣреннаго ему стада; онъ боится не выполнить долгъ любви передъ св. Петромъ, возложившимъ на него тяжкое бремя вселенскаго пастырства. Въ 1080-мъ году Григорій пишетъ къ англійскому королю Вильгельму Завоевателю, что онъ долженъ будетъ передъ судомъ Вышняго дать отвѣтъ за всѣхъ царей, въ томъ числѣ и за него—Вильгельма.

Разнообразіе дѣятельности папы.

Понятно, что при такомъ пониманіи задачъ главы вселенской церкви, отвѣтственнаго за все и за всѣхъ, дѣятельность папы разнообразится до безконечности; вниманіе его устремлено за разъ во всѣ концы вселенной. Въ письмѣ къ клюнійскому аббату Гуго Григорій въ 1073 году жалуется на непомѣрное количество дѣлъ духовныхъ и мірскихъ, подъ тяжестью коихъ изнемогаютъ его духъ и немощное тѣло. Не находя въ столь тяжкія времена поддержки и помощи на землѣ, онъ вынужденъ нести свое бремя одинъ, при ежеминутномъ опасеніи не выдержать, пасть подъ давленіемъ столькихъ заботъ и треволненій. Папа обращается съ упрекомъ къ аббату, который „изъ лѣности, подъ суетными предлогами“ медлитъ посѣтить его, столь нуждающагося въ дружескомъ участіи и помощи. Онъ проситъ молитвеннаго заступничества монаховъ, которое одно только можетъ отвратить гибель, грозящую церкви и ея верховному пастырю. Черезъ четыре года Григорій жалуется тому же Гуго клюнійскому на непосильные труды, опасности, вслѣдствіе коихъ жизнь ему постыла и смерть стала его мечтою. „Одинъ лишь страдалецъ Іисусъ мнѣ утѣшитель,—восклицаетъ онъ:—въ себѣ самомъ я безпрестанно умираю и только въ Немъ отъ времени до времени оживаю. И когда силы мои приходятъ въ полное истощеніе, я съ воплемъ взываю къ Нему: если бы Ты возложилъ на Моисея и Петра такую тяжесть, я думаю, что она и ихъ отяготила бы. Что же станется со мною, ничего не значащимъ въ сравненіи съ ними! Итакъ, если Ты не рѣшилъ допустить меня до паденія и первосвященническую власть — до посрамленія, Тебѣ остается Самому съ Твоимъ Петромъ управлять этою властью!“ Въ 1082 году въ письмѣ къ одному французскому епископу, Гуго Діэсскому, Григорій признаетъ, что, въ виду большого количества занятій, мысли его раздроблены между множествомъ предметовъ: силъ его не хватаетъ для важнѣйшихъ дѣлъ, коими онъ поглощенъ; папа боится, что многія второстепенныя дѣла ускользаютъ отъ его вниманія или вовсе имъ забываются. Въ теократическомъ планѣ Григорія папство являетъ собою какъ бы земное отраженіе Провидѣнія, кото-

рое промышляетъ о великомъ и о маломъ, входитъ въ разнообразныя нужды людей и печется обо всемъ томъ, что требуется для ихъ спасенія.

Двоякаго рода задачи теократіи.

VII. Теократіи, по мысли папы, предстоятъ двоякаго рода задачи: она должна распространиться въ ширь и въ глубь, преодолѣть враговъ, извнѣ противящихся объединительнымъ стремленіямъ папства, и справиться съ силами, изнутри повреждающими единство „божескаго царства“.

По отношенію къ окраинамъ, границамъ римско-католическаго міра, папа преслѣдуетъ двѣ цѣли. *Во-первыхъ, границы эти должны быть расширены* всѣми возможными способами: посредствомъ завоеваній предстоитъ отторгнуть у мусульманъ новыя территоріи для распространенія католической вѣры; путемъ миссіи имѣютъ быть пріобрѣтены для св. Петра язычники сѣвера. И наконецъ, предстоитъ привлечь къ единенію вѣры „схизматиковъ“, грековъ; а этого представляется возможнымъ достигнуть путемъ сношеній съ духовными и свѣтскими властями восточныхъ христіанъ; другимъ орудіемъ сближенія можетъ послужить братская имъ помощь противъ общаго врага—невѣрныхъ. Вторая задача заключается въ томъ, чтобы такъ или иначе закрѣпить за св. Петромъ новыя территоріальныя пріобрѣтенія католиковъ—связать периферію латинскаго христіанства съ Римомъ, его центромъ. *Параллельно съ завоеваніями рыцарей и миссіонеровъ должна совершаться централизація, религіозно-политическое объединеніе народовъ.*

Планъ крестоваго похода.

Обѣ эти задачи привлекаютъ вниманіе Григорія съ самаго начала его понтификата. Тотчасъ по восшествіи его на апостольскій престолъ восточная церковь становится предметомъ его сосредоточенныхъ заботъ.

Въ 1073 и 1074 гг. въ рядѣ посланій, обращенныхъ къ властителямъ западной Европы и „ко всѣмъ вѣрнымъ св. Петра“, папа проповѣдуетъ крестовый походъ противъ невѣрныхъ востока, которые, по его словамъ, истребляютъ восточныхъ христіанъ „какъ мелкій скотъ“. Григорій хочетъ выручить восточную церковь изъ бѣдственнаго положенія, положить душу свою за „заморскихъ братьевъ“—грековъ; для этого онъ собираетъ изо всѣхъ концовъ Европы разноплеменное войско, съ тѣмъ чтобы самому лично вести христіанскія дружины противъ мусульманъ. Главная цѣль этого предпріятія заключается въ томъ, чтобы привлечь „схизматиковъ“-грековъ къ единенію вѣры, возстановить истинно-отеческія отношенія между Римомъ и его „*дочерью*“—восточною цер-

ковью. Взамѣнъ оказанной имъ помощи греки должны подчиниться власти преемника св. Петра и признать его верховенство. Въ письмѣ къ германскому королю, Генриху IV-му, Григорій откровенно высказываетъ этотъ главный мотивъ задуманнаго имъ похода: „всего болѣе побуждаетъ меня къ этому дѣлу, — пишетъ онъ, — то обстоятельство, что константинопольская церковь, расходящаяся съ нами по вопросу о Св. Духѣ, стремится возстановить согласіе „съ апостольскимъ престоломъ". И почти всѣ восточные христіане готовы пожертвовавъ своими разногласіями, подчиниться рѣшенію св. Петра. Настало время исполниться пророческимъ словамъ Спасителя, обращеннымъ къ верховному апостолу: „*и ты нѣкогда, обратившись, утверди братьевъ твоихъ*".

Воинственные планы папы рушатся какъ вслѣдствіе обнаруженнаго восточными христіанами (въ началѣ 1075 г.) нежеланія признать Петрово первенство, такъ и вслѣдствіе внутренняго раздора западно-европейскаго міра, который парализуетъ его наступательные замыслы. Послѣ 1074 года мысль о крестовомъ походѣ уже не встрѣчается въ перепискѣ Григорія.

Политика Григорія.

Тотъ монархическій, папскій идеалъ, который лежитъ въ основѣ восточной политики великаго святителя, связываетъ его и съ противоположною—западною окраиной христіанскаго міра. Здѣсь онъ съ самаго начала своего понтификата становится руководителемъ предпріятія испанскихъ князей и французскихъ рыцарей, которые стремятся вырвать Испанію изъ-подъ власти мусульманъ. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ задуманномъ имъ крестовомъ походѣ, расширеніе сферы могущества папства служитъ для Григорія главною цѣлью. Благословляя христіанскихъ воиновъ на борьбу противъ испанскихъ мусульманъ, онъ въ рядѣ посланій къ участникамъ этого предпріятія настаиваетъ на томъ, что Испанія „издревле принадлежала св. Петру". Французскіе и испанскіе князья могутъ владѣть землями, какія будутъ завоеваны ими у мусульманъ, лишь въ качествѣ вассаловъ папы; иначе апостольскій престолъ будетъ вынужденъ воспротивиться ихъ предпріятію и даже воспретить задуманный ими походъ. Папа готовъ скорѣе примириться съ владычествомъ невѣрныхъ въ Испаніи, чѣмъ допустить какое-либо нарушеніе дѣйствительныхъ или мнимыхъ правъ св. Петра со стороны христіанъ.

Въ странахъ, составляющихъ подобно Испаніи передовые посты римскаго католичества, особенно сильно сказывается необходимость противопоставить врагамъ могущественную, сплоченную организа-

цію. Католическое „единство“ здѣсь нуждается въ разнообразныхъ мѣрахъ охраненія. Григорій заботится о томъ, чтобы оно господствовало не только въ церковной, но и въ чисто свѣтской сферѣ, чтобы оно не нарушалось ссорами испанскихъ князей между собою. Такъ, въ 1079 году, онъ, въ качествѣ верховнаго судьи, беретъ на себя рѣшеніе спора между двумя сыновьями барцелонскаго графа, угрожая церковными карами тому изъ нихъ, кто не подчинится рѣшенію апостольскаго престола; посредничество папы въ данномъ случаѣ обусловливается опасеніемъ, какъ бы ссора двухъ христіанскихъ князей въ сосѣдствѣ враждебныхъ церкви сарацинъ, не повредила успѣхамъ католицизма въ Испаніи. Такой же политики папа держится и на дальнемъ сѣверѣ, гдѣ онъ въ 1079 году миритъ датскаго короля съ его родными братьями, которые силою хотятъ заставить старшаго брата подѣлить съ ними датское королевство; тутъ опять-таки Григорію приходится указывать на опасность ссоры христіанскихъ князей въ сосѣдствѣ и близости общаго врага—язычниковъ. На дальнемъ сѣверѣ, какъ и на крайнемъ западѣ, онъ является апостоломъ мира между христіанами.

Заботы о скандинавскихъ государствахъ.

Идея международнаго царства церкви.

Въ перепискѣ съ окраинами западнаго христіанства католическій идеалъ Григорія противополагается всѣмъ врагамъ католичества—язычникамъ, мусульманамъ и „схизматикамъ“, которые все время имѣются въ виду. Здѣсь, въ отличіе отъ внѣшняго церкви міра, католичество обнаруживается прежде всего какъ единая политическая организація, единое международное *царство*. Истинный католицизмъ долженъ проявиться какъ *миръ вселенной*, миръ внутри католическихъ государствъ и въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Убѣждая разсорившихся князей сѣвера оставить вражду въ виду общей опасности, грозящей со стороны язычниковъ, Григорій ссылается на текстъ Евангелія: „всякое царство, раздѣлившееся само въ себѣ, опустѣетъ, и домъ, раздѣлившійся самъ въ себѣ, падетъ“.

Понятно, что объединительныя стремленія папства встрѣчаются съ препятствіями особаго рода въ странахъ, наиболѣе отдаленныхъ отъ Рима, духовнаго центра католическаго христіанства, непосредственно соприкасающихся съ чуждыми латинству народностями. Съ одной стороны, въ Испаніи, гдѣ сохранились кое-какіе слѣды господствовавшаго нѣкогда аріанства и прискилліанистской ереси, съ другой стороны, въ славянскихъ странахъ противъ латинизаціи церкви возстаетъ національный элементъ. Въ Испаніи Григорій съ

успѣхомъ ведетъ борьбу противъ мѣстнаго—готскаго богослужебнаго обряда, замѣняя его римскимъ чиномъ богослуженія; онъ отвѣчаетъ отказомъ на просьбу богемскаго герцога Вратислава о разрѣшеніи совершать въ Богеміи церковныя службы на славянскомъ языкѣ. Именно въ этихъ странахъ папѣ приходится въ особенности рѣзко подчеркивать универсальный, международный характеръ церковной организаціи, отстаивать *единство латинскаго обряда*. На окраинахъ римско-католическаго міра особенно рельефно проявляется космополитическій характеръ римской централизаторской политики. Не довольствуясь латинизаціей обряда въ испанской церкви, Григорій ради болѣе тѣснаго подчиненія ея Риму не прочь ослабить національный характеръ самой испанской іерархіи. Такъ онъ убѣждаетъ кастильскаго короля, чтобы тотъ не противился замѣщенію толедской каѳедры иностранцемъ, указывая при этомъ на международный характеръ христіанской „республики", въ коей душевныя качества должны цѣниться болѣе, чѣмъ происхожденіе изъ той или другой національности.

Съ точки зрѣнія своего космополитическаго, римскаго идеала, Григорій вообще относится враждебно ко всякимъ проявленіямъ національныхъ особенностей въ жизни церкви. Національныя различія въ богослуженіи представляются ему *принципомъ еретическимъ*, *схизматическимъ;* національный испанскій обрядъ для него—„толедское суевѣріе"; всякія національныя уклоненія отъ латинскаго обряда суть „еретическія искаженія"; только латинскій языкъ есть языкъ католическій; прочіе языки суть „языки еретиковъ". Папа настаиваетъ на повсемѣстномъ введеніи латинскаго обряда, чтобы римская церковь питала ввѣренныхъ ей сыновъ Христовыхъ „не различными сосцами и не различнымъ молокомъ, *дабы, согласно апостолу* (I, Кор. I,10), *они были едино и не было между ними расколовъ*".

Папа какъ всемірный законодатель, учитель и воспитатель народовъ.

Являясь въ роли блюстителя единства всемірнаго божескаго царства, Григорій хочетъ вступить въ близкое, интимное знакомство со всѣми странами, руководить воспитаніемъ народовъ, опредѣлять направленіе внутренней и внѣшней политики государствъ, быть всюду законодателемъ и учителемъ. „У предшественниковъ нашихъ, согласно присущему имъ праву, было въ обычаѣ,—пишетъ онъ (въ 1075 г.) Свену, датскому королю,—въ посланіяхъ, полныхъ любви, *учить всѣ народы путямъ Господнимъ*, обличать всѣхъ царей и князей въ томъ, что достойно порицанія, и предписаніями закона всѣхъ призывать къ вѣчному блаженству. Ибо за-

конъ римскихъ первосвященниковъ подчинилъ себѣ болѣе земель, нежели законъ римскихъ императоровъ. По всей землѣ пронесся звукъ слова ихъ, и Христосъ сталъ владыкою надъ тѣми, кому нѣкогда повелѣвалъ Августъ". Такъ понимая задачи своего служенія, Григорій среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ своей жизни, отовсюду стѣсненный, всегда сохраняетъ всю широту своего кругозора. Среди заботъ, гнетущихъ его въ ту или другую минуту, среди опасностей, лично ему угрожающихъ, онъ всегда обладаетъ достаточной свободой духа, чтобы отвлечься отъ злобы дня и думать о нуждахъ отдаленныхъ странъ. Въ самый разгаръ борьбы съ Генрихомъ IV въ 1076 году, онъ ведетъ дѣятельную переписку съ церквами сѣверной Африки и Испаніи. Въ 1080 году, среди осложненій, вызванныхъ его вторымъ интердиктомъ противъ Генриха, онъ находитъ время, чтобы интересоваться богослужебными особенностями церквей Арменіи, и помышляетъ о поѣздкѣ въ Испанію въ видахъ исправленія кастильскаго короля, вовлеченнаго въ ересь вліяніемъ нѣкоего Роберта „лжемонаха". Наконецъ, въ 1081 году, когда между нимъ и Генрихомъ IV-мъ идетъ борьба изъ-за Италіи и Рима, Григорій все еще хочетъ направлять внутреннюю политику государей Испаніи, вмѣшиваясь не только въ церковныя, но и въ чисто свѣтскія дѣла. Такъ, въ это самое время онъ возстаетъ противъ того черезчуръ вліятельнаго положенія, какое занимаютъ евреи въ королевствѣ Леонѣ и Кастиліи, и требуетъ отъ короля Альфонса VI, чтобы тотъ не дозволялъ этой „синагогѣ сатаны" владычествовать надъ христіанами.

Сознавая себя должникомъ всѣхъ вѣрующихъ во Христа, папа считаетъ себя въ особенности обязаннымъ пещись о нуждахъ отдаленныхъ народовъ, живущихъ „какъ бы на краѣ земли". Озабоченный тѣмъ, что норвежцы терпятъ крайній недостатокъ въ учителяхъ, свѣдущихъ въ христіанской вѣрѣ, онъ предлагаетъ норвежскому королю прислать въ Римъ нѣсколькихъ знатныхъ молодыхъ норвежцевъ: получивъ религіозное воспитаніе „подъ крыльями св. Петра", они вернутся на родину посвященными и опытными миссіонерами. Григорій встревоженъ тѣмъ, что въ Даніи среди христіанъ, несовершеннымъ образомъ усвоившихъ евангельское ученіе, остатки язычества воскресаютъ въ формѣ суевѣрій. Народная молва приписываетъ священникамъ власть надъ внѣшней природой, дѣлая ихъ на ряду съ колдуньями отвѣтственными за такія стихійныя бѣдствія, какъ неблагопріятная погода или заразныя болѣзни. Папа требуетъ, чтобы датскій король, искореняя

подобныя суевѣрія, защищалъ духовенство отъ причиняемыхъ ему обидъ. Узнавъ, что въ отдаленной Шотландіи мужья нерѣдко продаютъ своихъ женъ, онъ пишетъ архіепископу Ланфранку, чтобы тотъ подвергалъ строжайшимъ церковнымъ карамъ лицъ, виновныхъ въ этомъ преступленіи, и всѣми силами заботился объ уничтоженіи этого варварскаго обычая. Желая поддерживать постоянныя сношенія съ скандинавскими странами и вникать въ подробности ихъ быта, Григорій неоднократно требуетъ отъ шведскаго и датскаго королей, чтобы они присылали въ Римъ такихъ духовныхъ лицъ, которыя знакомили бы папу съ бытовыми особенностями ихъ странъ, а по возвращеніи на родину — сообщали бы своимъ королямъ наставленія и требованія апостольскаго престола.

Борьба противъ неурядицы феодальнаго быта.

Заботясь о религіозномъ воспитаніи народовъ, Григорій считаетъ себя обязаннымъ вести энергическую борьбу противъ темныхъ, отрицательныхъ сторонъ феодальнаго быта. Изъ Англіи, Франціи и Германіи до апостольскаго престола безпрестанно доходятъ извѣстія объ ужасахъ непрекращающихся частныхъ войнъ, о разбойническихъ подвигахъ рыцарей на большихъ дорогахъ, объ ограбленіи и насиліяхъ надъ путешествующими духовными лицами и преступленіяхъ противъ церковныхъ имуществъ. Самъ французскій король не стѣсняется „по обычаю разбойниковъ“ грабить проѣзжихъ купцовъ. Въ тотъ вѣкъ господства грубой силы папа считаетъ обязанностью своего сана „приходить на помощь всѣмъ угнетеннымъ и, не щадя своей жизни, буде это окажется нужнымъ, сражаться противъ враговъ Божіихъ мечомъ Духа, т. е. словомъ Божіимъ, доколѣ они не обратятся“. Обращаясь къ правителямъ всѣхъ странъ свѣта, королямъ, герцогамъ, графамъ, Григорій во множествѣ посланій напоминаетъ имъ объ ихъ обязанности ограждать церковь противъ хищническихъ нападеній, блюсти миръ, защищать бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ, въ особенности малолѣтнихъ, странниковъ, вообще всѣхъ тѣхъ, кому грозитъ наибольшая опасность стать жертвой сильныхъ; заступничествомъ за слабыхъ и безпомощныхъ болѣе нежели чѣмъ-либо другимъ, князья стяжаютъ себѣ вѣчныя награды. Уча сильныхъ міра сего, Григорій выступаетъ противъ нихъ съ смѣлымъ словомъ изобличенія въ тѣхъ случаяхъ, когда они оказываются не на высотѣ своихъ обязанностей, требуетъ отъ нихъ удовлетворенія, грозитъ имъ и налагаетъ церковныя кары за преступленія и насилія. Съ апостольскимъ служеніемъ,—повторяетъ папа во множествѣ посланій,—связана обязанность, согласно словамъ пророка Исаіи, „вѣщать громко, никогда не умолкая“ о грѣ-

хахъ князей и народовъ (Ис. 58, 1). Слова Св. Писанія: „проклятъ, кто удерживаетъ мечъ свой отъ крови“ (Іерем. 48, 10), по словамъ Григорія, грозятъ небесными карами прежде всего святителю, который не рѣшается умерщвлять плотскую жизнь остріемъ меча духовнаго, т.-е. изобличать пороки людей словомъ ученія. Отличительная черта истиннаго пастыря именно въ томъ и заключается, что онъ мужественно противостоитъ волкамъ, расхищающимъ стадо Христово, хотя бы съ опасностью для собственной жизни, „полагаетъ душу свою за овецъ“.

Въ своемъ заступничествѣ за безвинно-страждущихъ Григорій выказываетъ величайшую энергію. Онъ не стѣсняется подвергнуть церковной карѣ французскаго короля Филиппа I-го за цѣлый рядъ преступленій, между прочимъ за ограбленіе имъ итальянскихъ купцовъ. Вообще, если изъ писемъ Григорія мы узнаемъ о всевозможныхъ преступленіяхъ знатныхъ и сильныхъ всѣхъ странъ свѣта, это обусловливается тѣмъ, что папа считаетъ себя обязаннымъ *судить* эти преступленія, не оставляя ихъ безнаказанными. Въ тотъ вѣкъ феодальной неурядицы слабое развитіе государственнаго единства составляетъ силу церкви: она вынуждена замѣнять собою отсутствующій свѣтскій порядокъ; папа беретъ подъ свое покровительство неприкосновенность личности и имущества именно вслѣдствіе отсутствія сильной свѣтской власти, которая могла бы обезпечить своимъ подданнымъ миръ и безопасность, защищать сирыхъ и слабыхъ противъ нападеній сильныхъ.

Папа какъ всемірный сюзеренъ.

IX. Вмѣшательство церкви въ мірскія дѣла вынуждается тѣмъ, что свѣтскія власти не стоятъ на высотѣ своей задачи; рядомъ съ ними и вмѣсто нихъ папа долженъ стать судьею и законодателемъ въ управляемыхъ ими территоріяхъ. Анархія, неурядица феодальнаго быта составляютъ необходимое предположеніе папской теократіи и служитъ ей оправданіемъ.

Чтобы спасти міръ, нужно подчинить его церкви. Папа долженъ явиться въ роли свѣтскаго владыки, превратить свѣтскихъ властителей въ своихъ вассаловъ. Мы уже ознакомились съ тѣми посланіями Григорія, гдѣ онъ объявляетъ Испанію „собственностью св. Петра“. Съ подобными притязаніями папа выступаетъ не въ одной Испаніи. До насъ дошли договоры, установляющіе вассальныя отношенія къ нему князей Италіи—Ландульфа Беневентскаго, Рихарда Капуанскаго и главнаго герцога нормановъ — Роберта Гюискара, изъ коихъ двое послѣднихъ называютъ себя князьями „милостью Бога и св. Петра“. Во Франціи папа считаетъ своими

вассалами графа Вильгельма Бургундскаго, который еще при папѣ Александрѣ II-мъ далъ торжественную клятву по первому требованію апостольскаго престола являться съ войскомъ на защиту владѣній св. Петра, графовъ Раймунда Сенжильскаго (впослѣдствіи Тулузскаго) и Амедея Савойскаго, которые клялись той же клятвой. Съ 1081 года Бертранъ, графъ прованскій, отдаетъ себя и свои владѣнія въ распоряженіе св. Петра, дабы тѣмъ заслужить прощеніе грѣховъ себѣ и своимъ родителямъ. Кромѣ того, за время своего понтификата Григорій заявляетъ о ленныхъ правахъ св. Петра на Сардинію, Корсику, Венгрію, Далмацію и Англію. Наконецъ, онъ считаетъ Саксонію собственностью святого Петра.

Теоретическое оправданіе ленныхъ притязаній папы.

Въ оправданіе этихъ притязаній Григорій ссылается на легендарный „даръ Константина Великаго", будто бы подарившаго западную римскую имперію папѣ Сильвестру I-му, а также—на столь же легендарный „даръ" Карла Великаго, будто бы отдавшаго Саксонію св. Петру. Доказательствомъ правъ апостольскаго престола на Венгрію служитъ опять-таки мнимый даръ венгерскаго короля—Стефана I-го, якобы возобновленный впослѣдствіи императоромъ Генрихомъ III-мъ.

Понятно, что при такомъ широкомъ пониманіи названныхъ легендарныхъ даровъ, папство должно превратиться во всемірную имперію. Вмѣсто императора папа долженъ стать всемірнымъ сюзереномъ. Григорій прямо усвоиваетъ себѣ мысль, выраженную въ дарѣ Константина, что „папѣ принадлежитъ право распоряжаться императорскими инсигніями"; онъ считаетъ самую императорскую власть заимствованною отъ апостольскаго престола; на этомъ основаніи онъ въ 1081-мъ году требуетъ, чтобы будущій германскій король—преемникъ „низложеннаго" Генриха IV-го и убитаго антикороля Рудольфа — принесъ апостольскому престолу настоящую вассальную присягу.

Во всѣхъ концахъ западной Европы папа открываетъ какія-нибудь владѣльческія права римской церкви, словно весь западно-европейскій міръ составляетъ даръ св. Петру. Григорій не утверждаетъ прямо, что міръ составляетъ собственность верховнаго апостола. Но онъ a priori убѣжденъ въ томъ, что вселенная ради спасенія человѣческихъ душъ должна быть подчинена его власти. При этомъ онъ, какъ и многіе другіе клерикальные дѣятели его времени, плохо различаетъ между духовной властью и политическимъ верховенствомъ и часто смѣшиваетъ послѣднее съ собствен-

ностью. Поэтому-то подъ руками Григорія духовная власть св. Петра безпрестанно матеріализируется въ собственность.

Притязанія папы не ограничиваются тѣми территоріями, которыя онъ считаетъ „подаренными“ св. Петру. Онъ, между прочимъ, считаетъ себя верховнымъ сюзереномъ и въ Кіевѣ, который онъ „отдаетъ въ даръ“ князю Изяславу Ярославичу. Здѣсь уже, очевидно, папа не можетъ надѣяться доказать своихъ правъ ссылкою на какой-нибудь дѣйствительный или мнимый даръ; этимъ, несомнѣнно, доказывается, что онъ вѣритъ во всемірныя сюзеренныя права папы, какъ таковаго, независимо отъ существованія тѣхъ или другихъ дарственныхъ хартій. Основаніемъ притязаній папы на Кіевъ служитъ простое неразличеніе между правами папы, какъ духовнаго главы христіанства, и чисто свѣтскими полномочіями преемника св. Петра, какъ владыки надъ земными царствами. Кіевскій князь, — поясняетъ Григорій въ своемъ посланіи, — долженъ стать вассаломъ св. Петра, „дабы заслужить постоянное предстательство верховнаго апостола передъ Богомъ, стяжать себѣ его молитвами славное царствованіе на землѣ и вѣчное блаженство въ будущей жизни“.

Не довольствуясь присвоеніемъ тѣхъ или другихъ земель, тѣхъ или другихъ правъ мірскихъ властителей, Григорій въ сущности хочетъ присвоить себѣ всяческую власть на землѣ — свѣтскую и духовную. Въ этомъ мы еще разъ будемъ имѣть случай убѣдиться при разсмотрѣніи церковныхъ преобразованій Григорія и формулированной имъ теоріи папской власти.

Оригиналенъ ли Григорій, какъ дѣятель церковной реформы?

X. Та программа церковныхъ преобразованій, которой слѣдуетъ великій папа, въ большей своей части не составляетъ плода его самостоятельной мысли. Не подлежитъ сомнѣнію, что Григорій, поскольку дѣло идетъ о борьбѣ противъ брака духовенства и симоніи, оригиналенъ не какъ мыслитель-теоретикъ, а какъ *герой* той идеи, за которую онъ ратуетъ. Каноны, воспрещающіе бракъ духовенства, появляются уже въ IV-мъ вѣкѣ (Эльвирскій соборъ). Начиная съ IV-го вѣка и вплоть до понтификата Григорія. воспрещенія эти безпрестанно повторяются, хотя и нарушаются на практикѣ. Точно такъ же и борьба противъ симоніи начинается съ незапамятныхъ временъ. Въ настоящее время можно считать общепризнаннымъ, что въ той мотивировкѣ, какую Григорій даетъ этой части реформы, нѣтъ ничего существенно новаго, ничего такого, что бы раньше его не было высказано его предшественниками — писателями и практическими дѣятелями. Равнымъ образомъ и

церковное законодательство за время понтификата этого папы по вопросу о безбрачіи духовенства и симоніи не обогатилось какимъ-либо новымъ содержаніемъ, котораго бы не было въ канонахъ, изданныхъ при его предшественникахъ. Оригинальность Григорія, какъ законодателя по названнымъ вопросамъ, можетъ быть признана лишь постольку, поскольку онъ успѣлъ обнаружить эту оригинальность до восшествія своего на апостольскій престолъ, когда, еще будучи кардиналомъ Гильдебрандомъ, онъ руководилъ политикой папъ—ближайшихъ его предшественниковъ по каѳедрѣ.

Идея безбрачія у предшественниковъ Григорія. Петръ Даміани.

Идея безбрачія уже задолго до понтификата Григорія нашла себѣ наиболѣе полное теоретическое выраженіе въ твореніяхъ кардинала Даміани—одного изъ типичнѣйшихъ въ XI вѣкѣ сторонниковъ церковно-общественныхъ преобразованій. Даміани возстаетъ противъ брака духовенства, потому что считаетъ совершеніе таинствъ несовмѣстимымъ съ какими бы то ни было половыми отношеніями служителей алтаря съ женщинами. По мнѣнію названнаго писателя, безбрачный клиръ долженъ выдѣляться изъ народной среды, какъ „Божій удѣлъ“, спеціальный даръ Богу: священники для того должны быть свободны отъ рабскихъ дѣлъ міра сего, чтобы „принадлежать въ совершенномъ послушаніи рабства Божеству“. Духовные не должны быть женаты, потому что женатый „заботится о мірскомъ—какъ бы угодить женѣ“; они же должны заботиться „о Божьемъ—какъ бы угодить Богу“. По Даміани, бракъ духовенства имѣлъ смыслъ лишь въ ветхозавѣтныя времена, въ связи съ кастовымъ устройствомъ ветхозавѣтной теократіи. Тогда бракъ былъ нуженъ для продолженія священническаго колѣна Левія. *Въ христіанствѣ, подъ царствомъ благодати, упраздняется этотъ кастовый принципъ*; въ универсальной христіанской теократіи священники избираются изъ среды всего христіанскаго народа: духовенство перестаетъ быть союзомъ плоти и крови. Высказываясь за упраздненіе семейнаго быта клира, Даміани хочетъ устроить жизнь духовенства на коммунистическихъ началахъ. Онъ стоитъ за возстановленіе древнихъ правилъ о „канонической“, совмѣстной жизни духовенства. Въ силу этихъ правилъ духовныя лица, состоящія при одной епископской церкви, должны составлять каноническое общежитіе, т.-е. спать въ общемъ помѣщеніи, дѣлить общую трапезу и, *не имѣя ничего своего*, совмѣстно пользоваться доходами съ церковнаго имущества. Спасая членовъ клира отъ искушеній противъ цѣломудрія, эти каноническія общежитія способствуютъ осуществленію совершеннаго единства интересовъ среди

духовенства. Раздѣльность имуществъ несовмѣстима съ единствомъ душъ. Не даромъ Библія учитъ, что „не только левиты, но и скотъ левитовъ составляетъ собственность Божества“.

Идея безбрачія у Григорія.

Въ томъ же смыслѣ высказываются всѣ вообще сторонники безбрачія, въ томъ числѣ и Григорій. Онъ, подобно Даміани и другимъ клерикальнымъ учителямъ XI-го вѣка, отождествляетъ бракъ духовныхъ лицъ съ „блудодѣяніемъ“ и негодуетъ противъ тѣхъ служителей алтаря, которые дерзаютъ „однѣми и тѣми же руками возносить на алтарѣ тѣло Христово и прикасаться къ тѣлу блудницы“. Для него точно такъ же идеалъ безбрачія связывается съ тѣмъ особеннымъ „рабствомъ Богу“, которое должно отличать духовныхъ отъ мірянъ“; онъ также думаетъ, что семейный бытъ служителей алтаря влечетъ за собою гибельное для дѣла Божія „порабощеніе клира“ мірской средою. Какъ и всѣ прочіе сторонники преобразованій XI-го вѣка, онъ предвидитъ опасность расхищенія церковныхъ имуществъ женатыми духовными, а также опасается возможности превращенія женатаго духовенства въ наслѣдственную касту: поэтому онъ энергически настаиваетъ на соблюденіи каноновъ, воспрещающихъ замѣщеніе церковныхъ должностей дѣтьми женатыхъ духовныхъ. Онъ раздѣляетъ коммунистическія тенденціи Даміани по отношенію къ іерархіи и въ связи съ идеей безбрачія настаиваетъ на возстановленіи каноническихъ общежитій. Согласно тому плану реформъ, который онъ проводитъ, служители алтаря должны обнищать для церкви, стать для нея безбрачными аскетами; но церковь обогащается ихъ нищетою: сокращеніемъ матеріальныхъ потребностей пастырей сохраняется и закрѣпляется за нею ея имущество; богатства церкви должны служить не частнымъ интересамъ женатыхъ духовныхъ и ихъ родственниковъ, а универсальнымъ цѣлямъ божескаго царства.

Григорій съ самаго начала своего понтификата долженъ былъ повсюду, въ особенности у себя дома, въ Римѣ, вести многотрудную борьбу не только съ женатыми духовными, но также и съ ихъ сыновьями, родственниками и близкими, которые занимали видное мѣсто въ ряду враговъ реформы и папства: онъ, слѣдовательно, не могъ не знать, что бракъ духовенства открываетъ въ іерархію дверь тѣмъ центробѣжнымъ силамъ феодальнаго общества, которыя нарушаютъ единство и цѣлостность церкви какъ въ сферѣ духовной жизни, такъ и въ сферѣ имущественной, экономической. Изъ свидѣтельства клерикальнаго писателя Бонитона, въ данномъ случаѣ совершенно достовѣрнаго, мы узнаемъ, что Григорій учре-

дилъ въ Римѣ каноническое общежитіе не только для того, чтобы положить предѣлъ „конкубинату“ и вообще невоздержанію духовныхъ лицъ, но также и для того, чтобы изолировать ихъ отъ ихъ родственниковъ и близкихъ.

Григорій о симоніи.

Во имя тѣхъ же мотивовъ Григорій вооружается противъ симоніи. Подобно другимъ клерикальнымъ писателямъ и церковнымъ дѣятелямъ его времени, онъ понимаетъ симонію чрезвычайно широко: съ его точки зрѣнія подъ понятіе симоніи подходитъ не только купля-продажа церковныхъ должностей, но и пріобрѣтеніе духовнаго сана или должности *службой*, вообще какими бы то ни было матеріальными услугами или даже лестью свѣтскимъ правителямъ. На этомъ основаніи Григорій и его сторонники признаютъ свѣтскую инвеституру *видомъ симоніи*: ибо при свѣтской инвеститурѣ всегда происходитъ обмѣнъ услугъ между свѣтскимъ сюзереномъ, ее дающимъ, и духовнымъ вассаломъ, ее получающимъ: здѣсь плата за полученіе церковной должности выражается въ формѣ *службы* духовнаго вассала.

По словамъ Григорія, не только въ широкомъ, но и въ тѣсномъ смыслѣ слова симонія, какъ „продажа алтарей“, есть „общій грѣхъ почти всей земли“. Григорій знаетъ, что опасность велика и борьба противъ укоренившагося зла требуетъ напряженія всѣхъ его силъ. Онъ отлично понимаетъ, что исходъ этой борьбы есть вопросъ жизни и смерти для церкви: ибо разъ симонія превращаетъ даръ благодати въ *товаръ*, зависящій отъ человѣческаго произвола продавца и покупателя, церковь перестаетъ быть богоучрежденнымъ порядкомъ; она продается, какъ жалкая раба, „проституируется діаволу“ и, слѣдовательно, перестаетъ быть невѣстой Христовой. Въ частности симонія представляетъ собой величайшую угрозу римской централизаціи: она влечетъ за собою расхищеніе церквей и порабощеніе ихъ мірянамъ, зависимость ихъ отъ мѣстныхъ элементовъ, въ особенности—отъ мѣстныхъ мірскихъ владыкъ. Повсюду „продавцы церквей“ являются ожесточенными врагами римскаго единства. На сѣверѣ Италіи знать отстаиваетъ противъ Рима мѣстную автономію ломбардскихъ церквей между прочимъ потому, что эта автономія даетъ ей возможность извлекать доходы изъ продажи церковныхъ должностей; въ Германіи главными виновниками раздора являются симонисты—совѣтники короля; во Франціи также симонія разрушаетъ іерархическую связь между церквами мѣстными и церковью вселенскою. Григорій не можетъ не видѣть, что симонія дробитъ и рветъ на части ту *единую цер-*

ковъ, земнымъ олицетвореніемъ коей служитъ римскій первосвященникъ; онъ прямо говоритъ, что симонисты „стремятся потрясти ту недвижимую скалу, на которой покоится церковь римская“; они—„несомнѣнные предшественники антихриста и прислужники сатаны“; въ устахъ папы это—не простая риторическая фигура, а выраженіе глубокаго убѣжденія. Симонія, вошедшая въ обычай, связывается съ другимъ преступленіемъ, которое, по Григорію, „хуже колдовства и идолопоклонства“—*съ упорнымъ неповиновеніемъ декретамъ апостольскаго престола.*

Насильственныя мѣры противъ брака духовенства и симоніи.

XI. Въ виду повсемѣстнаго распространенія симоніи, въ виду привязанности пастырей церкви къ семейной жизни и упорнаго нежеланія большинства изъ нихъ „жить по чину ангеловъ“ – церковная реформа должна осуществляться путемъ насильственныхъ мѣръ.

Вслѣдствіе сопротивленія духовныхъ, папство оказывается вынужденнымъ для искорененія въ ихъ средѣ брака и „торга благодатью“ прибѣгать къ содѣйствію свѣтскаго меча.

На этотъ путь политика апостольскаго престола вступила благодаря вліянію кардинала Гильдебранда, впослѣдствіи папы Григорія. По его наущенію, папа Стефанъ IX-й вступилъ въ союзъ съ народнымъ движеніемъ „патаровъ“ въ Ломбардіи, направленнымъ противъ симоніи и брака духовенства. Слѣдуя его внушеніямъ, папа Николай II издалъ въ 1059 году канонъ, воспрещающій мірянамъ слушать мессы женатыхъ духовныхъ. Вліяніемъ Гильдебранда объясняется и то, что этотъ канонъ былъ въ 1063 году торжественно возобновленъ папой Александромъ II-мъ. По его наущенію, папа Александръ II благословилъ вожака патаровъ—Эрлембальда священнымъ знаменемъ св. Петра, предписавъ ему „биться противъ враговъ церкви всякій разъ, когда безуміе ихъ превзойдетъ мѣру“. Съ этимъ знаменемъ въ рукахъ Эрлембальдъ во главѣ миланской черни сталъ проливать кровь женатыхъ и преданныхъ симоніи священниковъ Милана; покровительствуемое апостольскимъ престоломъ, движеніе „патаровъ“ сопровождалось насиліями, грабежами и всякаго рода надругательствами надъ таинствами женатыхъ священниковъ. Когда Григорій вступилъ на апостольскій престолъ, онъ сталъ насаждать реформу такими же способами въ Германіи при помощи герцоговъ и другихъ крупныхъ вассаловъ германскаго короля.

Тѣ элементы мірского общества, при содѣйствіи коихъ осуществляются преобразованія, весьма разнообразны какъ по своимъ стремленіямъ, такъ и по своему составу. Между тѣми мірянами—„воинами Божіими“, которые сражаются противъ враговъ реформы

и папства, мы видимъ не однихъ безкорыстныхъ идеалистовъ, рыцарей аскетическаго идеала; рядомъ съ ними есть множество лицъ, матеріально заинтересованныхъ въ уничтоженіи брака духовенства и симоніи. Въ Ломбардіи борьба за реформу осложняется борьбою аристократіи и демократіи; здѣсь богатое и могущественное духовенство связано съ дворянскимъ сословіемъ узами кровнаго родства: бракъ духовенства даетъ возможность ломбардскимъ феодаламъ пристраивать своихъ дочерей замужъ за духовныхъ лицъ—владѣльцевъ богатыхъ бенефицій; а симонія превращаетъ церковныя должности въ монополію богатыхъ, могущихъ заплатить. Понятно, что простой народъ заинтересованъ какъ въ уничтоженіи этой монополіи, такъ и въ осуществленіи безбрачія, которое представляется могущественнымъ орудіемъ демократизаціи духовнаго сословія. Въ Германіи, напротивъ того, реформа связывается преимущественно съ интересами крупныхъ магнатовъ, герцоговъ. Здѣсь король служитъ оплотомъ и союзникомъ недовольныхъ реформой элементовъ. Поэтому за реформу стоятъ всѣ тѣ свѣтскіе вассалы короля, которые заинтересованы въ томъ, чтобы ослабить королевскую власть и усилиться на ея счетъ съ помощью папы.

Такимъ образомъ теократія должна осуществляться при помощи такихъ элементовъ мірского общества, которые заботятся лишь о земномъ своемъ благополучіи. Этотъ неестественный союзъ царства не отъ міра сего съ плотью и кровью не можетъ не имѣть роковыхъ послѣдствій для самой идеи „божескаго царства“: церковь не можетъ безнаказанно вступить въ сдѣлку съ чуждыми ей матеріальными интересами; чтобы заинтересовать эгоизмъ людей, ея загробный идеалъ долженъ *измѣнить себѣ самому*, спуститься до низменнаго мірского уровня. И въ самомъ дѣлѣ, идея „божескаго царства“, при столкновеніи съ несовершенной земной дѣйствительностью, измѣняетъ свое содержаніе: насыщаясь прахомъ земнымъ, она впадаетъ во внутреннія противорѣчія. Увлекаясь борьбой противъ симонистовъ и женатыхъ духовныхъ, Григорій и его сторонники все болѣе и болѣе упускаютъ изъ вида нравственную цѣль реформы и подчиняютъ ее цѣлямъ политическимъ. Въ сущности они должны знать, что при низкомъ въ общемъ нравственномъ уровнѣ современнаго имъ духовенства принудительныя, насильственныя мѣры не могутъ пріучить духовенство къ половому воздержанію, а могутъ привести къ результату, какъ разъ противоположному—къ развитію противоестественныхъ пороковъ и къ замѣнѣ сожительства съ законными женами тайными сношеніями съ

наложницами. Путемъ принудительныхъ мѣръ можно осуществить *институтъ* безбрачія, но нельзя достигнуть утопической цѣли „цѣломудрія". Тѣмъ не менѣе реформаторы XI-го вѣка охотнѣе мирятся съ тайными пороками, которые искажаютъ нравственный обликъ пастырей, чѣмъ съ явнымъ бракомъ, который прикрѣпляетъ ихъ къ міру постоянными, прочными узами. Сами того не замѣчая, они подмѣниваютъ идеалъ добровольнаго аскетическаго подвига цѣломудрія идеаломъ внѣшняго порядка. Единодержавіе преемника св. Петра, *внѣшнее объединеніе іерархіи въ немъ*, становится для Григорія на первомъ планѣ, заслоняя собою другія задачи церковныхъ преобразованій. Для достиженія этой цѣли онъ не гнушается никакими средствами, не останавливается даже передъ подкупомъ народныхъ массъ, вербуетъ себѣ сторонниковъ деньгами. При этихъ условіяхъ папа можетъ извнѣ господствовать надъ людьми, но онъ не въ силахъ высоко поднять ихъ религіозное настроеніе. Указывая имъ путь къ небу, онъ долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ прельщать ихъ осязательными выгодами. Чтобы быть въ дѣйствительности вселенскимъ пастыремъ, владыкой надъ іерархіей, папа долженъ пользоваться тѣмъ антагонизмомъ, какой существуетъ между пастырями церкви и частью мірского общества. Онъ—блюститель мира и единства церкви—долженъ опираться на силы центробѣжныя, сѣять рознь между пастырями и пасомыми, чтобы повелѣвать тѣми и другими. Подавляя индивидуальную свободу въ іерархіи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ разнуздываетъ индивидуальную свободу мірянъ противъ іерархіи. Разрѣшая мірянамъ удалять отъ алтарей духовныхъ лицъ, не приговоренныхъ къ отрѣшенію отъ должностей духовнымъ судомъ, единственной компетентной въ такого рода дѣлахъ инстанціей, онъ дѣлаетъ пасомыхъ судьями надъ пастырями. Тѣмъ самымъ онъ колеблетъ основы того іерархическаго строя, за который онъ ратуетъ. Въ этомъ заключается одно изъ тѣхъ основныхъ противорѣчій церковной политики Григорія, которыя нарушаютъ цѣлостность и единство его іерархической системы.

Борьба противъ свѣтской инвеституры.

XII. Для завершенія реформы, приводимой Григоріемъ, какъ мы видѣли, необходимо измѣнить существующій порядокъ замѣщенія высшихъ духовныхъ должностей. Григорій, какъ и прочіе сторонники церковныхъ преобразованій, осуждаютъ свѣтскую инвеституру во имя *единства* іерархическаго строя церкви. Между тѣмъ инвеститура въ занимающую насъ эпоху служитъ необходимой опорой и основой *единства государственнаго*. Въ этомъ заключается трагическій интересъ столкновенія между святительской и царской

властью и въ особенности—между папствомъ и имперіей въ XI-мъ вѣкѣ.

Въ занимающую насъ эпоху сильная государственная организація можетъ возрасти только на теократической основѣ. Одна церковь въ состояніи связать во единый политическій организмъ множество разрозненныхъ и раздробленныхъ феодальныхъ единицъ. Среди центробѣжныхъ силъ феодальнаго общества она одна представляетъ собою начало объединяющее, централизирующее. Это вѣрно въ особенности относительно германскаго королевства и имперіи, гдѣ король можетъ царствовать лишь въ качествѣ владыки надъ церковью.

Связь между королевской властью и ея свѣтскими вассалами до крайности ослабляется наслѣдственностью свѣтскихъ леновъ, которая въ XI-мъ вѣкѣ составляетъ общее правило: владѣя своими ленными территоріями на основаніи частнаго, наслѣдственнаго права, германскіе герцоги, князья и графы не чувствуютъ себя ничѣмъ обязанными своему верховному сюзерену. Каждый изъ нихъ стремится основать династію самостоятельную и независимую по отношенію къ императору; наслѣдственность леновъ тѣсно связана съ сепаратистскими стремленіями, которыя выражаются въ глухой враждѣ и въ открытыхъ возстаніяхъ князей противъ главы государства. Въ дѣйствительности императоръ можетъ разсчитывать на вѣрность большинства своихъ свѣтскихъ вассаловъ лишь постольку, поскольку онъ въ состояніи заинтересовать ихъ какой-нибудь выгодой или силой принудить ихъ къ повиновенію.

Церковная организація является могущественнымъ противовѣсомъ противъ этихъ индивидуалистическихъ стремленій свѣтскихъ феодаловъ. Соотвѣтственно съ тѣми общественными задачами и цѣлями, которыя преслѣдуетъ церковь, замѣщеніе ея высшихъ должностей опредѣляется не частными наслѣдственными привилегіями, а публично-правовыми началами. Епископы и аббаты не суть родоначальники династій; духовные лены не вырождаются въ ихъ частную собственность. Послѣ смерти того или другого епископа или аббата король каждый разъ вновь активно проявляетъ свое право верховенства, отдаетъ, кому хочетъ, пастырскій жезлъ, располагаетъ территоріями подвластныхъ ему епископовъ и аббатовъ. Вслѣдствіе этого духовные вассалы находятся въ болѣе тѣсной зависимости отъ королевской власти, чѣмъ вассалы свѣтскіе. Благодаря инвеститурѣ король получаетъ возможность замѣщать церковныя каѳедры людьми испытанной преданности; именно инвести-

тура епископовъ даетъ ему возможность противопоставлять разрозненнымъ свѣтскимъ князьямъ сплоченную армію князей духовныхъ. Если мы примемъ во вниманіе, что въ Германіи воинская повинность ложится всею тяжестью не столько на свѣтскіе, сколько на духовные лены, что королевское войско составляется преимущественно изъ контингентовъ, поставляемыхъ имперскими церквами, а войны, въ особенности походы въ Италію, ведутся преимущественно за ихъ счетъ, то мы поймемъ, что власть короля надъ епископатомъ составляетъ здѣсь главную основу его власти вообще.

Значеніе инвеституры въ германскомъ королевствѣ и имперіи.

Въ Германіи король можетъ царствовать лишь въ качествѣ вѣнчаннаго святителя, владыки надъ церковью. Поэтому вопросъ объ инвеститурѣ есть вопросъ о жизни и смерти для германскаго королевства и имперіи. Имперія, какой она представляется въ дѣйствительности и какъ ее понимаютъ сторонники императорской власти, есть *святительское царство*; поэтому съ уничтоженіемъ свѣтской инвеституры она должна перестать быть единымъ цѣлымъ, распасться на части. Споръ объ инвеститурѣ не есть борьба между церковью съ одной стороны и чисто свѣтскимъ государствомъ съ другой. Государства, совершенно свободнаго отъ церкви, построеннаго на чисто свѣтской основѣ, средніе вѣка вообще не знаютъ. По вопросу объ инвеститурѣ вступаютъ между собою во вражду двѣ теократіи, или, лучше сказать, два органа христіанской теократіи, двѣ партіи въ церкви и въ государствѣ. При этомъ борьба обостряется самой однородностью спорящихъ. Обѣ стороны согласны между собою въ томъ, что божеское царство должно наполнить собою все земное, что оно есть высшая цѣль, которой одинаково должны служить міръ и клиръ. Вопросъ идетъ только о томъ, кому принадлежитъ преимущественное право вести людей къ осуществленію этой цѣли на землѣ, кто долженъ стоять на вершинѣ христіанскаго общества—царь, образъ Давида и Моисея, или святитель—преемникъ Аарона. Мірская власть, которой съ точки зрѣнія императоровъ и королей принадлежитъ господство, играетъ въ клерикальной схемѣ роль подчиненнаго орудія; и наоборотъ, то, что съ клерикальной точки зрѣнія должно стоять на вершинѣ всего общественнаго зданія,—стоитъ въ царской теократіи внизу; святительская власть здѣсь помѣщается у подножія царскаго престола и служитъ ему опорою. Теократія царская представляетъ собою какъ бы отраженіе теократіи папской, но только въ опрокинутомъ видѣ. По мѣткому выраженію клерикальнаго пи-

сателя Гумберта, благодаря свѣтской инвеститурѣ здѣсь весь каноническій порядокъ *виситъ внизъ головой*.

Доводы защитниковъ свѣтской власти въ пользу инвеституры.

Сторонники имперіи, защищая свѣтскую инвеституру, ссылаются на *святительскій характеръ* царской власти. Въ силу помазанія *король не есть простой мірянинъ*: съ его саномъ связывается особый пророческій даръ, котораго не лишены даже цари-язычники; ему сообщается свыше способность угадывать волю Провидѣнія; въ силу особаго дара Духа Святаго, онъ можетъ распознавать и назначать на вакантныя каѳедры угодныхъ Богу избранниковъ. Оправданіе свѣтской инвеституры заключается въ *теократической миссіи* царей, въ ихъ призваніи блюсти миръ и единство церкви. Нѣкоторые писатели прямо учатъ, что епископы должны пребывать въ сыновнемъ подчиненіи своему государю и отъ него держать свою власть, дабы *царство приводилось къ единству*. Въ глазахъ сторонниковъ имперіи святительскія, пастырскія полномочія связаны съ самой природой царской власти, а потому присущи всѣмъ царямъ вообще. Но изъ среды всѣхъ царей выдѣляется „князь надъ князьями“ — императоръ, глава міра, источникъ всякаго закона и власти на землѣ. Императоръ — непосредственный представитель Бога, „*викарій Христа*“ на землѣ. Если другимъ царямъ принадлежитъ власть надъ тѣми или другими мѣстными церквами, то императоръ прзнанъ владычествовать надъ самимъ апостольскимъ престоломъ, т.-е. надъ вершиной вселенской іерархіи. Писатели-имперіалисты прямо разсматриваютъ право императора замѣщать римскую каѳедру, какъ частное проявленіе его власти надъ церковью вообще. Это—лишь разновидность инвеституры, хотя назначеніе римскихъ епископовъ и не сопровождается врученіемъ имъ посоха и кольца. Въ этой теоріи Священной римской имперіи, которой держатся писатели-имперіалисты занимающей насъ эпохи, выразился тотъ идеалъ, къ которому въ дѣйствительности стремились императоры: Генрихъ III-й назначилъ одного за другимъ четырехъ папъ на апостольскій престолъ; а Генрихъ IV-й дважды низложилъ Григорія и въ Бриксенѣ—на соборѣ германскихъ и итальянскихъ епископовъ—возвелъ на его мѣсто антипапу Виберта (Климента III-го).

Если въ другихъ государствахъ свѣтская инвеститура имѣетъ характеръ *мѣстной узурпаціи*, то въ универсальной по своей идеѣ Священной римской имперіи она пріобрѣтаетъ характеръ *универсальный* и грозитъ привести къ порабощенію апостольскаго престола, а съ нимъ вмѣстѣ — вселенской церкви — свѣтской властью императора. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что Священная рим-

ская имперія служитъ главной ареной борьбы между святительской и царской властью; здѣсь споръ объ инвеституре пріобрѣтаетъ особую остроту сравнительно съ другими странами. Если императоръ отстаиваетъ противъ папы цѣлость и единство имперіи, то и папа сражается за самое существо святительской, папской теократіи.

Цѣли Григорія въ борьбѣ противъ инвеституры.

XIII. Въ 1075-мъ, 1078-мъ и 1080-мъ году Григорій издаетъ цѣлый рядъ законодательныхъ постановленій противъ свѣтской инвеституры. Устраняя свѣтскія власти отъ замѣщенія высшихъ духовныхъ должностей, папа провозглашаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ принципъ свободныхъ выборовъ епископовъ духовенствомъ и паствой ихъ діоцезовъ. Но для осуществленія теократическаго идеала папы и этого мало. Для послѣдовательнаго проведенія въ жизни церкви того монархическаго, папскаго начала, которое олицетворяетъ собой ея единство, недостаточно освободить іерархію отъ мірскихъ властителей: необходимо поставить ее въ болѣе тѣсную зависимость отъ св. Петра и его преемника; а для этого нужно подчинить вліянію апостольскаго престола самое замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ.

Эта тенденція несомнѣнно обнаруживается въ изданномъ папою законѣ 1080 года. Въ силу этого закона, по открытіи епископской вакансіи въ той или другой епархіи, папа или митрополитъ посылаютъ туда епископа для того, чтобы блюсти за законностью избранія. Если избиратели, совершая выборы, увлекутся какими-либо посторонними побужденіями, напримѣръ, соображеніями лести или страха передъ могущественными свѣтскими властителями, то самые выборы должны считаться недѣйствительными; при этихъ условіяхъ клиръ и народъ теряютъ свое избирательное право; вмѣсто нихъ право замѣщенія вакантной каѳедры переходитъ къ митрополиту или къ папѣ.

Законъ этотъ даетъ возможность папѣ контролировать и направлять выборы и даже прямо назначать новыхъ епископовъ. Въ дѣйствительности Григорій широко пользуется этой прерогативой. Изъ собраннаго новѣйшими историками матеріала видно, что онъ старается, гдѣ только возможно, черезъ посредство своихъ легатовъ вліять на епископскіе выборы и даже прямо назначать своихъ кандидатовъ. Вскорѣ послѣ воспрещенія инвеституры эти назначенія перестаютъ быть исключеніемъ: они совершаются въ нарушеніе принципа „свободныхъ выборовъ“ и, слѣдовательно, въ нарушеніе того древняго канона, на который опирается папа.

Григорій хочетъ не только взять въ свои руки замѣщеніе церковныхъ каѳедръ: онъ старается вообще поставить высшихъ представителей іерархіи въ болѣе тѣсную отъ себя зависимость. Въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ соглашается на посвященіе архіепископовъ подъ условіемъ предварительнаго принесенія ими вассальной присяги, въ силу коей они обязуются „воинствовать св. Петру“, защищать его свѣтскія владѣнія. Послѣ разрыва съ Генрихомъ IV онъ начинаетъ требовать, чтобы нѣмецкіе епископы служили ему войскомъ. Онъ вообще хочетъ быть не только духовнымъ главою, но и верховнымъ сюзереномъ епископовъ, присвоить себѣ по отношенію къ нимъ всю ту власть, которая раньше принадлежала королямъ и императорамъ. Сторонники Григорія до извѣстной степени основательно упрекаютъ имперіалистовъ въ томъ, что они присвоиваютъ императору полномочія главы церкви и „не хотятъ имѣть другого первосвященника, кромѣ кесаря“. Но по этому самому паписты хотятъ вырвать цѣликомъ власть надъ епископатомъ у королей и императоровъ; а это значитъ то же, что отнять у послѣднихъ ихъ царскія функціи и поставить папу на ихъ мѣсто.

Для Григорія и его сторонниковъ, какъ мы сказали, объединеніе іерархіи служитъ руководящимъ мотивомъ въ борьбѣ противъ инвеституры. Говоря словами клерикальнаго писателя начала XII вѣка—епископа Брунона Сегнійскаго, при существованіи инвеституры „извращается вѣра, утрачивается свобода церкви, уничтожается священство, *закрывается единая и единственная дверь церкви, и открывается множество другихъ дверей*; всякій, кто входитъ ими, есть воръ и разбойникъ“. По мнѣнію другого писателя, современника Григорія, Ансельма Клуккскаго, государь, инвестирующій епископовъ, тѣмъ самымъ узурпируетъ власть того привратника, который долженъ отворять дверь истиннымъ пастырямъ во дворъ овчій. Для пастырей, входящихъ въ церковь „единой дверью“, апостолъ Петръ долженъ служить привратникомъ и ключникомъ. Въ этомъ и заключается та главная тенденція сторонниковъ преобразованій, которая проводится подъ именемъ „свободныхъ каноническихъ выборовъ“.

XIV. Іерархія земная въ ученіи Григорія строится по образу и подобію небесной, ангельской іерархіи. Въ посланіи къ тремъ французскимъ архіепископамъ, написанномъ въ 1079 году, онъ объясняетъ, что весь строй вселенной покоится на іерархическихъ началахъ. Въ лѣствицѣ существъ тварь отъ твари различается своимъ значеніемъ и чиномъ, при чемъ низшія ступени должны под-

чиняться высшимъ. Чины небеснаго воинства—ангелы, архангелы, херувимы и серафимы не равны между собою по степени значенія и власти. И тѣмъ не менѣе въ ангельскомъ обществѣ господствуютъ миръ и согласіе; всѣ эти ангелы, располагаясь въ стройномъ порядкѣ іерархической лѣствицы, составляютъ единую курію, единое царство небеснаго Царя. Такой же порядокъ долженъ господствовать и въ церкви—земномъ отраженіи „божескаго царства". Здѣсь также должна существовать іерархическая лѣствица чиновъ—епископовъ, архіепископовъ, патріарховъ, которая должна находить себѣ завершенье въ единомъ начальникѣ—папѣ.

Значеніе св. Петра въ теократической системѣ Григорія.

Посредникомъ между небесной и земной іерархіей является „небесный ключникъ"—св. Петръ, который, съ одной стороны, отпираетъ и запираетъ смертнымъ врата небесъ, а съ другой стороны—въ лицѣ папы является въ земномъ воплощеньи. Эта посредническая роль верховнаго апостола, въ лицѣ коего небо встрѣчается съ землею, объясняетъ намъ его центральное значеніе въ папской системѣ.

„Власть ключей", присвоенная верховному апостолу, истолковывается Григоріемъ въ смыслѣ власти надъ цѣлымъ зданіемъ церкви. Въ силу этого полномочія и порученія „пасти овецъ Христовыхъ" св. Петръ властвуетъ не только въ небесной сферѣ, но и въ нижнемъ земномъ этажѣ „божескаго царства": онъ отворяетъ и затворяетъ людямъ небеса: тѣмъ болѣе онъ въ правѣ судить о земномъ. Верховный апостолъ располагаетъ не только тѣми или другими дарами благодати: онъ—*органъ благодати въ универсальномъ ея дѣйствіи*: помимо его никто не спасается, никто не проникаетъ въ рай. Выраженіе „благодать св. Петра", безпрестанно повторяющееся въ произведеніяхъ Григорія, употребляется имъ въ смыслѣ *благодати вообще въ земномъ ея дѣйствіи*.

„Благодать св. Петра".

Говоря словами папы, благодать св. Петра—для всѣхъ „жизнь и блаженство"; гнѣвъ его — для всѣхъ „погибель". Въ рукахъ св. Петра—не только всѣ царства царей, но и души вѣрующихъ, въ силу даннаго ему преимущественнаго права связывать и разрѣшать. Онъ можетъ дать или отнять спасеніе и честь какъ въ этой земной, такъ и въ будущей, загробной жизни. Отождествленіе „благодати св. Петра" съ благодатью вообще явствуетъ изъ того, что Григорій возвѣщаетъ „достовѣрную надежду спасенія" всѣмъ повинующимся апостольскому престолу и „неизбѣжное осужденіе" всѣмъ противляющимся ему. Отлученіе отъ церкви нерѣдко выражается Григоріемъ въ формулѣ: „отлучаю отъ благодати св. Петра";

а подвергнуться проклятію св. Петра значитъ для него то же, что „утратить благодать Божію“. Кто лишенъ благодати св. Петра, тотъ, по объясненію папы, становится членомъ общества діавола; отлученный лишается не только небесныхъ благъ: онъ вообще во всѣхъ дѣлахъ своихъ утрачиваетъ божественную помощь: не можетъ онъ одержать побѣды на войнѣ, ни въ чемъ-либо преуспѣть въ мірѣ. Иначе говоря, утрата „благодати св. Петра“—то же, что утрата благодати вообще: мѣстами выраженія „благодать Божія“ и „благодать св. Петра“ прямо употребляются, какъ синонимическія.

Черезъ св. Петра его преемникъ, римскій первосвященникъ, становится видимымъ центромъ дѣйствія благодати на землѣ. Дѣйствія папы, какъ должностного лица, суть дѣйствія самого верховнаго апостола. Вслѣдствіе этого жизнь и дѣятельность каждаго папы въ глазахъ Григорія пріобрѣтаетъ *характеръ необходимости*. Какъ онъ, такъ и другіе писатели его направленія видятъ въ отдѣльныхъ папахъ *избранниковъ благодати св. Петра*, *дѣйствующей съ неодолимой силой*. Св. Петръ заранѣе предвидитъ и избираетъ своихъ преемниковъ и руководитъ ихъ дѣйствіями задолго до ихъ возведенія на апостольскій престолъ. Послѣ посвященія въ папы надъ каждымъ римскимъ первосвященникомъ совершается то же чудо, какъ и надъ верховнымъ апостоломъ: его немощное человѣческое естество превращается въ твердую скалу, въ несокрушимый камень вѣры. Отсюда вытекаетъ вѣра въ *непогрѣшимость* папы. Григорій усвоиваетъ себѣ воззрѣніе псевдоисидоровыхъ декреталій, въ силу коего во главѣ римской церкви не можетъ стоять еретикъ, и римская церковь не будетъ заблуждаться во вѣкъ, такъ какъ Самъ Спаситель молился о томъ, чтобы не оскудѣла вѣра св. Петра. Другое послѣдствіе посвященія въ папы есть *святость* посвященнаго. По мысли псевдоисидоровыхъ декреталій, раздѣляемой Григоріемъ, папы, правильно возведенные на апостольскій престолъ, „заслугами *св. Петра становятся лучше*“: верховный апостолъ снабжаетъ ихъ „неизсякаемымъ приданымъ заслугъ и наслѣдіемъ невинности“; этими заслугами св. Петра они пріобрѣтаютъ „святость“. Въ глазахъ Григорія папа, если можно такъ выразиться, до такой степени *пресуществляется* въ св. Петра, что его личныя качества не оказываютъ никакого вліянія на его должностныя дѣйствія: отъ него отнимается *свобода погрѣшать* въ области догмата; онъ становится какъ бы автоматомъ благодати Петровой. Между верховнымъ апостоломъ и его преемникомъ происходитъ безпрерывное интимное общеніе. „Разби-

Непогрѣшимость и святость папы.

раемъ ли мы письма, къ намъ обращенныя, или выслушиваемъ рѣчи говорящихъ, — говоритъ Григорій, — онъ (св. Петръ) распознаетъ, изъ какого настроенія проистекаетъ написанное и сказанное". Папу постоянно просвѣщаетъ верховный апостолъ, который „не можетъ быть введенъ въ заблужденіе лживыми увѣреніями".

Замѣна Христа св. Петромъ у Григорія.

По смыслу папской теоріи Григорія, церковь строится на двойственномъ основаніи — благодати св. Петра и заслугъ св. Петра. Вмѣсто Христа Его верховный апостолъ становится главнымъ виновникомъ спасенія людей. Вообще умаленіе значенія Христа составляетъ естественный и необходимый результатъ всей разбираемой нами теоріи папской власти. Св. Петръ въ глазахъ Григорія представляетъ собою власть близкую къ людямъ, съ которой они должны считаться въ каждомъ своемъ дѣйствіи; чѣмъ болѣе преувеличивается значеніе этой власти, тѣмъ болѣе образъ Христа блекнетъ въ отдаленіи. Христосъ управляетъ церковью не Самъ непосредственно, а лишь черезъ верховнаго апостола. Въ качествѣ вселенскаго пастыря папа говоритъ и дѣйствуетъ какъ „викарій св. Петра". Его именемъ онъ обѣщаетъ людямъ рай или адъ, земныя или небесныя награды и наказанія, отнимаетъ царства у однихъ и отдаетъ другимъ, „связываетъ и разрѣшаетъ"; черезъ св. Петра, какъ мы уже видѣли, совершается вообще все то, что творится благодатью на землѣ. При этихъ условіяхъ само собою разумѣется, что Христосъ перестаетъ быть центромъ дѣйствія благодати по отношенію къ земной церкви. Св. Петръ заслоняетъ Его собой и становится вмѣсто Него посредникомъ между Богомъ и людьми. Въ томъ изображеніи папской теократіи, какое даетъ намъ Григорій, фигура св. Петра наполняетъ собой весь первый планъ; за нимъ на второмъ планѣ виднѣется въ облакахъ неясный обликъ Спасителя. Христосъ не наполняетъ Собою настоящей, земной жизни церкви Петровой. Онъ представляетъ Собою преимущественно ея отдаленное палестинское прошедшее и ея будущее—грядущее царствіе.

Значеніе св. Петра въ жизни мірского общества.

XV. Охарактеризованные только что основные принципы папской теоріи Григорія представляютъ собою ключъ къ пониманію всего того, что онъ учитъ о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и мірского общества.

Св. Петръ не есть представитель одной только римской каѳедры. Онъ—мистическое олицетвореніе того строя, который долженъ господствовать во всей церкви. Вся іерархія сверху донизу должна стать іерархіей апостольской, иначе говоря, іерархіей

Петровой. Служеніе св. Петру должно быть высшею цѣлью и для самихъ мірянъ: внимая словамъ его апостольскаго посланія (I Петра, II, 9), все мірское общество должно организоваться въ „царское священство“, въ послушное папѣ святительское царство. Благодать св. Петра есть объединяющее начало—тотъ цементъ, который скрѣпляетъ людей въ организованное общество. Съ отнятіемъ этой благодати рушатся царства, весь общественный организмъ распадается на части. Иными словами, въ жизни земной церкви св. Петръ долженъ наполнить все собою, стать всѣмъ во всемъ.

Св. Петръ долженъ не только объединить въ себѣ іерархію: онъ долженъ проникнуть въ міръ, наполнить содержаніемъ жизнь свѣтскаго общества. Среди христіанъ всѣхъ состояній церковь—вообще единственное объединяющее, связующее начало: ею держится всякое общество, всякое государство, кромѣ общества діавола—царства антихриста. Связь между сюзереномъ и вассаломъ, на которой покоится весь феодальный строй, скрѣпляется феодальной присягой: залогомъ прочности всѣхъ феодальныхъ обязательствъ служитъ та вѣра Христова, которую должны защищать короли, во имя коей клянутся ихъ вассалы. Союзъ между вассаломъ и сюзереномъ есть *союзъ вѣры и вѣрности;* по этому самому онъ подлежитъ власти церкви, которая скрѣпляетъ и нормируетъ всѣ тѣ отношенія, въ основѣ коихъ лежитъ вѣра. Глава церкви—св. Петръ, и его преемникъ, папа, можетъ расторгнуть этотъ союзъ; онъ можетъ разрѣшить подданныхъ отъ присяги, отъ повиновенія ихъ государю, когда власть послѣдняго перестаетъ служить той христіанской вѣрѣ, во имя которой дана присяга. Папа можетъ отлучить государя отъ церкви и тѣмъ самымъ изолировать его отъ всѣхъ—поставить его внѣ общества, внѣ христіанскаго закона; властью римскаго первосвященника свѣтскій государь можетъ быть временно отрѣшенъ отъ власти или навѣки низложенъ. Наконецъ, разрѣшивъ подданныхъ отъ присяги, папа можетъ связать ихъ обязанностью повиновенія другому монарху, если это требуется интересами христіанской вѣры.

Таковы притязанія, выразившіяся въ двухъ знаменитыхъ письмахъ Григорія къ епископу Герману Мецскому. Папа дважды отлучилъ Генриха IV-го отъ церкви, дважды воспретилъ ему царствовать и разрѣшилъ его вассаловъ отъ присяги. Въ посланіяхъ къ Герману Мецскому, написанныхъ послѣ обоихъ отлученій—въ 1076 и 1081 гг., онъ хочетъ оправдать свой образъ дѣйствій. Чтобы

успокоить сомнѣнія вѣрующихъ душъ, онъ задается цѣлью показать, что карательныя мѣры противъ Генриха представляютъ собою осуществленіе правъ, искони принадлежавшихъ апостольскому престолу.

Вопросъ о правѣ папы отлучать царей.

Прежде всего требуется уничтожить возраженіе тѣхъ сторонниковъ Генриха, которые утверждаютъ, что *король вообще не можетъ быть отлучаемъ*. Въ отвѣтъ на это возраженіе Григорій ссылается на тѣ евангельскіе тексты, коими установляется власть св. Петра надъ церковью. Поручая верховному апостолу „пасти овецъ“, Спаситель не исключаетъ царей изъ числа послѣднихъ: давая апостолу власть ключей, власть „вязать и рѣшить“ на небѣ и на землѣ, Христосъ опять-таки никого не исключилъ, никого не изъялъ изъ-подъ этой власти. Какъ овцы Христовы, цари одинаково со всѣми прочими смертными подчинены святому Петру; этой власти не подчиняется лишь тотъ, кто сбрасываетъ съ себя иго Христово и предпочитаетъ нести иго діавола. Кто не считаетъ для себя возможнымъ быть „связаннымъ“ постановленіями церковной власти, тотъ не можетъ ждать отъ церкви и „разрѣшенія“ (т-е. отпущенія грѣховъ): слѣдовательно, кто не признаетъ надъ собой этой власти, тотъ вовсе отчуждается отъ Христа.

Возражая противъ права папы отлучать королей и императоровъ, сторонники имперіи исходятъ изъ того положенія, что король получаетъ свою власть *непосредственно отъ Бога*, а потому не можетъ быть никѣмъ судимъ, кромѣ Бога. Напротивъ, Григорій во всемъ своемъ ученіи предполагаетъ, что власть св. Петра есть первоисточникъ всякой власти на землѣ, въ томъ числѣ и власти царской. Ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ вопросъ объ отлученіи королей сводился къ вопросу о самомъ существѣ святительской и царской власти. Если папа — вселенскій пастырь, то ему, какъ блюстителю чистоты церковнаго стада, принадлежитъ право отлучать королей, какъ и всѣхъ прочихъ смертныхъ. Но король, который можетъ быть судимъ и отлучаемъ высшей земной властью, уже не есть непосредственный „викарій“ Христа на землѣ. Если, напротивъ, король, какъ помазанникъ Божій, не подчиненъ никакому человѣческому суду и власти, то папа уже не есть вселенскій пастырь: онъ не можетъ удалить изъ стада паршивую овцу: его власть „связывать и разрѣшать“ подвержена изъятіямъ, ограниченіямъ.

XVI. Ради осуществленія единодержавія св. Петра въ церкви, какъ его понимаетъ Григорій, власть царская должна быть все-

цѣло подчинена власти святительской. Преемникъ св. Петра долженъ пользоваться всяческой властью на землѣ: онъ можетъ не только отлучать, но и низлагать царей и возводить своихъ ставленниковъ на ихъ мѣсто.

По Григорію то и другое право вытекаетъ прежде всего изъ принадлежащей апостоламъ Петру и Павлу власти „вязать и рѣшить“: въ силу этой власти апостолы могутъ „отнимать и давать каждому по заслугамъ: имперіи, царства, княжества, герцогства, маркграфства и всяческія человѣческія владѣнія“. Въ знаменитомъ письмѣ къ Герману Мецскому, написанномъ въ 1081 г., Григорій выводитъ тѣ же права папы изъ „власти ключей“, принадлежащей св. Петру. „Развѣ не можетъ судить о земномъ,—читаемъ мы здѣсь,—тотъ, кому дана власть отворять и затворять врата небесъ? Да не будетъ такъ. Или вы не помните,—что сказалъ апостолъ Павелъ: „*Развѣ вы не знаете, что мы будемъ судить ангеловъ? Кольми паче—мірскія дѣла*“. На подобныхъ же доказательствахъ a fortiori построена вообще вся аргументація Григорія. Если апостольскій престолъ можетъ судить о дѣлахъ духовныхъ, то почему онъ не можетъ судить и о свѣтскихъ дѣлахъ? Если свв. апостолы могутъ отнимать и раздавать патріархаты, архіепископства и епископства, то почему же они не могутъ дѣлать того же и въ низшей, мірской сферѣ, т.-е. располагать царствами? Слабая сторона всѣхъ этихъ разсужденій, согласно вѣрному замѣчанію современнаго нѣмецкаго историка—Мартенса, заключается въ примѣненіи аргумента a fortiori къ областямъ неоднороднымъ. Изъ того, напр., что духовникъ освобождаетъ кающагося отъ грѣховныхъ узъ, не слѣдуетъ, что онъ можетъ сдѣлать для своего духовнаго сына меньшее въ другой сферѣ, напр., освободить его отъ его долговыхъ обязательствъ. И точно такъ же изъ того, что папа можетъ отрѣшать пастырей отъ должностей—не слѣдуетъ a fortiori, что онъ можетъ низлагать королей.

Аргументъ a fortiori.

Замѣчательно, что указанное заблужденіе вовсе не есть только индивидуальный, личный промахъ Григорія; тотъ же аргументъ a fortiori повторяется многими писателями и составляетъ одно изъ общихъ мѣстъ клерикальной публицистики того времени. Ясное дѣло, что это общее партійное ослѣпленіе не есть результатъ простой случайности, а обусловливается дѣйствіемъ общихъ историческихъ причинъ, вліявшихъ одинаковымъ образомъ какъ на практическихъ дѣятелей, такъ и на писателей занимающей насъ эпохи.

Причины партійнаго ослѣпленія Григорія и его сторонниковъ.

Указанное заблужденіе обусловливается тѣмъ смѣшеніемъ церкви и государства, которое составляетъ капитальный грѣхъ всего средневѣковаго строя. Порядокъ благодатный и мірской до того тѣсно переплетены и перепутаны, что трудно опредѣлить, гдѣ кончается церковь и гдѣ начинается государство. Оттого-то, несмотря на попытки различить и разграничить эти двѣ сферы, писатели и практическіе политики ихъ безпрестанно смѣшиваютъ, разсматриваютъ ихъ какъ однородныя. Для Григорія и его сторонниковъ государство имѣетъ право существовать лишь какъ низшая сфера того же „божескаго царства", коего высшее проявленіе есть церковь; поскольку государство есть самостоятельный союзъ, преслѣдующій, въ отличіе отъ церкви, свои особыя задачи и цѣли, оно есть „общество разбойниковъ",—изобрѣтеніе сатанинской гордости людей. Этимъ и объясняется распространеніе власти ключей римскаго первосвященника на государственную сферу путемъ аргумента a fortiori; если папа господствуетъ въ церкви—высшей сферѣ божескаго царства, то онъ *тѣмъ болѣе* можетъ распоряжаться и въ низшей сферѣ того же божескаго царства—въ государствѣ. Ему, какъ ключнику царства небеснаго, принадлежитъ власть надъ всѣмъ зданіемъ христіанскаго общества: значитъ, помимо его никто не можетъ владычествовать, управлять христіанами,—ни царь, ни епископъ.

Григорій вообще различаетъ власть духовную и законную свѣтскую власть, лишь какъ высшую и низшую инстанцію въ предѣлахъ одной и той же „христіанской республики", а не какъ разнородныя двѣ власти: онѣ разнородны, лишь поскольку свѣтская власть есть власть тиранническая по своему происхожденію или по тѣмъ цѣлямъ, которыя она преслѣдуетъ. Государство, чтобы стать правомѣрнымъ христіанскимъ союзомъ, должно слиться съ церковью, поглотиться ею,—въ этомъ заключается основной принципъ всей государственной теоріи Григорія. Въ двухъ знаменитыхъ письмахъ къ Герману Мецскому мы находимъ чрезвычайно рѣзкое противоположеніе духовной и свѣтской власти. Здѣсь Григорій прямо называетъ царскую власть діавольской узурпаціей; онъ учитъ, что цари произошли отъ разбойниковъ, присвоившихъ себѣ власть надъ равными себѣ, т.-е. надъ людьми. Власть царская есть „изобрѣтеніе человѣческой гордости", власть святительская, напротивъ,—божественное установленіе. „Первая непрестанно гоняется за суетной славой; вторая, напротивъ того, всегда стремится къ небесной жизни".

Казалось бы, такая противоположность исключаетъ всякую воз-

можность какого бы то ни было единенія или даже мирнаго сожительства между церковію и государствомъ. Что можетъ быть общаго между царствомъ не отъ міра сего и обществомъ діавола—продуктомъ грѣха и тираннической узурпаціи! Но по странной логикѣ это рѣзкое противоположеніе духовнаго и свѣтскаго порядка нужно Григорію именно для того, чтобы подготовить ихъ сліяніе. Чтобы покрыть свой грѣхъ и перестать быть діавольской узурпаціей,—царская власть должна подчиниться святительской власти всецѣло. Умаленіе свѣтской власти здѣсь имѣетъ цѣлью сдѣлать церковь всесильной въ государствѣ. Для Григорія святительская власть настолько же выше царской, насколько золото драгоцѣннѣе свинца. Согласно словамъ папы Геласія,—цари должны подчиняться святителямъ, а не наоборотъ, ибо святители за самихъ царей имѣютъ отдать отчетъ Всевышнему въ день суда. Эта отвѣтственность предполагаетъ власть святителей надъ царями; пользуясь этой властью, римскіе первосвященники неоднократно отлучали и даже низлагали свѣтскихъ государей. Григорій ссылается на примѣръ папы Захарія, который низложилъ франкскаго короля Хильперика не столько за грѣхи его, сколько потому, что онъ не могъ съ пользой царствовать: вмѣсто Хильперика Захарій возвелъ на королевскій престолъ Пипина—отца Карла Великаго.

Сліяніе церкви и государства въ теократической системѣ Григорія.

Чтобы понять смыслъ аргументаціи Григорія, нужно прежде всего помнить, что та царская власть, которую онъ хочетъ умалить, черпаетъ всю свою силу во владычествѣ надъ церковью, надъ епископатомъ. Обѣ спорящія партіи смѣшиваютъ церковь съ государствомъ: для обѣихъ значеніе царской власти вообще измѣряется значеніемъ ея въ церкви. Если имперіалисты нѣкоторымъ образомъ видятъ въ королѣ святителя надъ святителями, то Григорій хочетъ прежде всего доказать, что король и императоръ въ церкви значитъ меньше, чѣмъ простой клирикъ; отсюда уже само собой вытекаетъ полнѣйшая зависимость царской власти отъ святительской: царь долженъ подчиняться папѣ во всемъ въ качествѣ низшаго члена клира. По своему положенію въ церкви короли и императоры—ниже простыхъ экзорцистовъ, которые составляютъ предпослѣдній разрядъ церковно-служителей: ибо экзорцистамъ дана власть изгонять демоновъ, коей короли не имѣютъ. Если, такимъ образомъ, простые церковно-служители возвышаются надъ царями, то во сколько же разъ превосходятъ ихъ епископы! Цари не пользуются властью разрѣшать отъ грѣховъ, которая дается каждому священнику: они вообще не обладаютъ властью вязать и рѣшить.

Борьба Григорія противъ владычества надъ церковью свѣтской власти.

Изъ этого подчиненнаго положенія царей въ церкви папа заключаетъ, что они вообще подлежатъ суду святителей, а тѣмъ паче—суду римскаго первосвященника. Словомъ, Григорій выводитъ право папы судить и низлагать королей изъ того, что короли лишь въ наименьшей степени располагаютъ духовной властью. Какъ ни страненъ кажется этотъ логическій скачокъ съ нашей современной точки зрѣнія,—въ тѣ времена люди не могли сознавать главнаго промаха папской аргументаціи въ виду указанныхъ нами особенностей того средневѣковаго строя, среди котораго они жили и дѣйствовали.

Противорѣчія въ отношеніи Григорія къ свѣтской власти.

XVII. Отношеніе Григорія къ свѣтской власти не можетъ быть вполнѣ послѣдовательнымъ. Мы уже видѣли, что онъ осуществляетъ реформу при содѣйствіи мірянъ, коихъ онъ дѣлаетъ судьями надъ пастырями; въ борьбѣ противъ враждебныхъ апостольскому престолу государей онъ долженъ опираться на другія мірскія власти. Принудительное единство святительской теократіи вообще нуждается въ содѣйствіи свѣтскаго меча для своего осуществленія. Одну и ту же свѣтскую власть требуется умалить и унизить, поскольку она препятствуетъ осуществленію „божескаго царства“ на землѣ, и возвысить, поскольку она служитъ его цѣлямъ. Отсюда въ произведеніяхъ Григорія—двѣ противорѣчивыя характеристики свѣтской власти: будучи продуктомъ грѣха, нечестивой узурпаціи, она вмѣстѣ съ тѣмъ—необходимый органъ теократіи, хотя и подчиненный папѣ, какъ высшей инстанціи.

Даже въ письмахъ къ Герману Мецскому, написанныхъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ столкновенія папы съ императоромъ, сталкиваются обѣ эти противоположныя тенденціи. Мы уже видѣли, что въ этихъ письмахъ отрицательное отношеніе Григорія къ свѣтской власти выражается въ крайне рѣзкой формѣ. Но тутъ же, въ письмѣ къ Герману за 1081 г., мы сталкиваемся съ такимъ ученіемъ о задачахъ христіанской монархіи, которое плохо вяжется съ предшествовавшей отрицательной характеристикой государства. Цари,—читаемъ мы здѣсь,—должны *блюсти души* своихъ подданныхъ и отдавать о нихъ отчетъ Всевышнему; церковь возводитъ царей и императоровъ не ради ихъ суетной славы, а *„ради спасенія многихъ“*; этимъ опредѣляются основныя обязанности государей.

Понятно, что царь, который ведетъ своихъ подданныхъ ко спасенію, уже не есть только свѣтскій властитель. Это, повидимому, сознаетъ и самъ Григорій. Въ другомъ письмѣ онъ утверждаетъ, что тѣло церкви управляется двумя властями—царскою и святи-

тельскою, которыя въ ней столь же необходимы, какъ два глаза въ человѣческомъ тѣлѣ. По поводу предстоящаго въ 1081-мъ году избранія германскаго короля на мѣсто низложеннаго Генриха и убитаго антикороля Рудольфа папа обращается съ мольбой къ Спасителю, чтобы Онъ далъ церкви такого защитника и „*правителя*“ (rectorem), какого ей подобаетъ имѣть. Въ 1074-мъ году, намѣреваясь отплыть въ крестовый походъ на востокъ, Григорій хочетъ поручить вмѣсто себя управленіе римскою церковью германскому королю—Генриху IV-му. Такъ же точно противорѣчиво ученіе Григорія о *происхожденіи* свѣтской власти: называя ее, какъ мы видѣли, изобрѣтеніемъ человѣческой гордости, Григорій въ нѣкоторыхъ письмахъ утверждаетъ, что она произошла отъ божественнаго установленія.

Вообще, когда требуется смирить непокорныхъ свѣтскихъ властителей, папа утверждаетъ, что они не имѣютъ въ церкви никакой власти или пользуются властью меньшею, нежели низшіе члены клира; когда требуется пріобрѣсти въ мірскихъ государяхъ помощниковъ и союзниковъ, онъ разсматриваетъ ихъ какъ нѣкотораго рода святителей, поставленныхъ управлять церковью. Эти противорѣчія не составляютъ только черту политики папы, колеблющейся въ зависимости отъ оппортунистическихъ соображеній. Они коренятся въ самомъ существѣ теократическаго идеала, который исходитъ изъ аскетическаго презрѣнія ко всему мірскому и вмѣстѣ съ тѣмъ нуждается въ содѣйствіи мірской власти для своего осуществленія. Двойственная оцѣнка государства и мірской власти вообще присуща тому августиновскому пониманію „божескаго царства“, которое господствуетъ въ средніе вѣка. Съ одной стороны, церковь разсматривается здѣсь, какъ единственная положительная величина: по сравненію съ ней—мірское царство, какъ такое, есть прахъ и тлѣнъ; мірская власть, какъ такая, есть проявленіе человѣческаго грѣха или ничтожества. Съ другой стороны, именно это отрицательное отношеніе къ государству ведетъ къ тому, что церковь становится на его мѣсто, поглощаетъ его въ себѣ: государство превращается въ часть божескаго царства, часть церкви: свѣтскія власти, становятся въ ней правителями и какъ бы чинами ея іерархіи.

Какъ въ своей практической дѣятельности, такъ и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ Григорій VII является героемъ и апологетомъ той теократической системы, которая въ то время господствовала въ жизни европейскихъ народовъ. Поэтому противо-

рѣчія его мысли суть противорѣчія самой исторической дѣйствительности XI столѣтія.

Осуществленіе единаго „божескаго царства“ на землѣ составляетъ идеальную цѣль средневѣковой теократіи: ея основная задача заключается въ устроеніи вселенскаго, *католическаго* мира, въ уничтоженіи раздора и неурядицы въ человѣческомъ обществѣ. Мы видѣли, что этотъ идеальный мотивъ лежитъ въ основѣ всего того, что думаетъ и дѣлаетъ Григорій. Въ дѣйствительности, однако, самое существованіе теократіи въ средневѣковой, католической ея формѣ обусловливается дробленіемъ феодальнаго общества, тѣмъ состояніемъ раздвоенія и разлада, которое составляетъ характерное его отличіе. Мы уже видѣли, что въ занимающую насъ эпоху церковь оказывается вынужденною присвоивать себѣ функціи государства именно вслѣдствіе отсутствія прочнаго свѣтскаго порядка, который обезпечивалъ бы неприкосновенность личности и имущества. Мы уже говорили о томъ, что германское королевство и имперія покоятся на теократической основѣ за невозможностію построить государство на чисто свѣтскихъ началахъ. Сторонники папства и имперіи заявляютъ себя въ принципѣ врагами всякаго индивидуализма; и, тѣмъ не менѣе, индивидуалистическія стремленія средневѣковаго общества составляютъ необходимое предположеніе какъ святительской, такъ и царской теократіи. Въ борьбѣ противъ императора папа вынужденъ опираться на центробѣжныя силы, на враждебныхъ единству имперіи германскихъ князей. Союзниками императора, напротивъ того, являются враждебное римской централизаціи духовенство, центробѣжныя силы іерархіи.

Въ средневѣковой теократіи государство и церковь сливаются такъ, что исчезаютъ всякія опредѣленныя границы между ними. Но именно это отсутствіе границъ дѣлаетъ неизбѣжнымъ *споръ о границахъ*. Сліяніе церкви съ государствомъ неизбѣжно влечетъ за собою какъ присвоеніе царскихъ функцій святительской властью, такъ и узурпацію святительскихъ полномочій царями. Именно то пониманіе *единства*, которое мы находимъ у писателей и дѣятелей занимающей насъ эпохи, дѣлаетъ неизбѣжнымъ *двоевластіе*, споръ о первенствѣ между святительской и царской властью. Въ раздорѣ двухъ высшихъ въ католическомъ мірѣ властей, двухъ органовъ средневѣковой теократіи, обнаруживаются ея роковыя противорѣчія и ея внутренняя несостоятельность.

Кн. Е. Трубецкой.

XXXI.

Ломбардскіе города въ XII вѣкѣ.

Города и епископы въ Ломбардіи.

Въ борьбѣ имперіи и папства на почвѣ Италіи при переходѣ ея въ XII столѣтіе мы наблюдаемъ двѣ новыя черты. Съ одной стороны, мѣняется самый характеръ борьбы: въ Римѣ духовные интересы все болѣе уступаютъ мѣсто интересамъ политическимъ. Дѣло идетъ уже не о томъ, чтобы обезпечить церковь отъ вторженій свѣтской власти, какъ это было въ XI вѣкѣ, а о томъ, чтобы защитить свѣтскую власть папы и помѣшать императору утвердить свое владычество въ Италіи. Съ другой стороны, рядомъ съ церковной іерархіей и феодальной монархіей выступаетъ новая политическая сила—вольныя городскія общины Ломбардіи, являющіяся представительницами національной идеи въ Италіи.

Въ XII вѣкѣ Ломбардія была страною муниципальнаго духа по преимуществу. Если и нельзя установить непосредственной преемственной связи между римскими муниципіями и городскими общинами среднихъ вѣковъ, то несомнѣнно все-таки, что именно въ Ломбардіи городская жизнь сохранилась лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ IX и X вѣкѣ епископы стали настоящими государями ломбардскихъ городовъ. Постепенно они захватили въ свои руки власть, принадлежавшую нѣкогда графамъ. Если въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Миланѣ, еще держатся графы и маркграфы, то зна-

---

Пособія. *Giesebrecht,* Geschichte der deutschen Kaiserzeit; *Lavisse et Rambaud,* Histoire générale, t. II; *Georges Guibal,* Arnaud de Brescia et les Hohenstaufen; *Giesebrecht,* Arnold von Brescia; *Prutz,* Staatengeschichte des Abendlandes; *Stacke,* Deutsche Geschichte.

ченіе ихъ кажется ничтожнымъ рядомъ съ положеніемъ епископа [1]). Подъ сѣнью этой епископской власти складывается общинная жизнь Ломбардіи. Окруженный крѣпкими стѣнами, населенный жителями, которыхъ связывали общіе интересы, городъ рано пріобрѣтаетъ сознаніе своей силы и умѣетъ имъ пользоваться. Купцы и ремесленники составляютъ отдѣльныя корпораціи, обладающія самоуправленіемъ; соединяясь вмѣстѣ, эти корпораціи вырабатываютъ постепенно общинную администрацію. Даже епископъ, управляющій городомъ, носитъ до извѣстной степени характеръ муниципальнаго магистрата. Граждане имѣютъ голосъ при его избраніи, а епископъ съ своей стороны, назначая довѣренныхъ лицъ для суда и администраціи, выбираетъ ихъ изъ среды гражданъ. Тотъ же епископъ собираетъ въ случаѣ необходимости народное собраніе. И нигдѣ въ Ломбардіи епископъ не стоялъ такъ высоко, какъ въ Миланѣ, гдѣ уже съ IX вѣка онъ былъ почти всемогущимъ. Въ XI вѣкѣ, когда городъ насчитывалъ 300 т. ж. и промышленность и торговля его процвѣтали, архіепископъ Герибертъ считалъ себя настолько сильнымъ, что вступилъ въ борьбу съ самимъ императоромъ.

Устройство городовъ.

Но почти для всѣхъ городовъ наступаетъ моментъ, когда городская община, окрѣпшая подъ владычествомъ епископа, хочетъ избавиться отъ власти, которою она уже тяготится. Такъ, въ Кремонѣ еще въ началѣ XI вѣка граждане изгоняютъ епископа Ландульфа и разрушаютъ его дворецъ. Реформы въ церковной организаціи и споръ изъ-за инвеституры ослабляютъ власть епископовъ, вносятъ новое движеніе въ городскую жизнь и благопріятствуютъ стремленіямъ городовъ къ независимости. Въ Миланѣ съ этого времени идетъ постоянная борьба города съ архіепископомъ, и среди этихъ смутъ слагается постепеннно муниципальное правленіе. Съ другой стороны, города представляютъ такую силу, что въ борьбѣ духовной и свѣтской власти и та, и другая старается имѣть ихъ на своей сторонѣ и, конечно, пріобрѣтаетъ ихъ поддержку не даромъ. Если Генрихъ IV освобождаетъ жителей Лукки отъ власти епископа Ансельма, то и графиня Матильда даетъ подобную привилегію жителямъ Мантуи. Такимъ образомъ, права верховной власти, попавшія тѣмъ или другимъ путемъ въ руки епископа, переходятъ къ городу. Этотъ переворотъ въ городской организаціи, подставившій въ большинствѣ городовъ городскую автономію на мѣсто

---

[1]) Многочисленныя привилегіи, данныя императорскими грамотами ломбардскимъ церквамъ, даютъ намъ достаточныя свѣдѣнія о подобномъ порядкѣ вещей.

епископской власти, заканчивается уже въ первой половинѣ XII-го вѣка. Въ Ломбардіи онъ ознаменовывается всего болѣе распространеніемъ консульства, которое раньше являлось лишь въ видѣ исключенія въ отдѣльныхъ городахъ [1]).

Общинное управленіе ломбардскихъ городовъ слагалось изъ трехъ существенныхъ элементовъ: консуловъ, совѣта и народнаго собранія. Въ рукахъ консуловъ лежала власть административная, судебная и военная. Но не всегда власть консуловъ распространялась одинаково на всѣ классы городского населенія; въ средневѣковомъ быту городскіе классы были для этого слишкомъ обособлены. Въ ломбардскихъ городахъ мы имѣемъ такихъ класса три, не считая духовенства: дворянство (milites, capitani, valvassores), торгово-промышленный классъ и простой народъ (чернь). Въ нѣкоторыхъ городахъ дворянство не входило вначалѣ въ общую организацію, какъ, напр., въ Моденѣ до 1185 г. Въ Генуѣ духовенство и чернь (minores) въ половинѣ XII в. пользовались покровительствомъ общины, но не составляли ея части. По большей части консуловъ было 12, но число ихъ мѣнялось иногда въ одномъ и томъ же городѣ. Въ Миланѣ въ 1117 г. было 18 консуловъ, въ 1130—20 и въ 1162—8. Иногда число ихъ соотвѣтствовало числу городскихъ кварталовъ (rioni, sestieri). Рядомъ съ консулами дѣйствовалъ городской совѣтъ, носившій обыкновенно названіе credentia, потому что члены его давали обѣщаніе довѣрять консуламъ (credentiam consulum juraverunt). Въ нѣкоторыхъ городахъ власть консуловъ была значительно связана этими совѣтами, но мы, къ сожалѣнію, мало знаемъ относительно способа ихъ составленія. Что же касается народнаго собранія (concio publica, parlamentum), то оно собиралось только въ особенно важныхъ случаяхъ и состояло изъ всѣхъ членовъ общины (communitas). Въ нѣкоторыхъ городахъ консулы, слагая должность, давали отчетъ о своемъ управленіи въ этихъ собраніяхъ. Организація ломбардскихъ городовъ не была однообразной въ виду того, что каждый городъ имѣлъ свои статуты, гдѣ одинаково можно было встрѣтить слѣды какъ римскаго, такъ и ломбардскаго права. Свободное устройство и богатство ломбардскихъ городовъ невольно бросалось въ глаза иностраннымъ писателямъ, и Отто Фрейзингенскій, дядя и историкъ Фридриха Барбаруссы, съ удивленіемъ описываетъ устройство городовъ, гдѣ

---

[1]) Такъ, мы находимъ консуловъ въ Бландратѣ въ 1093, въ Асти 1095, Комо 1109, Миланѣ 1107, Гуасталѣ 1115, Піаченцѣ 1126, Моденѣ 1150 и т. д.

дворянство идетъ рука объ руку съ горожанами и гдѣ люди низкаго происхожденія носятъ оружіе, принадлежащее рыцарямъ, и занимаютъ значительныя должности. При внимательномъ взглядѣ на городскую жизнь можно было, конечно, замѣтить и тѣ слабыя стороны, которыя прикрывались наружнымъ блескомъ. Свобода и равенство не царили во внутренней жизни города. Община строго слѣдила за отдѣльною личностью, и гражданинъ былъ связанъ сословіемъ, къ которому онъ принадлежалъ, ремесломъ, которымъ онъ занимался, приходомъ и кварталомъ, въ которомъ онъ жилъ. Консулы и совѣтъ опредѣляли рамки не только его политической свободы, но и его частной жизни. Было опредѣлено число смоковницъ и миндальныхъ деревьевъ на его полѣ и число священниковъ и свѣчей на его похоронахъ. Но главное зло было въ тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ междоусобіяхъ, отъ которыхъ никогда не отдыхали ломбардскіе города. Внутри городскихъ стѣнъ шла постоянная борьба между зажиточными гражданами и чернью, между знатными домами, окружившими себя вооруженными кліентами, иногда между отдѣльными кварталами и улицами. Еще опаснѣе была вражда городовъ между собою. Не щадилось средствъ, чтобы унизить соперника, а, если можно, стереть его съ лица земли. XII вѣкъ даетъ намъ много примѣровъ такой безпощадной жестокости. Когда жители Милана послѣ долгой осады взяли Лоди, они разрушили стѣны, сожгли дома, разогнали населеніе и превратили городъ въ груду развалинъ. И обратно, когда Фридрихъ Барбарусса рѣшился уничтожить ненавистный ему Миланъ, никто не исполнялъ воли императора съ такимъ усердіемъ, какъ жители сосѣднихъ Лоди, Кремоны, Новары и Павіи.

Фридрихъ Барбарусса.

Образованіе свободныхъ городскихъ общинъ въ Ломбардіи къ половинѣ XII в. находитъ себѣ объясненіе также въ положеніи императорской власти со временъ Генриха IV. Ни Генрихъ IV во время своей неудачной борьбы съ римской церковью, ни Генрихъ V, заключившій невыгодное для имперіи соглашеніе съ Римомъ, не могли пользоваться вполнѣ своими верховными правами надъ Италіей. Не сдѣлали ничего для возрожденія императорской власти и слѣдующіе государи: Лотарь и Конрадъ III. Но такое отношеніе не могло длиться вѣчно. Столкновеніе съ Римомъ и ломбардскими городами стало неизбѣжно, когда престолъ Германіи заняла личность, подобная преемнику Конрада III. Фридрихъ Барбарусса является самой крупной фигурой среди германскихъ императоровъ среднихъ вѣковъ. Въ немъ соединились выдающіяся личныя достоинства, му-

жество, политическій смыслъ и высокое понятіе о своемъ королевскомъ и императорскомъ санѣ. Въ политикѣ Фридриха Барбаруссы, какъ и другихъ германскихъ государей, слѣдуетъ различать дѣятельность короля и императора. Въ первомъ отношеніи онъ старался утвердить единство правленія, ослабить значеніе крупныхъ феодаловъ и подавить самоуправство мелкихъ. Дѣйствуя одновременно въ интересахъ Германіи и своихъ собственныхъ, онъ увеличивалъ могущество дома Гогенштауфеновъ, распространяя его владычество на Бургундію и отдаленный Неаполь. Болѣе видной, хотя и менѣе прочной по достигнутымъ результатамъ, была его дѣятельность въ качествѣ главы Священно-римской имперіи. Здѣсь честолюбивый и для своего времени достаточно образованный императоръ поставилъ себѣ самыя высокія цѣли: не даромъ онъ бралъ себѣ за образецъ создателя Священно-римской имперіи, котораго онъ объявилъ святымъ въ 1165 г., и смотрѣлъ на себя, какъ на преемника императоровъ древняго Рима. Едва избранный на престолъ, онъ пишетъ папѣ, что его честолюбіе заключается въ томъ, чтобы „возстановить въ прежней силѣ и полнотѣ величіе римской имперіи“, а одинъ изъ современныхъ лѣтописцевъ говоритъ про него: „во все время его царствованія ничто не было такъ близко его сердцу, какъ возстановить римскую имперію такою, какою она была прежде“. Были моменты въ царствованіе Фридриха, когда онъ, казалось, стоялъ на высотѣ, къ которой стремился. Таковъ былъ 1157 г. съ его сеймами въ Безансонѣ и Вюрцбургѣ. На первомъ императоръ принялъ присягу своихъ бургундскихъ вассаловъ и простеръ область своего вліянія до Прованса, на второмъ его привѣтствовали посольства Италіи, Франціи, Бургундіи, Даніи, Испаніи, Англіи и Византіи. Исходя изъ идеи Священно-римской имперіи, Фридрихъ называетъ королей Англіи и Франціи reges provinciarum. И, по крайней мѣрѣ, король первой, Генрихъ II, самъ признавалъ подобное отношеніе. Во время того же сейма въ Вюрцбургѣ, посылая въ подарокъ императору роскошный шатеръ, онъ пишетъ: „Англію и все, что относится къ нашимъ владѣніямъ, отдаемъ мы въ Ваше распоряженіе, чтобы все было тамъ устроено по Вашему желанію. Да будутъ между нашими народами единеніе и безпрепятственныя сношенія, но такъ, чтобы Вамъ, какъ высшему, принадлежало распоряженіе, и у насъ не будетъ недостатка въ желаніи повиноваться“. Высокія притязанія императора всего рельефнѣе должны были отразиться на его отношеніяхъ къ Италіи. Преслѣдуя свои цѣли въ этой области, Фридрихъ могъ, повидимому,

разсчитывать на болѣе прочные результаты своей дѣятельности. Ни Карлъ Великій, ни Оттонъ I не имѣли яснаго представленія о тѣхъ императорскихъ правахъ, на которыя они ссылались. Фридрихъ же былъ окруженъ легистами, докторами Болонскаго университета, которымъ онъ поручаетъ опредѣленіе своихъ правъ. И легисты даютъ императору самыя выгодныя для его власти положенія, они говорятъ ему, что его воля имѣетъ силу закона, что ему принадлежитъ не только верховная власть, но и собственность надъ міромъ.

Римская церковь неизбѣжно должна была столкнуться съ императоромъ, который предъявлялъ права и налагалъ свою руку на то, что̀ церковь привыкла уже считать своей собственностью. „Святой Петръ—единый государь Рима“,—говоритъ папа.—„Если я не господинъ въ немъ, то я императоръ только по имени“,—отвѣчаетъ Фридрихъ. Но, ссылаясь на античныя преданія, называя себя преемникомъ Константина, Ѳеодосія и Юстиніана, Фридрихъ остается въ то же время сыномъ своего вѣка: мы видимъ въ немъ благочестиваго католика и истаго германца. Фридриху дорого достоинство церкви, и онъ не видитъ въ папѣ лишь политическаго противника, подобно своему внуку, для котораго всѣ средства хороши, чтобы унизить папу. Въ XII вѣкѣ римскія преданія возрождались не только въ теоретическомъ обоснованіи императорской власти, но и въ попыткѣ возродить идею римскаго народовластія. Въ безпокойномъ всегда Римѣ въ половинѣ XII в. произошелъ крупный переворотъ, во главѣ котораго стояла замѣчательная личность Арнольда Брешіанскаго. Это была не только смѣлая, но преждевременная и заранѣе обреченная на неудачу попытка церковной реформы, но и цѣлый политическій переворотъ, пытавшійся вновь создать въ Римѣ правительство „сената и народа римскаго“. Римская республика должна была опереться на кого-нибудь въ борьбѣ съ папой, и она обращалась къ Конраду III и теперь къ Фридриху Барбаруссѣ. Она хотѣла видѣть въ императорѣ носителя верховной власти римскаго народа и надѣялась достигнуть отъ него утвержденія пріобрѣтенныхъ правъ и освобожденія отъ папской власти. Фридрихъ былъ оскорбленъ и какъ императоръ, и какъ германецъ. Мы не можемъ считать вполнѣ точнымъ отвѣтъ Фридриха, приведенный его историкомъ Отто Фрейзингенскимъ, но если не слова, то мысль императора передана вѣрно: „Напрасно говорите вы о прежнемъ величіи и великолѣпіи Рима; не только владычество, но и самыя доблести перешли къ германцамъ. По-

этому правятъ вами германскіе короли, думаютъ за васъ германскіе князья, сражаются за васъ германскіе воины. Я прихожу не для того, чтобы получить отъ васъ что-либо, но чтобы васъ спасти отъ внутреннихъ и внѣшнихъ раздоровъ". Руководствуясь подобными взглядами, Фридрихъ пожертвовалъ римской революціей и Арнольдомъ Брешіанскимъ папѣ и выпустилъ изъ рукъ готовое оружіе противъ римской церкви.

Желая быть господиномъ въ Римѣ и Италіи, Фридрихъ не могъ безразлично смотрѣть на свободное развитіе ломбардскихъ городовъ, которые въ теченіе цѣлаго вѣка отвыкли отъ сильной императорской власти. То, что Фридрихъ сказалъ въ 1158 г. о Миланѣ, относилось и къ свободной Ломбардіи вообще: „Высокомѣріе ихъ подняло голову противъ римской имперіи и въ настоящее время старается потрясти всю Италію. Поэтому мы хотимъ обратить противъ нихъ всѣ силы этой имперіи". Свобода Ломбардіи и идеалы императора не могли быть осуществлены въ одно и то же время. Обѣ стороны прибѣгли къ оружію, чтобы защитить то, что они считали своимъ правомъ. 22 года длилась борьба Фридриха въ Италіи, и 6 разъ переходилъ онъ для этого черезъ Альпы. Все это время можно удобно раздѣлить на два періода. Первый—торжество императора—выразился теоретически въ постановленіяхъ Ронкальскаго сейма и реально въ разрушеніи мятежнаго Милана. Второй—торжество городовъ—привелъ прежде къ фактическому уничтоженію императорской силы въ битвѣ при Леньяно и получилъ затѣмъ формальное опредѣленіе на Венеціанскомъ конгрессѣ и въ Констанцскомъ договорѣ.

Первый походъ Фридриха.

Осенью 1154 г. Фридрихъ въ первый разъ переходитъ Альпы. Цѣлью его было надѣть императорскую корону въ Римѣ, но въ то же время императоръ не могъ пройти черезъ Ломбардію, не напомнивши ея городамъ о своихъ верховныхъ правахъ и не устранивши тѣхъ злоупотребленій, жалобы на которыя дошли до него въ Германіи. Еще въ Констанцѣ посольство отъ Лоди умоляло его спасти городъ отъ тираніи Милана. Теперь на Ронкальскомъ полѣ близъ Піаченцы Фридрихъ выставилъ свой королевскій щитъ и потребовалъ къ себѣ своихъ италіанскихъ вассаловъ. Начались жалобы. Маркграфъ Монферратскій, единственный крупный сеньёръ верхней Италіи, не склонившійся еще передъ могуществомъ городовъ, указалъ на то, какъ вообще палъ авторитетъ короля въ Италіи, и въ частности обвинилъ особенно города Асти и Кіери. Затѣмъ цѣлый рядъ жалобъ посыпался на самовластіе

Милана. Подняли ихъ несчастные города Комо и Лоди и поддержали Павія и Кремона. Попытка Милана деньгами—онъ предлагалъ 4 т. марокъ—купить себѣ владычество надъ Комо и Лоди была отвергнута. Не имѣя достаточно войска и озабоченный иными вопросами, Фридрихъ оставилъ пока въ покоѣ сильный Миланъ, но показалъ примѣръ своей строгости, разрушивши болѣе мелкіе города: Розато, отказавшій ему въ провіантѣ, Асти, Кіери и Тортону, на которую жаловалась преданная императору Павія. Тортона упорно защищалась два мѣсяца, и гибель ея произвела сильное впечатлѣніе на страну. Надѣвши на себя въ Павіи ломбардскую корону (15 апрѣля 1155 г.), Фридрихъ пошелъ далѣе въ Римъ, куда манило его коронованіе въ соборѣ св. Петра. Не безъ труда удалось Фридриху добыть себѣ императорскую корону. Для этого понадобилось соглашеніе съ Адріаномъ IV, потребовавшимъ выдачи бѣжавшаго изъ Рима Арнольда Брешіанскаго и заставившимъ императора выполнить обрядъ держанія папскаго стремени при свиданіи въ Сутри, а затѣмъ и кровавое столкновеніе съ римлянами, одинаково недовольными какъ императоромъ, такъ и папою.

Второй походъ и взятіе Милана.

Прошло цѣлыхъ 4 года, прежде чѣмъ Фридрихъ нашелъ возможнымъ снова явиться въ предѣлахъ Италіи. На этотъ разъ были приняты всѣ мѣры, чтобы выступить съ такой силой, предъ которой ломбардскіе города должны были бы преклониться. Отношенія въ Германіи были поставлены такъ, чтобы развязать Фридриху руки въ Италіи, и большія военныя силы были собраны со всего государства. Лѣтомъ 1158 года начался походъ. Черезъ большой Бернардъ двинулись войска изъ Бургундіи и Лотарингіи, по побережью Адріатики изъ Австріи и Каринтіи и черезъ Бреннеровъ проходъ самъ императоръ съ отрядами франковъ, баварцевъ и швабовъ; за нимъ слѣдовали саксы. При Брешіи присоединились къ нему италіанскіе вассалы и вѣрные ему города Павія, Парма, Кремона, такъ что образовалось до 100 т. пѣхоты и 15 т. конницы. Всѣ эти силы двинулись на объявленный въ опалѣ Миланъ и 6 августа 1158 г. приступили къ его осадѣ. Сопротивленіе Милана не было на этотъ разъ продолжительно: болѣзни и голодъ скоро ослабили воинственное настроеніе миланцевъ, и благодаря стараніямъ графа Гвидо де-Бландрата въ началѣ сентября была заключена капитуляція съ императоромъ. Требованія послѣдняго были приняты: Лоди и Комо становились независимыми, всѣ жители Милана присягали на вѣрность императору, платили значительную сумму денегъ,—9 т. марокъ серебра,—выставляли 300 заложниковъ, а

главное, возвращали ему всѣ коронныя земли и верховныя права и обѣщали обращаться къ нему за утвержденіемъ своихъ консуловъ. 8 сентября послѣдовала торжественная сцена подчиненія мятежнаго города императору. Населеніе города длинной процессіей потянулось въ лагерь Фридриха просить себѣ прощенія. Впереди съ архіепископомъ во главѣ шло городское духовенство съ крестами и кадильницами, затѣмъ консулы, члены совѣта и дворянство съ босыми ногами и обнаженными мечами, привязанными къ затылку, наконецъ, простой народъ, съ веревками на шеѣ, истощенный голодомъ и одѣтый въ рубище. Все это пало на землю передъ императоромъ, сидѣвшимъ на престолѣ. Первый заговорилъ архіепископъ и въ своей рѣчи взывалъ къ снисхожденію Фридриха. Тотъ поцѣловалъ его въ знакъ примиренія и указалъ ему мѣсто среди остальныхъ епископовъ. Слѣдующее слово принадлежало одному изъ консуловъ, по имени Obertus ab Orto.—„Мы согрѣшили“, говорилъ онъ, „и сотворили незаконное, мы просимъ прощенія и кладемъ наши мечи къ вашимъ ногамъ и нашу жизнь въ ваши руки“. Тронутый этой покорностью, императоръ отвѣчалъ: „Я радъ, что жители Милана предпочли, наконецъ, миръ войнѣ. Сколько несчастія было бы предотвращено, сколько добра было бы сдѣлано, если бы граждане съ самаго начала предпочли эту благую часть! Я предпочитаю, чтобы мнѣ повиновались добровольно, чѣмъ поневолѣ, я предпочитаю миловать, нежели казнить, но пусть никто не забываетъ, что меня легче побѣдить покорностью, чѣмъ войною. Я надѣюсь, что городъ и впередъ будетъ оставаться на этой вѣрной стезѣ, и онъ будетъ испытывать тогда не силу и строгость мою, а расположеніе и милость“.

Опредѣленіе правъ императора.

Миланъ преклонился передъ волею императора, но однимъ этимъ не могъ удовлетвориться Фридрихъ. Онъ хотѣлъ разъ навсегда привести въ полную ясность свои права, какъ верховнаго леннаго государя Ломбардіи, и въ томъ же году 11 ноября, на праздникѣ св. Мартина, на Ронкальскомъ полѣ, былъ созванъ для этого новый сеймъ. Его задачей было, по собственнымъ словамъ Фридриха, „выяснить вполнѣ законы имперіи, вышедшіе изъ обыкновенія и позабытые“. Чего можно было ожидать отъ побѣдоноснаго императора, видно уже изъ обращенныхъ къ нему словъ архіепископа миланскаго: „Знай, что вся законодательная власть народа принадлежитъ тебѣ: твоя воля—законъ, ибо сказано: что угодно князю, то имѣетъ силу закона“. Императоръ назначилъ особую комиссію изъ 4 болонскихъ юристовъ и 28 депутатовъ

отъ 14 ломбардскихъ городовъ для опредѣленія правъ императора надъ Ломбардіей [1]).

Работы комиссіи показали, что, несмотря на численное превосходство представителей городовъ, главную роль въ ней играли все-таки болонскіе юристы. Это были ученики знаменитаго Ирнерія: Булгарусъ, Мартинъ Гозіа, Іаковъ и Гуго де Порта Равенната. Фридрихъ не даромъ принялъ болонскую школу подъ свое особое покровительство и поставилъ профессоровъ права наравнѣ съ рыцарями. Одушевленные только что возрождавшимся тогда изученіемъ древне-римскаго права и исходя изъ средневѣковой идеи, что священно-римскіе императоры германской націи являются преемниками Юстиніана, Ѳеодосія и Константина, они провели очень высокое представленіе о положеніи императора вообще; опредѣляя же его права, какъ государя, по отношенію къ городамъ, они оставили безъ вниманія тотъ дѣйствительный порядокъ, который сложился самъ собою въ Ломбардіи съ XI вѣка. Императору возвращались всѣ регаліи, отъ которыхъ должны были отказаться епископы, князья и консулы, бывшіе представителями городской автономіи. Въ качествѣ такихъ регалій къ императору отошли всѣ территоріальныя владѣнія, т.-е. герцогства, маркизаты, графства и маркграфства, затѣмъ чеканка монеты, право обложенія налогами и многоразличныя пошлины того времени, обогатившія его казну на 30 т. ф. лишнихъ въ годъ. Ему же принадлежало право уголовнаго суда и назначеніе городскихъ магистратовъ, подестъ, консуловъ и судей, хотя и съ согласія общины. Этимъ создавалась столь рѣзко выраженная феодальная монархія, какой еще никогда не было въ Ломбардіи и которая не могла не противорѣчить сильно развитому въ ней республиканскому духу. Наиболѣе важно было право назначенія городскихъ магистратовъ, которое дѣлало Фридриха не только леннымъ главою, но и настоящимъ государемъ этихъ городовъ. Правда, Фридрихъ обѣщалъ—и это вошло въ самыя постановленія сейма—что, если кто докажетъ, что онъ получилъ отъ императора или его предшественниковъ какія-либо особыя права или льготы, то онъ можетъ сохранить ихъ, хотя бы они противорѣчили принятымъ на сеймѣ рѣшеніямъ. Но привести эти доказательства было не такъ легко, и оговорка эта мало смягчала поэтому безотрадный для городовъ результатъ Ронкальскаго

---

[1]) Instit., 1, 2, 6. Quod principi placuit, legis habet vigorem, cum populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem concesserit.

сейма. Духовные и свѣтскіе князья присягнули новому государственному закону, и Фридрихъ оказался на такой высотѣ, что придворные юристы имѣли нѣкоторое основаніе называть его „господиномъ міра“, скрѣпившимъ пріобрѣтенія оружія святостью закона [1]). Новый порядокъ въ Ломбардіи сопровождался и новымъ явленіемъ въ городской организаціи. Какъ преобладаніе свободнаго начала совпало съ развитіемъ консульства, такъ усиленіе монархическаго характеризуется распространеніемъ должности подеста. Имя это встрѣчается, правда, и раньше, но въ видѣ исключенія, какъ, напримѣръ, въ Болоньѣ, въ 1151 — 53 г. Но какъ общее учрежденіе, это—новость, и въ такомъ смыслѣ отмѣчаетъ это явленіе современный писатель, Отто Морена, говоря объ учрежденіи должности подеста въ Лоди въ 1159 г. Сохранилось извѣстіе, что Фридрихъ совѣтовался съ представителями Милана, какъ лучше обезпечить вѣрность ломбардскихъ городовъ, и тѣ посовѣтовали назначить вѣрныхъ людей подестами. Подесты стали главными проводниками императорской власти. Будучи высшими сановниками города, они мало-по-малу перевели на себя большую часть той власти, которая принадлежала прежде консуламъ. Чтобы подеста меньше зависѣлъ отъ мѣстныхъ страстей и партій, онъ былъ, обыкновенно, родомъ изъ другой мѣстности и не оставался долго на своемъ посту. Эти же причины дѣлали его склоннымъ злоупотреблять своею властью, прикрываясь интересами короны. Отношенія къ нему городского населенія могли быть только враждебными.

Ронкальскій сеймъ 1158 г. привелъ совершенно къ инымъ послѣдствіямъ, нежели ожидали: вмѣсто того, чтобы водворить спокойствіе и миръ, онъ далъ новый походъ къ столкновеніямъ и войнамъ. Отвѣтственность за это падаетъ на обѣ стороны. Съ одной стороны, ломбардскіе города, торжественно признавая въ такихъ обширныхъ размѣрахъ права императора надъ собою, надѣялись на то, что на практикѣ они не будутъ примѣняться во всей ихъ полнотѣ; они разсчитывали также на свои отдѣльныя привилегіи и частныя соглашенія съ императоромъ, какъ это и было съ Миланомъ. Съ другой стороны, и Фридрихъ совершалъ, можетъ быть, самую крупную ошибку въ своей политикѣ, считая,

---

[1]) Юристъ Мартинъ называетъ императора dominus mundi столько же de proprietate, сколько и de jure. Какъ высоко ставилась законодательная и юридическая власть Фридриха, видно изъ того, что нѣкоторыя положенія Ронкальскаго сейма, напримѣръ, о присягѣ малолѣтнихъ, вошли въ Corpus juris.

что опредѣленіями Ронкальскаго сейма навсегда урегулированы его отношенія къ Ломбардіи. Видя свой идеалъ въ прошломъ, уже отжившемъ времени, Фридрихъ, при всемъ своемъ политическомъ тактѣ, не имѣлъ яснаго представленія о современной Италіи и о томъ, что можетъ онъ съ нея требовать. Постановленія Ронкальскаго сейма были для него опредѣленіемъ тѣхъ правъ, отъ которыхъ онъ, какъ священно-римскій императоръ, отступить не могъ, и потому ломбардскіе города, не желавшіе примириться съ потерею своей городской свободы, были для него лишь мятежниками, по отношенію къ которымъ Фридрихъ былъ безпощаденъ, нисколько не увлекаясь личною местью.

Новая борьба съ Миланомъ.

Какъ только дѣло дошло до примѣненія на дѣлѣ рѣшеній сейма, начались столкновенія съ городами и прежде всего все съ тѣмъ же Миланомъ. Разногласіе вышло принципіальнаго характера, какъ этого и слѣдовало ожидать. Императоръ послалъ туда своего канцлера Райнальда Дасселя, архіепископа кельнскаго, и пфальцграфа Отто Виттельсбаха, чтобы назначить городскихъ сановниковъ: онъ опирался, слѣдовательно, на общее рѣшеніе сейма. Но въ Миланѣ имѣли въ виду капитуляцію, заключенную съ императоромъ при сдачѣ города и предоставлявшую имъ право выбора своихъ магистратовъ: Ронкальскія постановленія, какъ было упомянуто выше, допускали возможность особыхъ условій въ виду ранѣе дарованныхъ привилегій. Только въ такомъ случаѣ представители Милана на сеймѣ могли признать его рѣшенія, не дѣлаясь измѣнниками противъ своего родного города. Упорство императорскихъ пословъ довело дѣло до открытаго мятежа въ Миланѣ, при чемъ толпа кидала камни въ окна дома, гдѣ помѣстились послы, и угрожала даже ихъ жизни. Послы поспѣшили удалиться, и разгнѣванный Фридрихъ потребовалъ удовлетворенія. Новые переговоры не только не привели къ соглашенію, но еще болѣе обострили дѣло, когда выведенные изъ терпѣнія миланцы заявили, что они „обѣщали императору вѣрность, но не обѣщали соблюдать ее“. Они подразумѣвали, конечно, „если и онъ съ своей стороны не будетъ соблюдать договора“.

16 апрѣля 1159 года Миланъ былъ снова объявленъ въ опалѣ: область его была осуждена на разграбленіе, жители на рабство, самый городъ на уничтоженіе. Императоръ вызвалъ новыя войска изъ Германіи и собиралъ вокругъ себя силы ломбардскихъ городовъ. Гнетъ новыхъ порядковъ не успѣлъ еще оттолкнуть всѣ ломбардскіе города отъ Фридриха, и большинство ихъ послѣдовало

его призыву. Сторону Милана держали только Крема, Брешіа и Піаченца. Оставивъ пока въ покоѣ Миланъ, Фридрихъ приступилъ сначала къ осадѣ Кремы. Она длилась цѣлыхъ 7 мѣсяцевъ, и обѣ стороны соперничали не только въ мужествѣ и выносливости, но и въ ненависти и жестокости [1]). Когда городъ былъ доведенъ до крайности, герцогъ саксонскій Генрихъ Левъ выступилъ посредникомъ, и императоръ позволилъ жителямъ покинуть городъ. Среди суровой зимы 20 т. человѣкъ вышли изъ Кремы и на чужбинѣ должны были искать себѣ убѣжища. Городъ былъ разрушенъ, и его развалины краснорѣчиво говорили Милану объ ожидающей его участи.

Въ 1161 г. императоръ получилъ, наконецъ, требуемыя подкрѣпленія изъ Германіи, и тогда началась вторая осада Милана. Городъ былъ отрѣзанъ отъ всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ: Фридрихъ хотѣлъ голодомъ принудить его къ покорности. Миланцы отчаянно защищались, и взаимное раздраженіе и ненависть росли въ обоихъ лагеряхъ. Плѣнные не знали пощады: ихъ калѣчили или вѣшали. Фридрихъ далъ обѣтъ не надѣвать короны до тѣхъ поръ, пока мятежный городъ не будетъ покоренъ. Наступилъ слѣдующій 1162 годъ. Пожаръ уничтожилъ запасы города, и нужда съ каждымъ днемъ становилась ужаснѣй. И вотъ, какъ 4 года тому назадъ, Миланъ рѣшился просить пощады. Посольство отъ города предложило императору: уничтожить всѣ укрѣпленія, отказаться отъ всѣхъ союзовъ, принять въ городъ императорское войско, предоставить императору назначеніе городскихъ сановниковъ, отказаться отъ всѣхъ верховныхъ правъ, выдать 300 заложниковъ и заплатить значительную сумму денегъ. Городъ не могъ итти далѣе въ своей покорности, и тѣмъ не менѣе условія эти не были приняты въ совѣтѣ императора. Канцлеръ Райнальдъ требовалъ для удовлетворенія чести императора безусловной покорности, и Фридрихъ согласился съ нимъ. 1-го марта 1162 года консулы и другіе представители города явились въ лагерь при Лоди, бросились Фридриху въ ноги и заявили, что Миланъ сдается на волю

---

[1]) Въ войскѣ Фридриха играли отрубленными головами плѣнныхъ, какъ мячами, а на стѣнахъ города рвали въ куски воиновъ императора. Между прочимъ Фридрихъ приказалъ привязать заложниковъ, данныхъ ему Кремою, въ томъ числѣ нѣсколько дѣтей, къ осадной башнѣ и придвинуть ее къ вражескимъ стѣнамъ въ надеждѣ, что это ослабитъ ихъ сопротивленіе. Но осажденные направили свои выстрѣлы на роковую башню и громко прославляли счастливую участь своихъ дѣтей, которыя въ такомъ нѣжномъ возрастѣ пали за свободу отечества.

императора. Черезъ 3 дня 300 рыцарей вручили Фридриху ключи отъ всѣхъ воротъ и укрѣпленій и 36 городскихъ знаменъ. Затѣмъ, 6 марта послѣдовала самая сдача города, которая своимъ печальнымъ характеромъ должна была произвести неизгладимое впечатлѣніе на присутствующихъ. Все населеніе города, раздѣленное на отряды, явилось снова, какъ и въ 1158 г., въ лагерѣ императора. Всѣ шли босые, съ веревками на шеѣ, съ головами, посыпанными пепломъ, съ горящими свѣчами въ рукахъ. Но на этотъ разъ у миланцевъ не было уже надежды на милосердіе Фридриха. Императоръ, бывшій въ это время за столомъ, заставилъ ихъ долго дожидаться подъ проливнымъ дождемъ. Наконецъ, онъ вышелъ и занялъ мѣсто на тронѣ, окруженный нѣмецкими князьями. Безконечныя толпы потянулись передъ нимъ, кладя къ его ногамъ свои знамена. Наконецъ, дошла очередь до знаменитой кароччіо миланцевъ. Подъ звуки трубъ, которыя „звучали какъ бы на похоронахъ умирающей гордости города“—говоритъ очевидецъ, нѣкто Бурхардъ—высокая мачта, украшенная крестомъ и изображеніемъ благословляющаго Амвросія, склонилась передъ трономъ, какъ бы прося пощады городу. Отвѣтъ былъ не менѣе краснорѣчивъ: по знаку императора святыня миланцевъ была разбита въ куски, и весь народъ съ плачемъ кинулся на землю, чувствуя, что пришелъ конецъ ихъ родному городу. Всѣ присутствующіе были тронуты, но „лицо императора не измѣнилось“. Три раза графъ Бландрата пробовалъ говорить въ пользу побѣжденныхъ, но „лицо императора оставалось какъ бы окаменѣвшимъ“. Наконецъ, среди всеобщей тишины раздался увѣренный голосъ Фридриха: „По закону вы всѣ потеряли право на жизнь. Я подарю вамъ ее, но приму такія мѣры, что впредь подобные проступки станутъ для васъ невозможны“. Судьба Милана была рѣшена на сеймѣ въ Павіи. Всего ожесточеннѣе говорили противъ него его ломбардскіе противники. „Миланъ долженъ осушить“,—говорили они,—„ту чашу скорби, которую онъ нѣкогда готовилъ другимъ. Онъ долженъ быть разрушенъ, какъ онъ самъ разрушилъ Лоди и Комо“. И это мнѣніе было принято. Жители Милана должны были въ теченіе 8 дней покинуть осужденный на гибель городъ и поселиться въ 4 селеніяхъ на разстояніи 2 миль одно отъ другого. 26 марта, послѣ того какъ все населеніе бѣжало и разсѣялось въ окрестностяхъ, императоръ торжественно вступилъ съ войскомъ въ городъ, при чемъ для него была разрушена часть стѣны, такъ какъ онъ не хотѣлъ проѣхать обычнымъ путемъ черезъ городскія ворота. Затѣмъ приступили къ уничтоженію города, и жители Лоди,

Павіи, Кремоны и Комо могли удовлетворить вполнѣ свою ненависть къ бывшему противнику. Отъ великолѣпнаго Милана уцѣлѣли только нѣкоторыя церкви и дворцы, и по самому мѣсту его провели плугомъ борозду и посыпали ее солью въ знакъ того, что это мѣсто должно оставаться пустыннымъ навѣки. На праздникъ Пасхи въ Павіи императоръ снова возложилъ на себя корону, но онъ ошибался, если думалъ, что разрушеніемъ Милана онъ окончательно закрѣпилъ свой авторитетъ въ Италіи.

Александръ III.

Замиреніе Ломбардіи могло быть только временнымъ. Слишкомъ развито въ ней было чувство національной и городской самостоятельности, чтобы разрушеніе Милана могло совершенно подавить его. Къ тому же соперничество императорской и папской политики должно было поддерживать тайныя надежды ломбардцевъ. Въ послѣдней области далеко не все обстояло благополучно. Фридрихъ съ его высокими задачами менѣе, чѣмъ кто-либо, могъ ужиться съ Римомъ и его традиціями. Его добрыя отношенія къ Адріану IV, вынужденныя обстоятельствами, не были продолжительны. Уже на Безансонскомъ сеймѣ 1157 года посолъ папы, энергичный кардиналъ Роландъ Бандинелли, говоря объ императорской коронѣ, назвалъ ее „beneficium“, чѣмъ хотѣлъ показать, что это ленъ, данный Фридриху папою. Это вызвало сильное негодованіе среди германскихъ князей, и послѣдовала цѣлая переписка между императоромъ и папою. Не найдя поддержки среди германскихъ епископовъ, Адріанъ на этотъ разъ уступилъ и заявилъ, что слово „beneficium“ было употреблено въ смыслѣ „благодѣяніе“. Отношенія испортились снова послѣ Ронкальскаго сейма. Фридрихъ рѣшился воспользоваться сполна всѣми своими правами не въ одной только Ломбардіи. Былъ поднятъ вопросъ о регаліяхъ, принадлежавшихъ императору во времена Каролинговъ и Оттоновъ въ Церковной Области; отъ итальянскихъ епископовъ потребовали исполненія ленныхъ обязанностей—папа настаивалъ, что епископы по отношенію къ императору только подданные, но не вассалы; наконецъ, императоръ распорядился по своему усмотрѣнію владѣніями маркграфини Матильды. Римская церковь, давно уже смотрѣвшая на эти земли, какъ на свою собственность, была сильно раздражена этимъ, и выраженія въ перепискѣ обоихъ главъ христіанскаго міра становятся все болѣе рѣзкими. Смерть Адріана IV въ 1159 г. помѣшала ему отлучить Фридриха отъ церкви, о чемъ уже поговаривали въ Римѣ, но въ тоже время она еще ухудшила положеніе. Кардиналы раздѣлились при выборѣ папы, и въ то время, какъ

приверженцы императора выбрали Виктора IV, его противники остановились на упомянутомъ выше Роландѣ Бандинелли, принявшемъ имя Александра III. Послѣдній, несмотря на то, что его не приняли въ Римѣ, имѣлъ несравненно болѣе силы, чѣмъ его соперникъ, бывшій только орудіемъ Фридриха. Онъ удалился во Францію, нашелъ себѣ признаніе и поддержку во Франціи, Англіи и Испаніи, и для Фридриха было чувствительнымъ ударомъ, когда синодъ, собранный въ Тулузѣ въ 1160 г., подтвердилъ выборъ Александра, несмотря на противодѣйствіе императора [1]). Фридрихъ желалъ уже положить конецъ схизмѣ, но едва въ 1164 г. умеръ Викторъ IV, канцлеръ Райнальдъ провелъ выборъ новаго антипапы Пасхалиса III, и императоръ не могъ отказать ему въ своемъ утвержденіи. На слѣдующій годъ Александръ III поладилъ съ римскимъ населеніемъ, вернулся въ свою столицу и изъ Рима призывалъ подданныхъ Фридриха къ мятежу противъ отлученнаго императора. Уже въ Германіи многіе епископы, лишь скрѣпя сердце подчинялись Пасхалису, а въ Ломбардіи призывъ папы могъ быть встрѣченъ не иначе, какъ съ восторгомъ. Положеніе Ломбардіи было чрезвычайно тяжело послѣ разрушенія Милана, объ этомъ согласно говорятъ всѣ современные источники. И навязанные городамъ подесты и присланные императорскіе уполномоченные позволяли себѣ притѣснять и грабить беззащитное населеніе.

Союзъ ломбардскихъ городовъ съ папой.

Раздавались жалобы на то, что налоги взыскиваются вшестеро болѣе, чѣмъ слѣдовало, что налагаются тяжкія принудительныя работы, что малѣйшее сопротивленіе карается большими денежными штрафами и тюремными заключеніями: должностныя лица обвинялись въ продажности и насиліяхъ. Императору, при всемъ желаніи, было невозможно устранить всѣ эти злоупотребленія. Онъ часто смѣнялъ подестъ, въ 1163 г. лично пріѣзжалъ въ Италію, но исправленія отдѣльныхъ злоупотребленій не могли устранить всего зла, и недовольство росло. Ломбардскіе города и папа подавали другъ другу руку. Іоаннъ Салисбюрійскій пишетъ по этому поводу: „Приговоръ (папы) произвелъ уже свое дѣйствіе. Произнесенный въ силу полномочій св. Петра, онъ былъ, повидимому, подтвержденъ Господомъ. Итальянцы, узнавъ о немъ, отдѣлились отъ императора. Они возстановили Миланъ, изгнали схизматиче-

---

[1]) Канцлеръ Райнальдъ въ письмѣ къ Людовику VII доказывалъ „право императора разрѣшать церковные споры, возникающіе въ Римѣ“.

скихъ епископовъ, призвали обратно католическихъ епископовъ, единодушно присоединились къ святому престолу".

Броженіе, вызванное гнетомъ императорскаго правительства, все болѣе и болѣе охватывало города сѣверной и средней Италіи. Въ немъ значительную вину несъ суровый канцлеръ Райнальдъ, не остановившійся даже передъ тѣмъ, чтобы перенести св. мощи изъ Милана въ свой Кельнъ, куда онъ привлекъ этимъ массу богомольцевъ. Къ практическимъ послѣдствіямъ недовольство привело прежде всего въ Веронской маркѣ. Здѣсь образовался союзъ нѣсколькихъ городовъ, ставшій зародышемъ великаго ломбардскаго союза. Александръ III поспѣшилъ оказать свою поддержку этому союзу. Тогда на сеймѣ въ Вюрцбургѣ 1165 г., по настоянію канцлера Райнальда, всѣ духовные и свѣтскіе князья съ императоромъ во главѣ присягнули, что они никогда не признаютъ папою ни Александра, ни кого-либо выбраннаго его партіей, но будутъ всегда поддерживать Пасхалиса III и его законныхъ преемниковъ. За измѣну присягѣ виновные подвергались самымъ тяжкимъ взысканіямъ. Тогда же Фридрихъ объявилъ святымъ своего предшественника, Карла В., какъ бы желая этимъ показать, что онъ не отступитъ отъ завѣщаннаго имъ идеала. Но сила Александра III все росла, и его союзъ съ ломбардскими городами сдѣлалъ Римъ центромъ итальянской политики, а папство охранителемъ національной и городской свободы въ Италіи. При такихъ то обстоятельствахъ въ октябрѣ 1166 года Фридрихъ предпринялъ свой четвертый походъ въ Италію, „чтобы утвердить своего папу Пасхалиса и наказать вѣроломство миланцевъ", — говоритъ Отто Фрейзингенскій. Фридрихъ идетъ прямо на Римъ, имѣя главной цѣлью изгнать оттуда Александра. Городъ и самый соборъ св. Петра берутся приступомъ, алтари и могила апостоловъ покрываются кровью. Александръ бѣжитъ въ Беневентъ, а Пасхалисъ занимаетъ Латеранъ и надѣваетъ императорскую корону на супругу Фридриха. Но быстрый успѣхъ смѣняется не менѣе быстро наступившимъ бѣдствіемъ. Во время неблагопріятной августовской погоды моравая язва распространяется въ войскѣ Фридриха. Императоръ теряетъ 25 т. человѣкъ въ томъ числѣ многихъ важныхъ своихъ сподвижниковъ, какъ, напр., канцлера Райнальда,—и съ очень малыми силами принужденъ отступить къ Павіи. Катастрофа эта сразу подняла духъ во враждебныхъ ему партіяхъ. При дворѣ Александра къ Фридриху примѣнили слова Библіи: „И послалъ Господь ангела, и тотъ истребилъ всѣхъ храбрыхъ и главноначальствующаго и

начальствующихъ въ войскѣ царя ассирійскаго. И возвратился онъ со стыдомъ въ страну свою“ [1]). Еще полнѣе было торжество въ Ломбардіи. Римъ не былъ еще взятъ Фридрихомъ, какъ къ союзу противъ него примкнули Кремона, Брешіа, Бергамо, Мантуа и Феррара, и Веронскій союзъ постепенно обращался въ обще-ломбардскій. Такимъ образомъ въ мартѣ 1167 г. возникла знаменитая лига, заключенная 15-ю городами на 20-тилѣтній срокъ [2]). Союзъ былъ заключенъ „противъ всякаго, кто будетъ притѣснять ихъ или воевать съ ними, противъ всякаго, кто будетъ требовать съ нихъ больше, чѣмъ это дѣлалось со временъ Генриха V до вступленія на престолъ императора Фридриха“.

Внѣшнимъ признакомъ этого союза было возобновленіе разрушеннаго Милана: населеніе вернулось на прежнее мѣсто, построило новыя укрѣпленія, и Миланъ опять сталъ во главѣ ломбардскихъ городовъ. Въ виду общей опасности, города, казалось, забыли свое прежнее соперничество. Теряя все болѣе почву въ Италіи — даже вѣрная до сихъ поръ Павія стала колебаться — и не имѣя пока помощи изъ Германіи, Фридрихъ поспѣшилъ вернуться на родину окольнымъ путемъ черезъ Савойю, при чемъ въ Сузѣ едва избѣгнулъ покушенія на свою жизнь. Этого только и ждали въ Ломбардіи. Послѣдніе нѣмецкіе намѣстники и гарнизоны были изгнаны, и почти вся Италія примкнула къ союзу, возобновленному на 50 л. Велись переговоры съ императоромъ Мануиломъ—незадолго до того Византія искала въ Римѣ соединенія коронъ обѣихъ имперій — и съ королемъ сицилійскимъ. Въ одной изъ своихъ буллъ папа писалъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что въ силу божественнаго внушенія, ради защиты свободы церкви Божіей и вашей противъ Фридриха, именуемаго императоромъ, вы заключили этотъ договоръ мира и согласія и соединились, чтобы видимымъ образомъ свергнуть иго рабства“. Папа грозитъ при этомъ отлученіемъ тѣмъ, кто не будетъ повиноваться правителямъ лиги, избраннымъ изъ городскихъ консуловъ. Въ своей ненависти къ Германіи Италія почерпала, повидимому, сознаніе своего національнаго единства. На берегахъ Танаро лига выстроила новую крѣпость и въ честь папы назвала ее Александріей.

Пораженіе при Леньяно.

6 лѣтъ важныя дѣла задерживали Фридриха въ Германіи. Нужно было не только должнымъ образомъ приготовиться къ походу, ко-

---

[1]) Паралипоменонъ, 2, 32, 21.

[2]) Города эти были: Миланъ, Кремона, Бергамо, Брешія, Мантуа, Феррара, Верона, Виченца, Падуа, Лоди, Піаченца, Парма, Модена, Болонья, Венеція.

торый обѣщалъ быть рѣшительнымъ, но и уладить свои отношенія дома: Фридрихъ успѣлъ, между прочимъ, провести избраніе въ короли свего 5-тилѣтняго сына Генриха. Только въ 1174 г. Фридрихъ съ значительнымъ войскомъ вступилъ въ Италію. Сжегши Сузу, нѣкогда грозившую ему гибелью, они приступилъ къ осадѣ Александріи, этого символа ломбардской независимости. Осада пошла неудачно. Нездоровая болотистая мѣстность и осенняя непогода задерживали осадныя работы, а жители мужественно защищались въ ожиданіи помощи, которую должны были прислать имъ ихъ союзники. Послѣ 6-тимѣсячной осады императоръ отступилъ къ Павіи: его самолюбіе было задѣто этой неудачей. Открылись на короткое время, но остались безъ результата переговоры съ городами и папой. Они были безуспѣшны, потому что императоръ продолжалъ стоять на почвѣ Ронкальскихъ постановленій и Вюрцбургскаго сейма, на что не могли, конечно, согласиться его противники. Оставалось, слѣдовательно, продолжать военныя дѣйствія, но для нихъ нужны были новыя военныя силы. Онѣ были затребованы, но получены далеко не въ томъ размѣрѣ, какъ желалъ императоръ. Генрихъ Левъ, до сихъ поръ дѣятельно поддерживавшій Фридриха въ его борьбѣ въ Италіи, отказалъ ему въ помощи, и даже личныя просьбы императора оказались тщетными. Слѣдующей весной (1176 г.) императоръ вмѣстѣ съ войсками, успѣвшими прійти изъ Германіи, перешелъ въ наступленіе. Не дождавшись присоединенія архіепископа Христіана майнцскаго, стоявшаго во главѣ императорскаго войска въ Тосканѣ и Умбріи, маркграфа Монферратскаго и другихъ вѣрныхъ ему вассаловъ, Фридрихъ встрѣтился съ 100 т. ломбардскимъ войскомъ при Леньяно (29 мая). Это было наиболѣе рѣшительное и въ то же время самое несчастное сраженіе Фридриха. Вначалѣ оно было удачно для нѣмцевъ. Императоръ, легко замѣтный по своему блестящему вооруженію, врѣзался во вражеское войско и принудилъ одно крыло его къ отступленію. Но непоколебимо стоялъ центръ ломбардскаго войска, гдѣ была помѣщена подъ предводительствомъ Альберто де Джіуссано „дружина смерти“—900 избранныхъ рыцарей изъ благородныхъ фамилій, поклявшихся побѣдить или умереть, и такая же стойкая „дружина кароччіо“ изъ 300 человѣкъ. Поддерживаемая съ фланга отрядомъ брешіанцевъ, дружина смерти пробила императорскіе ряды и произвела этимъ переполохъ во вражескомъ войскѣ. Онъ увеличился еще болѣе, когда вслѣдъ за знаменоносцемъ палъ на землю самъ императоръ, подъ которымъ была смертельно ранена

лошадь. Вѣсть о мнимой смерти императора уничтожила послѣдній порядокъ въ его войскѣ: оно побѣжало, преслѣдуемое ломбардцами, и многіе, уцѣлѣвшіе отъ руки врага, погибли въ волнахъ Тичино. Богатый лагерь вмѣстѣ съ копьемъ и щитомъ императора достался побѣдителямъ. Самъ Фридрихъ, съ трудомъ спасшійся съ поля битвы, лишь на четвертый день явился въ Павію, гдѣ императрица, считая его мертвымъ, готовилась уже надѣть трауръ.

Ударъ былъ силенъ и долженъ былъ разрушить мечты Фридриха объ имперіи въ духѣ Карла В. Надо было спуститься на болѣе реальную почву и вступить въ переговоры съ противниками. Какъ искусный политикъ, Фридрихъ попробовалъ разъединить враговъ и обратился къ папѣ, минуя пока ломбардскіе города. Переговоры начались при папскомъ дворѣ въ Ананьи. Фридрихъ призналъ Александра III верховнымъ пастыремъ церкви и отказался отъ притязаній на императорскія права въ Римѣ и на всѣ земли, которыя церковь считала своею собственностью, до владѣній маркграфини Матильды включительно. Папа съ своей стороны призналъ всѣ замѣщенія церковныхъ должностей, сдѣланныя Фридрихомъ и выставленными имъ антипапами. Обѣ стороны ставили себѣ, кромѣ того, задачею установленіе общаго мира—сюда относились ломбардскіе города, Сицилія и даже Византія — и для этого послѣ долгихъ переговоровъ съ городами былъ назначенъ конгрессъ въ Венеціи. Александръ III не отстранилъ себя отъ союзниковъ: онъ далъ обѣщаніе ломбардскимъ городамъ не заключать мира помимо нихъ. „Мы желаемъ такого мира съ императоромъ,—отвѣчали города, — чтобы честь Италіи была сохранена и наша свобода не нарушена [1]).

Миръ въ Венеціи. Лѣтомъ 1177 г. уполномоченные собрались на конгрессъ въ Венеціи. При разнообразіи интересовъ всѣхъ сторонъ заключеніе всеобщаго мира не могло быть достигнуто. Были только подтверждены съ нѣкоторыми ограниченіями статьи заключеннаго между императоромъ и папою договора въ Ананьи, по отношенію же къ ломбардскимъ городамъ было заключено лишь перемиріе на 6 лѣтъ, съ королемъ сицилійскимъ на 15 лѣтъ. Затѣмъ отлученіе отъ церкви было снято съ императора, и Фридрихъ со своимъ дворомъ торжественно въѣхалъ въ Венецію. Папа, окруженный кардиналами, встрѣтилъ его на паперти собора св. Марка. Фридрихъ,

---

[1]) Въ этихъ словахъ можно было бы видѣть идею общаго отечества для жителей полуострова, если бъ мы не знали въ то же время, что подъ именемъ Италіи разумѣли тогда преимущественно Ломбардію.

„осѣненный Духомъ Святымъ и забывая о своемъ императорскомъ достоинствѣ, бросился къ ногамъ папы“. Послѣ того, какъ императоръ поцѣловалъ ногу папы, послѣдній поднялъ его со слезами на глазахъ, поцѣловалъ и благословилъ. При послѣдовавшемъ затѣмъ отъѣздѣ изъ собора императоръ, идя пѣшкомъ, поддерживалъ стремя папы. Такимъ образомъ по странному совпаденію, ровно черезъ столѣтіе со временъ Каноссы, повторилось опять униженіе имперіи передъ папствомъ [1]). 1-го августа послѣдовало торжественное закрытіе конгресса. Папа сидѣлъ на высокомъ тронѣ, имѣя по правую руку отъ себя императора, а по лѣвую посла короля сицилійскаго. Онъ выразилъ свою радость, что церковь вновь нашла своего потеряннаго сына, а императоръ въ отвѣтной рѣчи торжественно заявилъ, что онъ былъ неправъ, что онъ сошелъ съ пути справедливости, но что, просвѣщенный милосердіемъ Божіимъ, онъ заключилъ миръ съ папой, королемъ сицилійскимъ и ломбардскими городами. Враги Фридриха имѣли право считать себя побѣдителями. Въ такомъ положеніи былъ не только папа, но и ломбардскіе города, которые, по условіямъ заключеннаго съ ними перемирія, получили право свободнаго избранія городскихъ сановниковъ и могли ожидать еще большаго отъ предстоящаго мирнаго договора. На конгрессѣ въ Венеціи рядомъ съ церковной іерархіей и имперіей впервые выступаетъ третья, равноправная съ ними сила—вольная городская община. Это было явленіе первостепенной важности.

25 іюня 1183 года былъ, наконецъ, подписалъ окончательный миръ съ ломбардскими городами въ Констанцѣ. Онъ утверждалъ самостоятельность городскихъ общинъ, оставляя въ то же время за императоромъ извѣстныя верховныя права. Города могли возобновлять союзъ по собственному желанію, внутри городскихъ стѣнъ они имѣли всѣ верховныя права, внѣ ихъ только тѣ, которыя были имъ спеціально предоставлены [2]). Въ каждомъ городѣ оставался намѣстникъ императора, представлявшій высшую апелляціонную

---

[1]) Современные источники изъ партіи вельфовъ преувеличиваютъ униженіе императора, говоря, что папа поставилъ ногу на затылокъ склонившагося къ его ногамъ императора со словами Св. Писанія: „На ехиднахъ и львахъ будешь ты шествовать“, на что Фридрихъ будто бы отвѣтилъ: „Эта честь не тебѣ, а св. Петру“. Мы не имѣемъ основанія вѣрить этому разсказу, такъ какъ самъ папа въ своихъ письмахъ ничего не говоритъ объ этомъ.

[2]) Тѣ права, которыя были спорными, или разрѣшались третейскимъ судомъ, или откупались за извѣстную сумму въ годъ.

инстанцію. Консулы и другіе городскіе сановники избирались свободно городами, но утверждались въ своей должности императоромъ, которому они и приносили присягу на вѣрность. Точно также присягали императору всѣ граждане отъ 17 до 70 лѣтъ и возобновляли свою присягу черезъ каждыя 10 лѣтъ. Города попрежнему несли на себѣ содержаніе императорскаго двора, но было оговорено, что императоръ не долженъ стѣснять ихъ слишкомъ долгимъ пребываніемъ. Договоръ не говоритъ ничего о подестахъ, но современные источники указываютъ на то, что они становятся выборными. Они сохраняютъ за собой обширную юрисдикцію, но въ важныхъ вопросахъ не могутъ принимать рѣшенія безъ участія совѣта, избраннаго тѣмъ же городомъ [1]).

Опредѣленія Констанцскаго мира легли въ основу дальнѣйшей жизни ломбардскихъ городовъ. Ихъ послѣдующія отношенія къ Фридриху были только миролюбивыми. Когда императоръ въ 1184 г. въ 6-й разъ прибылъ въ Италію, онъ встрѣтилъ со стороны городовъ самый радушный пріемъ и отвѣчалъ имъ новыми милостями. Натянутыя отношенія Фридриха къ преемникамъ Александра III заставляли его искать поддержки городовъ. Такъ главному изъ нихъ, Милану, было предоставлено право уголовнаго суда и верховныя права въ его владѣніяхъ между Аддой и Ольо, и благодарный городъ просилъ, какъ чести для себя, чтобы предстоящая свадьба сына императора была отпразднована въ его стѣнахъ. Наступившая безопасность со стороны имперіи невыгодно отразилась на внутреннемъ согласіи Ломбардіи. Великая лига распадается и уступаетъ мѣсто частнымъ союзамъ. Такъ, уже въ 1191 г. Кремона, Павія, Комо, Бергамо и Лоди соединяются противъ Милана и другихъ городовъ. Но подобныя явленія были неизбѣжны при политическомъ и торговомъ соперничествѣ ломбардскихъ городовъ, ихъ свободной городской организаціи и увлекающемся характерѣ населенія. Въ минуты серьезной опасности ломбардскіе города умѣли соединять свои силы для защиты своей національной и городской свободы. Они доказали это въ слѣдующемъ вѣкѣ, когда имъ пришлось еще разъ отстоять свои съ такимъ трудомъ пріобрѣтенныя права противъ послѣдняго крупнаго представителя дома Гогенштауфеновъ и его традицій.

С. Рашковъ.

---

[1]) Съ положеніемъ и обязанностями подестъ насъ знакомятъ многочисленные статуты XII и XIII вв. (города Пистойя, Модена, Феррара, Сіена и др.), а также трактатъ того же времени—Oculus pastoralis.

XXXII.

Папа Иннокентій III.

(По статьѣ В. И. Герье, „Вѣстникъ Европы“, 1892 г., № 1—2.)

Къ послѣднимъ годамъ XII-го вѣка относится одно изъ весьма замѣчательныхъ въ литературѣ проявленій аскетическаго міровоззрѣнія—это латинскій трактатъ „о презрѣніи къ міру и о бѣдственномъ состояніи человѣка“. Его молодой еще тогда авторъ, по имени Лотарь, принадлежалъ къ богатой и древней дворянской семьѣ лангобардскаго происхожденія изъ окрестностей Рима; онъ былъ сынъ Трасмунда, графа Сигніи; этотъ графскій титулъ сталъ потомъ наслѣдственнымъ, т.-е. фамильнымъ именемъ его рода—dei Conti. Лотарь въ своей юности посѣщалъ университеты въ Болоньѣ и Парижѣ; въ первомъ—онъ сдѣлался правовѣдомъ, а во второмъ, центрѣ схоластики, онъ пріобрѣлъ основательное знакомство съ богословіей. По возвращеніи на родину Лотарь принялъ посвященіе, поступилъ въ папскую канцелярію и получилъ званіе кардиналъ-дьякона при одной изъ римскихъ церквей на Капитоліи. Трактатъ о презрѣніи къ міру.

Написанный имъ трактатъ свидѣтельствуетъ съ первыхъ словъ объ учености и высокихъ дарованіяхъ автора. Онъ обладалъ достаточнымъ до того времени знакомствомъ съ римской языческой литературой; знаніе же Св. Писанія съ его стороны было просто неисчерпаемо, и нужные ему тексты всегда слѣдуютъ у него длинной чередой для подтвержденія и уясненія каждой его мысли; что же касается до его дарованій, то они лучше всего могутъ быть засвидѣтельствованы сопоставленіемъ его трактата съ знаменитой книгой Августина *О божескомъ царствѣ*. Проводя ту же идею объ аскетическомъ пренебреженіи къ міру, Лотарь сумѣлъ быть не

подражателемъ, а достойнымъ послѣдователемъ Августина; его языкъ вообще, а иногда и самые обороты его рѣчи, въ своей эпиграмматической мѣткости и въ своемъ ритмическомъ благозвучіи, живо напоминаютъ Августина: это такое же изобиліе краснорѣчія въ изображеніи человѣческихъ бѣдствій, тотъ же высокій риторическій паѳосъ. Ихъ оцѣнка обличаетъ въ юномъ авторѣ особенно глубокое знаніе человѣческаго сердца и умѣнье тонкой обрисовки порочныхъ типовъ среди людей. Но нельзя при этомъ не подмѣтить одного различія. У Августина аскетизмъ изливается изъ глубины изстрадавшейся души; это плодъ пережитаго сердцемъ переворота; новый авторъ „презрѣнія къ міру“ относится къ своему предмету, какъ прозорливый наблюдатель, какъ психологъ, съ оттѣнкомъ горделиваго пренебреженія къ увлеченіямъ и слабостямъ людскимъ. У Августина поэтому возвышенная, страстная рѣчь почти всегда гармонируетъ съ паѳосомъ убѣжденія; въ трактатѣ же Лотаря краснорѣчіе отзывается литературной обработкой и иногда рѣзко выдѣляется на фонѣ неприглядной картины. Чтобы познакомить читателей съ этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ аскетической эпохи, мы укажемъ на общій планъ его и остановимся на нѣкоторыхъ выдающихся его мѣстахъ. Въ посвященіи своего труда епископу портуенскому дьяконъ Лотарь говоритъ, что онъ воспользовался небольшимъ досугомъ, чтобы изобразить презрѣнность человѣческаго состоянія для подавленія гордости, источника всѣхъ пороковъ. Дьяконъ Лотарь знаетъ цѣну своему литературному таланту и, чтобы не впасть самому въ упомянутый имъ порокъ, онъ проситъ епископа, если тотъ найдетъ какія-нибудь достоинства въ его трудѣ, приписать всю заслугу милости Божьей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагаетъ епископу, „съ его соизволенія“, изобразить и достоинство человѣческой природы, обусловленное милосердіемъ Христа, для того, чтобы высокомѣрный смирился, смиренный же душою возвысился. Эта вторая часть, сколько намъ извѣстно, осталась ненаписанной.

Изображеніе человѣческихъ бѣдствій начинается съ колыбели человѣка, — съ обращенной къ матери жалобы, зачѣмъ она дала жизнь существу, обреченному на постоянный трудъ, вѣчное горе и страхъ, и—что̀ всего печальнѣе—на смерть. Анализируя съ точки зрѣнія средневѣковой физіологіи составъ человѣческаго тѣла, авторъ отводитъ человѣку среди всего творенія самое низменное мѣсто: звѣзды и планеты созданы изъ огня; бури и вѣтры — изъ воздуха; рыбы и птицы — изъ воды, — только человѣкъ, подобно

вьючнымъ животнымъ, сотворенъ изъ земли. Съ безпощаднымъ реализмомъ среднихъ вѣковъ, чуждымъ нашему эстетическому вкусу и не поддающимся переводу на нашъ языкъ, авторъ изображаетъ немощи человѣческой жизни—съ дѣтства до старости. Описаніе младенчества, плачущаго, слабаго и безпомощнаго, вызываетъ у автора восклицаніе: „счастливы тѣ, которые умираютъ прежде, чѣмъ родятся"; а характеристика старости оканчивается обстоятельнымъ и полнымъ жизненной правды изображеніемъ старика. Описавъ внѣшній видъ дряхлаго человѣка, Лотарь продолжаетъ: „старикъ легко раздражается и съ трудомъ успокаивается, скоро вѣритъ и поздно разувѣряется, цѣпокъ къ жизни и жаденъ, печаленъ и сварливъ, склоненъ къ болтливости и неохотно слушаетъ, прославляетъ предковъ, презираетъ современниковъ, осуждаетъ настоящее, восхваляетъ прошлое, воздыхаетъ и тревожится, хвораетъ и коченѣетъ".

Переходя къ занятіямъ и состояніямъ людей, авторъ развертываетъ передъ нами широкую картину человѣческой суетливости и суеты: „несутся смертные и бѣгутъ взадъ и впередъ по дорогамъ и чрезъ преграды, взбираются на горы, перебираются черезъ утесы, превозмогаютъ Альпы, пролагаютъ путь черезъ пропасти, проникаютъ въ ущелья, рыщутъ по нѣдрамъ земли, по пучинамъ морскимъ, по неизвѣданнымъ рѣкамъ, по чащамъ лѣснымъ, по непроходимымъ пустынямъ, подвергая себя вѣтрамъ и дождямъ, грому и молніи, волнамъ и бурямъ, обваламъ и безднамъ".

Перечисливъ затѣмъ всевозможные промыслы, которымъ предаются люди, Лотарь продолжаетъ: „задумываютъ смертные и раздумываютъ, совѣтуются и устроиваютъ, жалуются и ведутъ тяжбы, расхищаютъ свое добро и похищаютъ чужое, торгуютъ и обманываютъ, спорятъ и состязаются,—и все это для того, чтобы накоплять сокровища, увеличивать барыши, гоняться за выгодой, пріобрѣтать почести, возвышаться въ званіи, расширять власть свою—и во всемъ этомъ обрѣтаютъ лишь трудъ и огорченіе".

Авторъ далѣе изображаетъ предъ нами въ наглядномъ контрастѣ жалкую участь бѣдняка и бѣдственное въ другомъ смыслѣ состояніе богача, положеніе подвластнаго человѣка и его господина. Чрезвычайно мѣтко говоритъ обо всемъ этомъ современникъ и знатокъ феодальнаго быта: „холопъ вѣчно служитъ, терпитъ угрозы, обременяется барщиной, удручается побоями, лишается своего достоянія; если нѣтъ у него своего добра, то его принуждаютъ пріобрѣтать, а если есть какое-либо имущество, то его у него отни-

маютъ. Виноватъ господинъ—холопъ за него отвѣчаетъ; а виноватъ холопъ—пеня съ него идетъ въ карманъ господину".

Большая глава посвящена бѣдствіямъ супружескаго быта; по средневѣковому монашескому воззрѣнію, главной виновницей этихъ бѣдъ является, конечно, женщина. Не безъ справедливой ироніи говоритъ Лотарь при этомъ о способѣ заключенія браковъ: „всякій товаръ и всякая самая ничтожная вещь въ хозяйствѣ сначала осматривается, потомъ пріобрѣтается; только невѣсту едва показываютъ, для того, чтобы она не опротивѣла, прежде чѣмъ повѣнчаются, и какова бы она ни оказалась, она пріобрѣтается навсегда". Три вещи гонятъ человѣка изъ дома—дымъ, капающая сквозь крышу вода и „злая жена". Описаніе дурной жены трудно было бы привести цѣликомъ; но въ немъ есть черты, обнаруживающія въ авторѣ не поверхностное только знаніе женскихъ недостатковъ: „вѣчно она жалуется,—вотъ такая-то наряднѣе меня, и всѣ отдаютъ ей почетъ, я же жалка въ собраніи женщинъ, мною одной пренебрегаютъ и всѣми я презираема. — Она одна хочетъ быть любима, одна быть предметомъ прославленія; въ любви къ другимъ она усматриваетъ ненависть къ себѣ, въ похвалѣ другихъ она подозрѣваетъ свое безчестіе. Достойно любви все, что она любитъ; подлежитъ ненависти все, чѣмъ она пренебрегаетъ. Она хочетъ побѣждать, но не сноситъ побѣды надъ собою; ей невыносимо угождать другимъ, но для себя она требуетъ господства надъ всѣми. Она стоитъ на томъ, чтобы быть всемогущей, и нѣтъ ничего ей не по средствамъ".

Разсмотрѣвъ разные источники человѣческихъ бѣдствій, авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „кто же когда-либо провелъ до конца въ свое удовольствіе хотя бы одинъ пріятный день? кого не смущалъ въ такой день укоръ совѣсти, приступъ гнѣва или движеніе какой-нибудь страсти, кого не огорчалъ какой-нибудь ущербъ, какая-нибудь обида, кого не оскорбляло въ этотъ день какое-нибудь зрѣлище, какое-нибудь слово или дѣло? А помимо того, за земною радостью всегда наступаетъ неожиданное горе, и что начинается въ веселіи—кончается въ печали".

Итакъ, сквозь жизнь, отравленную горечью, человѣкъ быстро приближается къ смерти, но онъ не хочетъ видѣть ее. Всегда послѣдній день жизни кажется первымъ, и никогда первый день не представляется послѣднимъ, хотя всегда слѣдовало бы человѣку жить такъ, какъ будто ему каждую минуту предстоитъ кончина. Ибо безпрестанно нарождается будущее, безпрестанно умираетъ

настоящее, и что прошло, то навсегда исчезло. Живя, мы постоянно умираемъ, и перестанемъ умирать, лишь когда перестанемъ жить".

Прошло немного лѣтъ послѣ того, какъ былъ написанъ трактатъ о пренебреженіи къ міру, а авторъ его—кардиналъ-дьяконъ Лотарь — былъ уже избранъ своими товарищами на папскій престолъ.

Регистръ Иннокентія III.

Какъ папа, Лотарь принялъ скромное имя, которое онъ сдѣлалъ однимъ изъ самыхъ громкихъ въ исторіи—имя Иннокентія—безвреднаго. Онъ былъ третьимъ папою этого имени. Папы обыкновенно выбирали себѣ имена не случайно, но имѣя въ виду своихъ предшественниковъ. Какими соображеніями руководился Иннокентій III, неизвѣстно, но его выборъ знаменателенъ для исторіи. Иннокентій I былъ современникомъ великаго Августина и во время разгрома и развѣнчанія языческаго Рима бѣжалъ въ Равенну подъ покровительство императора. Иннокентій II былъ творцомъ высшаго процвѣтанія того духовнаго Рима, который смѣнилъ собою ветхій, политическій Римъ. Какой контрастъ между Иннокентіемъ I и III и какой необъятный историческій процессъ раздѣляетъ эти два имени!

Правленіе папы Иннокентія III имѣетъ для исторіи выдающійся интересъ не только потому, что при немъ папство достигаетъ своего зенита, но и потому еще, что дѣятельность этого папы проходитъ при полномъ освѣщеніи исторіи. Дѣловая переписка папъ издавна составляла предметъ особенной заботы со стороны папской канцеляріи. Послѣдняя снимала копіи съ важнѣйшихъ папскихъ посланій и хранила въ архивѣ, собирая ихъ по годамъ, такъ что каждому году правленія папы соотвѣтствовала особая книга общаго сборника, такъ называемаго регистра. Къ сожалѣнію, за исключеніемъ Григорія VII, до насъ не дошли регистры предшественниковъ Иннокентія III. Они были утрачены во время смутной эпохи, когда папскіе архивы приходилось перевозить изъ одного города въ другой. Регистръ же Иннокентія III сохранился почти за всѣ 18 лѣтъ его правленія (исключая послѣдніе три года).

Въ изданіи твореній Иннокентія III небольшой трактатъ дьякона Лотаря „О презрѣніи къ міру" совершенно утопаетъ среди необъятной массы исходившихъ отъ него посланій, имѣвшихъ въ виду дѣла церкви и міра. Въ дошедшемъ до насъ регистрѣ Иннокентія III заключается 3.702 посланія, между которыми есть, правда, и письма, обращенныя къ самому папѣ. Но къ этому числу нужно добавить множество другихъ писемъ Иннокентія или отрывковъ изъ

нихъ, сохранившихся въ иныхъ мѣстахъ, такъ что по сію пору насчитываютъ 5.116 писемъ, относящихся къ Иннокентію, и это число еще можетъ значительно возрасти.

Въ регистрѣ за одинъ первый годъ помѣщено 583 посланія, и по нимъ вполнѣ можно судить о томъ, какъ быстро кардиналъ-дьяконъ Лотарь вошелъ въ свою новую роль, въ какой полнотѣ и безусловности онъ усвоилъ себѣ представленіе о міровомъ призваніи папства и въ какой степени его умъ былъ занятъ и его время поглощено самыми разнообразными обязанностями и заботами. Для образчика приведемъ нѣсколько строкъ изъ письма за № 536, которое характеристично въ обоихъ упомянутыхъ отношеніяхъ. Въ этомъ письмѣ папа такъ перечисляетъ свои обязанности: „мы прилагаемъ наши старанія къ исправленію пришедшей въ упадокъ церкви, заботимся объ обезпеченіи справедливости за угнетенными, даемъ отвѣты на поступающіе отъ разныхъ лицъ къ намъ запросы, направляемъ въ разныя стороны отъ лица нашего пословъ для установленія міра и согласія между враждующими и ради нуждъ различныхъ церквей и областей и въ то же время печемся о доставленіи помощи землѣ восточной“.

Такъ въ сжатыхъ выраженіяхъ папа самъ характеризуетъ главное содержаніе своей обширной дѣловой переписки и массу различныхъ интересовъ, сосредоточивавшихся въ римской куріи. Историку достаточно, разобравшись въ этой грудѣ посланій, разгруппировать ихъ по содержанію, чтобы читатель по однѣмъ рубрикамъ составилъ себѣ понятіе о томъ, чѣмъ сталъ тогда папа для западно-христіанскаго міра и чего ожидалъ этотъ міръ отъ папы. Переписка Иннокентія III правильнѣе всего разбивается на слѣдующія шесть группъ: первую и самую характерную изъ нихъ составляютъ такъ называемыя консультаціи, т.-е. письма, въ которыхъ различныя духовныя и свѣтскія лица обращаются къ папѣ, какъ къ верховному учителю міра, съ вопросами и запросами по всевозможнымъ религіознымъ, каноническимъ и житейскимъ недоумѣніямъ; другую, самую многочисленную группу составляютъ апелляціи, т.-е. обращенія къ папскому суду по разнымъ тяжбамъ или жалобамъ на приговоры и распоряженія мѣстныхъ властей; третья группа заключаетъ въ себѣ письма, касающіяся замѣщенія на церковныя должности, спорныхъ выборовъ и прямыхъ назначеній папою на такъ называемые бенефиціи, т.-е. второстепенныя церковныя должности, сопряженныя съ болѣе или менѣе значительными доходами; четвертую группу, весьма знаменательную для того вре-

мени, представляютъ письма, въ которыхъ папа даруетъ какую-нибудь привилегію или подтверждаетъ привилегіи, данныя предшественниками; пятую группу образуютъ письма административнаго содержанія, въ которыхъ папа является общимъ правителемъ церкви, зоркимъ блюстителемъ ея разнообразныхъ интересовъ и на самыхъ отдаленныхъ ея окраинахъ: то Иннокентій III запрещаетъ венеціанскому дожу и народу подъ предлогомъ торговли доставлять сарацинамъ оружіе и другіе нужные для войны предметы; то онъ взываетъ къ вестфальскому рыцарству и посылаетъ его въ Ливонію для борьбы съ язычниками. Наконецъ, въ особую группу можно выдѣлить посланія, касающіяся политическихъ вопросовъ, въ которыхъ папа, глава церкви, въ силу ея власти, становится верховнымъ руководителемъ свѣтскихъ властей.

Не Иннокентій III, конечно, создалъ положеніе, отражающееся такъ ярко на его перепискѣ; оно было подготовлено до него продолжительнымъ историческимъ процессомъ, и достаточно было вступленія на папскій престолъ энергической личности при благопріятныхъ для папства условіяхъ, чтобы какъ съ вершины горы, незамѣтно достигнутой путникомъ, предъ нимъ внезапно открылась во всей ея широтѣ необъятная картина папской власти и мощи. Остановимся и мы на минуту на этой картинѣ и разсмотримъ прежде всего, какое положеніе занималъ тогда папа относительно церкви, какія задачи налагало на него это положеніе и какъ относился къ нимъ Иннокентій III.

Каноническое право.

Всего болѣе отразилась дѣятельность Иннокентія въ области каноническаго права, что вполнѣ соотвѣтствовало какъ характеру римской церкви, такъ и самого Иннокентія, который былъ еще болѣе юристомъ, чѣмъ богословомъ. До своего возвышенія на папскій престолъ онъ занималъ должность аудитора, т.-е. докладчика по юридическимъ дѣламъ при куріи, и когда сталъ папою—пріобрѣлъ прозвище „Соломона“ своего времени. Ни въ чемъ, можетъ быть, не проявляется такъ ярко историческая связь и преемственность между древнимъ Римомъ и Римомъ католическимъ, какъ въ области права. Вся духовная жизнь древняго Рима преимущественно сосредоточивалась въ правовѣдѣніи и въ разработкѣ права. Эта жизнь пускаетъ въ католическомъ Римѣ новый могучій ростокъ—каноническое право. Въ силу самыхъ условій католицизма, источникомъ и регуляторомъ права становится папа. Его рѣшенія и по-

становленія—*декреталіи*—все болѣе и болѣе оплетаютъ и заслоняютъ старое каноническое право, и потребность въ этихъ декреталіяхъ такъ велика, что литература, такъ сказать, опережаетъ въ этомъ отношеніи дѣятельность папства, и уже въ X вѣкѣ возникаютъ псевдо-исидоровы декреталіи, т.-е. подложный сборникъ декретовъ, приписываемыхъ прежнимъ папамъ. На этой почвѣ могла быстро развиться законодательная дѣятельность папъ, особенно послѣ 1150 г., когда бенедиктинецъ Граціанъ составилъ въ Болоньѣ свой сборникъ, въ которомъ церковные каноны и папскіе декреты были соединены въ одинъ общій сводъ, сдѣлавшійся въ университетахъ предметомъ ученыхъ истолкованій и глоссъ. Изъ послѣдовавшихъ за этимъ временемъ папъ никто не проявилъ такой творческой дѣятельности въ области декреталій, какъ Иннокентій III, и когда его второй преемникъ, Григорій IX, для устраненія противорѣчій между безчисленными декреталіями поручилъ составить систематическій сводъ ихъ, то въ этомъ знаменитомъ памятникѣ каноническаго права декреталіи Иннокентія заняли триста главъ.

Мы, конечно, не можемъ входить въ ближайшее разсмотрѣніе законодательства Иннокентія III и приведемъ для характеристики этой дѣятельности его собственныя слова изъ одной декреталіи; въ ней особенно наглядно проявляется, какимъ образомъ папскія притязанія на высшую законодательную власть въ церкви шли навстрѣчу потребности самихъ мѣстныхъ церквей въ объясненіи закона и установленіи повсюду разнообразнаго права въ силу того, что право по своей идеѣ есть нѣчто абсолютное и необходимо ведетъ къ единству. „Такъ какъ апостольскій престолъ, на которомъ мы, хотя и незаслуженно, возсѣдаемъ, возвеличенъ надъ всѣми церквами міра не по человѣческому, но по божественному учрежденію, то справедливо и умѣстно, чтобы въ римской церкви, какъ къ учительницѣ и матери, были обращены всѣ вопросы и сомнѣнія по различнымъ статьямъ права: на тотъ конецъ, чтобы тотъ, кто установилъ право, самъ же и истолковалъ его“ (I, 313). Самый случай, вызвавшій это заявленіе папы, замѣчателенъ тѣмъ, что показываетъ, какъ по самому культурному строю среднихъ вѣковъ юридическіе вопросы сплетались съ церковнымъ ученіемъ, и какъ вслѣдствіе этого, право римскаго епископа „толковать писаніе“ неминуемо должно было сдѣлаться источникомъ юридическаго супремата. Въ Буржѣ произошелъ споръ изъ-за десятиннаго сбора съ одного участка земли между двумя капитулами, прежде

владѣвшими ею, и монахами сосѣдняго монастыря, которымъ отказалъ эту десятину пользовавшійся ею по ленному праву рыцарь. Вопросъ—чисто юридическій, усложненный сплетеніемъ каноническаго права съ феодальнымъ, но онъ еще болѣе усложнился тѣмъ, что обѣ стороны сослались на церковные авторитеты: монахи привели въ свою пользу слова св. Іеронима въ письмѣ къ папѣ Дамазу, писанныя въ то время, когда еще не было рыцарей, владѣвшихъ на феодальномъ правѣ церковными имуществами и доходами, а другая сторона старалась подкрѣпить свои притязанія какимъ-то постановленіемъ папы Льва.

Весьма часто юридическіе запросы, обращенные къ папѣ, имѣютъ практическій, чисто житейскій характеръ. Такъ, оксерскій епископъ однажды спрашиваетъ папу о томъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать слово *новь* (novalis, X, 110); папа отвѣчаетъ, что оба толкованія, упомянутыя епископомъ, согласны съ употребленіемъ этого термина въ римскомъ правѣ; словомъ *новъ* обозначается и поле, оставленное подъ паромъ, и срубленный подъ пашню лѣсъ; но въ привилегіяхъ, выданныхъ его предшественниками, подъ словомъ *новъ* разумѣлись залежи настолько давнія, что ихъ запашки никто не запомнитъ. Здѣсь юридическій вопросъ побудилъ папу войти въ изслѣдованіе юридической терминологіи и коснуться хозяйственнаго быта. Число спорныхъ вопросовъ возрастало вслѣдствіе того, что область права была тѣсно связана съ областью нравственности, блюстительницею которой была церковь, а отсюда возникали такія недоумѣнія, разрѣшить которыя былъ въ силахъ только папа: то его извѣщаютъ о монахѣ, который, желая вылѣчить женщину, разрѣзалъ ей нарывъ въ горлѣ и сталъ причиною ея смерти; вопреки его приказанію беречься, женщина не береглась, пошла на работу и умерла отъ кровотеченія изъ раны. Монахъ этотъ имѣлъ священническій санъ; спрашивается: можетъ ли онъ послѣ этого священствовать? Въ другой разъ студентъ духовной семинаріи, къ которому ночью забрался воръ, въ борьбѣ съ нимъ поранилъ его; по этой ранѣ воръ былъ разысканъ и судомъ приговоренъ къ жестокому наказанію, отъ послѣдствій котораго онъ умеръ. Спрашивается: можетъ ли студентъ, косвенный виновникъ смерти человѣка, быть посвященъ въ священники? Особенно много недоумѣній вызывали брачныя и бракоразводныя дѣла, тѣсно связанныя со всѣми сторонами житейскаго быта, и въ виду всего этого обращенные къ папѣ запросы по этимъ дѣламъ представляютъ самый любопытный матеріалъ для исторіи средневѣковой культуры.

Курія, какъ высшая судебная инстанція.

Но не только источникомъ закона и мудрости, а также и источникомъ правосудія былъ папа во времена Иннокентія III; мы касаемся здѣсь одной стороны дѣятельности папы, которая имѣла громадное вліяніе на развитіе папской власти и судьбу церкви. Ничто въ такой степени не содѣйствовало возвышенію папы надъ церковью и превращенію римской куріи въ царство, какъ то, что въ римской куріи стали видѣть высшую инстанцію въ судебныхъ дѣлахъ. И въ этомъ вопросѣ ясно видно, что нравственныя причины лежали въ основаніи папскаго владычества и что притязанія папы на власть встрѣчали себѣ сочувствіе въ силу извѣстныхъ потребностей мѣстныхъ церквей. При отсутствіи прочной государственной связи не могла удержаться и правильная организація національной церкви въ различныхъ странахъ, и въ тяжбахъ между прелатами или мѣстными церковными учрежденіями часто не было всѣми признаваемо и высшаго судьи, кромѣ римскаго епископа. Поэтому лучшіе изъ папъ могли благопріятствовать перенесенію дѣлъ въ Римъ не изъ одного властолюбія, но чтобы облегчить справедливость и дать убѣжище угнетеннымъ. Но какъ скоро былъ открытъ путь въ Римъ по судебнымъ дѣламъ, такъ по немъ стали слѣдовать густыя толпы не только угнетенныхъ и жаждавшихъ правосудія, но и тѣхъ, кто желалъ укрыться отъ правосудія или видѣлъ въ этомъ средство выигрыша. Неправое дѣло, перенесенное въ Римъ, и апелляція сдѣлались однимъ изъ главныхъ источниковъ обогащенія папской казны и многочисленныхъ должностныхъ лицъ папской канцеляріи. Но въ то же время эти апелляціи превратили каѳедру римскаго епископа въ судилище съ судебными департаментами и съ сложнымъ канцелярскимъ дѣлопроизводствомъ, допускавшимъ всевозможныя притѣсненія и злоупотребленія.

Во времена Иннокентія III зло достигло уже большихъ размѣровъ. Въ одномъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи этотъ папа старался противодѣйствовать злу: въ уголовныхъ и дисциплинарныхъ процессахъ противъ духовныхъ лицъ, старавшихся путемъ апелляціи избѣгнуть кары своего духовнаго начальства. Въ этихъ случаяхъ Иннокентій III не разъ рѣшительно запрещалъ апелляціи не только на рѣшеніе своихъ легатовъ, но и на приговоры мѣстной власти, внушая въ своихъ посланіяхъ, что апелляція была придумана, чтобы служить спасительнымъ средствомъ для угнетенныхъ и для помощи невиннымъ, а не для защиты несправедливости и для укрывательства отъ заслуженнаго наказанія. Такъ, однажды, предостерегая епископа веронскаго противъ „нечестныхъ апелляцій“, Иннокен-

тій заявлялъ, что апеллирующіе хотятъ того, чтобы онъ прослылъ среди людей за „нѣмую собаку, не умѣющую лаять“, и покровителемъ пороковъ.

Въ средневѣковой Европѣ, еще вполнѣ подчиненной феодальнымъ формамъ, папство впервые осуществило политическій типъ централизованной монархіи съ самодержавнымъ правителемъ и съ правильно организованной администраціей, заправлявшей изъ столицы самыми отдаленными окраинами. Въ исторіи этого царства правленіе Иннокентія III представляетъ собою критическую и въ этомъ смыслѣ интереснѣйшую эпоху. Это моментъ высшаго расцвѣта теократическаго царства, но моментъ, когда уже обнаруживаются признаки и причины предстоявшаго ему увяданія. И расцвѣтъ, и увяданіе обусловливаются однимъ и тѣмъ же принципомъ—доведеніемъ до полнаго и крайняго развитія начала власти и единодержавія въ церкви.

„Викарій Христа“.

Какъ въ исторіи всякой другой власти, такъ и папской, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить развитіе самаго принципа или расширеніе самой идеи этой власти; это обыкновенно происходитъ такимъ образомъ, что власть выводятъ изъ болѣе высокаго или священнаго источника и этимъ возвеличиваютъ характеръ власти, ея назначеніе и права. Именно въ этомъ направленіи Иннокентій III сдѣлалъ рѣшительный шагъ, и новый оборотъ въ папской политикѣ обнаружился при немъ въ характерномъ признакѣ, такъ какъ для новаго усиленія власти была придумана соотвѣтствующая формула. Движущей силой въ исторіи развитія власти была идея о наслѣдованіи римскимъ епископомъ полномочій, данныхъ апостолу Петру. Папа требовалъ для себя первенства предъ другими епископами, какъ „преемникъ“ перваго изъ апостоловъ (princeps apostolorum); онъ хотѣлъ стоять во главѣ церкви, какъ „викарій“, т.-е. намѣстникъ того Петра, кому было сказано: „паси овцы мои“. При Иннокентіи III на ряду съ прежней формулой появляется другая, болѣе сильная: изъ намѣстника Петра папа становится намѣстникомъ самого Бога. Какъ ни высоко былъ поставленъ апостолъ Петръ надъ людьми, онъ былъ человѣкъ, его авторитетъ основанъ на порученіи, данномъ ему свыше, и его викарій, такимъ образомъ, является лишь блѣднымъ отраженіемъ божественной власти. Но почему бы этому викарію не подняться выше и не заимствовать свое призваніе непосредственно изъ божественнаго источника? Замѣчательно, что именно тотъ папа, который такъ безпощадно анализировалъ и такъ реально изобразилъ физическое и нравственное ничтожество чело-

вѣка, въ первый же годъ своего правленія не усомнился признать за собою и за цѣлымъ рядомъ людей божественный характеръ: „Римскій первосвященникъ,—провозгласилъ Иннокентій,—поистинѣ называется намѣстникомъ не простого человѣка, а истиннаго Бога. Ибо хотя мы и преемники главы апостоловъ, однако, мы не его и не какого-либо апостола или человѣка, но самого Іисуса Христа намѣстники“.

И въ этомъ случаѣ Иннокентій только завершилъ то, что было подготовлено предшествующей эпохой. Этому новому возвеличенію идеи папства въ титулѣ папы всего болѣе содѣйствовалъ неутомимый поборникъ теократическаго идеала—Бернардъ Клервоскій. Въ своихъ письмахъ и въ своихъ трактатахъ онъ нѣсколько разъ называетъ папу викаріемъ Христа. Правда, что Бернардъ еще не придаетъ этому титулу исключительнаго значенія, ибо въ трактатѣ „О нравахъ и должности епископовъ“ называетъ и ихъ викаріями Христа. Однако, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи—„De Consideratione“—Бернардъ пользуется разсказомъ евангелиста Іоанна о появленіи Христа ученикамъ на морѣ Тиверіадскомъ, при чемъ Петръ бросился въ море навстрѣчу Господу, тогда какъ другіе ученики приплыли въ лодкѣ (XXI, 7—8), чтобы видѣть въ этомъ знаменіе особливаго священства Петра (signum singularis pontificii); на этомъ основаніи Бернардъ величаетъ апостола именемъ „единственнаго викарія Христа“, который долженъ былъ стоять во главѣ не одного народа, а всѣхъ племенъ.

Такимъ образомъ, былъ указанъ путь для преемниковъ Петра, и полвѣка спустя званіе „викарія Христа“ сдѣлалось привилегіей и офиціальнымъ титуломъ римскихъ епископовъ; а на этой почвѣ само собою явилось то новое толкованіе, которое видѣло въ папѣ не подобіе „простого человѣка“, а намѣстника „истиннаго Бога“.

Понятно, что съ такимъ поднятіемъ идеи папства все учрежденіе папства выдвинулось на новую высоту. Это очень наглядно выразилось въ самыхъ обрядахъ и именно въ томъ обрядѣ, который составлялъ средоточіе и сущность христіанскаго богослуженія—въ причащеніи. Еще до Иннокентія III папа сталъ причащаться не у алтаря, а на мѣстѣ болѣе возвышенномъ, т.-е. поднявшись на мѣсто, гдѣ стоялъ его престолъ, и притомъ особымъ способомъ, который мы не станемъ подробнѣе описывать. Мы имѣемъ, однако, основаніе упомянуть объ этомъ въ исторіи Иннокентія, такъ какъ въ сочиненіяхъ этого папы находимъ попытку объяснить аллегорическій смыслъ этого нововведенія, при чемъ оно

мотивируется параллелью между способомъ дѣйствія Христа въ Эммаусѣ и причащеніемъ папы. Замѣчательно при этомъ, что папа, кромѣ аллегорическаго повода, зналъ еще и историческій, но предпочелъ о немъ умолчать, такъ какъ „не могъ того найти въ какомъ-либо подлинномъ писаніи“.

Мы видимъ изъ этого, что въ то самое время, когда въ католицизмѣ духовенство стало возвышаться надъ міромъ посредствомъ причащенія подъ обоими видами, тогда какъ миряне были лишены чаши, папа съ помощью того же средства, т.-е особаго способа причащенія, сталъ подниматься надъ священствомъ.

Положеніе папства при вступленіи Иннокентія на престолъ.

При оцѣнкѣ свѣтской политики Иннокентія III, его ошибокъ и увлеченій въ этой области, его принциповъ и ихъ результатовъ, нужно ради справедливости имѣть въ виду прежде всего то положеніе дѣла, которое Иннокентій засталъ, восходя на престолъ св. Петра, и то необыкновенно благопріятное для папства стеченіе обстоятельствъ, которое какъ бы силою рока увлекало Иннокентія впередъ по пути безпримѣрнаго успѣха и невиданнаго величія. Будучи кардиналомъ, Иннокентій былъ свидѣтелемъ давно небывалаго униженія папства, особенно чувствительнаго послѣ его возвышенія Григоріемъ VII и недавней силы при Александрѣ III. Положеніе это обусловливалось какъ полнымъ ничтожествомъ предшественниковъ Иннокентія, такъ и силою личности и колоссальными размѣрами власти современнаго имъ императора. Судьба средневѣковой Европы покоилась какъ будто на вѣсахъ: въ одной чашѣ ихъ находилось папство, въ другой—имперія; положеніе вѣсовъ зависѣло отъ того, уравновѣшивались ли личности одновременныхъ папъ и императоровъ, или на одной сторонѣ оказывался значительный перевѣсъ. И никогда еще чаша папства не была такъ легковѣсна, какъ при Целестинѣ III, потому что никогда еще на противоположной чашѣ не было такого груза, какимъ былъ Гогенштауфенъ Генрихъ VI. Въ борьбѣ съ императорами самымъ вѣрнымъ оплотомъ папъ давно уже были норманскіе короли, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ вотчиною св. Петра владычествовавшіе надъ Сициліей и Неаполемъ. Но въ концѣ XII-го вѣка именно въ этомъ отношеніи наступилъ самый неожиданный оборотъ дѣла. Династія норманская прекратилась въ мужскомъ колѣнѣ, и наслѣдница ихъ владѣній вышла замужъ за наслѣдника Фридриха Барбароссы, принося съ собою въ приданое могущество и сокровища своихъ пред-

ковъ самому энергичному, крутому и предпріимчивому изъ Гогенштауфеновъ. Такимъ образомъ, сопернику папъ удалось занять въ самомъ тылу ихъ командующее дѣломъ положеніе. Распоряжаясь абсолютною властью и военными средствами своихъ норманскихъ предшественниковъ, Гогенштауфенъ взялъ въ тиски, между норманской монархіей и Германіей, Ломбардію и Римъ. Онъ не только усмирилъ строптивыя демократіи сѣверной Италіи, но во всѣхъ папскихъ владѣніяхъ, не заботясь о дарѣ Константина и дарственной грамотѣ Пипина, насажалъ своихъ воеводъ и даже въ самомъ Римѣ превратилъ старинное, почетное, но безсильное званіе городского префекта въ дѣйствительное орудіе императора надъ колыбелью имперіи.

Все это совершилось на глазахъ кардиналъ-дьякона Лотаря. Воспитанный въ традиціяхъ папскаго Рима, съ душою, способной понимать упоеніе власти, онъ видѣлъ, какъ преемники Григорія Великаго и Григорія VII, провозгласившіе себя намѣстниками Божіими, въ своей собственной столицѣ перестали быть хозяевами и распорядителями. И вдругъ, на его глазахъ дѣло приняло совершенно другой оборотъ. 28-го сентября 1197 года неожиданно умеръ императоръ Генрихъ VI; его наслѣдникъ Фридрихъ былъ трехлѣтнимъ ребенкомъ; держава Гогенштауфеновъ, сила которой заключалась въ единствѣ руководившей ею воли, распалась; правленіе Неаполемъ и Сициліей перешло въ руки вдовы умершаго императора: братъ императора Филиппъ, прибывшій въ Италію, чтобы отвезти своего юнаго племянника въ Германію для вѣнчанія его нѣмецкимъ королемъ, былъ задержанъ на пути въ Монтефіасконе поднявшейся при первомъ извѣстіи о смерти императора народной волной; сама Германія тотчасъ распалась на два враждебныхъ лагеря: гибеллиновъ и вельфовъ, и среди всѣхъ этихъ смутъ, сопровождавшихъ крушеніе имперіи, 8-го января слѣдующаго года взошелъ на папскій престолъ Иннокентій III.

Сама судьба вложила въ руки молодого папы возстановленіе папства. Предъ Иннокентіемъ открылась необъятная перспектива и цѣль, достойная великаго политика. Быстро прошелъ онъ одну за другою всѣ стадіи, которыя вели къ этой цѣли, и слѣдить за нимъ по этому пути всегда будетъ задачей, увлекательной для историка; мы только въ общихъ чертахъ дадимъ себѣ отчетъ объ исполненіи имъ своей задачи.

Прежде всего надо было Иннокентію обезопасить папство въ самомъ Римѣ. Римскій префектъ, возстановленный въ своихъ пра-

вахъ Генрихомъ VI въ качествѣ императорскаго намѣстника или губернатора Рима, потерявъ подъ собою почву, промѣнялъ господина и призналъ себя вассаломъ папы. Такимъ образомъ навсегда исчезла самая тѣнь императорской власти въ Римѣ, ея права перешли къ римскому епископу. Римъ и Папская Область.

Вторымъ дѣломъ Иннокентія въ области свѣтской политики было возстановленіе Папской Области въ средней Италіи и уничтоженіе тѣхъ вассальныхъ по отношенію къ императору воеводствъ, которыя Генрихъ VI образовалъ надъ землями и городами, прежде принадлежавшими св. Петру. Иннокентій достигъ этой цѣли въ союзѣ съ итальянскимъ національнымъ духомъ, враждебнымъ иноземному владычеству. Въ первый же годъ своего правленія Иннокентій заявилъ, что Италія достойна быть обладательницей обѣихъ властей или двойного примата, такъ какъ по Божескому промыслу ей достался принципатъ надъ всѣми областями. „Въ силу этого намъ надлежитъ, — говоритъ папа, — позаботиться объ Италіи особымъ отеческимъ попеченіемъ“. Какъ видно изъ этихъ словъ, папство при Иннокентіи провозгласило себя поборникомъ національнаго принципа въ Италіи, и этимъ способомъ оно во всѣ времена достигало въ Италіи наибольшихъ своихъ успѣховъ. До какой степени Иннокентій хорошо понималъ силу волны, его поднимавшей, видно изъ того, что когда одинъ изъ нѣмецкихъ воеводъ, Конрадъ фонъ-Урслингенъ, котораго императоръ поставилъ герцогомъ сполетскимъ, предложилъ папѣ признать себя его данникомъ и ленникомъ и предоставить ему всѣ свои крѣпости, то Иннокентій отвергъ это выгодное для него предложеніе. „Онъ склонился въ сторону свободы, — говоритъ его біографъ, — такъ какъ многіе возроптали, что онъ будто бы покровительствуетъ тевтонамъ, которые поработили ихъ жестокой тиранніей“. Опираясь на антифеодальныя муниципальныя и національныя стремленія, Иннокентій легко и быстро совершилъ переворотъ, замѣнивъ въ средней Италіи императорскую власть папскою. Еще лѣтомъ 1198 года онъ имѣлъ возможность объѣхать многочисленные города герцогства сполетскаго и Умбріи — Сполето, Ассизи, Фолиньо и многіе другіе и принять ихъ въ подданство римской церкви. Даже Перуджіа въ то время признала надъ собою его верховную власть. Иннокентій благоразумно довольствовался однимъ принципомъ, не торговался съ городами относительно частностей, щедро предоставляя имъ муниципальныя права. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ вотчины св. Петра, озаботился объ упроче-

ніи папской власти: назначалъ правителей (легатовъ или ректоровъ), строилъ укрѣпленія и поручалъ ихъ папскимъ кастелланамъ.

Императорская корона.

Итакъ, свѣтскія владѣнія папства были снова ему возвращены; но могъ ли Иннокентій считать ихъ окончательно обезпеченными отъ новаго захвата? Въ Италію можетъ придти новый императоръ и снова насажать своихъ воеводъ по городамъ и замкамъ вотчины св. Петра. Иннокентій, очевидно, могъ быть покоенъ относительно этой вотчины лишь въ томъ случаѣ, если бы ему удалось также успѣшно разрѣшить въ своемъ интересѣ болѣе трудное и сложное дѣло о наслѣдіи императорской короны; здѣсь наглядно для насъ обнаруживается связь между вотчинными интересами папъ и ихъ общей политикой относительно имперіи. Но вопросъ объ имперіи и объ отношеніяхъ къ ней папства имѣлъ для папъ еще принципіальное значеніе. Мы касаемся почвы, на которой практическіе интересы папъ сплетаются съ теоретическими соображеніями, гдѣ папы-идеалисты должны были становиться политиками, а политики — искать опоры въ идеалахъ, гдѣ защитники идеи презрѣнія къ міру превращались въ самыхъ энергическихъ поборниковъ власти надъ міромъ.

Моментъ былъ настолько благопріятенъ для папы, что только дряхлый старецъ или мечтатель на престолѣ св. Петра упустилъ бы его. Ни въ какомъ случаѣ не былъ на это способенъ Иннокентій.

Продолжавшаяся уже болѣе вѣка борьба между священствомъ и царствомъ, между папствомъ и имперіей, только что приведшая къ полному торжеству имперіи, могла только теперь или никогда разрѣшиться въ пользу папства, ибо „нынѣ, — восклицаетъ Иннокентій, — церковь по милости Божіей обрѣтается въ единствѣ, имперія же по винѣ грековъ раздѣлена“.

Слабая сторона имперіи заключалась въ отсутствіи наслѣдственности въ ней. Князья-избиратели были слишкомъ заинтересованы въ недопущеніи наслѣдственности, такъ какъ каждое новое избраніе служило обезпеченіемъ ихъ независимости и источникомъ личныхъ для нихъ выгодъ. Поэтому и фактическій переходъ власти отъ отца къ сыну въ той же династіи не могъ искоренить принципа избирательности императора. Хотя въ XII вѣкѣ императорская власть принадлежала Гогенштауфенамъ уже въ трехъ поколѣніяхъ, Генрихъ VI тотчасъ по рожденіи у него сына позабо-

тился о томъ, чтобы онъ былъ избранъ князьями королемъ Германіи или, какъ тогда его называли, римскимъ королемъ. Но ранняя смерть императора разрушила его династическіе расчеты. Братъ Генриха, Филиппъ, пытался сначала поддержать права племянника, но такъ какъ ему не удалось привезти молодого Фридриха изъ Италіи и въ Германіи начались смуты, то онъ былъ принужденъ, въ интересахъ своего дома и имперіи, самъ выступить кандидатомъ въ императоры и былъ избранъ въ мартѣ 1198 г. Но этимъ дѣло не окончилось. Побѣжденные Гогенштауфеномъ вельфы выступили для новаго состязанія съ нимъ. Они породнились съ англійскимъ королевскимъ домомъ; король Ричардъ, лично оскорбленный Генрихомъ VI, помогъ своему племяннику, Оттону Брауншвейгскому, пріобрѣсти приверженцевъ; его сторону приняли вліятельный архіепископъ кельнскій, и четыре мѣсяца спустя послѣ избранія Филиппа Оттонъ былъ провозглашенъ своей партіей императоромъ.

Такимъ образомъ Иннокентію представилась возможность съ высоты папскаго престола разсматривать вопросъ о „трехъ избранникахъ Германіи“.

Оттонъ, стѣсненный своимъ противникомъ, всѣ упованія свои возложилъ на Иннокентія, увѣрилъ его въ самыхъ ласкательныхъ выраженіяхъ въ своей сыновней преданности и давалъ самыя торжественныя обѣщанія служить интересамъ римской церкви. Но иначе поступили приверженцы Филиппа: они отправили папѣ посланіе отъ имени и частью за личной подписью главнѣйшихъ князей имперіи—одного патріарха, 4 архіепископовъ, 22 епископовъ, 4 аббатовъ, короля богемскаго, 8 герцоговъ, 6 маркграфовъ и 3 пфальцграфовъ,—въ которомъ просили папу „не протягивать никоимъ образомъ руки на право имперіи къ обидѣ ея“, заявляя, что она отнюдь не потерпитъ, чтобы право церкви было кѣмъ-нибудь нарушено или умалено. Въ силу этого они испрашивали его благорасположенія къ своему королю и господину для того, чтобы несправедливость не торжествовала надъ справедливостью, но ложь всегда уступала правдѣ.

Между тѣмъ дѣла принимали для Оттона дурной оборотъ: король Ричардъ, поддерживавшій его деньгами, умеръ, и нѣкоторые изъ его приверженцевъ перешли на сторону Филиппа. Торжество Гогенштауфеновъ было близко. Тогда Иннокентій вмѣсто того, чтобы склонить всѣхъ окончательно въ пользу Филиппа и замирить Германію, рѣшился выступить изъ своего выжидательнаго положе-

нія и открыто высказался за Оттона. Онъ сдѣлалъ это въ знаменитомъ историческомъ документѣ: „Заявленіе по зрѣломъ обсужденіи папы Иннокентія по дѣлу о трехъ избранныхъ на имперію“. „Въ интересахъ папства,—говоритъ здѣсь Иннокентій,—обсудить тщательно и осторожно устроеніе римской имперіи, ибо, какъ извѣстно, имперія принадлежитъ папѣ и по началу своему, и по концу. По своему началу—потому что императорская власть перенесена изъ Греціи папствомъ и въ интересахъ папства ради его защиты; по своему завершенію—потому что императоръ чрезъ возложеніе руки получаетъ отъ первосвященника окончательное и послѣднее свое повышеніе, такъ какъ имъ благословляется, имъ вѣнчается и имъ облекается властью“. Затѣмъ въ документѣ разсматривается съ трехъ точекъ зрѣнія, какъ надлежитъ папѣ дѣйствовать относительно трехъ избранниковъ, а именно, что̀ возможно или дозволено, что̀ достойно и что̀ полезно. Аргументація относительно перваго изъ кандидатовъ, шестилѣтняго Фридриха, отличается явной казуистикой, такъ какъ папа разсматриваетъ вопросъ, возможно ли возражать противъ его избранія, несмотря на то, что оно подтверждено повторными клятвами князей, а разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, на томъ основаніи, что князья, избирая двухлѣтняго ребенка, не могли знать, будетъ ли онъ пригоденъ для царства: „развѣ онъ не могъ оказаться глупымъ или настолько опрометчивымъ, что былъ бы недостоинъ даже менѣе важной почести?“ А затѣмъ случилось событіе, котораго не предвидѣли князья и которое дѣлаетъ невозможнымъ соблюденіе клятвы—смерть отца. Ибо такъ какъ имперія не можетъ быть управляема намѣстникомъ (procurator), и императоръ не можетъ быть избранъ на время, и церковь не можетъ и не желаетъ обойтись безъ императора, то ясно, что дозволено обезпечить имперію другимъ лицомъ. Впрочемъ, рѣшающій въ глазахъ папы аргументъ былъ, конечно, послѣдній, а именно, что для куріи было вредно признаніе короля Неаполя и Сициліи императоромъ Германіи, такъ какъ отъ такого соединенія церковь пришла въ полное разореніе.

Въ числѣ аргументовъ противъ Филиппа самую большую роль играетъ тотъ, что онъ былъ отлученъ отъ церкви за захватъ въ вотчинѣ св. Петра, и хотя потомъ съ него было снято это отлученіе, папа доказываетъ, что снятіе было совершено съ нарушеніемъ формы и потому не можетъ считаться состоявшимся. Другой аргументъ, почему церковь не должна согласиться на избраніе Филиппа, сводится къ тому, что если бы Филиппъ слѣдовалъ теперь

за братомъ, подобно тому, какъ его братъ Генрихъ наслѣдовалъ отцу, то казалось бы, что имперія досталась имъ не по избранію, а принадлежитъ по наслѣдству, и такимъ образомъ стало бы наслѣдственнымъ достояніемъ, что должно быть слѣдствіемъ добровольнаго признанія. А что полезно противодѣйствовать Филиппу, то это для всѣхъ очевидно. „Ибо онъ тираннъ и изъ рода тирановъ, и если бы мы ему не противодѣйствовали, то поступили бы, какъ будто вооружая противъ себя бѣшенаго и вручая ему мечъ на нашу гибель“. Затѣмъ слѣдуетъ длинный обвинительный актъ противъ всѣхъ предковъ Филиппа, чтобы выставить ихъ наслѣдственными врагами церкви, при чемъ первымъ изъ рода Гогенштауфеновъ поставленъ Генрихъ V, послѣдній изъ франконскаго дома, сестра котораго вышла замужъ за одного изъ Гогенштауфеновъ. Въ противоположность этому папа, слегка и вскользь упомянувъ о возраженіяхъ противъ поддержки Оттона, горячо высказывается за него въ безконечной тирадѣ, въ которой факты затемнены и искажены казуистикой, политическіе мотивы софистически скрыты за религіозными соображеніями, поддерживаемыми текстами Писанія. „Такъ какъ равное или даже большее число изъ тѣхъ, которыхъ касается избраніе императора, склонились, какъ извѣстно, въ пользу Оттона; такъ какъ годность и достоинство избираемаго должны быть приняты въ соображеніе не менѣе и даже болѣе, чѣмъ число избирателей, и не столько важно численное большинство со стороны избирающихъ, сколько здравое ихъ разсужденіе; такъ какъ Оттонъ болѣе пригоденъ къ управленію имперіи, чѣмъ Филиппъ, въ силу того, что Господь караетъ грѣхи отцовъ въ потомкахъ ихъ до третьяго и четвертаго колѣна, если они ненавистники Его, Филиппъ же подражаетъ грѣхамъ предковъ своихъ въ притѣсненіи церкви, и хотя мы и не должны за зло воздавать зломъ, но оказывать благодѣяніе обидѣвшимъ насъ, мы, однако, и не обязаны вознаграждать почестями за оскорбленіе тѣхъ, кто пребываетъ въ обычной къ намъ враждебности, и не должны вооружать противъ себя умоизступленныхъ; и такъ какъ, наконецъ, Господь, какъ видно изъ Писанія, чтобы сокрушить гордеца, избралъ скромнаго и принялъ въ цари Давида, то очевидно, что и намъ позволительно, и намъ слѣдуетъ, и намъ полезно выказывать Оттону нашу апостольскую благосклонность“.

Такимъ образомъ Иннокентій открыто вступилъ въ распрю за императорскую корону, когда эта распря уже близилась къ концу, чтобы возстановить равновѣсіе между двумя міровыми властями въ

Борьба между Оттономъ IV и Филиппомъ Швабскимъ.

пользу церкви; вмѣшавшись въ борьбу, папа упорно велъ ее и поддерживалъ Оттона, несмотря на то, что обстоятельства становились все болѣе неблагопріятны для послѣдняго. Наступилъ моментъ, когда дѣла Оттона приняли такой дурной для него оборотъ, что Иннокентій, подъ вліяніемъ отчаянія, впалъ въ тяжелую болѣзнь, и въ Германіи распространились слухи о его смерти. Радостныя извѣстія, что король англійскій Іоаннъ рѣшился энергичнѣе поддерживать Оттона, что французскій король Филиппъ-Августъ, союзникъ Гогенштауфеновъ, согласился, по настоянію папы, остаться нейтральнымъ, и нѣкоторый военный успѣхъ, одержанный Оттономъ, снова оживили надежды и возстановили силы Иннокентія. Но ему предстояло большое разочарованіе. Іоаннъ Безземельный денегъ не далъ, и главный покровитель Оттона, архіепископъ кельнскій, виновникъ всей междоусобной войны, перешелъ на сторону Филиппа, его примѣру послѣдовали другіе князья, между прочимъ родной братъ Оттона. Напрасно стыдилъ папа нѣмецкихъ князей: „не человѣку другъ, а фортунѣ тотъ, кто, подобно тростнику на вѣтру, колеблется отъ случайностей, и кому улыбался въ счастьѣ, того покидаетъ въ опасности“. Но самому папѣ пришлось измѣнить политику; онъ воспользовался случаемъ, чтобы черезъ аквилейскаго патріарха, лица близкаго къ Филиппу, завести съ нимъ сношенія по дѣлу одного епископа. Слѣдствіемъ этого было письмо Филиппа къ Иннокентію, чрезвычайно благородное по тону, исполненное чувствомъ собственнаго достоинства, но очень почтительное къ папѣ. Тогда папа поручилъ патріарху устроить перемиріе между воюющими. Филиппъ перемирія не принялъ, и Оттонъ едва избѣгъ плѣна; онъ былъ всѣми оставленъ. При такихъ обстоятельствахъ Иннокентій уступилъ и отправилъ въ Германію легатами двухъ вліятельныхъ кардиналовъ съ обширными полномочіями. Легаты сняли съ Филиппа отлученіе, уговорили его положить оружіе и предложили соглашеніе, въ силу котораго Филиппъ долженъ былъ быть признанъ императоромъ, а Оттонъ женился на его старшей дочери и получилъ въ приданое родовое герцогство Гогенштауфеновъ. Во время этихъ переговоровъ случилось неожиданное и небывалое событіе: Филиппъ былъ убитъ, по личнымъ неудовольствіямъ, своимъ вассаломъ графомъ Виттельсбахскимъ.

Иннокентій достигъ своей цѣли: онъ клеймилъ съ негодованіемъ позорное дѣло убійства, но его радость не знала границъ; его ставленникъ и орудіе стали во главѣ имперіи; спокойствіе вотчины св. Петра и господство церкви надъ міромъ были обезпечены. Его

письмо къ Оттону—ликующій гимнъ во славу церкви и идеальнаго божескаго царства, которое должно было наступить подъ ея покровомъ. „Благословенъ будь Господь, который по невыразимому своему милосердію исполнилъ наше желаніе относительно тебя, главной Его части, и, какъ мы твердо уповаемъ, не отступитъ отъ насъ, пока желаніе наше не исполнится вполнѣ, къ хвалѣ и славѣ имени Его, къ чести и пользѣ церкви, а также имперіи и всего христіанскаго народа“. Восхваляя достоинства Оттона, папа восклицаетъ, что можетъ похвалиться словомъ Господнимъ и сказать, что нашелъ человѣка по сердцу своему: „О, драгоцѣнный сынъ мой, моя душа такъ слилась съ твоею, и сердце твое такъ срослось съ моимъ, что, какъ мнится намъ, мы какъ будто одного и того же хотимъ и желаемъ, какъ будто составляетъ одну душу и единое сердце; какую можно ожидать отъ этого пользу, того ни перомъ нельзя написать, ни языкомъ сказать, ни даже умомъ помыслить. Ибо намъ двоимъ, главнымъ образомъ, поручено управленіе этимъ міромъ; если мы будемъ единодушны и согласны въ добрѣ, то на самомъ дѣлѣ, какъ сказалъ пророкъ, солнце и луна будутъ идти своимъ чередомъ, кривда станетъ правдой, и все шероховатое сдѣлается ровнымъ, такъ какъ намъ двоимъ съ Божьей помощью ничто не можетъ препятствовать и воспротивиться, ибо въ нашихъ рукахъ оба меча, о которыхъ Господь сказалъ апостоламъ: „довольно ихъ!“ Ибо священническій авторитетъ и царская власть, присущіе намъ въ своемъ высшемъ проявленіи, которые обозначаются тѣми двумя мечами, совершенно довлѣютъ благополучному исполненію своего назначенія, если только каждый изъ насъ будетъ мощно поддерживать другого. А такъ именно полезно и такъ должно быть, чтобы каждая сторона находила у другой дѣйствительную помощь для того, чтобы порядокъ міра, пришедшаго отъ изобилія зла къ полному разоренію, нашими работами былъ возстановленъ съ искорененіемъ въ немъ пороковъ и насажденіемъ добродѣтели“.

Послѣдняя часть письма принимаетъ болѣе дѣловой характеръ; папа озабоченъ тѣмъ, чтобы удалить всѣ спорные пункты по дѣламъ римской вотчины и обезпечить исполненіе щедрыхъ обѣщаній, данныхъ Оттономъ куріи. Несмотря, однако, на эту тѣнь, пробѣгающую по письму, нельзя думать, чтобы Иннокентій въ перепискѣ съ новымъ императоромъ не переживалъ, дѣйствительно, моментовъ идеальнаго настроенія, когда передъ нимъ раскрывалась широкая перспектива плодотворной дѣятельности: притязанія папства осу-

ществились; папа на самомъ дѣлѣ имѣлъ право утверждать, что въ его рукахъ источникъ и вѣнецъ императорской власти, и чего нельзя было бы достигнуть съ покорнымъ и преданнымъ императоромъ, который всѣмъ былъ обязанъ римской церкви?

И, однако, для Иннокентія было бы лучше, если бы ему не выпало на долю это торжество; для него было бы менѣе тяжело претерпѣть много зла отъ своего явнаго противника Филиппа, чѣмъ испытать то горе, которое ему готовилъ его „драгоцѣннѣйшій" сынъ. Годъ спустя по смерти Филиппа, въ 1209 г., Оттонъ прибылъ въ Римъ для коронованія. Торжественный обрядъ совершился въ полномъ порядкѣ. При выходѣ изъ собора императоръ, по обычаю, держалъ стремя папы, и оба потомъ верхами отправились съ блестящей свитой въ Латеранъ, чтобы отпраздновать торжество. Торжество было омрачено, какъ бывало иногда и прежде, кровавымъ столкновеніемъ между римскимъ населеніемъ и войсками императора, которыя считали себя въ правѣ требовать угощенія. Въ стычкѣ погибло много людей, и еще больше пало лошадей рыцарской свиты. Оттонъ потребовалъ вознагражденія, и отказъ папы былъ первымъ поводомъ къ недоразумѣнію между ними. Это было печальной случайностью, но недоразумѣніе приняло болѣе роковой и неизбѣжный характеръ, когда Оттонъ, надѣвъ на себя императорскую корону, проникся традиціей своихъ предшественниковъ и захотѣлъ вступить во всѣ ихъ права относительно свѣтской власти въ Италіи и въ Церковной Области. Иннокентій увидѣлъ предъ собою врага, превзошедшаго тѣхъ, кто былъ изъ породы тирановъ. Мы не станемъ слѣдить за подробностями и перипетіями новой распри между царствомъ и священствомъ. Уже въ слѣдующемъ году Иннокентій отлучилъ Оттона отъ церкви и объявилъ князей Германіи свободными отъ вѣрности тому, кто „не остается вѣрнымъ Богу и церкви". Но декреталіями нельзя было побороть Оттона, и Иннокентію пришлось противъ Оттона прибѣгнуть къ помощи ненавистныхъ церкви Гогенштауфеновъ и содѣйствовать притязаніямъ на отцовскій престолъ юнаго Фридриха, несостоятельность котораго и пагубное значеніе для церкви онъ такъ систематически изложилъ предъ всѣмъ міромъ. Послѣ трехлѣтней борьбы Фридрихъ одолѣлъ своего соперника и въ 1215 году, незадолго до смерти Иннокентія, самый юный изъ трехъ избранниковъ короновался въ Ахенѣ короной Германіи. Авторъ трактата о презрѣнности міра и людей имѣлъ за это время много поводовъ убѣдиться въ справедливости своей нравственной теоріи, и много глубокой

горечи находимъ мы за эти годы въ перепискѣ Иннокентія. „Господу и вамъ,—пишетъ онъ архіепископу равенскому,—жалуемся мы на императора, который, не помня нашихъ благодѣяній и забывъ свои обѣщанія, воздалъ намъ зломъ за добро, ненавистью за любовь, обидою за милость, оскорбленіемъ за почетъ; какъ нечестивый сынъ, онъ началъ съ угнетенія своей матери, которая со всѣмъ усердіемъ старалась, противъ общаго, почти всѣхъ, желанія, возвысить его на престолъ, какъ это вамъ и другимъ вполнѣ извѣстно; многіе теперь глумятся надъ нами, говоря, что мы по заслугамъ страдаемъ, такъ какъ сами сковали мечъ, которымъ намъ нанесена тяжелая рана; но пусть глумителямъ отвѣтитъ за насъ Всевышній, которому вѣдома чистота нашихъ помысловъ и который, какъ видно изъ Писанія, самъ не безъ причины о себѣ сказалъ: „жалѣю, что создалъ человѣка“.

Священство и царство.

Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, вмѣшательство Иннокентія III въ дѣло имперіи было для него источникомъ многихъ разочарованій и ударовъ, тяжелыхъ для его личнаго чувства. И однакоже, въ вѣковомъ антагонизмѣ между папствомъ и имперіей именно Иннокентій III окончательно склонилъ вѣсы въ пользу духовной власти. Иннокентій засталъ дѣло въ такомъ положеніи, что въ Римѣ командовалъ императорскій префектъ, а римскій епископъ былъ менѣе обезпеченъ въ своихъ свѣтскихъ правахъ и въ своей независимости отъ свѣтской власти, чѣмъ любой изъ епископовъ Священной римской имперіи, и, воспользовавшись обстоятельствами, Иннокентій смѣло провозгласилъ теорію, въ силу которой самое могущественное государство тогдашняго времени становилось вотчиной св. Петра, а преемникъ римскихъ цезарей и Карла Великаго—простымъ ставленникомъ римскаго епископа. Иннокентій нашелъ императора, который изъ личныхъ видовъ далъ свое согласіе на эти притязанія, и, несмотря на энергическіе протесты нѣмецкихъ князей, аргументація Иннокентія III вошла въ декреталіи, т.-е. стала каноническимъ закономъ для всего западнаго міра.

Въ отвѣтъ посламъ короля Филиппа Иннокентій подвелъ спорный вопросъ объ избраніи преемника Генриху VI подъ общую теорію о преимуществѣ священства надъ царствомъ. Аргументація вращается отчасти въ представленіяхъ, взятыхъ изъ дѣйствительныхъ отношеній между духовною и свѣтскою властью. Достойнѣе тотъ, кто получаетъ десятину, чѣмъ тотъ, кто ее платитъ; ниже

стоитъ тотъ, кто получаетъ благословеніе, чѣмъ тотъ, кто его даетъ; достойнѣе тотъ, кто даетъ помазаніе, чѣмъ помазанникъ, и т. д. Еще болѣе важны по своимъ послѣдствіямъ и еще сильнѣе выражаютъ притязанія папской власти примѣненныя къ данному вопросу толкованія разныхъ текстовъ Св. Писанія. Въ нихъ ясно проглядываетъ намѣреніе отождествить духовную власть съ божественною, чтобы поставить ее выше свѣтской власти. Слова книги Бытія о Мельхиседекѣ, что онъ былъ „царемъ государства и слугою Всевышняго", даютъ Иннокентію поводъ противопоставить государству божество (civitatem et divinitatem) и сопоставить съ различіемъ между ними подобное различіе между царемъ и священникомъ. Текстъ изъ книги Исхода (XXII, 28): „Судей не злословь и начальника въ твоемъ народѣ не поноси", истолковывается Иннокентіемъ такъ, что „Господь священниковъ назвалъ богами, а царей начальниками". Другой текстъ даетъ поводъ отождествить священника съ ангеломъ Пасхи; эта дальнѣйшая аргументація уже кажется ослабленіемъ. „Князьямъ дана власть на землѣ, а священникамъ на небѣ. Одни поставлены надъ тѣломъ, другіе—надъ душою, и насколько душа достойнѣе тѣла, настолько священникъ достойнѣе царя".

Вторая часть аргументаціи принимаетъ историческій характеръ: „ибо священство не только превосходитъ царство по достоинству, но и по времени... Оба они, какъ царство, такъ и священство, учреждены были для народа Божьяго; но священство—по Божьему постановленію, царство же—вслѣдствіе людского вымогательства (per extorsionem)". Что у евреевъ священство предшествовало царству—легко было подтвердить всѣмъ извѣстными фактами; но чтобы не осталось сомнѣнія относительно такого же хода дѣла у язычниковъ, у которыхъ, по свидѣтельству Писанія, царство ведетъ свое начало отъ Бэла у ассирійцевъ, а отъ Немврода—у вавилонянъ, Иннокентій указываетъ на то, что Ной предшествовалъ этимъ царямъ и былъ правителемъ надъ ковчегомъ, т.-е. „какъ бы священникомъ церкви".

Точно также и далѣе преимущество священства надъ царствомъ доказывается не только происхожденіемъ, но и всей ихъ исторіей. Противъ того и другого воздвигнуты были соблазнъ и расколъ; но расколъ не одолѣлъ священства, какъ показываетъ исторія еврейскаго народа; расколъ же, воздвигнутый противъ царства, не былъ усмиренъ, а превозмогъ, какъ то свидѣтельствуетъ исторія царя Саула. Точно также и въ дальнѣйшемъ теченіи времени не

священство, а царство подверглось раздѣленію послѣ Соломона. Но алтарь съ золотымъ тельцомъ, воздвигнутый у израильтянъ, былъ сокрушенъ, и рука царя сожжена, раздѣленіе же царства іудейскаго осталось до конца. И что̀ случилось въ ветхомъ Завѣтѣ, то повторилось и въ новомъ; одновременно произошло раздѣленіе какъ священства, такъ и царства при папѣ Иннокентіи II и при королѣ Лотарѣ. Противъ Иннокентія возсталъ Анаклетъ, противъ Лотаря—Конрадъ. Но въ обоихъ случаяхъ взяли верхъ католики—ибо Иннокентій короновалъ Лотаря — и потерпѣли пораженіе схизматики Анаклетъ и Конрадъ, ибо правда побѣждаетъ кривду. То же повторилось и при папѣ Александрѣ III, когда императоръ Фридрихъ, не какъ защитникъ церкви, а какъ притѣснитель ея, содѣйствовалъ схизмѣ и благопріятствовалъ схизматикамъ. Но схизма погибла съ схизматиками. Нынѣ же церковь, по милости Божіей, состоитъ въ единствѣ, имперія же, въ силу грѣховъ, раздѣлена. Церковь, однако, воздаетъ царству не тѣмъ, что отъ него получила, но соболѣзнуетъ ему. Впрочемъ, къ апостольскому престолу давно уже надо было обратиться, и ему это дѣло подлежитъ, такъ какъ онъ перенесъ имперію съ востока на западъ, и по его же усмотрѣнію дается императорскій вѣнецъ.

„Священство выше царства по достоинству, по назначенію и по происхожденію“. Это положеніе можно считать краеугольнымъ камнемъ средневѣковаго міровоззрѣнія — его основаніе можно найти уже въ „божескомъ царствѣ“ Августина; но теперь новое примѣненіе получаетъ эта формула: если священство достойнѣе царства, то въ силу того оно имѣетъ право требовать себѣ его подчиненія, и такъ какъ священство олицетворяется папою, то формула эта на практикѣ приводила теперь къ требованію, чтобы свѣтскія власти подчинялись папѣ и въ свѣтскихъ вопросахъ.

Вотъ въ этомъ заключается новый поворотъ въ средневѣковой жизни, насколько она находилась подъ вліяніемъ папства, и нельзя не сказать, что виновникомъ этого поворота былъ въ значительной степени Иннокентій III. Ему же принадлежитъ значительная доля отвѣтственности въ томъ, что папство, ставъ во главѣ церкви, какъ божескаго царства, признало царствованіе своимъ призваніемъ на землѣ и распростерло свою власть изъ области духовныхъ интересовъ въ свѣтскіе. Этотъ процессъ, обнаружившійся яснѣе въ XIII в. послѣ Иннокентія III, привелъ къ паденію римской церкви, а вмѣстѣ съ нею и средневѣковаго міровоззрѣнія. Требуя себѣ подчиненія свѣтскихъ интересовъ во имя своего духовнаго значе-

нія, папство, повидимому, выиграло и достигло небывалаго величія и авторитета; но это было самообольщеніе, потому что чѣмъ болѣе оно связывало себя свѣтскими интересами, чѣмъ болѣе оно ими поглощалось, тѣмъ болѣе матеріализировалась и затемнялась представляемая имъ идея, которой оно было обязано своею силою, и тѣмъ слабѣе, слѣдовательно, становился его авторитетъ.

Личность Иннокентія.

Въ Римѣ сосредоточивалась такая масса мірскихъ дѣлъ и заботъ, съ которою могла справляться только такая могучая и энергическая личность, какъ Иннокентій III. Но самъ Иннокентій—былъ ли онъ дѣйствительно въ состояніи справляться съ своими обязанностями? Черезъ всю его переписку постоянно тянется жалоба, что онъ изнемогаетъ подъ бременемъ дѣлъ. Онъ неоднократно въ ней заявляетъ, что „не желаетъ, какъ и не долженъ того желать—отдавать предпочтеніе мірскому предъ духовнымъ“. Но имѣлъ ли онъ, при условіяхъ, въ которыхъ находился, возможность постепенно „избирать вѣрный путь“, чтобы, какъ онъ выражается, „не пренебрегать свѣтскими интересами и въ то же время *выше ихъ* ставить, какъ и слѣдовало, духовные“ (II, 202)? Нужно отдать справедливость Иннокентію: въ своей личной жизни онъ старался, сколько могъ, среди житейскихъ волненій не терять изъ вида духовной цѣли. Такъ, среди заботъ объ управленіи міромъ Иннокентій находитъ досугъ, чтобы написать рядъ проповѣдей передъ Рождествомъ на тему о пришествіи Христовомъ. Онъ дѣлаетъ это, чтобы „вырваться изъ заботъ мірскихъ, которыя подъ давленіемъ злобы времени сильно меня отягощаютъ, и не пренебречь вовсе духовною заботою, которая ради обязанности апостольскаго служенія въ особенности на мнѣ лежитъ“. Но въ самомъ посвященіи этихъ 29 проповѣдей аббату Арнульфу Иннокентій мѣтко изображаетъ состояніе своего духа, и въ этомъ изображеніи нельзя видѣть только обычное авторское оправданіе. „О, если бы я по обязанности проповѣдника самъ исполнялъ то, о чемъ сейчасъ говорилъ! но я подавленъ скопленіемъ столькихъ процессовъ, опутанъ узами столькихъ дѣлъ, что по необходимости, разбившись по частямъ, я долженъ оказаться болѣе слабымъ по каждой отдѣльной части. Предаваться созерцанію мнѣ не дозволено, ибо даже дышать мнѣ не даютъ. Я такъ отданъ другимъ, что почти пересталъ принадлежать самому себѣ“. При такомъ обремененіи дѣлами страдали не только духовныя обязанности, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ были неизбѣжныя упущенія, какъ въ этомъ искренно признается Иннокентій въ письмѣ къ архіепископу пизанскому,

которому, вмѣстѣ съ другими лицами, папою былъ порученъ сборъ денегъ въ пользу крестоваго похода (I,409). Папа оправдывается предъ ними въ томъ, что, хотя онъ не припомнитъ, „*точно* ли онъ выразился“ въ письмѣ къ нему, но во всякомъ случаѣ намѣреніе его было таково, чтобы собранная сумма денегъ была употреблена по назначенію, а въ Римъ былъ доставленъ только общій ея итогъ. „Если же въ письмѣ, нами къ вамъ посланномъ, можетъ быть, что-нибудь и содержится въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ собранныя деньги прислать намъ, то это произошло не по нашему намѣренію, а вслѣдствіе излишества занятій, относительно которыхъ мы должны сказать, что чѣмъ бо̀льшему количеству предметовъ мы посвящаемъ наше вниманіе, тѣмъ менѣе тщательно мы въ состояніи подумать о каждомъ отдѣльно“.

Вотъ это признаніе Иннокентія: „Чѣмъ больше дѣлъ мы охватываемъ, тѣмъ менѣе съ ними справляемся“, могло бы служить эпиграфомъ для его правленія и характеристикой для созданнаго имъ положенія дѣла.

Если личность, одаренная такой энергіей и такой страстью къ дѣятельности, жаловалась, что ей непосильна задача, взятая на себя папствомъ, то что же приходилось сказать о другихъ, менѣе способныхъ и мощныхъ преемникахъ Иннокентія III? Судьба Европы стала зависѣть отъ того случайнаго обстоятельства, кого именно запертые въ конклавѣ кардиналы возведутъ на престолъ св. Петра. Но не въ этомъ только заключалась ненормальность положенія, въ которомъ находилось папство. Чѣмъ энергичнѣе былъ папа, чѣмъ болѣе онъ отдавался своему призванію, тѣмъ болѣе онъ приходилъ въ соприкосновеніе съ міромъ, тѣмъ рѣзче онъ долженъ былъ проявлять въ немъ свою власть, тѣмъ болѣе зависимъ становился онъ отъ лицъ, служившимъ ему орудіемъ, тѣмъ болѣе онъ нуждался въ золотѣ, чтобы содержать своихъ многочисленныхъ служителей,— однимъ словомъ, тѣмъ болѣе духовная власть папы принимала мірской характеръ. Такимъ образомъ, должны были все болѣе и болѣе мельчать и понижаться идеальныя задачи папства, средства для достиженія этихъ задачъ становились цѣлью, и божеское царство Августина превращалось въ вотчину св. Петра.

XXXIII.

Фридрихъ II Гогенштауфенъ.

Положеніе Фридриха II въ исторіи.

Первая половина XIII столѣтія была послѣднимъ актомъ вѣковой борьбы имперіи и папства [1]). Несмотря на кажущуюся побѣду папства, исходъ ея былъ одинаково печаленъ для обѣихъ сторонъ, такъ какъ оба эти непримиримыя начала взаимно подорвали другъ друга. Ни имперія, ни папство не оказались способными осуществить идею универсальной монархіи, на которой было основано все церковно-политическое развитіе среднихъ вѣковъ. XIII вѣкъ носитъ въ себѣ уже вѣяніе новаго времени, но пока этотъ новый порядокъ намѣчается на фонѣ стараго, и отсюда та двойственность, которую мы наблюдаемъ въ представителяхъ этого вѣка. Стоитъ только сопоставить Фридриха II съ Людовикомъ IX, чтобы понять какъ далеко могутъ отстоять другъ отъ друга во времени два современные дѣятеля. Въ то время какъ Людовикъ является представителемъ прошедшаго, воплощая въ себѣ лучшія качества средневѣковаго государя, Фридрихъ вноситъ съ собою въ XIII столѣтіе такія черты, которыя значительно опережаютъ его время. Это обстоятельство даетъ личности Фридриха очень сложный характеръ. Сравнительно легко дать характеристику любого изъ его предшественниковъ на императорскомъ престолѣ. Фридрихъ Барбаруcса, Оттонъ I, Карлъ В. настолько цѣльныя личности, что кажется нетруднымъ проникнуть въ ихъ душу и представить себѣ ихъ характеръ и образъ мыслей.

Пособія: *Zeller*, Frederic II et la chute de l'empire; *Schirrmacher*, Friedrich II; *Gregorovius*, Geschichte der Stadt Rom, V. B.

[1]) См. статьи „Религіозно-общественный идеалъ папы Григорія VII“ „Ломбардскіе города въ XII в.“.

Фридрихъ II не поддается такъ легко анализу. Гогенштауфенъ по отцу, онъ носитъ нѣмецкое имя и крѣпко держится за высокое представленіе о Священно-римской имперіи, которое оставили ему въ наслѣдство отецъ и дѣдъ. Норманнъ по матери, онъ чувствуетъ себя дома въ своемъ Сицилійскомъ королевствѣ и лишь въ минуты необходимости появляется въ Германіи, интересами которой онъ нерѣдко жертвуетъ ради другихъ цѣлей. Стоя во главѣ средневѣковаго католическаго общества, Фридрихъ вращается среди чуждыхъ ему восточныхъ элементовъ и по степени своего образованія, по религіозному индифферентизму и широкому пользованію жизнью является предвѣстникомъ далекой еще эпохи Возрожденія. Наконецъ, по своему государственному идеалу и по смѣло задуманной попыткѣ осуществить его въ Сициліи, этотъ средневѣковый государь носитъ въ себѣ черты, которыя были бы умѣстны въ представителѣ просвѣщеннаго абсолютизма XVIII вѣка.

Дѣтство Фридриха.

Единственный и давно жданный сынъ Генриха VI и Констанціи родился въ маленькомъ городкѣ Іези (Iesi) въ Анконской маркѣ 26 дек. 1194 г. и при крещеніи получилъ имя Фридриха-Рожера. Это были имена двухъ его дѣдовъ, и они указывали ребенку на двѣ короны, которыя его ожидали. Одна изъ нихъ—сицилійская—была наслѣдственная, а другая — императорская — казалось, была обезпечена ему рѣшеніемъ германскихъ князей, избравшихъ его римскимъ королемъ на сеймѣ въ Франкфуртѣ 1196 г. Давно уже имперія не стояла на такой высотѣ, какъ въ этомъ году. Генрихъ VI, силою утвердившійся въ Сициліи, замышлялъ уже сдѣлать корону Священно-римской имперіи наслѣдственной въ своемъ домѣ и въ то же время мысленно протягивалъ руку къ коронѣ имперіи восточной. Его преждевременная смерть въ 1197 г. сразу погубила всѣ достигнутые имъ результаты. Его малолѣтній сынъ оказался вассаломъ папы и не былъ увѣренъ даже въ своей сицилійской коронѣ, а въ Германіи отъ него отвернулись не только вельфы, избравшіе королемъ Оттона IV, но и гибеллины, поневолѣ промѣнявшіе его на Филиппа Швабскаго. И какъ разъ въ это трудное для имперіи время самый яркій представитель папскихъ стремленій, Иннокентій III, занялъ римскій престолъ и сталъ опекуномъ маленькаго Фридриха, который въ концѣ 1198 г. потерялъ мать и остался круглымъ сиротой, не имѣя еще 4 л. отъ роду.

Дѣтство Фридриха прошло при такой печальной обстановкѣ, которая напоминаетъ намъ юные годы Іоанна Грознаго. Онъ былъ игрушкой въ рукахъ партій, которыя, захватывая въ свои руки

власть, завладѣвали и особой короля. Вождь одной изъ нихъ, Каппароне, держалъ при себѣ Фридриха, какъ плѣнника. Все разноплеменное населеніе Сициліи пришло въ броженіе. Итальянцы думали, что со смертью Генриха VI можно будетъ свергнуть нѣмецкое иго, нѣмцы въ лицѣ Маркварда Анвейлера и маркграфа Дипольда Фобурга упорно отстаивали свое положеніе; арабы на островѣ подняли мятежъ, такъ какъ боялись, что изъ Рима посягнутъ на ихъ религіозную свободу. Но главное, около Фридриха не было лицъ, искренне ему преданныхъ, на которыхъ онъ могъ бы положиться. Мальчикъ рано пришелъ къ убѣжденію, что онъ долженъ разсчитывать только на самого себя. Злое чувство противъ окружающихъ накоплялось въ душѣ Фридриха, и въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ восклицаетъ: „Кто видѣлъ когда-нибудь столь преступныхъ людей, столь безстыдныхъ злодѣевъ? Когда случалось королю, полному стремленія мощно править съ высокаго престола, карать подобныя злодѣянія?“ Тяжелая школа, пройденная въ дѣтствѣ, подавила въ немъ сердечность и искренность, но дисциплинировала его сильный умъ и воспитала въ немъ сильную волю. Онъ научился скрывать свои истинныя намѣренія, итти къ цѣли такъ, чтобы противники этого не замѣчали, научился извлекать возможно большую пользу для себя изъ лицъ и обстоятельствъ, съ которыми онъ встрѣчался. Фридрихъ не стѣснялся впослѣдствіи въ трудную минуту брать на себя извѣстныя обязательства, отъ исполненія которыхъ онъ отказывался, когда успѣхъ переходилъ на его сторону. Онъ имѣлъ передъ глазами хорошій примѣръ подобной политики въ лицѣ своего канцлера Вальтера Палеара, архіепископа Троянскаго, умѣвшаго сохранить свое положеніе при всѣхъ партіяхъ и потерявшаго его лишь по совершеннолѣтіи Фридриха.

Съ 14-тилѣтняго возраста воспитателемъ Фридриха становится Ченчіо Савелли, впослѣдствіи папа Гонорій III. При исключительныхъ дарованіяхъ и любознательности Фридрихъ не могъ не сдѣлать успѣховъ независимо отъ свойствъ своихъ наставниковъ. Въ письмахъ Иннокентія III мы часто встрѣчаемъ указанія на эти успѣхи. „Со дня на день становится король умнѣе и благоразумнѣе“, пишетъ онъ королю Арагонскому въ 1204 г., а черезъ 4 года онъ сообщаетъ тому же лицу: „Окрыленными стопами вступаетъ онъ въ годы зрѣлости и, опережая возрастъ своими дарованіями, онъ достойнымъ удивленія образомъ кладетъ начало своего счастливаго правленія“.

Образованіе Фридриха.

Широкое и разностороннее образованіе Фридриха станетъ намъ понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что его культурная обстановка была настолько же благопріятна, насколько политическая и домашняя были печальны. Сицилія XIII в. была счастливымъ пунктомъ, гдѣ сходились, дополняя другъ друга, образованности латинская, византійская и арабская. Не даромъ Палермо того времени называли трехъязычнымъ городомъ. Въ этомъ оживленномъ торговомъ пунктѣ собралось самое пестрое населеніе, составленное изъ всѣхъ народностей, обитавшихъ по побережью Средиземнаго моря, и свободно встрѣчались три религіи: христіанская, магометанская и еврейская. Духовная жизнь была шире и свободнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Здѣсь одновременно можно было изучать римское право и науки, принесенныя греками и арабами, поэзію провансальскую, которая уже вымирала, и поэзію итальянскую, которая только зарождалась.

Фридрихъ широко воспользовался тѣмъ, что давало ему современное состояніе знанія въ южной Италіи. Онъ хорошо зналъ науки математическія и естественныя, изучалъ астрономію и неразрывную съ ней въ то время астрологію. Его трактатъ о соколиной охотѣ („De arte venandi cum avibus“) обнаруживаетъ въ немъ солидныя познанія въ анатоміи и зоологіи. Свой интересъ къ послѣдней наукѣ онъ доказалъ и тѣмъ, что составлялъ цѣлые звѣринцы изъ рѣдкихъ животныхъ, которые сопровождали его даже въ походахъ. Фридрихъ занимался также медициной, хирургіей и ветеринарнымъ искусствомъ, самъ составлялъ рецепты. Къ языкамъ онъ имѣлъ особенныя способности: кромѣ итальянскаго и нѣмецкаго, онъ владѣлъ французскимъ, греческимъ, даже арабскимъ. Онъ писалъ стихи на языкахъ латинскомъ и итальянскомъ, и Данте въ своемъ De vulgari eloquio называетъ его однимъ изъ родоначальниковъ итальянской поэзіи. Около него группируется цѣлая школа сицилійскихъ трубадуровъ, которые по образцу своихъ провансальскихъ собратьевъ воспѣваютъ любовь и наслажденіе. Въ числѣ ихъ, слѣдуя примѣру своего государя, находятся и важные сановники въ родѣ Петра Винеа. Будучи тонкимъ знатокомъ античнаго искусства, Фридрихъ переноситъ въ Палермо мраморныя колонны Равеннскаго храма, а воздвигнутые имъ дворецъ въ Фоджіо и замокъ въ Капуѣ представляютъ въ своей архитектурѣ ту изящную гармонію, въ которой чувствуется уже будущій стиль Возрожденія.

Но знаніе не было для Фридриха лишь предметомъ любознательности: онъ видѣлъ въ немъ важный элементъ общественнаго

благополучія. Чтобы распространить образованіе въ своемъ государствѣ, онъ основываетъ университетъ въ Неаполѣ. Въ грамотѣ, изданной по этому случаю въ 1224 г. и разосланной по всему королевству, онъ говоритъ между прочимъ, что въ Неаполѣ будутъ преподаваться всѣ науки для того, „чтобы алчущіе знанія находили нужную для нихъ пищу въ самомъ королевствѣ и не были вынуждены ради образованія покидать свое отечество и выпрашивать его, какъ милостыню, за границей". Фридрихъ беретъ подъ свое покровительство и знаменитую медицинскую школу въ Салерно: въ 1231 году онъ издаетъ распоряженіе, воспрещающее врачамъ практиковать въ Сицилійскомъ королевствѣ иначе, какъ съ разрѣшенія этой школы. Онъ привлекаетъ къ своему двору ученыхъ и писателей, напр., Леонардо Пизанскаго, знаменитаго математика, введшаго неизвѣстную прежде христіанамъ алгебру и посвятившаго императору свой „Трактатъ о квадратныхъ числахъ", и Михаила Скота, который перевелъ для него многіе трактаты Аристотеля и въ числѣ ихъ „Исторію животныхъ". Посылая эти переводы въ Неаполитанскій университетъ, Фридрихъ пишетъ: „наука должна итти наравнѣ съ законами и оружіемъ, безъ нея человѣкъ не можетъ достойно воспользоваться своею жизнью". „Мы думали",—продолжаетъ онъ дальше, — „что намъ не будетъ удовольствія пользоваться ими (переводами), если мы не сдѣлаемъ ихъ доступными и для другихъ. Никто не имѣетъ бо̀льшаго права на источникъ античной мудрости, какъ тотъ, кто пользуется имъ для утоленія жажды къ знанію юношества". Въ письмѣ къ жителямъ Верчеллъ Фридрихъ идетъ еще далѣе и высказываетъ мысль, которая сдѣлала бы честь дѣятелю и болѣе поздняго времени: „Мы считаемъ выгоднымъ для себя давать нашимъ подданнымъ возможность образованія, наука сдѣлаетъ ихъ болѣе способными управлять и собой и государствомъ". Подобныя просвѣтительныя идеи, несомнѣнно, знаменательны въ устахъ государя XIII в., даже если мы примемъ во вниманіе, что практическая дѣятельность императора не всегда имъ строго соотвѣтствовала.

Покровительствуя наукѣ, Фридрихъ не обращаетъ вниманія на вѣроисповѣданіе ученаго. Ученый еврей Іаковъ Бенъ-Абба-Вари, поселившійся въ Неаполѣ, благодаритъ Бога за то, что Онъ „вложилъ въ сердце господина его, императора и короля Фридриха, любовь къ знанію и къ тѣмъ, кто его разрабатываетъ, и сдѣлалъ его столь благосклоннымъ, что онъ заботится о нуждахъ ихъ самихъ и ихъ семействъ". Фридрихъ находится въ постоянныхъ сноше-

ніяхъ съ арабскими учеными въ Египтѣ, Испаніи и Африкѣ, онъ ставитъ имъ всевозможные философскіе вопросы, и текстъ ихъ вмѣстѣ съ отвѣтами ученыхъ сохранился на арабскомъ языкѣ подъ названіемъ „Сицилійскихъ вопросовъ". Впрочемъ, не одни только научные интересы отличали дворъ Фридриха. Роскошная природа Сициліи, старыя традиціи норманнскаго двора и сильное вліяніе Востока создали здѣсь ту свободу нравовъ, которая дала потомъ римской куріи богатый матеріалъ для нападокъ на частную жизнь Фридриха. Въ этой послѣдней области Фридрихъ былъ дѣйствительно далекъ отъ церковнаго идеала, и нѣкоторымъ оправданіемъ ему могло служить только то, что заключаемые имъ брачные союзы носили преимущественно политическій характеръ. Въ 1209 г. 14-ти лѣтъ отъ роду онъ вступаетъ въ свой первый бракъ съ Констанціей Арагонской, чтобы пріобрѣсти поддержку ея брата. Констанція была уже вдовою короля Эммериха Венгерскаго и значительно старше Фридриха. Вторично Фридрихъ женится въ 1225 г. на Іолантѣ, дочери Іоанна Бріенскаго, и благодаря ей пріобрѣтаетъ права на Іерусалимское королевство. Черезъ 10 лѣтъ въ Кельнѣ былъ отпразднованъ третій бракъ императора съ Изабеллой Англійской, при чемъ опять политическіе расчеты имѣли для него болѣе значенія, чѣмъ прославленная красота принцессы. Обладая пылкимъ темпераментомъ южанина, Фридрихъ создавалъ себѣ въ своихъ замкахъ, какъ, напр., въ Лючерѣ, обстановку, умѣстную при дворѣ какого-нибудь восточнаго султана. Побочныя дѣти императора стояли всегда очень близко къ престолу, и во всякомъ случаѣ Энціо и Манфредъ были ближе его сердцу, нежели рожденные императрицами Генрихъ и Конрадъ.

Отношеніе къ церкви.

Воспитанный среди этой свободы мысли и чувства, Фридрихъ и по отношенію къ церкви долженъ былъ занять болѣе самостоятельное положеніе. Очень трудно представить себѣ ясно религіозныя воззрѣнія императора. На современныя показанія не всегда можно полагаться, такъ какъ сторонники папства не останавливались передъ самыми неосновательными обвиненіями, а съ другой стороны нѣкоторыя рѣзкія выраженія, вырвавшіяся у Фридриха во время его послѣдней борьбы съ Римомъ, не могутъ выражать его истинныхъ убѣжденій. Григорій IX доходилъ до того, что открыто обвинялъ императора въ невѣріи и самомъ крайнемъ матеріализмѣ. Альбертъ Бегамскій увѣрялъ, что Фридрихъ не вѣрилъ въ безсмертіе души [1]).

---

[1]) Очень рѣзко выражаются объ отношеніяхъ Фридриха къ религіи и другіе

Эти обвиненія остались, конечно, недоказанными, несомнѣнно, что Фридрихъ не былъ правовѣрнымъ католикомъ въ духѣ XIII вѣка. Непримиримая ненависть церкви къ Фридриху вытекала изъ вѣрнаго убѣжденія, что императоръ не преклонится добровольно передъ Римомъ. Церковь не могла дѣйствовать на него ни тѣмъ обаяніемъ, которое она имѣла въ глазахъ вѣрующаго, ни суевѣрнымъ страхомъ, которымъ она дѣйствовала на грубую толпу. Фридрихъ ясно видѣлъ недостатки современной церкви, и если онъ и служилъ ея интересамъ, когда это было ему нужно, то онъ громко указывалъ на нихъ во время своей борьбы съ папами. Напоминая, что „первобытная церковь имѣла своими основами бѣдность и простоту", онъ осуждалъ роскошь и богатство современнаго духовенства и во время разгара борьбы смѣло бралъ на себя иниціативу ея реформы. „Помогите намъ",—писалъ онъ,—„противъ этихъ гордыхъ прелатовъ, чтобы мы могли утвердить нашу матерь, церковь, давши ей вождей, болѣе достойныхъ править ею, и чтобы мы могли согласно нашему долгу исправить ее для блага ея и славы Божіей!" Фридрихъ завидуетъ тѣмъ государямъ, которые соединяютъ духовную и свѣтскую власть въ своихъ рукахъ. „Счастливая Азія!" — восклицаетъ онъ въ письмѣ къ одному греческому властителю,—„счастливыя державы Востока, которымъ нечего бояться ни оружія своихъ подданныхъ, ни интригъ своихъ первосвященниковъ!" Но въ то же время Фридрихъ возвращается на средневѣковую точку зрѣнія, когда ему нужно окружить божественнымъ ореоломъ свою императорскую власть. Римъ не могъ быть доволенъ, слыша, какими выраженіями стали пользоваться при императорскомъ дворѣ. „Наша обязанность", — говоритъ Фридрихъ,— „любить Іези, благородный городъ Марки, гдѣ наша божественная мать произвела насъ на свѣтъ, и гдѣ распространился блескъ нашей колыбели. Никогда эта благословенная земля, этотъ Виѳлеемъ, гдѣ Цезарь увидѣлъ свѣтъ, не изгладится изъ нашей памяти и изъ нашего сердца". Его окружающіе раздѣляютъ его идеи, и одинъ изъ нихъ пишетъ: „Богъ установилъ на землѣ своимъ сподвижникомъ и намѣстникомъ римскаго императора, государя по имени и на дѣлѣ, божественный духъ котораго въ рукахъ Бога, направля-

---

писатели въ родѣ Мартина Минорита или Іоанна Винтентура. Такъ, первый въ своей хроникѣ „Flores temporum" заставляетъ императора высказывать предположеніе, что если бы князья согласились съ его установленіями, то онъ сумѣлъ бы лучше предписать всѣмъ народамъ, какъ нужно жить и вѣровать.

ющаго его по Своему желанію". Отсюда одинъ шагъ, чтобы изъ канцлера Петра Винеа сдѣлать апостола Петра: „Петръ, на камнѣ котораго основана императорская церковь, Петръ, на груди котораго отдыхаетъ душа Августа, когда онъ раздѣляетъ тайную вечерю со своими учениками". Мистическое настроеніе, порожденное недовольствомъ современною церковью, распространялось по Италіи и было на руку императору. Въ Калабріи еще въ концѣ прошлаго вѣка благочестивый аббатъ Іоахимъ Флоръ проповѣдывалъ „вѣчное евангеліе" и обѣщалъ наступленіе царствія Духа Св. послѣ царствій Отца и Сына. Пылкія души ждали уже появленія новой церкви, и въ одномъ стихотвореніи, которое въ Римѣ поспѣшили приписать Фридриху, но которое, по другой традиціи, принадлежитъ перу состоявшаго при императорѣ въ качествѣ переводчика Михаила Скота, мы читаемъ такія строки: „Судьба намъ возвѣщаетъ, звѣзды и полетъ птицъ намъ предсказываютъ, что будетъ только одинъ молотъ для всей вселенной. Римъ, который давно уже колеблется, вступивши на путь заблужденій, падетъ и перестанетъ быть столицей міра". Если эта идея и не дана самимъ Фридрихомъ, то во всякомъ случаѣ она согласуется съ тѣми высокими цѣлями, которыя онъ себѣ намѣтилъ.

Приобрѣтеніе императорской короны.

Царствованіе Фридриха II можно раздѣлить на три періода. Первый, отъ начала его самостоятельной дѣятельности и до 1230 года, обнимаетъ собою время, въ теченіе котораго онъ возвратилъ своему дому положеніе, утраченное послѣ смерти Генриха VI, и ради этого выдержалъ свою первую борьбу съ Римомъ. Второй періодъ занимаетъ пять слѣдующихъ самыхъ спокойныхъ, но въ то же время самыхъ важныхъ лѣтъ его царствованія, такъ какъ въ это время онъ усиленной законодательной дѣятельностью складывалъ новыя основы могущества Гогенштауфеновъ. Послѣдній періодъ начинается въ 1236 г., когда Фридрихъ начинаетъ военныя дѣйствія въ Ломбардіи, за которыми слѣдуетъ затѣмъ новый разрывъ съ папою. Тогда открывается послѣдняя рѣшительная борьба съ Римомъ, оканчивающаяся въ 1250 г. одновременно смертью императора и паденіемъ имперіи.

Фридрихъ начинаетъ самостоятельную дѣятельность въ 1208 г., объявивши себя совершеннолѣтнимъ 14-ти лѣтъ отъ роду. Его вниманіе было обращено прежде всего на Сицилію. Положеніе этого королевства было такъ смутно, что Фридриху удалось возстановить

въ немъ порядокъ лишь къ половинѣ 20-хъ годовъ. Тогда-то, усмиривъ возстаніе арабовъ на о. Сициліи, онъ переселилъ часть ихъ въ южную Италію и основалъ большія военныя колоніи въ Лючерѣ и Почерѣ. Этими арабскими силами онъ широко пользовался потомъ во время войнъ съ Римомъ. Иннокентій III, отмѣчавшій научные и государственные успѣхи своего питомца, скоро долженъ былъ замѣтить и его стремленіе къ самостоятельности. Уже въ 1209 г. по поводу назначенія архіепископа палермскаго папа дѣлаетъ ему строгое внушеніе. „Мы боимся", — пишетъ онъ Фридриху,—„что ты, введенный въ заблужденіе окружающими тебя, вступаешь на путь тѣхъ жестокихъ тиранновъ, которые, стертые съ лица земли за свои злодѣянія, подвергаются теперь жестокому возмездію. Ты долженъ довольствоваться тѣмъ земнымъ, что мы тебѣ дали, и не простирать руку къ духовной области, принадлежащей намъ одинъ. Ты долженъ подумать о томъ, — и найти въ этомъ предостереженіе для себя,—что тяжелыя времена посѣтили твое царство ради прегрѣшеній твоихъ предковъ, которые тоже посягали на духовную область".

Тѣмъ не менѣе въ Римѣ нуждались въ Фридрихѣ. Оттонъ IV, бывшій прежде послушнымъ орудіемъ папы, круто измѣнилъ свою политику, какъ только надѣлъ императорскую корону, и почувствовалъ свою силу. Иннокентій III жаловался на измѣну императора, примѣнялъ къ себѣ библейскій текстъ, гдѣ выражается раскаяніе о сотвореніи человѣка, и въ письмахъ къ Филиппу Августу сожалѣлъ о томъ, что не послушался его совѣтовъ. Но перемѣна, происшедшая въ Оттонѣ, была неизбѣжна по самой сущности отношеній между имперій и папствомъ, и, противопоставляя Оттону IV Фридриха, папа долженъ былъ сознавать, что и это орудіе измѣнитъ ему, какъ только достигнетъ цѣли, и что никакіе договоры не оградятъ надолго интересовъ римской церкви.

Въ 1212 году Фридрихъ отправился въ Германію добывать себѣ съ помощью папы ту корону, которую папа отнялъ у него 16 л. тому назадъ. По пути въ Римѣ произошло свиданіе Фридриха съ Иннокентіемъ III. Переговоры, веденные тамъ, остались для насъ неизвѣстными, но грамоты, данныя Фридрихомъ въ Эгерѣ 12 іюля 1213 года и въ Страсбургѣ 1 іюля 1216 года, открываютъ намъ тѣ уступки, которыя Фридрихъ дѣлаетъ церкви. Онъ подтверждаетъ вновь ленную зависимость Сициліи отъ Рима и обѣщаетъ немедленно по достиженіи императорской короны отказаться отъ сицилійской въ пользу своего сына Генриха. Обѣ короны не должны

быть впредь соединяемы въ однѣхъ рукахъ, и поэтому до совершеннолѣтія Генриха Сицилія управляется лицомъ, назначаемымъ папою и отвѣтственнымъ предъ нимъ. Купивши себѣ этой цѣною поддержку Рима и именуя себя королемъ „милостью Божіей и папы", Фридрихъ съ очень незначительными силами переходитъ Альпы и собираетъ вокругъ себя князей, сохранившихъ вѣрность Готенштауфенамъ. Онъ заключаетъ въ Вокулерѣ союзъ съ Филиппомъ-Августомъ, оттѣсняетъ Оттона IV къ Кельну и 9 декабря 1212 г. коронуется римскимъ королемъ въ Майнцѣ. Три года благопріятныхъ для него военныхъ дѣйствій утверждаютъ его положеніе въ Германіи. Разбитый въ іюлѣ 1214 года французами при Бувинѣ, Оттонъ теряетъ послѣднихъ своихъ союзниковъ и удаляется въ свои родовыя земли. Въ 1215 г. Фридрихъ вторично коронуется въ Ахенѣ и при этомъ исполняетъ второе настойчивое желаніе Рима: надѣваетъ на себя крестъ и обѣщаетъ лично участвовать въ крестовомъ походѣ.

Крестовый походъ.

Дальнѣйшая политика Фридриха направлена на то, чтобы избавиться отъ тѣхъ обязательствъ, которыя онъ взялъ на себя передъ Римомъ въ то время, когда нуждался въ его помощи. Главнымъ образомъ нужно было предотвратить отдѣленіе Сициліи отъ имперіи. Въ преслѣдованіи этой цѣли Фридрихъ показываетъ себя тонкимъ и беззастѣнчивымъ дипломатомъ. Правда, его задача облегчалась тѣмъ, что съ 1216 г. Иннокентія III замѣнилъ въ Римѣ бывшій воспитатель Фридриха, добродушный Гонорій III. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Фридрихъ какъ бы издѣвается надъ стараніями Рима настоять на отдѣленіи Сициліи и на осуществленіи крестоваго похода. Онъ вызываетъ маленькаго Генриха въ Германію, беретъ у него управленіе Сициліей и въ апрѣлѣ 1220 г. проводитъ его избраніе римскимъ королемъ, т.-е. своимъ преемникомъ въ Германіи. На протесты папы онъ отвѣчаетъ, что избраніе было произведено безъ его вѣдома. Въ томъ же году онъ возвращается въ Италію, уступаетъ папѣ въ безконечномъ вопросѣ о владѣніяхъ маркграфини Матильды, именуетъ себя „покорнымъ сыномъ" папы, манитъ послѣдняго надеждою на крестовый походъ и добивается этимъ путемъ вѣнчанія императорской короной съ правомъ сохранить пожизненно Сицилійское королевство. Въ день своего коронованія императоръ даетъ церкви широкія привилегіи, но этими льготами онъ, не безъ умысла, задѣвалъ свободную организацію итальянскихъ городовъ: Фридрихъ сознавалъ, что борьба съ Римомъ неизбѣжна, и старался по возможности изолировать послѣдній.

Чтобы не раздражать церковь, Фридрихъ охотно помогаетъ ей тамъ, гдѣ это не затрогиваетъ его собственныхъ интересовъ. Своими суровыми эдиктами противъ еретиковъ [1]) — а это понятіе все расширялось на языкѣ римской церкви—свободомыслящій императоръ показалъ эгоистичность своей политики и неразборчивость своихъ средствъ. Это тѣмъ болѣе характерно, что въ это же время такой строго-церковный король, какъ Людовикъ IX, отказывался приводить въ исполненіе церковныя отлученія своей свѣтскою властью. Но для Гонорія всего интереснѣе былъ вопросъ о крестовомъ походѣ, и тутъ Фридрихъ подвергалъ терпѣніе своего бывшаго наставника самому жестокому испытанію. Онъ всегда находитъ возможность отсрочить походъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Въ 1221 г. приходитъ извѣстіе о паденіи Даміетты, и папа, начиная терять терпѣніе, грозитъ императору отлученіемъ.

На личномъ свиданіи въ Вероли въ апрѣлѣ 1222 г. Фридриху удается успокоить Гонорія, и въ мартѣ слѣдующаго 1223 года назначается для обсужденія дѣла конгрессъ въ Ферентино. Здѣсь Фридрихъ беретъ на себя обязательство выѣхать въ Палестину въ 1225 году и дѣйствительно при помощи магистра тевтонскаго ордена, Германа Зальца, дѣлаетъ большія приготовленія къ походу въ Германіи и Италіи.

Въ 1225 году папу постигаетъ новое разочарованіе: императоръ снова откладываетъ походъ на два года и въ то же время двумя мѣрами обнаруживаетъ истинныя цѣли своей политики. Вступая въ бракъ съ Іолантой и принимая титулъ короля Іерусалимскаго, онъ придаетъ предстоящему крестовому походу династическій характеръ, чего вовсе не имѣли въ виду въ Римѣ, а затѣмъ императоръ рѣшился воспользоваться навязаннымъ ему церковью походомъ, чтобы утвердить свое положеніе въ Италіи и главнымъ образомъ въ Ломбардіи. Фридрихъ заводитъ рѣчь о „возстановленіи правъ имперіи“, требуетъ военной службы отъ обитателей Сполето, находившихся подъ владычествомъ Рима, и на Пасху 1226 г. созываетъ сеймъ въ Кремону для обсужденія предполагаемаго похода,

---

[1]) Особенно важенъ въ этомъ отношеніи эдиктъ, подписанный въ Равеннѣ въ 1232 г. Императоръ выражалъ въ немъ твердое желаніе „уничтожить всѣми средствами въ Германіи, гдѣ царила всегда истинная вѣра, еретическую скверну“. Папскіе инквизиторы были поставлены подъ особое покровительство императора. Они оставили послѣ себя самую печальную память въ странѣ, и глава ихъ, Конрадъ Марбургскій, носившій титулъ inquisitor hereticae pravitatis, погибъ насильственною смертью въ 1233 году.

а главное—утвержденія порядка и мира въ имперіи. Въ Ломбардіи поняли замыслы Фридриха, и города рѣшили отстоять свою свободу и права, которыя они въ прошломъ столѣтіи купили дорогой цѣной.

Ломбардскій союзъ былъ возобновленъ на 25 лѣтъ, проходы въ Германію были заперты, и сеймъ не могъ состояться. Фридрихъ не хотѣлъ пропустить момента, когда римская курія, связанная предстоящимъ походомъ, не могла открыто поддержать ломбардскіе города: онъ положилъ на нихъ опалу и объявилъ ихъ лишенными всѣхъ правъ, пріобрѣтенныхъ по Констанцскому миру [1]).

Въ то же время назначенный легатомъ крестоваго похода епископъ Гильдесгеймскій отлучилъ города отъ церкви. Гонорій III не призналъ этого отлученія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не находилъ въ себѣ рѣшимости открыто выступить противъ Фридриха. Смерть его, послѣдовавшая въ мартѣ 1227 г., выручила Римъ изъ затруднительнаго положенія. Мѣсто Гонорія III занялъ, подъ именемъ Григорія IX, Уголино Конти, родственникъ Иннокентія III по крови и духу. Убѣжденный приверженецъ іерархической идеи, Григорій IX, несмотря на свой 80-тилѣтній возрастъ, былъ полонъ энергіи и горячности. Съ такимъ противникомъ нельзя было продолжать прежнюю игру, и Фридриху оставалось или открыто вступить въ борьбу съ папствомъ, или же дать поймать себя на данныхъ имъ обѣщаніяхъ и выполнить то, чего желала римская церковь. Фридрихъ предпочелъ послѣднее. Вмѣшательство папы остановило готовую вспыхнуть въ Ломбардіи грозу; крестоносное ополченіе, въ коромъ соединились нѣмецкія, итальянскія и отчасти французскія силы, собралось въ Бриндизи и оттуда вышло въ море. 8-го сентября отплылъ и самъ императоръ, но уже 11-го онъ вернулся обратно въ виду постигшей его болѣзни. Нѣтъ никакого основанія заподозрѣвать въ данномъ случаѣ поведеніе Фридриха. Болѣзни, дѣйствительно, свирѣпствовали въ легерѣ крестоносцевъ, и сопровождавшій Фридриха ландграфъ Людвигъ Тюрингенскій умеръ вскорѣ послѣ этого возвращенія. Но въ Римѣ обрадовались возможности вызвать разрывъ съ императоромъ. Григорій IX ухватился за удобный случай вывести церковь изъ того неяснаго и невыгоднаго положенія, въ которое поставила ее излишняя уступчивость его предшественника. 29 сентября въ Ананьи папа отлучилъ Фридриха отъ церкви и наложилъ интердиктъ на всѣ мѣстности, гдѣ онъ будетъ

---

[1]) Это рѣшеніе касалось городовъ: Милана, Вероны, Піаченцы, Верчеллъ, Лоди, Александріи, Тревизо, Падуи, Виченцы, Турина, Новары, Мантуи, Бреши, Болоньи и Фаенцы.

находиться. Предлогомъ было выставлено уклоненіе отъ похода, но настоящей причиной былъ, конечно, быстрый ростъ могущества Гогенштауфеновъ и возобновленіе той опасности, которая угрожала церкви нѣкогда со стороны Генриха VI. Посланія папы, составленныя въ такихъ страстныхъ выраженіяхъ, которыя ясно показывали, насколько земные интересы руководили Римомъ, разнесли осужденіе императора по католическому міру. Гордая энергія Гогенштауфеновъ проснулась въ Фридрихѣ. Въ отвѣтномъ посланіи онъ не столько останавливается на оправданіи своего возвращенія, сколько принципіально нападаетъ на политику папы. Онъ обвиняетъ его въ незаконномъ стремленіи ко всемірному господству и призываетъ европейскихъ государей къ совмѣстному отраженію грозящей имъ со стороны Рима опасности, при чемъ въ судьбѣ, постигшей Раймунда Тулузскаго и Іоанна Безземельнаго, указываетъ ожидающую ихъ будущность. Обвиненіямъ папы въ распущенномъ образѣ жизни онъ противополагаетъ указаніе на уклоненіе отъ идеала самой церкви и этимъ какъ бы становится на точку зрѣнія тѣхъ сектъ, которыя онъ самъ преслѣдовалъ. Фридрихъ приказываетъ прочитать въ Капитоліи этотъ манифестъ „по волѣ сената и народа римскаго“, беретъ обратно сдѣланныя имъ уступки Риму Анконской марки и владѣній Матильды и на праздникъ Пасхи 1228 г. поднимаетъ черезъ партію Франжипани мятежъ въ Римѣ, который заставляетъ бѣжать Григорія IX.

Еще непріятнѣе было для Григорія то, что отлученный императоръ въ іюнѣ 1228 г. отплылъ въ Святую землю, несмотря на то, что папа отмѣнилъ крестовый походъ. Фридрихъ хотѣлъ показать міру, что онъ заботится объ интересахъ христіанства болѣе, нежели папа. Въ Римѣ поняли опасность и употребили всѣ мѣры, чтобы сдѣлать походъ Фридриха безуспѣшнымъ. Католическое духовенство и орденъ тампліеровъ получили инструкцію противодѣйствовать всѣмъ мѣрамъ императора, а когда не смутившійся этимъ Фридрихъ надѣлъ на себя безъ церковныхъ обрядовъ королевскую корону въ Іерусалимѣ, архіепископъ кесарійскій наложилъ интердиктъ на Святыя мѣста. Въ то же время въ Европѣ распространяли всевозможныя клеветы на дѣятельность императора, его обвиняли даже въ томъ, что онъ продавалъ интересы христіанства мусульманамъ. Принимая во вниманіе эти неблагопріятныя условія, нельзя не удивляться результатамъ, достигнутымъ Фридрихомъ. Отказавшись отъ химерическихъ плановъ уничтожить невѣрныхъ, онъ предпочелъ вступить съ ними въ соглашеніе. Договоръ, заклю-

ченный съ султаномъ Малекъ-ель-Камилемъ въ февралѣ 1229 г., далъ христіанамъ больше, чѣмъ сколько они добились раньше съ оружіемъ въ рукахъ. Въ пользу Фридриха свидѣтельствуютъ въ данномъ случаѣ и показанія такой достойной личности, какъ Германъ Зальца, и то, что папа самъ одобрилъ потомъ это соглашеніе. Въ Римѣ, впрочемъ, и не давали себѣ особеннаго труда маскировать свои цѣли, и, когда въ томъ же году Іоаннъ Бріенскій съ папскими войсками вторгнулся въ Апулію, было ясно, что дѣло шло о томъ, чтобы разорвать опасное для Рима соединеніе Сициліи съ имперіей. Фридрихъ принужденъ былъ вернуться, чтобы защищать свои владѣнія. Папскія войска были вытѣснены изъ предѣловъ Сицилійскаго королевства, и 23 іюля 1229 г. при посредствѣ герцога Леопольда Австрійскаго и Германа Зальца былъ заключенъ миръ въ С. Жермано. Папѣ были гарантированы его свѣтскія владѣнія и верховныя права надъ Сициліей, Фридрихъ отказывался отъ вознагражденія за совершенныя папою опустошенія въ Апуліи и освобождался отъ наложеннаго на него отлученія. 1 сентября между обоими противниками состоялось торжественное свиданіе въ Ананьи. „Папа говорилъ со мною отъ чистаго сердца,—писалъ по этому случаю Фридрихъ,—онъ успокоилъ и прояснилъ мою душу, я не хочу вспоминать болѣе о прошломъ“. Съ своей стороны Григорій IX пишетъ: „Императоръ явился на свиданіе съ нами съ сыновнимъ усердіемъ и преданностью, мы очень тепло бесѣдовали другъ съ другомъ, и я видѣлъ, что онъ былъ готовъ всѣми силами исполнять наши наставленія и наши желанія“. Заявленія эти не могли быть искренними: съ обѣихъ сторонъ смотрѣли на соглашеніе въ С. Жермано, какъ на вынужденное перемиріе, а не вѣчный миръ. Въ особенности Фридрихъ могъ быть убѣжденъ, что міровое господство Рима можетъ быть основано только на полномъ паденіи Гогенштауфеновъ, и въ слѣдующее затѣмъ мирное пятилѣтіе онъ развертываетъ изумительную дѣятельность. Онъ старается создать себѣ прочное положеніе противъ Рима, но при этомъ въ Сициліи и Германіи онъ идетъ совершенно различными путями.

Политика императора въ Сициліи.

Обнародованныя въ 1231 г. въ г. Мельфи „Конституціи Сицилійскаго королевства“ составляютъ эпоху въ исторіи государственныхъ учрежденій Европы. Это была радикальная попытка замѣнить феодальное государство такимъ порядкомъ, въ которомъ бы король, обезпечивая спокойствіе въ странѣ, пользовался за то безграничной властью и поглощалъ своей личностью всю общественную жизнь. Въ дни своей юности Фридрихъ испыталъ всѣ неудоб-

ства феодальнаго строя, и такъ какъ этотъ строй былъ насильственно введенъ въ чуждое ему первоначальное норманское государство, то не представлялось большого труда ввести въ жизнь эти новыя „конституціи“. Создавая строго-бюрократическую систему, которая безпрекословно проводила королевскую волю отъ центральнаго правительства до самыхъ низшихъ инстанцій и отдаленныхъ уголковъ государства, Фридрихъ не только создавалъ себѣ неограниченную власть, но достигалъ и другой, не менѣе важной цѣли. При новомъ строѣ Сицилійское королевство выходило изъ-подъ вліянія римской церкви, и верховныя права св. Петра теряли всякое практическое значеніе. Отсюда—то противодѣйствіе, которое оказывалъ законодательной дѣятельности Фридриха Григорій IX; но римскія увѣщанія не оказали дѣйствія ни на самого императора, ни на его главнаго сотрудника въ этомъ дѣлѣ, архіепископа Іакова Капуанскаго.

Нападеніе на феодальный міръ было сдѣлано одновременно съ двухъ сторонъ: со стороны владѣній и со стороны правъ. Земли, захваченныя въ смутное время изъ королевскихъ доменовъ, должны были быть возвращены; всѣ укрѣпленія, построенныя сеньёрами со времени смерти послѣдняго норманскаго короля Вильгельма II, срыты. Подчиненная административной и судебной власти королевскихъ чиновниковъ, феодальная знать теряла свои былыя привилегіи. Сеньёры теряли навсегда право уголовнаго суда въ своихъ доменахъ и въ то же время, наравнѣ съ простыми людьми, подлежали смерти, если совершали убійство. Они не могли носить оружія, если не состояли на королевской службѣ; даже для брака ихъ дѣтей требовалось королевское разрѣшеніе. Новыя „конституціи“ были не менѣе строги и по отношенію къ церкви. Духовенство подлежитъ отнынѣ королевской юрисдикціи и налогамъ; за исключеніемъ немногихъ случаевъ, въ родѣ прелюбодѣянія, оно лишается права суда надъ мірянами, точно такъ же, какъ и права занимать общественныя должности. Церковь теряла и съ матеріальной стороны, такъ какъ было запрещено жертвовать или продавать ей землю. Подобныя же ограниченія постигли и городскія общины: онѣ потеряли право избирать себѣ подестъ, консуловъ или ректоровъ. Въ новомъ государствѣ не можетъ быть никакой независимой власти рядомъ съ неограниченной властью короля. Правда, король собираетъ иногда сеймы и даже, чего до сихъ поръ никогда не было, приглашаетъ на нихъ представителей отъ городовъ, но собранія эти не играютъ никакой роли. Относительно городскихъ

представителей мы не можемъ теперь даже сказать, подавали ли они тамъ свое мнѣніе или только выслушивали королевскія инструкціи.

Весь государственный механизмъ представляется намъ по новымъ „конституціямъ“ въ слѣдующемъ видѣ. Во главѣ государства стоитъ король, облеченный неограниченною властью. При этомъ власть законодательная находится исключительно въ его рукахъ, а власть административная и судебная передается имъ въ извѣстныхъ предѣлахъ тѣмъ или другимъ сановникамъ, по его волѣ назначаемымъ и смѣняемымъ. Центральными учрежденіями являются Magna curia съ обширными полномочіями въ области суда и администраціи и Magna curia rationum, завѣдывавшая финансами страны. Magna curia, засѣдавшая въ Капуѣ, состояла изъ 4 юстиціаріевъ подъ предсѣдательствомъ великаго юстиціарія. Послѣдній былъ главнымъ сановникомъ государства и носилъ почетный титулъ „зеркала справедливости“. Его суду подлежали непосредственно всѣ вопросы о компетенціи учрежденій, государственныя преступленія и важнѣйшіе вопросы леннаго права; онъ же былъ высшей инстанціей для всѣхъ другихъ дѣлъ. Гдѣ пребывалъ великій юстиціарій, тамъ низшія инстанціи прекращали свою дѣятельность. Въ административно-судебномъ отношеніи все королевство распадалось на 4 части, и во главѣ каждой стояли особый юстиціарій и камерарій. Первому принадлежали уголовный судъ и завѣдываніе полиціей, второму— гражданскій судъ и финансовое управленіе.

На финансовую сторону въ законодательствѣ Фридриха было обращено особое вниманіе. Вся система казалась направленной главнымъ образомъ на то, чтобы извлечь государству возможно большую сумму доходовъ, и въ этомъ отношеніи королевство Фридриха оставило далеко за собою всю остальную Европу. Доходы казны были самаго различнаго происхожденія: они шли съ королевскихъ доменовъ, которыми въ каждой провинціи завѣдывалъ особый прокураторъ и которые частью эксплуатировались хозяйственнымъ способомъ, частью отдавались въ аренду, съ поземельнаго налога, такъ называемой коллекты, нѣкогда сбиравшейся въ исключительныхъ случаяхъ, но теперь обратившейся въ постоянный налогъ, и цѣлаго ряда налоговъ косвенныхъ. И здѣсь Фридрихъ какъ бы опережаетъ свое время, вводя стѣснительную и мелочную опеку надъ народныхъ хозяйствомъ. Торговля солью, желѣзомъ, мѣдью и сырымъ шелкомъ была признана государственной монополіей, торговля хлѣбомъ была обставлена такими мѣрами,

что и ее можно было до извѣстной степени считать монополіей. Вывозныя пошлины были чрезвычайно высоки: со скота и хлѣба брали натурою третью часть. Таможенная система была строго разработана и обходилась государству очень дорого. Внутреннее производство и торговля были также очень стѣснены: со всѣхъ главныхъ предметовъ потребленія, въ родѣ рыбы, плодовъ и т. п., брали извѣстный налогъ. Къ королевскимъ доходамъ относились и конфискаціи имуществъ, нерѣдкія при частыхъ въ странѣ смутахъ. Но чесмотря на массу этихъ налоговъ, напрягавшихъ иногда до послѣдней степени платежныя силы его богатой страны, правительство Фридриха нуждалось въ деньгахъ. Такъ много поглощали денегъ роскошный дворъ короля, необходимое содержаніе большихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ [1]) и дорого стоющая бюрократическая машина, на которой держалось его управленіе. Строго последовательное во всѣхъ своихъ частяхъ государственное зданіе, построенное Фридрихомъ, создало ему неограниченное положеніе въ странѣ, какого не имѣли современные монархи. Но въ томъ деспотическомъ характерѣ, которымъ была проникнута его система, лежало и ея осужденіе. Было предусмотрѣно все, что касается военныхъ, финансовыхъ и полицейскихъ повинностей подданныхъ, но о правахъ ихъ мало или вовсе не упоминалось. Гнетъ этой системы тяжело ложился на страну, тѣмъ болѣе, что соединеніе судебныхъ и административныхъ функцій въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ порождало массу злоупотребленій, противъ которыхъ мало помогали постоянныя ревизіи и чисто мелочный контроль высшей администраціи. Неудобства эти особенно чувствовались во время отсутствія императора, и въ 1240 г. онъ установилъ для такихъ случаевъ нѣчто въ родѣ военной диктатуры, замѣняя на это время великаго юстиціарія оберъ-юстиціаріемъ и капитаномъ, стоявшимъ во главѣ военныхъ силъ королевства. Въ этомъ дополненіи всего яснѣе сказался деспотическій характеръ всего учрежденія.

Политика въ Германіи.

Совершенно иного направленія держалась дѣятельность Фридриха въ Германіи. Центръ тяжести своего политическаго положенія Фридрихъ перенесъ въ Сицилію, и рядомъ съ ней германская корона имѣла для него второстепенное значеніе. Родившись и воспи-

---

[1]) Сухопутныя войска состояли изъ ополченія коронныхъ вассаловъ—единственнаго остатка феодальной системы—и значительныхъ наемныхъ отрядовъ. На флотъ было обращено особое вниманіе. Большія корабельныя верфи и магазины со всѣми необходимыми приспособленіями были построены въ Мессинѣ, Неаполѣ и Бриндизи. Тамъ же стоялъ и военный флотъ.

тавшись въ Италіи, Фридрихъ былъ гораздо менѣе нѣмцемъ, нежели норманномъ, и его политика въ Германіи носила династическій и личный, но никакъ не національный характеръ. Преслѣдуя свою цѣль,—соединить въ рукахъ Гогенштауфеновъ короны Германіи и Сициліи и утвердить свое положеніе въ Италіи въ ущербъ притязаніямъ папы,—Фридрихъ хотѣлъ создать въ Германіи такой порядокъ, который по возможности развязалъ бы ему руки въ Италіи. Для этого онъ рѣшилъ привязать къ своему дому и своей политикѣ германскихъ князей, поступившись въ ихъ пользу правами своей королевской власти и свободой германскихъ городовъ. Достигая отчасти желанной цѣли, Фридрихъ нанесъ этимъ много вреда самой странѣ: феодальная разрозненность, уступавшая уже мѣсто централизаціи власти въ другихъ государствахъ, окрѣпла еще болѣе на почвѣ Германіи и подготовила печальную эпоху междуцарствія.

Уже на Франкфуртскомъ сеймѣ 1220 г. Фридрихъ далъ значительныя привилегіи духовнымъ князьямъ, предоставивши имъ между прочимъ право располагать своимъ достояніемъ по духовному завѣщанію; но особенно важны для послѣдующей исторіи Германіи постановленія сеймовъ Вормсскаго 1231 и Равеннскаго 1232 г. На первомъ Фридрихъ обнародовалъ актъ первостепенной важности—Statutum in favorem principum ecclesiasticorum et mundanorum. Этимъ статутомъ князьямъ обезпечивались почти полныя права верховной власти въ предѣлахъ ихъ владѣній (такъ наз. Landeshoheit), и города приносились имъ въ жертву. „Всякій князь“—читаемъ мы въ этомъ актѣ — „долженъ свободно пользоваться, согласно обычаямъ страны, всѣми правами, судомъ, графствами и сотнями, которыя ему принадлежатъ, какъ собственность или какъ ленъ. Графы этихъ сотенъ будутъ владѣть ими отъ имени мѣстнаго государя“. Владѣнія крупныхъ феодальныхъ владѣльцевъ начинаютъ такимъ образомъ принимать характеръ маленькихъ государствъ. „Горожане, именуемые Phalburgeri“ [1])—читаемъ мы дальше — „теряютъ свои права... Люди, зависящіе отъ князей, дворянъ и церквей, не будутъ болѣе допускаться въ королевскіе города. Домены и лены, занятые городами, будутъ возвращены князьямъ, дворянамъ, ихъ людямъ и церквамъ. Города не будутъ имѣть права суда внѣ городскихъ стѣнъ. Король не будетъ строить новыхъ замковъ и городовъ въ ущербъ князьямъ. Онъ не будетъ

---

[1]) Лица, не жившія въ городѣ, но пользовавшіяся правами горожанъ.

чеканить во владѣніяхъ князя новой монеты, которая могла бы вредить монетѣ послѣдняго. Всякій епископъ и князь имперіи долженъ и можетъ, въ интересахъ имперіи и своихъ собственныхъ, укрѣплять свой городъ рвомъ, стѣною и всякимъ другимъ способомъ". Для этой почти неограниченной княжеской власти дѣлается только одна оговорка: князья не могутъ дѣлать новыхъ постановленій и устанавливать новыхъ правъ безъ согласія представителей страны.

Въ рѣшеніяхъ Равеннскаго сейма мы читаемъ еще болѣе жестокія строки относительно муниципальной свободы, которую императоръ называлъ „ядовитымъ растеніемъ" и которую онъ хотѣлъ „вырвать съ корнемъ" и въ Германіи и въ Италіи. „Въ Германіи укоренились отвратительные обычаи, которые подъ личиною общаго блага скрываютъ въ себѣ ложныя и несправедливыя начала. Права имперскихъ князей страдаютъ отъ этого, и поэтому ослабляется и императорская власть. Мы желаемъ, чтобы права и милости, предоставленныя князьямъ императоромъ, были истолковываемы въ самомъ широкомъ смыслѣ и чтобы они пользовались ими безпрепятственно. Поэтому этимъ эдиктомъ мы отмѣняемъ и кассируемъ во всѣхъ городахъ и мѣстностяхъ Германіи общины, совѣты, магистратовъ или ректоровъ гражданъ и всѣхъ остальныхъ сановниковъ, поставленныхъ общиной безъ согласія архіепископовъ и епископовъ. Мы отмѣняемъ также всѣ товарищества и союзы ремесленниковъ... Въ былое время управленіе городами и всѣми землями, данными императорами, принадлежало архіепископамъ и епископамъ. Мы желаемъ, чтобы оно было возвращено имъ лично или тѣмъ лицамъ, которыхъ они назначатъ. Мы беремъ обратно всѣ привилегіи, всѣ жалованныя грамоты, которыя великодушіе наше, нашихъ предшественниковъ и даже самихъ архіепископовъ и епископовъ дало въ ущербъ интересамъ князей и имперіи какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и городамъ относительно общинъ и союзовъ". Такими эдиктами Фридрихъ хотѣлъ вернуть на два вѣка назадъ общественное развитіе Германіи. Къ счастью, это было невозможно; рѣшенія, принятыя на этихъ сеймахъ, никогда не были осуществлены вполнѣ на дѣлѣ, и городская свобода не была подавлена настолько, какъ этого желали императоръ и князья. Если иногда императоръ и дѣлаетъ слабыя попытки поднять значеніе императорской власти, то это сопровождается всегда такими оговорками въ пользу княжескихъ интересовъ, которыя лишаютъ эти мѣры серьезнаго значенія. Таковы

были рѣшенія Майнцскаго сейма 1235 года, уничтожившія право частной войны, давшія императорскимъ приговорамъ законодательное значеніе и создавшія въ Германіи верховный королевскій судъ по образцу сицилійскаго. Учрежденіе это сопровождалось, однако, оговоркой, что судъ этотъ некомпетентенъ въ дѣлахъ, касавшихся личности и интересовъ князей.

Цѣль, поставленная Фридрихомъ при такой политикѣ въ Германіи, была до извѣстной степени достигнута. До половины 40-хъ годовъ, когда крайнее напряженіе римской вражды создало противокоролей въ Германіи, императоръ не встрѣчалъ серьезной оппозиціи съ этой стороны. Мало того, въ трудное время, когда молодой Генрихъ задумалъ создать себѣ независимое положеніе въ странѣ противъ отца, лояльное поведеніе большинства князей разстроило его планы. Принужденный искать примиренія съ Фридрихомъ, Генрихъ на свиданіи въ Аквилеѣ далъ клятву не выходить изъ отцовскаго повиновенія, и князья поручились за него императору. Когда же онъ возмутился вновь и въ 1234 году вступилъ въ сношенія съ ломбардскими городами, князья снова остались вѣрны Фридриху. Тогда-то въ 1234 г. Генрихъ былъ лишенъ своего королевскаго сана и отправленъ въ Апулію, а во главѣ германскаго правительства былъ поставленъ сынъ Фридриха отъ второго брака, Конрадъ. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что изъ оппозиціи отцу Генрихъ принялъ подъ свое покровительство гонимые императоромъ города.

Но для самой Германіи отсутствіе сильной правительственной власти было только печально, такъ какъ оно создавало анархію и произволъ сильныхъ. Такіе примѣры, какъ кровавая вражда между архіепископомъ майнцскимъ и ландграфомъ Тюрингенскимъ, не были единичными. Одинъ современный писатель справедливо замѣчаетъ, что страна гибла, „какъ нѣкогда Израиль, когда въ немъ не было царя; всякій дѣлалъ то, что онъ хотѣлъ“. Понятно, что при такомъ отношеніи къ Германіи императоръ мало интересовался распространеніемъ и утвержденіемъ нѣмецкаго элемента за Эльбой и на берегахъ Балтійскаго моря. Если здѣсь были достигнуты за это время важные результаты, то это зависѣло отъ общихъ условій, толкавшихъ нѣмцевъ въ славянскіе предѣлы, и энергіи пограничныхъ князей, сломившихъ могущество Вальдемара II Датскаго.

Ломбардія.

Въ 1235 г. Фридрихъ могъ съ извѣстнымъ чувствомъ удовлетворенія взглянуть на то, что было имъ достигнуто въ Сициліи и Германіи. Оставался еще одинъ существенный для него вопросъ— его отношенія къ Ломбардіи. Не утвердивши прочно своей власти

въ этой странѣ, Фридрихъ не могъ считать своей цѣли вполнѣ достигнутой. Но какъ разъ тутъ императора ждали наибольшія затрудненія. Ломбардскіе города никогда добровольно не согласились бы пожертвовать своей свободой, а за ними стоялъ Григорій IX, ждавшій только удобнаго случая, чтобы возобновить борьбу съ императоромъ. Еще въ 1232 г. ректоры лиги возобновили свой союзъ въ Болоньѣ „противъ всякаго, кто нарушитъ ихъ права или насильственно проникнетъ на ихъ территорію". Они просятъ въ то же время вмѣшательства папы, чтобы „императоръ не вступилъ въ Ломбардію съ арміей", такъ какъ видятъ въ этомъ нарушеніе Констанцскаго мира. Союзы городовъ, съ цѣлью противодѣйствовать Фридриху, образуются и въ средней Италіи: такъ, въ 1237 году соединяются для этой цѣли Сполето, Перуджія, Фолиньо и другіе. Противъ городскихъ союзовъ императоръ поддерживаетъ нѣкоторыхъ тиранновъ, и его главнымъ сподвижникомъ въ сѣверной Италіи былъ жестокій Эццелинъ III изъ фамиліи Романо, подчинившій себѣ Падую, Тревизо и Феррару [1]). Фридрихъ самъ вызвалъ разрывъ, потребовавши отъ ломбардцевъ распущенія союза и безусловнаго признанія его правъ надъ страною. Такъ какъ эти требованія не были приняты, то въ 1236 г. онъ вступаетъ съ значительными силами въ Ломбардію. Немногіе города, какъ-то: Кремона, Бергамо, Парма, Реджіо, Модена и Верона, принимаютъ его сторону. Между тѣмъ лига постепенно расширяется и принимаетъ названіе Societas Lombardiae, Marchiae et Romagnae. Успѣхъ сначала принадлежитъ Фридриху: онъ занимаетъ крѣпкую Мантую и въ ноябрѣ 1237 г. наноситъ лигѣ рѣшительное пораженіе при Кортенуовѣ. Захваченную въ этомъ сраженіи каррочіо миланцевъ онъ посылаетъ въ даръ сенату и народу римскому, конечно, не безъ умысла задѣть этимъ папу, покровителя лиги. Въ письмѣ, сопровождавшемъ этотъ даръ, мы читаемъ то обращеніе къ прошлымъ традиціямъ Рима, котораго тщетно ждали столѣтіе тому назадъ отъ Фридриха Барбаруссы Арнольдъ Брешіанскій и его сторонники и которое не могло не подѣйствовать на легко увлекающихся римлянъ: „Вамъ, Квириты, приписываемъ мы честь нашихъ подвиговъ и всѣхъ побѣдъ, нами одержанныхъ, до того момента, когда мы возвратимся, окруженные великолѣпнымъ успѣхомъ, въ тотъ городъ, откуда мы вышли съ боязнью и безпокойствомъ. И вотъ,

---

[1]) Чтобы лучше привязать къ себѣ этого важнаго союзника, императоръ выдалъ потомъ за него свою побочную дочь Сельваджію.

опережая и воодушевляя примѣромъ нашимъ желаніе вашего патріотизма, мы возвращаемъ къ жизни античныхъ цезарей, которымъ сенатъ и народъ римскій присуждалъ лавры тріумфа. Мы посылаемъ вамъ колесницу побѣжденнаго Милана и доспѣхи разбитыхъ враговъ. Мы даемъ вамъ теперь залогъ нашего величія и нашей славы; мы сочтемся окончательно, когда мы увидимъ умиротворенною Италію, столицу нашей римской имперіи. Примите, Квириты, съ благодарностью доказательства побѣды вашего императора. Пусть они возбудятъ въ вашей душѣ наилучшія надежды; вамъ ручается за это то стараніе, съ которымъ мы хотимъ возобновить античныя традиціи; мы постараемся возстановить древнее величіе вашего города". Императоръ вскорѣ затронулъ интересы Рима и другимъ способомъ. Онъ женилъ своего побочнаго сына Энціо на Аделазіи, вдовѣ Убальдо Висконти, имѣвшей права на часть о. Сардиніи, и Энціо принялъ титулъ короля Сардинскаго. Но Римъ самъ заявлялъ притязанія на этотъ островъ и видѣлъ въ этомъ шагѣ императора вызовъ себѣ. Воспользовавшись неудачей Фридриха подъ Брешіей, которая колебала нѣсколько его положеніе, Григорій IX въ вербное воскресенье, 20 марта 1239 г., отлучилъ его отъ церкви. И это второе отлученіе, подобно первому, было вызвано чисто политическими расчетами папы. Еще до разрыва Григорій IX въ одномъ письмѣ къ Фридриху напоминалъ ему о дарѣ Константина, который, будто бы, вмѣстѣ съ знаками императорскаго достоинства, передалъ римскому первосвященнику не только городъ Римъ, но и всѣ западныя провинціи имперіи. Если папы и передали свѣтской власти „могущество меча", то они нисколько не имѣли въ виду „уменьшить по существу юрисдикцію Рима".—„Ты подчиненъ контролю папы",—заканчиваетъ письмо Григорій. Осуществить этотъ контроль значитъ сломить совсѣмъ имперію, и это попытался теперь сдѣлать папа. Въ предстоящей борьбѣ папа имѣлъ значительныя преимущества передъ Фридрихомъ. Какъ и въ прошломъ столѣтіи, Римъ могъ прикрываться національными интересами Италіи, и его союзники ради собственныхъ выгодъ были тѣснѣе привязаны къ нему, чѣмъ союзники Фридриха, готовые измѣнить при первой неудачѣ. Противъ своекорыстной политики Рима императоръ попробовалъ апеллировать къ общественному мнѣнію Европы, и 20 апрѣля онъ обнародовалъ посланіе, въ которомъ, оправдывая свое отношеніе къ Риму, онъ взываетъ къ посредничеству современныхъ государей. Онъ умоляетъ кардиналовъ собрать вселенскій соборъ и берется доказать на немъ свои обвиненія противъ папства. Онъ

указываетъ затѣмъ государямъ на грозящую и имъ опасность. „Папѣ будетъ легко — пишетъ онъ — унизить другихъ королей и князей, если будетъ сломлено могущество римскаго императора, противъ котораго онъ направилъ свои первые удары. Мы взываемъ къ вашей помощи, чтобы міръ зналъ, что наша общая честь затронута каждый разъ, какъ свѣтскій князь подвергается нападенію“.

Участіе папы въ борьбѣ.

Въ Римѣ дѣлали все возможное, чтобы повредить императору. Францисканскіе монахи проповѣдывали войну противъ нечестиваго Гогенштауфена, и папа обѣщалъ участникамъ ея тѣ преимущества, которыми пользовались только крестоносцы[1]). Легатъ папы въ Германіи, Альбертъ Бегамскій, архидіаконъ Пассаускій, пытался создать тамъ другого короля въ лицѣ Абеля Датскаго. Онъ привлекъ на свою сторону короля Богемскаго и герцоговъ Австрійскаго и Баварскаго, но его замыслы были разстроены архіепископомъ Зигфридомъ Майнцскимъ, правившимъ отъ имени малолѣтняго Конрада. Вообще германскіе епископы оставались пока вѣрны императору, который такъ много для нихъ сдѣлалъ. Но папа готовилъ императору новый ударъ: онъ созвалъ на пасху 1241 г. соборъ въ Римѣ, чтобы придать болѣе торжественный характеръ осужденію императора. На такой соборъ, созванный въ Римѣ и бывшій подъ давленіемъ папы, Фридрихъ не могъ согласиться. Нужно было во что бы то ни стало его разстроить.

Императорскій флотъ, предводимый королемъ Энціо, напалъ близъ Мелоріи на генуэзскую флотилію, которая везла епископовъ, ѣхавшихъ на соборъ и сѣвшихъ на суда въ Генуѣ. Изъ 27 кораблей 22 попали въ руки Энціо, и цѣлая толпа архіепископовъ французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ и испанскихъ оказалась въ плѣну и была отвезена въ Неаполь. Соборъ не состоялся къ великому неудовольствію Григорія IX. Военныя дѣйствія въ Италіи не прекратились даже тогда, когда пришла страшная вѣсть о монгольскомъ нашествіи на Германію. Правда, татары повернули скоро обратно, но то, что обѣ главы западнаго христіанства, занятыя своими распрями, ничего не сдѣлали для отраженія этихъ варваровъ, еще разъ доказало европейскимъ народамъ, что отнынѣ они должны разсчитывать только на свои собственныя силы. Въ это время, 21 августа 1241 года, скончался почти въ столѣтнемъ воз-

---

[1]) Въ энцикликахъ папы къ личности отлученнаго императора примѣнялись самыя яркія краски апокалипсиса: „Страшный звѣрь выплылъ изъ моря. У него ноги медвѣдя, зубы льва, члены леопарда, онъ открываетъ пасть только для того, чтобы поносить имя Господа“ и т. д.

растѣ Григорій IX. Онъ палъ какъ бы на полѣ битвы, не уступивши ничего изъ своихъ высокихъ притязаній.

Иннокентій IV.

Узнавши о смерти своего противника, Фридрихъ поспѣшилъ доказать свои миролюбивыя намѣренія: онъ очистилъ римскія владѣнія и освободилъ большинство захваченныхъ въ плѣнъ прелатовъ. Но кардиналы не могутъ никакъ придти къ соглашенію среди смутъ, господствующихъ въ Римѣ. Выбранный въ ноябрѣ 1241 г., Целестинъ IV умираетъ до своего посвященія, и почти два года римскій престолъ остается вакантнымъ. Это не могло не нанести ущерба римскому авторитету, и среди наиболѣе самостоятельно поставленной галликанской церкви возникала было мысль обойтись помимо римскаго главенства. Наконецъ, въ іюнѣ 1243 года Синибальдо Фіески занялъ папскій престолъ подъ именемъ Иннокентія IV. Уже самое имя новаго папы указывало на дорогу, которой онъ будетъ слѣдовать, и Фридрихъ былъ правъ, выразившись, что онъ потерялъ дружественнаго ему кардинала, чтобы найти враждебнаго папу. Это не помѣшало ему, однако, вступить въ мирные переговоры съ Иннокентіемъ. Со стороны Рима были поставлены самыя тяжелыя условія: полная амнистія всѣмъ противникамъ императора, вознагражденіе церкви за убытки и безусловное подчиненіе папскому авторитету во всѣхъ церковныхъ вопросахъ. Чтобы доказать свое миролюбіе, Фридрихъ въ мартѣ 1244 г. принялъ въ принципѣ эти условія, разсчитывая въ дальнѣйшихъ переговорахъ привести ихъ къ болѣе выгодному для себя толкованію. Но римская курія оказалась крайне неподатливой въ этомъ отношеніи, и такъ какъ она настаивала, чтобы мирныя условія были распространены и на ломбардскіе города, то переговоры оборвались. Тогда папа вмѣстѣ съ кардиналами тайно покинулъ Римъ, гдѣ онъ не сознавалъ себя вполнѣ безопаснымъ, и на генуэзскихъ судахъ бѣжалъ въ Геную. Болѣзнь задержала Иннокентія IV въ этомъ городѣ, и отсюда онъ обратился съ просьбою къ Людовику IX позволить ему пріѣхать во Францію и тамъ собрать вселенскій соборъ. Несмотря на ходатайство Клюнійскаго монастыря, гдѣ короля застало письмо папы, Людовикъ, ссылаясь на мнѣніе бароновъ, отвѣчаетъ отказомъ. Тотъ же отвѣтъ даетъ и король Англіи, и папа направляется тогда въ Ліонъ, входившій въ составъ имперіи, но представлявшій собственно собою городскую республику подъ верховной властью архіепископа. Изъ Ліона были разосланы грамоты, созывавшія вселенскій соборъ въ этомъ городѣ на іюнь 1245 года.

На приглашеніе папы откликнулись преимущественно епископы

романскихъ странъ; англійскихъ прибыло мало, а изъ Германіи, кромѣ папскаго легата, всего двое. Фридрихъ не ожидалъ для себя ничего хорошаго отъ этого собора, но, такъ какъ не могъ помѣшать ему собраться, то онъ отправилъ на него своимъ уполномоченнымъ великаго юстиціарія Ѳаддея Суэсскаго. Соборъ былъ открытъ 28 іюня въ соборномъ храмѣ Ліона. Папа началъ рѣчь на слова псалма: „Много огорченій въ сердцѣ моемъ". Онъ перечислилъ пять заботъ, тяготящихъ его: испорченность прелатовъ, высокомѣріе сарацинъ, греческую схизму, нашествіе монголовъ и преслѣдованіе церкви императоромъ Фридрихомъ. Сравнивая эти заботы съ пятью ранами Спасителя, онъ словами пророка Іереміи (плачъ Іереміи 1,12) обращался къ присутствующимъ: „Да не будетъ этого съ вами, вы, проходящіе путемъ! Взгляните и посмотрите, есть ли болѣзнь, какъ моя болѣзнь, какая постигла меня, какую наслалъ на меня Господь въ день пламеннаго гнѣва своего?" Но изъ пяти своихъ заботъ папа прямо перешелъ къ послѣдней, т.-е. къ императору Фридриху. Вопросы, поднятые на предварительномъ засѣданіи уполномоченнымъ отъ Англіи и присутствовавшимъ лично на соборѣ латинскимъ императоромъ Балдуиномъ, были отсрочены папою.

Напрасно Ѳаддей Суэсскій указывалъ на миролюбивое настроеніе императора и предлагалъ новыя уступки съ его стороны, если папа сниметъ съ него отлученіе; напрасно также указывалъ онъ на королей Англіи и Франціи, готовыхъ поручиться за Фридриха. Иннокентій отклонилъ это предложеніе, заявляя, что онъ не желаетъ имѣть трехъ враговъ вмѣсто одного. Онъ ставилъ ультиматумомъ Фридриху немедленное очищеніе Папской Области и подчиненіе ломбардскаго вопроса его рѣшенію. На засѣданіи 5 іюля папа подвергъ самой строгой критикѣ всю частную жизнь императора. Ѳаддей Суэсскій съ большимъ искусствомъ опровергалъ обвиненія папы и потребовалъ затѣмъ отсрочки засѣданій, чтобы дать возможность Фридриху прислать новыя инструкціи или прибыть лично. Это нисколько не входило въ планы папы, но, такъ какъ Ѳаддея энергично поддержали уполномоченные королей Франціи и Англіи, то Иннокентій далъ отсрочку на 12 дней. Это былъ слишкомъ малый срокъ, даже если принять во вниманіе, что императоръ самъ подвинулся къ французской границѣ и находился уже въ Туринѣ. Дѣйствительно, новые уполномоченные Фридриха не успѣли доѣхать до Ліона, какъ папа, воспользовавшись истеченіемъ назначеннаго имъ срока, собралъ третье засѣданіе собора 17 іюля. Декретъ,

осуждавшій Фридриха, былъ уже выработанъ заранѣе въ тайныхъ засѣданіяхъ и подписанъ 150 прелатами, преимущественно французскими и испанскими. Осужденный за клятвопреступленіе, оскорбленіе церкви, еретическія мнѣнія, преступныя сношенія съ магометанами и нарушеніе ленныхъ обязанностей, Фридрихъ лишался своихъ коронъ и владѣній; его подданные освобождались отъ принесенной ему присяги, тѣ же, которые сохраняли ему вѣрность, подлежали отлученію. Германскимъ князьямъ предоставлялось выбрать новаго короля, а дальнѣйшую судьбу Сициліи папа предоставлялъ своему усмотрѣнію. Ѳаддею Суэсскому ничего не оставалось, какъ апеллировать къ будущему папѣ и будущему вселенскому собору. „Это день гнѣва",—вскричалъ онъ,—„день скорби и гибели, и враги христіанства порадуются этому".—„Я исполнилъ свой долгъ", отвѣчалъ папа: „все остальное въ волѣ Божіей". Современный историкъ, Матвѣй Пари (Paris) разсказываетъ, что Фридрихъ, узнавши о рѣшеніи собора, велѣлъ принести себѣ свои короны и, надѣвши одну изъ нихъ, вскричалъ: „Я еще не потерялъ ея и не потеряю безъ большихъ кровопролитій. Если я былъ обязанъ этому человѣку какимъ-либо послушаніемъ и уваженіемъ, то теперь я свободенъ отъ этого долга".

Фридрихъ упорно выдерживалъ отчаянную и неравную борьбу, потому что враги были со всѣхъ сторонъ. Обращеніе Фридриха къ современнымъ монархамъ не дало ничего, кромѣ дипломатическаго вмѣшательства Франціи. Два раза, въ 1245 и 1246 гг., Людовикъ IX имѣлъ свиданіе въ Клюни съ Иннокентіемъ IV, но убѣжденія французскаго короля не произвели желаннаго воздѣйствія на политику папы. Между тѣмъ проповѣдь крестоваго похода противъ Фридриха не осталась безъ результата. Въ Сициліи вспыхивали частыя возстанія, вызываемыя отчасти непомѣрнымъ финансовымъ гнетомъ, такъ какъ эта несчастная страна должна была окупать борьбу императора съ Римомъ. Фридрихъ жестоко усмирялъ эти волненія и поднялъ цѣлое гоненіе на духовенство, державшее сторону папы, Не обращая вниманія на римское отлученіе, онъ силою принуждалъ совершать богослуженіе при своемъ дворѣ. Въ Германіи пришло въ движеніе все, что такъ или иначе могло выиграть отъ измѣны императору. Здѣсь продолжалъ дѣйствовать противъ Фридриха энергичный легатъ папы, Альбертъ Бегамскій. „Возвратить престолъ Фридриху II!"—писалъ онъ герцогу Баварскому, желавшему остаться вѣрнымъ императору:—„этого не могли бы сдѣлать ангелы и архангелы! Церковь Божія должна одерживать верхъ въ борьбѣ,

которую она принимаетъ, и, если бы у васъ было столько золота, какъ у Соломона, вы не могли бы противиться могуществу Божію и непреклонной волѣ апостольскаго престола". 22 мая 1246 года три рейнскихъ курфюрста,—архіепископъ Зигфридъ перешелъ уже на сторону Рима—выбрали римскимъ королемъ ландграфа Генриха Тюрингенскаго. Послѣднему удалось разбить короля Конрада въ сраженіи при Франкфуртѣ на Майнѣ, но въ началѣ слѣдующаго года смерть избавила императора отъ этого противника. Папская партія поспѣшила создать новаго противо-короля въ лицѣ графа Вильгельма Голландскаго, пережившаго Фридриха. Во время этой борьбы съ врагами отца Конрадъ убѣдился въ ошибкѣ послѣдняго, думавшаго купить привязанность князей пожертвованіемъ городской свободы. Конрадъ привлекъ города на свою сторону и не безъ успѣха пользовался ихъ силами. Съ 1246 года Регенсбургъ становится главнымъ опорнымъ пунктомъ Конрада. Никто не смѣлъ показываться на улицахъ города со знаками крестоваго похода противъ Фридриха, и находившіеся подъ интердиктомъ горожане пріучились обходиться безъ духовенства и сами хоронили своихъ мертвецовъ. Въ Италіи императоръ лично дѣйствовалъ противъ ломбардцевъ и Рима. Его главными помощниками были Эццелинъ Романо, Энціо и другой побочный сынъ его Фридрихъ Антіохійскій, начальствовавшій надъ его войсками въ Тосканѣ. Но счастіе все болѣе и болѣе покидало императора. 18 февраля 1248 года онъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе подъ Пармой, при чемъ враги завладѣли его лагеремъ и въ томъ числѣ его короной и печатью. На слѣдующій годъ новый ударъ постигъ Фридриха: его любимецъ Энціо попалъ въ плѣнъ жителямъ Болоньи, и никакія обѣщанія и угрозы императора не могли возвратить ему свободы. Окруженный измѣнами и заговорами на свою жизнь, Фридрихъ потерялъ довѣріе даже къ самымъ близкимъ къ нему людямъ, и жертвою его подозрительности палъ, между прочимъ, и знаменитый Петръ Винеа. Обвиненный въ сношеніяхъ съ папой и въ попыткѣ отравить императора, Петръ былъ заключенъ, преданъ суду и въ припадкѣ отчаянія разбилъ себѣ черепъ о стѣны своей темницы. Вопросъ о виновности его остался до сихъ поръ неразрѣшеннымъ. Данте, хотя и помѣстилъ его въ аду, не могъ однако вѣрить въ измѣну того, кто, по его словамъ, владѣлъ обоими ключами отъ сердца Фридриха".—„Клянусь", говоритъ Петръ Винеа въ поэмѣ Данте: „что я никогда не измѣнялъ моему столь достойному господину. И если кто-либо изъ васъ вернется въ міръ,

пусть онъ очиститъ мою память, еще страдающую отъ нанесеннаго ей удара".

Кончина Фридриха.

Къ концу 1250 г. счастье какъ будто улыбнулось императору: вѣрные ему кремонцы одержали побѣду надъ ополченіями Болоньи и Феррары. Фридрихъ поспѣшилъ самъ изъ южной Италіи въ Ломбардію, но тяжелая болѣзнь заставила его остановиться въ Фіорентино, небольшомъ мѣстечкѣ близъ Лючеры. Отъ этой болѣзни ему не суждено было уже оправиться. 19 декабря 1250 г. Фридрихъ скончался на рукахъ сына Манфреда, къ которому онъ особенно привязался съ тѣхъ поръ, какъ Энціо былъ для него потерянъ. Архіепископъ Беральдъ Палермскій, преданный другъ императора, причастилъ умирающаго, несмотря на тяготѣвшій надъ нимъ интердиктъ. По поводу этой кончины упомянутый выше Матвѣй Пари пишетъ: „Такимъ образомъ сошелъ съ лица земли величайшій изъ государей, который поражалъ и потрясалъ міръ; онъ скончался, освобожденный отъ проклятія и, какъ говорятъ, облаченный въ одѣяніе цистерціанскаго ордена, сокрушаясь и раскаиваясь удивительнымъ образомъ". Предсмертныя распоряженія императора подтверждаютъ спокойный характеръ его кончины. Это не помѣшало Риму распространить извѣстіе, что Фридрихъ умеръ со скрежетомъ зубовнымъ, какъ и подобало нераскаянному грѣшнику. Папа ликовалъ: „Да возликуетъ небо, да сотрясется земля отъ радости! Громы и бури, такъ давно висящіе надъ нашими головами, по неизреченному милосердію всемогущаго Бога, превратились въ нѣжные зефиры и свѣжія росы". Тѣло Фридриха было положено въ Палермскомъ соборѣ въ великолѣпномъ порфировомъ саркофагѣ, поддерживаемомъ четырьмя львами. Оно было облечено въ драгоцѣнныя восточныя ткани, на которыхъ были вытканы надписи на арабскомъ языкѣ. Вмѣстѣ съ покойнымъ положили въ гробницу его мечъ, державу и корону, за которую онъ такъ долго и упорно боролся. Вмѣсто пышной надписи, составленной архіепископомъ Беральдомъ, на гробницѣ Фридриха находятся теперь только три слова: beatus quia quiescit.

Паденіе Гогенштауфеновъ.

Вмѣстѣ со смертью Фридриха падаетъ окончательно достоинство имперіи и гибнетъ самая фамилія Гогенштауфеновъ. Его сыновья сходятъ со сцены одинъ за другимъ жертвами все той же непримиримой вражды Рима. Въ 1254 году умираетъ во цвѣтѣ лѣтъ императоръ Конрадъ IV, въ 1266 г. въ битвѣ при Гранделлѣ былъ убитъ король Манфредъ Сицилійскій, въ 1272 г. скончался Энціо, до конца жизни оставаясь въ рукахъ болонцевъ. За 4 года передъ

тѣмъ внукъ Фридриха, послѣдній Гогенштауфенъ, Конрадинъ, какъ преступникъ, сложилъ свою голову на плахѣ въ Неаполѣ. Отнынѣ Священная римская имперія становится призракомъ, которому суждено было еще пять съ половиной вѣковъ тяготѣть надъ западной Европой. Преемники Гогенштауфеновъ, практичные Габсбурги, съ самаго начала отказались отъ высокаго идеала своихъ предшественниковъ и, довольствуясь однимъ титуломъ, оставили Италію въ покоѣ.

Но и римская церковь не долго могла торжествовать свою побѣду. Борьба съ Гогенштауфенами доказала духовную несостоятельность Рима: слишкомъ очевидны были мірскія цѣли этой борьбы и непозволительны для церкви тѣ средства, которыми она велась. Кромѣ того, папство, унизивъ имперію и обнаруживъ этимъ свои честолюбивые замыслы, возбудило подозрительность западно-европейскихъ государствъ, доросшихъ уже до національнаго самосознанія и тяготившихся опекой Рима. Черезъ полвѣка Филиппъ IV отомстилъ папѣ за униженіе свѣтской власти, и преемники Иннокентія IV должны были вынести „Вавилонское плѣненіе“ на французской почвѣ. Народное мнѣніе ставило папамъ въ вину печальное состояніе церкви. Матвѣй Пари разсказываетъ между прочимъ въ своей хроникѣ, будто преемникъ Иннокентія, Александръ IV, видѣлъ во снѣ, какъ Христосъ, сидя на престолѣ, произносилъ приговоръ надъ покойнымъ папой въ присутствіи жены, олицетворявшей собою церковь. Папа былъ обвиненъ въ томъ, что онъ разорилъ церковь, и Христосъ осудилъ его.

Царствованіе Фридриха и его борьба съ папствомъ оставили послѣ себя надолго воспоминаніе и въ Италіи и въ Германіи. Это была слишкомъ выдающаяся и оригинальная личность, чтобы не поразить воображенія современниковъ. Мистическое направленіе его времени связывало съ нимъ самыя противорѣчивыя ожиданія. Въ то время, какъ францисканцы, бывшіе его врагами, хотѣли видѣть въ немъ антихриста, пришедшаго погубить церковь, въ Швабіи, въ концѣ его царствованія, доминиканцы, видѣвшіе въ свою очередь антихриста въ папѣ, называли Фридриха и его сына „совершенными“ и „праведными“ и ожидали, что императоръ будетъ защитникомъ и преобразователемъ церкви.

Смерть Фридриха, противорѣчившая этимъ ожиданіямъ, не разрушила однако связанныхъ съ нимъ апокалипсическихъ надеждъ. Ей не хотѣли вѣрить, и отсюда цѣлый рядъ самозванцевъ, прикрывавшихся его именемъ. Такой самозванецъ явился въ южной Италіи

въ 1259 г. и нашелъ поддержку у враждебныхъ Манфреду бароновъ Сициліи и Апуліи. Въ 1283 году подъ именемъ Фридриха выступилъ въ Кельнѣ нѣкій Дитрихъ Гольцшу (Holzshuh) и имѣлъ такой успѣхъ, что даже ломбардскіе города посылали освѣдомиться о его личности. Самозванецъ былъ сожженъ, какъ колдунъ, въ Майнцѣ, но черезъ нѣсколько времени въ Любекѣ появился другой. Легенда не умерла и тогда, когда нельзя было уже болѣе сомнѣваться въ смерти императора. Она измѣнила только свой характеръ: стали ждать, что въ извѣстную минуту онъ вернется къ жизни, и съ этимъ ожиданіемъ стали связываться тѣ или другія завѣтныя мечты въ родѣ возстановленія всеобщаго мира, освобожденія Гроба Господня и т. п. Въ 1348 году Іоаннъ Винтертуръ сообщаетъ, что Фридриха ждутъ во главѣ громадной арміи и что онъ преобразуетъ весь существующій порядокъ. „Ему необходимо вернуться, прибавляютъ тѣ, которые такъ думаютъ, даже если онъ разрубленъ въ куски, даже если онъ обращенъ въ пепелъ въ пламени костра“. Легенда XV в. помѣщаетъ императора въ замокъ Кифгёйзеръ въ Тюрингіи: онъ сидитъ тамъ, склонившись головою на столъ, вокругъ котораго обвилась его длинная борода. Еще во времена Карла V, въ 1537 году одна поэма предвѣщала его возвращеніе. Лишь позднѣе народная память стала подставлять въ этой легендѣ вмѣсто Фридриха II его дѣда Фридриха Барбаруссу, а популярная баллада Рюкерта, вышедшая въ 1813 году, окончательно утвердила эту новую редакцію въ ущербъ первоначальному характеру легенды.

С. Рашковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

19. Подготовка феодализма. *Павелъ Виноградовъ*. 1

Европа I в. и Европа XI в. 1. Двѣ стороны романизаціи. 2. Регрессивное движеніе въ имперіи. 3. Перерожденіе языка. 4. Искусство. 5. Хозяйство. 6. Аристократія поздней имперіи. 8. Военный строй. 9. Коммендація и вассалитетъ. 10. Иммунитетъ. 11. Бенефицій. 12. Секуляризація и рыцарская служба. 13.

20. Альфредъ Великій. *Павелъ Виноградовъ*. 16

Англія въ римское время. 16. Завоеваніе англосаксовъ. 17. Успѣхи хозяйства. 18. Зачатки просвѣщенія у англосаксовъ. 19. Государство и дружина. 19. Набѣги норманновъ. 20. Рагнаръ Лодброгъ. 22. Датскіе набѣги на Англію. 23. Измѣненія въ военномъ строѣ. 25. Заботы о просвѣщеніи. 26. Переводы Альфреда. 28.

21. Набѣги викинговъ. *Б. Гольденвейзеръ*. 31

Норманскіе пираты. 31. Уставъ викинга. 32. Вліяніе походовъ на викинговъ. 34. Впечатлѣніе набѣговъ на европейскія государства. 35. Гастингъ. 37. Взятіе Луны. 38. Осада Парижа. 39.

22. Феодъ и сеньёрія. *Евг. Щепкинъ*. 42

Обычаи и записи обычаевъ. 42. Аллодъ. 43. Бенефицій. 45. Феодъ. 46. Лены безъ земельной основы. 47. Переходъ земель по наслѣдству. 48. Опека. 49. Отчужденіе лена. 50. Знатность. 51. Hommage и foi. 53. Военная служба. 55. Служба въ куріи. 56. Денежныя повинности. 57. Возвращеніе лена сеньёру. 59. Обязанности сеньёра. 61. Разрушеніе феодальной зависимости. 62. Война. 65. Мелкія сеньёріи. 67. Крупныя сеньёріи. 68. Ордонансы и штаты. 71. Судъ. 72. Должностныя лица. 74. Церковь. 76. Министеріалы. 77. Англійскій маноръ. 79. Сельскій сходъ. 81.

23. Сельское населеніе Германіи въ XI и XII вв. *Алексѣй Кедровъ* 85

Свободные земледѣльцы въ древней Германіи. 85. Крупное землевладѣніе въ древней Германіи. 86. Зависимое крестьянство. 87. Организація помѣстья. 88. Крестьянское хозяйство. 89. Оброкъ и барщина. 90.

Стр.

24. Французскіе города въ средніе вѣка. *С. Моравскій*. . . 92

Упадокъ городовъ въ варварскихъ государствахъ. 92. Положеніе виллановъ. 94. Внѣшній видъ города. 95. Возрожденіе промышленности и торговли. 96. Городскія корпораціи. 99. Возстанія городского населенія. 101. Ланская коммуна. 102. Уничтоженіе коммуны. 103. Бунтъ въ Ланѣ. 105. Разграбленіе Лана. 106. Послѣдующая исторія Лана. 108. Значеніе коммунальнаго движенія. 111. Коммуна. 113. Сеньёръ города. 116. Городской совѣтъ. 117. Мэръ. 118. Участіе народа въ управленіи. 119. Финансы. 120. Финансовый упадокъ коммунъ. 123. Политическое вырожденіе коммунъ. 124. Ville de bourgeoisie. 126. Орлеанъ. 128. Грамота Лорри. 129. Villes neuves. 131.

25. Свв. Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе. *П. Лавровъ* 133

I. Паннонское житіе св. Кирилла: Вступленіе. 133. Происхожденіе Константина. 136. Дѣтскіе годы. 137. Годы ученья въ Царьградѣ. 138. Диспутъ Константина съ патріархомъ Анніемъ (иконоборцемъ). 140. Сарацинская миссія. 141. Хазарская миссія. 145. Обрѣтеніе мощей св. Климента. 146. Бесѣды съ хазарами. 147. Пренія съ іудеями. 149. Проповѣдь у народа фуллскаго. 156. Призывъ въ Моравію и изобрѣтеніе славянскихъ письменъ. 158. Установленіе богослуженія на славянскомъ языкѣ. 161. Диспутъ въ Венеціи. 162. Встрѣча въ Римѣ съ папой Адріаномъ II. Пребываніе въ Римѣ. 165. Болѣзнь и кончина св. Кирилла. 166. II. Паннонское житіе св. Меѳодія: Вступленіе. 168. Происхожденіе Меѳодія. 170. Меѳодій у хазаръ и въ Моравіи. 171. Меѳодій поставляется епископомъ въ Панноніи. 173. Нѣмецкое духовенство преслѣдуетъ Меѳодія. 175. Меѳодій архіепископъ въ Моравіи. 175. Путешествіе Меѳодія въ Царьградъ. 177. Труды по переводу Священнаго Писанія. 178. Послѣдніе дни и кончина Меѳодія. 179. III. Житіе Климента, епископа болгарскаго (болгарская легенда): Вступленіе. 180. Изобрѣтеніе письменъ и переводъ Священнаго Писанія. 182. Путешествіе въ Римъ. 183. Кончина Кирилла. 184. Меѳодій епископъ въ Моравіи. 185. Обращеніе въ христіанство Бориса, князя болгарскаго. 186. Борьба съ нѣмецкимъ духовенствомъ противъ filioque. 187. Кончина Меѳодія. Гораздъ, его преемникъ въ Моравіи. 189. Борьба учениковъ Меѳодія противъ filioque. 191. Преслѣдованіе учениковъ Меѳодія въ Моравіи. 196. Удаленіе ихъ въ Болгарію. 198. Ученики Меѳодія у Бориса и его сановниковъ. 200. Климентъ въ Кутмичевицѣ. 202. Пастырская и учительская дѣятельность Климента. 202. Смерть Бориса. 204. Климентъ поставляется епископомъ Велицы. 204. Пастырскіе труды Климента. 205. Литературные труды Климента. Поученія на праздничные дни. 205. Переводъ Цвѣтной Тріоди. 209. Кончина Климента. 210. Заключеніе. 211. IV. Житіе и перенесеніе мощей св. Климента: Константинъ

Стр.

и хазары. 213. Константинъ въ Херсонесѣ. 214. Обрѣтеніе мощей. 214. Проповѣдь въ Хазаріи. 216. Посольство Ростислава. 216. Путешествіе въ Римъ. 217. Кончина Константина. 218.

26. Симеонъ, царь болгарскій. *М. Покровскій* 221

Славяне и Византія. 221. Первыя поселенія славянъ на Балканскомъ полуостровѣ. 223. Болгаре. 224. Бытъ болгаръ. 225. Война съ Никифоромъ. 227. Романское и греческое вліяніе. 228. Проповѣдь христіанства. 229. Крещеніе кн. Бориса. 230. Молодость Симеона. 232. Война съ Львомъ VI и мадьярами. 233. Первая война съ Константиномъ VII. 235. Значеніе Анатоліи. 239. Значеніе Константинополя. 240. Нападеніе хорватовъ. 242. Смерть Симеона. 243.

27. Никифоръ Фока. *Дм. Каринскій* 247

Задачи Византіи. 247. Реакція противъ Ислама. 248. Разграбленіе Өессалоники. 249. Фамилія Фока. 251. Характеристика Никифора. 251. Состояніе мусульманскаго міра. 252. Составъ византійскаго войска. 253. Флотъ. 254. Высадка въ Критѣ. 255. Осада Хандакса. 257. Паденіе Хандакса. 259. Малоазіатскій походъ. 260. Походы въ Киликію и Сирію. 263. Отношенія къ западной Имперіи. 264. Путешествіе Ліутпранда. 265. Пріемъ у императора. 266. Пиръ. 267. Переговоры грековъ съ Ліутпрандомъ. 269. Обратное путешествіе Ліутпранда. 271. Убійство Никифора 273.

28. Папа Николай I. *Н. Шамонинъ* 275

Духовная и свѣтская власть въ половинѣ IX вѣка. 275. Исидоровы декреталіи. 276. Папа Николай I. 277. Столкновеніе съ Равенной. 277. Столкновеніе съ Реймсомъ. 278. Споръ съ Кельномъ и Триромъ. 278. Столкновеніе съ Фотіемъ. 280. Заключеніе. 281.

29. Оттонъ Великій. *Виталій Эйнгорнъ*. 283

Характеристика Оттона. 284. Избраніе Оттона въ короли. 284. Коронація Оттона. 285. Борьба Оттона съ герцогами. 286. Ограниченіе власти герцоговъ. 288. Королевская власть и феодализмъ. 289. Возстаніе Ліудольфа и Конрада. Усиленіе королевской власти и упроченіе германскаго единства. 290. Правленіе Оттона. 292. Отношеніе Оттона къ церкви. 292. Война Оттона съ славянами. 296. Начало онѣмеченія балтійскихъ славянъ. 297. Заботы Оттона о распространеніи христіанства среди славянъ. 297. Возстаніе Стоинѣва. 298. Подчиненіе Польши и сношенія съ Русью. 299. Датская марка. 299. Борьба Оттона съ венграми. 299. Битва при Лехѣ и ея значеніе. 300. Отношенія Оттона къ Бургундіи, Франціи и Италіи. 302. Оттонъ и Адельгейда. 302. Первые переговоры о принятіи императорскаго титула. 304. Избраніе

Стр.

Оттона II въ короли. 304. Оттонъ, Беренгарій и Іоаннъ XII. 304. Положеніе Италіи въ половинѣ X в. 305. Второй походъ Оттона въ Италію и принятіе императорскаго титула. 307. Отношеніе Оттона къ папѣ. 308. Имперія Оттона. 309. Отношенія къ арабамъ. 310. Третій походъ въ Италію. 311. Отношенія къ Византіи. 311. Кончина Оттона. 312.

30. Религіозно-общественный идеалъ папы Григорія VII-го. *Кн. Е. Трубецкой*. 314

Григорій—преемникъ Августина. 316. Августинъ—родоначальникъ теократическаго идеала среднихъ вѣковъ. 318. Бракъ духовенства. 320. Симонія. 321. Расхищеніе церковныхъ имуществъ женатыми духовными и симонистами. 322. Свѣтская инвеститура. 323. Мірообъемлющій планъ Григорія. 325. Настроеніе Григорія. 326. Отвѣтственность папы за грѣхи міра. 328. Разнообразіе дѣятельности папы. 329. Двоякаго рода задачи теократіи. 330. Планъ крестоваго похода. 330. Политика Григорія. 331. Заботы о скандинавскихъ государствахъ. 332. Идея международнаго царства церкви. 332. Папа, какъ всемірный законодатель, учитель и воспитатель народовъ. 333. Борьба противъ неурядицы феодальнаго быта. 335. Папа, какъ всемірный сюзеренъ. 336. Теоретическое оправданіе ленныхъ притязаній папы. 337. Оригиналенъ ли Григорій, какъ дѣятель церковной реформы? 338. Идея безбрачія у предшественниковъ Григорія. Петръ Даміани. 339. Идея безбрачія у Григорія. 340. Григорій о симоніи. 341. Насильственныя мѣры противъ брака духовенства и симоніи. 342. Борьба противъ свѣтской инвеституры. 344. Значеніе инвеституры въ германскомъ королевствѣ и имперіи. 346. Доводы защитниковъ свѣтской власти въ пользу инвеституры. 347. Цѣли Григорія въ борьбѣ противъ инвеституры. 348. Значеніе св. Петра въ теократической системѣ Григорія. 350. „Благодать св. Петра". 350. Непогрѣшимость и святость папы. 351. Замѣна Христа св. Петромъ у Григорія. 352. Значеніе св. Петра въ жизни мірского общества. 352. Вопросъ о правѣ папы отлучать царей. 354. Аргументъ a fortiori. 355. Причины партійнаго ослѣпленія Григорія и его сторонниковъ. 355. Сліяніе церкви и государства въ теократической системѣ Григорія. 357. Борьба Григорія противъ владычества надъ церковью свѣтской власти. 357. Противорѣчія въ отношеніи Григорія къ свѣтской власти. 358.

31. Ломбардскіе города въ XII вѣкѣ. *С. Рашковъ*. 360

Города и епископы въ Ломбардіи. 361. Устройство городовъ. 362. Фридрихъ Барбаруcса. 364. Первый походъ Фридриха. 367. Второй походъ и взятіе Милана. 368. Опредѣленіе правъ императора. 369. Новая борьба съ Миланомъ. 372. Александръ III. 375. Союзъ ломбардскихъ городовъ съ папой. 376. Пораженіе при Леньяно. 378. Миръ въ Венеціи. 380.

Стр.

32. Папа Иннокентій III. Составлено по статьѣ *В. И. Герье*, „Вѣстникъ Европы“, 1892 г., № 1—2 383

Трактатъ о презрѣніи къ міру. 383. Регистръ Иннокентія III. 387. Каноническое право. 389. Курія, какъ высшая судебная инстанція. 392. „Викарій Христа“. 393. Положеніе папства при вступленіи Иннокентія на престолъ. 395. Римъ и Папская область. 397. Императорская корона. 398. Борьба между Оттономъ IV и Филиппомъ Швабскимъ. 402. Священство и царство. 405. Личность Иннокентія. 408.

33. Фридрихъ II Гогенштауфенъ. *С. Рашковъ*. 410

Положеніе Фридриха II въ исторіи. 410. Дѣтство Фридриха. 411. Образованіе Фридриха. 413. Отношеніе къ церкви. 415. Пріобрѣтеніе императорской короны. 417. Крестовый походъ. 419. Политика императора въ Сициліи. 423. Политика въ Германіи. 426. Ломбардія. 429. Участіе папы въ борьбѣ. 432. Иннокентій IV. 433. Кончива Фридриха. 437. Паденіе Гогенштауфеновъ. 437.

337037

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продается

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ПО ИСТОРІИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

Вып. I, изд. 3-е. М. 1903. Ц. 1 р. 50 к.
Вып. III, изд. 2-е. М. 1902. Ц. 2 р.
Вып. IV, изд. 2-е. М. 1903. Ц. 1 р. 75 к.

Цѣна 1 руб. 40 коп.

D 117 .K58 1903 2 pt.1, IMS

Kniga dlia chtenia po istori
srednikh viekov sostavlennai
kryzhkom prenodavatelei
47094320

PONTIFICAL INSTITUTE
OF MEDIAEVAL STUDIES
59 QUEEN'S PARK
TORONTO 5, CANADA

5